

K581271

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

МАРКС
ЭНГЕЛЬС
ЛЕНИН
СТАЛИН

ПАРТИЗДАТ • 1933

15.1

A.44

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

МАРКС, ЭНГЕЛЬС
ЛЕНИН, СТАЛИН

44685-32
603/0.90

K581271

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1933

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник, в котором приведены и по определенному плану систематизированы извлечения из работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, дает широкую возможность ознакомиться с классическими произведениями диалектического материализма. Круг вопросов и расположение приведенного здесь материала в основном отвечают программе социально-экономических вузов.

Составители сборника всемерно стремились преодолеть обычные для данного типа книги разрозненность и отрывочность материала путем сохранения внутренней связи изложения, а также посредством приведения отдельных произведений полностью. Овладеть материалистической диалектикой можно только в практике революционной борьбы и неустанной работы над всем богатством идей марксизма-ленинизма.

Здесь приведены полностью тезисы Маркса о Людвиге Фейербахе, отдельные главы «Анти-Дюринга» Энгельса, ряд глав из «Диалектики природы», фрагмент «К вопросу о диалектике», «План логики Гегеля», «Карл Маркс», письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и ряд других произведений.

Большое место занимают в сборнике извлечения из философских тетрадей Ленина, опубликованных в IX и XII «Ленинских сборниках». Здесь они систематизированы в соответствии с структурой сборника, благодаря чему облегчается их использование. Помещенная в качестве приложения к главе «Ленинский этап» статья т. Адоратского дает целостное представление о философских произведениях В. И. Ленина.

Составители сочли необходимым выделить в особую главу работы классиков по вопросам теоретического естествознания. В ней даны ответы на все основные вопросы об отношении марксизма-ленинизма к естествознанию.

Глава «Ленинский этап...» содержит ряд важнейших отрывков из произведений Ленина и Сталина, характеризующих то новое, что внесено Лениным и Сталиным в сокровищ-

лицу диалектического материализма, и в частности в области критики ревизионизма (в сборнике приводятся отрывки из работ современных ревизионистов в философии) и социал-фашизма.

В конце книги помещен предметный указатель для облегчения пользования материалом сборника.

Сборник составлен коллективом слушателей ИКП философии в составе тт. *Виноградовой, Калинина, Никитина, Пущу, Рудова и Шаповалова* под руководством т. *Шевкина*.

Составители выражают благодарность т. Пичугину, давшему в процессе работы по составлению сборника ряд очень ценных указаний.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ—
МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА**

1. Исторические условия возникновения марксизма

Новейший социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдений, с одной стороны, над господствующим в современном обществе антагонизмом между имущими и неимущими классами, капиталистами и наемными рабочими, с другой — над анархией, существующей в производстве. Но по своей теоретической форме он кажется на первый взгляд только дальнейшим развитием, как бы более последовательным проведением принципов, установленных великими философами XVIII в. Как всякая новая теория, социализм должен был примкнуть к порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко в экономических фактах.

Великие люди, просветившие французские головы для приближавшейся революции, сами были крайними революционерами. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государство, — все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности. Разум стал единственной меркой, под которую все подводилось. Это было то время, когда, по выражению Гегеля, «мир был поставлен на голову»¹, т. е. когда человеческая голова и придуманные ею теоретические положения предъявляли притязание служить единственным основанием всех человеческих действий и общественных отношений и когда вслед за тем противоречившая этим положениям действительность была фактически ниспровергнута сверху донизу. Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам. Было решено, что до настоящего момента мир руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и несправедливость, привилегии и угнетение уступят место вечной истине, вечной справедливости, естественному равенству и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализованным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что естественное равенство ограничилось равенством граждан

---

¹ Вот что говорит Гегель о французской революции: «Идея, понятие права сразу завоевало себе признание, и ветхие опоры бесправия не могли оказать ей никакого сопротивления. Идея права положена в основание конституции, и теперь все должно опираться на нее. С тех пор как солнце светит на небе и вокруг него обращаются планеты, еще никогда не было, чтобы человек становился на голову, т. е. перестраивал действительность по идеям. Анаксагор первый сказал, что разум управляет миром; но только теперь впервые человек дошел до признания, что мысль должна господствовать в сфере духовной действительности. Это был величественный восход солнца. Все мыслящие люди радостно приветствовали наступление новой эпохи. Торжественное настроение господствовало над этим временем, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые его примирение с божеством» (Гегель, Философия истории, стр. 535, 1840 г.).

перед законом, а существеннейшим из прав человека было объявлено право буржуазной собственности. Разумное государство и «общественный договор» Руссо оказались и могли оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Мыслители XVIII в., как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые ставила им тогдашняя эпоха.

Но рядом с борьбой между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представителя всего остального общества, существовал общий антагонизм — эксплуататоров и эксплуатируемых, богатых туенядцев и трудящихся бедняков. Именно он дал возможность представителям буржуазии явиться защитниками не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того, буржуазия с самого начала уже носила в себе своего будущего противника: капиталисты не могли существовать без наемных рабочих, и те самые условия, в которых средневековый цеховой мастер развивался в современного капиталиста, заставили цехового подмастерья и не принадлежащего к цеху поденщика превратиться в пролетария. И хотя требования, которые защищало третье сословие в *своей борьбе с дворянством*, в общих чертах действительно соответствовали интересам различных слоев трудящегося населения того времени, тем не менее при каждом крупном восстании горожан вспыхивало самостоятельное движение того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение перекрещенцев и Томаса Мюнцера в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров — во время английской революции, Бабефа — во время французской. Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса возникали и соответствующие теории: утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII вв., а в XVIII в. уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение отдельных личностей; доказывалась необходимость уничтожить не только классовые привилегии, но и самые классы. Аскетически суровый, спартанский коммунизм, осуждавший всякое наслаждение, был первым проявлением нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон, у которого буржуазные стремления уживались еще отчасти с защитой интересов пролетариата, Фурье и, наконец, Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденного этим способом производства антагонизма выработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Эти три великих утописта сходились между собою в том, что никогда не выступали защитниками интересов исторически развившегося к тому времени пролетариата. Подобно философам XVIII в., они хотели с самого начала освободить все человечество, а не данный только общественный класс. Подобно этим философам, они хотели основать царство разума и вечной справедливости, но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума французских просветителей. Буржуазный порядок, основанный на принципах философов XVIII в., так же неразумен и несправедлив и должен быть отброшен с таким же презрением, как феодализм и все прежние общественные формы. До сих пор истинные законы разума и справедливости не были известны человечеству, и только по этой причине оно ими не руководилось. Для его счастья недоставало того гениального человека, который явился теперь поведать миру всю истину. Что он появился именно теперь, что истина открыта только теперь, — это вовсе не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежно ведшего к нему, а просто случайностью. Гениальный человек мог с таким же удобством родиться пятьсот лет назад и тем избавить человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Мирозозерпание утопистов долго господствовало над социалистическими воззрениями XIX в. и отчасти господствует еще поныне. Его держались все английские и, до недавнего времени, все французские социалисты, а также прежние немецкие коммунисты, не исключая Вейтлинга. Социализм, в их представлении, есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость различны у каждого основателя школы и обуславливаются субъективным складом его ума, условиями его жизни, количеством его познаний и способом мышления. Поэтому при столкновении этих различных сортов абсолютной истины примирение возможно лишь путем сглаживания их взаимных противоречий. Из этого не могло выработаться ничего, кроме особого рода эклектического, среднего социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства рабочих-социалистов Англии и Франции. Этот эклектический социализм представляет собою пеструю смесь из наиболее общепризнанных критических замечаний, экономических положений и идеальных представлений различных основателей сект; эта смесь получается тем легче, чем скорее ее составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратиться в науку, социализм должен был, прежде всего, стать на реальную почву. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 11—13, 1932 г.)

* * *

Мы видели, каким образом подготовлявшие революцию философы XVIII в. апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали основания разумного государства, разумного общества и безжалостного устранения всего, стоящего в противоречии с вечным разумом. Мы видели также, что этот вечный разум оказался в действительности лишь идеализированным рассудком третьего сословия, готового превратиться в современную буржуазию. Если общественный строй и новое государство, созданные французской революцией, и могли казаться разумными по сравнению со старыми учреждениями, — они были во всяком случае очень далеки от абсолютной разумности. Царство разума потерпело крушение. Общественный договор Руссо нашел себе применение в господстве террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в испорченности директории, а потом под крылом наполеоновского деспотизма. Обетованный вечный мир превратился в бесконечные завоевательные войны.

Не более посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатством и бедностью, вместо того чтобы разрешиться во всеобщее благоденствие, напротив, усилилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших до известной степени ее прикрытием, а также вследствие исчезновения церковной благотворительности, несколько смягчавшей бедствия нищеты. [Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения мелкую собственность именно этим магнатам и превратилась таким образом для этих мелких буржуа и крестьян в свободу от собственности.] Быстрое развитие промышленности на капиталистическом основании скоро возвело бедность и страдания рабочих масс в необходимое условие существования общества. [Чистоган стал, по выражению Карлейля, единственным связующим элементом этого общества.] Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодалов, прежде выставлявшиеся напоказ, теперь на время ступевались, зато тем пышнее распустились на их месте

пороки буржуазии, прежде робко скрывавшиеся во тьме. Торговля все более и более проникалась мошенничеством. Революционный девиз «братство» осуществился в плутнях и во вражде конкуренции. Подкуп заменил грубое насилие, и, вместо меча, главным рычагом общественной жизни стали деньги. «Право первой ночи» по наследству перешло от феодалов к фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак превратился в законом признанную форму разврата, в его официальный покров, дополняясь к тому же многочисленными незаконными связями. Одним словом, возникшие вслед за «победой разума» политические и общественные учреждения оказались самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII в. Недоставало только людей, способных констатировать всеобщее разочарование, и эти люди явились с началом нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основание его теории относится еще к 1799 г.; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взялся за управление Нью-Ланарком.

Но в это время капиталистическое производство, а с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом, было еще очень незримо. Крупная промышленность была неизвестна во Франции и только что возникла в Англии. А между тем лишь крупная промышленность развивает борьбу не только между созданными ею классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена, и лишь эти, создаваемые крупной промышленностью, столкновения ведут с роковой необходимостью к перевороту в способе производства и к устранению его капиталистического характера, причем та же крупная промышленность в гигантском развитии производительных сил дает также средство для разрешения ею же созданных противоречий. Если в 1800 г. сама борьба, вытекающая из современного общественного порядка, только что зарождалась, то тем менее было в наличии средств для ее устранения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на минуту власть и смогли таким образом направить буржуазную революцию против самой же буржуазии, но их минутная победа послужила наилучшим доказательством всей невозможности прочного господства рабочего класса при тогдашних условиях. Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих людей, составлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельному политическому действию. Он являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей беспомощности ждать избавления только от какой-нибудь внешней, высшей силы.

Это историческое положение отразилось и на учениях основателей социализма. Незрелому капиталистическому производству, невыясненности взаимного положения классов соответствовали и незрелые теории. Приходилось изобретать, а не открывать решение общественных задач, еще окутанное туманом неразвитых экономических отношений. Очевидны были только недостатки общественного строя, найти же средства к их устранению казалось задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, самую совершенную систему человеческих отношений и привить ее к существующему обществу посредством пропаганды, а по возможности и посредством примера образцовых учреждений по новой системе. Эти новые социальные системы были заранее обречены оставаться утопиями, и чем старательнее разрабатывались их подробности, тем дальше уносились они в область чистой фантазии.

Утопическая сторона социалистических теорий теперь уже всецело отошла в область истории, и мы не будем останавливаться на ней ни минуты долее, предоставив литературным лавочникам à la Дюринг самодовольно перетрашивать эти смешные фантазии и любоваться трезвостью своего образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Мы гораздо охотнее стараемся найти под фантастическим

покровом зародыши гениальных идей, всюду разбросанные в теориях великих утопистов, но незаметные для слепых филистеров.

[Сен-Симона можно назвать сыном Великой французской революции, при начале которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. большинства нации, занятого в производстве и торговле, над до тех пор привилегированными сословиями — дворянством и духовенством. Но победа третьего сословия оказалась в действительности победой маленькой части этого сословия; она свелась к завоеванию политической власти социальне привилегированной частью его, имущей буржуазией. К тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, при помощи спекуляции конфискованными и затем *проданными* земельными владениями дворянства и церкви, с другой — путем надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов привело в эпоху директории Францию и революцию на край гибели и дало вместе с тем предлог Наполеону для его государственного переворота. Таким образом в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Последними являлись не только старые привилегированные, но и все те, кто не принимал участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы, банкиры. Что праздные потеряли способность к духовному руководству и политическому господству — не подлежало никакому сомнению и окончательно было доказано революцией. Что обездоленные не обладали этой способностью, — об этом, по мнению Сен-Симона, свидетельствовал опыт эпохи террора. Кто же должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона, — наука и промышленность, объединенные новой религиозной связью, необходимо мистическим и строго иерархическим «новым христианством», которое должно было восстановить разрушенное со времени реформации единство религиозных воззрений. Но наука — это были ученые, а промышленность — в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде государственных чиновников, доверенных лиц всего общества, но по отношению к рабочим они сохраняли распорядительные функции, а также привилегированное экономическое положение. Что касается банкиров, то они были призваны регулировать все общественное производство при помощи регулирования кредита. Такой взгляд вполне соответствовал той эпохе, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней противоположность между буржуазией и пролетариатом, только начала развиваться. Но что Сен-Симон особенно подчеркивает, так это следующее: всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» (*la classe la plus nombreuse et la plus pauvre*).]

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симона мы находим положение, что «все люди должны работать»; в том же произведении он утверждает, что господство террора во Франции было господством неимущих масс.

«Посмотрите, — взывает он к этим массам, — что произошло во Франции, когда там господствовали ваши братья: они создали голод!» Нужна была гениальная провидительность, чтобы в 1802 г. понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и *неимущими массами*. В 1816 г. Сен-Симон заявляет, что политика есть наука о производстве, и заранее предсказывает ее полнейшее поглощение экономикой. Если понятие о происхождении политических учреждений из экономических основ видно лишь в зародыше, зато совершенно ясно выражена та мысль, что политическая власть над людьми должна превратиться в управление вещами,

в заведывание процессами производства, т. е. прийти к «упразднению государства», о котором так много шумели в последнее время.

С таким же превосходством над современниками Сен-Симон заявляет в 1814 г., тотчас по вступлении союзников в Париж, а затем в 1815 г. (во время войны ста дней), что союз Франции с Англией и этих двух стран с Германией представляет единственную гарантию мирного развития и процветания Европы. Нужно было больше мужества и исторической дальновзоркости, чтобы в 1815 г. проповедывать французам союз с победителями при Ватерлоо, чем чтобы вести словесную войну с немецкими профессорами.

Если гениальная широта взглядов Сен-Симона позволила ему уловить зародыши почти всех позднейших социалистических идей, не относящихся к области чистой экономики, то Фурье, со своей стороны, дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную при этом с чисто французским остроумием. Он ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкупленных льстецов новейшего времени. Он беспощадно раскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с блистательными обещаниями наступления царства разума, цивилизации, несущей счастье всем, и бесконечного совершенствования человеческого рода; он показывает, какая жалкая действительность соответствует напыщенным хвалебным речам современных ему буржуа-идеологов, и изливает весь свой сарказм на это окончательное фiasco фразы. Благодаря живости своей натуры Фурье является не только критиком, но и сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Сильными и меткими штрихами рисует он спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший французской торговлей послереволюционного периода. Еще удачнее его сатирическое изображение отношений полов в буржуазном обществе и положения в нем женщины. Ему первому принадлежит мысль, что степень свободы, достигнутая данным обществом, должна измеряться большей или меньшей свободой женщины в этом обществе.

Но выше всего поднимается Фурье в своем взгляде на историю человеческих обществ. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикое состояние, варварство, патриархат и цивилизация. Под последней он понимает существующий буржуазный строй, начавшийся с XVI в., и показывает, как «эта цивилизация делает сложным, двусмысленным, двуличным и лицемерным каждый порок, оставшийся в простом виде при варварстве». Он указывает на «заколдованный круг» непобедимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым искренно или притворно она стремится. Например, по его словам, «в цивилизации *бедность порождается самым избытком*». Очевидно, Фурье также мастерски владел диалектикой, как и его современник Гегель. С той же самой диалектической точки зрения он утверждает, вопреки господствовавшей тогда теории о бесконечной способности человека к совершенствованию, что не только каждый исторический фазис имеет свой период роста и упадка, но что и все человечество в конце концов обречено на исчезновение. Эта идея Фурье заняла в исторической науке такое же место, какое заняла в естествознании идея Канта о конечном разрушении земного шара.

В то время как над Францией проносился ураган революции, в Англии совершался менее шумный, но не менее могущественный переворот. Пар и машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали все основы буржуазного общества. Медленный, сонливый ход мануфактуры превратился в настоящий «период бурных стремлений» промышленности. Разделение общества на крупных капиталистов и лишенных всякого имуще-

ства пролетариев совершалось с постоянно возрастающей быстротой, разрушая промежуточные состояния. Устойчивый средний класс старого времени превратился теперь в колеблющуюся, неустойчивую массу ремесленников и мелких торговцев, ведущих необеспеченный образ жизни и составляющих наиболее текучую часть населения. Новый способ производства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным при данных условиях способом производства, а между тем он успел уже породить вопиющие общественные бедствия. Масса бездомного населения скопилась в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушились традиционные связи, патриархальный семейный быт, даже самая семья; крайнее удлинение рабочего дня изнуряло непосильной работой по преимуществу детей и женщины; испорченность нравов в среде рабочего населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия существования, из деревни в город, из земледелия в промышленность, достигла поражающих размеров. И вот за реформу общественных отношений, порождающих такие бедствия, взялся Роберт Оуэн, 29-летний фабрикант, соединявший редкую способность руководить людьми с возвышенной и почти детской простотой характера. Он усвоил себе материалистическое учение XVIII в. об образовании человеческого характера из взаимодействия, с одной стороны, унаследованной организации, а с другой — условий, окружающих человека, в особенности в период его развития.

Большинство его собратьев по положению видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годный для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн искал в ней благоприятных условий для осуществления своей любимой идеи, вносящей порядок в хаос. Он уже пытался, и не без успеха, применить ее в Манчестере, в качестве директора фабрики, занимавшей 500 рабочих. С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Лэнарке, в Шотландии, и, будучи компаньоном в предприятии, действовал здесь с большей свободой и с таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Лэнарка, постепенно возросшее до 2 500 человек и состоявшее из крайне смешанных и по большей части сильно развращенных элементов, он превратил в образованную колонию, в которой пьянство, полиция, тюрьмы, суды, благотворительность и надобность в ней стали неизвестными вещами. Он постиг своей цели единственно тем, что поставил рабочих в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Лэнарке были впервые введены детские сады, придуманные Оуэном. В них принимали детей, начиная с двухлетнего возраста, и так хорошо занимали их, что родители с трудом могли увести домой разыгравшихся питомцев. Рабочий день был уменьшен в Нью-Лэнарке до 10½ часов, тогда как на соперничавших с ним фабриках работа длилась до 13 и 14 часов. А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие продолжали получать полную плату. И при всем том фабрика удвоила свою стоимость и постоянно приносила своим собственникам отличный доход.

Но это все не удовлетворяло Оуэна. Положение, в которое он поставил своих рабочих, в его глазах далеко не соответствовало человеческому достоинству. «Эти люди — мои рабы», говорил он; сравнительно благоприятные условия существования рабочих Нью-Лэнарка были далеко не достаточны для всестороннего развития их ума и характера, не говоря уже о свободном приложении сил и способностей. «А между тем трудящаяся часть этих 2 500 человек создала такое количество реального заработка, для производства которого полвека назад потребовался бы труд 600 тыс. человек. Я спросил себя: куда девается разность между количеством продуктов, потребляемых этими 2 500 рабочими, и тем количеством, которое потребо-

важось бы для прежних 600 тыс.?» Ответ был ясен. Эта разность получалась собственниками фабрики в виде 300 тыс. ф. ст. (6 млн. марок) ежегодного дохода, сверх 5% на основной капитал предприятия. Этот ответ еще в большей степени, чем к Нью-Лэнарку, был применим ко всем остальным фабрикам Англии. «Без нового источника богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и поддержания аристократических принципов общественного устройства. И эта новая сила была делом рук рабочих» [1]. Им поэтому должны принадлежать плоды ее. Новые могучие силы производства, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основами общественного преобразования и должны были служить благосостоянию всех в качестве общественной собственности.

В такой деловой обстановке, основанной, так сказать, на торговом счетоводстве, возник коммунизм Оуэна и до конца сохранил свой практический характер. Так в 1823 г. Оуэн составил проект земледельческих колоний с целью устранения ирландских бедствий и приложил к нему подробное вычисление необходимого основного капитала, ежегодных издержек и предполагаемых доходов. В своем окончательном плане будущего строя Оуэн обращает особенное внимание на техническую сторону дела, тщательно разрабатывает все подробности, прилагает при этом планы, чертежи и рисунки, и все это с таким знанием дела, что если принять его метод общественных реформ, то очень немного можно сказать против подробностей, даже с точки зрения специалиста.

Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна. Пока его деятельность была простой филантропией, она доставляла ему богатство, всеобщее одобрение, почет и славу. Он был тогда популярнейшим человеком в Европе. Его речам благосклонно внимали не только его товарищи по общественному положению, но даже сами государи и министры. Но лишь только он выступил со своими коммунистическими теориями — показалась обратная сторона медали. Три великих препятствия заграждали, по его мнению, путь к общественным реформам: частная собственность, религия и современная форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным среди официального общества и потерять свое социальное положение; но эти соображения ни на волос не убавили энергии его нападения. Произошло именно то, что он предвидел: его изгнали из официального общества; игнорируемый прессой, обедневший благодаря неудачным коммунистическим опытам в Америке, поглотившим все его состояние, он обратился прямо к рабочему классу и трудился в его среде еще тридцать лет. Все общественное движение, все действительные успехи, достигнутые рабочим классом Англии, связаны с именем Оуэна. Так в 1819 г. благодаря его пятилетним усилиям прошел первый закон, ограничивающий работу женщин и детей на фабриках. Под его председательством собрался первый конгресс, на котором тред-юнионы всей Англии соединились в один большой, всеобщий профессиональный союз. Он же организовал, в качестве переходных ступеней к совершенно коммунистическому общественному строю, впервые кооперативные товарищества (потребительные и производительные), полезные уже тем одним, что они доказали полную возможность обходиться без купцов и фабрикантов. Кроме того он устроил рабочие базары, на которых продукты обменивались при помощи бумажных денег, единицей которых служили часы труда. Эти базары неизбежно должны были потерпеть неудачу, но они вполне предвосхи-

[1 Из записки: «The revolution in Mind and Practice», адресованной всем «красным республиканцам, коммунистам и социалистам» Европы и французскому временному правительству 1848 г., но поданной также «королеве Виктории и ее ответственным советникам».]

тили позднейший нруденовский обменный банк, от которого они отличались лишь тем, что не возводились своим изобретателем в универсальное средство от всех зол, а предлагались только как первый шаг к более радикальному переустройству всего общества...

Утописты, как мы видели, были утопистами потому, что они не могли быть ничем иным в эпоху, когда капиталистическое производство было еще так слабо развито. Они принуждены были конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо эти элементы еще не вырисовывались ясно для всех в недрах самого старого общества; набрасывая план нового здания, они были принуждены ограничиваться обращением к разуму, так как они еще не могли апеллировать к современной им истории. Если же теперь, почти через 80 лет после их выступления, г. Дюринг появляется на сцене с претензией вывести «руководящую» систему нового общественного строя не из наличного исторически развившегося материала как его необходимый результат, а из своей суверенной головы, из своего чреватого окончательными истинами разума, то он, который повсюду чует эпигонов, сам является только эпигоном утопистов, — новейшим утопистом. Он называет утопистов «социальными алхимиками». Пусть так! Алхимия в свое время была необходима. Но с тех пор крупная промышленность развила скрывающиеся в капиталистическом способе производства противоречия в столь вопиющие антагонизмы, что приближающийся крах этого способа производства может быть, так сказать, нащупан руками. Новые производительные силы могут сохраниться и развиваться далее лишь при введении нового, соответствующего их нынешней стадии развития способа производства. Постоянная борьба между двумя классами, созданными существующим способом производства, порождающим все большее и большее обострение классовых отношений, охватила все цивилизованные страны и разгорается с каждым днем, так что наконец уже достигнуто понимание этого исторического процесса и условий ставшего благодаря ему необходимым социального преобразования, а также и главных характерных свойств последнего. Если г. Дюринг и теперь фабрикует «утопию» нового общественного строя не из наличного экономического материала, а извлекает ее просто из своего высочайшего черепа, то далеко не достаточно сказать, что он занимается «социальной алхимией». Нет, он поступает хуже, чем тот, кто, после открытия законов современной химии, вздумал бы воскресить старую алхимию и пожелал бы воспользоваться атомным весом, молекулярными формулами, валентностью атомов, кристаллографией и спектральным анализом для открытия *философского камня*. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 183—189, 190—191, 1932 г.)

* * *

Но между тем как естественно-научное мирозерцание могло развиваться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующие положительные знания, — уже значительно раньше совершились исторические события, обусловившие собою решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своего апогея. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала занимать первое место в истории более развитых стран Европы, по мере того как развивалась, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — новоприобретенное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и всеобщем благополучии народа, которое будто бы явится следствием свободной конкуренции. Невозможно уже было не считаться с этими фактами, равно как и с французским и

английским социализмом, который являлся их теоретическим, правда, крайне несовершенным, выражением. Но старое, идеалистическое, еще не отвергнутое воззрение на историю не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, как вообще оно не признавало этих интересов. Производство, как и все экономические отношения, являлось в нем, между прочим, в качестве второстепенного элемента «истории культуры».

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* она, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся общественные классы являются в каждый данный момент результатом отношений производства и средств сношения, — словом, *экономических* отношений своего времени. Экономический строй общества каждой данной эпохи представляет собою ту реальную почву, свойствами которой объясняется в последнем счете вся надстройка, образуемая совокупностью правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и прочих воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории: он сделал его диалектическим, — но его собственный взгляд на нее был идеалистичен по существу. Теперь идеализм был изгнан из его последнего убежища, из области истории, теперь понимание истории стало материалистическим, теперь найден был путь для объяснения человеческого самосознания условиями человеческого существования вместо прежнего объяснения этих условий человеческим самосознанием.

Поэтому социализм является теперь не случайным открытием того или другого гениального ума, а неизбежным следствием борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы измыслить возможно более совершенный общественный строй, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбою, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средство для разрешения этой борьбы. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим взглядом на историю, как несовместимы были с диалектикой и с новейшим естествознанием воззрения французских материалистов на природу. Прежний социализм хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно, не в состоянии был справиться с ним, — он мог лишь объявить его никуда не годным. Чем сильнее восставал он против неизбежной при этом способе производства эксплуатации рабочего класса, тем менее был он в состоянии наглядно объяснить, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и свойственной ему эксплуатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она, в качестве товара, имеет на рынке, он все же извлекает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость есть источник той суммы стоимостей, благодаря которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капиталов. Таким образом было выяснено происхождение капиталистического способа производства, равно как и производства самого капитала.

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством понятия о прибавочной стоимости — мы обязаны *Марксу*. Благодаря им социализм стал теперь наукой, которую нужно лишь разработать во всех ее подробностях и во взаимной связи ее отдельных частей. (*Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 18—19, 1932 г.*)

II. Марксизм как обобщение опыта классовой борьбы пролетариата

Маркс и Энгельс на место мечтаний поставили науку

Маркс и Энгельс первые показали, что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией неизбежно создаст и организует пролетариат; они показали, что не благотворительные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавят человечество от гнетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих научных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетариата требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная классовая борьба организованных рабочих. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом, но когда два друга в 40-х годах приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, такие воззрения были совершенной новостью. Тогда было много талантливых и бездарных, честных и бесчестных людей, которые, увлекаясь борьбой за политическую свободу, борьбой с самодержавием царей, полиции и попов, не видели противположности интересов буржуазии и пролетариата. Эти люди не допускали и мысли, что бы рабочие выступали как самостоятельная общественная сила. С другой стороны, было много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующих классов в несправедливости современного общественного порядка, и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы. Наконец, почти все тогдашние социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате только *язву*, с ужасом смотрели они, как с ростом промышленности растет и эта язва. Поэтому, все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить «колесо истории». В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на непрерывный рост пролетариата. Чем больше пролетариев, тем больше их сила, как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм. В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию, и на место мечтаний поставили науку. (*Ленин, Ф. Энгельс (1895 г.), Соч., т. I, стр. 433—434, изд. 3-е, 1926 г.*).

Стихийность и сознательность

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и *не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.¹. Учение же социализма выросло

¹ Тред-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Тред-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии тред-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в следующей главе.

из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России. (*Ленин, Что делать?* (1902 г.), Соч., т. IV, стр. 384—385, изд. 3-е.)

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*, т. е. извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: *итти к рабочим*. Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *итти во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии. (*Ленин, Что делать?* (1902 г.), Соч., т. IV, стр. 422, изд. 3-е.)

Всемирно-историческая роль пролетариата

Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатания мысли. До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, — теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их. Кто объявляет себя социал-демократом и намерен выступить с социал-демократическим органом, должен с точностью определить свое отношение к вопросу, волнующему далеко не одних только германских социал-демократов.

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно итти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитроисплетенных учений — *классовую борьбу*, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, с *пролетариатом*, который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а *организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества*.

И мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? *Ровно ничего*: они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, черенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов. Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую «критику» Бернштейна, от взглядов которого отреклись теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере).

Мы знаем, что на нас посыплется за эти слова куча обвинений: закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правовверных», преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпнут все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности; защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истинной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом *всякой* критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России. Поэтому мы охотно будем уделять место в нашей газете статьям по теоретическим вопросам и приглашаем всех товарищей к открытому обсуждению спорных пунктов. (*Ленин, Наша программа (1899 г.), Соч., т. II, стр. 491—492, изд. 3-е.*)

Необходимо овладеть знанием мировой науки

Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу нужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом созданная Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного хотя и гениального социалиста XIX в., как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма. И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ:

это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме, изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и главное он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли. (*Ленин, Речь на III Всероссийском съезде РКСМ (1920 г.), Соч., т. XXV стр. 386—387, изд. 3-е.*)

Коммунистический интернационал стоит на точке зрения диалектического материализма

Опираясь на исторический опыт революционного рабочего движения всех континентов и всех народов, Коммунистический интернационал в своей теоретической и практической работе целиком и безоговорочно стоит на точке зрения *революционного марксизма*, получившего свое дальнейшее развитие в *ленинизме*, который есть не что иное, как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

Защищая и пропагандируя *диалектический материализм Маркса — Энгельса*, применяя его как революционный метод познания действительности в целях революционного преобразования этой действительности, Коммунистический интернационал ведет активную борьбу со всеми видами буржуазного мировоззрения и со всеми видами теоретического и практического оппортунизма. Стоя на почве последовательной классовой борьбы пролетариата, соподчиняя временные, частичные, групповые, национальные интересы пролетариата его длительным, общим интернациональным интересам, Коммунистический интернационал беспощадно разоблачает перенятое реформистами у буржуазии учение о «классовом мире» во всех его формах. Выражая историческую потребность в международной организации революционных пролетариев, могильщиков капиталистической системы, Коммунистический интернационал является единственной международной силой, имеющей своей программой диктатуру пролетариата и коммунизм и открыто выступающей *организатором международной революции пролетариата*. (*«Программа Коминтерна», стр. 11—12. Введение.*)

III. Источники и составные части марксизма

Три источника и три составных части марксизма

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, застывшего учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всеильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, не примиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX в. в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся.

I

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII в. во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонов от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга», которые — подобно «Коммунистическому манифесту» — являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII в., а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так *общественное познание* человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества. Политические учреждения являются над-

стройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

II

Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса, — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического, общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *теории стоимости*. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара.

Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл отношение между людьми. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы видим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии — иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным, — сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, — а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, небезопасность существования для массы населения.

Увеличивая зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все большему и большему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом.

III

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, *борьбу классов*.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе без борьбы не на жизнь, а на смерть, между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломать сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, сплачивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закалять свои силы и растет неудержимо. (*Ленин, Три источника и три составных части (1913 г.), Соч., т. XVI, стр. 349—353, изд. 3-е.*)

Место и значение различных составных частей марксизма

Учение Маркса

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX в., принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии,

классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предположить изложение главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его миросозерцания вообще.

Философский материализм

Начиная с 1844—1845 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще в XVIII в. особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекуляции» в отличие от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литературном наследстве»).

«Для Гегеля, — писал Маркс, — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, предисловие ко 2-му изд.).

В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагающая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» (см.): — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи — ...«Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос, ... что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира».

В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись его и Маркса 1844—1845 гг. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет:

«Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма».

Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливый пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики...»

В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «Слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического преращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера — Фохта — Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали: 1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии... 2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; 3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности».

Диалектика

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе.

«Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу, спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.!), «накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу».

Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». А диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

Материалистическое понимание истории

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия. «Технология, — говорит Маркс, — ... вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями...». «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как про-

грессивные эпохи экономической общественной формации». (Сравни краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства»).

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей, и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса.

Классовая борьба

Что стремятся одни члены данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, зстоя и быстрого прогресса или упадка, — эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условии жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается.

«История всех до сих пор существовавших обществ, — говорит Маркс в «Коммунистическом манифесте» (за исключением истории первобытной общины, — добавляет Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия

угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга класса — буржуазию и пролетариат».

Со времени Великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке:

«Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата».

В ряде исторических сочинений (см. *литературу*) Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

Экономическое учение Маркса

«Конечной целью моего сочинения, — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу», — является открытие экономического закона движения современного общества, т. е. капиталистического буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство *товаров*, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

Стоимость

Товар есть, во-первых, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-вторых, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью*. Меновая стоимости (или простостоямость) является прежде

всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общего между ними то, что они — *продукты труда*. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а *абстрактный* человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это.

И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей *общественно-необходимого* рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости.

«Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают».

Стоимость есть отношение между двумя липами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость.

«Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени».

Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу *формы стоимости* и *денег*. Главной задачей Маркса является при этом изучение *происхождения* денежной формы стоимости, изучение *исторического процесса* развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затуманивают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком.

Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства.

«Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство пла-

тежка, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства». («Капитал», I.)

Прибавочная стоимость

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было — Т (товар) — Д (деньги) — Т (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д — Т — Д, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в *капитал*, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравнились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег в праве потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, например, в нашем примере $\frac{6}{12}$, т. е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-первых, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-вторых, наличие «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, «пролетария», которому нечем существовать кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Ана-

лизируя первый прием, Маркс разворачивает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII вв.) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX в.). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно между прочим из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 г., обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ *накопления капитала*, т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на *средства производства* плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию *кризисов* перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«*Историческую тенденцию капиталистического накопления*» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах:

«Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на страстании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных

законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, влечение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизировать все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». («Капитал», I.)

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления, и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при производстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимости, а по *ценам производства* (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общезвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных

товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонов в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *поземельной ренты*. Цена производства сельскохозяйственных продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяйствами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *дифференциальную* ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограничений и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строе-нием капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удерживать цену выше средней, а эта монополия рождает *абсолютную ренту*. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же *может* — например, при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое однако отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Сравня также письмо от 9 августа 1862 г., там же, стр. 86—87.) — К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу внешнеэкономиче-

ческого принуждения), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд тонких (и особенно важных для остальных стран, как Россия) мыслей Маркса об *эволюции капитализма в земледелии*.

«Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами в свою очередь держали крепостных. У этих крестьян развивается таким образом постепенно возможность накапливать известное имущество и превращаться самими в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», т. III², стр. 332)... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», т. I², стр. 778).

Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т. е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», т. I², стр. 668).

Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплоатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплоататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством гипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Классовая борьба во Франции»). «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату».

Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора под видом частного собственника» («Классовая борьба во Франции»).

В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства?» («Капитал», т. III², стр. 340).

В том, что крестьянин отдает обществу (т. е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта.

«Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда» («Капитал», т. III², стр. 340).

Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства деградирует, уничтожается, гибнет при капитализме.

«Мелкая земельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капитала, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много жалким крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.) «Гигантское расширение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелльной (мелкой) собственности».

Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мартиронологии производителей».

«Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», т. I, конец 13 главы).

Социализм

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как

деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготавливаются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отдавая репающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или дрезнегреческую или восточную, которые между прочим в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», т. I, конец 13-й главы).

Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей смышле известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же).

На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации — неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» (хотя созсем не в том смысле, как понимает это буржуазия). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих, по крайней мере цивилизованных стран, «есть одно из первых условий освобождения пролетариата»...

Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так античное государство было прежде всего государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплуатации немецких рабочих капиталистами». (Энгельс в «Протехожден и семья, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды.)

Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, сколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновни-

ков и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет к уничтожению государства.

«Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно «отомрет». «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором». (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».)

Наконец по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысль Маркса:

«Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас конечно будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы». (Энгельс, К аграрному вопросу на Западе, изд. Алексеевой, стр. 17, русск. пер. с оп.бками. Оригинал в «Neue Zeit»).

Тактика классовой борьбы пролетариата

Выяснив еще в 1844—1845 гг.¹ один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении все сочинения Маркса и... переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односложным, мертвым. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылами своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, следовательно, и учет объективной степени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и

¹ Ленин имеет здесь в виду сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство», «Немецкая идеология» и «Тезисы о Фейербахе» Маркса. — *Ред.*

притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитах, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, стр. 127 «Переписки»).

На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического зстоя или черепашого, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе: одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит:

«Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, в начале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достижки этого пункта, коалиция принимает политической характер».

Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, стр. 136, «Переписка с Энгельсом»), отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, стр. 218), как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, стр. 290); как исчезает у него «революционная энергия» (III, стр. 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, стр. 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, стр. 305); как английские вожди рабочих создаются по типу серединки «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, стр. 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, стр. 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (*и исходом*) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения».

Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года». В Германии 1848—1849 гг. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую

буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся между прочим образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена *назад*... «без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом; ...без инициативы;... окаленный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми попытками молодости молодого и здорового народа...» (Новая Рейнская газета, 1848 г., см. «Литературное наследство», т. III, стр. 212). Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (т. III, стр. 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—1849 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер—Виллих и борьба с ними), требуя уметь работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 г.:

«Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», т. II, стр. 108).

Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (т. III, стр. 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму.

«Подло, — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, стр. 217).

В период 1864—1870 гг., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассалья, заигрывающего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним *и на почве*, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», т. III, стр. 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—441). В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (Письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было с точки зрения диалектического материализма Маркса меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его

способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—1878 гг., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», т. IV, стр. 397, 404, 418, 422, 424. Сравн. также письма к Зорге). (Ленин, К. Маркс (1914 г.), Соч., т. XVIII, стр. 8—31, изд. 3-е.)

Главное в марксизме-ленинизме

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это не верно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжину мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма. (Ленин, Государство и революция (1917 г.), Соч., т. XXI, стр. 392, изд. 3-е.)

Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества. (Ленин, Исторические судьбы учения Карла Маркса (1913 г.), Соч., т. XVI, стр. 331, изд. 3-е.)

Взглянув материалистически на мир и человечество, они (Маркс и Энгельс. — Ред.) увидели, что, как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно унижает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат. (Ленин, Фридрих Энгельс (1895 г.), Соч., т. I, стр. 435, изд. 3-е, 1926 г.)

В брошюре «Об основах ленинизма» сказано:

«Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть является вопросом производным».

Правильно ли это положение?

Я думаю, что правильно. Это положение целиком вытекает из определения ленинизма. В самом деле, если ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции, а основным содержанием пролетарской революции является диктатура пролетариата, — то ясно, что главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса.

Тем не менее т. Зяновьев, видимо, не согласен с этим положением. В своей статье «Памяти Ленина» он говорит:

«Вопрос о роли крестьянства, как я уже сказал, является *основным вопросом*¹ большевизма, ленинизма» (см. «Правда» № 35 от 13 февраля 1924 г.).

Это положение т. Зяновьева, как видите, целиком вытекает из неправильного определения ленинизма, данного т. Зяновьевым. Поэтому оно так же неправильно, как неправильно его определение ленинизма.

Правильен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата является «*ключевым содержанием революции*» (см. т. XXIII, стр. 337)? Безусловно, правилен. Правильен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции? Я думаю, что правилен. Но что же из этого следует? А из этого следует то, что основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата.

Разве это не верно, что вопрос об империализме, вопрос о скачкообразном характере развития империализма, вопрос о победе социализма в одной стране, вопрос о государстве пролетариата, вопрос о советской форме этого государства, вопрос о роли партии в системе диктатуры пролетариата, вопрос о путях строительства социализма, — что все эти вопросы разработаны именно Лениным? Разве это не верно, что эти именно вопросы составляют основу, фундамент идеи диктатуры пролетариата? Разве это не верно, что без разработки этих основных вопросов разработка крестьянского вопроса с точки зрения диктатуры пролетариата была бы немыслима?

Слов нет, что Ленин был знатоком крестьянского вопроса. Слов нет, что крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата, имеет важнейшее значение для пролетариата и является составной частью основного вопроса о диктатуре пролетариата. Но разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом основной вопрос о диктатуре пролетариата, то не было бы и производного вопроса о союзнике пролетариата, вопроса о крестьянстве? Разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом практический вопрос о завоевании власти пролетариатом, то не было бы и вопроса о союзе с крестьянством?

Ленин не был бы величайшим пролетарским идеологом, каким он несомненно является, он был бы простым «крестьянским философом», каким его нередко рисуют заграничные литературные обыватели, если бы он вел разработку крестьянского вопроса не на базе теории и тактики диктатуры пролетариата, а помимо этой базы, вне этой базы.

¹ Курсив мой. — И. Ст.

Одно из двух:

либо крестьянский вопрос является главным в ленинизме, и тогда ленинизм не пригоден, не обязателен для стран капиталистически развитых, для стран, не являющихся крестьянскими странами;

либо главным в ленинизме является диктатура пролетариата, и тогда ленинизм является интернациональным учением пролетариев всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе и для капиталистически развитых.

Тут надо выбирать. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 192 — 194, Парт-издат, 1932 г., изд. 9-е.*)

IV. Марксизм не догма, а руководство к действию

Партийность теории

Строгая партийность есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы. И, наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности. Поэтому партия сознательного пролетариата, социал-демократия, вполне законно воюет всегда с беспартийностью и неуклонно работает над созданием принципиально выдержанной, крепко сплоченной социалистической рабочей партии. Работа эта имеет успех в массах по мере того, как развитие капитализма раскалывает весь народ все глубже и глубже на классы, обостряя противоречия между ними.

Вполне понятно, что настоящая революция в России породила и порождает так много беспартийных организаций. Революция эта — демократическая, т. е. буржуазная по своему общественно-экономическому содержанию. Революция эта ниспровергает самодержавно-крепостнический строй, освобождая из-под него строй буржуазный, осуществляя таким образом требования всех классов буржуазного общества, будучи в этом смысле революцией общенародной. Это не значит конечно, чтобы наша революция не была классовой; конечно, нет. Но она направляется против классов и каст, отживших и отживающих с точки зрения буржуазного общества, чуждых этому обществу, мешающих его развитию. А так как вся хозяйственная жизнь страны стала уже во всех ее основных чертах буржуазной, так как гигантское большинство населения живет уже на деле в буржуазных условиях существования, то противоречивые элементы, естественно, малочисленные до мизерности, являются поистине «горсткой» по сравнению с «народом». Классовый характер буржуазной революции проявляется поэтому неизбежно в «общенародном», неклассовом, на первый взгляд, характере борьбы всех классов буржуазного общества против самодержавия и крепостничества.

Эпоха буржуазной революции отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества. Правда, в России капитализм развит теперь значительно выше, чем в Германии 1848 г., не говоря уже о Франции 1789 г., но не подлежит сомнению, что чисто-капиталистические противоречия еще в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями «культуры» и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества, т. е. на первый план выдвигаются такие требования, выполнение которых разовьет капитализм, очистит его от шлаков феодализма, улучшит условия жизни и борьбы для пролетариата, и для буржуазии.

В самом деле, если всмотреться в те требования, наказания, *doléances*, которые в бесчисленном множестве составляются теперь в России на каждом заводе, в каждой канцелярии, в каждом полку, в каждой команде городских, в каждой епархии, в каждом учебном заведении и пр. и пр., то мы легко увидим, что громадное большинство их

чисто «культурные», если можно так выразиться, требования. Я хочу сказать, что это собственно не специфически классовые требования, а требования элементарно правовые, требования, не разрушающие капитализм, а, напротив, вводящие его в рамки европеизма, избавляющие капитализм от варварства, дикости, взятки и прочих «русских» пережитков крепостного права. В сущности, и пролетарские требования ограничиваются в большинстве случаев такими преобразованиями, которые вполне осуществимы в рамках капитализма. Пролетариат российский требует сейчас и немедленно не того, что подрывает капитализм, а того, что очищает его и ускорит, усиливает его развитие.

Разумеется, особое положение пролетариата в капиталистическом обществе ведет к тому, что стремление рабочих к социализму, союз их с социалистической партией прорывается с стихийной силой на самых ранних ступенях движения. Но собственно социалистические требования стоят еще впереди, а на очереди дня — демократические требования рабочих в политике, экономические требования в пределах капитализма в экономике. Даже пролетариат делает революцию, так сказать, в пределах программы-минимум, а не программы-максимум. О крестьянстве, этой гигантской, всеподавляющей своей численностью массе населения, нечего и говорить. Его «программа-максимум», его конечные цели не выходят за пределы капитализма, который еще шире и пышнее развернулся бы при переходе всей земли ко всему крестьянству и ко всему народу. Крестьянская революция есть в настоящее время буржуазная революция — как бы ни «оскорбляли» эти слова сентиментальное ухо сентиментальных рыцарей нашего мещанского социализма.

Очерченный характер происходящей революции порождает беспартийные организации вполне естественно. Отпечаток внешней беспартийности, видимость беспартийности неизбежно приобретает при этом всем движением в целом — но только видимости, конечно. Потребность в «человеческой», культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина охватывает все и вся, объединяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, еще далеко-далеко неспособных подняться до партийности. Насущность ближайших элементарно-необходимых прав и реформ отодвигает, так сказать, помыслы и соображения о чем-либо дальнейшем. Увлечение происходящей борьбой, увлечение необходимое и законное, без которого невозможен успех борьбы, заставляет идеализировать эти ближайшие, элементарные цели, рисует их в розовом свете, облакает даже их иногда в фантастический костюм; простой демократизм, дюжинный буржуазный демократизм, принимается за социализм и зачисляется «по ведомству» социализма. Все и вся как будто «беспартийно»; все и вся как будто свивается в одном «освободительном» (на деле: освобождающем все буржуазное общество) движении; все и вся приобретает легкий, легонький налет «социализма», особенно благодаря передовой роли социалистического пролетариата в демократической борьбе.

Идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом, — ибо мода беспомощно тащится в хвосте у жизни, а самым «обычным» явлением политической поверхности именно и кажется беспартийная организация; беспартийный демократизм, беспартийный стачкизм, беспартийная революционность.

Спрашивается теперь: как должны относиться к этому факту беспартийности и к этой идее беспартийности сторонники, представители разных классов? — должны не в субъективном смысле, а в объективном, т. е. не в том смысле, как следует к этому относиться, а в том смысле, какое отношение к этому факту неизбежно складывается в зависимости от интересов и точек зрения различных классов.

II.

Как мы уже показали, беспартийность есть порождение — или, если хотите, выражение — буржуазного характера нашей революции. Буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества. Кто ведет «беспартийную» борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, «усовершенствование» его до греческих календ. И наоборот, кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности.

В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных, «воздержаться» нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо порождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является, поэтому, на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует. Кто был равнодушен в России к самодержавию до его падения во время Октябрьской революции, тот молчаливо поддерживал самодержавие. Кто равнодушен в современной Европе к господству буржуазии, тот молчаливо поддерживает буржуазию. Кто равнодушно относится к идее о буржуазном характере борьбы за свободу, тот молчаливо поддерживает господство буржуазии в этой борьбе, господство буржуазии в рождающейся свободной России. Политическое безразличие есть политическая сытость. «Безразлично», «равнодушно» относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет «партийным» в вопросе о куске хлеба. «Безразличие и равнодушие» к куску хлеба означает не то, чтобы человек не нуждался в хлебе, а то, что человеку всегда обеспечен хлеб, что он никогда не нуждается в хлебе, что он прочно пристроился в «партии» сытых. Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая. Это положение, в общем и целом, применимо ко всему буржуазному обществу. Конечно надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям. Но забывать эту истину в такое время, когда все буржуазное общество в целом восстает против крепостничества и самодержавия, значит совершенно отказываться на деле от социалистической критики буржуазного общества.

Русская революция, несмотря на то, что она находится еще в начале своего развития, дает уже немало материала для подтверждения изложенных общих соображений. Строгую партийность всегда отстаивала и отстаивает только социал-демократия, партия сознательного пролетариата. Либералы наши, представители взглядов буржуазии, терпеть не могут социалистической партийности и сыныть не хотят о классовой борьбе; вспомнить хотя бы недавние речи С. Родичева, в сотый раз повторившего то, что говорило и пережевывало как заграничное «Освобождение», так и бесчисленные вассальные органы русского либерализма. Наконец идеология промежуточного класса, мелкой буржуазии, нашла себе яркое выражение во взглядах русских «радикалов» разных оттенков, начиная от «Нашей жизни», р.-д. («радикалы-демократы») и кончая «социалистами-революционерами». Эти последние запечатлели

свое смещение социализма и демократизма всего яснее в аграрном вопросе и именно в лозунге «социализация» (земли без социализации капитала). Известно также, что терпимые к буржуазному радикализму, они нетерпимы к идее социал-демократической партийности. (Ленин, *Социалистическая партия и беспартийная резолюционность* (1905 г.), т. VIII, стр. 412—416, изд. 3-е.)

Отличие материализма от субъективизма

Не можем не оставить без возражения одно замечание г. Струве против г. Михайловского. «По его взгляду, — говорит автор, — не существует непреодолимых исторических тенденций, которые, как таковые, должны служить, с одной стороны, исходным пунктом, с другой — обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественных групп».

Это — язык объективиста, а не марксиста (материалиста). Между этими понятиями (системами воззрений) есть разница, на которой следует остановиться, так как непонимание этой разницы принадлежит к основному недостатку книги г. Струве, проявляясь в большинстве его рассуждений.

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и откровенно становиться на точку зрения определенной общественной группы. (Ленин, *Экономическое содержание народничества и критика его в кн. Струве* (1894 г.), Соч., т. I, стр. 287—288, изд. 3-е, 1926 г.)

Теория и практика в марксизме

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. Теоретическая работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрит политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата, — и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую экспроприацию производителей, все больший рост пролетариата и резервной его армии, — и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполнят эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи, — успех, до того забудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед *практической*¹, — тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить только поклонники «субъективного метода в социологии» или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и, наоборот, открытия и показаны эти пути — кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном* пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами:

Studieren, propagandieren, organisieren².

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов, — от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится

¹ Напротив, на первое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-первых, что теоретическая работа дает только ответы на те вопросы, которые предъявляет вторая. А, во-вторых, социал-демократы слишком часто по обстоятельствам, от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не пенять дорого каждого момента, когда возможна работа практическая.

² Изучать, пропагандировать, организовать. — Ред.

к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей. (*Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (1894 г.), Соч., т. I, стр. 196—198, изд. 3-е, 1926 г.*)

Философия связана с политикой

Вы не видите, г. Потресов, живой реальной связи между философским спором и марксистским течением? Позвольте же мне, вчерашнему политику, почтительнейше указать вам на следующие хотя бы обстоятельства и соображения: 1) Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, всегда связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением... 2) При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 году — политические идеи марксизма, в 50-е и 60-е годы — экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне. 3) Время общественной и политической реакции, время «перевариванья» богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест. 4) В передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII в., у немцев — с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха. Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима, и нет ничего странного в том, что эта запоздавшая «разборка» наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел во время недавних великих событий для своей самостоятельной исторической роли. 5) Эта философская «разборка» готовилась давно и в других странах мира постольку, поскольку, например, новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т. е. русское, значение. Европа дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—1910 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал. (*Ленин, Наши утраченные (1911 г.), Соч., т. XV, стр. 88—89 изд. 3-е.*)

Сочетать практику с теорией

... Не подлежит никакому сомнению, что без *сочетания* практической работы комсомольского актива с теоретической его подготовкой («изучение ленинизма») невозможно никакая сколько-нибудь осмысленная коммунистическая работа в комсомоле. Ленинизм есть обобщение опыта революционного движения рабочих всех стран. Этот опыт является той путеводной звездой, которая освещает практикам путь в их повседневной работе и которая дает им направление. Не может быть у практиков ни уверенности в своей работе, ни сознания правильности этой работы, если

они не овладели этим опытом хотя бы в минимальной степени. Работа ощупью, работа в потемках — таков удел практических работников, если они не изучают ленинизма, если они не стремятся овладеть ленинизмом, если они не желают сочетать свою практическую работу с необходимой теоретической подготовкой. Поэтому изучение ленинизма, ленинская учеба является необходимым условием превращения нынешнего комсомольского актива в настоящий ленинский актив, способный воспитать многомиллионную комсомольскую молодежь в духе диктатуры пролетариата и коммунизма. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 190, изд. 9-е, Партиздат, 1932 г.)

Ликвидировать отставание теории от практики

... Если мы имеем основание гордиться *практическими* успехами социалистического строительства, то нельзя то же самое сказать об успехах нашей *теоретической* работы в области экономики вообще, в области сельского хозяйства в особенности. Более того: надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма.

Я не буду здесь распространяться о значении теории. Вам оно достаточно хорошо известно. Известно, что теория, если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет — и не может не иметь — громадное значение в деле нашего социалистического строительства. Беда в том, что мы начинаем хромать именно в этой области, в области теоретической разработки вопросов нашей экономики. Чем же иначе объяснить тот факт, что у нас, в нашей общественно-политической жизни, все еще имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные теории по вопросам нашей экономики? Чем объяснить, что эти теории и теориейки не встречают до сих пор должного отпора? Чем же объяснить, что ряд основных положений марксистско-ленинской политической экономики, являющихся вернейшим противоядием против буржуазных и мелкобуржуазных теорий, начинает забываться, не популяризируется в нашей печати, не выдвигается почему-то на первый план? Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами?

Новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода. По-новому ставится теперь вопрос о напе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии. Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих головы наших практиков. Без этого невозможно выкорчевывание этих теорий, приобретших прочность предрассудков. Ибо только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 442—443, изд. 9-е, Партиздат, 1932 г.)

Теория дает ясность перспективы

В дальнейшем развитие нашей экономики, обострение в ней борьбы между элементами социализма и капитализма, особенно же временная стабилизация капитализма, лишь обострили и усилили значение вопроса о возможности социалистического строительства в нашей стране.

В чем состоит важность этого вопроса с точки зрения партийной практики?

В том, что он затрагивает вопрос о перспективе нашего строительства, о задачах и целях этого строительства. Нельзя строить по-настоящему, не зная, во имя чего строишь. Нельзя двигаться ни на шаг, не зная направления движения. Вопрос о перспективе есть важнейший вопрос нашей партии, привыкшей иметь перед собою ясную и определенную цель. Строим ли мы во имя социализма, в расчете на победу социалистического строительства, или строим на-авось, вслепую, для того чтобы «в ожидании социалистической революции во всем мире» унавожить почву для буржуазной демократии, — в этом теперь один из основных вопросов. Нельзя работать и строить по-настоящему, не имея ясного ответа на этот не менее ясный вопрос. Сотни и тысячи партийных работников, профессионалистов и кооператоров, хозяйственников и культурников, военных работников и комсомольцев обращаются к нам, спрашивают нас, спрашивают нашу партию: к чему вести дело, во имя чего строить? И горе тем руководителям, которые не сумеют или не захотят дать на этот вопрос ясный и определенный ответ, которые начнут вилять хвостом и станут посылать людей от Понтия к Пилату, топя в интеллигентском скептицизме социалистические перспективы нашего строительства.

Большое значение ленинизма в том, между прочим, и состоит, что он не признает строительства на-авось, вслепую, что он не мыслит строительства без перспективы, что он дает на вопрос о перспективе нашей работы ясный и определенный ответ, заявляя, что мы имеем все данные для построения социалистического хозяйства в нашей стране, что мы можем и должны строить полное социалистическое общество. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 174, изд. 9-е.*)

Твердый характер марксизма-ленинизма

Величие Ленина, как продолжателя Маркса и Энгельса, в том именно и состоит, что он не был никогда рабом буквы в марксизме. В своих исследованиях он следовал указанию Маркса, неоднократно говорившего, что марксизм есть не догма, а руководство к действию. Ленин знал это и, строго различая между буквой и сутью марксизма, никогда не считал марксизм догмой, а старался применять марксизм, как основной метод, в новой обстановке капиталистического развития. В том именно и состоит величие Ленина, что он открыто и честно, без колебаний, поставил вопрос о необходимости новой формулы, о возможности победы пролетарской революции в отдельных странах, не боясь того, что оппортунисты всех стран будут цепляться за старую формулу, стараясь прикрыть именем Маркса и Энгельса свое оппортунистическое дело.

С другой стороны, было бы странно требовать от Маркса и Энгельса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в точности за 50—60 лет до развитого монополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата, появившиеся в период монополистического, империалистического капитализма.

И это не первый случай, когда Ленин, исходя из метода Маркса, продолжает дело Маркса и Энгельса, не цепляясь за букву марксизма. Я имею в виду другой аналогичный случай, а именно — случай с вопросом о диктатуре пролетариата. Известно, что по этому вопросу Маркс высказал ту мысль, что диктатура пролетариата, как слом старого государственного аппарата и создание нового аппарата, нового пролетарского государства, является необходимым этапом развития к социализму в странах континента, допустив исключение для Англии и Америки, где, по заявлению Маркса, милитаризм и бюрократизм слабо развиты или вовсе не развиты

и где, поэтому, возможен другой путь, «мирный» путь перехода к социализму. Это было совершенно правильно в 70-х годах...

Я думаю, что в 70-х годах, когда милитаризм в Англии и Америке не был так развит, как впоследствии развился, — это положение было совершенно правильно. В том, что это положение было правильно, вы могли бы убедиться по известной главе брошюры т. Ленина «О продналоге», где Ленин считает не исключенным развитие социализма в Англии 70-х годов в порядке соглашения между пролетариатом и буржуазией в стране, где пролетариат составляет большинство, где буржуазия привыкла идти на компромиссы, где милитаризм был слаб, бюрократия была слаба. Но это положение, будучи правильным в 70-х годах прошлого столетия, стало уже неправильным после XIX столетия, в период империализма, когда Англия стала не менее бюрократической и не менее, если не более, милитаристической, чем любая другая страна континента. В связи с этим т. Ленин говорит в своей брошюре «Государство и революция», что «ограничение Маркса насчет континента отпадает» теперь, потому что наступили новые условия, делающие излишним допущенное для Англии исключение.

В том именно и состоит величие Ленина, что он не отдавал себя в плен букве, что он умел схватывать сущность марксизма и, исходя из него, развивать дальше положения Маркса и Энгельса. (*Сталин, Об оппозиции, стр. 338 — 340, 1928 г.*)

Наша теория — руководство к действию

Нужно уметь различать между буквой и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма. Ленину удалось открыть истину о победе социализма в одной стране потому, что он считал марксизм не догмой, а руководством к действию; он не был рабом буквы и умел схватывать главное, основное в марксизме. Вот что говорит на этот счет Ленин в своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

«Наша теория не догма, а руководство к действию, — говорили Маркс и Энгельс, — и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как К. Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата»¹.

Вот путь, путь Маркса, Энгельса и Ленина, на котором мы стоим и на котором должны стоять и впредь, если мы хотим оставаться революционерами до конца. Ленинизм отстоял себя как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции потому, что он стоял и продолжает стоять на этом пути. Отойти от этого пути, значит — попасть в болото оппортунизма. Соскользнуть с этого пути, значит — поплестись в хвосте за социал-демократией, что и произошло в данном случае с т. Зиновьевым. (*Сталин, Об оппозиции, стр. 380—381, 1928 г.*)

Без революционной теории не может быть и революционного движения

...Громкие фразы против окостенения мысли и пр. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуман-

¹ Ленин, т. XVII, стр. 159.

ной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить по этому, какое отсутствие такта проявляет «Рабочее дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ». Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно, что кричать «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о Готской программе, в котором он *резко порицает* допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться, — писал Маркс вожакам партии, — то заключайте договоры ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал экономистам Аксельрод) оживлением несоциал-демократических революционных направлений. При таких условиях «чужая» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционный споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что *роль передового борца может выполнять только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 г. Энгельс признает *не две* формы великой

борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — *а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу*. Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных вопросов и споров, что читатель не посуетит на нас, надеемся, за длинную выписку из предисловия к брошюре «Der deutsche Bauernkrieg», которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесел, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной форме — у испанцев и итальянцев.

«Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских гред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская коммуна?

«Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

«С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполняют, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освободиться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е.

чтобы его изучали. Приобретенное таким образом все более проявляющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

«...Если немецкие рабочие будут также идти вперед, то они будут — не то что маршировать во главе движения, — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии».

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие, действительно, встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоит испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного званія, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией. (Ленин, *Что делать?* (1902 г.), Соч., т. IV, стр. 379—382, изд. 3 е.)

Наша партия руководится передовой теорией

Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем — претворение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счет Ленин изм. довольно, будто бы, беззаботен. Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина насчет теории и особенно философии. Известно также, что многие нынешние практики-ленинцы не очень милуют теорию, особенно ввиду той бездны практической работы, которую вынуждены они нести по обстановке. Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме совершенно неправильно и ни в какой мере не соответствует действительности, что стремление практиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела.

Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной, как Ленин, говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что:

«Без революционной теории не может быть и революционного движения»¹.

Ленин больше, чем кто-либо другой, понимал важное значение теории, особенно для такой партии, как наша, ввиду той роли передового борца международного пролетариата, которая выпала на ее долю, и ввиду той сложности внутренней и международной обстановки, которая окружает ее. Предугадывая эту особую роль нашей партии еще в 1902 г., он считал нужным уже тогда напомнить, что:

«Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»².

Едва ли нужно доказывать, что теперь, когда предсказание Ленина о роли нашей партии уже претворилось в жизнь, это положение Ленина приобретает особую силу и особое значение. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 16—17, изд. 9-е, Партиздат, 1932 г.*)

V. Ленинизм — марксизм эпохи империализма и пролетарских революций

Что такое ленинизм?

Одни говорят, что ленинизм есть применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки. В этом определении есть доля правды, но оно далеко не исчерпывает всей правды. Ленин действительно применил марксизм к российской действительности и применил его мастерски. Но если бы ленинизм являлся только лишь применением марксизма к своеобразной обстановке России, то тогда ленинизм был бы чисто национальным и только национальным, чисто русским и только русским явлением. Между тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское. Вот почему я полагаю, что это определение страдает односторонностью.

Другие говорят, что ленинизм есть возрождение революционных элементов марксизма 40-х годов XIX в. в отличие от марксизма последующих годов, когда он стал будто бы умеренным, неревolutionонным. Если отвлечься от этого глупого и пошлого подразделения учения Маркса на две части, на революционную и умеренную, нужно признать, что даже в этом совершенно недостаточном и неудовлетворительном определении имеется доля правды. Состоит она, эта доля правды, в том, что Ленин действительно возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала. Но это только доля правды. Вся правда о ленинизме состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата.

Что же такое в конце концов ленинизм?

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов.

¹ Ленин, т. IV, стр. 380.

² Там же.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

Отмечают обычно исключительно боевой и исключительно революционный характер ленинизма. Это совершенно правильно. Но эта особенность ленинизма объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что ленинизм вышел из пролетарской революции, отпечаток которой он не может не носить на себе; во-вторых, тем, что он вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II Интернационала, борьба с которым являлась и является необходимым предварительным условием успешной борьбы с капитализмом. Не следует забывать, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и между Лениным — с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 5—6, изд. 9-е, Партиздат, 1932 г.)

Возможно ли в наших условиях комсомольскому активу сочетать практическую работу с обстоятельным изучением марксизма и ленинизма, и что должны в этом направлении делать комсомольские организации и отдельные комсомольцы?

Во-первых, маленькое замечание насчет марксизма и ленинизма. При такой формулировке вопроса можно подумать, что марксизм — одно, а ленинизм — другое, что можно быть ленинцем, не будучи марксистом. Но такое представление нельзя признать правильным. Ленинизм не есть ленинское учение *минус* марксизм. Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Иначе говоря, ленинизм включает в себе все, что дано Марксом, плюс то новое, что внес Ленин в сокровищницу марксизма и что необходимо вытекает из всего того, что дано Марксом (учение о диктатуре пролетариата, крестьянский вопрос, национальный вопрос, партия, вопрос о социальных корнях реформизма, вопрос об основных уклонах в коммунизме и т. д.). Поэтому лучше было бы формулировать вопрос так, чтобы речь шла о марксизме или о ленинизме (что в основном одно и то же), а не о марксизме и ленинизме. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 189—190, изд. 9-е, Партиздат, 1932 г.)

VI. Ревизионизм и его классовые корни

Исторические судьбы учения К. Маркса

Главное в учении Маркса — это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества. Подтвердил ли ход событий во всем мире это учение после того, как оно было изложено Марксом?

Впервые Маркс выдвинул его в 1844 г. «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, вышедший в 1847 г., дает уже цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения. Всемирная история с этого времени делится явноственно на три главные периода: 1) с революции 1848 г. до Парижской коммуны (1871 г.), 2) от Парижской коммуны до русской революции (1905 г.), 3) от русской революции.

Бросим взгляд на судьбы учения Маркса в каждый из этих периодов.

I

В начале первого периода учение Маркса отнюдь не господствует. Оно — лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма. Господствуют же такие формы социализма, которые в основном родственны нашему народничеству: непонимание материалистической основы исторического движения, неумение выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества,

прикрытые буржуазной сущности демократических преобразований разными, якобы социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п.

Революция 1848 г. наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, криктивным формам до-марксовского социализма. Революция во всех странах показывает в действительности разные классы общества. Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 г. в Париже окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней. Крестьянство удовлетворяется отменой остатков феодализма и переходит на сторону порядка, лишь изредка колеблясь между *рабочей демократией и буржуазным либерализмом*. Все учения о не-классовом социализме и о не-классовой политике оказываются пустым вздором.

Парижская коммуна (1871 г.) доканчивает это развитие буржуазных преобразований; только геройству пролетариата обязана своим упрочением республика, т. е. та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее нескрытой форме.

Во всех других европейских странах более запутанное и менее законченное развитие приводит к тому же сложившемуся буржуазному обществу. К концу первого периода (1848—1871 гг.), периода бурь и революций, домарксовский социализм *умирает*. Рождаются самостоятельные *пролетарские* партии: I Интернационал (1864—1872 гг.) и германская социал-демократия.

II

Второй период (1872—1904 гг.) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос.

Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам.

Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне-сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятак своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т. е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. п. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников.

III

Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе. Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гиены, но никакие силы в мире не восстановят ста-

рого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах.

Некоторых людей, невнимательных к условиям подготовки и развития массовой борьбы, доводили до отчаяния и до анархизма долгие отсрочки решительной борьбы против капитализма в Европе. Мы видим теперь, как близоруко и малодушно анархистское отчаяние.

Не отчаяние, а бодрость надо почерпать из факта вовлечения восьмисотмиллионной Азии в борьбу за те же европейские идеалы.

Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии. Кто после опыта и Европы и Азии говорит о 16-классовой политике и о не-классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуром.

За Азией стала шевелиться — только не по-азиатски — и Европа. «Мрачный» период 1872—1904 гг. отошел бесповоротно в вечность. Дороговизна и гнет трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы, сдвинувшее с места даже наиболее развращенных либерализмом английских рабочих. На наших глазах зреет политический кризис даже в самой «твердокаменной» буржуазно-юнкерской стране, Германии. Вешенные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом. А разложение *всех* буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед.

После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха. (Ленин, *Исторические судьбы учения К. Маркса* (1913 г.), Соч., т. XVI, стр. 331—333 изд. 3-е)

Разногласия в европейском рабочем движении

Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления — ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархосиндикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения.

Уже из одного этого факта явствует, что нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти отступления. Вышедшая в прошлом году небольшая книжка голландского марксиста Антона Паннекука: «Тактические разногласия в рабочем движении» (Anton Pannekoek: «Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung». Hamburg, Erdmann Dubbier, 1969), представляет из себя интересную попытку научного исследования этих причин. В дальнейшем изложении мы познакомим читателя с выводами Паннекука, которые нельзя не признать вполне правдивыми.

Одной из наиболее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является самый факт роста рабочего движения. Если не мерить этого

движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его, как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шаптаньями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени.

Далее. Быстрота развития капитализма неодинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства. Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности.

Затем, постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, — и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя и, в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития.

Буржуазные идеологи, либералы и демократы, не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. То они объясняют все дело тем, что злые люди «натравливают» класс на класс, — то утешают себя тем, что рабочая партия есть «мирная партия реформ». Прямым продуктом этого буржуазного миросозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимноисключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности.

Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осуществление социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события. И те, и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникну-

тые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании.

Здесь мы позволим себе маленькое отступление и заметим в скобках, во избежание возможных недоразумений, что Паннекук иллюстрирует свой анализ *исключительно* примерами из западно-европейской истории, особенно Германии и Франции, *совершенно не* имея в виду России. Если иногда кажется, что он намекает на Россию, то это зависит лишь от того, что основные тенденции, порождающие определенные отступления от марксистской тактики, проявляются и у нас, несмотря на громадные культурные, бытовые и историко-экономические отличия России от Запада.

Наконец чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности. Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна, — рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общеполитической политики. Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе, якобы, уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние полвека, причем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов. Например Англия в 60-х, 70-х годах XIX в. была классической страной «либеральной» буржуазной политики, Германия 70-х и 80-х годов держалась метода насилия и т. п.

Когда в Германии царил этот метод, односторонним отзвуком этой одной из систем буржуазного управления был рост анархо-синдикализма, или, по-тогдашнему, анархизма в рабочем движении («молодые» в начале 90-х годов, Иоганн Мост в начале 80-х). Когда в 1890 г. наступил поворот к «уступкам», этот поворот, как и всегда, оказался еще более опасным для рабочего движения, порождая столь же односторонний отзвук буржуазного «реформаторства»: оппортунизма в рабочем движении.

«Позитивная реальная цель либеральной политики буржуазии, — говорит Паннекук, — есть введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного, всегда бессильного и эфемерного, якобы, реформаторства».

Нередко буржуазия на известное время достигает своей цели посредством «либеральной» политики, которая представляет из себя, по справедливому замечанию Пиннекука, «более хитрую» политику. Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками. Ревизионисты провозглашают «устарелым» учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола.

Все причины указанного рода вызывают разногласия относительно тактики внутри рабочего движения, внутри пролетарской среды. Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не порождать, с своей стороны, колебаний в тактике этого последнего.

Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее различать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями. (*Ленин, Разногласия в европейском рабочем движении (1910 г.), Соч., т. XV, стр. 5—9, изд. 3-е.*)

Марксизм и ревизионизм

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по-казенному преподаваемых казенными профессорами для оглушения подрастающей молодежи из имущих классов и для «патаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и живее.

Но и среди учений, связанных с борьбой рабочего класса, распространенных преимущественно среди пролетариата, марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое положение. Первые полвека своего существования (с 40-х годов XIX в.) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему. В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс свели счеты с радикальными младо-гегельянцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х годов выступает борьба в области экономических учений — против прудонизма. Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848 г. В 60-х годах борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала. В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист

Мюльбергер; в конце 70-х годов — позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. Даже в романских странах, где всего дольше держались традиции прудонизма, рабоче-партий фактически построили свои программы и тактику на марксистской основе. Возобновившаяся международная организация рабочего движения — в виде периодических интернациональных съездов — сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, — те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и посылы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-е годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма.

Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн дал имя этому течению, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже в России, где немарксистский социализм естественно, — в силу экономической отсталости страны и преобладания крестьянского населения, подавленного остатками крепостничества, — держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли) и в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксистской системы.

Дом марксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма.

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли назад «к Канту», — и ревизионизм тащился за неокантантами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского оплошления науки, заменяя «хитрую» (и резолюционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эвсюлюцией»; профессора отработывали свое казенное жалованье, подгоняя идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провозвести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова.

Переходя к политической экономии, надо отметить, прежде всего, что в этой области «поправки» ревизионистов были гораздо более разносторонни и обстоятельны;

на публику старались подействовать «новыми данными хозяйственного развития». Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции к притуплению и смягчению классовых противоречий. Говорили наконец, что и теорию стоимости Маркса не мешает исправить по Бем-Багерку.

Борьба с ревизионистами по этим вопросам дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем. Доводы ревизионистов разбирались с фактами и цифрами в руках. Было доказано, что ревизионисты систематически подкрашивают современное мелкое производство. Факт технического и коммерческого превосходства крупного *производства* над мелким не только в промышленности, но и в земледелии доказывают неопровержимые данные. Но в земледелии гораздо слабее развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умеют обыкновенно выделять те специальные отрасли (иногда даже операции) земледелия, которые выражают прогрессивное вовлечение земледелия в *обмен* мирового хозяйства. На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономики — исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах, — доказывать мелкому производству невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, — в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина, на точку зрения хозяина (т. е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

С теорией кризисов и теорией краха дела ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов, и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты. Недавний финансовый кризис в Америке, страшное обострение безработицы во всей Европе, не говоря уже о близком промышленном кризисе, на который указывают многие признаки, — все это привело к тому, что недавние «теории» ревизионистов забыты всеми, кажется, многими и из них самих. Не следует только забывать тех уроков, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теории стоимости надо только сказать, что кроме намеков и вздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли.

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, — говорили нам, — и делают неверным старое положение «Коммунистического манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя, дескать, ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стойкой системе взглядов, — именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во второй половине XIX в., вся история русской революции в начале XX в. показывает вочую, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабевают, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготавливает этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 г. и русские зимой 1905 г. показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, — тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский миллеранизм — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе, — дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Юнечная цель — ничто, движение — все», — это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывая коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, — такова ревизионистская политика. И из самого существа этой политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и

непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, — неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обуславливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнцев в Германии, гэдистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции, социал-демократической федерации и независимой рабочей партии в Англии, Брукера и Вандервельде в Бельгии, интегралистов и реформистов в Италии, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран. «Разделение» внутри современного международного социализма идет, в сущности, уже теперь по *одной* линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30—40 тому назад, когда в разных странах боролись не однородные тенденции внутри единого международного социализма. И тот «ревизионизм слева», который обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм», тоже приспосабливается к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания *этого* ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся поэтому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например велосипедной и автомобильной индустрии и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX в. есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаньям и слабостям мещанства. (*Ленин, Марксизм и ревизионизм (1908 г.), Соч., т. XII, стр. 183—189, изд. 3-е.*)

Ленин о Каутском и каутскианстве

Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в массах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Но опасность каутскианства в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого, усиливается примирить пролетариат с «буржуазной рабочей партией», отстоять единство его с ней, поднять тем авторитет ее. (*Ленин, Империализм и раскол социализма (1916 г.), Соч., т. XIX, стр. 312, изд. 3-е.*)

Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и пр. Виднейший представитель этой теории, вместе с тем влиятельнейший авторитет II Интернационала, Каутский, проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле prostituirования марксизма. (*Ленин, Крах II Интернационала (1915 г.), Соч., т. XVIII, стр. 279, изд. 3-е.*)

Каутский, наибольший авторитет II Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брентанизм». Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают *все, кроме* революционных средств борьбы, проводы и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безыдейно «примиряет» основную мысль социал-шовинизма, признание защиты отечества в данной войне, с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и т. п. Каутский, в 1909 г. писавший целую книгу о приближении эпохи революций и о связи войны с революцией, Каутский, в 1912 г. подписывавший Базельский манифест о революционном использовании грядущей войны, теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно-революционной борьбе.

Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной роли, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим оплошанием марксизма. Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле.

В разных странах эта основная фальшь «каутскианства» проявляется в разных формах. В Голландии Роланд-Гольст, отвергая идею защиты отечества, отстаивает единство с партией оппортунистов. В России Троцкий, также отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистской группой «Нашей Зари». В Румынии Раковский, объявляя войну оппортунизму, как виновнику краха Интернационала, в то же время готов признать законность идеи защиты отечества. Все это — проявления того зла, которое голландские марксисты (Гортер, Паннекук) называли «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике. (*Ленин, Социализм и война (1915 г.), Соч., т. XVIII, стр. 203, изд. 3-е.*)

Как объяснить это чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским? Если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектизмом и софистикой. Каутский — великий мастер такой подмены. Если говорить практически-политически, то дело сведется к лакейству перед оппортунистами, т. е. в конце концов перед буржуазией. С начала войны прогрессируя все быстрее, Каутский дошел до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле. (*Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский* (1918 г.), Соч., т. XXIII, стр. 339.) *

К. Маркс о Каутском

...Когда этот красавчик впервые появился ко мне — я говорю о чудачке Каутском, — первый вопрос, который у меня вырвался, был: — похожи ли вы на свою мать. Да вовсе же нет, ответил он. Про себя я поздравил его мать. Он посредственность с мелочными взглядами, сверхмудрец (всего лишь 26 лет), всезнайка, в известной мере прилежен, очень много занимается статистикой, однако извлекает из этого мало толку, принадлежит от природы к племени филистеров, впрочем в своем роде порядочный человек, я по возможности стараюсь сплавить его другу Энгельсу. (*Письмо Маркса к Дженни Лонге, от 11 апреля 1881 г., журн. «Большевик» 1931 г., № 5, стр. 76—78.*)

VII. Всеобщий кризис капитализма и превращение социал-демократии в социал-фашизм

Революционный кризис и контрреволюционная социал-демократия

В ходе международной революции особое значение крупнейшей контрреволюционной силы, активно боровшейся с революцией и активно поддерживающей частичную стабилизацию капитала, приобрели руководящие кадры социал-демократических партий и реформистских профессиональных союзов, а с другой стороны — боевые капиталистические организации фашистского типа.

Военный кризис 1914—1918 гг. сопровождался позорным крахом социал-демократического II Интернационала. В полном противоречии с тезисом «Коммунистического манифеста» Маркса — Энгельса о том, что при капитализме пролетарии не имеют отечества, в полном противоречии с антивоенными резолюциями Штутгартского и Базельского конгрессов лидеры национальных социал-демократических партий, за единичными исключениями, голосовали за военные кредиты, высказались решительно за защиту империалистских «отечеств» (т. е. государственных организаций империалистической буржуазии) и вместо борьбы с империалистической войной стали ее верными солдатами, пропагандистами и певцами (социал-патриотизм, перерастающий в социал-империализм). В последующий период социал-демократия поддерживала грабительские договоры (Врест, Версаль); она выступала активной силой на стороне генералов во время кровавых подавлений пролетарских восстаний (Носке); она вела вооруженную борьбу с первой пролетарской республикой (Советская Россия); она изменнически предавала ставший у власти пролетариат (Венгрия); она вошла в империалистическую Лигу наций (Тома, Поль Вонкур, Вандервельде); она прямо становилась на сторону империалистических рабовладельцев против колониальных рабов (английская рабочая партия); она активно поддерживала самых реакционных палачей рабочего класса (Болгария, Польша); она брала на себя инициативу импе-

риалистических «военных законов» (Франция); она предала великую всеобщую стачку английского пролетариата; она помогла задушить стачку горняков; она помогла и помогает душить Китай и Индию (правительство Макдональда); она является пропагандистом империалистической Лиги наций, глашатаем капитала и организующей силой в борьбе против диктатуры пролетариата в СССР (Каутский, Гильфердинг).

Систематически проводя эту контрреволюционную политику, социал-демократия оперирует двумя своими крылами: *правое* крыло социал-демократии, открыто контрреволюционное, необходимо для переговоров и непосредственной связи с буржуазией, *левое* — для особо тонкого обмана рабочих. «Левая» социал-демократия, играющая пацифистской, а иногда даже революционной фразой, на деле выступает против рабочих, в особенности в самые критические моменты (английские «независимые» и «левые» вожди Генсовета во время всеобщей стачки 1926 г., Отто Бауер и Ко во время венского восстания и т. д.), и является поэтому наиболее опасной фракцией социал-демократических партий. Обслуживая интересы буржуазии среди рабочего класса и стоя целиком на почве классового сотрудничества и коалиции с буржуазией, социал-демократия бывает в известные периоды вынуждена переходить на положение оппозиционной партии и даже симулировать защиту классовых интересов пролетариата в его экономической борьбе только для того, чтобы, завоевывая на этом доверие части рабочего класса, тем постыднее предавать его длительные интересы, в особенности во время решающих классовых битв.

Основная роль социал-демократии заключается теперь в подрыве необходимого боевого единства пролетариата в его борьбе с империализмом. Раскалывая и разлагая единый фронт пролетарской борьбы с капиталом, социал-демократия является главной опорой империализма в рабочем классе. Международная социал-демократия всех оттенков, II Интернационал и его профессиональное филиальное отделение — Амстердамское объединение профсоюзов — стали таким образом резервом буржуазного общества, его наиболее верным оплотом. (*Программа и устав Коминтерна, стр. 36—40, Партиздат, 1932 г.*)

Кризис капитализма и фашизм

Наряду с социал-демократией, при помощи которой буржуазия подавляет рабочих или усыпляет их классовую бдительность, выступает *фашизм*.

Эпоха империализма, обострение классовой борьбы и нарастание, особенно после мировой империалистической войны, элементов гражданской войны привели к банкротству парламентаризма. Отсюда «новые» методы и формы управления (например система малых кабинетов, создание закулисных олигархических групп, падение и фальсификация роли «народного представительства», укорочение и уничтожение «демократических свобод» и т. д.). Этот процесс наступления буржуазно-империалистической реакции приобретает при особых исторических условиях форму фашизма. Такими условиями являются: неустойчивость капиталистических отношений; наличие значительных деклассированных социальных элементов, общание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец постоянная угроза массовых выступлений пролетариата. Чтобы обеспечить себе большую устойчивость власти, ее твердость и постоянство, буржуазия все более вынуждается переходить от парламентской системы к независимому от меппартийных отношений и комбинаций фашистскому методу. Этот метод есть метод непосредственной диктатуры, идеологически прикрываемой «общенациональной идеей» и представительством «профессий» (а по существу разнообразных групп господствующих классов), метод использования недовольства мелкобуржуаз-

ных, интеллигентских и прочих масс путем своеобразной социальной демагогии (антисемитизм, частичные вылазки против ростовщического капитала, возмущение парламентской «говориливней») и коррупции в виде создания сплоченной и оплачиваемой иерархии фашистских дружин, партийного аппарата и чиновничества; при этом фашизм стремится проникнуть и в рабочую среду, вербуя наиболее отсталые слои рабочих, используя их недовольство, пассивность социал-демократии и т. д. Главной задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава. Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики, являются характерными чертами фашизма.

Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побляхушки.

Приспосабливаясь к изменению политической конъюнктуры, буржуазия использует и методы фашизма и методы коалиции с социал-демократией, причем сама социал-демократия в моменты, наиболее для капитализма критические, нередко играет фашистскую роль. В ходе развития она обнаруживает фашистские тенденции, что не мешает ей при другой политической конъюнктуре фрондировать против буржуазного правительства в качестве оппозиционной партии. Метод фашизма и метод коалиции с социал-демократией, будучи методами необычными для «нормального» капитализма и являясь признаками общего капиталистического кризиса, используются буржуазией для замедления наступательного хода революции. (*Программа и устав Коминтерна*, стр. 40—43, Партиздат, 1932 г.)

Фашизм опирается на социал-демократию

Дальнейшее обострение в результате экономического кризиса всех основных противоречий капитализма, сказывающееся в первую очередь в наиболее слабых его звеньях, растущее недовольство широчайших народных масс, рост коммунизма, вырастающий престиж страны пролетарской диктатуры приводят, с одной стороны, ко все более открытому применению буржуазией аппарата насилия своей диктатуры, с другой стороны — к росту революционного подъема и нарастанию в ряде стран предпосылок революционного кризиса.

Органически вырастая из так называемой буржуазной демократии как замаскированной формы диктатуры буржуазии, фашизм как оголенная форма буржуазной диктатуры заостряет все методы подавления и закабаления трудящихся, присущие капиталистическому строю и неотделимые от всей системы диктатуры буржуазии.

Буржуазия воздвигает и оформляет фашистский режим, переплетающийся с остатками буржуазной демократии, на пути разгрома классовых организаций пролетариата, запрещения компартий, создания особых военно-террористических организаций, независимо от упразднения или сохранения парламентских форм.

Стремясь ослабить революционизирующее влияние страны пролетарской диктатуры на миллионные массы угнетенных и поработенных всего мира и задержать революционное движение рабочих, крестьян и колониальных народов, фашисты прибегают для обмана масс к социальной демагогии, скрывающей контрреволюционные цели буржуазной диктатуры. Играя на нужде и бедствиях трудящихся масс, разжигая национальную вражду, империалистический дух реваны в побежденных странах, антисемитизм, спекулируя в Германии на плане Юнга, прикрывая свою службу капиталу живой антикапиталистической фразеологией, фашисты, оплачиваемые

финансовым капиталом (Гитлер), используют недовольство масс в целях усиления буржуазной диктатуры и беспощадного подавления рабочего класса.

Рост фашизма за последнее время стал возможен только на основе поддержки международной социал-демократии в течение всего послевоенного периода диктатуры буржуазии, независимо от ее форм. Противопоставляя «демократическую» форму диктатуры буржуазии фашизму, усыпляя бдительность масс в деле борьбы с нарастающей политической реакцией и фашизмом, прикрывая контрреволюционный характер буржуазной демократии как формы диктатуры буржуазии, социал-демократия является сама активным фактором и проводником фашизации капиталистического государства.

Успешная борьба против фашизма требует от компартий мобилизации масс на основе единого фронта снизу против всех форм буржуазной диктатуры, против всех ее реакционных мероприятий, расчищающих путь к открытой фашистской диктатуре. Она требует быстрого и решительного исправления ошибок, в основном сводящихся к либеральному противопоставлению фашизма буржуазной демократии и парламентских форм диктатуры буржуазии ее открыто фашистским формам, что являлось отражением социал-демократических влияний в коммунистических рядах. (*Тезисы, резолюции и постановления XI пленума ИККИ стр. 9—10, Осиз, «Московский рабочий», 1931 г.*)

Социал-демократия как главная социальная опора буржуазии

1. Мировой экономический кризис вскрыл со всей ясностью роль международной социал-демократии как *главной социальной опоры* диктатуры буржуазии. На всех основных этапах развития классовой борьбы со времени мировой империалистической войны и возникновения пролетарской диктатуры социал-демократия была на стороне капитализма, против рабочего класса. Она посылала миллионы пролетариев на империалистическую бойню под флагом «защиты отечества». Она помогала «своей» буржуазии проводить военную интервенцию в СССР в 1918—1920 гг. Она спасала капитализм от пролетарской революции непосредственно после войны (Германия, Австрия, Венгрия, Италия, Финляндия). Она активно помогала буржуазии укреплять капиталистическое хозяйство. Она впрягла рабочие массы в ярмо капиталистической рационализации. Она прилагает сейчас, в момент тягчайшего кризиса, все усилия, чтобы спасти капиталистическую систему эксплуатации и рабства от надвигающейся гибели.

2. Все развитие социал-демократии со времени войны и возникновения советской власти в СССР есть непрерывный процесс эволюции к фашизму.

По линии *наступления капитала на рабочий класс* — это прямая и косвенная поддержка политики снижения зарплаты, свертывания всей системы социального обеспечения, поддержка новой волны самой беспощадной рационализации, это организация саботажа и срыва стачек, усовершенствование арбитража как орудия штрейкбрехерства и закрепощения рабочего класса.

По линии *экономического и финансового ограбления народных масс* — это всесторонняя поддержка политики банков, трестов и картелей, политики дороговизны всех товаров массового потребления, завычивание налогового пресса, активная поддержка протекционизма.

По линии *колониального грабежа* — это прямое подавление национально-революционного движения в колониальных и полуколониальных странах; это десятки тысяч заключенных и массовые расстрелы в Индии, разрушение деревень с аэроплавов, в Китае — прямая поддержка палаческого правительства Чан Кай-ши и от

крытая война, которую ведут иностранные военные суда на Янцзы с отрядами красной армии на юге Китая, массовые экзекуции в Индо-Китае.

По линии *империалистического разбоя* — это активное, непосредственное *соучастие* в версальской системе, в закулисных интригах сугубо тайной дипломатии, поддержке под «пацифистским» флагом вакханалии вооружений и подготовки к войне, поддержка империалистических военных союзов.

В *Англи* «рабочая партия», идя к власти, обещала смягчение безработицы и улучшение положения безработных, борьбу против снижения жизненного уровня рабочих, мир с Индией, твердую политику разоружения. *На деле*, осуществляя волю империалистической буржуазии, «рабочее» правительство проводит капиталистическую рационализацию, сокращает путем арбитража зарплату, удлиняет рабочий день (билль об угольной промышленности), урезывает бюджет социального страхования, подавляет в потоках крови революционно-освободительное движение в Индии, Египте и Арабистане, превосходит правительство Болдуина в строительстве и перевооружении военного флота, готовит совместно с французским империализмом единый фронт военной интервенции против СССР (роль рабочего правительства в морском соглашении Франции и Италии).

В *Германии* социал-демократия, во время своего недавнего пребывания у власти, руками правительства Мюллера открыла первой наступление на социальное страхование, начала первой строительство новых броненосцев, расстреливала рабочих на первомайских демонстрациях 1929 г. в Берлине, запретила Союз красных фронтовиков, преследовала рабочую печать, душила рабочие забастовки. Прогнал буржуазией из правительства после проведения ее руками плана Юнга, антирабочего закона о «защите республики», после того как она расчистила путь рядом реакционных мероприятий правительства проведения фашистской диктатуры (Брюнинга), социал-демократия, будучи в правительстве (Пруссия) и вне правительства, голосует за все антирабочие законы правительства Брюнинга, является организатором штрейк-брокерства и инициатором полицейского террора против бастующих и безработных, активно поддерживает вооружение германского империализма (строительство новых броненосцев), выступает в роли застрельщика антисоветской пропаганды и подготовки военной интервенции.

3. Вся контрреволюционная, антирабочая политика международной социал-демократии находит свое завершение в подготовке *блокады и военной интервенции* против первого в мире пролетарского государства. Поворот к военной интервенции мировой буржуазии, потерявшей надежду на капиталистическое перерождение СССР, на победу правых элементов в ВКП(б), проведение генерального наступления на капиталистические элементы в СССР и развитие революционного подъема в странах капитала усилили интервенционистскую и вредительскую ориентировку всех партий II Интернационала (прежде всего германской социал-демократии, являющейся ядром II Интернационала), сознающих, что победа социализма в СССР окончательно подрежет их влияние в рабочих массах капиталистических стран.

Процесс «союзного бюро» русских меньшевиков (социал-демократов), вскрывший гнусную, двурушническую роль социал-демократии, показал, что II Интернационал, ставя себе целью восстановление капитализма в СССР путем военной интервенции, организовывая через свою контрреволюционную агентуру в СССР вредительство во всех областях народного хозяйства, пытаясь сорвать снабжение рабочих и крестьян, стараясь сознательно снизить реальную зарплату рабочих, *превратился в боевой отряд мирового империализма, готовящего войну против СССР.*

4. Под давлением растущего недовольства и начинающегося массового отхода рабочих, социал-демократия, обнаружившая свое бессилие перед лицом кризиса и безработицы, вынуждена для обмана масс прибегать к «ловким» демагогическим

маневрам, лицемерно выступая *на словах* за сокращение рабочего дня и пятидневную рабочую неделю, за расширение социального страхования, за разоружение, за борьбу против фашизма. *На деле* социал-демократия этими маневрами *помогает капиталу* осуществить его наступление на жизненный уровень рабочего класса, укрепить свою диктатуру, ускорить фашизацию буржуазного государства, подавить сопротивление масс фашизму, задержать стихийную тягу широчайших рабочих масс к единому фронту, прикрыть подготовку войны против СССР.

Все эти и подобные им факты наглядно вскрывают контрреволюционную роль международной социал-демократии как главной социальной опоры буржуазии в ее борьбе с пролетариатом.

Поэтому разоблачение социал-демократии, разоблачение II Интернационала, высвобождение рабочих масс из-под влияния социал-демократии есть очередная задача коммунистических партий, без разрешения которой невозможна успешная борьба пролетариата за свое освобождение от цепей капитализма. (*Тезисы, резолюции и постановления XI пленума ИККИ, стр. 14—16, Огиз, «Московский рабочий».*)

VIII. Борьба Ленина за чистоту марксистской теории

Ленинизм как непосредственное продолжение и развитие марксизма

...Между Марксом — Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит целая полоса господства оппортунизма II Интернационала. В интересах точности я должен добавить, что речь идет здесь не о формальном господстве оппортунизма, а лишь о фактическом его господстве. Формально во главе II Интернационала стояли «правовверные» марксисты, «ортодоксы» — Каутский и другие. На деле однако основная работа II Интернационала велась по линии оппортунизма. Оппортунисты приспосаблились к буржуазии в силу своей приспособленческой, мелкобуржуазной природы, — «ортодоксы» же в свою очередь приспособлялись к оппортунистам в интересах «сохранения единства» с оппортунистами, в интересах «мира в партии». В результате получалось господство оппортунизма, ибо цель между политикой буржуазии и политикой «ортодоксов» оказывалась замкнутой.

Это был период сравнительно мирного развития капитализма, период, так сказать, довоенный, когда катастрофические противоречия империализма не успели еще вскрыться с полной очевидностью, когда экономические стачки рабочих и профсоюзы развивались более или менее «нормально», когда избирательная борьба и парламентские фракции давали «головокружительные» успехи, когда легальные формы борьбы превозносились до небес и легальностью думали «убить» капитализм, — словом, когда партии II Интернационала обростали жиром и не хотелось думать серьезно о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс.

Вместо цельной революционной теории — противоречивые теоретические положения и обрывки теории, оторванные от живой революционной борьбы масс и превратившиеся в обветшалые догмы. Для виду конечно вспоминали о теории Маркса, но для того, чтобы выхолостить из нее живую революционную душу.

Вместо революционной политики — дряблое филистерство и трезвенное политиканство, парламентская дипломатия и парламентские комбинации. Для виду, конечно, принимались «революционные» решения и лозунги, но для того чтобы положить их под сукно.

Вместо воспитания и обучения партии правильной революционной тактике на собственных ошибках — тщательный обход наболевших вопросов, их заглушивание и замазывание. Для виду конечно не прочь были поговорить о больших вопросах, но для того, чтобы кончить дело какой-либо «каучуковой» резолюцией.

Вот какова была физиономия II Интернационала, его метод работы, его арсенал.

Между тем надвигалась новая полоса империалистских войн и революционных схваток пролетариата. Старые методы борьбы оказывались явно недостаточными и бессильными перед всемогуществом финансового капитала.

Необходимо было пересмотреть всю работу II Интернационала, весь его метод работы, изгнав вон филистерство, узколобье, политиканство, ренегатство, социал-шовинизм, социал-пацифизм. Необходимо было проверить весь арсенал II Интернационала, выкинуть все заржавленное и ветхое, выковать новые роды оружия. Без такой предварительной работы нечего было и отправляться на войну с капитализмом. Без этого пролетариат рисковал очутиться перед лицом новых революционных схваток недостаточно вооруженным или даже просто безоружным.

Эта честь генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II Интернационала выпала на долю ленинизма.

Вот в какой обстановке родился и выковался метод ленинизма.

К чему сводятся требования этого метода?

Во-первых, к *проверке* теоретических догм II Интернационала в огне революционной борьбы масс, в огне живой практики, т. е. к восстановлению нарушенного единства между теорией и практикой, к ликвидации разрыва между ними, ибо только так можно создать действительно пролетарскую партию, вооруженную революционной теорией.

Во-вторых, к *проверке* политики партий II Интернационала не по их лозунгам и резолюциям (которым нельзя верить), а по их делам, по их действиям, ибо только так можно завоевать и заслужить доверие пролетарских масс.

В-третьих, к *перестройке* всей партийной работы на новый революционный лад в духе воспитания и подготовки масс к революционной борьбе, ибо только так можно подготовить массы к пролетарской революции.

В-четвертых, к *самокритике* пролетарских партий, к обучению и воспитанию их на собственных ошибках, ибо только так можно воспитать действительные кадры и действительных лидеров партии.

Таковы основа и сущность метода ленинизма.

Как применялся этот метод на практике?

У оппортунистов II Интернационала существует ряд теоретических догм, от которых они танцуют всегда, как от пьезы. Возьмем несколько из них:

Догма первая: об условиях взятия власти пролетариатом. Оппортунисты уверяют, что пролетариат не может и не должен брать власть, если он не является сам большинством в стране. Доказательств никаких, ибо нет возможности оправдать это нелепое положение ни теоретически, ни практически. Допустим, отвечает Ленин господам из II Интернационала. Ну, а если сложилась такая историческая обстановка (война, аграрный кризис и т. д.), при которой пролетариат, составляющий меньшинство населения, имеет возможность сплотить вокруг себя громадное большинство трудящихся масс, — почему бы ему не взять власть? Почему бы не использовать пролетариату благоприятную международную и внутреннюю обстановку для того, чтобы прорвать фронт капитала и ускорить общую развязку? Разве Маркс не говорил еще в 50-х годах прошлого столетия, что дело с пролетарской революцией в Германии могло бы обстоять «прекрасно», если бы можно было оказать пролетарской революции поддержку, «так сказать, вторым изданием крестьянской войны»? Разве не известно всем и каждому, что пролетариев в Германии было тогда относительно меньше, чем например в России в 1917 г.? Разве практика русской пролетарской революции не показала, что эта излюбленная догма героев II Интернационала лишена всякого жизненного значения для пролетариата? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс бьет и побивает эту обветшалую догму?

Догма вторая: пролетариат не может удержать власть, если нет у него в наличии достаточного количества готовых культурных и администраторских кадров, способных наладить управление страной, — сначала нужно выработать эти кадры в условиях капитализма, а потом брать власть. Допустим, отвечает Ленин, но почему нельзя повернуть дело так, чтобы сначала взять власть, создать благоприятные условия для развития пролетариата, а потом — двинуться вперед семимильными шагами для подъема культурного уровня трудящихся масс, для выработки многочисленных кадров руководителей и администраторов из рабочих? Разве российская практика не показала, что кадры руководителей из рабочих растут при пролетарской власти в сто раз быстрее и основательнее, чем при власти капитала? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс безжалостно побивает и эту теоретическую догму оппортунистов.

Догма третья: метод общей политической забастовки неприемлем для пролетариата, ибо он теоретически несостоятелен (см. критику Энгельса), практически опасен (может расстроить обычный ход хозяйственной жизни страны, может опустошить кассы профессиональных союзов), не может заменить парламентские формы борьбы, являющиеся главной формой классовой борьбы пролетариата. Хорошо, отвечает ленинцы. Но, во-первых, Энгельс критиковал не любую общую забастовку, а лишь определенный род общей забастовки, всеобщую *экономическую* забастовку анархистов, выдвигавшуюся анархистами *взамен* политической борьбы пролетариата, — причем тут метод общей *политической* забастовки? Во-вторых, кто и где доказал, что парламентская форма борьбы является главной формой борьбы пролетариата? Разве история революционного движения не показывает, что парламентская борьба является лишь школой и подспорьем для организации внепарламентской борьбы пролетариата, что основные вопросы рабочего движения при капитализме решаются силой, непосредственной борьбой пролетарских масс, их общей забастовкой, их восстанием? В-третьих, откуда взялся вопрос о замене парламентской борьбы методом общей политической забастовки? Где и когда пытались сторонники общеполитической забастовки заменить парламентские формы борьбы формами борьбы внепарламентскими? В-четвертых, разве революция в России не показала, что общая политическая забастовка является величайшей школой пролетарской революции и незаменимым средством мобилизации и организации широчайших масс пролетариата накануне штурма твердынь капитализма, — причем же тут филистерские сетования о расстройстве обычного хода хозяйственной жизни и о кассах профессиональных союзов? Разве не ясно, что практика революционной борьбы разбивает и эту догму оппортунистов?

И т. д. и т. п.

Вот почему говорил Ленин, что «революционная теория не есть догма», что «она складывается окончательно лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» («Детская болезнь»), ибо теория должна служить практике, ибо «теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» («Друзья народа»), ибо она должна проверяться данными практики.

Что касается политических лозунгов и политических решений партий II Интернационала, то достаточно вспомнить историю с лозунгом «война войне», чтобы понять всю фальшь и всю гнилость политической практики этих партий, прикрывающих свое антиреволюционное дело пышными революционными лозунгами и резолюциями. Всем памятна пышная демонстрация II Интернационала на Базельском конгрессе с угрозой по адресу империалистов всеми ужасами восстания, если империалисты решатся начать войну, и с грозным лозунгом «война войне». Но кто не помнит, что спустя некоторое время, перед самым началом войны, Базельская резолюция была положена под сукно, а рабочим был дан новый лозунг — истреблять друг друга во славу капиталистического отечества? Разве не ясно, что революционные лозунги и

резолюции не стоят ни гроша, если они не подкрепляются делом? Стоит только сопоставить ленинскую политику превращения империалистской войны в войну гражданскую с предательской политикой II Интернационала во время войны, чтобы понять всю пошлость политиканов оппортунизма, все величие метода ленинизма. Не могу не привести здесь одно место из книги Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он жестоко бичует оппортунистическую попытку лидера II Интернационала К. Каутского судить о партиях не по их делам, а по их бумажным лозунгам и документам: «Каутский проводит типично мешанскую, филистерскую политику, воображая... будто *выставление лозунга* меняет дело. Вся история буржуазной демократии разоблачает эту иллюзию: для обмана народа буржуазные демократы всегда выдвигали и всегда выдвигают какие угодно «лозунги». Дело в том, чтобы *проверить* их искренность, чтобы со словами сопоставить *дела*, чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской *фразой*, а доискиваться *классовой реальности*»¹.

Я уже не говорю о боязни партий II Интернационала самокритики, об их манере скрывать свои ошибки, затушевывать большие вопросы, прикрывать свои недочеты фальшивым парадом благополучия, ступляющим живую мысль и тормозящим дело революционного воспитания партии на собственных ошибках, манере, высмеянной и притворенной к позорному столбу Лениным. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 11—15, изд. 9-е.)

Против троцкистской контрабанды в вопросах истории и теории большевизма

О некоторых вопросах истории большевизма

Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция».

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Решительно протестую против помещения в журнале «Пролетарская Революция» (№ 6 1930 г.) антипартийной и полутроцкистской статьи Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса», как статьи дискуссионной.

Слуцкий утверждает, что Ленин (большевики) недооценивал опасности *центризма* в германской и вообще предвоенной социал-демократии, т. е. недооценивал опасности прикрытого оппортунизма, опасности примиренчества с оппортунизмом. Иначе говоря, по Слуцкому выходит, что Ленин (большевики) не вел непримиримой борьбы с оппортунизмом, ибо недооценка центразма есть по сути дела отказ от развернутой борьбы с оппортунизмом. Выходит таким образом, что Ленин в период перед войной не был еще настоящим большевиком, что лишь в период империалистской войны, или даже в исходе этой войны, Ленин стал настоящим большевиком. Так повествует в своей статье Слуцкий. А вы вместо того, чтобы заклеить этого новоявленного «историка» как клеветника и фальсификатора, ввязываетесь с ним в дискуссию, даете ему трибуну. Не могу не протестовать против помещения в вашем журнале статьи Слуцкого как статьи дискуссионной, так как нельзя превращать в предмет дискуссии вопрос о *большевизме* Ленина, вопрос о том, *вел* Ленин принци-

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 377.

пиальную непримиримую борьбу с центризмом как известным видом оппортунизма, или *не вел ее, был Ленин настоящим большевиком или не был таковым.*

В своем заявлении «от редакции», присланном в ЦК 20 октября, вы признаете, что редакция допустила ошибку, поместив статью Слуцкого в качестве дискуссионной статьи. Это конечно хорошо, несмотря на то, что заявление редакции появляется с большим запозданием. Но вы допускаете в своем заявлении новую ошибку, декларируя, что «редакция считает политически крайне актуальным и необходимым дальнейшую разработку на страницах «Пролетарской революции» всего круга проблем, связанных с взаимоотношением большевиков с довоенным II Интернационалом». Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, пугающуюся в «дальнейшей разработке». Почему, на каком основании? Всем известно, что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.). Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаясь превратить аксиому в проблему, подлежащую «дальнейшей разработке». Почему? На каком основании? Может быть по незнанию с историей большевизма? Может быть ради гнилого либерализма, чтобы Слуцкие и прочие ученики Троцкого не могли сказать, что им зажимают рот? — Довольно странный либерализм, проводимый за счет кровных интересов большевизма...

Что собственно считает редакция достойным дискуссионного рассмотрения в статье Слуцкого?

1) Слуцкий утверждает, что Ленин (большевики) не вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами германской социал-демократии, с оппортунистами II Интернационала довоенного периода. Вы хотите дискутировать против этого троцкистского тезиса Слуцкого. Но что тут дискуссионного? Разве не ясно, что Слуцкий просто клеветает на Ленина, на большевиков? Клевету нужно заклеить, а не превращать в предмет дискуссии.

Всякий большевик знает, если он действительно большевик, что Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии, — вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в Российской социал-демократической партии, и там, во II Интернационале, в частности в германской социал-демократии. Всякий большевик знает, что именно поэтому большевики уже тогда (1903—1905) снискали себе в рядах оппортунистов II Интернационала почетную славу «раскольников» и «дезорганизаторов». Но что мог сделать Ленин, что могли сделать большевики, если левые социал-демократы во II Интернационале и, прежде всего, в германской социал-демократии представляли слабую и немогущую группу, организационно не оформленную, идеологически не подкованную, группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол»? Нельзя же требовать, чтобы Ленин, чтобы большевики устроили из России за левых раскол в западных партиях. Я уже не говорю о том, что организационная и идеологическая слабость была характерной чертой левых социал-демократов не только в период довоенный. Она, эта отрицательная черта, как известно, сохранилась за левыми и в период после войны. Всем известна оценка германских левых социал-демократов в известной статье Ленина «О брошюре Юниуса»¹, писанной в октябре 1916 г., т. е. спустя более двух лет после начала войны, где Ленин, критикуя целый ряд серьезнейших политических ошибок

¹ Юниус — Роза Люксембург, лидер левых социал-демократов в германской социал-демократии.

левых социал-демократов в Германии, говорит о *«слабости всех немецких левых, отпугнутых со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантизма, «дружелюбия» к оппортунистам»*, где он говорит о том, что *«Юниус не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги»*.

Из всех группировок II Интернационала русские большевики были тогда единственной группировкой, способной по своему организационному опыту и идеологической подкованности предпринять что-либо серьезное в смысле прямого разрыва, раскола со своими оппортунистами в своей российской социал-демократии. Вот если бы Слуцкие попытались даже не доказать, а просто предположить, что Ленин и русские большевики не использовали всей своей мощи для того, чтобы организовать раскол с оппортунистами (Плеханов, Мартов, Дан) и изгнать центристов (Троцкий и прочие сторонники Августовского блока), — то тогда можно было бы спорить о большевизме Ленина, о большевизме большевиков. Но в том-то и дело, что Слуцкие не смеют даже заикнуться в пользу такого дикого предположения. Не смеют, так как знают, что всем известные факты решительной политики разрыва с оппортунистами всех мастей, проводившейся русскими большевиками (1904—1912 гг.), вопиют против такого предположения. Не смеют, так как знают, что на другой же день будут они пригвождены к позорному столбу.

Но вот вопрос: могли ли русские большевики осуществить раскол со своими оппортунистами и центристами-примиренцами задолго до империалистской войны (1904—1912 гг.), не ведя вместе с тем линию на разрыв, линию на раскол с оппортунистами и центристами II Интернационала? Кто может сомневаться в том, что русские большевики считали свою политику в отношении оппортунистов и центристов образцом политики для левых на Западе? Кто может сомневаться в том, что русские большевики всячески толкали левых социал-демократов на Западе, в частности, левых в германской социал-демократии на разрыв, на раскол со своими оппортунистами и центристами? Не вина Ленина и русских большевиков, если левые социал-демократы на Западе оказались не созревшими к тому, чтобы идти по стопам русских большевиков.

2) Слуцкий упрекает Ленина и большевиков, что они не поддерживали левых в германской социал-демократии решительно и бесповоротно, что они поддерживали их лишь с серьезными оговорками, что фракционные соображения мешали им поддерживать левых до конца. Вы хотите дискуссировать против этого шарлатанского и насквозь фальшивого упрека. Но что тут собственно дискуссионного? Разве не ясно, что Слуцкий здесь маневрирует и старается прикрыть фальшивым упреком против Ленина и большевиков действительные прорехи в позиции левых в Германии? Разве не ясно, что большевики не могли поддерживать левых в Германии, то и дело колебавшихся между большевизмом и меньшевизмом, без серьезных оговорок, без серьезной критики их ошибок, не изменяя рабочему классу и его революции? Мошеннические маневры пужно заклеить, а не превращать в предмет дискуссии.

Да, большевики поддерживали левых социал-демократов в Германии лишь с известными серьезными оговорками, критикуя их полуменьшевистские ошибки. Но за это надо их приветствовать, а не упрекать.

Есть люди, которые сомневаются в этом?

Обратимся к наиболее известным фактам из истории.

а) В 1903 г. выявились серьезные разногласия между большевиками и меньшевиками в России по вопросу о членстве в партии. Своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партию. Опасность такого наплыва была тогда более чем

реальна, ввиду буржуазно-демократического характера русской революции. Русские меньшевики отстаивали противоположную позицию, открывающую широко двери партии непролетарским элементам. Ввиду важности вопросов русской революции для мирового революционного движения, западноевропейские социал-демократы решили вмешаться в дело. Вмешались и левые социал-демократы в Германии, Парвус и Роза Люксембург, тогдашние лидеры левых. И что же? Оба они высказались против большевиков. При этом было брошено обвинение по адресу большевиков в ультра-централизме и бланкистских тенденциях. Впоследствии эти пошлые и мещанские эпюграфы были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру.

б) В 1905 г. развернулись разногласия между большевиками и меньшевиками в России о характере русской революции. Большевики отстаивали идею союза рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата. Большевики утверждали, что дело надо вести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства с тем, чтобы от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты. Меньшевики в России отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией, а революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства объявили реакционной бланкистской схемой, противоречащей развитию буржуазной революции. Как отнеслись к этим спорам левые в германской социал-демократии, Парвус и Роза Люксембург? Они сочинили утопическую и полуменьшеvistскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовской схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевистской схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшеvistская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма.

в) В период перед войной в партиях II Интернационала выступил на сцену, как один из актуальнейших вопросов, вопрос национально-колониальный, вопрос об угнетенных нациях и колониях, вопрос об освобождении угнетенных наций и колоний, вопрос о путях борьбы с империализмом, вопрос о путях свержения империализма. В интересах развертывания пролетарской революции и окружения империализма большевики предложили политику поддержки освободительного движения угнетенных наций и колоний на базе самоопределения наций и развили схему единого фронта между пролетарской революцией передовых стран и революционно-освободительным движением народов колоний и угнетенных стран. Оппортунисты всех стран, социал-шовинисты и социал-империалисты всех стран не замедлили ополчиться в связи с этим против большевиков. Большевиков травили, как бешеных собак. Какую позицию заняли тогда левые социал-демократы на Западе? Они развили полуменьшеvistскую теорию империализма, отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвергли тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и угнетенных стран, отвергли тезис о возможности единого фронта между пролетарской революцией и национально-освободительным движением и противопоставили всю эту полуменьшеvistскую кашу, являющуюся сплошной недооценкой национально-колониального вопроса, — марксистской схеме большевиков. Известно, что эту полуменьшеvistскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма.

Таковы всем известные ошибки левых социал-демократов в Германии.

Я уже не говорю о других ошибках германских левых, раскритикованных в соответствующих статьях Ленина.

Не говорю также об ошибках, допущенных ими при оценке политики большевиков в период Октябрьского переворота.

О чем говорят эти ошибки германских левых, взятые из истории довоенного периода, как не о том, что левые социал-демократы, несмотря на свою левизну, не освободились еще от меньшевистского багажа?

Конечно у левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела. Я имею в виду целый ряд их заслуг и революционных выступлений по вопросам внутренней политики и, в частности, избирательной борьбы, по вопросам парламентской и внепарламентской борьбы, об общей забастовке, о войне, о революции 1905 г. в России и т. д. Именно поэтому и считались с ними большевики, как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые социал-демократы в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались ввиду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков.

Судите теперь сами, могли ли Ленин и большевики поддерживать левых социал-демократов на Западе *без серьезных оговорок, без серьезной критики* их ошибок, не изменяя интересам рабочего класса, не изменяя интересам революции, не изменяя коммунизму?

Не ясно ли, что Слуцкий, упрекая Ленина и большевиков в том, по поводу чего он должен был бы их приветствовать, если бы он был большевиком, — разоблачает себя до конца как полуменьшевика, как замаскированного троцкиста?

Слуцкий делает предположение, что Ленин и большевики в своей оценке левых на Западе исходили из своих фракционных соображений, что, стало-быть, русские большевики приносили в жертву интересам своей фракции великое дело международной революции. Едва ли нужно доказывать, что не может быть ничего пошлее и гнуснее такого предположения. Не может быть ничего пошлее, так как даже оголтелые пошляки из меньшевиков начинают понимать, что русская революция не есть частное дело русских, что она, наоборот, является делом рабочего класса всего мира, делом мировой пролетарской революции. Не может быть ничего гнуснее, так как даже профессиональные клеветники из II Интернационала начинают понимать, что последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран.

Да, русские большевики выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции, вроде вопросов о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций, об освободительном движении угнетенных наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п. Они выдвигали эти вопросы как пробный камень, на котором она проверяли революционную выдержанность левых социал-демократов на Западе. Имели ли они на это право? Да, имели. Не только имели, но обязаны были поступать таким образом. Они обязаны были поступать таким образом, так как все эти вопросы были вместе с тем коренными вопросами мировой революции, задачам которой подчиняли большевики свою политику, свою тактику. Они обязаны были поступать таким образом, так как только на таких вопросах можно было проверять по-настоящему революционность тех или иных группировок II Интернацио-

вала. Спрашивается, в чем же тут «фракционность» русских большевиков и причем здесь «фракционные» соображения?

Ленин еще в 1902 г. писал в своей брошюре «Что делать?», что *«история поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны», что «осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»*. Со времени выхода в свет брошюры «Что делать?» прошло 30 лет. Никто не смеет отрицать, что события за этот период блестяще подтвердили слова Ленина. Но не следует ли из этого, что русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции, что коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции?

Не ясно ли, что только на таких коренных вопросах можно было проверить настоящему революционность левых социал-демократов на Западе?

Не ясно ли, что люди, рассматривающие эти вопросы как вопросы «фракционные», — разоблачают себя до конца как пошляков и перерожденцев?

3) Слуцкий утверждает, что не найдено еще достаточного количества официальных документов, свидетельствующих о решительной и непримиримой борьбе Ленина (большевиков) против центризма. Этим бюрократическим тезисом оперирует он, как неотразимым аргументом в пользу того положения, что Ленин (большевики), стало-быть, недооценивал опасности центризма во II Интернационале. Вы беретесь дискутировать против этой галиматии, против этого жульнического крючкотворства. Но что тут собственно дискуссионного? Разве не ясно и так, что разговорами о документах Слуцкий старается прикрыть убожество и фальшь своей так называемой установки?

Слуцкий считает существующие партийные документы недостаточными. Почему, на каком основании? Разве всем известных документов по линии II Интернационала, так же как и по линии внутрипартийной борьбы в российской социал-демократии недостаточно для того, чтобы со всей ясностью продемонстрировать революционную непримиримость Ленина и большевиков в их борьбе против оппортунистов и центристов? Знаком ли вообще Слуцкий с этими документами? Какие ему нужны еще документы?

Допустим, что кроме уже известных документов будет найдена куча других документов в виде, скажем, резолюций большевиков, лишней раз трактующих о необходимости уничтожения центризма. Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к центризму? Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же кроме архивных крыс не понимает, что партии и лидеры надо проверять по их *делам*, прежде всего, а не только по их декларациям? История знает немало социалистов, которые с готовностью подписывали любые революционные резолюции, чтобы отписаться от назойливых критиков. Но это еще не значит, что они *проводили в жизнь* эти резолюции. История знает, далее, немало социалистов, которые с пеной у рта требовали от рабочих партий *других* стран самых что ни на есть революционных действий. Но это еще не значит, что они *не пасовали* в своей собственной партии или в своей собственной стране перед *своими* оппортунистами, перед *своей* буржуазией. Не потому ли учил нас Ленин проверять революционные партии, течения, лидеров не по их декларациям и резолюциям, а по их *делам*?

Не ясно ли, что если Слуцкий в самом деле хотел проверить непримиримость Ленина и большевиков в их отношениях к центризму, он должен был сделать *основой*

свои статьи не отдельные документы и два-три личных письма, а проверку большевиков по их *делам*, по их *истории*, по их *действиям*? Разве у нас, Российской социал-демократии, не было оппортунистов, центристов? Разве большевики не вели решительную и непримиримую борьбу со всеми этими течениями? Разве эти течения не были связаны и идейно и организационно с оппортунистами и центристами на Западе? Разве большевики не разгромили оппортунистов и центристов так, как не громила их ни одна левая группа в мире? Как можно говорить после всего этого, что Ленин и большевики недооценивали опасности центризма? Почему Слуцкий пренебрег этими фактами, имеющими решающее значение для характеристики большевиков? Почему он не использовал наиболее надежный метод проверки Ленина и большевиков по их делам, по их действиям? Почему он предпочел менее надежный метод копания в случайно подобранных бумагах?

Потому что обращение к более надежному методу проверки большевиков по их делам миглом опрокинуло бы вверх дном всю установку Слуцкого.

Потому что проверка большевиков по их делам показала бы, что большевики являются *единственной* в мире революционной организацией, которая разгромила до конца оппортунистов и центристов и изгнала их вон из партии.

Потому что обращение к действительным делам и действительной истории большевиков показало бы, что учителя Слуцкого — троцкисты были *главной и основной* группой, насаждавшей в России центризм и создавшей для этого специальную организацию, как очаг центризма, в виде Августовского блока.

Потому что проверка большевиков по их делам окончательно разоблачила бы Слуцкого как фальсификатора истории нашей партии, пытающегося прикрыть центризм троцкизма довоенного периода клеветническими обвинениями Ленина и большевиков в недооценке опасности центризма.

Вот как обстоит дело, товарищи редакторы, со Слуцким и его статьей.

Вы видите, что редакция совершила ошибку, допустив дискуссию с фальсификатором истории нашей партии.

Что могло толкнуть редакцию на этот неправильный путь? Я думаю, что на этот путь толкнул ее гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение. Некоторые большевики думают, что троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма. Отсюда некоторый либерализм в отношении троцкистов и троцкистски-мыслящих людей. Едва ли нужно доказывать, что такой взгляд на троцкизм является глубоко ошибочным и вредным. На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР.

Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 г. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов,

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.

Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами.

Мне кажется, что «историки» и «литераторы» из разряда троцкистских контрабандистов стараются проводить свою контрабандную работу пока что по двум линиям.

Во-первых, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма, при этом предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим революционером, что он стал таковым лишь после войны, после того, как «перевооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Слуцкого. Мы видели выше, что Слуцкий и компания не стоят того, чтобы долго возиться с ними.

Во-вторых, они стараются доказать, что Ленин не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, при этом предоставляется неопытному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим большевиком, что он понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того, как он «перевооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Волосевича, автора «Курса истории ВКП(б)». Правда, Ленин еще в 1905 г. писал, что *«от революции демократической мы сейчас же начнем переходить, и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции»*, что *«мы стоим за непрерывную революцию»*, что *«мы не остановимся на полпути»*. Правда, фактов и документов аналогичного порядка можно было бы найти в сочинениях Ленина многое множество. Но какое дело Волосевичам до фактов из жизни и деятельности Ленина? Волосевичи пишут для того, чтобы, подкрасившись под большевистский цвет, протащить свою антиленинскую контрабанду, налгать на большевиков и сфальсифицировать историю большевистской партии.

Вы видите, что Волосевичи стоят Слуцких.

Таковы «пути и перепутья» троцкистских контрабандистов.

Сами понимаете, что не дело редакции облегчать контрабандистскую деятельность подобных «историков» предоставлением им дискуссионной трибуны.

Задача редакции состоит по-моему в том, чтобы поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски.

Это тем более необходимо, что даже некоторые наши историки, — я говорю об историках без кавычек, о *большевистских* историках нашей партии, — не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких и Волосевичей. Исключения не составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера. (*Журнал «Большевик» № 19—20 за 1931 г., стр. 10—18.*)

IX. Значение т. Сталина в дальнейшем развитии марксистско-ленинской теории

Тов. Сталин — вождь Коммунистического Интернационала

Руководителю классовой борьбы

ДОРОГОЙ ТОВ. СТАЛИН!

В день вашего пятидесятилетия президиум ИККИ шлет вам горячий большевистский привет!

Президиум ИККИ считает своим долгом остановить внимание всего Коммунистического интернационала на исключительном значении вашего руководящего участия в мировом коммунистическом движении.

В вашем лице президиум ИККИ приветствует испытаннейшего представителя старой большевистской гвардии, вождя ленинской партии и вождя Коммунистического интернационала. Во все критические и переломные моменты революции вы твердо стояли на боевом ленинском посту. Коммунистический интернационал особенно ценит, что после смерти Ленина вы явились наиболее верным и твердым носителем ленинского учения и славных традиций большевизма. В самые трудные и ответственные дни вы помогали ВКП(б) и Коминтерну применять правильно и успешно диалектический метод ленинской классовой стратегии и тактики.

На пороге нового революционного подъема ваше руководство неоценимо в деле определения задач международного пролетариата, в деле дальнейшего социалистического наступления в СССР и в подготовке наступления пролетариата Запада и угнетенных народов колоний на решающие позиции империализма.

При вашем активном участии Коминтерн нанес сокрушительный удар и «левым» и правым оппортунистам, отступившим перед трудностями борьбы. Президиум ИККИ отмечает ваши исторические заслуги в деле разоблачения троцкистской легенды о невозможности победы социализма в СССР и их клеветы о национальной ограниченности ВКП(б). Международный пролетариат на фактах убедился в победоносном строительстве социализма в СССР, ставшем величайшим рычагом мировой пролетарской революции. Ваша непримиримость в борьбе против капитулантства открыто правых оппортунистов явилась необходимейшей предпосылкой этих успехов. Трудовой энтузиазм и революционная инициатива трудящихся масс, обеспечившие огромные достижения пролетарской диктатуры, нашли в вашем лице пламенного вдохновителя.

Президиум ИККИ отмечает также, что при вашем непосредственном и руководящем участии VI конгресс Коминтерна выковал непобедимое оружие революционной борьбы пролетариата — программу мирового коммунизма.

Посылая вам лучшие пожелания, мы выражаем твердую уверенность в том, что грядущая победа мирового пролетариата будет неразрывно связана с вашим испытанным ленинским руководством. (*Сборник «Сталин», стр. 5—7, 1929 г.*)

Роль т. Сталина в борьбе за осуществление генеральной линии партии

Отдающему все свои силы, энергию и знания делу рабочего класса — Сталину

ДОРОГОЙ ДРУГ И БОЕВОЙ ТОВАРИЩ!

Центральный комитет и Центральная контрольная комиссия ленинской партии горячо приветствуют тебя, лучшего ленинца, старейшего члена Центрального комитета и его Политбюро.

Пятьдесят лет жизни, тридцать с лишним лет твоей активной большевистской деятельности неразрывно связаны со всей героической борьбой нашей партии и с победами ленинизма.

С первых же дней твоей работы как профессионального революционера, строившего под руководством Ленина первые ячейки большевистской организации, ты проявил себя как верный, лучший ученик Ленина. Из непосредственных учеников и соратников Ленина ты оказался самым стойким и последовательным до конца ленинцем. Ни разу на протяжении всей своей деятельности ты не отступал от Ленина как в своих теоретических, принципиальных позициях, так и во всей практической работе.

Суровые годы подполья, жестокие преследования царизма, тюрьмы и ссылки закаляли твою стальную волю и революционную настойчивость.

В тяжелые годы поражений и в годы подъема ты всегда оставался твердым и непоколебимым, всегда вместе с Лениным, под его руководством ты осуществлял последовательную большевистскую линию, со всей решительностью выступал против оппортунизма, интеллигентского фразерства, уныния, колебания и открытого ренегатства.

В победоносные дни великого Октября ты, в противоположность иным ученикам Ленина, оказался первым, самым близким и самым верным его помощником как виднейший организатор Октябрьской победы.

В тяжелые дни Бреста, когда решалась судьба революции, ты вместе с Лениным твердо отстаивал большевистскую стратегию против тех оппортунистов, кто раскалывал партию, подрывая большевистское единство под флагом мелкобуржуазной левизны.

В годы гражданской войны партия посылала тебя для организации побед на самых решающих фронтах. И твое имя связано с самыми славными победами нашей Красной армии.

Смерть вырвала из наших рядов величайшего нашего вождя и учителя т. Ленина как раз в самые трудные годы восстановления народного хозяйства. Партия переживала тяжелые дни. Троцкизм, враждебный ленинизму, атаковал партию, делая попытки овладеть руководством партии и свернуть ее с ленинского пути. Уже в первой схватке с врагами ленинизма после смерти Ленина Центральный комитет в борьбе за ленинское единство партии сплотился вокруг тебя как самого верного и выдержанного продолжателя дела Ленина.

Партия одержала блестящую победу над троцкизмом и над новой зиновьевско-каменевской оппозицией, фальшиво прикрывавшейся флагом ленинизма, а на деле являвшейся прямой агентурой контрреволюционного троцкизма.

Так же, как в 1923 г. ты смело вскрыл антипартийную, меньшевистскую сущность троцкизма, так же и в 1928 г. ты разоблачил антипартийную, антипролетарскую, кулацкую сущность правого уклона.

Именно благодаря этому Центральный комитет партии сумел сплотить вокруг себя миллионные массы, сумел успешно разбить правый уклон и провести на деле, на практике генеральную ленинскую линию.

Через величайшие трудности восстановительного и реконструктивного периода большевистская партия вывела страну на путь грандиозного размаха социалистического строительства. Бурное развитие индустриализации страны и социалистического переустройства сельского хозяйства является ярким подтверждением ленинской теории о возможности построения социализма в нашей стране, теории, которую ты отстаивал в борьбе с мелкобуржуазным троцкизмом.

Величайшие успехи социалистического строительства, достигнутые партией, неразрывно связаны с твоим именем, с твоей упорной, непримиримой борьбой за генеральную линию партии.

С твоим именем неразрывно связаны невиданные в истории человечества темпы индустриализации страны и решительного перевода деревни на рельсы коллективного и крупного социалистического хозяйства, смелая атака на кулака, развертывание социалистического соревнования и самокритики. Ты, как никто другой, сочетал в себе глубокое теоретическое знание ленинизма с умением смело претворять его в жизнь на различных этапах революционной борьбы.

Эго помогло партии с наименьшей затратой сил и времени успешно справиться с труднейшими историческими задачами, это помогло партии сохранить действительное ленинское единство ее рядов.

Как подлинный ленинец ты боролся за единство партии не ценой уступок оппортунизму, а смелой, непримиримой борьбой со всякими проявлениями оппортунизма.

Именно поэтому терпели крах жалкие попытки всех врагов партии противопоставить Центральный комитет тебе.

Враги ленинизма уже не раз имели случай убедиться в том, что Центральный комитет и Сталин есть неразрывное единое ленинское целое.

Сегодняшний день еще теснее сплотит миллионную партию вокруг Центрального комитета, сплотит многомиллионные массы пролетариата и трудящихся вокруг ленинской генеральной линии партии, за которую ты боролся, борешься и которой ты отдаешь все свои силы, энергию и знания.

Миллионные массы пролетариев могут быть уверены в том, что Центральный комитет большевистской партии, имеющий в своих рядах такого руководителя, как Сталин, доведет страну до полного построения социализма и победы пролетарской революции во всем мире.

Да здравствует ленинская большевистская партия!

Да здравствует железный солдат революции — т. Сталин! (*Сборник «Сталин»*, стр. 8—12, 1929 г.)

Конкретизация и развитие марксистско-ленинской теории в работах т. Сталина

Два года назад (27 декабря 1929 г.) на конференции аграрников-марксистов выступил с речью т. Сталин. Эта речь явилась поворотным пунктом всемирно-исторического значения в политике нашей партии в деревне. Тов. Сталин в этой своей речи выдвинул лозунг перехода от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Речь т. Сталина открывала перед партией и страной новый исторический этап борьбы и развития, она ознаменовала собой подъем нашей социалистической революции на новую, высшую ступень.

Начавшаяся сплошная коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества как класса, знаменуя собой второй шаг Октября в деревне, открывали новую страницу борьбы за окончательную победу социализма, за окончательное решение в пользу социализма вопроса «кто кого?» и в сельском хозяйстве, за завершение построения фундамента социалистической экономики нашей страны. Лозунг ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации означал начало длительной борьбы за упрочение и развитие социалистической экономики в деревне, за дальнейший невиданно быстрый рост промышленности и сельского хозяйства на социалистической основе.

По-новому всгал вопрос о годе, о классах, о колхозах, об экономике переходного периода. Страна вступала в период социализма, в период быстрого р- змывания противоположности между городом и деревней. Появилась основа для того, чтобы лозунг партия — «лицом к деревне» дополнялся лозунгом крестьян- колхозников — «лицом к городу».

Весь этот поворот, этот подъем социалистической революции на новую, высшую ступень был подготовлен всем предшествующим развитием нашей страны на основе последовательной ленинской политики нашей партии под руководством ленинского ЦК. Весь этот поворот, этот подъем революции оказался возможным лишь в результате ленинской непримиримости партии ко всяким попыткам «ре-визии» основ большевизма как справа, так и «слева».

В боях против контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма партия под руководством т. Сталина отстояла ленинское учение о характере нашей революции как революции социалистической и ленинское учение о возможности построения социализма внутренними силами нашей страны. Партия отстояла ленинский кооперативный план от всех наскоков на него со стороны троцкистов и правых оппортунистов, мобилизовав многомиллионные рабочие-крестьянские массы на построение социализма в нашей стране, на осуществление ленинского кооперативного плана.

Партия вышла победительницей во всех этих боях благодаря тому, что она высоко несла знамя Ленина, знамя ленинизма, знамя революционной марксистско-ленинской теории. Партия не только охраняла, но и продолжала разработку ленинского учения, в огне классовой борьбы выковывая опыт применения ленинизма к новым конкретным условиям. И первейшая, мировая заслуга в этой разработке ленинского учения, его конкретизации применительно к новым условиям борьбы за социализм принадлежит ленинскому ЦК, принадлежит т. Сталину.

Продолжая после Ленина дело воспитания партии в духе решительной непримиримости к малейшим извращениям революционной теории марксизма-ленинизма, в духе охраны чистоты партийной теории, в духе строжайшей классовой бдительности на всех участках идеологического фронта, т. Сталин дал классический образец разработки основ ленинизма и постоянно служил партии личным примером большевистской бдительности.

Достаточно привести последнее письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», чтобы осознать всю силу и значение революционной теории в повседневной политической классовой борьбе пролетариата и его партии, железную необходимость неусыпной классовой бдительности на всех участках идеологического фронта, на всех участках социалистического строительства.

Это письмо т. Сталина находится в неразрывной связи со всем тем ярчайшим теоретическим прогнозом, который дал т. Сталин новому этапу нашего развития два года назад на конференции аграрников-марксистов.

Как известно, т. Сталин заострил тогда внимание партии на вопросе о социальной природе колхозов. Он подверг уничтожающей критике попытки развенчать колхозы как предприятия социалистического типа, ибо эти попытки по существу ничем не отличаются от контрреволюционной троцкистской контрабанды Слуцких, Волоосевичей и др. Больше того, эти попытки как раз вытекают из отрицания социалистического характера нашей революции, из отрицания возможности построения социализма внутренними силами нашей страны, т. е. из контрреволюционной троцкистской теории.

Слепые и те не могут не видеть всей политической злободневности, актуальности и значения этого письма т. Сталина для нынешнего этапа социалистического строительства.

В своей речи на конференции аграрников-марксистов т. Сталин, далее, «расчеховстил» теорию «равновесия», теорию «самотека», теорию «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства. Куда, по существу, ведут все эти буржуазные и мелкобуржуазные «теории» и «теориейки», как не к отрицанию социалистической природы

нашей революции, отрицанию руководящей роли пролетариата в нашей революции и во всем социалистическом строительстве? И не ясно ли, что все эти «теории» являются не чем иным, как попыткой протащить правооппортунистическую и контрреволюционную троцкистскую контрабанду в современные новые условия?

Вот почему т. Сталин, с особой силой еще тогда, два года назад, подчеркнув наше отставание на аграрном теоретическом фронте, и поставил перед аграрниками-марксистами задачу ликвидации этого отставания, задачу повышения классовой бдительности.

Разве не видно, как опыт уже нынешнего года целиком подтвердил своевременность указаний т. Сталина, данных в его речи? Для всякого сейчас должно быть ясно, почему т. Сталин, провозглашая в своей речи поворот к новому, нынешнему этапу социалистического строительства, в основу своего теоретического прогноза положил развернутую и уничтожающую критику буржуазных и мелкобуржуазных теорий.

Но не только в этом историческое значение речи т. Сталина. *Эта речь является новым вкладом в дело разработки ленинского учения применительно к периоду развернутого наступления социализма по всему фронту, применительно к периоду завершения построения фундамента социалистической экономики СССР.* И сейчас, когда пролетариат Советского союза под руководством партии и ее ЦК достиг победы всемирно-исторического значения, те указания, которые выдвинул в своей речи т. Сталин в самом начале поворота, в самом начале нынешнего этапа, два года назад, продолжают оставаться руководящими во всей нашей работе.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов стало сейчас центральной задачей партии в деревне. Необходимость борьбы с недооценкой этой задачи, с «левацкой» идеализацией колхозов была уже тогда предусмотрена т. Сталиным. «Ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества».

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов на языке социалистической экономики означает начало бурного, немислимого в условиях капитализма и мелкого хозяйства процесса расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве, процесса переделки колхозника в социалистического работника. И поскольку колхозы являются в своей основе «однотипными с социалистическим производством государственного сектора, по-новому встают вопросы расширенного социалистического воспроизводства во всем народном хозяйстве.

Эту перспективу необычайно ярко развил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов и затем в своих исторических шести условиях дал ей блестящую конкретизацию. *Шесть условий т. Сталина являются прямым путем к реализации тех новых грандиозных возможностей для расширенного социалистического воспроизводства, которые открываются в результате побед сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, в результате завершения построения фундамента социалистической экономики нашей страны.*

И в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов наша задача сейчас состоит в том, чтобы на основе шести условий т. Сталина разработать все те новые вопросы организации колхозного производства, которые позволят максимально реализовать открывшиеся новые возможности для расширенного воспроизводства не только в сельском, но и во всем народном хозяйстве.

Речь т. Сталина, как и его шесть условий конкретизируют те пути, по которым ускоренным темпом пойдет дальше изживание противоположности между городом и деревней.

И задача всей партии, в частности предстоящих партийных конференций, заключается сейчас в том, чтобы на этом пути обеспечить большевистскую реализацию поставленных т. Сталиным проблем, чтобы развернуть борьбу за выполнение народнохозяйственного плана на 1932 г., за завершение пятилетки в четыре года.

А для этого надо еще больше усилить классовую бдительность в наших рядах, усилить огонь по оппортунизму и гнилому либерализму, усилить марксистско-ленинское воспитание членов нашей партии и под руководством ЦК вести непримиримую борьбу за чистоту революционного знамени ленинской теории. (*«Правда» от 27 декабря 1931 г.*)

Тов. Сталин — теоретик большевизма, организатор и руководитель победоносного наступления социализма по всему фронту

ДОРОГОЙ ТОВ. СТАЛИН!

Московская III областная и II городская конференция от имени четырехсоттысячного отряда большевиков, пролетариата и трудящихся всей области приветствует тебя, руководителя ленинской партии и Коминтерна, теоретика марксизма-ленинизма, продолжателя великого дела Маркса, Энгельса и Ленина.

Высоко держа знамя коммунизма, партия Ленина росла и крепла в классовых боях с буржуазией, в непримиримой борьбе с врагами внутри рабочего движения, в борьбе на два фронта внутри партии на всех этапах своего развития.

Наша партия отстояла железное единство своих рядов, разгромив контрреволюционный троцкизм и правый оппортунизм, обеспечивая тем самым всемирно-исторические успехи социализма, вдохновляющие трудящихся всего мира на еще более решительную борьбу за коммунизм.

Этих успехов мы добились под твоим руководством. Ты вел партию и рабочий класс от одной победы к другой, сплачивая ряды большевиков вокруг ленинского Центрального комитета ВКП(б), в составе которого ты неизменно состоишь в течение двадцати лет.

Наша партия, верная заветам Ленина, строит социалистическое общество. Старая царская Россия из отсталой, малокультурной, аграрной страны превратилась в страну социалистической индустрии, в страну самого крупного земледелия. Большевизм поднимает гигантские нетронутые еще пласты, неисчислимые возможности и богатства страны.

Расширяется и реконструируется тяжелая промышленность. Советский союз создал крупную машинную индустрию, высвобождающую нас от иностранной зависимости в технико-экономическом отношении. Десятки гигантов социалистической индустрии вступили и вступают в строй.

Деревня, ликвидируя свою вековую отсталость и некультурность, гигантскими шагами идет вперед по пути социалистического переустройства. Ликвидируется последний эксплуататорский класс — кулачество, стирается противоположность между городом и деревней.

Быстрыми темпами улучшаются материально-бытовые условия трудящихся. На основе решения ЦК проводится грандиозная работа по реконструкции городского хозяйства в Советском союзе. Большевики города Москвы, руководствуясь твоими указаниями и при твоей повседневной помощи, дерутся за выполнение этих решений, за превращение Москвы в образцовую столицу пролетарского государства.

Твое руководство классовыми боями пролетариата, твои теоретические работы являются образцом применения марксистско-ленинского метода сочетания теории с социалистической практикой, образцом конкретного руководства.

Под твоим руководством партия разгромила буржуазную теорию троцкизма о невозможности победы социализма в одной стране, нанесла сокрушительный удар по кулацким теориям правых.

Ликвидировать кулачество как класс на основе сплошной коллективизации — этот лозунг, тобою выдвинутый и успешно проводимый партией, имеет всемирно-историческое значение и является гигантским вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Твои шесть исторических условий стали практической программой и знаменем борьбы миллионов трудящихся нашей страны за великий план.

Вторая пятилетка — гигантская программа построения социалистического общества в нашей стране, величайшая историческая эпоха человечества. Во второй пятилетке под твоим руководством партия и рабочий класс успешно закончат построение социалистического общества.

Верный оплот ленинского ЦК — московская организация заверяет тебя, т. Сталин, что и дальше она будет непримиримым врагом правого и «левого» оппортунизма, примиренчества и гнилого либерализма, активным борцом за социализм, за мировую пролетарскую революцию.

Да здравствует Центральный комитет ВКП(б)!

Да здравствует вождь и теоретик большевизма т. Сталин!

Да здравствует победа ленинизма во всем мире!

(«Правда» от 25 января 1932 г.)

Х. Необходимость непримиримой борьбы с антимарксистскими течениями

Идеологии, враждебные коммунизму, в рабочем классе

В своей борьбе с капитализмом за диктатуру пролетариата революционный коммунизм наталкивается на многочисленные течения среди рабочего класса — течения, выражающие большую или меньшую степень идеологического подчинения пролетариата империалистической буржуазии или отражающие идеологическое давление на него со стороны мелкой буржуазии и мещанства, бунтующих временами против кандалного режима финансового капитала, но не способных к выдержанной и научно-продуманной стратегии и тактике борьбы и к проведению этой борьбы организованным путем на основе суровой дисциплины, свойственной пролетариату.

Громадная социальная мощь империалистического государства — со всеми его подсобными аппаратами: школой, прессой, театром, церковью — сказывается прежде всего на существовании *конфессиональных и реформистских* течений в среде рабочего класса, представляющих главнейшее препятствие на пути социалистической революции пролетариата.

Конфессиональные, религиозно окрашенные направления в среде рабочего класса находят свое выражение в *конфессиональных профессиональных союзах*, часто непосредственно связанных с соответствующими политическими организациями буржуазии и примыкающих к той или другой церковной организации господствующего класса (католические профессиональные союзы, христианские союзы молодежи, еврейские сионистские организации и т. д.). Все эти течения, будучи наиболее ярким продуктом идеологического пленения некоторых слоев пролетариата, носят в боль-

шинстве случаев романтически феодальную окраску. Освящая святой водой религии все гнусности капиталистического режима и терроризируя свою паству призраками загробных кар, руководители этих организаций являются наиболее *реакционными* отрядами классового врага в стане пролетариата.

Коммерчески циничной и светски империалистической формой подчинения пролетариата идеологическому влиянию буржуазии является современный *«социалистический» реформизм*. Списывая свои основные заповеди со скрижалей империалистической политики, он имеет в настоящее время своим образцом сознательно антисоциалистическую и открыто контрреволюционную «Американскую федерацию труда». «Идейная» диктатура американской лакейской профбюрократии, в свою очередь выражающей «идейную» диктатуру американского доллара, стала через посредство английского реформизма и его королевских социалистов из «рабочей» партии важнейшей составной частью теории и практики всей международной социал-демократии и лидером Амстердамского интернационала, причем вожди германской и австрийской социал-демократии подкрашивали эти теории марксистской фразеологией, прикрывая ею свою полную измену марксизму. «Социалистический» реформизм, будучи главным врагом революционного коммунизма в рабочем движении и имея широкую организационную базу в социал-демократических партиях и через них в реформистских профессиональных союзах, во всей своей политике и во всей своей теоретической установке обнаруживает себя как сила, направленная *против пролетарской революции*.

В области *внешней политики* социал-демократические партии под флагом «защиты отечества» активно содействовали империалистической войне. Экспансия империалистического государства и «колониальная политика» находят в них всемерную поддержку; ориентация на контрреволюционный «Священный союз» империалистических держав («Лига наций»), проповедь «ультраимпериализма», мобилизация масс под лживо-пафлистскими лозунгами и в то же время активная поддержка империализма в его нападениях на СССР и в его грядущей войне против СССР — таковы основные черты внешней политики реформизма.

В области *внутренней политики* социал-демократия поставила своей задачей прямое содействие и прямую помощь капиталистическому режиму. Полная поддержка капиталистической рационализации и стабилизации капитализма, обеспечение классового мира, «мира в промышленности»; политика вставания рабочих организаций в организации предпринимателей и разбойничьего империалистического государства; практика так называемой «хозяйственной демократии», на деле являющаяся практикой полного подчинения трестовскому капиталу; преклонение перед империалистическим государством и в особенности перед его лживо-демократическими вывесками; активное строительство органов этого государства: его полиции, армии, жандармерии, его классового суда; защита этого государства от всякого посягательства со стороны революционного коммунистического пролетариата и палаческая роль социал-демократии во времена революционных кризисов — такова линия внутренней политики реформизма. Симулируя профессиональную борьбу, реформизм главной своей задачей и в данной области ставит такое ведение этой борьбы, которое гарантировало бы класс капиталистов от всех и всяческих потрясений и во всяком случае обеспечивало бы полную неприкосновенность основ капиталистической собственности.

В области *теории* социал-демократия изменила марксизму полностью и целиком, пройдя через ревизионистский этап к законченному либерально-буржуазному реформаторству и откровенному социал-империализму; учение Маркса о противоречиях капитализма она заменила буржуазным учением о его гармоническом развитии; учение о кризисах и обнищании пролетариата она сдала в архив; грозную и пламен-

ную теорию классовой борьбы она превратила в пошлую проповедь классового мира; учение об обострении классовых противоречий она променяла на мешанскую басню о «демократизации» капитала; на место теории неизбежных при капитализме войн она поставила буржуазный обман пацифизма и лживую проповедь «ультраимпериализма»; теорию революционного крушения капитализма она разменяла на фальшивую монету «здорового» капитализма, мирно превращающегося в социализм; революцию она заменила эволюцией; разрушение буржуазного государства — его активным строительством; учение о пролетарской диктатуре — теорией коалиции с буржуазией; учение о международной пролетарской солидарности — учением о защите империалистических отечеств; диалектический материализм Маркса — идеалистической философией и кокетничанием с религиозными отбросами буржуазии.

Внутри этого социал-демократического реформизма выделяется ряд направлений, особо характерных с точки зрения буржуазного вырождения социал-демократии.

«*Конструктивный социализм*» (Макдональд и К^о), в самом своем названии несаящую идею борьбы с революцией пролетариата и положительного отношения к капиталистическому строю, продолжает либерально-филантропические антиреволюционные и буржуазные традиции фабианства (супруги Веббы, Б. Шоу, лорд Оливер и т. д.). Принципиально отрицая диктатуру пролетариата и насильственные средства борьбы против буржуазии, он поддерживает насильственную борьбу против пролетариата и колониальных народов. Будучи апологетом капиталистического государства, проповедуя, под видом социализма, государственный капитализм, объявляя — вместе с наиболее вульгарными идеологами империализма обоих полушарий — теорию классовой борьбы «донаучной» теорией, «конструктивный социализм» проповедует на словах умеренную программу национализации с выкупом, налог на земельную ренту, налог на наследство и обложение сверхприбыли как средство уничтожения капитализма. Будучи решительным противником диктатуры пролетариата в СССР, «конструктивный социализм» в полном союзе с буржуазией является активным врагом коммунистического движения пролетариата и колониальных революций.

Особым видом «конструктивного социализма» является «*кооператизм*» или «*кооперативный социализм*» (Шарль Жид, Тотомьянц и К^о), который тоже решительно отвергает классовую борьбу и пропагандирует кооперативную организацию потребителей как средство мирным путем преодолеть капитализм, на деле всемерно содействуя его укреплению. «Кооператизм», располагающий в лице массовых организаций потребительской кооперации широким пропагандистским аппаратом для повседневного систематического воздействия на широкие массы, ведет ожесточенную борьбу с революционным рабочим движением, препятствуя осуществлению его целей, и представляет сейчас один из активнейших факторов в лагере реформистской контрреволюции.

Так называемый «*гильдейский социализм*» (Пенти, Ораж, Гобсон и др.) является эклектической попыткой объединить «революционный» синдикализм с буржуазно-либеральным фабианством, анархистскую децентрализацию («национальные промышленные гильдии») с государственно-капиталистической централизацией, пеховую ремесленную ограниченность средневековья с современным капитализмом. Исходя из словесного требования уничтожения «системы заработной платы» как «нормального» института, который должен быть отменен рабочим контролем над промышленностью, гильдейский социализм совершенно обходит важнейший вопрос, вопрос о власти. Стремясь объединить рабочих, интеллигентов и техников в федерацию национальных промышленных «гильдий» и превратить эти гильдии мирными путями («контроль изнутри») в органы управления промышленностью в рамках буржуазного государства, гильдейский социализм на деле защищает это государство, затушевывает его классовый, империалистический, антипролетарский характер и от-

водит ему место «внеклассового» представителя интересов «потребителей» как противовеса «производителям», организованным в гильдии. Своей проповедью «функциональной демократии», т. е. представительства классов капиталистического общества, изображаемых как профессии с их особыми общественно-производственными функциями, гильдейский социализм прокладывает дорогу «корпоративному государству» фашизма. Отрицая парламентаризм и в то же время отрицая «прямое действие», большинство гильдейских социалистов обрекает рабочий класс на полное бездействие и пассивное подчинение буржуазии. Он представляет таким образом своеобразный тред-юнионистский утопический оппортунизм и как таковой не может не играть антиреволюционной роли.

Особой формой социал-демократического реформизма является наконец *австромарксизм*. Будучи составной частью «левого» крыла социал-демократии, австромарксизм представляет собою наиболее тонкую форму обмана трудящихся масс. Проституируя марксистскую терминологию и в то же время решительно порывая с основами революционного марксизма (кантианство, махизм и т. д. «австромарксистов» в области философии), кокетничая с религией, списывая у английских реформистов теорию «функциональной демократии», стоя на точке зрения «строительства республики», т. е. строительства буржуазного государства, австромарксизм рекомендует «кооперацию классов» в периоды так называемого «равновесия классовых сил», т. е. как раз тогда, когда назревает революционный кризис. Эта теория означает оправдание коалиции с буржуазией для ниспровержения пролетарской революции под маской защиты «демократии» от нападения реакции. Объективно и на практике насилие, допускаемое австромарксизмом в случаях нападения реакции, превращается в насилие реакции против революции пролетариата. «Функциональная роль» австромарксизма состоит в обмане рабочих, уже идущих к коммунизму, и поэтому австромарксизм является особо опасным врагом пролетариата, более опасным, чем открытые сторонники разбойничьего социал-империализма.

Если все эти течения, будучи составными частями «социалистического» реформизма, являются агентурой империалистической буржуазии в среде рабочего класса, то, с другой стороны, коммунизм сталкивается с рядом мелкобуржуазных течений, отражающих и выражающих шатание неустойчивых общественных слоев (городская мелкая буржуазия, разлагающееся городское мещанство, люмпен-пролетариат, деклассированная интеллигентская богема, нищающие ремесленники, некоторые слои крестьянства и т. д. и т. п.). Эти течения, отличаясь крайней политической неустойчивостью, нередко покрывают левой фразеологией правую политику или впадают в авантюризм, заменяя объективный учет сил крикливой политической жестикულიцей, переходя нередко от невероятного революционного чванства к глубочайшему пессимизму и настоящей капитуляции перед врагом. Эти течения при некоторых условиях, в особенности при крутых изменениях политической ситуации и при необходимости временного отступления, могут стать опаснейшими дезорганизаторами пролетарских рядов и тем самым — тормозом революционного движения пролетариата.

Анархизм, наиболее выдающиеся представители которого (Кропоткин, Жан Грав и др.) изменнически перешли во время войны 1914—1918 гг. на сторону империалистической буржуазии, отрицает необходимость широких централизованных и дисциплинированных организаций пролетариата и тем самым оставляет его бессильным перед лицом могущественных организаций капитала. Проповедуя индивидуальный террор, он отвлекает пролетариат от методов массовой организации и массовой борьбы. Отрицая диктатуру пролетариата во имя абстрактной «свободы», анархизм лишает пролетариат важнейшего и самого острого оружия против буржуазии, ее армии, всех ее репрессивных органов. Далекий от какого бы то ни было массового дви-

жения в важнейших центрах пролетарской борьбы, анархизм все более превращается в секту, всей своей тактикой и всеми своими выступлениями, в том числе выступлениями против диктатуры рабочего класса в СССР, объективно включающую себя в единый фронт антиреволюционных сил.

«Революционный» синдикализм, многие идеологи которого переплыли во время наиболее критического военного периода в лагерь «антипарламентских» контрреволюционеров фашистского типа или превратились в мирных реформистов социал-демократического образца, подобно анархизму, своим отрицанием политической борьбы (в частности революционного парламентаризма) и революционной диктатуры пролетариата, своей проповедью цехового децентрализма в рабочем движении вообще, в профессиональном движении в особенности, своим отрицанием партии пролетариата, своим отрицанием необходимости восстания и своей переоценкой всеобщей стачки («тактика скрещенных рук») мешает революционизированию рабочих масс повсюду, где он имеет какое-либо влияние. Его нападки на СССР, связанные с отрицанием пролетарской диктатуры, вообще ставят его в этом отношении на одну доску с социал-демократией.

Все эти течения и направления сходятся с *социал-демократией*, этим главным врагом пролетарской революции, в основном вопросе политики — *вопросе о диктатуре пролетариата*. Поэтому все они более или менее определенно выступают в одном фронте с социал-демократией против СССР. С другой стороны, социал-демократия, целиком и полностью изменившая марксизму, опирается все более и более на идеологию фабианцев, конструктивных и гильдейских социалистов. Эти течения превращаются в официально либерально-реформистскую идеологию буржуазного «социализма» II Интернационала.

В *колониальных странах* и среди угнетенных народов и рас вообще коммунизм сталкивается в рабочем движении с влиянием своеобразных течений, которые в определенную фазу развития играли известную положительную роль, но которые становятся реакционной силой на новом этапе развития.

Сунятсенизм в Китае являлся идеологией мелкобуржуазного, народнического «социализма». В учении о «трех принципах» (национализм, демократия, социализм) понятие народа покрывало и скрывало понятие классов, социализм представлялся не специфическим и особым способом производства, осуществляемым особым классовым носителем — пролетариатом, а неопределенным общественным благосостоянием; борьба с империализмом не была увязана с перспективами развития классовой борьбы внутри страны. Поэтому сунятсенизм, сыграв на первой стадии китайской революции огромную положительную роль, в результате дальнейшей классовой дифференциации в стране и дальнейшего хода китайской революции из идеологической формы ее развития превратился в оковы этого развития. Эпигоны сунятсенизма, всемерно раздувая как раз те его идеологические черты, которые стали объективно реакционными, превратили его тем самым в официальную идеологию гоминдана, ставшего открытой контрреволюционной силой. Идеологический рост масс китайского пролетариата и трудящегося крестьянства должен, следовательно, сопровождаться решительной борьбой против гоминдановского обмана и преодолением остатков идеологии сунятсенизма.

Такие течения, как *гандизм* в Индии, насквозь проникнутые религиозными представлениями, идеализирующие наиболее отсталые и экономически реакционные формы быта, выдающие выход не в пролетарском социализме, а в возврате к этим отсталым формам, проповедующие пассивность и отрицание классовой борьбы, превращаются в процессе развития революции в открыто реакционную силу. Гандизм все более становится идеологией, направленной против революции народных масс. Он должен быть предметом решительной борьбы со стороны коммунизма.

Гаризм, бывший ранее идеологией негритянских мелких собственников и рабочих в Америке, имеющий еще и теперь известное влияние на негритянские массы, стал точно так же в настоящее время препятствием на пути революционизирования этих масс. Выступавший вначале за полное общественное равноправие негров, он превратился в своеобразный негритянский «сионизм», который вместо борьбы против американского империализма выставил лозунг: «назад в Африку!» Эта опасная идеология, лишенная каких бы то ни было подлинно-демократических черт, заигрывающая с аристократическими атрибутами несуществующего «негритянского королевства», должна встретить жестокий отпор, так как она не способствует, а, наоборот, препятствует массовой освободительной борьбе негров против американского империализма.

Всем этим течениям противостоит *пролетарский коммунизм*. Будучи великой идеологией международного революционного рабочего класса, он отличается от всех этих течений и в первую очередь от социал-демократии тем, что в полном согласии с учением Маркса — Энгельса он ведет теоретическую и практическую революционную борьбу за диктатуру пролетариата, применяя при этом все формы пролетарского массового действия. (*Программа и устав Коминтерна, стр. 127—145.*)

Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов

Источником фракционности в партии являются ее оппортунистические элементы. Пролетариат не есть замкнутый класс. К нему непрерывно притекают выходы из крестьян, мещан, интеллигенции, пролетаризованные развитием капитализма. Одновременно происходит процесс разложения верха пролетариата, главным образом, из профессионалистов и парламентариев, подкармливаемых буржуазией за счет колониальной сверхприбыли. «Этот слой обуржуазившихся рабочих, — говорил Ленин, — или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, — есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная социальная (не военная) опора буржуазии. Ибо это настоящие агенты буржуазии в рабочем движении, рабочие приказчики класса капиталистов, настоящие проводники реформизма и шовинизма».

Все эти мелкобуржуазные группы проникают так или иначе в партию, внося туда дух колебания и оппортунизма, дух разложения и неуверенности. Они, главным образом, и являются источником фракционности и распада, источником дезорганизации и взрыва партии изнутри. Воевать с империализмом, имея в тылу таких «союзников», — это значит попасть в положение людей, обстреливаемых с двух сторон — и с фронта, и с тыла. Поэтому беспощадная борьба с такими элементами, изгнание их из партии является предварительным условием успешной борьбы с империализмом.

Теория «преодоления» оппортунистических элементов путем идейной борьбы внутри партии, теория «изживания» этих элементов в рамках одной партии есть гнилая и опасная теория, грозящая обречь партию на паралич и хроническое недомогание, грозящая отдать партию на съедение оппортунизму, грозящая оставить пролетариат без революционной партии, грозящая лишить пролетариат главного оружия в борьбе с империализмом. Наша партия не смогла бы выйти на дорогу, она не смогла бы взять власть и организовать диктатуру пролетариата, она не смогла бы выйти из гражданской войны победителем, если бы она имела в своих рядах Мартовых и Данов, Потресовых и Аксельродов. Если нашей партии удалось создать в себе внутреннее единство и небывающую сплоченность своих рядов, то это, прежде всего, потому, что она сумела во время очиститься от скверны оппортунизма, она сумела изгнать вон из партии ликвидаторов и меньшевиков. Путь развития и укрепления пролетарских партий про-

ходит через их очищение от оппортунистов и реформистов, социал-империалистов и социал-шовинистов, социал-патриотов и социал-пацифистов. Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 72—73, изд. 9-е, Партиздат, 1932 г.*)

Уничтожить влияние ревизионизма на социалистический пролетариат

Физические лица «умирают» так называемой естественной смертью, но *идейно-политические* течения *так умирать не могут*. Как буржуазия не умрет, пока ее не свергнут, так течение, питаемое и поддерживаемое буржуазией, выражающее интересы вступившей в союз с буржуазией группы интеллигентов и аристократии рабочего класса, не умрет, если его не «убить», т. е. не свергнуть, не лишить *всякого* влияния на социалистический пролетариат. Это течение сильно именно своими связями с буржуазией, оно стало благодаря объективным условиям «мирной» эпохи 1871—1914 гг. своего рода командующим, паразитическим *слоем* в рабочем движении.

Тут обязательно не только «порицать», но бить в набат, разоблачать беспощадно, свергать, «снимать с постов» этот паразитический слой, разрушать его «единство» с рабочим движением, ибо такое «единство» означает на деле единство пролетариата с национальной буржуазией и *раскол* интернационального пролетариата, единство лакеев и раскол революционеров. (*Ленин, Честный голос французского социалиста, (1915 г.), Соч., т. XVIII, стр. 287—288, изд. 3-е.*)

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАТЕРИАЛИЗМ И ИДЕАЛИЗМ

I. Материализм и идеализм

Великим основным вопросом всякой, в особенности новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию. Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений¹, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения не есть деятельность их тела, а особой от тела души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру. Если она при смерти отделяется от тела и продолжает жить, то нет никакого повода придумывать для нее особую смерть. Так возникло представление о ее бессмертии, на той ступени развития не заключавшем в себе ничего утешительного, казавшемся лишь роковою, совершенно непреодолимой необходимостью и очень часто, например у греков, считавшемся положительным несчастьем. Скучное представление о личном бессмертии вообще выросло не из потребности в религиозном утешении, а из того простого обстоятельства, что, раз признавши существование души, люди, в силу всеобщей ограниченности, не могли объяснить себе, куда же девается она после смерти. Подобным же образом, благодаря олицетворению сил природы, явились первые боги, которые, при дальнейшей выработке религии, все более и более становились богами не от мира сего, пока, в силу процесса отвлечения, — я чуть было не сказал: процесса дегильяции, — совершенно естественного в ходе умственного развития, в головах людей не возникло, наконец, из многих более или менее ограниченных и ограничивающих друг друга богов представление о едином, исключительном боге монотеистических религий².

Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, коренится, стало быть, не в меньшей степени, чем, всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях дикаря. Но он мог быть со всей резкостью поставлен, мог приобрести все свое значение лишь после того, как европейское человечество пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья. Уже в средневековой схоластике³ игравший большую роль вопрос о том, как относится мышление к бытию, вопрос о том, что является изначальным: дух или природа, этот вопрос, на зло церкви, принял более резкий вид вопроса о том, создан ли мир богом или он существует от века.

Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые следовательно в конце концов признавали сотворение мира в том или

---

¹ Еще и теперь у дикарей и варваров низшей ступени повсеместно распространено то представление, что снявшиеся им люди суть души, на время покидающие тело; при этом на человека, виденного во сне, возлагается ответственность за те его поступки, которые сплелись ввидевшему сон. Это заметил например Имтун в 1884 г. у гвинейских индейцев.

² *Монотеизм* — дословно единобожие. Религия монотеистическая признает лишь одного бога, как буддизм, ислам, христианство. — *Ред.*

³ *Схоластика* — в средние века — философия католической церкви на службе у богословия. — *Ред.*

ином виде, — а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает еще более запутанный и нелепый вид, чем у правоверных христиан, — составили идеалистический лагерь. Те же, которые первичной считали природу, принадлежат к различным школам материализма.

Ничего другого и не означают выражения идеализм и материализм, взятые в их первоначальном смысле, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница получается в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение. (*Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 18—19, изд. 1932 г.*).

Ленин о двух основных направлениях в философии

В течение всего предыдущего изложения, на каждом из затронутых нами вопросов гносеологии, на каждом философском вопросе, поставленном новой физикой, мы проследивали борьбу *материализма и идеализма*. За кучей новых терминологических ухищрений, за сором гегелтерской схоластики всегда, без исключения, мы находили *две* основные линии, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир — и считать вторичным сознание, дух, ощущение (опыт, — по *распространенной* в наше время терминологии), психическое и т. п., вот тот коренной вопрос, который *на деле* продолжает разделять философов на *два большие лагеря*. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений *просматривают* эти две основные тенденции (Богданов, например, не хочет признать своего идеализма, потому что вместо «метафизических», видите ли, понятий: «природа» и «дух» он взял «опытные»: физическое и психическое. Словочко изменили!).

Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже *гносеологических* вопросов, а проводили последовательно, — показывали, *как* надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук, беспощадно отменяя, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений, — вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности.

Мы сказали: почти полустолетия. В самом деле, еще в 1843 г., когда Маркс только еще становился Марксом, т. е. основателем социализма как науки, основателем *современного материализма*, неизмеримо более богатого содержанием и несравненно более последовательного, чем все предыдущие формы материализма, — еще в то время Маркс с поразительной ясностью намечал коренные линии в философии. К. Грюн приводит письмо Маркса к Фейербаху от 30 октября 1843 г., где Маркс приглашает Фейербаха написать статью в «Deutsch-Französische Jahrbücher» против Шеллинга. Этот Шеллинг — пустой хвастун, — пишет Маркс, — со своими претензиями обнять и превзойти все прежние философские направления. «Французским романтикам и мистикам Шеллинг говорит: я — соединение философии и теологии; французским материалистам: я — соединение плоти и идей; французским скептикам: я — разрушитель догматики...»¹. Что «скептики», называются ли они юмистами или кантианцами (или

¹ Karl Grün, Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass, sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung, I Bd., Lpz. 1874, S. 361 (Кара Грюн, Людвиг Фейербах в своей переписке..., т. I, стр. 361, Лпц., 1874 г. — Ред.).

махистами, в XX в.), кричит против «догматики» и материализма и идеализма, Маркс видел уже тогда, и, не давая отвлечь себя одной из тысячи мизерных философских системок, он сумел через Фейербаха прямо встать на материалистическую дорогу против идеализма. Тридцать лет спустя, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», Маркс так же ясно и отчетливо противопоставляет *свой материализм* гегелевскому, т. е. самому последовательному, самому развитому *идеализму*, презрительно отстраняя контовский «позитивизм» и объявляя жалкими эпигонами современных философов, которые мнят, что уничтожили Гегеля, на деле же вернулись к повторению до-гегелевских ошибок Канта и Юма. В письме к Кугельману от 27 июня 1870 г. Маркс так же презрительно третирует «Бюхнера, Ланге, Дюринга, Фехнера и т. д.» за то, что они не сумели понять диалектики Гегеля и относятся к нему с пренебрежением¹. Возьмите, наконец, отдельные философские замечания Маркса в «Капитале» и в других сочинениях, — вы увидите *неизменный* основной мотив: настаивание на *материализме* и презрительные насмешки по адресу всякого загущивания, всякой путаницы, всяких отступлений к *идеализму*. В этих двух коренных противоположениях вращаются *все* философские замечания Маркса — с точки зрения профессорской философии, в этой «узости» и «односторонности» и состоит их недостаток. На деле в этом нежелании считаться с ублюдочными прожектами примирения материализма и идеализма состоит величайшая заслуга Маркса, шедшего *вперед* по резко определенному философскому пути.

Вполне в духе Маркса и в тесном сотрудничестве с ним Энгельс во всех своих философских работах коротко и ясно противопоставляет по *всем* вопросам материалистическую и идеалистическую линию, не беря всерьез ни в 1878, ни в 1888, ни в 1891 гг. бесконечных потуг «превзойти» «односторонность» материализма и идеализма, провозгласить *новую* линию, какой бы то ни было «позитивизм», «реализм» или прочий профессорский шарлатанизм. Всю борьбу с Дюрингом Энгельс провел *целиком* под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма — вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «Анти-Дюринга» и не заметить которой могли только люди с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией. И вплоть до 1894 г., когда написано последнее предисловие к пересмотренному автором и дополненному последний раз «Анти-Дюрингу», Энгельс, продолжая следить и за новой философией, и за новым естествознанием, продолжал с прежней решительностью настаивать на своей ясной и твердой позиции, отмечая сор новых систем и системок.

Что Энгельс следил за новой философией, видно из «Людвига Фейербаха». В предисловии 1888 г. говорится даже о таком явлении, как возрождение классической немецкой философии в Англии и в Скандинавии, о господствующем же неокантианстве и юмизме у Энгельса нет (и в предисловии, и в тексте книги) других слов, кроме самого крайнего презрения. Совершенно очевидно, что Энгельс, наблюдая повторение *модной* немецкой и английской философией старых, до-гегелевских, ошибок кантианства и юмизма, готов был ждать добра даже *от поворота* (в Англии и в Скандинавии) к *Гегелю*, надеясь, что крупный идеалист и диалектик поможет узреть мелкие идеалистические и метафизические заблуждения.

Не вдаваясь в рассмотрение громадного количества оттенков неокантианства в Германии и юмизма в Англии, Энгельс отвергает с порога основное отступление их

¹ Про позитивиста Бизли (Beesley) Маркс говорит в письме от 13 декабря 1870 г.: «как последователь Канта он не может не выкидывать всяких вывертов» (crochets). Сравните с этим оценку Энгельсом в 1891 г. позитивистов à la Гексли.

от материализма. Энгельс объявляет *все направление* и той и другой школы «*научным шагом назад*». И как он оценивает: несомненно «позитивистскую», с точки зрения ходячей терминологии, несомненно «реалистическую» тенденцию этих новокантианцев и юмистов, из которых, например, он не мог не знать Гексли? Тот «позитивизм» и тот «реализм», который прельщал и прельщает бесконечное число путаников, Энгельс объявлял *в лучшем случае филистерским приемом тайком протаскивать материализм*, публично разнося его и отрекаясь от него! Достаточно хоть капельку подумать над *такой* оценкой Т. Гексли, самого крупного естествоиспытателя и несравненно более реалистичного реалиста и позитивного позитивиста, чем Мах, Авенариус и К^о, чтобы понять, с каким презрением встретил бы Энгельс теперешнее увлечение кучки марксистов «новейшим позитивизмом» или «новейшим реализмом» и т. п. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 274—277, изд. 3-е).

II. Формы идеализма

Субъективный идеализм

Сочинение епископа Джорджа Беркли, вышедшее в 1710 г. под названием «Трактат об основах человеческого познания»¹, начинается следующим рассуждением: «Для всякого, кто обзрывает *объекты* человеческого познания, очевидно, что они представляют из себя либо идеи (ideas), действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо, наконец, идеи, образуемые при помощи памяти и воображения... Посредством зрения я составляю идеи о свете и о цветах, об их различных степенях и видах. Посредством осязания я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное, движение и сопротивление... Обоняние дает мне запахи; вкус — ощущение вкуса; слух — звуки... Так как различные идеи наблюдаются вместе одна с другою, то их обозначают одним именем и считают какой-либо вещь. Например, наблюдают соединенными вместе (to go together) определенный цвет, вкус, запах, форму, консистенцию, — признают это за отдельную вещь и обозначают словом *яблоко*; другие собрания идей (collections of ideas) составляют камень, дерево, книгу и тому подобные чувственные вещи...» (§ 1).

Такое содержание первого параграфа сочинения Беркли. Нам надо запомнить, что в основу своей философии он кладет «твердое, мягкое, теплое, холодное, цвета, вкусы, запахи» и т. д. Для Беркли вещи суть «собрания идей», причем под этим последним словом он разумеет как раз вышеперечисленные, скажем, качества или ощущения, а не отвлеченные мысли.

Беркли говорит дальше, что помимо этих «идей или объектов познания» существует то, что воспринимает их, — «ум, дух, душа или я» (§ 2). Само собою разумеется, — заключает философ, — что «идеи» не могут существовать вне ума, воспринимающего их. Чтобы убедиться в этом, достаточно подумать о значении слова: существовать. «Когда я говорю, что стол, на котором я пишу, существует, то это значит, что я вижу и ощущаю его; и если б я вышел из своей комнаты, то сказал бы, что стол существует, понимая под этим, что если бы я был в своей комнате, то я мог бы воспринимать его...» Так говорит Беркли в § 3 своего сочинения и здесь же начинает полемику с людьми, которых он называет материалистами (§§ 18, 19 и др.). Для меня совершенно непонятно, — говорит он, — как можно говорить об абсолютном существовании вещей без их отношения к тому, что их кто-либо воспринимает? Суще-
существо-

¹ George Berkeley, Treatise concerning the Principles of human Knowledge, vol. I of Works, edited by A. C. Fraser. Oxford 1871. Есть русский перевод (Беркли Джордж, Трактат об основах человеческого познания т. I. Собр. соч., изд. Фрейзером, Оксфорд, 1871 г. — Ред.).

вать значит быть воспринимаемым (their, т. е. вещей esse is percipi¹ § 3, — изречение Беркли, цитируемое в учебниках по истории философии). «Станным образом среди людей преобладает мнение, что дома, горы, реки, одним словом, чувственные вещи имеют существование, природное или реальное, отличное от того, что их воспринимает разум» (§ 4). Это мнение — «явное противоречие», — говорит Беркли, — «ибо что же такое эти вышеупомянутые объекты, как не вещи, которые мы воспринимаем посредством чувств? а что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения (ideas or sensations)? и разве же это прямо-таки не нелепо, что какие-либо идеи или ощущения, или комбинации их могут существовать, не будучи воспринимаемы?» (§ 4).

Коллекции идей Беркли заменяет теперь равнозначным для него выражением: *комбинации ощущений*, обвиняя материалистов в «нелепом» стремлении идти еще дальше, искать какого-то источника для этого комплекса... то-бишь для этой комбинации ощущений. В § 5 материалисты обвиняются в возне с абстракцией, ибо отделять ощущения от объекта, по мнению Беркли, есть пустая абстракция. «На самом деле, — говорит он в конце § 5, опущенном во втором издании, — объект и ощущение одно и то же (are the same thing) и не могут поэтому быть абстрагируемы одно от другого». «Вы скажете, — пишет Беркли, — что идеи могут быть копиями или отражениями (resemblances) вещей, которые существуют вне ума в немыслимой субстанции. Я отвечаю, что идея не может походить ни на что иное, кроме идеи; цвет или фигура не могут походить ни на что, кроме другого цвета, другой фигуры... Я спрашиваю, можем ли мы воспринимать эти предполагаемые оригиналы или внешние вещи, с которых наши идеи являются будто бы снимками или представлениями, или не можем? Если да, то, значит, они суть идеи, и мы не двинулись ни шагу вперед; а если вы скажете, что нет, то я обращусь к кому угодно и спрошу его, есть ли смысл говорить, что цвет похож на нечто невидимое; твердое или мягкое похоже на нечто такое, что нельзя осязать, и т. п.» (§ 8).

«Дозоды» Вазарова против Плеханова по вопросу о том, могут ли вне нас существовать вещи помимо их действия на нас, ни на волос не отличаются, как видит читатель, от доводов Беркли против не называемых им поименно материалистов. Беркли считает мысль о существовании «материи или телесной субстанции» (§ 9) таким «противоречием», таким «абсурдом», что нечего собственно тратить время на ее опровержение. «Но, — говорит он, — ввиду того, что учение (tenet) о существовании материи пустило, повидимому, глубокие корни в умах философов и влечет за собой столь многочисленные вредные выводы, я предпочитаю показаться многоречивым и утомительным, лишь бы не опустить ничего для полного разоблачения и искоренения этого предрассудка» (§ 9).

Мы сейчас увидим, о каких вредных выводах говорит Беркли. Покончим сначала с его теоретическими доводами против материалистов. Отрицая «абсолютное» существование объектов, т. е. существование вещей вне человеческого познания, Беркли прямо излагает воззрения своих врагов таким образом, что они-де признают «вещь в себе». В § 24 Беркли пишет курсивом, что это опровергаемое им мнение признает *«абсолютное существование чувственных объектов в себе (objects in themselves) или вне ума»* (стр. 167—163 чет. изд.). Две основные линии философских воззрений намечены здесь с той прямоотой, ясностью и отчетливостью, которая отличает философских классиков от сочинителей «новых» систем в наше время. Материализм — признание «объектов в себе» или вне ума; идеи и ощущения — копии или отражения этих объектов. Противоположное учение (идеализм): объекты не существуют «вне ума»; объекты суть «комбинации ощущений».

¹ — «существовать для них (для вещей) значит быть представляемыми». — Ред.

Это написано в 1710 г., т. е. за 14 лет до рождения Иммануила Канта, а наши махисты — на основании якобы «новейшей» философии — сделали открытие, что признание «вещей в себе» есть результат заражения или извращения материализма кантианством! «Новые» открытия махистов — результат поразительного невежества их в истории основных философских направлений.

Их следующая «новая» мысль состоит в том, что понятия «материи» или «субстанции» — остаток старых некритических воззрений. Мах и Авенариус, видите ли, двинули вперед философскую мысль, углубили анализ и устранили эти «абсолюты», «неизменные сущности» и т. п. Возьмите Беркли, чтобы проверить по первоисточнику подобные утверждения, и вы увидите, что они сводятся к претенциозной выдумке. Беркли вполне определенно говорит, что материя есть «*nonentity*» (несуществующая сущность, § 68), что материя есть *ничто* (§ 80). «Вы можете, — иронизирует Беркли над материалистами, — если это так уже вам хочется, употреблять слово «материя» в том смысле, в каком другие люди употребляют слово «ничто»» (стр. 196—197 цит. изд.). Сначала, — говорит Беркли, — верили, что цвета, запахи и т. п. «действительно существуют», — потом отказались от этого воззрения и признали, что они существуют только в зависимости от наших ощущений. Но это устранение старых ошибочных понятий не доведено до конца: остаток есть понятие «субстанции» (§ 73) — такой же «предрассудок» (стр. 195), окончательно разоблачаемый епископом Беркли в 1710 г.! В 1908 г. находятся у нас такие путники, которые серьезно поверили Авенариусу, Петцольду, Маху и К^о, что только «новейший позитивизм» и «новейшее естествознание» доработались до устранения этих «метафизических» понятий.

Эти же путники (Богданов в том числе) уверяют читателей, что именно новая философия разъяснила ошибочность «удвоения мира» в учении вечно опровергаемых материалистов, которые говорят о каком-то «отражении» сознанием человека вещей, существующих вне его сознания. Об этом «удвоении» названными выше авторами написана бездна прочувствованных слов. По забывчивости или по невежеству они не добавили, что эти новые открытия были уже открыты в 1710 г.

«Наше познание их (идей или вещей), — пишет Беркли, — было чрезвычайно затемнено, запутано, направлено к самым опасным заблуждениям предположением о двойном (*twofold*) существовании чувственных объектов, именно: одно существование — *интеллигибельное* или существование в уме, другое — *реальное*, вне ума» (т. е. вне сознания). И Беркли потешается над этим «абсурдным» мнением, допускающим возможность мыслить немислимое! Источник «абсурда», — конечно, различение «вещей» и «идей» (§ 87), «допущение внешних объектов». Тот же источник порождает, как открыл Беркли в 1710 г. и вновь открыл Богданов в 1908 г., веру в фетиши и идолы. «Существование материи, — говорит Беркли, — или вещей, не воспринимаемых, было не только главной опорой атеистов и фаталистов, но на том же самом принципе держится идолопоклонничество во всех его разнообразных формах» (§ 94).

Тут мы подошли и к тем «вредным» выводам из «абсурдного» учения о существовании внешнего мира, которые заставили епископа Беркли не только теоретически опровергать это учение, но и страстно преследовать сторонников его как врагов. «На основе учения о материи или о телесной субстанции, — говорит он, — воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицания религии... Нет надобности рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все времена была материальная субстанция. Все их чудовищные системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее, что, раз будет удален этот краеугольный камень, — и все здание неминуемо развалится. Нам не к чему поэтому уделять особое внимание абсурдным учениям отдельных жадких сект атеистов» (§ 92, стр. 203, 204 цит. изд.).

«Материя, раз она будет изгнана из природы, уносит с собой столько скептических и безбожных построений, такое невероятное количество споров и запутанных вопросов» («принцип экономии мысли», открытый Махом в 1870-х годах! «философия как мышление о мире по принципу наименьшей траты сил» — Авенариус в 1876 г.!), «которые были бельмом в глазу для теологов и философов; материя причиняла столько бесплодного труда роду человеческого, что если бы даже те доводы, которые мы выдвинули против нее, были признаны недостаточно доказательными (что до меня, то я их считаю вполне очевидными), то все же я уверен, что все друзья истины, мира и религии имеют основание желать, чтобы эти доводы были признаны достаточными» (§ 96).

Откровенно рассуждал, простовато рассуждал епископ Беркли! В наше время те же мысли об «экономном» удалении «материи» из философии облачают в гораздо более хитрую и запутанную «новой» терминологией форму, чтобы эти мысли сочтены были наивными людьми за «новейшую» философию!

Но Беркли не только откровенничал насчет тенденций своей философии, а старался также прикрыть ее идеалистическую наготу, изобразить ее свободной от нелепостей и приемлемой для «здорового смысла». Нашей философией, — говорил он, инстинктивно-защищаясь от обвинения в том, что теперь было бы названо субъективным идеализмом и солипсизмом, — нашей философией «мы не лишаемся никаких вещей в природе» (§ 34). Природа остается, остается и различие реальных вещей от химер, — только «и те и другие одинаково существуют в сознании». «Я вовсе не оспариваю существования какой бы то ни было вещи, которую мы можем познавать посредством чувства или размышления. Что те вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю своими руками, существуют, — реально существуют, в этом я нисколько не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что философы (курсив Беркли) называют материей или телесной субстанцией. Отрицание ее не приносит никакого ущерба остальному роду человеческому, который, смею сказать, никогда не заметит ее отсутствия... Атеисту действительно нужен этот призрак пустого имени, чтобы обосновать свое безбожие...» (36).

Еще яснее выражена эта мысль в § 37, где Беркли отвечает на обвинение в том, что его философия уничтожает телесные субстанции: «если слово *субстанция* понимать в житейском (*vulgar*) смысле, т. е. как комбинацию чувственных качеств, протяженности, прочности, веса и т. п., то меня нельзя обвинять в их уничтожении. Но если слово субстанция понимать в философском смысле — как основу акциденций или качеств (существующих) вне сознания, — то тогда действительно я признаю, что уничтожаю ее, если можно говорить об уничтожении того, что никогда не существовало, не существовало даже в воображении». (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 18—23).

Махизм и критика его Лениным

Основные посылки теории познания Маха и Авенариуса откровенно, просто и ясно изложены ими в их первых философских произведениях. К этим произведениям мы и обратимся, откладывая до дальнейшего изложения разбор поправок и подчисток, впоследствии данных этими писателями.

«Задача науки, — писал Мах в 1872 г., — может состоять лишь в следующем: 1. Исследовать законы связи между представлениями (психология). — 2. Открывать законы связи между ощущениями (физика). — 3. Разъяснять законы связи между ощущениями и представлениями (психофизика)»¹. Это — вполне ясно.

¹ E. Mach, Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit, Vortrag gehalten in der K. Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften am 15 November 1871 (Prag, 1872, S. 57—58. (Э. Мах, История и корень закона сохранения работы, Доклад, читанный в королевском богемском научном обществе 15 ноября 1871 г., Прага 1872 г., стр. 57—58. — Ред.).

Предмет физики — связь между ощущениями, а не между вещами или телами, образом которых являются наши ощущения. И в 1883 г. в своей «Механике» Мах повторяет ту же мысль: «Ощущения не «символы вещей». Скорее «вещь» есть мысленный символ для комплекса ощущений, обладающего относительной устойчивостью. Не вещи (тела), а цвета, звуки, давления, пространства, времена (то, что мы называем обыкновенно ощущениями) суть настоящие *элементы* мира»¹.

Об этом словечке «элементы», явившемся плодом двенадцатилетнего «размышления», мы будем говорить ниже. Теперь нам надо отметить, что Мах признает здесь прямо, что вещи или тела суть комплексы ощущений, и что он вполне отчетливо противопоставляет свою философскую точку зрения противоположной теории, по которой ощущения суть «символы» вещей (точнее было бы сказать: образы или отображения вещей). Эта последняя теория есть *философский материализм*. Например, материалист Фридрих Энгельс — небезизвестный сотрудник Маркса и основоположник марксизма — постоянно и без исключения говорит в своих сочинениях о вещах и об их мысленных изображениях или отображениях (*Gedanken-Abbilder*), причем само собою ясно, что эти мысленные изображения возникают не иначе, как из ощущений. Казалось бы, что этот основной взгляд «философии марксизма» должен быть известен всякому, кто о ней говорит, и особенно всякому, кто *от имени* этой философии выступает в печати. Но ввиду необычайной путаницы, внесенной нашими махистами, приходится повторять общеизвестное. Раскрываем первый параграф «Анти-Дюринга» и читаем: «...вещи и их мысленные отображения...»². Или первый параграф философского отдела: «Откуда берет мышление эти принципы?» (речь идет об основных принципах всякого знания). «Из себя самого? Нет... Формы бытия мышление никогда не может почерпнуть и выводить из себя самого, а только из внешнего мира... Принципы — не исходный пункт исследования» (как выходит у Дюринга, желающего быть материалистом, но не умеющего последовательно проводить материализм), «а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа, не человечество сообразуется с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории. Таково единственно материалистическое воззрение на предмет, а противоположный взгляд Дюринга есть идеалистический взгляд, переворачивающий вверх ногами действительное соотношение, конструирующий действительный мир из мыслей...» (*там же*, стр. 21). И этот «единственно материалистический взгляд» Энгельс проводит, повторяем, везде и без исключения, беспощадно преследуя Дюринга за самое малейшее отступление от материализма к идеализму. Всякий, кто прочтет с капелькой внимания «Анти-Дюринга» и «Людвига Фейербаха», встретит десятки примеров, когда Энгельс говорит о вещах и об их изображениях в человеческой голове, в нашем сознании, мышлении и т. п. Энгельс не говорит, что ощущения или представления суть «символы» вещей, ибо материализм последовательный должен ставить здесь «образы», картины или отображение на место «символа», как это мы подробно покажем в своем месте. Но сейчас речь идет у нас совсем не о той или иной формулировке материализма, а о противоположности материализма идеализму, о различии двух основных *линий* в философии. От вещей ли идти к ощущению и мысли? Или от мысли и ощущения к вещам? Первой, т. е. материалистической, линией держится Энгельс. Второй, т. е. идеалистической, линией держится Мах. Никакие увертки, никакие софизмы (которых мы встретим еще многое множество) не устранят того

¹ E. Mach, Die Mechanik in ihrer Entwicklung historisch-kritisch dargestellt, 3 Auflage, Leipzig 1897, S. 473 (*Э. Мах, Механика, Историко-критический очерк ее развития*, изд. 3, Лейпциг 1897 г., стр. 473. — *Ред.*).

² Fr. Engels, Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft, 5 Auflage, Stuttgart 1904, S. 6 (*Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз*, стр. 6, 1928 г. — *Ред.*).

ясного и неоспоримого факта, что учение Э. Маха о вещах, как комплексах ощущений, есть субъективный идеализм, есть простое пережевывание берклианства. Если тела суть «комплексы ощущений», как говорит Мах, или «комбинации ощущений», как говорил Беркли, то из этого неизбежно следует, что весь мир есть только мое представление. Исходя из такой посылки, нельзя прийти к существованию других людей, кроме самого себя: это чистейший солипсизм. Как ни отрекаются от него Мах, Авенариус, Петцольдт и К^о, а на деле без вопиющих логических нелепостей они не могут избавиться от солипсизма. Чтобы пояснить еще нагляднее этот основной элемент философии махизма, приведем некоторые дополнительные цитаты из сочинений Маха. Вот образчик из «Анализа ощущений» (русск. пер. Котляра, изд. Скирмунта, М. 1907):

«Перед нами тело с острием S. Когда мы прикасаемся к острию, приводим его в соприкосновение с нашим телом, мы получаем укол. Мы можем видеть острие, не чувствуя укола. Но когда мы чувствуем укол, мы найдем острие. Таким образом, видимое острие есть *постоянное ядро*, а укол — нечто случайное, которое, смотря по обстоятельствам, может быть и не быть связано с ядром. С учащением аналогичных явлений привыкают, наконец, рассматривать *все* свойства тел как «действия», исходящие из постоянных таких ядер и произведенные на наше Я через посредство нашего тела, — «действия», которые мы и называем *«ощущениями»*...» (стр. 20).

Другими словами: люди «привыкают» стоять на точке зрения материализма, считать ощущения результатом действия тел, вещей, природы на наши органы чувств. Эта вредная для философских идеалистов «привычка» (усвоенная всем человечеством и всем естествознанием!) чрезвычайно не нравится Маху, и он начинает разрушать ее:

«...Но этим ядра эти теряют все свое чувственное содержание, становясь голыми абстрактными символами»...

Старая погудка, почтеннейший г. профессор! Это буквальное повторение Беркли, говорившего, что материя есть голый абстрактный символ. Но голеньким-то на самом деле ходит Эрнст Мах, ибо если он не признает, что «чувственным содержанием» является объективная, независимо от нас существующая, реальность, то у него остается одно «голое абстрактное» Я, непременно большое и курсивом написанное Я = «сумасшедшее фортепиано, вообразившее, что оно одно существует на свете». Если «чувственным содержанием» наших ощущений не является внешний мир, то значит ничего не существует, кроме этого голенького Я, занимающегося пустыми «философскими» вывертами. Глупое и бесплодное занятие!

«...Тогда верно то, что мир состоит только из наших ощущений. Но мы тогда *только* и знаем наши ощущения, и допущение тех ядер, как и взаимодействие между ними, плодом которого являются лишь ощущения, оказывается совершенно пустым и излишним. Такой взгляд может быть хорош лишь для *половинчатого* реализма или для *половинчатого* критицизма».

Мы выписали целиком весь 6-й параграф «антиметафизических замечаний» Маха. Это — сплошной плагиат у Беркли. Ни единого соображения, ни единого проблеска мысли, кроме того, что «мы ощущаем только свои ощущения». Из этого — один только вывод, именно — что «мир состоит только из *моих* ощущений». Слово: «наших», поставленное Махом вместо слова «моих», поставлено им незаконно. Одним этим словом Мах обнаруживает уже ту самую «половинчатость», в которой он обзывает других. Ибо если «праздно» «допущение» внешнего мира, допущение того, что иглонка существует независимо от меня и что между моим телом и острием иглой происходит взаимодействие, если все это допущение действительно праздно и излишне, — то праздно и излишне, прежде всего, «допущение» существования других людей. Существуют только Я, а все остальные люди, как и весь внешний мир, попадает в разряд праздных «ядер». Говорить о «наших» ощущениях нельзя с этой точки зрения, а раз Мах говорит

о них, то это означает лишь его вопиющую половинчатость. Это доказывает лишь, что его философия — праздные и пустые слова, в которые не верит сам автор.

Вот особенно наглядный пример половинчатости и путаницы у Маха. В § 6 XI главы того же «Анализа ощущений» читаем: «Если бы в то время, как я ощущаю что-либо, я же сам или кто-нибудь другой мог наблюдать мой мозг с помощью всевозможных физических и химических средств, то можно было бы определить, с какими происходящими в организме процессами связаны определенного рода ощущения...» (стр. 197).

Очень хорошо! Значит, наши ощущения связаны с определенными процессами, происходящими в организме вообще и в нашем мозгу в частности? Да, Мах вполне определенно делает это «допущение» — мудрененько было бы не делать его, с точки зрения естествознания. Но позвольте, — ведь это то самое «допущение» тех самых «ядер и взаимодействия между ними», которое наш философ объявил излишним и праздным! Тела, говорят нам, суть комплексы ощущений; итти дальше этого, — уверяет нас Мах, — считать ощущения продуктом действия тел на наши органы чувств есть метафизика, пустое, излишнее допущение и т. д. по Беркли. Но мозг есть тело. Значит мозг есть тоже не более как комплекс ощущений. Выходит, что при помощи комплекса ощущений я (а я тоже не что иное, как комплекс ощущений) ощущаю комплексы ощущений. Предельно что за философия! Сначала объявить ощущения «настоящими элементами мира» и на этом построить «оригинальное» берклианство, — а потом тайком протаскивать обратные взгляды, что ощущения связаны с определенными процессами в организме. Не связаны ли эти «процессы» с обменом веществ между «организмом» и внешним миром? Мог ли бы происходить этот обмен веществ, если бы ощущения данного организма не давали ему объективно правильного представления об этом внешнем мире?

Мах не ставит себе таких неудобных вопросов, сопоставляя механически обрывки берклианства с взглядами естествознания, стихийно стоящего на точке зрения материалистической теории познания... «Иногда задаются также вопросом, — пишет Мах в том же параграфе, — не ощущает ли и «материя» (неорганическая)...» Значит, о том что *органическая* материя ощущает, нет и вопроса? Значит, ощущения не есть нечто первичное, а есть одно из свойств материи? Мах перепрыгивает через все нелепости берклианства!... «Этот вопрос, — говорит он, — вполне естественен, если исходить из обычных, широко распространенных физических представлений, по которым материя представляет собою то *непосредственное* и несомненно данное *реальное*, на котором строится все, как органическое, так и неорганическое...» Запомним хорошенько это поистине ценное признание Маха, что обычные и широко распространенные *физические* представления считают материю непосредственной реальностью, причем лишь одна разновидность этой реальности (органическая материя) обладает ясно выраженным свойством ощущать... «Ведь в таком случае, — продолжает Мах, — в здании, состоящем из материи, ощущение должно возникать как-то внезапно, или оно должно существовать в самом, так сказать, фундаменте этого здания. С *нашей* точки зрения этот вопрос в основе своей ложен. Для нас материя не есть первое данное. Таким первичным данным являются скорее *элементы* (которые в известном определенном смысле называются ощущениями)»...

Итак, первичными данными являются ощущения, хотя они «связаны» только с определенными процессами в органической материи! И, говоря подобную нелепость, Мах как бы ставит в вину материализму («обычному, широко распространенному физическому представлению») нерешенность вопроса о том, откуда «возникает» ощущение. Это — образчик «опровержений» материализма фидеистами и их прихвостнями. Разве какая-нибудь другая философская точка зрения «решает» вопрос, для решения которого собрано еще недостаточно данных? Разве сам Мах не говорит в том же самом параграфе: «покуда эта задача (репить, *как* далеко простираются в органическом мире

ощущения») не разрешена ни в одном специальном случае, решить этот вопрос невозможно?»

Различие между материализмом и «махизмом» сводится, значит, по данному вопросу к следующему. Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением. Таково предположение, например, известного немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля, английского биолога Ллойда Моргана и др., не говоря о догадке Дидро, приведенной нами выше. Махизм стоит на противоположной, идеалистической точке зрения и сразу приводит к бессмыслице, ибо, во-первых, за первичное берется ощущение вопреки тому, что оно связано лишь с определенными процессами в определенном образом организованной материи; а, во-вторых, основная посылка, что тела суть комплексы ощущений, нарушается предположением о существовании других живых существ и вообще других «комплексов», кроме данного великого Я.

Словечко «элемент», которое многие наивные люди принимают (как увидим) за какую-то новинку и какое-то открытие, на самом деле только запутывает вопрос ничего не говорящим термином, создает лживую видимость какого-то разрешения или шага вперед. Эта видимость лживая, ибо на деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путанного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути посредством пустого словесного выверта: «элемент». (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 32—37, изд. 3-е*).

Ощущение есть непосредственная связь сознания с внешним миром

Для всякого естествоиспытателя, не сбитого с толку профессорской философией, как и для всякого материалиста, ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Это превращение каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает действительно на каждом шагу. Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира, — не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее». Авенариус придал лишь чуточку измененную форму этому старому софизму, истрепанному еще епископом Беркли. Так как мы еще не знаем всех условий ежеминутно наблюдаемой нами связи ощущения с определенным образом организованной материей, — то поэтому признаем существующим одно только ощущение, — вот к чему сводится софизм Авенариуса.

Чтобы покончить с характеристикой основных идеалистических посылок эмпириокритицизма, укажем вкратце на английских и французских представителей этого философского течения. Про англичанина Карла Пирсона Мах прямо говорит, что «согласен с его гносеологическими (*erkenntniskritischen*) взглядами во всех существенных пунктах» («Механика», стр. IX цит. изд.). К. Пирсон в свою очередь выражает свое согласие с Махом¹. Для Пирсона «реальные вещи» суть «чувственные восприятия»

¹ *Karl Pearson, The Grammar of Science 2-nd ed., Lond. 1900, p. 326. (К. Пирсон, Грамматика науки, стр. 326, изд. 2-е, Лондон 1900 г. — Ред.).*

(sense impressions). Всякое признание вещей за пределами чувственных восприятий Пирсон объявляет метафизикой. С материализмом (не зная ни Фейербаха, ни Маркса—Энгельса) Пирсон воюет самым решительным образом, — доводы не отличаются от разобранных выше. Но Пирсону до такой степени чуждо при этом всякое желание подделаться под материализм (специальность русских махистов), Пирсон до такой степени... неосторожен, что, не выдумывая «новых» кличек для своей философии, он просто объявляет взгляды как свои, так и Маха, «идеалистическими» (стр. 327 цит. изд.)! Свою родословную Пирсон прямо ведет от Беркли и Юма. Философия Пирсона, как мы неоднократно увидим ниже, отличается гораздо большей цельностью и продуктивностью, чем философия Маха...

«Открытие элементов мира»

Под таким заглавием пишет о Махе приват-доцент Цюрихского университета Фридрих Адлер, едва ли не единственный немецкий писатель, желающий тоже дополнить Маркса махизмом¹. И надо отдать справедливость этому наивному приват-доценту, что он своим простодушием оказывает медвежью услугу махизму. Вопрос ставится по крайней мере ясно и резко: действительно ли Мах «открыл элементы мира»? Тогда, разумеется, только совсем отсталые и невежественные люди могут до сих пор оставаться материалистами. Или это открытие есть возврат Маха к старым философским ошибкам?

Мы видели, что Мах в 1872 г. и Авенариус в 1876 г. стоят на чисто идеалистической точке зрения; для них мир есть наше ощущение. В 1883 г. вышла «Механика» Маха, и в предисловии к первому изданию Мах ссылается как раз на «Прологомены» Авенариуса, приветствуя «чрезвычайно близкие» (*sehr verwandte*) к его философии мысли. Вот рассуждение в этой «Механике» об элементах: «Все естествознание может лишь изображать (*nachbilden und verbilden*) комплексы тех *элементов*, которые мы называли обыкновенно *ощущениями*. Речь идет о связи этих элементов. Связь между А (тепло) и В (огонь) принадлежит к *физике*, связь между А и П (нервы) принадлежит физиологии. Ни та, ни другая связь не существует *в отдаленности*, обе существуют вместе. Лишь на время можем мы отвлекаться от той или от другой. Даже, повидимому, чисто механические процессы являются, таким образом, всегда и физиологическими» (стр. 498 цит. нем. изд.). То же самое в «Анализе ощущений»: «...Там, где рядом с выражениями: «элемент», «комплекс элементов» или вместо них употребляются обозначения: «ощущение», «комплекс ощущений», нужно всегда иметь в виду, что элементы являются *ощущениями только в этой связи* (яменно: связи А, В, С с К, L, M, т. е. связи «комплексов, которые обыкновенно называются телами», с «комплексом, который мы называли нашим телом»), «в этом *отношении*, в этой *функциональной зависимости*. В другой функциональной зависимости они в то же время — *физические объекты*» (русс. пер., стр. 23 и 17). «Цвет есть *физический объект*, если мы обращаем, например, внимание на зависимость его от освещающего его источника света (других цветов, теплоты, пространства и т. д.). Но если мы обращаем внимание на *зависимость* его от *сensation* (элементов К, L, M...), перед нами — *психологический объект, ощущение*» (там же, стр. 24).

Итак, открытие элементов мира состоит в том, что

1) все существующее объявляется ощущением;

¹ Friedrich W. Adler, Die Entdeckung der Welt Elemente (Zu E. Machs, 70. Geburtstag), «Der Kampf», 1903, Nr 5 (Februar). (Адлер Фр., Открытие элементов мира. К семидесятилетию дня рождения Маха, «Борьба» № 5 за 1903 (февраль). — Ред.) Переведено в «The International Socialist Review» № 10 за 1903 (April) («Международное социалистическое обозрение» № 10 за 1903 (апрель). — Ред.). Одна статья этого Адлера переведена на русский язык в сборнике «Исторический материализм».

2) ощущения называются элементами;

3) элементы делятся на физическое и психическое; последнее — то, что зависит от нервов человека и вообще от человеческого организма: первое — не зависит;

4) связь физических и связь психических элементов объявляется не существующей отдельно одна от другой: они существуют лишь вместе;

5) лишь временно можно отвлекаться от той или другой связи;

6) «новая» теория объявляется лишенной «односторонности»¹.

Односторонности тут действительно нет, но есть самое бессвязное спутывание противоположных философских точек зрения. Раз вы исходите *только* из ощущений, вы словечком «элемент» не исправляете «односторонности» своего идеализма, а только запутываете дело, прячетесь трусливо от своей собственной теории. На словах вы устраняете противоположность между физическим и психическим², между материализмом (который берет за первичное природу, материю) и идеализмом (который берет за первичное дух, сознание, ощущение), — на деле вы сейчас же снова восстанавливаете эту противоположность, восстанавливаете ее тайком, отступая от своей основной посылки. Ибо, если элементы суть ощущения, то вы не в праве принимать ни на секунду существование «элементов» *вне зависимости* от моих нервов, от моего сознания. А раз вы допускаете такие независимые от моих нервов, от моих ощущений физические объекты, порождающие ощущение лишь путем воздействия на мою сетчатку, то вы позорно покидаете свой «односторонный» идеализм и переходите на точку зрения «односторонного» материализма! Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то, значит, лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение цвета. Значит, вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или иного цвета. Так именно естествознание и смотрит. Различные ощущения того или иного цвета оно объясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него. Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи. Таковы взгляды материализма вообще и Маркса — Энгельса в частности. Мах и Авенариус *тайком* протаскивают материализм посредством словечка «элемент», которое *якобы* избавляет их теорию от «односторонности» субъективного идеализма, *якобы* позволяет допустить зависимость психического от сетчатки, нервов и т. д., допустить независимость физического от человеческого организма. На деле, разумеется, проделка со словечком «элемент» есть самый жалкий софизм, ибо материалист, читая Маха и Авенариуса, сейчас же поставит вопрос: что такое «элементы»? Ребячеством было бы, в самом деле, думать, что выдумкой нового словечка можно отделаться от основных философских направлений. Либо «элемент» есть *ощущение*, как говорят все эмпириокритики, и Мах, и Авенариус, и Петцольдт³, и т. д., — тогда ваша философия, господа, есть *идеализм*, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего

¹ Мах в «Анализе ощущений»: «Элементы обыкновенно называют ощущениями. Ввиду того, что под этим названием подразумевается уже определенная *односторонняя теория*, мы предпочитаем коротко говорить об элементах» (27—28).

² «Противоположность между Я и миром, ощущением или появлением и вещью тогда исчезает, и все дело сводится лишь к соединению элементов» («Анализ ощущений», стр. 21).

³ Joseph Petzoldt, Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung, Bd. I, Leipzig. 1900, S. 113. «Элементами называются ощущения в обычном смысле простых, неразложимых далее восприятий» (Wahrnehmungen). (И. Петцольдт, Введение в философию чистого опыта, т. I, Лейпциг 1900, стр. 113. — *Ред.*)

солипсизма нарядом более «объективной» терминологии. Либо «элемент» не есть ощущение, — и тогда с вашим «новым» словечком не связано *ровно никакой мысли*, тогда это просто важничанье пустышкой. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 41—42, 43—45, изд. 3-е.*)

Ощущение — субъективный образ субъективного мира

Ничего иного, кроме перефразировки субъективного идеализма, нет в разбираемом учении Маха и Авенариуса. Претензии их, будто они поднялись выше материализма и идеализма, устранили противоположность точки зрения, идущей от вещи к сознанию, и точки зрения обратной, — это пустая претензия подновленного фихтенанства. Фихте тоже воображает, будто он «неразрывно» связал «я» и «среду», сознание и вещь, будто он «решил» вопрос ссылкой на то, что человек не может выскочить из самого себя. Иными словами, повторен довод Беркли: я ощущаю только свои ощущения, я не имею права предполагать «объекты сами по себе» вне моего ощущения. Различные способы выражений Беркли в 1710 г., Фихте в 1801, Авенариус в 1892—1894 гг. нисколько не меняют существа дела, т. е. основной философской линии субъективного идеализма. Мир есть мое ощущение; не-Я «полагается» (создается, производится) нашим Я; вещь неразрывно связана с сознанием; неразрывная координация нашего Я и среды есть эмпириокритическая принципиальная координация; это все одно и то же положение, тот же старый хлам с немного подкрашенной или перекрашенной вывеской.

Ссылка на «наивный реализм», якобы защищаемый подобной философией, есть *софизм* самого дешевенького свойства. «Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще. Тот самый *опыт* (не в махистском, а в человеческом смысле слова), который создал в нас непреклонное убеждение, что существуют *независимо* от нас другие люди, а не простые комплексы моих ощущений высокого, низкого, желтого, твердого и т. д., — этот самый *опыт* создает наше убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют независимо от нас. Наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего. «Наивное» убеждение человечества *сознательно* кладется материализмом в основу его теории познания. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 56, изд. 3-е.*)

Субъективный идеализм ведет к солипсизму

Мы видели, что исходный пункт и основная посылка философии эмпириокритицизма есть субъективный идеализм. Мир есть наше ощущение, вот эта основная посылка, затушевываемая, но нисколько не изменяемая словечком «элемент», теориями «независимого ряда», «координации» и «интроекции». Нелепость этой философии состоит в том, что она приводит к солипсизму, к признанию существующим одного только философствующего индивида. Но наши русские махисты уверяют читателя, что «обвинение» Маха «в идеализме и даже солипсизме» есть «крайний субъективизм». Так говорит Богданов в предисловии к «Анализу ощущений» (стр. XI) и на многое множество ладов повторяет это вся махистская компания.

Разобрав, какими прикрытиями от солипсизма пользуются Мах и Авенариус, мы должны теперь добавить одно: «крайний субъективизм» утверждений лежит всецело на стороне Богданова и К^о, ибо в философской литературе писатели самых различных направлений давно открыли основной грех махизма под всеми его прикрытия-

ми. Ограничимся простым *сводом* мнений, достаточно показывающих «субъективизм» *незнания* наших махистов. Заметим при этом, что философы-специалисты почти все сочувствуют разным видам идеализма: в их глазах идеализм вовсе не упрек, как для нас — марксистов, но они констатируют *действительное* философское направление Маха, противопоставляя одной системе идеализма другую, тоже идеалистическую, систему, которая кажется им более последовательной. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 76—77, изд. 3-е.*)

Философия Богданова — субъективный идеализм

«Я лично, — пишет про себя Богданов, — знаю пока в литературе только одного эмпириомониста — некоего А. Богданова; на зато его знаю очень хорошо и могу поручиться, что его взгляды вполне удовлетворяют сакраментальной формуле первичности «природы» над «духом». Именно, он рассматривает все существующее как непрерывную цепь развития, низшие звенья которой теряются в «хаосе элементов», а высшие, нам известные, звенья представляют *опыт людей* (курсив Богданова) — «психический» и — еще выше — физический опыт, причем этот опыт и возникающее из него познание соответствует тому, что обыкновенно называют «духом». («Эмп.», III, XII).

Как «сакраментальную» формулу, высмеивает здесь Богданов известное нам положение Энгельса, которого, однако, он дипломатично обходит! С Энгельсом мы не расходимся, ничего подобного...

Но посмотрите внимательнее на это резюмирование самим Богдановым его пресловутого «эмпириомонизма» и «подстановки». Физический мир называется *опытом людей* и объявляется, что физический опыт «выше» в цепи развития, чем психический. Да ведь это же вопиющая бессмыслица! И бессмыслица это как раз такая, какая свойственна всей и всякой идеалистической философии. Это прямо комизм, если подобную «систему» Богданов подводит тоже под материализм: и у меня-де природа первичное, дух вторичное. Если так применять определение Энгельса, то и Гегель материалист, ибо у него тоже психический опыт (под названием абсолютной идеи) стоит раньше, затем следует «выше» физический мир, природа и, наконец, познание человека, который через природу познает абсолютную идею. Ни один идеалист не будет отрицать в таком смысле первичности природы, ибо на деле это не первичность, на деле природа не берется за *немедленно* данное, за исходный пункт гносеологии. На деле к природе ведет еще длинный переход *через абстракции* «психического». Все равно, как называть эти абстракции: абсолютной ли идеей, универсальным ли *Я*, мировой волей и т. д., и т. п. Этим различаются *разновидности* идеализма, и таких разновидностей существует бесчисленное множество. Суть идеализма в том, что первоисходным пунктом берется психическое; из него выводится природа и *потом уже* из природы обыкновенное человеческое сознание. Это первоисходное «психическое» всегда оказывается поэтому *мертвой абстракцией*, прикрывающей разжиженную теологию. Например, всякий знает, что такое человеческая *идея*, но идея без человека и до человека, идея в абстракции, идея абсолютная есть теологическая выдумка идеалиста Гегеля. Всякий знает, что такое человеческое ощущение, но ощущение без человека, до человека есть вздор, мертвая абстракция, идеалистический выверт. Именно такой идеалистический выверт и проделывает Богданов, когда созидает следующую лестницу:

- 1) Хаос «элементов» (мы знаем, что никакого другого человеческого понятия, кроме *ощущений*, за этим словечком «элемент» не кроется).
- 2) Психический опыт людей.
- 3) Физический опыт людей.
- 4) «Возникающее из него познание».

Ощущений (человеческих) без человека не бывает. Значит, первая ступень есть мертвая идеалистическая абстракция. По сути дела перед нами здесь не всем знакомые и обычные *человеческие* ощущения, а какие-то выдуманные, *ничьи* ощущения, ощущения *вообще*, ощущения божеские, как божеской стала у Гегеля обыкновенная человеческая идея, раз ее оторвали от человека и от человеческого мозга.

Первую ступень долой.

Вторую тоже долой, ибо *психического до* физического (а вторая ступень стоит у Богданова *раньше* третьей) не знает ни один человек, не знает естествознание. Физический мир существовал раньше, чем могло появиться психическое, как высший продукт высших форм органической материи. Вторая ступень Богданова есть тоже мертвая абстракция, есть мысль без мозга, есть разум человека, оторванный от человека.

Вот если выкинуть вовсе прочь обе первые ступени, тогда, и только тогда, мы можем получить картину мира, действительно соответствующую естествознанию и материализму. Именно: 1) физический мир существует *независимо* от сознания человека и существовал задолго *до* человека, *до* всякого «опыта людей»; 2) психическое сознание и т. д. есть высший продукт материи (т. е. физического), есть функция того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека.

«Область подстановки, — пишет Богданов, — совпадает с областью физических явлений; под явления психические ничего подставлять не требуется, ибо это — непосредственные комплексы» (XXXIX).

Вот это и есть идеализм, ибо психическое, т. е. сознание, представление, ощущение и т. п. берется за *непосредственное*, а физическое выводится из него, подставляется под него. Мир есть *не-Я*, созданный нашим *Я*, — говорил Фихте. Мир есть абсолютная идея, — говорил Гегель. Мир есть воля, — говорил Шопенгауэр. Мир есть понятие и представление, — говорит имманент Ремке. Бытие есть сознание, — говорит имманент Шуппе. Физическое есть подстановка психического, — говорит Богданов. Надо быть слепым, чтобы не видеть одинаковой идеалистической сути в различных словесных нарядах.

«Поставим себе такой вопрос, — пишет Богданов в I вып. «Эмпириомонизма», стр. 128—129, — что есть «живое существо», например, «человек»? И отвечает: «Человек» это прежде всего определенный комплекс «непосредственных переживаний». Заметьте: *«прежде всего»!* — *«Затем*, в дальнейшем развитии опыта, «человек» оказывается для себя и для других физическим телом в ряду других физических тел».

Ведь это же сплошной «комплекс» вздора, годного только на то, чтобы бывести бессмертие души или идею бога и т. п. Человек есть прежде всего комплекс непосредственных переживаний и *в дальнейшем развитии* физическое тело! Значит, бывают «непосредственные переживания» *без* физического тела, *до* физического тела. Как жаль, что эта великолепная философия не попала еще в наши духовные семинарии; там бы сумели оценить все ее достоинства.

«...Мы признали, что сама «физическая природа» есть *производное* (курсив Богданова) от комплексов непосредственного характера (к числу которых принадлежат и «психические» координаты), что она есть отражение таких комплексов в других, им аналогичных, только самого сложного типа (в социально-организованном опыте живых существ)» (стр. 146).

Философия, которая учит, что сама физическая природа есть производное, — есть чистейшая философия поповщины. И такой характер ее несколько не изменяется от того, что сам Богданов усиленно отрекается от всякой религии. Дюринг тоже был атеистом; он предлагал даже запретить религию в своем «социалитарном» строе. И тем не менее, Энгельс был вполне прав, когда показывал, что «система» Дюринга не сводит концов с концами без религии. То же самое и с Богдановым, с тем существенным различием, что приведенное место не случайная непоследовательность, а суть его

«эмпириомонизма» и всей его «подстановки». Если природа есть производное, то понятно само собою, что она может быть производным только от чего-то такого, что больше, богаче, шире, могущественнее природы, от чего-то такого, что существует, ибо для того, чтобы «произвести» природу, надо существовать независимо от природы. Значит существует нечто *вне* природы и, при том, *производящее* природу. По-русски это называется богом. Философы-идеалисты всегда старались изменить это последнее название, сделать его абстрактнее, туманнее и в то же время (для правдоподобия) ближе к «психическому», как «непосредственному комплексу», как непосредственно данному, не требующему доказательств. Абсолютная идея, универсальный дух, мировая воля, «*всеобщая подстановка*» психического под физическое, — это одна и та же идея, только в различных формулировках. Всякий человек знает — и естествознание исследует — идею, дух, волю, психическое, как функцию нормально работающего человеческого мозга; оторвать же эту функцию от определенным образом организованного вещества, превратить эту функцию в универсальную, всеобщую абстракцию, «подставить» эту абстракцию под всю физическую природу, — это бредни философского идеализма, это насмешка над естествознанием.

Материализм говорит, что «социально-организованный опыт живых существ» есть производное от физической природы, результат долгого развития ее, развития из такого состояния физической природы, когда ни социальности, ни организованности, ни опыта, ни живых существ не было и быть не могло. Идеализм говорит, что физическая природа есть производное от этого опыта живых существ, и, говоря это, идеализм прирабачивает (если не подчиняет) природу богу. Ибо бог есть, несомненно, производное от социально-организованного опыта живых существ. Как ни врите богдановской философии, ровно ничего, кроме реакционной путаницы, она не содержит.

Богданову кажется, что говорить о социальной организации опыта есть «познавательный социализм» (III кн., стр. XXXIV). Это — сумасшедшие нелепости. Незукты, — если так рассуждать о социализме, — горячие сторонники «познавательного социализма», ибо исходный пункт их гносеологии есть божество, как «социально-организованный опыт». И несомненно, что католицизм есть социально-организованный опыт; только отражает он не объективную истину (которую отрицает Богданов и которую отражает наука), а эксплуатацию народной темноты определенными общественными классами.

Да что иезуиты! «Познавательный социализм» Богданова мы целиком находим у излюбленных Махом имманентов. Леклер рассматривает природу как сознание «человеческого рода» («Der Realismus etc.», S. 55), а вовсе не отдельного индивида. Такого фиктеанского познавательного социализма буржуазные философы преподнесут вам сколько угодно. Шюппе тоже подчеркивает *das generische, das gattungsmässige Moment des Bewusstseins* (ср. S. 379—380 в «V. f. w. Ph.», XVII т.), т. е. общий, родовый момент в познании. Думать, что философский идеализм исчезает от замены сознания индивида сознанием человечества, или опыта одного лица опытом социально-организованным, это все равно, что думать, будто исчезает капитализм от замены одного капиталиста акционерной компанией.

Наши русские махисты, Юшкевич и Валентинов, повторили за материалистом Рахметовым, что Богданов — идеалист (обругав при этом Рахметова прямо по-хулигански). Но подумать о том, откуда взялся этот идеализм, они не сумели. У них выходит, что Богданов — явление индивидуальное, случайность, отдельный казус. Это неправда. Богданову лично может казаться, что им изобретена «оригинальная» система, но достаточно сравнить его с приведенными выше учениями Маха, чтобы увидеть фальшь такого мнения. Различие между Богдановым и Корнелиусом гораздо меньше, чем различие между Корнелиусом и Карузом. Различие между Богдановым

и Карусом меньше (со стороны философской системы, а не сознательности реакционных выводов конечно), чем между Карусом и Цигеном и т. д. Богданов — только одно из проявлений того «социально-организованного опыта», который свидетельствует о росте махизма в идеализм. Богданов (речь идет, конечно, *исключительно* о Богданове как философе) не мог бы явиться на свет божий, если бы в учении его учителя Маха не было «элементов»... берклианства. И я не могу себе представить более «страшной мести» против Богданова, как если бы его «Эмпириомонизм» был переведен на немецкий, скажем, язык и отдан для рецензирования Леклеру и Шуберту-Зольдерну, Корнелиусу и Клейнпетеру, Карусу и Пильону (французскому сотруднику и ученику Ренувье). Эти заведомые соратники и частью прямые последователи Маха своими поцелуями по адресу «подстановки» сказали бы больше, чем своими рассуждениями.

Впрочем, философию Богданова едва ли правильно было бы рассматривать как законченную и неподвижную систему. За девять лет, с 1899 по 1908 г., Богданов прошел четыре стадии своего философского блуждания. Он был сначала «естественно-историческим» (т. е. наполовину бессознательным и стихийно верным духу естествознания) материалистом. «Основные элементы исторического взгляда на природу» носят на себе явные следы этой стадии. Вторая ступень — модная в конце 90-х годов прошлого века «энергетика» Оствальда, т. е. путанный агностицизм, спотыкающийся кое-где в идеализм. От Оствальда (на обложке «Лекций по натурфилософии» Оствальда стоит: «посвящается Э. Маху») Богданов перешел к Маху, т. е. перенял основные посылы субъективного идеализма, непоследовательного и сбивчивого, как вся философия Маха. Четвертая стадия: попытки убрать некоторые противоречия махизма, создать подобие объективного идеализма. «Теория всеобщей подстановки» показывает, что Богданов описал дугу почти ровно в 180°, начиная со своего исходного пункта. Дальше ли отстоит эта стадия богдановской философии от диалектического материализма, или ближе, чем предыдущие стадии? Если он стоит на одном месте, тогда, разумеется, дальше. Если он продолжает двигаться вперед по такой же кривой линии, по которой он двигался девять лет, то тогда ближе: ему нужен теперь *только* один серьезный шаг, чтобы снова повернуть к материализму, именно — универсально выкинуть вон свою универсальную подстановку. Ибо эта универсальная подстановка так же собирает вместе, в одну китайскую косу, все грехи половинчатого идеализма, все слабости последовательного субъективного идеализма, как (*si licet parva com parare magnis!* — если позволительно сравнить малое с великим) — как «абсолютная идея» Гегеля собрала вместе все противоречия кантовского идеализма, все слабости фихтеанства. Фейербаху оставался *только* один серьезный шаг, чтобы повернуть снова к материализму: именно — универсально выкинуть вон, абсолютно удалить прочь абсолютную идею, эту гегелевскую «подстановку психического» под физическую природу. Фейербах отрезал китайскую косу философского идеализма, т. е. взял за основу природу без всякой «подстановки».

Поживем — увидим, долго ли еще будет расти китайская коса махистского идеализма. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, тт. 185—190, изд. 3-е.)

Эмпириомонизм признает тождество мышления и бытия

Богданов, возражая Плеханову, писал в 1906 г.: «...Махистом в философии признавать себя я не могу. В общей философской концепции я взял у Маха только одно — представление о нейтральности элементов опыта по отношению к «физическому» и «психическому», о зависимости этих характеристик только от *связи* опыта» («Эмпириомонизм», кн. III, стр. ХLI, Спб. 1906). Это все равно, как если бы религиозный чело-

век сказал: не могу себя признать сторонником религии, ибо я взял у этих сторонников «только одно»: веру в бога. «Только одно», взятое Богдановым у Маха, и есть *основная ошибка* махизма, основная неправильность всей этой философии. Отступления Богданова от эмпириокритицизма, которым сам Богданов придает очень важное значение, на самом деле совершенно второстепенны и не выходят за пределы деталей, частных, индивидуальных отличий между различными эмпириокритиками, одобряемыми Махом и одобряющими Маха (об этом подробнее ниже). Поэтому, когда Богданов сердился на то, что его смешивают с махистами, он обнаруживал только этим непонимание *коренных* отличий материализма от того, что обще Богданову и всем прочим махистам. Не то важно, как развил или как подправил, или как ухудшил махизм Богданов. Важно то, что он покинул материалистическую точку зрения и этим осудил себя неизбежно на путаницу и идеалистические блуждания.

В 1899 г., как мы видели, Богданов стоял на правильной точке зрения, когда писал: «Образ стоящего передо мною человека, непосредственно данный мне зрением, есть ощущение»¹. Критики этого своего старого взгляда Богданов не потрудились дать. Он на слово, слепо поверил Маху и стал повторять за ним, что «элементы» опыта нейтральны по отношению к физическому и психическому. «Как выяснено новейшей позитивной философией, элементы психического опыта, — писал Богданов в кн. I «Эмпириомонизма» (стр. 90, 2 изд.), — тождественны с элементами всякого опыта вообще, так как тождественны с элементами опыта физического». Или в 1906 г. (кн. III, стр. XX): «а что касается «идеализма», — можно ли говорить о нем только на том основании, что элементы «физического опыта» признаются тождественными с элементами «психического» или элементарными ощущениями — когда это просто несомненный факт».

Вот где настоящий источник всех философских злоключений Богданова, — источник, общий у него со всеми махистами. Можно и должно говорить об идеализме, когда с ощущениями признают тождественными «элементы физического опыта» (т. е. физическое, внешний мир, материю), ибо это есть не что иное, как берклианство. Ни новейшей, ни позитивной философии, ни несомненного факта тут нет и следа, тут просто старый-престарый идеалистический софизм. И если бы спросить Богданова, как может он доказать этот «несомненный факт», что с ощущениями тождественно физическое, то ни единого довода вы не услышите, кроме вечного припева идеалистов: я ощущаю только свои ощущения; «свидетельство самосознания» (die Aussage des Selbstbewusstseins — у Авенариуса в «Прологоменах», стр. 56 второго нем. изд., § 93); или: «в нашем опыте» (говорящем, что «мы — ощущающие субстанции») «ощущение дано нам достовернее, чем субстанциальность» (там же, стр. 55, § 91) и т. д., и т. д., и т. п. За «несомненный факт» Богданов принял (поверив Маху) реакционный философский выверт, ибо на самом деле ни единого факта не было приведено и не может быть приведено, который бы опровергал взгляд на ощущение как образ внешнего мира, — взгляд, разделявшийся Богдановым в 1899 г. и разделяемый естествознанием по сей пору. Физик Мах в своих философских блужданиях ушел совсем в сторону от «современного естествознания», — об этом важном обстоятельстве, незамеченном Богдановым, нам придется еще много говорить впоследствии. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 47—48, изд. 3-е.)

Марксистский подход к оценке эмпириокритицизма

С четырех точек зрения должен подходить марксист к оценке эмпириокритицизма.

¹ «Основные элементы исторического взгляда на природу», стр. 216. Ср. вышеприведенные цитаты.

Во-первых и прежде всего, необходимо сравнить теоретические основы этой философии и диалектического материализма. Такое сравнение, которому были посвящены три первые главы, показывает *по всей линии* гносеологических вопросов *столкновение* эмпириокритицизма, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки *идеализма и агностицизма*. Только при абсолютном невежестве относительно того, что такое философский материализм вообще и что такое диалектический метод Маркса и Энгельса, можно толковать о «соединении» эмпириокритицизма с марксизмом.

Во-вторых, необходимо определить место эмпириокритицизма, как одной очень маленькой школки философов-специалистов, среди остальных философских школ современности. Начав с Канта, и Мах и Авенариус пошли от него не к материализму, а в обратную сторону, к Юму и к Беркли. Воображая, что он «очищает опыт» вообще, Авенариус на деле очищал только агностицизм от кантианства. Вся школа Маха и Авенариуса идет к идеализму все более определенно, в тесном единении с одной из самых реакционных идеалистических школ, так называемыми имманентами.

В-третьих, надо принять во внимание несомненную связь махизма с одной школой в одной отрасли новейшего естествознания. На стороне материализма неизменно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей как вообще, так и в данной специальной отрасли, именно: в физике. Меньшинство новых физиков, под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму. Модный физический идеализм наших дней такое же реакционное и такое же кратковременное увлечение, как модный физиологический идеализм недавнего прошлого.

В-четвертых, за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой геллертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 291—292, изд. 3-е.*)

Дуалистическая философия Канта

Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений. Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист. Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм, при известных условиях, и материализма. Признавая априорность пространства, времени, причинности и т. д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма. За эту половинчатость Канта с ним беспощадно вели борьбу и последовательные материалисты и последовательные идеалисты (а также «чистые» агностики, юмисты). Материалисты ставили Канту в вину его идеализм, опровергали идеалистиче-

ские черты его системы, доказывали познаваемость, посюсторонность вещи в себе, отсутствие принципиальной разницы между ней и явлением, необходимость выводить причинность и т. п. не из априорных законов мысли, а из объективной действительности. Агностики и идеалисты ставили Канту в вину его допущение вещи в себе, как уступку материализму, «реализму» или «наивному реализму», причем агностики отбрасывали, кроме вещи в себе, и априоризм, а идеалисты требовали последовательного выведения из чистой мысли не только априорных форм созерцания, а всего мира вообще (растягивая мышление человека до абстрактного *Я* или до «абсолютной идеи» или до универсальной *воли* и т. д., и т. п.). И вот наши махисты, «не заметив» того, что они взяли себе в учителя людей, критиковавших Канта с точки зрения скептицизма и идеализма, принялись раздирать на себе ризы своя и посыпать головы пеплом, когда увидели чудовищных людей, критикующих Канта с *диаметрально противоположной точки зрения*, отвергающих в системе Канта самонаименьшие элементы агностицизма (скептицизма) и идеализма, доказывающих, что вещь в себе объективно реальна, вполне познаваема, посюсторонна, ничем принципиально не отличается от явления, превращается в явление на каждом шагу развития индивидуального сознания человека и коллективного сознания человечества. Караул! — закричали они, — это незаконное смешение материализма с кантианством!

Когда я читаю уверения наших махистов, что они гораздо последовательнее и решительнее, чем какие-то устарелые материалисты, критикуют Канта, мне всегда кажется, что в нашу компанию зашел Пуришкевич и кричит: я гораздо последовательнее и решительнее критиковал кадетов, чем вы, господа марксисты! Слов нет, г. Пуришкевич, последовательные в политике люди могут и всегда будут критиковать кадетов с диаметрально противоположных точек зрения, но не следует все-таки забывать, что вы критиковали кадетов за то, что они — *чересчур* демократы, а мы их — за то, что они *недостаточно* демократы. Махисты критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он — недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы — слева.

Образчиками первого рода критики служат в истории классической немецкой философии юмист Шульце и субъективный идеалист Фихте. Как мы уже видели, они стараются вытравить «реалистические» элементы кантианства. Точно так же, как самого Канта критиковали Шульце и Фихте, — так немецких неокантианцев второй половины XIX в. критиковали юмисты-эмпириокритики и субъективные идеалисты-имманенты. Та же линия Юма и Беркли выступала в чуточку подновленном словесном облачении. Мах и Азенариус упрекали Канта не за то, что он недостаточно реально, недостаточно материалистично смотрит на вещь в себе, а за то, что он *допускает* ее существование; — не за то, что он отказывается выводить причинность и необходимость природы из объективной действительности, а за то, что он вообще допускает какую бы то ни было причинность и необходимость (кроме разве чисто «логической»). Имманенты шли в ногу с эмпириокритиками, критикуя Канта тоже с юмистской и берклианской точки зрения. Например, Леклер в 1879 г. в том самом сочинении, в котором он расхваливал Маха как замечательного философа, упрекал Канта за «непоследовательность и податливость (*Complivenz*) в сторону реализма», выразившиеся в понятии «вещи в себе», этого «номинального остатка (*Residuum*) от вульгарного реализма» («*Der Real. der mod. Nat. etc.*», S. 9)¹. Вульгарным реализмом называет Леклер материализм, — «чтобы покрепче было». «По нашему мнению, — писал Леклер, — должны быть устранены все те составные части кантовой теории, которые тяготеют в сторону *realismus vulgaris*, как непоследовательность и убожочный (*zwitterhaft*) продукт с точки зрения идеализма...» (41). «Непоследовательности и противоречия» в учении

¹ «Реализм современного естествознания и т. д.». — *Ред.*

Канта проистекают «из смешения (*Verquickung*) идеалистического критицизма с непревзойденными остатками реалистической догматики» (170). Реалистической догматикой называет Леклер материализм.

Другой имманент, Иоганн Ремке, упрекал Канта за то, что он вещь в себе *реалистически отгораживает* от Беркли (*Johannes Rehmknecht*: «*Die Welt als Wahrnehmung und Begriff*», S. 9, Brl. 1880)¹.

Философская деятельность Канта имела по существу полемический характер: посредством вещи в себе он направлял свою философию против немецкого рационализма» (т. е. против старого фидеизма XVIII в.), «а посредством чистого созерцания против английского эмпиризма» (25). «Я бы сравнил кантовскую вещь в себе с подвижной западней, поставленной над ямой: гешичка выскочит невинно и безопасно, а ступишь на нее — и внезапно падаешь в пропасть *мира в себе*» (27). Вот за что не любят Канта соратники Маха и Авенариуса, имманенты: за то, что он приближается кое в чем к «пропасти» материализма!

А вот вам образчики критики Канта слева. Фейербах упрекает Канта не за «реализм» а за «идеализм», называя его систему «идеализмом на базе эмпиризма» (*Werke*, II, 296).

Вот особенно важное рассуждение Фейербаха о Канте. «Кант говорит: если мы рассматриваем предметы наших чувств как простые явления, — как и следует их рассматривать, — то мы тем самым признаем, что в основе явлений лежит вещь в себе, хотя мы и не знаем, как она устроена сама по себе, а знаем только ее явления, т. е. тот способ, каким на наши чувства влияет (*afficiert*) это неизвестное нечто. Следовательно, наш разум тем самым, что он принимает бытие явлений, признает также бытие вещей в себе; и постольку мы можем сказать, что представлять себе такие сущности, которые лежат в основе явлений, т. е. которые суть лишь мысленные сущности, не только позволительно, но и необходимо...» Выбрав такое место из Канта, где вещь в себе рассматривается просто как мысленная вещь, мысленная сущность, а не реальность, Фейербах на это и направляет всю свою критику. «...Следовательно, — говорит он, — предметы чувств, предметы опыта суть для разума только явления, а не истина...» Мысленные сущности, видите ли, не представляют из себя действительных объектов для разума! Кантовская философия есть противоречие между субъектом и объектом, сущностью и существованием, мышлением и бытием. Сущность достается здесь разуму, существование — чувствам: Существование без сущности (т. е. существование явлений без объективной реальности) «есть простое явление — это чувственные вещи; сущность без существования — это мысленные сущности, *ноумены*; их можно и должно мыслить, но им недостает существования — по крайней мере, для нас — недостает объективности; они суть вещи в себе, истинные вещи, но они не суть действительные вещи... 'Какое противоречие отделять истину от действительности, действительность от истины!» (*Werke*, II, S. 302—303). Фейербах упрекает Канта не за то, что он допускает вещи в себе, а за то, что он не допускает их действительности, т. е. объективной реальности, за то, что он считает их простой мыслью, «мысленными сущностями», а не «сущностями, обладающими существованием», т. е. реальными, действительно существующими. Фейербах упрекает Канта за отступление от материализма.

«Кантовская философия есть противоречие, — писал Фейербах 26 марта 1858 г. к Болину, — она ведет с неизбежной необходимостью к фихтевскому идеализму или к сенсуализму»; первый вывод «принадлежит прошлому», второй — «настоящему и будущему» (*Grün*, I. c., II, 49). Мы уже видели, что Фейербах защищает объективный сенсуализм, т. е. материализм. Новый поворот от Канта к агностицизму и идеализму,

¹ И. Ремке, Мир как представление и понятие, стр. 9, Берлин, 1880 г. — *Ред.*

к Юму и Беркли, несомненно, *реакционен* даже с точки зрения Фейербаха. И его горячий последователь, Альбрехт Рау, перенявший вместе с достоинствами Фейербаха недостатки его, превзойденные Марксом и Энгельсом, критиковал Канта всецело в духе своего учителя: «Философия Канта есть амфиболия (двусмысленность), она — и материализм, и идеализм, и в этой ее двойственной натуре заключается ключ к ее сущности. В качестве материалиста или эмпириста Кант не может уклониться от того, чтобы признать за вещами вне нас бытие (Wesenheit). Но в качестве идеалиста он не мог избавиться от предрассудка, что душа есть нечто совершенно отличное от чувственных вещей. Существуют действительные вещи и человеческий дух, который постигает эти вещи. Каким же образом этот дух приближается к совершенно отличным от него вещам? Увертка у Канта следующая: дух имеет известные познания а priori, благодаря которым вещи должны являться ему так, как они ему являются. Следовательно, то обстоятельство, что мы понимаем вещи так, как мы их понимаем, есть наше творение. Ибо дух, живущий в нас, есть не что иное, как дух божий, и подобно тому как бог создал мир из ничего, так и дух человека создает из вещей нечто такое, чем эти вещи сами по себе не состоят. Таким образом действительным вещам Кант гарантирует их бытие как «вещам в себе». Душа необходима Канту, ибо бессмертие есть для него нравственный постулат. «Вещь в себе», господа, — говорит Рау по адресу неокантианцев вообще и путаника А. Ланге, фальсифицировавшего «Историю материализма», в особенности, — есть то, что отделяет идеализм Канта от идеализма Беркли: она образует мост от идеализма к материализму. — Такова моя критика кантовской философии, и пусть опровергнет эту критику, кто может» (87—88). «Для материалиста различие познаний а priori от «вещи в себе» совершенно излишне: он нигде не прерывает постоянных связей в природе, не считает материю и дух в корне различными между собой вещами, а только сторонами одной и той же вещи, и поэтому не нуждается ни в каких особых кунштуках, чтобы приблизить дух к вещам» (88—89)¹.

Далее, Энгельс, как мы видели, упрекает Канта за то, что он агностик, а не за то, что он отступает от последовательного агностицизма. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 162—166, изд. 3-е.*)

Превращение «вещи в себе» в «вещи для нас»

«Современный философский спиритуализм, — говорит Л. Фейербах, — называющий себя идеализмом, делает материализму следующий уничтожающий, по его мнению, упрек: материализм-де есть догматизм, т. е. он исходит из чувственного (sinnlichen) мира, как из бесспорной (ausgemacht), объективной истины, считает ее миром в себе (an sich), т. е. существующим без нас, тогда как на самом деле мир есть лишь продукт духа» (Sämtliche Werke, B. X, S. 185, 1866)².

Кажется, это ясно? Мир в себе есть мир, существующий *без нас*. Это — материализм Фейербаха, как материализм XVII в., оспариваемый епископом Беркли, состоял в признании «объектов самих по себе», существующих вне нашего сознания. «An sich» (самое по себе или «в себе») Фейербаха прямо противоположно «An sich» Канта: вспомните вышеприведенную цитату из Фейербаха, обвиняющего Канта в том, что для него «вещь в себе» есть «абстракция без реальности». Для Фейербаха «вещь в себе» есть «абстракция с реальностью», т. е. существующий вне нас мир, вполне познаваемый, ничем принципиально не отличающийся от «явления».

¹ Albrecht Rau, Ludwig Feuerbach's Philosophie, Die Naturforschung und die philosophische Kritik der Gegenwart, Leipzig 1882, S. 87—89. (А. Рау, Философия Фейербаха. Исследование природы и философская критика современности, Лейпциг, 1882, стр. 87—89. — *Ред.*)

² Собрание сочинений, т. X, стр. 185. — *Ред.*

Фейербах очень остроумно и наглядно поясняет, как нелепо принимать какой-то «трансцензус» от мира явлений к миру в себе, какую-то непереходимую пропасть, созданную полами и переятую у них профессорами философии. Вот одно из таких пояснений:

«Конечно, произведения фантазии тоже — произведения природы, ибо и сила фантазии, подобно всем остальным силам человека, есть в последнем счете (zuletzt), по своей основе, по своему происхождению сила природы, но тем не менее человек есть существо, отличающееся от солнца, луны и звезд, от камней, животных и растений, — одним словом, от всех тех существ (Wesen), которые он обозначает общим термином: природа, — и, следовательно, представления (Bilder) человека о солнце, луне и звездах и о всех остальных существах природы (Naturwesen), хотя и эти представления суть произведения природы, но *другие* произведения, отличающиеся от их предметов в природе» (Werke, B. VII, S. 516, Stuttgart. 1903) ¹.

Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой, как сам человек — лишь одна частичка отражаемой в его представлениях природы.

«...Мой вкусовой нерв такое же произведение природы, как соль, но из этого не следует, чтобы вкус соли непосредственно, как таковой, был объективным свойством ее, — чтобы тем, чем является (ist) соль лишь в качестве предмета ощущения, она была также сама по себе (an und für sich), — чтобы ощущение соли на языке было свойством соли, как мы ее мыслим без ощущения (des ohne Empfindung gedachten Salzes)...» (516). Несколькими страницами раньше: «Горечь, как вкус, есть субъективное выражение объективного свойства соли» (514).

Ощущение есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств, такова теория Фейербаха. Ощущение есть субъективный образ объективного мира, мира an und für sich.

«...Так и человек есть существо природы (Naturwesen), подобно солнцу, звезде, растению, животному, камню, но тем не менее он отличается от природы и, следовательно, природа в голове и в сердце человека отличается от природы вне человеческой головы и вне человеческого сердца» (516).

«...Человек есть единственный предмет, в котором, по признанию самих идеалистов, осуществлено требование «тождества субъекта и объекта»; ибо человек есть тот предмет, коего равенство и единство с моим существом стоит вне всякого сомнения... А разве один человек не является для другого, даже для самого близкого, объектом фантазии, объектом представления? Разве каждый не понимает другого человека в своем смысле, по-своему (in und nach seinem Sinne)?...» (517). И если даже между человеком и человеком, между мышлением и мышлением есть такая разница, которую нельзя игнорировать, то насколько больше должна быть разница между немыслящим, нечеловеческим, нетождественным с нами существом самим по себе (Wesen an sich) и тем же самым существом, как мы его мыслим, представляем и понимаем?» (там же, стр. 518).

Всякая таинственная, мудреная, хитроумная разница между явлением и вещью в себе есть сплошной философский вздор. На деле каждый человек миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение «вещи в себе» в явление, «вещь для нас». Это превращение и есть познание. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 96—98, и. д. 3-е.)

Естествознание отвергает кантовскую «вещь в себе»

Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза. Открывается новый факт, делающий непригодным прежний способ объяснения отно-

¹ Сочинения, т. VII, стр. 516. Stuttgart, 1903. Ред.

сящихся к той же самой группе фактов. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающегося сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока очистился материал для закона, то пришлось бы до того момента отложить теоретическое исследование, и уже по одному этому мы не получили бы никогда закона.

Количество и смена вытесняющих друг друга гипотез, при отсутствии у естествоиспытателей логической и диалектической подготовки, вызывает у них легко представление о том, будто мы неспособны познать *сущность* вещей (Галлер и Гете). Это свойственно не одному только естествознанию, так как все человеческое познание развивается по очень запутанной кривой, и теории вытесняют друг друга также в исторических науках, включая философию, — на основании чего, однако, никто не станет заключать, что, например, формальная логика — это чепуха. Последней формой этого взгляда является «вещь в себе». Это утверждение, что мы неспособны познать вещь в себе (Нег., *Енз.*, § 44), во-первых, переходит из науки в область фантазии, во-вторых, роено ничего не прибавляет к нашему научному познанию, ибо если мы не способны заниматься вещами, то они не существуют для нас, и, в-третьих, — это голая, никогда не применяющаяся фраза. Абстрактно говоря, оно звучит вполне вразумительно. Но пусть попробуют применить его. Что думать о зоологе, который сказал бы: собака имеет, *кажется*, четыре ноги, но мы не знаем, не имеет ли она в действительности четырех миллионов ног, или вовсе не имеет ног? О математике, который сперва определяет треугольник, как фигуру с тремя сторонами, а затем заявляет, что не знает, не обладает ли он 25 сторонами? $2 \times 2 =$, *кажется*, 4? Но естествоиспытатели остерегаются применять фразу о вещи в себе в естествознании, позволяя ее себе только тогда, когда заглядывают в область философии. Это — лучшее доказательство того, как несерьезно они к ней относятся, и какое ничтожное значение она имеет сама по себе. Если бы они относились к ней серьезно, то а quoi bon вообще изучать что-нибудь? С исторической точки зрения проблема эта может иметь известный смысл: мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях и настолько, насколько эти условия позволяют. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 6—7, Партиздат, 1932 г.)

Объективный идеализм Гегеля

Подобно тому как во Франции XVIII в., в Германии XIX в. философская революция служила введением к политическому краху. Но как непохожи одна на другую эти философские революции! Французы ведут открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, часто также с государством; их сочинения печатаются по ту сторону границы в Голландии или в Англии, а сами они нередко переселяются в Бастилию¹. Напротив, немцы — профессора, государством назначенные наставники юношества; их сочинения — одобренные начальством руководства, а система Гегеля, — венец всего философского развития, — до известной степени даже возводится в чин королевско-прусской государственной философии. И за этими профессорами, в их педантически-темных словах, в их неуклюжих, скучных периодах скрывалась революция? Да разве люди, считавшиеся тогда представителями революции, — либералы, — не были самыми рьяными противниками этой философии, наполнявшей туманом человеческие головы. Однако то, чего не за-

¹ Бастилия — государственная тюрьма для политических заключенных в Париже, в дореволюционной Франции. В дни Великой французской революции была взята штурмом восставшим народом (14 июля 1789 г.), а затем разрушена. — *Ред.*

мечали ни правительство, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек; он назывался, правда, Генрих Гейне¹.

Возьмем пример. Ни одно из философских положений не было предметом такой признательности со стороны близоруких правительств и такого гнева со стороны не менее близоруких либералов, как знаменитое положение Гегеля: «Все действительное разумно; все разумное действительно». Ведь оно, очевидно, было оправданием всего существующего, философским освещением деспотизма, полицейского государства, административного произвола, цензуры. Так думал Фридрих-Вильгельм III; так думали его подданные. Но у Гегеля вовсе не все, что существует, без дальнейших околичностей также и действительно. Атрибут² действительности принадлежит у него лишь тому, что в то же время необходимо. «В своем развитии действительность оказывается необходимостью». Та или другая правительственная мера, — сам Гегель берет в пример «известный налог» — вовсе не признается им поэтому без дальних околичностей за нечто действительное. Но в последнем счете необходимое оказывается также и разумным, и в применении к тогдашнему прусскому государству гегелевское положение сводилось, стало быть, только к следующему: это государство настолько разумно, настолько соответствует разуму, насколько оно необходимо. И если оно кажется нам негодным, а между тем продолжает существовать, несмотря на свою негодность, то негодность правительства объясняется и оправдывается соответственной негодностью подданных. Тогдашние пруссаки имели такое правительство, какого они заслуживали.

Итак, действительность вовсе не представляет собою атрибута, свойственного данному общественному или политическому порядку при всяких обстоятельствах и во все времена. Напротив. Римская республика была действительна, но действительна была и сменявшая ее римская империя. Французская монархия стала в 1789 г. так недействительна, т. е. до такой степени лишена всякой необходимости, до такой степени неразумна, что ее должна была уничтожить великая революция, о которой Гегель всегда говорит с величайшим восгоргом. Таким образом здесь монархия оказалась недействительной, а революция действительной. И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место умирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости. Диалектика Гегеля превращает, стало быть, рассматриваемый гегелевский тезис в его прямую противоположность: все действительное в области человеческой истории оказывается со временем неразумным, оно следовательно неразумно уже в силу своего определения; заранее обременено неразумностью; и все, что есть в человеческих головах разумного, обязательно станет действительным, как бы ни противоречило оно существующей кажущейся действительности. По всем правилам гегелевского метода мышления, тезис, провозглашающий разумность всего действительного превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует.

Но именно в том и состояли истинное значение и революционный характер гегелевской философии (рассмотрением которой мы ограничимся здесь как заключительным фазисом философского движения со времен Канта), что она раз навсегда

¹ Энгельс имеет в виду статьи знаменитого немецкого поэта Гейне «О Германии», где он, излагая для французской публики историю культуры немецкого народа (в трех частях: 1) до Лютера; 2) от Лютера до Канта, 3) от Канта до Гегеля), дал характеристику немецкой философии и той роли, которую она в свое время выполняла. — *Ред.*

² Атрибут — свойство предмета, не отделимое от самого предмета, неразрывно с ним связанное. Например диалектический материализм считает движением одним из основных атрибутов материи без движения. — *Ред.*

положила конец всякой мысли об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия. Истина, которую должна была познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длинном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на высшие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как сложив руки восторженно созерцать эту добытую абсолютную истину¹. И так — не только в философском, но и во всяком другом познании, а равно и в области практического действия. История так же мало может остановиться, как и познание; она никогда не получит окончательного завершения в некотором совершенном, идеальном состоянии общества; совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии. Все общественные порядки, сменяющиеся один за другим, представляют собой лишь переходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшего к высшему. Каждая ступень необходима, и, таким образом, имеет свое оправдание в то время и при тех обстоятельствах, которым она обязана своим происхождением. Но она становится шаткой и лишается своего оправдания перед лицом новых высших условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она должна уступить место высшей ступени, которая в свою очередь также приходит в упадок и гибнет. Диалектическая философия разрушает все представления об окончательной, абсолютной истине и о соответствующих ей абсолютных отношениях людей совершенно так же, как буржуазия, посредством крупной промышленности, конкуренции и всемирного рынка, практически разрушает все устойчивые, веками освященные учреждения. Для диалектической философии нет ничего раз навсегда окончательного, абсолютного, святого. На всем и во всем обнаруживает она печать неизбежного исчезновения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса становления и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь отражением этого процесса в мыслящем мозгу. У нее, без сомнения, есть и консервативная сторона: каждая данная ступень развития познания общественных отношений оправдывается ею в силу обстоятельства данного времени, но не больше. Ее консерватизм относителен, ее революционный характер безусловен, — вот единственное безусловное, для чего она оставляет место.

Нам нет надобности рассматривать здесь, насколько это мировоззрение соответствует нынешнему состоянию естественных наук, которые самой земле предсказывают возможный, а ее обитаемости несомненный, конец и тем самым говорят, что у человеческой истории будет не только восходящая, но и нисходящая ветвь. Но мы находимся, во всяком случае, еще изрядно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение общественной истории сверху вниз, и мы не можем требовать от гегелевской философии, чтобы она занималась вопросом, еще не поставленным на очередь современным ей естествознанием.

Однако необходимо заметить здесь следующее: вышеприведенные взгляды изложены нами гораздо резче, чем они изложены у Гегеля. Это есть вывод, к которому неизбежно приводит его метод; но этот вывод никогда не был сделан им самим с такой ясностью. И это понятно. Гегель вынужден был строить систему, а философская система, по истисри установившемуся обычаю, должна была завершиться абсолютной истиной того или иного рода. И тот же Гегель, который в своей «Логике» указывал, что вечная истина на деле есть не что иное, как сам логический, т. е. зна-

¹ Энгельс имеет здесь в виду метафизическое понимание абсолютной истины как законченного, исчерпывающего, да все времена познаваемого знания. — *Ред.*

чит, и исторический процесс, — тот же самый Гегель видит себя вынужденным положить конец этому процессу, так как надо же было ему на чем-то закончить свою систему. В «Логике» этот конец он снова может сделать началом, потому что там конечная точка, абсолютная идея¹, — абсолютная лишь постольку, поскольку он абсолютно ничего не мог сказать о ней, — «обнаруживает себя», т. е. превращается в природу, а потом в духе, — т. е. в мышлении и в истории, — снова возвращается к самой себе. Но в конце всей философии для подобного возврата к началу оставался только один путь. Необходимо было так представить себе конец истории: человечество приходит к познанию именно этой абсолютной идеи и объявляет, что это познание достигнуто гегелевской философией. Но это значило провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разрушающим все догматическое. Это означало задуть революционную сторону под тяжестью непомерно разросшейся консервативной стороны. И не только в области философского познания, но и по отношению к исторической практике. Человечество, которое в лице Гегеля дошло до познания абсолютной идеи, должно было и в практической области оказаться ушедшим вперед так далеко, что для него уже стало возможным проведение абсолютной идеи в действительность. Абсолютная идея не должна была, значит, предъявлять своим современникам слишком широкие политические требования. Вот почему мы в конце «Философии права» узнаем, что абсолютная идея должна осуществиться в той, ограниченной сословным представительством, монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так напрасно обещал своим подданным, т. е. стало быть в ограниченном и умеренном, косвенном господстве имущих классов, приспособленном к тогдашним мелкобуржуазным отношениям Германии. И притом еще нам там доказывается умозрительным путем необходимость дворянства.

Итак, уже одни внутренние нужды системы достаточно объясняют, почему в высшей степени революционный метод мышления привел к очень мирному политическому выводу. Впрочем специфической формой этого вывода мы обязаны тому обстоятельству, что Гегель был немец и, подобно своему современнику Гете, порядочный филистер. Гегель, как и Гете, был в своей области настоящий Зевс-олимпийец, но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от духа немецкого филистерства.

Все это не помешало однако гегелевской философии охватить несравненно более широкую область, чем какая бы то ни было прежняя система, а развить в этой области еще и поныне поражающее богатство мыслей. Феноменология духа² (которую можно было бы назвать параллельно эмбриологии и палеонтологией духа, развитием индивидуального сознания на различных его ступенях, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием), логика, философия природы, философия духа, разработанная в ее отдельных исторических подразделениях: философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т. д., — в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творческим гением, но и всесторонней ученостью, то его появление везде составило эпоху. Само собой понятно, что нужды «системы» довольно часто заставляли его тут прибегать к тем насильственным теоретическим построениям, по поводу которых до сих пор так ужасно кричат его ничтожные противники. Но эти построения служат у него только рамками работы, лесами возводимого им здания. Кто, не останавливаясь без надобности около них, глубже проникает в грандиозное здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранявшие свою полную ценность. У всех философов переходящей

¹ Под этим понятием у Гегеля скрывается понятие бога. — *Ред.*

² Название одного из первых крупных трудов Гегеля. — *Ред.*

опытывается именно «система», и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия. Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены, мы пришли бы к так называемой абсолютной истине — всемирная история была бы кончена и в то же самое время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы сделать новое, неразрешимое противоречие. Раз мы поняли, — и этим мы больше, чем кому-нибудь, обязаны именно Гегелю, — что требовать от философии разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в его поступательном развитии — раз мы поняли это, философии, в старом смысле слова, приходит конец. Мы оставляем в покое недостижимую таким путем и для каждого человека в отдельности «абсолютную истину» и зато устремляемся в погоню за достижимыми для нас относительными истинами по пути положительных наук и объединения их результатов при помощи диалектического мышления. С Гегелем вообще заканчивается философия, с одной стороны, потому что его система представляет собою величественный итог всего предыдущего ее (философии) развития, а с другой, — потому что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из лабиринта систем к действительно положительному познанию мира.

Не трудно понять, как велико было действие гегелевской системы в философски окрашенной атмосфере Германии. Это было торжественное шествие, длившееся целые десятилетия и далеко не прекратившееся со смертью Гегеля. Напротив, именно в промежуток времени от 1830 до 1840 г. достигло апогея исключительное господство «гегельянщины», заразившей более или менее даже своих противников: именно в этот промежуток времени взгляды Гегеля, сознательным или бессознательным путем, в изобилии проникали в самые различные науки и оплодотворяли даже популярную литературу и ежедневную печать, из которых средний «образованный человек» черпает свои мысли. Но эта победа по всей линии была лишь прологом междоусобной войны.

Взятое в целом, учение Гегеля оставляло, как мы видели, много свободного места для практических взглядов самых различных партий. Практическое значение имели в тогдашней Германии прежде всего две вещи: религия и политика. Человек, дороживший преимущественно *системой* Гегеля, мог быть довольно консервативен в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический *метод*, мог и в политике и в религии принадлежать к самой крайней оппозиции. Сам Гегель, несмотря на нередкие в его сочинениях взрывы революционного гнева, вообще склонялся преимущественно к консервативной стороне: недаром же его система стояла ему гораздо более «тяжелой работы мысли», чем его метод. (Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 7—14, изд. 1932 г.)

Противоречие между методом и системой в философии Гегеля

Рядом с французской философией XVIII в. и вслед за нею развивалась новейшая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными диалектиками, и Аристотель — самая всеобъемлющая голоза между ними — исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления. Хотя и в новой философии диалектика имела блестящих представителей (Декарт и Спиноза), но она, особенно под влиянием английской философии, все более и более склонялась к так называемому метафизическому способу мышления, почти исключительно овладевавшему также французам XVIII в. по крайней мере в их специально-философских трудах. Однако вне этой области они

смогли оставить нам высокие образцы диалектики: припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми»...

Новейшая немецкая философия нашла свое завершение в гегелевской системе, величайшая заслуга которой состоит в том, что она впервые представила весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. исследовала его в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии и пыталась раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и развития. Людям, стоящим на этой точке зрения, история человечества перестала казаться нелепой путаницей бессмысленных насилий, которые в равной мере все осуждаются перед судьейским креслом теперь лишь созревшего философского разума и которые лучше всего возможно скорее забыть. История людей явилась процессом развития самого человечества, и задача научной мысли свелась к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас здесь безразлично, разрешила ли система Гегеля все поставленные ею себе задачи: ее великая заслуга состояла в своей постановке этих задач. Разрешение их не может быть делом какого бы то ни было единичного ума. Хотя Гегель наряду с Сен-Симоном был самым всеобъемлющим умом своего времени, но ему все-таки пришлось считаться как с неизбежной ограниченностью своих собственных знаний, так и с ограниченностью — в смысле глубины и обширности — знаний и взглядов своей эпохи. К этому присоединилось еще третье обстоятельство. Гегель был идеалист, т. е. его мысли не казались ему более или менее отвлеченными отражениями существующих в действительности вещей и явлений, а, наоборот, предчелты и их развитие казались ему лишь воплощением «Идеи», существовавшей где-то еще до сотворения мира. Таким образом все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений вывернута наизнанку. И хотя Гегель сделал немало верных и гениальных указаний относительно взаимной связи некоторых отдельных явлений, но все же упомянутые нами причины привели к тому, что даже в частностях его системы многое казалось ошибочным, искусственным, натянутым, словом — извращенным. Гегелевская система как система была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде. К тому же она страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, в основе ее лежало убеждение в том, что человеческая история есть процесс развития, ход которого по самой ее природе не может быть закончен открытием так называемой абсолютной истины; но, с другой стороны, его система претендует быть изложением этой именно истины. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, что однако отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать громадные успехи с каждым поколением. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 13—14, 16—17, 1932 г.)

Маркс о гегелевской «Феноменологии»

Тайну этой бауэровской смелости составляет *гегелевская феноменология*. Так как Гегель ставит в ней *самосознание* на место человека, то самая разнообразная человеческая действительность представляется лишь как *определенная* форма, как *определенность самосознания*. Но голая определенность самосознания есть «чистая категория», голая «мысль», которую я, стало быть, могу упразднить в «чистом» мышлении и путем чистого мышления преодолеть. В феноменологии Гегеля оставлены в стороне материальные, чувственные, предметные основы различных образов, отчуждаемых самосознанием. Поэтому вся разрушительная работа привела

в результате к консервативной философии, так как подобная точка зрения предполагает, что предметный, чувственно действительный мир побежден, коль скоро он превращается в «мыслительную вещь», в простую определенность самосознания. Над действительным противником, превращенным таким образом в эфирное существо, легко одержать победу «в эфире чистого мышления». Поэтому феноменология вполне последовательно кончает тем, что она на место всей человеческой действительности ставит «абсолютное знание», — знание потому, что это есть единственная форма существования самосознания, а также потому, что самосознание рассматривается как единственная форма существования человека, — абсолютное же знание потому, что только самосознание знает само себя и не стесняемо более никаким предметным миром. Гегель делает человеком самосознания, вместо того, чтобы сделать самосознание самосознанием человека, — действительного человека, т. е. живущего в действительности, предметном мире и им обусловленного. Он ставит мир на голову и по этой причине уничтожает в своей голове все пределы, что им однако несколько не мешает существовать для дурной чувственности, для действительного человека. Кроме того он необходимым образом считает рамками все то, что обнаруживает ограниченность всеобщего самосознания, — всякую чувственность, действительность, индивидуальность людей и их мира. Вся феноменология имеет свою целью доказать, что самосознание есть единственная и всеобщая реальность. (Маркс и Энгельс, «Святое семейство», Соч., т. III, стр. 224—225.)

Агностицизм

Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познать действительный мир? Способны ли мы в своих представлениях и понятиях о действительном мире давать правильное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия. Огромнейшее большинство философов отвечают на него утвердительно. Так например у Гегеля утвердительный ответ на этот вопрос подразумевается сам собою: в действительном мире мы познаем именно его разумное содержание, именно то, благодаря чему мир оказывается постепенным осуществлением абсолютной идеи, которая от века существовала где-то независимо от мира и прежде него. Само собою понятно, что мышление может познать то содержание, которое заранее есть содержание мысли. Не менее понятно также, что, рассуждая таким образом, мы доказываем лишь то положение, которое молчаливо признаем бесспорным в нашей посылке. Но это не помешало Гегелю из своего доказательства тождества мышления и бытия сделать тот дальнейший вывод, что так как его мышление признает правильной его философию, то значит она есть единственная правильная философия, и что, в силу тождества мышления и бытия, человечество должно немедленно перенести эту философию из теории в практику и заново устроить весь свет на гегелевских началах. Эта иллюзия свойственна ему вместе почти со всеми другими философами.

Наряду с этими существует ряд других философов, которые оспаривают возможность познания мира, по крайней мере, исчерпывающего его познания. К ним среди философов нового времени принадлежат Юм и Кант, игравшие очень значительную роль в философском развитии. Решающее в опровержение этого взгляда уже сказано Гегелем, насколько это можно было сделать с идеалистической точки зрения¹. Добавочные материалистические возражения Фейербаха более остроумны,

¹ Философию Юма и Канта Энгельс называет агностицизмом (от *a* — не, *гносис* — знание). Агностик говорит: не знаю, есть ли объективная реальность, отражаемая нашими ощущениями. «Возможно, что мы в состоянии правильно воспринять свойства вещи, но самой

чем глубоко-мысленным. Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, выражаем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовский неуловимой «вещи в себе» приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались подобными «вещами в себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за другим; тем самым «вещь в себе» превращалась в вещь для нас, как например ализарин, красящее вещество марены, которое мы теперь получаем не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя. Солнечная система Коперника ¹ в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Леверрье, на основании данных этой системы, не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор планета, но и определил, посредством вычисления, место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету ², система Коперника была доказана. И если неокантианцы в Германии стараются воскресить взгляды Канта, а агностики в Англии — взгляды Юма (никогда не вымиравшие там, несмотря на то, что и теория, и практика давно уже опровергли и те, и другие, то в научном смысле это представляет собою попятное движение, а на практике дает этим стыдливым людям возможность выпустить через заднюю дверь тот самый материализм, который изгоняется на глазах публики ³.

Однако в продолжение этого длинного периода, от Декарта до Гегеля и от Гоббса до Фейербаха, философов толкала вперед вовсе не одна только сила чистого мышления, как это они воображали. Напротив. В действительности их толкало вперед великое, все более и более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности. У материалистов это прямо бросалось в глаза. Но и системы идеалистов все более и более наполнялись материалистическим содержанием, стремясь пантеистически ⁴ примирить противоположность духа и материи. В гегелевской системе

вещи мы никаким, ни чувственным, ни мыслительным, процессом постичь не можем. Эта «вещь в себе» находится по ту сторону нашего познания», — заявляют агностики. Энгельс говорит по этому поводу: «На это уже Гегель очень давно дал ответ: если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь; тогда остается только голый факт, что названная вещь существует вне нас, и как только ваши чувства удостоверили и этот факт, вы постигли эту вещь всю без остатка, — постигли знаменитую кантовскую вещь в себе» (Энгельс, Предисловие к английскому изд. «Развитие социализма»). — *Ред.*

¹ Коперник в своем сочинении «Вращение небесных тел» (1543) впервые выдвинул научную гипотезу (предположение) о вращении планет вокруг солнца. — *Ред.*

² Речь идет о Нептуне. — *Ред.*

³ Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений. Когда Кант допускает, что нашим представлением соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной (т. е. оказывающейся недоступной пониманию человеческого разума. — *Ред.*), потусторонней, — Кант выступает как идеалист. Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм, при известных условиях, и материализма. Признавая априорность (т. е. независимость от опыта. — *Ред.*) пространства, времени, причинности и т. д. Кант направляет свою философию в сторону идеализма. За эту половинчатость Канта с ним беспощадно вели борьбу и последовательные материалисты и последовательные идеалисты (а также «чистые» агностики, юнгисты) (Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Собр. соч., т. XIII, стр. 162). Эту двойственную философию и воскрешали неокантианцы (Коген, Наторп и др.). Неокантианство является фактически философией современного социал-фашизма (Макс Адлер и др.). — *Ред.*

⁴ Пантеизм — мировоззрение, отождествляющее бога с природой. Одним из видных представителей пантеизма был Спиноза. — *Ред.*

дело дошло, наконец, до того, что она, и по методу, и по содержанию, представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм. (Энгельс, *Людвиг Фейербах*, стр. 19—22, изд. 1932 г.)

Возможность познания доказывается практически

Действительно, что такое агностицизм, как не стыдливо прикрытый материализм? ¹ Взгляд агностика на природу насковзь материалистичен. Весь мир, вся природа управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но, — продолжает осторожно агностик, — мы не в состоянии доказать существование или несуществование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Эта оговорка имела ценность в те времена, когда Лампас на вопрос Наполеона, почему в «*Mécanique céleste*» («Небесная механика») этого великого астронома ни разу не упомянуто имя творца мира, дал гордый ответ: «*Je n'avais pas besoin de cette hypothèse*» (Я не имел надобности в этой гипотезе). В настоящее же время наше представление о вселенной в ее развитии совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя. Признание какого-то высшего существа, исключенного из всего существующего мира, само по себе было бы противоречием и кроме того, мне кажется, было бы незаслуженным оскорблением чувств религиозных людей.

Наш агностик соглашается также, что все наше знание покоится на данных, получаемых нами через посредство наших чувств. Но, — добавляет он, — откуда мы знаем, дают ли нам наши чувства правильные отражения воспринимаемых через их посредство вещей? И он продолжает поучать нас: когда он говорит о вещах или их свойствах, то он в действительности думает не о самих этих вещах и их свойствах, о которых он ничего не может знать достоверного, а только имеет в виду впечатления, которые они произвели на наши чувства. Это, конечно, такой способ рассуждения, который не легко опровергнуть одними только аргументами. Но прежде чем люди аргументировали, они действовали. «В начале было дело». И люди на деле уже разрешили эту трудность задолго до того, как человеческое мудрствование ее открыло. *The proof of the pudding is in the eating* (Свойства пуддинга познаются во время еды). В тот момент, когда мы обращаем в собственное пользование эти вещи, смотря по свойствам, которые мы в них воспринимаем, — в этот самый момент мы подвергаем безошибочному испытанию правильность или неправильность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были неправильны, то и наше суждение о годности данной вещи должно быть неправильным, и наша попытка использовать эту вещь должна оказаться неудачной. Если же мы достигаем нашей цели, если мы находим, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она годится на то, на что мы ее употребили, то это служит положительным доказательством того, что в этих пределах наши восприятия вещи и ее свойств соответствуют существующей вне нас действительности. Если же, напротив, мы убеждаемся, что мы сделали промах, то большей частью не требуется много времени, чтобы выявить причину ошибки. Мы находим, что лежащее в основании нашего опыта восприятие либо само является неполным и поверхностным, либо спуталось с результатами других восприятий таким способом, который не оправдывается положением вещей. До тех пор, пока мы правильно развиваем наши чувства, правильно пользуемся ими и действуем в пределах, установленных правильно полученными и использованными восприятиями, — до тех пор мы будем всегда убеждаться, что результаты наших поступков являются доказательством совпадения наших восприятий с материальной природой воспринятых вещей. Нет ни одного факта, насколько нам

¹ В английском тексте Энгельс прибавляет, что он пользуется «выразительным ланкаширским термином» — *Shamefaced*.

9 Диалектический материализм.

известно до настоящего времени, когда мы были бы вынуждены прийти к заключению, что наши научно контролируемые чувственные восприятия создают в нашем мозгу такие представления о внешнем мире, которые по своей природе отклоняются от действительности; или что между внешним миром и нашими чувственными восприятиями этого мира существует врожденное несоответствие.

Но тут приходит неокантианский агностик и говорит: да, возможно, что мы в состоянии правильно воспринять свойства вещи, но самой вещи мы никаким, ни чувственным, ни мыслительным, процессом постичь не можем. Эта «вещь в себе» находится по ту сторону нашего познания. — На это уже Гегель очень давно дал ответ: если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь; тогда остается только голый факт, что названная вещь существует вне нас; и как только ваши чувства удостоверили и этот факт, вы постигли эту вещь всю без остатка, — постигли знаменитую кантовскую непознаваемую вещь в себе. В настоящее время мы можем к этому только прибавить, что в эпоху Канта наше познание материальных вещей было еще настолько отрывочным, что за каждой из них можно было еще допускать существование особо таинственной вещи в себе. Но с того времени эти непостижимые вещи одна за другой, благодаря гигантскому прогрессу науки, уже постигнуты, проанализированы и, что еще больше, воспроизведены. А что мы можем *сделать*, того уж, конечно, мы не можем назвать непознаваемым. Для химии первой половины XIX столетия органические вещества были такими таинственными вещами. Теперь нам удастся одно за другим получить их путем синтеза из химических элементов и без помощи органических процессов. Новейшая химия утверждает: как скоро химический состав какого-либо тела известен, оно может быть составлено из элементов. Нам еще, правда, очень далеко до точного знания состава высших органических веществ, так называемых белковых тел; однако нет никакого основания сомневаться, что мы, хотя бы спустя столетия, достигнем этого знания и с его помощью будем добывать искусственный белок. Если мы этого достигнем, то вместе с тем мы воспроизведем органическую жизнь, ибо жизнь от самых низших до самых ее высших форм есть не что иное, как нормальная форма существования белковых тел.

Но наш агностик, сделав однажды свои формальные оговорки, говорит и действует совсем как закоренелый материалист, каковым он в сущности и является. Он, может быть, скажет: поскольку *нам* известно, материя и ее движение, или, как теперь говорят, энергия, не могут быть ни созданы, ни уничтожены, но мы не имеем никакого доказательства того, что и то и другое не было в какое-то неизвестное нам время сотворено. Но как только вы попытаетесь как-нибудь использовать против него в каком-нибудь данном случае это признание, то он моментально заставит вас замолчать. Если он отвлеченно допускает возможность спиритуализма, то на деле он и знать не желает об этой возможности. Он вам скажет: насколько мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержателя вселенной; поскольку это от нас зависит, материя и энергия также не могут быть ни созданы, ни уничтожены: для нас мышление — только форма энергии, функция мозга; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами и т. д. и т. п. Таким образом, поскольку он человек науки, поскольку он что-либо *знает*, постольку он материалист; вне же своей науки, в тех областях, которые ему чужды, он переводит свое незнание на греческий язык и называет его агностицизмом. (*Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 10—15, 1932 г.*)

Агностицизм Юма

В своем сочинении «Людвиг Фейербах» он (Ф. Энгельс. — *Ред.*) делит философов на «два больших лагеря»: материалистов и идеалистов. Основное отличие между ними Энгельс, принимающий во внимание гораздо более развитые, разнообразные и богатые

содержанием теории обоих направлений, чем Фрейзер, — видит в том, что для материалистов природа есть первичное, а дух вторичное, а для идеалистов наоборот. Между теми и другими Энгельс ставит сторонников Юма и Канта, как отрицающих возможность познания мира или по крайней мере полного его познания, называя их *агностиками*. В своем «Л. Фейербах» Энгельс применяет этот последний термин только к сторонникам Юма (тем самым, которых Фейербах называет и которые сами себя любят называть «позитивистами»), но в статье «Об историческом материализме» Энгельс прямо говорит про точку зрения «*неокантианского агностика*», рассматривая неокантианство, как разновидность агностицизма¹.

Мы не можем здесь останавливаться на этом замечательно правильном и глубоком рассуждении Энгельса (рассуждении, беззащитно игнорируемом махистами). Подробно об этом будет речь дальше. Пока мы ограничимся указанием на эту марксистскую терминологию и на это совпадение крайностей: взгляда последовательного материалиста и последовательного идеалиста на основные философские направления. Чтобы иллюстрировать эти направления (с которыми нам постоянно придется иметь дело в дальнейшем изложении), отметим вкратце взгляды крупнейших философов XVIII в., шедших по иному пути, чем Беркли.

Вот рассуждения Юма в «Исследовании относительно человеческого познания» в главе (12-й) о скептической философии: «Можно считать очевидным, что люди «клонны в силу естественного инстинкта или предрасположения доверять своим чувствам и что, без всякого рассуждения или даже перед тем, как прибегать к рассуждению, мы всегда предполагаем внешний мир (*external universe*), который не зависит от нашего восприятия, который существовал бы и в том случае, если бы мы и все другие способные ощущать создания исчезли или были бы уничтожены. Даже животные руководятся подобным мнением и сохраняют эту веру во внешние объекты во всех своих помыслах, планах и действиях... Но это всеобщее и первоначальное мнение всех людей скоро разрушается самой легкой (*slightest*) философией, которая учит нас, что нашему уму никогда не может быть доступно что-либо, кроме образа или восприятия, и что чувства являются лишь каналами (*inlets*), чрез которые эти образы пересылаются, не будучи в состоянии устанавливать какое-либо непосредственное отношение (*intimacy*) между умом и объектом. Стол, который мы видим, кажется меньшим, если мы отойдем дальше от него, но реальный стол, существующий независимо от нас, не изменяется; следовательно, нашему уму являлось не что иное, как только образ стола (*image*). Таковы очевидные указания разума; и ни один человек, который рассуждает, никогда не сомневался в том, что предметы (*existences*), о которых мы говорим: «этот стол», «это дерево», суть не что иное, как восприятия нашего ума... Каким доводом можно доказать, что восприятия в нашем уме должны быть вызываемы внешними предметами, совершенно отличными от этих восприятий, хотя и сходными с ними (если это возможно), а не происходят либо от энергии самого ума, либо от действия какого-либо невидимого и неизвестного духа, либо от какой-нибудь другой причины, еще более неизвестной нам?.. Каким образом этот вопрос может быть решен? Разумеется, посредством опыта, как и все другие вопросы подобного рода. Но в этом пункте опыт молчит и не может не молчать. Ум никогда не имеет перед собой никаких вещей кроме восприятий, и он никоим образом не в состоянии произвести какой бы то ни было опыт относительно соотношения между восприятиями и объектами. Поэтому предполо-

¹ *Fr. Engels, Ueber historischen Materialismus, «Neue Zeit», XI Jg., Bd. I (1892—1893), № I, S. 18. (Фр. Энгельс, Об историческом материализме, «Новое Время», XI г. изд., т. I, 1892—1893 гг., № 1, стр. 18. — Ред.).* Перевод с английского сделан самим Энгельсом. Русский перевод в сборнике «Исторический материализм» (стр. 167, СПб. 1903 г.) не точен (см. Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, «Библиотека марксиста», стр. 12 — 36, вып. 11, изд. 2-е, Гиз, 1928 г. — Ред.).

жение такого соотношения лишено всякого логического основания. Прибегать к правдивости верховного существа для доказательства правдивости наших чувств — значит обходить вопрос совершенно неожиданным образом... Раз мы поставим вопрос о внешнем мире, мы потеряем все аргументы, которыми можно бы было доказать бытие такого существа ¹.

И то же самое говорит Юм в «Трактате о человеческой природе», часть IV, отдел II: «О скептицизме по отношению к чувствам». «Наши восприятия суть наши единственные объекты» (стр. 281 франц. перевода Ренувье и Пиллона, 1878 г.). Скептицизмом называет Юм отказ от объяснения ощущений воздействием вещей, духа и т. п., отказ от сведения восприятий к внешнему миру, с одной стороны, к божеству или неизвестному духу, с другой. И автор предисловия к французскому переводу Юма, Пиллон (F. Pillon), философ родственного Маху направления (как увидим ниже), справедливо говорит, что для Юма субъект и объект сводятся к «группам различных восприятий», к «элементам сознания, впечатлениям, идеям и т. д.», что речь должна идти только о «группировке и комбинации этих элементов» ². Равным образом английский юмист Гексли, основатель меткого и верного выражения «агностицизм», подчеркивает в своей книге о Юме, что этот последний, принимая «ощущения» за «первоначальные, неразложимые состояния сознания», не вполне последователен по вопросу о том, воздействием ли объектов на человека или творческой силой ума следует объяснять происхождение ощущений. «Реализм и идеализм он (Юм) допускает как одинаково вероятные гипотезы» ³. Юм не идет дальше ощущений. «Цвета красный и синий, запах розы, это — простые восприятия... Красная роза дает нам сложное восприятие (complex impression), которое может быть разложено на простые восприятия красного цвета, запаха розы и др.» (стр. 64—65, там же). Юм допускает и «материалистическую позицию», и «идеалистическую» (стр. 82): «коллекция восприятий» может быть порождена фихтевским «я», может быть «изображением или хоть символом» чего-то реального (real something). Так толкует Юма Гексли. (Денин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 26—28, изд. 3-с.)

Агностик отрицает возможность познания материи

В статье «Об историческом материализме» ⁴ Энгельс говорит об английских агностиках (философах линии Юма) следующее:

«...Наш агностик соглашается, что все наше знание основано на тех сообщениях (Mittheilungen), которые мы получаем через посредство наших чувств»... (N. Z., S. 18).

Итак, отметим для наших махистов, что агностик (юмист) тоже исходит из *ощущений* и не признает никакого иного источника знаний. Агностик — чистый «*позитивист*», к сведению сторонников «нового позитивизма»!

¹ David Hume, An Enquiry Concerning Human Understanding, Essays and Treatises, vol. II, p. 150—153, Lond. 1882, (Юм Давид, Исследование человеческого познания. Опыты и рассуждения, т. II, стр. 150—153, Лондон, 1882, *Ред.*).

² Psychologie de Hume. Traité de la nature humaine etc. Trad. par Ch. Renouvier et F. Pillon, Paris 1878. Introduction, p. X (Психологические работы Юма. Трактат о человеческой природе. Перевод Ш. Ренувье и Ф. Пиллона. Париж 1878. Введение, стр. X.—*Ред.*).

³ Th. Huxley, «Hume», p. 74, London 1879, (Т. Гексли, Юм, стр. 74. Лондон, 1879 г.—*Ред.*).

⁴ Предисловие к английскому переводу «Развитие социализма из утопии в науку», переведенное самим Энгельсом на немецкий язык в «Neue Zeit», XI, 1 (1892—1893, № 1), S. 15 и сл. Русский перевод, если я не ошибаюсь, единственный — в сборнике: «Исторический материализм», стр. 162 и след. Цитата приводится Базаровым в «Очерках» «идеологии философии марксизма», стр. 64.

«...Но, — добавляет он (агностик), — откуда мы знаем, что наши чувства дают нам верные изображения (Abbilder) воспринимаемых ими вещей? И далее он сообщает нам, что когда он говорит о вещах или их свойствах, то он в действительности имеет в виду не самые эти вещи или их свойства, о которых он ничего достоверного знать не может, а лишь те впечатления, которые они произвели на его чувства... (N. Z., S. 18).

Какие две линии философских направлений противопоставляет здесь Энгельс? Одна линия — что чувства дают нам верные изображения вещей, что мы знаем *самые эти вещи*, что внешний мир воздействует на наши органы чувств. Это — материализм, с которым не согласен агностик. В чем же *суть* его линии? В том, что он *не идет дальше ощущений*, в том, что он *останавливается по эту сторону явлений*, отказываясь видеть что бы то ни было «достоверное» за пределами ощущений. О *самых этих вещах* (т. е. о вещах в себе, об «объектах самих по себе», как говорили материалисты, с которыми спорил Беркли) мы ничего достоверного знать не можем, — таково совершенно определенное заявление агностика. Значит, материалист в том споре, о котором говорит Энгельс, утверждает существование и познаваемость вещей в себе. «Агностик не допускает самой мысли о вещах в себе, заявляя, что ничего достоверного о них мы знать не можем. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 87—88, изд. 3-е.)

III. Реакционный характер идеализма и необходимость борьбы с ним

Идеализм — защита и оправдание религии

Идеализм в философии есть более или менее ухищренная защита поповщины, учения, ставящего веру выше науки или рядом с наукой или вообще отводящего место вере. Агностицизм (от греческого слова «а» — *не* и «гносис» — *знание*) есть колебание между материализмом и идеализмом, т. е. на практике колебание между материалистической наукой и поповщиной.

К агностикам принадлежат сторонники Канта (кантианцы), Юма (позитивисты, реалисты и пр.) и современные «махисты». (Ленин, *К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена*, Соч., т. XVI, стр. 379, изд. 3-е.)

* * *

Утонченные гносеологические выверты какого-нибудь Авенариуса остаются профессорским измышлением, попыткой основать маленькую «свою» философскую секту, а на деле, в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, объективная роль этих гносеологических ухищрений одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу. Не случайность же в самом деле, что за маленькую школу эмпириокритиков хватаются и английские спиритуалисты вроде Уорда, и французские неокритицисты, хвалящие Маха за борьбу с материализмом, и немецкие имманентисты! Формула И. Дицгена «Дипломированные лакеи фидеизма» не в бровь, а в глаз бьет Маха, Авенариуса и всю их школу¹.

¹ Вот еще пример того, как широко распространенные течения реакционной буржуазной философии на деле используют махизм. Едва ли не «последней модой» самонавейшей американской философии является «прагматизм» (от греческого прагма — дело, действие; философия действия). О прагматизме говорят философские журналы едва ли не более всего. Прагматизм вымещает метафизику и материализм и идеализм, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практикой, ссылается на позитивистское течение вообще, опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгем, на то, что наука не

Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатались по наклонной плоскости. Приемы сочинения разных попыток разрить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом! Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и эносоология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете например ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, рабски следуя за реакционной профессорской философией. «Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем», — писал от имени авторов «Очерков» Луначарский. — Не вы ищите, а вас ищут, вот в чем беда! Не вы подходите с вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня à la Оствальд, завтра à la Мах, послезавтра à la Пуанкаре. Те глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интроекцией» и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и общественная тенденция этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и служит свою службу. Увлечение эмпириокритицизмом и «физическим» идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантовством и «физиологическим» идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма.

Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это действительное классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма.

Возьмите первый вопрос. Не полагаете ли вы, что это случайность, если в коллективном труде против философии марксизма Луначарский договорился до «обожествления высших человеческих потенций», до «религиозного атеизма»¹ и т. п.? Если вы

есть «абсолютная копия реальности», и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта (сравни *William James, Pragmatism. A new name for some old ways of thinking*, N. Y. 1907, p. 57 и 106 особенно) (В. Джемс, Прагматизм. Новое название для старых путей мысли, Нью-Йорк 1907 г., стр. 57 и 106. — *Ред.*). Различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом. Сравните хотя бы богдановское и прагматистское определение истины: «Истина для прагматиста есть редкое понятие для всякого рода определений рабочих ценностей (working values) в опыте (ib., p. 68).

¹ «Очерки», стр. 157, 159. В «Земляничной газете» тот же автор говорит о «научном социализме в его религиозном значении» (№ 3, стр. 5), а в «Образовании» 1908 г., № 1, стр. 164, он прямо пишет: «Давно зреет во мне новая религия...»

полагаете так, то исключительно в силу того, что русские махисты неверно осведомили публику насчет *всего* махистского течения в Европе и отношения этого течения к религии. Не только нет в этом отношении ничего подобного отношению Маркса, Энгельса и Дицгена, даже Фейербаха, а есть *прямо обратное*, начиная с заявления Петцольдта: эмпириокритицизм «не противоречит ни теизму, ни атеизму» («Einf. i. d. Philosophie der reinen Erfahrung»¹, I, 351) или Маха — «религиозные мнения частное дело» (французский перевод, стр. 434) и кончая *прямым фидеизмом*, прямым черносотенством и Корнелиуса, который расхваливает Маха и которого расхваливает Мах, и Каруса, и всех имманентов. Нейтральность *философа* в этом вопросе *уже есть* лаяние пред фидеизмом, а дальше нейтральности не поднимаются и не могут подняться Мах и Авенариус в силу исходных пунктов своей гносеологии.

Раз вы отрицаете объективную реальность, данную нам в ощущении, вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма, ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно. Если чувственный мир есть объективная реальность, — всякой другой «реальности» или квази-реальности (вспомните, что Базаров поверил «реализму» имманентов, объявляющих бога «реальным понятием») закрыта дверь. Если мир есть движущаяся материя, — ее можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальных проявлениях и разветвлениях *этого* движения, движения *этой* материи, но вне ее, вне «физического», внешнего мира, знакомого всем и каждому, ничего быть не может. И вражда к материализму, тучи клевет на материалистов, — все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня. Все это продолжается до сих пор. Все это *скрывается* от публики русскими махистами, которые *ни единого* раза не попытались просто даже сопоставить выходок против материализма Маха, Авенариуса, Петцольдта и К^о с заявлениями *в пользу* материализма Фейербаха, Маркса, Энгельса, И. Дицгена.

Но «укрывательство» отношений Маха и Авенариуса к фидеизму ничему не поможет. Факты говорят за себя. Никакие усилия в мире не оторвут этих реакционных профессоров от того позорного столба, к которому пригвоздили их поцелуи Уорда, неокритицистов, Шуппе, Шуберта-Зольдерна, Леклера, прагматистов и т. д. И влияние названных сейчас лиц как философов и профессоров, распространенность их идей в «образованной», т. е. буржуазной, публике, специальная литература, созданная ими, вдесятеро шире и богаче, чем специальная школка Маха и Авенариуса. Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо.

Позорные вещи, до которых опустился Луначарский, — не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого. Нельзя защищать их «хорошими намерениями» автора, «особым смыслом» его слов: будь это прямой и обычный, т. е. непосредственно фидеистический смысл, мы не стали бы и разговаривать с автором, ибо не нашлось бы наперное ни одного марксиста, для которого подобные заявления *не* приравнивали бы *всецело* Анатолия Луначарского к Петру Струве. Если этого нет (а этого *еще* нет), то исключительно потому, что мы видим «особый» смысл и *во всем*, пока *еще* есть почва для товарищеской войны. В том-то и позор заявлений Луначарского, что он *мог* связать их с своими «хорошими» намерениями. В том-то и зло его «теории», что она допускает *такие* средства или *такие* выводы в осуществление *благих* намерений. В том-то и беда, что «благие» намерения остаются в *лучшем* случае субъективным делом Карпа, Петра, Сидора, а общественное значение подобных заявлений безусловно и неоспоримо, и никакими оговорками и разъяснениями ослаблено быть не может.

Надо быть слепым, чтобы не видеть идейного родства между «обожествлением высших человеческих потенций» Луначарского и «всеобщей подстановкой» психического

¹ «Введение в философию чистого опыта». — *Ред.*

под всю физическую природу Богданова. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической. «Подстановка», молча и с другой стороны подходя к делу, *уже обожествляет* «глыбные человеческие потенции», отрывая «психическое» от человека и подставляя необъятно-расширенное, абстрактное, божественно-мертвое «психическое вообще» под *всю физическую природу*. А «Логос» Юшкевича, вносимый «в иррациональный поток данного»?

Коготок увяз — всей птичке пропасть. А наши махисты все увязли в идеализме, т. е. ослабленном, утонченном фидеизме, увязли с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особого «элемента». Нищие ощущение, нищья психика, нищый дух, нищья воля, — к этому неизбежно скатиться, если не признавать материалистической теории *отражения* сознанием человека объективно реального внешнего мира. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 279—282, изд. 3-е.*)

Против богоискательства и богостроительства

(14 ноября 1913)

Дорогой А. М.! Что же это вы такое делаете? — просто ужас, право!

Вчера прочитал в «Речи» ваш отчет на «вой» за Достоевского и готов был радоваться, а сегодня приходит лику (идаторская) газета и *там напечатан абзац вашей статьи*, которого в «Речи» не было.

Этот абзац таков:

«А «богоискательство» надобно *на время*» (только на время?) «отложить, — это занятие бесполезное: нечего искать, где не положено. Не посеяв, не сожнешь. Бога у вас нет, вы *еще*» (еще!) «не создали его. Богов не ищут, — *и х создают*; жизнь не выдумывают, а творят».

Выходит, что вы против «богоискательства» только «на время»!! Выходит, что вы против богоискательства *только* ради замены его богостроительством!!

Ну, разве это не ужасно, что у вас *выходит* такая штука?

Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против *всяких* чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположество — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, все равно), — а для предпочтения синего чорта желтому это во сто раз хуже, чем не говорить совсем.

В самых свободных странах, в таких странах, где *совсем* неуместен призыв к «демократии, к народу, к общественности и науке», — в таких странах (Америка, Швейцария и т. п.) народ и рабочие отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построенного боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической* булжухней, — именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), — *гораздо менее* опасен именно для «демократии», чем поп без ряссы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа *легко* разоблачить, осудить и выгнать, — а второго *нельзя* выгнать так просто, разо-

блачить его в тысячу раз труднее, «осудить» его ни один «хрупкий и жалостно шаткий» обыватель не согласится.

И вы, зная «хрупкость и жалостную шаткость (русской, почему русской? а итальянская лучше??) *мещанской* души, смущаете эту душу ядом, наиболее сладеньким и наиболее прикрытым леденцами и всякими раскрашенными бумажками!!

Право, это ужасно.

«До ольно уже самооплеваний, заменяющих у нас самокритику».

А богостроительство не есть ли *худший* вид самооплевания?? Всякий человек, занимающийся строительством *бога* или даже только допускающий такое строительство, *оплевывает* себя худшим образом, занимаясь вместо «деяний» *как раз* самосозерцанием, самолюбованием, причем «созерцает»-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего «я», обожествляемые богостроительством.

С точки зрения не личной, а общественной, *всякое* богостроительство есть именно *любовное самосозерцание* тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного «самооплевания» филистеров и мелких буржуа, «отчаявшихся и уставших» (как вы изволили очень верно сказать про *душу* — только не «русскую» надо бы говорить, а *мещанскую*, ибо еврейская, итальянская, английская — *все один чорт*, везде паршивое мещанство одинаково гнусно, а «демократическое мещанство», занятое идейным труположеством, сугубо гнусно).

Вчитываясь в вашу статью и *доискиваясь*, откуда у вас эта *описка* выйти могла, я недоумеваю. Что это? Остатки «Исповеди», которую *вы сами* не одобряли?? Отголоски ее??

Или иное — например, неудачная попытка *согнуться* до точки зрения *общедемократической* вместо точки зрения *пролетарской*? Может быть для разговора с «демократией вообще» вы захотели (простите за выражение) посюсюкать, как сюсюкают с детьми? может быть «для популярного изложения» *обывателям* захотели допустить на минуту *его* или *их*, обывателей, предрассудки??

Но ведь это — прием *неправильный* во всех смыслах и во всех отношениях!

Я написал выше, что в *демократических* странах *совсем* неуместен был бы со стороны пролетарского писателя призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке». Ну, а у нас в России?? Такой призыв *не совсем* уместен, ибо он тоже как-то льстит обывательским предрассудкам. Призыв какой-то общий до туманности — у нас даже Изгоев из «Русской Мысли» *обеими руками* его подпишет. Зачем же брать такие лозунги, которые *вы-то* отделяете превосходно от изгоевщины, *но читатель* не сможет разделить?? Зачем для читателя набрасывать демократический флер вместо *ясного* различия *мещан* (хрупких, жалостно шатких, усталых, отчаявшихся, самосозерцающих, богосозерцающих, богостроительских, богопотакающих, самооплевывающих, *бестолково-анархистичных* — чудесное слово!! и прочая и прочая) — и *пролетариев* (умеющих быть бодрыми не на словах, умеющих различать «науку и общественность» *буржуазии* от своей, демократию буржуазную от пролетарской)?

Зачем вы это делаете?

Обидно дьявольски. («Ленинский сборник» I, Письмо Горькому, стр. 145--147, 1925 г.)

Идея бога — идея рабства

Декабрь 1913 г.

По вопросу о боге, божественном и обо всем, связанном с этим, у вас получается противоречие — то самое, по-моему, которое я указывал в наших беседах во время нашего последнего свидания на Капри: вы порвали (или как бы порвали) с «впередовцами», не заметив идейных основ «впередовства».

Так и теперь. Вы «раздосадованы», вы «не можете понять, как проскользнуло слово на время»¹ — так вы пишете — и в то же самое время вы защищаете идею бога и богостроительства.

«Бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством, идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского.

И она — явно неверна и явно реакционна. Наподобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и худшего изращения его) вы употребляете прием, который (несмотря на ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь то, что *исторически и житейски* в ней есть (неисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мешанская фраза (бог = «идеи, будящие и организующие социальные чувства»).

Вы хотите этим сказать «доброе и хорошее», указать на «Правду-Справедливость» и тому подобное. Но это ваше доброе желание остается вашим личным достоинством, субъективным «невинным пожеланием». Раз вы его написали, оно пошло в *массу*, и его *значение* определяется не вашим добрым пожеланием, а *соотношением общественных сил*, объективным соотношением классов. В силу этого соотношения *выходит* (вопреки вашей воле и независимо от вашего сознания) выходит так, что вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Н(иколая) П(и)г(и) Струве, ибо *на деле* идея бога *и м* помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков. Вот — скажут попы и К^о — какая хорошая и глубокая это идея — (идея бога), как признают даже «*ваши*», гг. демократы, вожди, — и мы (попы и К^о) служим этой идее.

Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский и *д е а л и з м*, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, *з а к р е п л я ю щ и х* эту придавленность, *у с ы п л я ю щ и х* классовую борьбу. Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *о д н о й р е л и г и о з н о й* идеи против другой.

Но и это время давно прошло.

Теперь и в Европе и в России *в с я к а я*, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции.

Все ваше определение насквозь реакционно и буржуазно. Бог = комплекс идей, *к[ото]рые* «будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Почему это реакционно? Потому, что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии.

В действительности «зоологический индивидуализм» обуздано не идея бога, обуздано его и первобытное стадо и первобытная коммуна.

Идея бога *в с е г д а* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *в с е г д а* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а *в с е г д а с в я з ы в а л а* угнетенный класс верой в *б е ж е с т в е н н о с т ь* угнетателей.

¹ Слово «на время» относится к цитате из статьи Горького, приведенной и разобранной Лениным в письме к Горькому от 14 ноября 1913 г. — *Ред.*

Буржуазно ваше определение (и не научно, неисторично), ибо оно оперирует огульными, общими, «робинзоновскими» понятиями вообще — а не определенными *классами* определенной исторической эпохи.

Одно дело — идея бога у дикаря, зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое — у Струве и К°. В обоих случаях эту идею поддерживает классовое господство (и эта идея поддерживает его). «Народное» понятие о боженьке и божечком есть «народная» тупость, заботность, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю.

Что философский идеализм «всегда имеет в виду только интересы личности», это неверно. У Декарта по сравнению с Гассенди больше имелись в виду интересы личности? Или у Фихте и Гегеля против Фейербаха?

Что «богостроительство есть процесс дальнейшего развития и накопления социальных начал в индивидууме и в обществе», это прямо ужасно! Если бы в России была свобода, ведь вас бы вся буржуазия подняла на щит за такие вещи, за эту социологию и теологию чисто буржуазного типа и характера.

Ну, пока довольно — и то затянулось письмо. Еще раз крепко жму руку и желаю здоровья. (*Ленинский сборник I, Письмо Максиму Горькому, стр. 149—151, 1925 г.*)

Классовые и гносеологические корни идеализма

Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе»; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, логос, бог. Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (= религии) даны уже в *первой элементарной абстракции* «дом» вообще и отдельные дома.

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instanz = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*. Vice versa: нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой. (*«Ленинский сборник» XII, стр. 337—339, 1930 г.*)

* * *

Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее* преувеличенное, überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. (*«Ленинский сборник» XII, стр. 326, 1930 г.*)

Классовые корни религии

Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть (*вернее* и *«кроме того»*) *дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания* (диалектического) человека.

Познание человека не есть (госр, не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота voilà гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма) конечно есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всеисильного, объективного, абсолютного человеческого познания. (*Ленинский сборник* XII, «К вопросу о диалектике», стр. 326, 1930 г.)

NB
сей
афо-
ризм

Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди, эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, — распространение атеистических взглядов есть главная папаша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это — корни, главным образом *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряду вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забытых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого *корня*, религии, против *господства капитала* во всех формах... (*Ленин, Об отношении рабочей партии к религии, Соч., т. XIV, стр. 70—71, изд. 3-е.*)

IV. Материализм до Маркса

1. Французский материализм XVIII в. и его историческое значение

Французское просвещение XVIII столетия, и в особенности французский материализм, представляет собою не только борьбу против существующих политических учреждений, религии и теологии, но также *открытую, ясно выраженную* борьбу

против *метафизики XVII столетия* и против *всякой метафизики вообще*, — против метафизики *Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница*. Философия была противопоставлена метафизике, подобно тому как *Фейербах* при своем первом решительном выступлении против *Гегеля* противопоставил *трезвую философию* пьяной *спекуляцией*. Пораженная французским просвещением, и в особенности *французским материализмом*, *метафизика XVII столетия* праздновала свою *победоносную, полную содержания реставрацию* в лице *немецкой философии*, а именно в *спекулятивной немецкой философии XIX столетия*. После того как *Гегель* гениальным образом соединил ее со всей прежней метафизикой и с немецким идеализмом, создав метафизическое универсальное царство, нападки на теологию споза, как в *XVIII столетии*, шли рядом с нападками на *спекулятивную метафизику* и на *всякую метафизику вообще*. Материализм, пополненный теперь тем, что было добыто самой *спекуляцией*, и совпадающий с *гуманизмом*, навсегда покончит с метафизикой. Подобно тому как *Фейербах* в теории французский и английский социализм и коммунизм являются на *практике материализмом*, совпадающим с *гуманизмом*.

«Выражаясь *точно и прозаически*», существуют два направления *французского материализма*: одно берет свое начало от *Декарта*, другое от — *Локка*. Последний вид материализма составляет, по *преимуществу*, *французский образовательный элемент* и ведет прямо к *социализму*. Первый, *механический материализм*, сливается с французским *естествознанием*. В ходе развития оба направления перекрещиваются. Нам нет надобности входить в подробное рассмотрение французского материализма, ведущего свое происхождение непосредственно от *Декарта*; точно так же незачем останавливаться на французской школе *Ньютона* и на развитии французского естествознания вообще.

Заметим лишь следующее:

В своей *физике Декарт* приписывает материи самостоятельную творческую силу и *механическое движение* рассматривает как проявление жизни материи. Он совершенно отделяет свою *физику от своей метафизики*. В *границах* его физики материя представляет собой единственную *субстанцию*, единственное основание бытия и познания.

Механический французский материализм примкнул к *физике Декарта*, в противоположность его метафизике. Его ученики были по профессии *антиметафизики*, т. е. *физики*.

Врачем *Леруа* начинается эта школа, в враче *Кабинисе* она достигла своего кульминационного пункта, врач *Ламеттри* является ее центром. Еще при жизни *Декарта* *Леруа* применил к человеческой душе взгляд своего учителя на строение *животного тела* (подобно *Ламеттри* в *XVII в.*) и объявил душу *модусом тела*, а *идеи механическим движением*.

Леруа был даже уверен, что *Декарт* скрыл свой истинный взгляд на этот вопрос: *Декарт* протестовал против этого. В конце *XVIII столетия* *Кабинис* закончил разработку картезианского материализма в своем произведении «*Rapport du physique et du moral de l'homme*».

Картезианский материализм существует еще и поныне во Франции. Значительных успехов он достиг в *механическом естествознании*, которое менее всего можно, «выражаясь *точно и прозаически*», упрекнуть в *романтике*.

Метафизика XVII столетия, главным представителем которой во Франции был *Декарт*, должна была со дня своего рождения *вести борьбу с материализмом*. Материализм выступил против *Декарта* в лице *Гассенди*, возродившего *эпикурейский материализм*. Французский и английский материализм всегда сохранял внутреннюю связь с *Демокритом* и *Эпикуром*. Другого противника картезианская метафизика встретила в лице *английского материалиста Гоббса*. Гассенди и Гоббс побе-

дили свою противницу спустя долгое время после своей смерти, в то время, когда она официально господствовала во всех французских школах.

Вольтер заметил, что равнодушные французы XVIII столетия к спору иезуитов с яansenстами следует приписать не столько влиянию философии, сколько финансовым спекуляциям Лопу. И в самом деле, падение метафизики XVII столетия по-существу может быть объяснено материалистической теорией XVIII столетия, поскольку само это теоретическое движение находит себе объяснение в практике тогдашней французской жизни. Жизнь эта была направлена на непосредственную действительность, на мирское наслаждение и мирские интересы, на *земной мир*. Ее антитеологической, антиметафизической, материалистической практике должны были соответствовать антитеологические, антиметафизические, материалистические теории. Метафизика *практически* потеряла всякий кредит. Нам необходимо здесь в кратких чертах отметить лишь *теоретический* ход этой эволюции.

Метафизика XVII столетия еще заключала в себе *положительное*, земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.). Она делала открытия в математике, физике и других точных науках, которые казались связанными с нею. Но уже в начале XVIII столетия эта мнимая связь была уничтожена. Положительные науки отделились от метафизики и отмежевали себе свою собственную область. Все богатство метафизики ограничилось теперь только миром идей и божественными предметами, и это как раз в то время, когда реальные сущности и земные вещи начали сосредоточивать на себе весь интерес. Метафизика стала плоской. В том самом году, когда скончались последние великие французские метафизики XVII века, Мальбранш и Арно, родились Гельвеций и Кондильяж.

Человеком, *теоретически* подорвавшим всякое доверие к метафизике XVII столетия и ко всякой метафизике вообще, был Пьер Бейль. Его оружием служил *скептицизм*, который сам был выкован из волшебных формул метафизики. Он сам исходил, прежде всего, из картезианской метафизики. Подобно тому как Фейербаха борьба против спекулятивной теологии толкнула на борьбу против *спекулятивной философии* именно потому, что он увидел в умозрении последнюю опору теологии и вынужден был заставить theologов вернуться обратно от мнимой науки к *грубой* отталкивающей *вере*, точно так же религиозное сомнение привело Бейля к сомнению в метафизике, служившей основой для веры. Он подверг поэтому критике все историческое развитие метафизики. Он стал ее историком для того, чтобы написать историю ее смерти. Он, по преимуществу, опровергал Спинозу и Лейбница.

Пьер Бейль не только разрушил метафизику с помощью скептицизма, очищая тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла во Франции, он возвестил появление атеистического общества, которое вскоре действительно начало существовать, посредством доказательства того, что возможно существование общества, состоящего из *атеистов*, что атеист *может* быть почтенным человеком, что человека унижают не атеизм, а предрассудки и идолопоклонство.

По выражению одного французского писателя, Пьер Бейль был «последним метафизиком в смысле XVII столетия и первым философом в смысле XVIII столетия».

Кроме отрицательного опровержения теологии и метафизики XVII столетия необходима была еще *положительная антиметафизическая* система. Чувствовалась необходимость в такой книге, которая привела бы в систему тогдашнюю жизненную практику и дала бы ей теоретическое обоснование. Сочинение Локка о «Происхождении человеческого рассудка» очень кстати явилось с того берега пролива. Оно встречено было с энтузиазмом, как давно и страстно ожидаемый гость.

Спрашивается: не был ли Локк учеником Спинозы? «Грешная» история может на это ответить:

Материализм — *прирожденный сын Великобритании*. Еще британский схоластик *Дунк Скотт* спрашивал себя: «не способна ли материя мыслить?»

Чтобы сделать возможным такое чудо, он взывал к господнему всемогуществу, т. е. он заставил самое *теологию* проповедывать *материализм*. Кроме того он был *номиналистом*. Номинализм был одним из главных элементов *английского* материализма и вообще является *первым выражением* материализма.

Но истинным родоначальником *английского материализма* и вообще *опытных наук новейшего времени* был *Бэкон*. Естествознание является в его глазах истинной наукой, а *физика*, опирающаяся на свидетельство внешних чувств, — важнейшей частью естествознания. *Анаксагор* с его гомеомериями и *Демокрит* с его атомами часто приводятся им как авторитеты. По его учению, *чувства* непогрешимы и составляют источник всякого знания. Наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперименты суть главные условия рационального метода. Первым и самым важным из *прирожденных свойств материи* является *движение*, — не только как *механическое* и *математическое* движение, но еще больше как *стремление*, как *жизненный дух*, как *напряжение*, или, как выражается *Яков Беме*, *мучение* (Qual) материи. Первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренние присущие ей, создающие специфические различия, *существенные силы*.

В *Бэконе*, как первом творце материализма, в наивной еще форме скрыты зародыши всестороннего развития этого учения. Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку. Но изложенное в афористической форме учение *Бэкона* еще полно теологической непоследовательности.

В своем дальнейшем развитии материализм становится *односторонним*. *Гоббс* является *систематиком бэконовского материализма*. Чувственность теряет с оди яркие краски и превращается в абстрактную чувственность *геометра*. *Физическое* движение приносится в жертву *механическому*, или *математическому*, движению, геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится *враждебным человеку*. Чтобы преодолеть *человеконенавистнический*, *бесплотный* дух в его собственной области, материализм должен сам умертвить свою плоть и сделаться *аскетом*. Он выступает как *рассудочное существо*, но зато он с беспощадной последовательностью развивает все выгоды рассудка.

Если чувственность есть источник всякого познания, как утверждает *Гоббс*, исходя из *Бэкона*, то созерцание, мысль, представление и т. д. суть не что иное, как фантомы телесного мира, более или менее лишенного своих, доступных внешним чувствам, форм. Наука может только дать названия этим фантомам. Одно и то же название может быть приложено ко многим фантомам. Могут даже существовать названия названий. Но было бы противоречием, с одной стороны, видеть в чувственном мире источник всех идей, с другой же стороны — утверждать, что слово есть нечто большее, чем слово, что кроме существующих в представлении, всегда лишь отдельных существ, имеются еще общие сущности. *Бестелесная субстанция* представляет собою такое же противоречие, как *бестелесное тело*. *Тело*, *бытие*, *субстанция*, — все это есть одна и та же *реальная* идея. Нельзя отделить мысль от той материи, которая мыслит. Она является субъектом всех изменений. Слово *бесконечный* — *бессмысленно*, если оно не обозначает нашей способности увеличивать без конца всякую данную величину. Так как только материальное доступно восприятию и познанию, то нельзя ничего знать о существовании бога. Достоверно для меня лишь мое собственное существование. Всякая человеческая страсть есть механическое движение, которое кончается или начинается. Объекты наших стремлений составляют благо. Человек подчинен тем же законам, что и природа. Сила и свобода — тоже-

Гоббс систематизировал Бэкона, но не дал обстоятельного обоснования главному принципу — происхождению знаний и идей из чувственного мира. Этот принцип Бэкона и Гоббса был разработан Локком в его «*Опыте о происхождении человеческого рассудка*».

Гоббс уничтожил *теистические* предрассудки бэконовского материализма: Коллинс, Додваль, Ковард, Гартли и Пристли разрушили последние теологические рамки локковского сенсуализма. Теизм — по крайней мере, для материалиста — есть не больше, как удобная и мягкая форма избавления от религии.

Мы уже упоминали о том, насколько появление произведения Локка отвечало потребностям французского просвещения. Локк обосновал философию *bon sens* здравого смысла, т. е. сказал косвенным образом, что не может быть философии, отличной от рассудка, опирающегося на показания здоровых человеческих чувств.

Непосредственный ученик и французский истолкователь Локка, Кондильяк, немедленно направил локковский сенсуализм против *метафизики* XVII столетия. Он доказал, что французы с полным правом отвергли эту метафизику как простой и неудачный плод воображения и теологических предрассудков. Он обнаружил труд, в котором опровергал системы Декарта, Спинозы, Лейбница и Мальбранша.

В своем произведении «*Essai sur l'origine des connaissances humaines*» он развивал точку зрения Локка, доказывая, что не только душа, но и чувства, не только искусство создавать идеи, но и искусство чувственного восприятия составляют дело опыта и привычки. От воспитания и внешних обстоятельств зависит поэтому все развитие человека. Только *электрическая* философия вытеснила впоследствии Кондильяка из французских школ.

Различие французского и английского материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью, кровью и красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию. Они *цивилизировали* его.

У Гельвеция, тоже исходившего из Локка, материализм получает настоящий французский характер. Он непосредственно применяется к общественной жизни (Helvétius, «*De l'homme*»). Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу морали. Природное равенство человеческих духовных способностей, единство успехов разума с успехами индустрии, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы.

Произведения Ламеттри представляют собой опыт соединения картезианского материализма с английским. Ламеттри пользуется физикой Декарта во всех ее подробностях. Его «*L'homme-machine*» построен по образцу животного — машины Декарта. В «*Système de la nature*» Гольбаха часть, посвященная физике, также представляет собой соединение французского и английского материализма, теория же нравственности, по существу, опирается на мораль Гельвеция. Робинз («*De la nature*»), тот французский материалист, который больше всех сохранил связь с метафизикой и потому удостоился похвалы Гегеля, ссылается определеннейшим образом на Лейбница.

О Вольтере, Дюнон, Дидро и др. нам нет надобности говорить, как и о физиократах, после того как мы, с одной стороны, выяснили двойное происхождение французского материализма от физики Декарта и английского материализма, а с другой стороны — указали на противоположность французского материализма *метафизике* XVII столетия, метафизике Декарта, Спинозы, Мальбранша и Лейбница. Немцы обратили внимание впервые на эту противоположность только после того, как сами вступили в борьбу со *спекулятивной метафизикой*.

Как *картезианский* материализм приводит к *естествознанию в тесном смысле* *слов*, так другое направление французского материализма приводит непосредственно к *социализму и коммунизму*.

Не требуется большого остроумия, чтобы усмотреть связь между учением материализма о врожденной склонности к добру, о равенстве умственных способностей людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении индустрии, о нравственном праве на наслаждение и т. д. — и коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нем истинно-человеческое, чтобы он привыкал в нем воспринимать в себе человеческие свойства. Если правильно понятый интерес составляет принцип всякой морали, то надо стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если человек несвободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы привлекать свое истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления и предоставлять каждому необходимый общественный просмотр для его существенных жизненных проявлений.

Если характер человека создается обстоятельствами, то надо стало быть сделать обстоятельства человеческими. Если человек, по природе своей, общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по отдельным личностям, а по целому обществу.

Эти и им подобные положения вы можете найти почти дословно даже у самых старых французских материалистов. Здесь не место входить в их оценку. Свидетельством социалистической тенденции материализма может служить «Защита пороков» Мандевилля, одного из ранних английских учеников Локка. Он доказывает, что в *современном* обществе пороки *необходимы и полезны*. Это ни в каком случае нельзя признать защитой современного общества.

Фурье непосредственно исходит из учения французских материалистов. *Бабуисты* были грубыми, нецивилизованными материалистами, но и развитой коммунизм ведет свое происхождение *непосредственно от французского материализма*. Материализм в той именно форме, какую ему придал *Гельвеций*, возвращается на свою родину, в *Англию*. Мораль Гельвеция служила основой системы морали *Бентама*, построенной на *правильно понятом личном интересе*, а *Оуэн*, исходивший из теории *Бентама*, кладет начало английскому коммунизму. Француз *Каба*, изгнанный в Англию, испытывает на себе влияние тамошних коммунистических идей и, по возвращении во Францию, становится самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма. Более научные французские коммунисты, *Дезамы*, *Гэй* и др., развивают, подобно *Оуэну*, учение *материализма* как учение *реального гуманизма* и как *логическую основу коммунизма*. (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство, т. III, стр. 153—161.*)

Ограниченность материализма XVIII века

Материализм прошлого (XVIII) века был преимущественно механическим, потому что из всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика, и именно только механика твердых тел (земных и небесных) — короче, механика тяжести. Химия имела еще детский вид, в ней придерживались еще

теории флогистона¹. Биология была еще в пеленках; растительный и животный организм был исследован лишь внешне, его объясняли чисто механическими причинами. В глазах материалистов XVIII столетия человек был машиной, как животные в глазах Декарта. Исключительное приложение мерил механики к химический и органическим процессам, в области которых механические законы хотя и продолжают действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами, — составляет первую своеобразную, но неизбежную тогда ограниченность классического французского материализма.

Вторая своеобразная ограниченность этого материализма заключается в неспособности его понять мир в качестве процесса, как вещество, которое находится в непрерывном развитии. Это соответствовало тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, т. е. антидиалектическому, методу философского мышления. Природа находится в вечном движении: это знали и тогда. Но по тогдашнему представлению это движение вращалось точно так же вечно в круге и таким образом оставалось собственно на одном и том же месте: оно всегда приводило к одним и тем же неизменным последствиям. Такое представление было тогда неизбежно. Кантовская теория возникновения солнечной системы² тогда только что появилась и казалась пока лишь простым курьезом. История развития земли, геология, была еще совершенно неизвестна. Мысль о происхождении нынешних живых существ путем продолжительного развития, ведущего от простого к сложному, не могла еще тогда иметь научной основы. Неизбежным становилось поэтому отсутствие исторического взгляда на природу. И этот недостаток тем меньше можно поставить в вину философам XVIII века, что его не чужд даже Гегель. У Гегеля природа, как простое «обнаружение» идеи, неспособна к развитию во времени; она может лишь развешивать свое многообразие в пространстве, и таким образом осужденная на вечное повторение тех же процессов она одновременно и одну рядом с другой и все авляет все заключающиеся в ней ступени развития. И эту бессмыслицу развития в пространстве, но вне времени, — которое есть основное условие всякого развития — Гегель навязывал природе тогда, когда уже достаточно была разработана и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда, на основе этих новых наук, уже посплodu зарождалась гениальные догадки-предтечи позднейшей теории развития (например, Гете и Ламарк). Но так повелевала система, и ради системы метод должен был изменить самому себе.

В области истории — то же отсутствие исторического взгляда на вещи. Здесь затуманивала взор борьба с остатками средневековья. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетием всеобщим варварством. Никто не обращал внимание на великие шаги вперед, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, великие жизнеспособные нации, образовавшиеся там в тесном взаимном соседстве, наконец огромные технические успехи XIV и XV столетий. Вследствие этого становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь, а история, в лучшем случае, являлась не более, как готовым к услугам философа сборником иллюстраций и примеров. (Ф. Энгельс, *Людвиг Фейербах*, стр. 24—25.)

¹ Согласно этой теории сущность горения состояла в том, что от горящего тела якобы отделяется особое огненное вещество, названное флогистоном. В конце XVIII века ученые нащупали иное объяснение процесса горения. Французский химик Лавуазье, пользуясь указанием английского химика Пристли, выдвинул теорию, что при горении вовсе не выделяется какой-то таинственный флогистон из горящего тела, а наоборот, особый элемент, кислород соединяется с горящим телом. Этим открытием, как говорит Энгельс, Лавуазье «впервые поставил на ноги всю химию, которая в своей флогистической форме стояла на голове» (Ф. Энгельс, Предисловие ко II тому «Капитала», 1885 г. — *Ред.*)

² Теория, объясняющая происхождение солнца и планет из вращающихся раскаленных туманностей. — *Ред.*

Материализм Фейербаха

Взятое в целом, учение Гегеля оставляло, как мы видели, много свободного места для практических взглядов самых различных партий. Практическое значение имели в тогдашней Германии прежде всего две вещи: религия и политика. Человек, дороживший преимущественно *системой* Гегеля, мог быть довольно консервативен в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический *метод*, мог и в политике, и в религии принадлежать к самой крайней оппозиции. Сам Гегель, несмотря на нередкие в его сочинениях взрывы революционного гнева, вообще склонялся преимущественно к консервативной стороне: недаром же его система стояла ему гораздо более «тяжелой работы мысли», чем его метод. Но в конце 30-х годов раскол в его школе становился все более и более заметным. В борьбе с правозерными пиявистами и феодальными реакционерами так называемые молодые гегельянцы — левое крыло¹ — отказывались мало-по-малу от того философски-пренебрежительного отношения к жгучим вопросам дня, ради которого правительство терпело их учение и даже покровительствовало ему. А когда в 1840 г. правозерное ханжество и феодально-самодержавная реакция вступили на престол в лице Фридриха-Вильгельма IV, пришлось открыто стать на сторону той или другой партии. Борьба попрежнему велась философским оружием, но уже не ради отвлеченно-философских целей. Речь шла уже об уничтожении унаследованной религии и существующего государства. Если в «*Deutsche Jahrbücher*» практические конечные цели выступали по преимуществу еще в философском одеянии, то в «*Rheinische Zeitung*» 1842 г. проповедь младогегельянцев явилась уже прямо философией поднимающейся радикальной буржуазии; философский плащ служил ей лишь для отвода глаз цензуре².

Но политика была тогда очень тернистой областью, поэтому главная борьба велась против религии. Впрочем, в то время, особенно в 1840 г., борьба против религии косвенно была и политической борьбой. Первый толчок дала книга Штрауса «*Das Leben Jesu*» («Жизнь Иисуса»), вышедшая в 1835 г. Против изложенной в этой книге теории возникновения евангельских мифов выступил потом Бруно Бауэр, утверждавший, что целый ряд евангельских рассказов сочинен самими авторами евангелий. Спор между Штраусом и Бауэром велся под видом философской борьбы между «самосознанием» и «субстанцией»³.

Вопрос о том, как возникли евангельские рассказы о чудесах, — образовались ли они путем бессознательного мифологического творчества в недрах общины или их сфабриковали сами евангелисты, — разросся до вопроса о том, что является главной

¹ В противоположность правым гегельянкам, отстаивавшим консервативные взгляды, поддерживавшим самодержавие, привилегированное положение дворянства и господствующую религию (протестантское православие) молодые, или левые, гегельянцы, во главе которых был Бруно Бауэр, стремились во-время делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы. — *Ред.*

² «*Дейче Ярбюхер*» («Немецкие ежегодники») — журнал, издававшийся левыми гегельянами А. Руге и Т. Эхтермейером в 1838—1843 гг. в Лейпциге. «*Рейнше Пейтунг*» («Рейнская газета») 1842—1843 гг. — орган рейнских либеральных буржуа. Среди главных сотрудников газеты был К. Маркс. С октября до конца 1842 г. Маркс был ее главным редактором. Под руководством Маркса газета приняла резко радикальный характер. Газета была прекращена прусским правительством в конце марта 1843 г. — *Ред.*

³ Штраус в своей книге изображал Иисуса в виде выдающейся исторической личности, а не как бога. Евангельские рассказы Штраус считал мифами (сказками), сложившимися в христианских общинах; Штраус таким образом держался мнения, что евангельские рассказы возникали как бы бессознательно. Б. Бауэр, критикуя Штрауса, упрекал его за то, что он не отводит должного места сознанию. По мнению Бауэра, евангельские мифы «в историческом процессе своего образования прошли через сознание людей, намеренно сочинявших их ради той или другой религиозной цели» (*Г. Плеханов*). «Самосознание», которое выдвигали на первый план молодые гегельянцы, отражало само сознание революционно настроенной буржуазной интеллигенции Германии в предреволюционную эпоху. — *Ред.*

действующей силой во всемирной истории: «субстанция» или «самосознание». Наконец явился Штирнер, пророк современного анархизма. — у него очень много заимствовал Бакунин — и пережегоял самодержавное «самосознание» своим самодержавным «единственным»¹.

Мы не станем подробнее рассматривать эту сторону процесса разложения гегелевской школы. Для нас важнее обратить внимание вог на что: практические потребности борьбы против положительной религии привели многих из самых решительных молодых гегельянцев к англо-французскому материализму². А это поставило их в противоречие с их школьной системой.

Между тем как для материалиста действительна одна только природа, в гегелевской системе природа является «обнаружением» абсолютной идеи, как бы ее принижением; и во всяком случае мышление и его продукт, идея, представляются в этой системе чем-то первичным, а природа — производным, существующим лишь благодаря тому, что идея снизошла до этого. В этом противоречии и путались на разные лады младогегельянцы.

Тогда появилось сочинение Фейербаха «Сущность христианства». Одним ударом рассеяло оно это противоречие, снова и без всяких оговорок провозгласив торжество материализма. Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть осознание, на котором выросли мы, люди, сами произведения природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией — это лишь фантастические отражения нашей собственной сущности. Заклятие было снято: «система» была взорвана и отброшена в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении. Кто не пережил освободительного влияния этой книги, тот не может и представить его себе. Мы все были в восторге, и все мы стали на время последователями Фейербаха. С каким воодушевлением приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, — несмотря на все его критические оговорки, — можно прочесть в «Святом семействе»³.

Даже ошибки книги (Фейербаха) усиливали тогда ее влияние. Беллетристический, местами даже напыщенный слог обеспечивал широкий круг читателей, и во всяком случае действовал освежительно после отвлеченной и тяжеловесной гегельянщины. То же можно сказать и о непомерном обоготворении любви. Его можно было извинить, хотя и не оправдать, как реакцию против самодержавия «чистого мышле-

¹ Энгельс имеет в виду вышедшую в 1845 г. книгу Макса Штирнера (псевдоним Каспара Шмидта) («Единственный и его собственность»). Критика ее дана Марксом и Энгельсом в их рукописи «Немецкая идеология» (см. Сочинения, т. IV). — *Ред.*

² В XVII в. в Англии и в XVIII в. во Франции, в связи с развитием в этих странах буржуазного способа производства, развивалось естествознание и материалистическая философия. (Представители английского материализма: Бэкон, Гоббс, Локк и др.) Во Франции философы-материалисты XVIII в. (Дидро, Гельвеций, Гольбах и др.) — представители революционной буржуазии — вели беспощадную борьбу «против крепостничества в учреждениях и идея», пользуясь уроками английской революции и являясь в философии учениками и продолжателями английского материализма. — *Ред.*

³ Полное заглавие книги Маркса и Энгельса: «„Святое семейство“, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра с соавторами». «Святое семейство» — шуточное прозвище философов братьев Бауэров с их последователями. Эти господа проповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят конечно в пролетариате (Ленин, Соч., т. I, статья «Фридрих Энгельс»). — *Ред.*

ния», ставшего совершенно невыносимым. Не надо, впрочем, забывать, что именно за обе эти слабые стороны Фейербаха ухватился «истинный социализм», который как зараза распространялся с 1844 г. в среде «образованных» людей Германии и который научное исследование заменял беллетристической фразой, а на место освобождения пролетариата путем экономического преобразования производства ставил освобождение человечества посредством «любви» — словом, ударился в самую отвратительную беллетристику и любвеобильную болтовню. Типическим представителем этого направления был г. Карл Грюн¹.

Не забудем еще и вот чего: гегелевская школа разложилась, но критика еще не справилась с гегелевской философией, Штраус и Бауэр, взяв каждый одну из ее сторон, направили ее как полемическое оружие против другой, Фейербах разбил систему и просто-напросто отбросил ее. Но объявить данную философию ошибочной еще не значит справиться с нею. И нельзя было посредством простого игнорирования устранить такое великое произведение, как гегелевская философия, имевшая такое огромное влияние на духовное развитие нации. Ее надо было «схоронить»² в ее собственном смысле, т. е. критика должна была уничтожить ее форму, сохранив добытое ею содержание, ниже мы увидим, как решена была эта задача.

Тем временем, однако, революция 1848 г. так же точно отбросила в сторону всякую философию, как Фейербах отбросил своего Гегеля. Благодаря этому, отошел на задний план и сам Фейербах. (Ф. Энгельс, *Людвиг Фейербах*, стр. 13—17).

Идеализм во взглядах Фейербаха на общественную жизнь

Ход развития Фейербаха есть ход развития гегельянца, — правда, вполне правоверным гегельянцем он не был никогда, — к материализму. На известной ступени этого развития он пришел к полному разрыву с идеалистической системой своего предшественника. С неудержимой силой овладело им наконец сознание того, что гегелевское предвечное бытие «абсолютной идеи» и «логических категорий»³, существование которых, по Гегелю, предшествовало существованию мира, есть не более, как фантастический остаток веры в творца, находящегося вне мира; что вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир и что наше сознание и мышление, каким бы сверхчувственным оно ни казалось, порождается вещественным, телесным органом — мозгом. Не материя порождается духом, а дух сам есть высочайший продукт материи. Это, конечно, чистейший материализм. Но, дойдя до этого, Фейербах останавливается. Он не может преодолеть обычного философского предубеждения, пред-

¹ Характеристику немецкого «истинного» социализма см. в «Манифесте коммунистической партии».

² Я передаю словом *схоронить* немецкое слово *aufhaben*, которое имело у Гегеля смысл устранения и в то же время сохранения данного понятия: *aufgehoben aber zugleich aufbewahrt*. — Г. П.

³ Гегель в своей «логике» разбирает основные понятия, как то: бытие, становление, качество, количество, сущность, явление, возможность, случайность, необходимость, действительность и т. д. Эти отвлеченные основные понятия называются «логическими категориями». По Гегелю, эти категории имеют самостоятельное «предвечное существование, независимо от человека (объективный идеализм). В действительности же понятия и умозаключения являются лишь отражениями в мозгу человека процессов, происходящих в материальном мире. «Моменты познания (= идеи) человеком природы вот что такое категории логики». «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предубеждения, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» («Л. Сборник», IX, с. 230 и 267). «Логические категории» это и есть как раз то самое идеальное, о котором Маркс говорит в предисловии к первому изданию I тома «Капитала». «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». — *Ред.*

рассудка не против самого существа, а против слова «материализм». Он говорит: «Для меня материализм есть основа здания человеческого существа и знания; но он для меня не то, что для физиолога, для естествоиспытателя в тесном смысле, например для Молешотта, и чем он не может не быть для них сообразно их точке зрения и их специальности, т. е. он для меня не само здание. Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед, я не с ними».

Фейербах смешивает здесь материализм как общее мировоззрение, основанное на определенном понимании отношения материи и духа, с той особой формой, в которой выражалось это мировоззрение на известной исторической ступени, именно в XVIII столетии. Мало того, он приписывает материализму вообще тот опошленный, вульгарный вид, который принял теперь материализм XVIII века в гозовах врачей и естествоиспытателей и в котором его преподносили разносчики Бюхнер, Фогт и Молешотт в 50-х годах. Но материализм, подобно идеализму, прошел ряд ступеней развития. Ему приходится принимать новую форму с каждым новым великим открытием, составляющим эпоху в естествознании. А с тех пор, как стали рассматривать с материалистической точки зрения историю, здесь также прокладывается новый путь для развития...

Здесь надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, при жизни Фейербаха естествознание находилось в том процессе сильнейшего брожения, который получил относительное, вносящее несколько большую ясность, завершение только в последние пятнадцать лет. Собрано было неслыханное множество новых научных данных, но лишь в самое последнее время стало возможно установить связь, а, стало быть, и порядок в этой хаотической толпе открытий. Правда, три важнейших открытия, — открытие клетки, учение о превращении энергии, теория развития, названная по имени Дарвина, — еще застали Фейербаха в живых. Но мог ли пребывавший в деревенском уединении философ в достаточной степени следить за наукой, чтобы быть в состоянии в полной мере оценить такие открытия, которые сами-то естествоиспытатели отчасти еще оспаривали, отчасти же не умели надлежащим образом использовать. Виноваты тут единственно жалкие немецкие порядки, благодаря которым профессорские кафедры исключительно замещались мудствующими эклектическими крохоборами, между тем как Фейербах, бывший бесконечно выше всех этих крохоборов, окрестничивался и киснул в деревенском захолустьи. Не Фейербах следовательно виноват в том, что ставший теперь возможным новейший исторический взгляд на природу, устраняющий все односторонности французского материализма, остался для него недоступным.

Во-вторых, Фейербах был совершенно прав, когда говорил, что исключительно естественно-научный материализм «составляет основу здания человеческого знания, но еще не самое знание». Нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое, подобно природе, имеет свою историю развития и свою науку. Задача состояла в том, чтобы согласовать с материалистической основой и заново построить на ней науку об обществе, т. е. всю совокупность так называемых исторических и философских наук. Но Фейербаху не суждено было сделать это. В этом отношении он, несмотря на «основу», еще не освободился от старых идеалистических пут, что признавал он сам, говоря: «Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед — я не с ними». Но именно здесь, в области общественной, сам Фейербах «идет еще» дальше своей точки зрения 1840 или 1844 годов и не пошел, и опять-таки главным образом вследствие своего отшельничества, благодаря которому он, по своим наклонностям нуждавшийся в обществе гораздо больше всех других философов вынужден был производить свои мысли в полном уединении, а не в дружеских или враждебных столкновениях с другими людьми своего калибра. Ниже мы подробнее рассмотрим, до какой степени он оставался идеалистом в указанной области. (Ф. Энгельс, *Людвиг Фейербах*, стр. 26—27).

* * *

Действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его этике и философии религии. Фейербах вовсе не хочет упразднить религию; он хочет усовершенствовать ее. Сама философия должна быть поглощена религией. «Периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии. Данное историческое движение только тогда становится могучим, когда оно овладевает человеческим сердцем. Сердце не форма религии; так что нельзя сказать, что религия должна быть также и в сердце; оно — сущность религии» (цитировано у Штарке, стр. 168). По учению Фейербаха, религия есть основанное на чувстве сердечное отношение между людьми, отношение, которое до сих пор старалось найти свое истинное содержание в фантастическом отражении действительности, — при посредстве бога или нескольких богов, этих фантастических отражений человеческих свойств, — а теперь непосредственно и прямо находит его в любви между «я» и «ты». В конце концов выходит, что по овал любовь у Фейербаха есть одна из самых высших, если не самая высшая форма исповедывания его новой религии.

Основанные на чувстве отношения между людьми, особенно между людьми разного пола, существовали с тех самых пор, как существует человечество. Что касается половой любви, то она в течение последних восьми столетий приобрела такое значение и завоевала такое место, что стала осью, вокруг которой обязательно вращается вся поэзия. Существующие положительные религии ограничиваются тем, что дают высшее освящение государственному регулированию половой любви, т. е. законодательству о браках. Если бы они совершенно исчезли, в практике любви и дружбы не произошло бы ни малейшего изменения. Во Франции, в промежуток времени от 1793 по 1799 г. христианская религия действительно до такой степени исчезла, что самому Наполеону не без труда и не без сопротивления удалось ввести ее снова¹. Однако в течение этого времени никто не почувствовал, что ее надо заменить чем-нибудь вроде новой религии Фейербаха.

Идеализм Фейербаха состоит в том, что он половую любовь, дружбу, сострадание, самоотвержение и все, основанные на взаимной склонности, отношения людей не решает оставить в том виде, какой они имеют сами по себе, помимо связи их с какой-нибудь особой религиозной системой, которая и по его мнению принадлежит прошлому. Он утверждает, что полное свое значение эти отношения получают только тогда, когда их освящают словом «религия». Для него главное дело не в том, чтобы существовали такие чисто человеческие отношения, а в том, чтобы на них смотрели как на новую, истинную религию. Он соглашается признать их полными только в том случае, если к ним будет приложена печать религии. Существительное *религия* происходит от глагола *religare* и означало первоначально *связь*. Таким образом всякая взаимная связь двух людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое получили они путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были иметь в силу своей этимологической родословной. Чтобы не исчезло дорогое по старой идеалистической привычке слово «религия», возродится в сан религии половая любовь и половые отношения. (Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 30—31.)

Место Фейербаха в истории философии

«По отношению к Сен-Симону и Фурье Прудон представляет приблизительно то же самое, что Фейербах по отношению к Гегелю. Фейербах очень бледен по сравне-

¹ Имеется в виду восстановление Наполеоном во Франции католической церкви, которая была уничтожена якобинским конвентом. Наполеон (будучи еще консулом) 15 июля 1801 г. подписал конкордат (соглашение) с папой. — Ред.

нию с Гегелем. Тем не менее, явившись после Гегеля, он произвел переворот, отгенив некоторые неприятные для христианского сознания и очень важные для успехов критики пункты, оставленные Гегелем в мистическом полусвете». (*Маркс, Ницше философии*, стр. 18, изд. 1928 г.)

Вульгарный материализм

Люди, взявшие на себя в 50-х годах в Германии роль разносчиков дешевого материализма, не вышли ни в чем за пределы учений своих учителей. Все новые успехи естественных наук служили им лишь новыми доводами против существования творца вселенной. Они даже и не помышляли о том, чтобы развивать дальше теорию. Идеализм, премудрость которого к тому времени уже окончательно истощилась и который был смертельно ранен революцией 1848 г., получили таким образом удовлетворение, что материализм на это время пал еще ниже. Фейербах был совершенно прав, отключая от себя всякую ответственность за этот материализм. Но он не имел права смешивать учение разносчиков с материализмом вообще». (*Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах*, стр. 25—26.)

* * *

Бюхнер. Зарождение направления. (Крушение.) Разрешение идеалистической философии в материалистическую. Контроль над наукой устранен. Внезапный расцвет плоско-материалистической популярной литературы, материализм которой должен был заменить недостаток научности. Расцвет ее как раз в эпоху глубочайшего унижения буржуазной Германии и падения официальной немецкой науки. 1850—1860. Фогт, Мошотт, Бюхнер. Взаимное страхование. (Ругань по адресу философии.) Новое оживление благодаря вхождению в моду дарвинизма, который эти господа сейчас же взяли в аренду.

Можно было бы оставить их в покое, предоставив им заниматься своим, все же неплохим, хотя и скромным делом распространения среди немцев философии, атеизма и т. д., но 1) брань по адресу философии (привести места)¹, которая, несмотря ни на что, составляет славу Германии, и 2) претензия распространить эту теорию природы на общество и реформировать социализм, — все это заставляет нас обратить на них внимание. (*Энгельс, Диалектика природы*, стр. 3.)

Критика механического и вульгарного материализма Марксом и Энгельсом

Маркс и Энгельс всегда осуждали *плохой* (и, главным образом, антидиалектический) материализм, но осуждали они его с точки зрения более высокого, более развитого, диалектического *материализма*, а не с точки зрения юмизма или берклианства. О плохих материалистах Маркс, Энгельс и Дигген разговаривали, считаясь с ними и желая исправить их ошибки, а о юмистах и берклианцах, Махе и Авенариусе, они и разговаривать не стали бы, ограничившись одним еще более презрительным замечанием по адресу *всего* их направления. Поэтому бесконечные ужимки наших махистов и гримасы их по поводу Гольбаха и К^о, Бюхнера и К^о и т. д. означают всецело и исключительно бросание песка в глаза публике, прикрытие отступления всего махизма от самых основ материализма вообще, боязнь прямо и ясно посчитаться с Энгельсом.

¹ Бюхнер знает философию только как догматик, так как сам является догматиком, самым плоским эпигоном немецкого просветительства, которому осталось чуждым умственное движение великого французского материализма (Гегель о них), подобно тому как Николай был чужд Вольтеру. Лессинговское: «Дохлая собака — Спиноза». *Enz. Vogt. 19.*

А яснее, чем отозвался Энгельс о французском материализме XVIII в. и о Бюхнере, Фохте и Молешотте в конце II главы своего «Людвига Фейербаха», трудно было бы выразиться. Не понять Энгельса *нельзя*, если не *желать* извратить его. Мы с Марксом материалисты, — говорит Энгельс в этой главе, выясняя *основное* отличие всех школ материализма от *всего лагеря* идеалистов, от всех кантианцев и юмистов вообще. И Энгельс *упрекает Фейербаха за нехотное малодушие*, легкомыслие, выразившееся в том, что он кое-где отрекался от материализма вообще из-за ошибок той или другой школы материалистов. Фейербах «не имел права (*durfte nicht*), — говорит Энгельс, — смешивать учение разносчиков (Бюхнера и К^о) с материализмом вообще» (S. 21). Только голубы, испорченные чтением и принятием на веру учений немецких реакционных профессоров, могли *не понять* характера *таких* упреков Энгельса по адресу Фейербаха.

Энгельс яснее ясного говорит, что Бюхнер и К^о «не вышли ни в чем за пределы учений их учителей», т. е. материалистов XVIII века, не сделали *ни шагу вперед*. За это и *только за это* упрекает Энгельс Бюхнера и К^о, не за их материализм, как думают невежды, а за то, что они *не двигали вперед* материализма, «не помышляли *даже* о том, чтобы *развивать* *далее* теорию» материализма. Только за это упрекает Энгельс Бюхнера и К^о. И тут же *по пунктам* перечисляет Энгельс три основных «ограниченности» (*Beschränktheit*) французских материалистов XVIII в., от которых избавились Маркс и Энгельс, но не сумели избавиться Бюхнер и К^о. Первая ограниченность: воззрение старых материалистов было «механическим» *в том смысле*, что они «применяли исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы» (S. 19). Мы увидим в следующей главе, как непонимание этих слов Энгельса привело к тому, что некоторые люди через новую физику свихнулись в идеализм. Энгельс не за то отвергает *механический* материализм, в чем его обвиняют физики «нозейше»-идеалистического (махистского тож) направления. Вторая ограниченность: метафизичность воззрений старых материалистов в смысле «*антидиалектичности их философии*». Эту ограниченность всецело разделяют с Бюхнером и К^о наши махисты, которые, как мы видели, ровнехонько ничего не поняли насчет применения Энгельсом диалектики к гносеологии (абсолютная и относительная истина, например). Третья ограниченность: сохранение идеализма «вверху», в области общественной науки, непонимание исторического материализма.

Перечислив и объяснив с исчерпывающей вопрос ясностью эти три «ограниченности» (S. 19—21), Энгельс *тут же* добавляет: «за эти пределы» (*Über diese S. hränken*) не вышли Бюхнер и К^о.

Исключительно за эти три вещи, *исключительно* в этих пределах отвергает Энгельс и материализм XVIII в. и учение Бюхнера и К^о! По всем остальным, более азбучным, вопросам материализма (изверженным махистами) *никакой разницы* между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, всеми этими старыми материалистами — с другой, *нет и быть не может*. Путаницу в этот вполне ясный вопрос внесли исключительно русские махисты, ибо для западноевропейских их учителей и единомышленников совершенно очевидно коренное расхождение линии Маха и К^о с линией материалистов вообще. Нашим махистам понадобилось запутать вопрос, чтобы представить свой разрыв с марксизмом и переход в лагерь буржуазной философии в виде «маленьких поправок» к марксизму!

Возьмите Дюринга. Трудно представить себе что-либо более презрительное, чем отзывы о нем Энгельса. Но посмотрите, *как того же Дюринга одновременно с Энгельсом критиковал Леккер*, расхваливая «революционизирующую философию» Маха. Для Леккера Дюринг есть «*крайняя левая*» материализма, «без прикрытий объявляющая ощущение, как и вообще всякое проявление сознания и разума, выделением, функцией, высшим четком, совокупным эффектом и т. п. животного организма» (*Der Realismus* и т. д., 1879, S. 23—24).

отделяет себя от самой себя и утверждает себе самостоятельное царство в облаках, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой с етской осно в. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в себе самой, в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения противоречия. Следовательно после того, как например земная семья раскрыта как тайна сзятго семейства, первая должна быть подвергнута теоретической критике и практически революционизирована.

5

Недозольный абстрактным мышлением, Фейербах выдвигает чувственное созерцание; но он рассматривает чувственность не как практическую человечески-чувственную деятельность.

6

Религиозную сущность Фейербах сводит к человеческой сущности. Но человеческая сущность не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений.

Фейербах, не занимаясь критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории и утверждать религиозное чувство само по себе и предположить абстрактного — *изолированного* — индивидуума;

2) поэтому у него человеческая сущность может быть понята только как «род», как внутренняя, немая общность, связующая множество индивидуумов *естественными* узами.

7

Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть *общественный продукт* и что абстрактный индивидуум, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной общественной форме.

8

Общественная жизнь есть в сущности жизнь *практическая*. Все мистерии, которые увлекают теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

9

Самое большее, чего может достигнуть *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который не постигает чувственность как практическую деятельность, это — созерцание отдельных индивидуумов в «гражданском обществе»¹.

10

Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество или обобществленное человечество.

11

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его. (Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 62—65.)

¹ Здесь «bürgerliche Gesellschaft» — «гражданское общество». Не буржуазное общество, а как у Гегеля в смысле совокупности общественных (экономических, личных, культурных и др.) отношений — в отличие от политического организма — государства. — Ред. с.

V. Диалектический материализм Маркса, Энгельса, Ленина

Преодоление Марксом и Энгельсом старых философских учений и создание диалектического материализма

Штраус, Бауэр, Штирнер, Фейербах были отпрысками гегелевской философии, поскольку они еще не покидали философской почвы. После своей «Жизни Иисуса» и «Догматики» Штраус отдался философской и церковно-исторической беллетристике а la Ренан. Бауэр сделал нечто значительное лишь в области истории возникновения христианства. Штирнер остался простым курьезом даже после того, как Бакунин сочетал его с Прудоном и окрестил эту смесь «анархизмом». Один Фейербах был выдающимся философом. Но он не только не успел перешагнуть за пределы философии, выдававшей себя за некую науку наук, царящую над всеми отдельными науками, связывающую их воедино; эта философия оставалась в его глазах неприкосновенной святыней; но даже как философ он остановился на полдороге, был материалист снизу, идеалист сверху. Он не победил Гегеля оружием критики, а просто отбросил его в сторону как нечто негодное к употреблению; в то же время он сам не был в состоянии противопоставить энциклопедическому богатству гегелевской системы ничего положительного, кроме напыщенной религии любви и тощей, бессильной морали.

Но из разложения гегелевской школы вышло еще иное направление, единственное, которое действительно принесло плоды. Это направление главным образом связано с именем Маркса¹.

Разрыв с философией Гегеля произошел и здесь путем возврата к материалистической точке зрения. Это значит, что люди этого направления решились понимать действительный мир — природу и историю — таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без заранее заготовленных идеалистических выдумок; они решились без всякого сожаления отказаться от всякой идеалистической выдумки, которая не соответствует фактам, понятиям в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает. Отличие состояло лишь в том, что здесь впервые серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению, что оно было последовательно проведено — по крайней мере в основном — во всех решительно областях знания.

Гегель не был просто отодвинут в сторону. Наоборот, указанная выше революционная сторона его философии, его диалектический метод были приняты за исходную точку. Но этот метод в его гегелевской форме был негоден. У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия. Абсолютное понятие не только существует, — неизвестно где, — от века, но и составляет истинную, животворящую душу всего существующего. Оно развивается к самому себе, проходя все те ступени, которые заключаются в нем самом и которые подробно рассмотрены в «Логике». Затем оно «обнаруживает себя», превращаясь в природу, где оно прodelывает свое развитие, не создавая самого себя, приняв вид естественной необходимости, и в человеке, наконец,

¹ Я позволю здесь себе одно личное объяснение. В последнее время не раз указывали на мое участие в выработке этой теории. Поэтому я вынужден сказать здесь несколько слов, исчерпывающих этот вопрос. Я не могу отрицать, что я и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом самостоятельно содействовал как обоснованию, так и преимущественно разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в области истории и экономики, и еще больше, их окончательная резкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог легко пополнить и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обзирал больше и скорее всех нас. Маркс был гений; мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко бы была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она справедливо называется его теорией.

снова приходит к самосознанию. А в истории это самосознание опять выбивается из грубого состояния, пока наконец абсолютное понятие не приходит опять полностью к самому себе в гегелевской философии. Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, т. е. причинная связь того поступательного движения, которое, сквозь все отклонения в сторону и сквозь все кратковременные попятные шаги, пробивается от низшего к высшему, это развитие является у Гегеля просто снимком самодвижения понятия, вечно содержащегося неизвестно где и, во всяком случае, совершенно независимо от всякого мыслящего человеческого мозга. Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть снимки с абсолютного понятия, находящегося на известной ступени развития. Диалектика сдвинулась этим к науке об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли: два ряда законов, которые в сущности тождественны, а по своему выражению различны, так как человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, а большей частью пока еще и в человеческой истории, они прокладывают свой путь бессознательно, в виде внешней необходимости, посреди бесконечного множества кажущихся случайностей. Таким образом диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения внешнего мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была поставлена на голову, а лучше сказать — на ноги, так как на голове стояла она прежде. И замечательно, что не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, в течение долгих лет бывшую нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием: немецкий рабочий Иосиф Дицген вновь открыл ее независимо от нас и даже независимо от Гегеля¹.

Тем самым революционная сторона гегелевской философии была снова воспринята и одновременно освобождена от тех идеалистических ошибок, которые у Гегеля затрудняли ее последовательное проведение. (Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 39—41.)

Упразднение философии в старом смысле слова

Уразумение полной ошибочности господствовавшего до тех пор в Германии идеализма должно было неизбежно привести к материализму, но, само собой разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII в. В противоположность наивно-революционному, простому отрицанию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII в. и еще у Гегеля представлению о природе, как о всегда равном себе целом, неизменно движущемся в одних и тех же ограниченных сферах с вечными мировыми телами, как учил о них Ньютон, и с неизменными органическими видами, как учил о них Линней, современный материализм связывает в одну систему все новейшие успехи естествознания, благодаря которым стало ясно, что природа тоже имеет свою историю во времени, что небесные тела, как и все виды организмов, населяющие их, при благоприятных условиях возникают и исчезают и что эти сферы, поскольку мы их вообще допускаем, принимают бесконечно большие размеры. В обоих случаях материализм является по существу диалектическим и делает излишней всякую философию, предъявляющую претензию стать выше других наук. Когда к каждой отдельной науке применяется

¹ См. «Das Wesen der Kopfarbeit. von einem Handarbeiter». Hamburg, Meissner («Сущность головной работы человека» — И. Дицген. Избранные произведения, т. I, изд. Института Маркса — Энгельса, 1931 г. — Ред.).

требование выяснить свое место в общей системе вещей и знаний, какая-либо особая наука об этой общей их связи становится излишней. Из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика, все же остальное входит в положительные науки о природе и истории. (*Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 17, 1932 г.*)

Создание Марксом и Энгельсом материалистической диалектики

«В таком сочинении, как то, которое лежит перед нами, не может быть и речи о неметодической критике отдельных глав из политической экономии, о несистематическом рассмотрении тех или других экономических контрверзов. Напротив, это сочинение с самого начала построено на систематическом изложении всего комплекса экономических наук, на связанном развитии законов буржуазного производства и обмена. А так как экономисты являются не чем другим, как толкователями и апологетами этих законов, то это развитие является одновременно критикой всей экономической литературы.

Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной, внутренней связи. Официальная гегелевская школа усвоила себе из диалектики учителя только манипуляцию самых простых приемов, которую она применяла ко всему, что попадалось, и к тому еще часто с неловкостью, доходившей до смешного. Все наследство Гегеля сводилось для нее к простому шаблону, при помощи которого обрабатывалась любая тема, и к регистру слов и оборотов, имевших своей единственной задачей восполнить собой, когда требуется, недостаток мыслей и положительных знаний. Так сложился тот тип гегельянцев, о которых один боннский профессор сказал, что они ничего не понимали, но обо всем могли писать. Конечно ценность их работ соответствовала их уровню понимания. Однако эти господа, несмотря на свою самонадеянность, в глубине души чувствовали настолько свою слабость, что не брались за всякие задачи; старая научная китаильщина удержала свои позиции благодаря своему превосходству в отношении положительного знания. И только когда Фейербах своей критикой нанес сокрушительный удар спекулятивной идее, гегельянство постепенно стало сходиться на-нет, причем могло казаться, что в науке снова возрождается старая метафизика с ее неподвижными категориями.

Это было вполне естественно. После режима гегелевских диалогов, представлявшего собой царство бессодержательной фразы, наступила естественно эпоха, в которой положительное содержание науки снова возобладало над ее формальной стороной. Но Германия набросилась одновременно с необычайной энергией на естественные науки, что соответствовало ее могучему буржуазному развитию со времени 1848 г., и по мере того, как эти науки, в которых спекулятивное направление никогда не играло особенной роли, становились модой, прокладывал себе снова дорогу старый метафизический метод мышления, вплоть до крайне плоского рационализма Вольфа. Гегель был забыт, развился новый естественно-научный материализм, который теоретически почти ничем не отличается от материализма XVIII столетия, имея перел последним в большинстве случаев только преимущество использования более богатого естественно-научного, именно химического и физиологического, материала. Этот ограниченный филистерский способ мышления докантовского периода мы находим воспроизведенным вплоть до его самых уродливых форм у Бюхнера и Фогта, и даже Мошешотт, который клянется Фейербахом, каждую минуту забавнейшим образом запутывается в самых обыкновенных категориях. Неуклюжая кляча обывательного буржуазного разума растерянно останавливается перед разлом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия; но кто собирается охотиться на изрезанной почве спекулятивного мышления, тот не должен выезжать на кляче.

Тут однако пришлось решать другой вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Какой метод научного исследования следовало избрать? С одной стороны, имелась гегелевская диалектика во всей ее абстрактной «спекулятивной» форме, какой ее оставил Гегель; с другой стороны, имелся обычный, ныне снова ставший модным, по преимуществу рационалистически-метафизический метод, которому и следовали буржуазные экономисты в своих толстых, лишенных системы книгах. Этот последний подвергся такой убийственной критике со стороны Канта и в особенности со стороны Гегеля, что только умственная лень и отсутствие другого *простого* метода делали возможным его дальнейшее практическое существование. С другой стороны, гегелевский метод в его *конкретной* форме был абсолютно непригоден. Он был по преимуществу идеалистическим, а тут речь шла о развитии миросозерцания, которое должно было быть более материалистическим, чем все предыдущие. В то время как первый исходил из чистого мышления, здесь надо исходить из упрямых фактов. Метод, который по собственному признанию Гегеля «от ничего через ничто пришел к ничему», был в этой форме здесь абсолютно неуместен. Тем не менее из всего имеющегося в наличии логического материала это было единственное, что могло бы по крайней мере служить исходной точкой.

Против этого метода не было сделано серьезных возражений, он не был опровергнут: никто из противников великого диалектика не мог пробить бреши в его гордом здании. Он был забыт потому, что гегелевская школа не умела применять его. Прежде всего поэтому надо было подвергнуть гегелевский метод систематической критике.

Преимущество способа мышления Гегеля перед способом мышления всех других философов коренится в том огромном историческом чутье, которое лежало в основе первого. Несмотря на абстрактность и идеалистичность формы, ход его мыслей всегда развертывался параллельно ходу истории, и последний должен был служить только проверкой для первого.

Если действительное отношение между мышлением и действительностью было этим представлено в превращенном виде и поставлено на голову, то все же таким путем проникло положительное содержание во все области философии, тем более что Гегель в отличие от своих учеников не делал добродетели из невежества, а был одним из образованнейших людей всех времен. Он первый пытался доказать внутреннюю связь в развитии исторического процесса. И как бы причудливыми ни казались нам теперь кое-какие мысли его философии истории, основная концепция этого произведения своей грандиозностью может вызвать удивление и ныне, особенно если сравним Гегеля с его предшественниками или с теми, которые после него позволяли себе общие размышления об истории. В его феноменологии, в эстетике, в истории, в философии — повсюду красной нитью проходит это величественное понимание, везде вопросы рассматриваются исторически, в определенной, хотя и абстрактно извращенной связи с исторической действительностью.

Это делающее эпоху понимание истории явилось непосредственной теоретической предпосылкой нового материалистического понимания истории, и уже благодаря этому была дана точка опоры для логического метода.

Если эта забытая диалектика уже на почве «чистого мышления» могла вести к таким результатам, если она к тому же как бы играючи разделалась со всей старой логикой и метафизикой, то она во всяком случае не могла представлять собой одну только софистику и буквество. Но критика этого метода была не легкой задачей, перед которой отступала и теперь еще отступает вся официальная философия.

Маркс был и остается единственным, который мог взять на себя задачу выделить из гегелевской логики то ядро, которое содержит в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и выработать диалектический метод, освобожденный от его идеа-

листической оболочки, в той простой форме, в которой он только и является правильной формой развития мыслей. Выработку метода, лежащего в основе марксовской критики политической экономии, мы считаем результатом, имеющим едва ли меньшее значение, чем основное материалистическое воззрение. (Энгельс, *Из рецензии на кн. Маркса, К критике политической экономии*, стр. 9—12, Партиздат, 1932 г.)

Три великих открытия в области естествознания и материалистическая диалектика

Но около этого самого времени ¹ эмпирическое естествознание достигло такого подъема и добилось столь блестящих результатов, что не только стало возможным полное преодоление механической односторонности XVIII столетия, но и само естествознание благодаря доказательству существования в самой природе зависимостей и связей между различными областями исследования (механикой, физикой, химией, биологией и т. д.) превратилось из эмпирической науки в теоретическую, становясь благодаря обобщению полученных результатов системой материалистического познания природы. Механика газов... новосозданная органическая химия, научившаяся получать из неорганических веществ так называемые органические соединения и устранившая благодаря этому последний остаток загадочности этих органических соединений, датирующая с 1818 г. научная эмбриология, геология и палеонтология, сравнительная анатомия растений и животных, — все эти отрасли знания доставили новый материал в необъятном количестве. Но решающее значение имели здесь три великих открытия.

Первым из них было доказательство превращения энергии, вытекавшее из открытия механического эквивалента теплоты (Робертом Майером, Джоулем и Кольдингом). Теперь было доказано, что все бесчисленные действующие в природе причины, которые до сих пор вели какое-то непонятное и таинственное существование в виде так называемых сил — механическая сила, теплота, излучение (свет и лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая сила соединения и разложения — являются особыми видами, формами существования одной и той же энергии, т. е. движения. Мы не только можем показать происходящие постоянно в природе превращения энергии из одной формы в другую, но мы можем даже воспроизвести их в лаборатории и в индустрии так, что некоторому количеству энергии в одной форме соответствует всегда определенное количество энергии в той или иной форме. Таким образом, мы можем выразить единицу теплоты в килограммах и т. д. и единицы любых количеств электрической или химической энергии выразить в единицах теплоты, и наоборот; мы можем точно так же измерить количество энергии, полученной и потребленной каким-нибудь живым организмом, и выразить его в любой единице, — например в единицах теплоты. Единство всех форм движения в природе теперь уже не просто философское утверждение, а естественно-научный факт.

Вторым, хотя по времени и более ранним, открытием является открытие Шванном и Шлейденом органической клетки как той единицы, из размножения и дифференцирования которой возникают и вырастают все организмы, за исключением низших. Только вместе с этим открытием стало твердо на ноги исследование органических, живых продуктов природы — как сравнительная анатомия и физиология, так и эмбриология. Покров тайны, окутывавший процесс возникновения и роста и структуру организмов, был сорван. Непонятное до сих пор чудо предстало в виде процесса происходящего согласно тождественному по существу для всех многоклеточных организмов закону.

¹ Около 50-х годов XIX в. — *Сосна*.

Но при всем том оставался еще один существенный пробел. Если все многоклеточные организмы — как растения, так и животные со включением человека — выросли каждый из одной клетки по закону клеточного деления, то чем же объясняется бесконечное разнообразие этих организмов? На этот вопрос дало ответ третье великое открытие: теория развития, впервые систематизированная и обоснованная Дарвином. Какие превращения ни предстоят в будущем этой теории в частности, но в целом она уже и теперь решает рассматриваемую проблему более чем удовлетворительным образом. В основных чертах указан ряд развития организмов от немногих простых форм до все более разнообразных и сложных, как мы наблюдаем их в наше время, кончая человеком; этим дано было не только объяснение существующих представителей органической жизни, но и заложена основа для предъистории человеческого духа, для изучения различных ступеней его развития, начиная от простой бесструктурной, но испытывающей раздражение протоплазмы низших организмов, и кончая мыслящим человеческим мозгом. Без этой предъистории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом.

Благодаря этим трем великим открытиям основные процессы природы объяснены, сведены к естественным причинам. Здесь остается добиться еще только одного: объяснить возникновение жизни из неорганической природы. На современной ступени знания это означает попросту возможность изготовить белковые тела из неорганических веществ. Химия все более и более приближается к решению этой задачи, хотя она и далека еще от этого. Но если мы вспомним, что только в 1828 г. Велер получил первое органическое тело — мочевины — из неорганических веществ, если мы обратим внимание на то, какое бесчисленное множество так называемых органических соединений получается теперь искусственным образом без помощи каких бы то ни было органических веществ, то мы не решимся конечно утверждать, что белок является непреодолимым барьером для химии. В настоящее время она в состоянии изготовить всякое органическое вещество, состав которого она точно знает; лишь только будет точно известен состав белковых тел, химия сможет приступить к получению живого белка. Но требовать от химии, чтобы она дала в мгновение ока то, что самой природе при исключительно благоприятных обстоятельствах только на отдельных планетах удалось сделать после миллионов лет, — это значит требовать от нее чудес.

Таким образом, материалистическое мировоззрение в наше время, несомненно, более обосновано, чем в прошлом столетии. Тогда — до известной степени исчерпывающим образом — было объяснено только движение небесных тел и движение земных твердых тел, происходящее под влиянием тяжести; почти вся область химии и вся органическая природа оставались таинственными и загадочными. Теперь вся природа лежит перед нами как некоторая система связей и процессов, объясненная и понятая по крайней мере в главных чертах. Материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений, — и поэтому-то это материалистическое мировоззрение было первоначально у греческих философов чем-то само собою разумеющимся. Но между древними греками и нами лежит более двух тысяч лет идеалистического по существу мировоззрения, а в таком случае возврат даже к само собою разумеющемуся труднее, чем это кажется на первый взгляд, ибо дело идет не о простом отвержении всего теоретического содержания этих двух тысяч лет, а о критике его, о вылушении из преходящей идеалистической формы ценных результатов, добытых в рамках этой ложной, но неизбежной для своей эпохи по историческим условиям формы. А как это трудно, доказывают нам те бесчисленные естествоиспытатели, которые в пределах своей частной науки являлись беспощадными материалистами, а вне ее не только идеалистами, но даже благочестивыми правоверными христианами. (Энгельс, *Диалектика природы*, страницы из новой рукописи «Людвиг Фейербах», стр. 215—217, Партиздат, 1932 г.)

Материалистическое понимание истории

Хотя сам Гегель был поклонником самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета, — *учение* Гегеля было революционным. Вера Гегеля в человеческий разум и его права и основное положение гегелевской философии, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, приводили тех учеников берлинского философа, которые не хотели мириться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития. Если все развивается, если одни учреждения сменяются другими, почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля или русского царя, обогащение ничтожного меньшинства на счет громадного большинства, господства буржуазии над народом? Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была *идеалистической*. Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития¹, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегелианцам, Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. Из этих отношений — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат. (Ленин, Фридрих Энгельс, Соч., т. I, стр. 434 — 436, изд. 3-е.)

Основные положения диалектического материализма

Материя — объективная реальность

Махисты презрительно пожимают плечами по поводу «устарелых» взглядов «догматиков» — материалистов, которые держатся за опровергнутое будто бы «новейшей наукой» и «новейшим позитивизмом» понятие *материи*. О новых теориях физики, касающихся строения материи, речь будет у нас особо. Но совершенно непозволительно смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией, — смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п. Мах «открыл элементы мира»: красное, зеленое, твердое, мягкое, громкое, длинное и т. п., говорят нам.

¹ Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам и в частности Гегелю. «Без немецкой философии, — говорит Энгельс, — не было бы и научного социализма».

Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т. п.; объективная реальность или нет? Этот старый-престарый философский вопрос запутан Махом. Если не дана, то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм, в заслуженные вами объятия имманентов, т. е. философских Меньшиковых. Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть *материя*. Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть *младенческий лепет*, есть бессмысленное повторение доводов модной *реакционной* философии. Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его?

Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обуждался с самого начала философии, вопрос, который может быть переряжен на тысячи ладов клоунами-профессорами, но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние. Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания — это одно и то же. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 105—106, изд. 3-е.*)

Отрицание материи ими¹ есть давным-давно известное решение теоретико-познавательных вопросов в смысле отрицания внешнего объективного источника наших ощущений, объективной реальности, соответствующей нашим ощущениям. И наоборот — признание той философской истины, которую отрицают идеалисты и агностики, выражается определениями: материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущения; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях, и т. п. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 119, изд. 3-е.*)

Материя познается изучением ее отдельных форм

Эта старая история. Сперва сочиняют абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать их чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычный ему эмпирический опыт, что воображает себя все еще в области чувств, опыта даже тогда, когда он имеет дело с абстракциями. Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство! Точно время есть нечто иное, чем сплошь одни часы, а пространство нечто иное, чем сплошь одни кубические метры! <Материя и движение остаются также недоказуемыми...> Разумеется обе формы существования материи без этой материи представляют ничто, только пустое представление, абстракцию, существующую только в нашей голове. Но мы неспособны познать, что такое материя и движение! Разумеется неспособны, ибо материя как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным образом; люди имеют дело только с различ-

¹ Эмпириокритиками. — Ред.

ными реально существующими материями и формами движения. Вещество, материя — не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; слова, вроде материя и движение, это — просто *сокращения*, в которых мы охватываем, согласно их общим свойствам, различные чувственно воспринимаемые вещи. Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных форм вещества и движения; поскольку мы познаем последние, постольку мы познаем *pro tanto* материю и движение *как таковые*. Поэтому, когда Гегели говорит, что мы не знаем, что такое время, пространство, движение, причина и следствие, то он этим лишь утверждает, что мы при помощи своей головы сочиняем себе сперва абстракции, отвлекая их из реального мира, а затем не в состоянии познать этих сочиненных нами абстракций, ибо они умственные, а не чувственные вещи, между тем как всякое познание есть чувственное *измерение*. Это — точь-в-точь как встречающаяся у Гегеля трудность, что мы в состоянии есть вишни, сливы, но не в состоянии есть *плода*, потому что никто еще не ел плода как такового. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 85, Партиздат, 1932 г.)

Материя и движение

Материя, — говорит господин Дюринг, — носительница всего действительного; значит, не может быть механической силы без материи. Далее, механическая сила есть состояние материи. В первоначальном состоянии, когда ничего не происходило, материя и ее состояние, механическая сила, составляли одно. Следовательно впоследствии, когда нечто начало происходить, состояние должно было стать отличным от материи. Значит, мы должны довольствоваться подобными мистическими фразами и уверениями, что самому себе равное состояние не было ни статическим, ни динамическим, не было ни в равновесии, ни в движении. Мы все еще не знаем, где была в том состоянии механическая сила и как мы без толчка извне, т. е. без бога, должны перейти от абсолютной неподвижности к движению.

До господина Дюринга материалисты говорили о материи и движении. Господин Дюринг сводит движение к механической силе как якобы ее основной форме и лишает себя таким образом возможности понять действительную связь между материей и движением, бывшую впрочем неясной всем прежним материалистам. Между тем дело довольно просто. *Движение есть форма существования материи*. Никогда и нигде не было и не может быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение небольших масс на отдельных мировых телах, молекулярные колебания в виде теплоты или в виде электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь — вот те формы движения, в одной из которых или в нескольких зараз находится каждый отдельный атом вещества в мире в любой данный момент. Всякий покой, всякое равновесие имеют только относительное значение, имеют смысл только по отношению к той или иной форме движения. Какое-нибудь тело например может находиться на земле в механическом равновесии, механически — в состоянии покоя; это нисколько не меняет того факта, что оно участвует в движении земли и в движении всей солнечной системы; и точно так же это не меняет того факта, что мельчайшие физические частицы его находятся в обусловленных его температурой колебаниях, а атомы совершают химический процесс. Материя без движения так же немыслима, как движение без материи. Поэтому движение так же несотворимо и неразруσιμο, как сама материя, — этот факт прежняя философия (Декарт) выражала словами, что количество имеющегося в мире движения остается всегда одним и тем же. Следовательно, движение не может быть создано, а только передано. Если движение переходит с одного тела на другое, то

в псм — поскольку оно передается и активно — можно видеть причину движения, поскольку последнее передано и пассивно. Это активное движение мы называем *силой*, а пассивное — *проявлением силы*. Ясно следовательно, что сила так же велика, как и ее проявление, ибо ведь в псм обоих проявляется *одно и то же* движение.

Таким образом лишенное движения состояние материи оказывается одним из самых пустых и вздорных представлений, простым «горячечным бредом». Чтобы прийти к нему, нужно представить себе то относительное механическое равновесие, в котором может находиться тело на нашей земле, абсолютным покоем, а затем перенести его на совокупность всей вселенной. Эта операция облегчается, если свести все виды движения к голой механической силе. Ограничение движения голой механической силой имеет еще то преимущество, что можно себе представить силу покоящейся, связанной, т. е. временно не действующей. Именно, если передача какого-нибудь движения представляет, как это часто бывает, мало-мальски сложный процесс, в который входят различные промежуточные звенья, то можно задерживать действительную передачу до любого момента, опуская последнее звено цепи. Так например это бывает, когда мы заряжаем ружье и удерживаемся на момент от того, чтобы спуском курка вызвать разряд, передачу освобожденного сжиганием пороха движения. Следовательно можно себе представить, что во время неподвижного, себе самому равного состояния материя была заряжена силой, и повидимому это-то и разумеет господин Дюринг (если вообще что-нибудь разумеет) под своим единством материи и механической силы. Представление это бессмысленно, ибо оно переносит на мироздание, как абсолютное, такое состояние, которое по сущности своей относительно и в котором в известный момент может находиться всегда лишь *часть* материи. Но если мы и отвлечемся от этого, то остаются еще другого рода трудности: во-первых, как объяснить, что мир оказался заряженным, — ведь в наше время ружья не заряжаются сами собой, — а во-вторых, чей палец затем спустил курок? Как бы мы здесь ни вертелись и ни изворачивались, но под руководством господина Дюринга мы всегда приходим сызнова к персту божию. (*Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 52—54, 1932 г.*)

Движение — способ существования материи

Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за образ объективной реальности. Мир есть движение этой объективной реальности, отражаемой нашим сознанием. Движению представлений, восприятий и т. д. соответствует движение материи вне меня. Понятие материи ничего иного, кроме объективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает. Поэтому оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т. е. перейти на сторону идеализма. Тот фокус, который продельвается обыкновенно с отрицанием материи, с допущением движения без материи, состоит в том, что умалчивается об отношении материи к мысли. Дело представляется так, как будто бы этого отношения не было, а в действительности оно протаскивается тайком, остается невысказанным в начале рассуждения, но выплывает более или менее незаметным образом впоследствии.

Материя исчезла, — говорят нам, желая делать отсюда гносеологические выводы. А мысль осталась? — спросим мы. Если нет, если с исчезновением материи исчезла и мысль, с исчезновением мозга и нервной системы исчезли и представления и ощущения, — тогда, значит, все исчезло, исчезло и ваше рассуждение как один из образчиков какой ни на есть «мысли» (или недомыслия)! Если же — да, если при исчезновении материи предполагается не исчезнувшей мысль (представление, ощущение

ние и т. д.), то вы, значит, тайком перешли на точку зрения философского идеализма. Это именно и бывает всегда с людьми, из «экономии» желающими мыслить движение без материи, ибо *молчаливо*, просто тем самым, что они продолжают свое рассуждение, они признают существование мысли *после* исчезновения материи. А это значит, что очень простой или очень сложный философский идеализм берется за основу: очень простой, если дело сводится открыто к солипсизму (я существую, весь мир есть только мое ощущение); очень сложный, если вместо мысли, представления, ощущения живого человека берется мертвая абстракция: ничья мысль, ничье представление, ничье ощущение, мысль вообще (абсолютная идея, универсальная воля и т. п.), опущение как неопределенный «элемент», «психическое», подставляемое под всю физическую природу и т. д. и т. п. Между разновидностями философского идеализма возможны при этом тысячи оттенков, и всегда можно создать тысяча первый оттенок, и автору такой тысяча первой системки (например эмпириомонизма) различие ее от остальных может казаться важным. С точки зрения материализма эти различия совершенно несущественны. Существенен исходный пункт. Существенно то, что попытка *мыслить* движение без материи протаскивает *мысль*, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 219—220, изд. 3-е.)

Время и пространство

Теперь мы переходим к *натурфилософии*. Здесь господин Дюринг опять-таки имеет полное основание быть недовольным своими предшественниками. Натурфилософия «пала так низко, что она выродилась в какую-то разнузданную, покоящуюся на невежестве, лжепоэзию» и «стала уделом prostituiрованной философистики некоего Шеллинга и ему подобных, копящихся в тайнах абсолюта и дурачащих публику молодцов». Усталость спасла нас от этих «безобразий», но до сих пор она расчистила почву лишь «беспринципности», «а что касается широкой публики, то тут, как известно, уход крупного шарлатана часто дает возможность его менее значительному, но более ловкому преемнику повторять под новой вывеской все штуки первого». Сами естествоиспытатели чувствуют «мало охоты к экскурсиям в царство мирообъемлющих идей» и поэтому дают в теоретической области одни лишь «несвязные, скороспелые обобщения». Словом, здесь требуется скорая помощь, и к счастью господин Дюринг находится на своем посту.

Чтобы по достоинству оценить нижеследующие откровения о развитии мира во времени и об ограниченности его в пространстве, мы должны снова обратиться к некоторым местам из «мировой схематики».

Бытию здесь, опять-таки в согласии с Гегелем («Энциклопедия» § 93), приписывается бесконечность, — то, что Гегель называет *дурной бесконечностью*, — которая затем и исследуется. «Самая ясная форма бесконечности, которую можно мыслить *без противоречия*, это неограниченное умножение чисел в числовом ряду. Подобно тому как мы можем прибавить к каждому числу еще одну единицу, не исчерпывая тем никогда возможности дальнейшего счета, подобно этому ко всякому состоянию бытия прибавляется новое состояние, и в неограниченном порождении этих состояний и состоит бесконечность. Эта *точно мыслимая* бесконечность имеет поэтому только одну основную форму с одним единственным направлением. Действительно, хотя наше мышление и может указать противоположное направление для прибавления состояний, все же идея об идущей назад бесконечности является лишь результатом слишком поспешного представления. Ведь так как в действительности ее пришлось бы проходить в *обратном* направлении, то при каждом из своих состояний она имела бы за собой бесконечный числовой ряд. Но в таком случае мы получили бы недопустимое противоре-

чие отсчитанного бесконечного числового ряда, поэтому бессмысленно допустить еще второе направление бесконечности».

Первый вывод, который делается из этого понимания бесконечности, состоит в том, что сцепление причин и следствий в мире должно было когда-то иметь свое начало: «бесконечное число причин, которые будто примыкают друг к другу, немислимо по одному тому, что это предполагает бесчисленность сосчитанной». Итак доказано существование *конечной причины*.

Вторым следствием является «закон определенного количества: накопление тождественных экземпляров какого-нибудь реального ряда самостоятельных сущностей мыслимо лишь как образование некоторого определенного числа». Определенным должно быть не только наличное число небесных тел в каждый момент времени, но и совокупное число всех существующих в мире мельчайших самостоятельных частей материи. Эта необходимость есть истинное основание того, почему нельзя мыслить ничего составного без атомов. Всякая реальная разделенность имеет всегда конечную определенность и должна иметь ее, ибо иначе получится противоречие отсчитанной бесчисленности. Поэтому же не только должно быть определенным — хотя и не известным нам — число всех оборотов земли вокруг солнца, но все периодические процессы природы должны иметь начало, и все различия, все разнообразие следующих друг за другом состояний природы, должны корениться в некотором *самому себе равном состоянии*. Это состояние можно, не впадая в противоречие, мыслить себе существовавшим от века, но и это представление было бы невозможно, если бы время само по себе состояло из реальных частей, а не разделялось бы скорее по произволу нашим рассудком путем идеального полагания возможностей. В ином виде представляется вопрос о реальном и различном в себе содержании времени; это действительное наполнение времени различающимися между собой фактами, и формы существования этой области относятся — благодаря именно своей различности — к тому, что доступно счету. Вообразим себе состояние, которое не претерпевает изменений и которое в своем равенстве самому себе не представляет различий в последовании, — в этом случае частное понятие времени превращается в более общую идею бытия. Что должно означать накопление пустой длительности — этого совсем нельзя себе представить. — Так рассуждает господин Дюринг, немало наслаждающийся важностью этих открытий. Он сначала выражает надежду, что на них, «по меньшей мере», посмотрят не как на маловажную истину; но затем мы читаем: «Вспомним о тех *крайне простых приемах*, с помощью которых *мы* придали понятию бесконечности и его критике *неизвестное до того значение*... вспомним столь *простые*, благодаря современному уточнению и углублению, элементы универсальной концепции пространства и времени».

Мы придали! Современное углубление и уточнение! Кто это мы, и когда разыгрывается эта современность? Кто углубляет и уточняет?

Тезис. Мир во времени имеет начало, а в пространстве он заключен в границы.

Доказательство. Допустим, что мир не имеет никакого начала во времени, тогда мы должны представлять себе, что до каждого данного мгновения протекла уже целая вечность и, следовательно, бесконечный ряд один за другим следовавших состояний вещей в мире. Бесконечность же ряда состоит в том, что путем последовательного синтеза он никогда не может быть кончен. Следовательно, бесконечный протекший мировой ряд невозможен, и начало мира есть необходимое условие его существования. Это первое.

Во втором случае начнем также с противоположного утверждения. Тогда мы должны представлять мир как бесконечное данное целое из вещей, одновременно существующих. Но величину такого количества, пределы которого в наглядном представлении не определены, мы можем представлять только посредством синтеза частей,

а целостность такой величины — только посредством оконченного синтеза или оконченного сложения единиц. Поэтому, чтобы мыслить мир, наполняющий пространство, как целое, необходимо представлять последовательный синтез частей бесконечного мира оконченным, т. е. необходимо представлять бесконечное время протекшим, при исчислении всех сосуществующих вещей, что невозможно. Итак бесконечное собрание действительных вещей не может быть рассматриваемо как данное целое, и притом как данное *одновременно*. Следовательно, мир, по протяжению в пространстве, не *бесконечен*, но заключен в пределах, что и требовалось доказать.

Положения эти переписаны дословно из одной хорошо известной книги, вышедшей впервые в 1781 г. и озаглавленной: «Критика чистого разума», Эммануила Канта, где каждый может прочесть их в 1 части, 2 отд., 2 кн., 2 главы § 2: «Первая антиномия чистого разума». Поэтому господину Дюрингу принадлежит только реклама, только *название*: «Закон определенного количества», приклеенное к высказанной Кантом мысли, и открытие, что было когда-то время, когда еще не было вовсе времени, хотя уже существовал мир. Что касается всего прочего, т. е. имеющего еще какой-нибудь смысл в рассуждении господина Дюринга, то «мы» — это Эммануил Кант, а современности уже всего-навсего девяносто пять лет. Действительно, «крайне просто»! Замечательное, «не известное до того значение»!

Но Кант отнюдь не думает, что его доказательством исчерпываются приведенные выше положения. Напротив: на противоположной странице он утверждает и доказывает обратное, что мир не имеет начала во времени и конца в пространстве, и он видит антиномию, неразрешимое противоречие как раз в том, что одно утверждение столь же доказуемо, как и второе. Люди меньшего калибра может быть немного задумались бы над тем, что «некий Кант» нашел здесь неразрешимую трудность. Но не таков наш смелый фабрикант «совершенно своеобразных выводов и взглядов»: то, что ему может пригодиться в кантовской антиномии, он неумоимо списывает, а остальное отбрасывает в сторону.

Вопрос сам по себе решается очень просто. Вечность во времени, бесконечность в пространстве уже по самому смыслу слов означают просто то, что нет конца *ни в какую сторону*, ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево. Эта бесконечность совсем иного порядка, чем бесконечность бесконечного ряда, ибо последняя всегда начинается прямо с единицы, с первого члена. Неприменимость этого представления о ряде к нашему предмету обнаруживается сейчас же, как только мы попытаемся применить его к пространству. Бесконечный ряд в приложении к пространству означает линию, проведенную от определенной точки в определенном направлении до бесконечности. Но выражает ли это хотя в отдаленной мере бесконечность пространства? Нисколько: нужны, наоборот, целых шесть проведенных из этой точки в трех противоположных направлениях линий, чтобы охватить измерения пространства, которых в таком случае мы имели бы шесть. Кант понимал это так хорошо, что он лишь, круглым путем, косвенно, применил свой числовой ряд к вопросу о пространственности мира. Господин же Дюринг заставляет нас принять шесть измерений в пространстве, что впрочем не мешает ему немедленно же после этого выражать величайшее негодование по поводу математического мистицизма Гаусса, не желавшего довольствоваться обычными тремя измерениями пространства.

В применении к времени бесконечная в обе стороны линия или ряд единиц имеет некоторый образный смысл. Но если мы представим себе время как отсчитываемую от *единицы* или исходящую от некоторой определенной *точки* линию, то мы этим уже *за* ранее утверждаем, что время имеет начало: мы предполагаем как раз то, что мы хотим доказать. Мы придали бесконечности времени односторонний, половинчатый характер; но односторонняя, половинчатая бесконечность представляет тоже внутреннее противоречие, прямую противоположность «бесконечности, мыслимой без противоречия»-

Мы можем справиться с этим противоречием, лишь допустив, что единица, от которой мы начинаем считать ряд, точка, от которой мы измеряем далее линию, представляют собой любую единицу в ряду, любую точку на прямой, так что для линии или ряда безразлично, куда мы поместим начальный пункт.

Но как быть с противоречием «отсчитанного бесконечного числового ряда»? Мы сумеем исследовать его поближе, когда господин Дюринг покажет нам раньше свой фокус и *отсчитает его*. Когда он покончит с задачей считать от $-\infty$ (минус бесконечность) до нуля, тогда пусть он приходит к нам. Ведь ясно, что откуда бы он ни начал считать, он повсюду оставляет за собой бесконечный ряд, а значит, и задачу, которую он должен решить. Пусть он перевернет свой собственный бесконечный ряд $1+2+3+4...$ и попробует считать от бесконечного конца до единицы; ведь это, очевидно, попытка человека, совсем не понимающего сути дела. Мало того. Когда господин Дюринг утверждает, что бесконечный ряд протекшего времени отсчитан, то он вместе с этим утверждает, что время имеет начало, ибо иначе ведь он не мог бы возсе начать «отсчитывать». Следовательно, он снова предполагает то, что он должен доказать. Таким образом, представление об отсчитанном бесконечном ряде, иначе говоря, мирообъемлющий дюрингов закон определенного количества, есть *contradictio in adjecto*, содержит внутреннее противоречие, и притом *абсурдное* противоречие.

Ведь ясно: бесконечность, имеющая конец, но не имеющая начала, не более и не менее бесконечна, чем бесконечность, имеющая начало, но не имеющая конца. Малейшая крупица диалектического мышления должна была бы подсказать господину Дюрингу, что начало и конец неразрывно связаны между собою, как северный полюс и южный полюс, и что если отбрасывают конец, то начало становится концом — тем *единственным* концом, который и имеется у ряда, и наоборот. Вот эта ошибка была бы невозможна без математической привычки оперировать над бесконечными рядами. Так как в математике мы должны исходить от определенного, конечного, чтобы прийти к неопределенному, бесконечному, то все математические ряды — положительные и отрицательные — должны начинаться с единицы, иначе нельзя производить с ними выкладок. Но идеальная потребность математики далеко не есть принудительный закон для реального мира.

Впрочем, господин Дюринг никогда не сумеет представить себе без противоречий действительную бесконечность. Бесконечность *есть* противоречие, и она полна противоречий. Противоречием является уже то, что бесконечность должна быть составлена из одних только конечностей, а между тем это так. Предположение ограниченности материального мира приводит к таким же противоречиям, как и предположение его безграничности, и каждая попытка устранить эти противоречия приводит, как мы уже видели, к новым и худшим противоречиям. Именно *потому*, что бесконечность есть противоречие, она представляет бесконечный, развертывающийся без конца во времени и пространстве процесс. Снятие противоречия было бы концом бесконечности. Это уже совершенно правильно понял Гегель, третировавший поэтому с заслуженным презрением господ, которые любят мудрить над этим противоречием.

Пойдем дальше. Итак время имело начало. Что же было до этого начала? Мир, находящийся в равном самому себе, неизменном состоянии. А так как в этом состоянии не следует друг за другом никаких изменений, то частное понятие времени превращается в более общую идею *бытия*. Во-первых, нам здесь нет дела вовсе до того, какие понятия превращаются в голове господина Дюринга. Дело идет не о *понятии времени*, а о *действительном времени*, от которого господин Дюринг так дешево не отделяется. Во-вторых, сколько бы ни превращалось понятие времени в более общую идею бытия, это не подвигает нас ни на шаг вперед, ибо основные формы всякого бытия суть пространство и время, и бытие вне времени такая же бессмыслица, как бытие

вне пространства. Гегелевское «бытие, протекающее без времени», и новогеллинговское «непредставимое бытие» суть рациональные представления по сравнению с этим бытием вне времени. Поэтому-то господин Дюринг подходит очень осторожно к делу; собственно — это время, но такое, которое по существу вовсе нельзя назвать временем; время ведь вовсе не состоит само по себе из реальных частей, и только наш рассудок произвольно делит его; к царству доступного счету принадлежит лишь действительное наполнение времени различающимися между собой фактами, а что должно означать накопление пустой длительности, этого совсем нельзя представить. Что должно означать это накопление — для нас совершенно безразлично, мы спрашиваем только, длится ли, испытывает ли длительность во времени, мир, находящийся в предполагаемом здесь состоянии? Мы отлично знаем, что ничего не получится от измерения подобной, лишенной содержания длительности, как и от аналогичного, бесцельного измерения в пространстве, и Гегель, именно из-за бессмысленности такого занятия, называет эту бесконечность *дурной*. Согласно господину Дюрингу, время существует только благодаря изменению, а не изменение существует во времени и посредством его. Именно благодаря тому, что время отлично, независимо от изменения, его можно измерять благодаря изменению, ибо для измерения необходимо всегда иметь нечто, отличное от измеряемой вещи. И время, в течение которого не происходит никаких доступных познанию изменений, далеко от того, чтобы совсем не *быть временем*, оно скорее представляет *чистое*, не затронутое никакими посторонними примесями и, следовательно, истинное время, время *как таковое*. Действительно, когда мы хотим представить себе понятие времени во всей его чистоте, свободным от всех чуждых, посторонних примесей, мы вынуждены оставить в стороне, как не относящиеся к делу, все различные события, происходящие во времени рядом друг с другом и после друг друга, и представить себе таким образом время, в котором ничего не происходит. Поступая так, мы совсем не растворяем понятие времени в общей идее бытия, а получаем как раз чистое понятие времени.

Но все эти противоречия и несообразности — детская игра по сравнению с той путаницей, в которую попадает господин Дюринг со своим самому себе равным начальным состоянием. Если мир находился когда-нибудь в таком состоянии, при котором в нем не происходило никаких изменений, то как он мог перейти от этого состояния к состоянию изменения? То, что абсолютно неизменно — да к тому же от века было в таком состоянии — не могло само по себе выйти из этого состояния и перейти в состояние движения и изменения. Поэтому откуда-то со стороны, извне мира, должен был притти первый толчок, приведший его в движение. Но «первый толчок», как известно, только другое наименование для бога. Господин Дюринг, уверявший нас в своей мировой схематике, что он окончательно разделался с богом и потусторонним, сам вводит их вновь в «уточненном и углубленном» виде в натурфилософию. (*Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 31—37, 1932 г.*)

Материя движется в пространстве и во времени

Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства, в отличие, прежде всего, от кантианства, которое в этом вопросе стоит на стороне идеализма, считает время и пространство не объективной реальностью, а формами человеческого созерцания. Коренное расхождение и в этом вопросе двух основных философских линий вполне отчетливо сознается писателями самых различных направлений, сколько-нибудь последовательными мыслителями.

Начнем с материалистов.

«Пространство и время, — говорит Фейербах, — не простые формы явлений, а коренные условия (Wesensbedingungen)... бытия» (Werke, II, 332). Признавая объективной реальностью тот чувственный мир, который мы познаем через ощущения, Фейербах естественно отвергает и феноменалистское (как сказал бы Мах про себя) или агностическое (как выражается Энгельс) понимание пространства и времени: как вещи или тела — не простые явления, не комплексы ощущений, а объективные реальности, действующие на наши чувства, так и пространство и время — не простые формы явлений, а объективно-реальные формы бытия. В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени. Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней. Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира.

Энгельс, разоблачая непоследовательного и путанного материалиста Дюринга, ловит его именно на том, что он толкует об изменении *понятия* времени (вопрос бесспорный для сколько-нибудь крупных современных философов *самых различных* философских направлений), *увертываясь* от ясного ответа на вопрос: реальны или идеальны пространство или время? суть ли наши относительные представления о пространстве и времени *приближения* к объективно-реальным формам бытия? Или это только продукты развивающейся, организующейся, гармонизирующейся и т. п. человеческой мысли? В этом и только в этом состоит основной гносеологический вопрос, разделяющий действительно коренные философские направления. «Нам дела нет до того, — пишет Энгельс, — какие понятия изменяются в голове г-на Дюринга. Речь идет не о *понятии* времени, а о *действительном* времени, от которого г. Дюрингу так дешево» (т. е. фразами об изменчивости понятий) «ни в каком случае не отделаться» («Анти-Дюринг»; 5 нем. изд., стр. 41).

Казалось бы, это так ясно, что даже гг. Юшкевичи могли бы понять суть вопроса? Энгельс противопоставляет Дюрингу общепризнанное и само собою разумеющееся для всякого материалиста положение о *действительности*, т. е. объективной реальности времени, говоря, что от прямого признания или отрицания этого положения *не отделяться* рассуждениями об изменении *понятий* времени и пространства. Не в том дело, чтобы Энгельс отвергал и необходимость и научное значение исследований об изменении, о развитии наших понятий, о времени и пространстве, — а в том, чтобы мы последовательно решали гносеологический вопрос, т. е. вопрос об источнике и значении всякого человеческого знания вообще. Сколько-нибудь толковый философский идеалист, — а Энгельс, говоря об идеалистах, имел в виду гениально-последовательных идеалистов классической философии, — легко признает развитие наших понятий времени и пространства, не переставал быть идеалистом, считая, например, что развивающиеся понятия времени и пространства приближаются к абсолютной идее того и другого и т. п. Нельзя выдерживать последовательно точку зрения в философии, враждебную всякому фидеизму и всякому идеализму, если не признать решительно и определенно, что наши развивающиеся понятия времени и пространства *отражают* объективно-реальные время и пространство, приближаются и здесь, как и вообще, к объективной истине.

«Основные формы всякого бытия, — поучает Энгельс Дюринга, — суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства» (там же).

Зачем понадобилось Энгельсу в первой половине этой фразы почти буквальное

повторение Фейербаха, а во второй напоминовение о той борьбе с величайшими бессмыслицами теизма, которые так успешно провел Фейербах? Затем, что Дюринг, как видно из той же самой главы Энгельса, не мог свести концов с концами у своей философии, не упираясь то в «конечную причину» мира, то в «первый толчок» (другое выражение для понятия: бог, говорит Энгельс). Дюринг, вероятно, не менее искренне хотел быть материалистом и атеистом, чем наши махисты хотят быть марксистами, но он не умел провести последовательно ту философскую точку зрения, которая бы действительно отнимала всякую почву из-под ног у идеалистической и теистической бессмыслицы. Не признавая — или, по крайней мере, не признавая ясно и отчетливо (ибо Дюринг шатался и путал по этому вопросу) — объективной реальности времени и пространства, Дюринг не случайно, а неизбежно катится по наклонной плоскости вплоть до «конечных причин» и «первых толчков», ибо он лишил себя объективного критерия, мешающего выйти за пределы времени и пространства. Если время и пространство только понятия, то человечество, их создавшее, вправе *выходить за их пределы*, и буржуазные профессора вправе получать жалование от реакционных правительств за отстаивание законности этого выхода, за прямую или косвенную защиту средневековой «бессмыслицы».

Энгельс показал Дюрингу, что отрицание объективной реальности времени и пространства теоретически есть философская путаница, практически есть капитуляция или беспомощность перед фидеизмом...

«Многие отдельные взгляды Энгельса, — пишет, например, В. Базаров в «Очерках», стр. 67, — например, его представление о «чистом» пространстве и времени, теперь уже устарели».

Ну, еще бы! Взгляды материалиста Энгельса устарели, а взгляды идеалиста Пирсона и путанного идеалиста Маха суть самые новейшие! Курьезнее всего тут то, что Базаров даже не сомневается в том, что воззрения на пространство и время, именно: признание или отрицание их объективной реальности, могут быть отнесены к числу «отдельных взглядов» в противоположность «исходной точке мирозерцания», о которой говорится в следующей фразе у этого писателя. Вот вам наглядный образчик «эклектической нищенской похлебки», о которой говаривал Энгельс, когда речь заходила про немецкую философию 80-х годов прошлого века. Ибо противопоставить «исходную точку» материалистического мирозерцания Маркса и Энгельса «отдельному взгляду» их на объективную реальность времени и пространства — это такая же вопиющая бессмыслица, как если бы вы противоположили «исходную точку» экономической теории Маркса «отдельному взгляду» его на прибавочную стоимость. Оторвать учение Энгельса об объективной реальности времени и пространства от его учения о превращении «вещей в себе» в «вещи для нас», от его признания объективной и абсолютной истины, именно: объективной реальности, данной нам в ощущении, — от его признания объективной закономерности, причинности, необходимости природы, — это значит превратить целостную философию в крошку. Базаров, как и все махисты, сбился на том, что смешал изменяемость человеческих понятий о времени и пространстве, их исключительно относительный характер, с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть большая фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя. Может устареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроны, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви. А философия, отрицающая объективную реальность времени и пространства, так же нелепа, внутренне гнилая и фальшива, как отрицание этих последних истин. Ухищрения идеалистов и

агностики так же в общем и целом лицемерны, как проповедь платонической любви фарисеями! (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 143—145, 151—152, изд. 3-е.)

Движение есть сущность времени и пространства

«Понять значит выразить в форме понятий». Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность и «пунктуальность» (= отрицание непрерывности, *прерывность*). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий...

...«Когда мы вообще говорим о движении, то мы говорим: тело находится в одном месте и затем оно переходит в другое место. В то время, как оно движется, оно не находится больше в первом месте, но не находится также и во втором; если оно находится в одном из обоих мест, то оно покоится. Сказать, что оно между обоими, значит ничего не сказать, потому что в таком случае оно снова в одном месте; стало быть, налицо то же самое затруднение. Двигаться же означает быть в этом месте, и в то же время не быть в нем; это — непрерывность пространства и времени, и она-то именно и делает возможным движение» (стр. 322).

Ср. возражения
Чернова Энгельсу.

НБ
Верно

Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом месте — таково возражение, которое Чернов повторяет (см. его философские этюды) *вслед за всеми* «метафизическими» противниками Гегеля.

Это возражение *неверно*: (1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение, как сумму, связь состояний *покоя*, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранимо, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, занавешено. («Ленинский сборник» XII, стр. 191—193.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

**ЗАКОНЫ И КАТЕГОРИИ
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ДИАЛЕКТИКИ**

I. Диалектика и метафизика

Когда мы мысленно рассматриваем природу, или человеческую историю, или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения соединений и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все представляется движущимся, изменяющимся, возникающим и исчезающим. Таким образом мы видим сперва общую картину, в которой частности еще более или менее ступшеваются, мы больше обращаем внимание на ход движения, на переходы и сцепления, чем на *то*, что именно движется, переходит, сцепляется. Этот первоначальный, наивный, по существу правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения частных, составляющих ее, а пока мы не знаем их, нам неясна и общая картина. Для того, чтобы изучить эти частности, мы должны изъять их из их естественной или исторической связи и, рассматривая каждую порознь, исследовать ее свойства, ее частные причины, действия и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и истории, т. е. тех отраслей науки, которые, по вполне понятной причине, занимали у греков классических времен лишь второстепенное место, потому что грекам нужно было раньше накопить необходимый для этого материал. Только после того как естественно-научный и исторический материал был накоплен в достаточном количестве, могло возникнуть критическое исследование, сравнение и разделение на классы, порядки и виды. Поэтому приемы точного исследования природы развились впервые лишь у греков александрийского периода, а затем в средние века развиты дальше арабами. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на отдельные ее части, разделение различных явлений и предметов в природе на определенные классы, анатомическое исследование разнообразного и внутреннего строения органических тел — все это было основой тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания в последние четыре столетия. Но тот же способ изучения оставил в нас привычку брать предметы и явления природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно-изменяющиеся, а как вечно-неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенное Бэконом и Локком из естествознания в философию, это мировоззрение создало характерную ограниченность последних столетий: метафизический способ мышления.

Для метафизика вещи и их умственные образы, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Метафизик мыслит законченными, непосредственными противоположениями; речь его состоит из: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь существует или не существует; для него предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положи-

тельное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие также совершенно противоположны друг другу. Этот способ мышления потому кажется нам на первый взгляд вполне верным, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе, между четырьмя стенами, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится пуститься в далекий путь исследования. Точно так же и метафизическое мировоззрение, вполне верное и необходимое в известных более или менее широких областях, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми оно становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за предметами оно не видит их взаимной связи, за их бытием не видит их возникновения и исчезновения, за их покоем не видит их движения, за деревьями не видит леса. Мы, например, в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени запутанный вопрос, трудности которого прекрасно известны юристам, тщетно пытавшимся открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери можно считать убийством. Невозможно также точно определить и момент смерти, так как физиология показывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень медленно совершающийся процесс. Всякое органическое существо в каждое данное мгновение таково же, каким оно было в предыдущее, и вместе с тем не таково. В каждое мгновение оно перерабатывает полученное им извне вещество и выделяет из себя другое вещество; одни клетки его организма умирают, другие нарождаются, так что, спустя известный период времени, вещество данного организма вполне обновляется, заменяется другим составом атомов; вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. Точно так же, при более точном исследовании, мы находим, что оба полюса какой-нибудь противоположности — положительный и отрицательный — столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельному явлению, но что если рассматривать то же явление в его общей мировой связи, то эти два понятия соединяются и переходят в представление о всеобщем взаимодействии, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь является следствием, то станет там или тогда причиной, и наоборот.

Все эти явления и приемы исследования не вмещаются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, которая берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, такие явления, как вышеприведенные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод. Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся, материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически; что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь, прежде всего, следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно, также и человек, суть продукты процесса развития, длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то это противоречие добытых научных результатов с вышеизложенным метафизическим способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и их читателей.

Итак, точное представление о вселенной, об ее развитии и о развитии человека, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только путем диалектики, только принимая постоянно в соображение общее взаимодействие между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 14—16, 1932 г.)

Исторические условия господства метафизики

Великая основная мысль, что мир состоит не из готовых, законченных *вещей*, а представляет собою совокупность *процессов*, в которой вещи, кажущиеся неизменными, равно как и мысленные их снимки в нашей голове, понятия, находятся в непрерывном изменении, возникая и исчезая, и что поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки всем временным отливам, в конечном счете пробивает себе дорогу, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но признавать ее на словах и проводить ее на деле в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования, это — две разные вещи. Если же мы при исследовании постоянно держимся этой точки зрения, то в наших глазах раз навсегда утрачивает всякий смысл спрос на окончательные решения и на вечные истины; мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем. Мы не смущаемся также и противоположностью между истиной и заблуждением, между добром и злом, между тождеством и различием, между необходимостью и случайностью. С этой противоположностью никак не могло справиться старое, еще и поныне очень распространенное метафизическое мышление. Но мы понимаем относительное значение этой противоположности: то, что ныне признается истиной, имеет скрытую теперь ошибочную сторону, которая со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, благодаря которой оно считалось прежде истиной. Мы знаем наконец, что необходимость составляет сплошь из чистейших случайностей, а эти мнимые случайности представляют собою форму, за которой скрывается необходимость, и т. д.

Старый метод исследования и мышления, который Гегель называл «метафизическим», который имел дело преимущественно с вещами, как с чем-то совершенно готовым и законченным, и остатки которого до сих пор еще глубоко сидят в головах, имел в свое время великое историческое оправдание. Надо было исследовать вещи, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо было сперва узнать, что такое данная вещь, а потом уже изучать те изменения, которые в ней происходят. Так шло дело в естественных науках. Из естествознания, рассматривавшего все предметы — и мертвые, и живые — в виде готовых и раз навсегда законченных, выросла старая метафизика, считавшая их неизменными. Когда же это изучение отдельных вещей подвинулось так далеко, что можно было сделать новый решительный шаг вперед, т. е. приступить к систематическому исследованию изменений, которые происходят с этими вещами в природе, тогда и в философской области пробил смертный час старой метафизики. И на самом деле, до конца последнего столетия естествознание было преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченных вещах; в нашем же (XIX) веке оно стало в сущности *упорядочивающей* наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих вещей и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое. Физиология, которая исследует процессы в растительном и животном организме; эмбриология, изучающая развитие отдельного организма из зародышевого состояния до зрелости; геология, изучающая постепенное образование земной коры, — все эти науки суть дети нашего (XIX) столетия. (Ф. Энгельс, *Людвиг Фейербах*, стр. 41—43.)

II Идеалистическая диалектика Гегеля и преодоление ее Марксом и Энгельсом

Отношение Маркса и Энгельса к идеалистической диалектике Гегеля

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития эволюции они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе.

«Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.), «накапливающее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу».

Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту революционную сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками».

От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика».

А диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; внутренние импульсы

к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Сравни письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой.) (Ленин, *Карл Маркс* (1914 г.), Соч., т. XVIII, стр. 10—12.)

Законы диалектики извлечены из истории природы и человеческого общества

(Развить общий характер диалектики, как науки о связях, в противоположность метафизике.)

Таким образом, законы диалектики были отвлечены из истории природы и человеческого общества. Но они не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления. По существу они сводятся к следующим трем законам:

Закон перехода количества в качество и обратно.

Закон взаимного проникновения противоположностей.

Закон отрицания отрицания.

Все эти три закона были развиты Гегелем на его идеалистический манер как простые законы *мышления*: первый — в первой части «Логики» — в учении о бытии; второй занимает всю вторую и наиболее значительную часть его «Логики», учение о сущности, наконец, третий фигурирует в качестве основного закона при построении всей системы. Ошибка заключается в том, что законы эти не выведены из природы и истории, а навязаны последним как законы мышления. Отсюда вытекает вся вымученная и часто ужасная конструкция: мир — хочет ли он того или нет — должен согласоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенной ступени развития человеческого мышления. Если мы перевернем это отношение, то все принимает очень простой вид, и диалектические законы, кажущиеся в идеалистической философии крайне таинственными, немедленно становятся простыми и ясными.

Впрочем тот, кто хоть немного знаком с Гегелем, знает, что Гегель приводит сотни раз из естествознания и истории поразительнейшие примеры в подтверждение диалектических законов.

Мы не собираемся здесь писать руководство по диалектике, а желаем только показать, что диалектические законы являются реальными законами развития природы и, значит, действительны и для теоретического естествознания. (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 125, 1932 г.)

Как изучать Гегеля

Без Гегеля, конечно, обойтись невозможно (при изучении марксизма), и притом нужно время, чтобы его переварить. Краткая логика в Энциклопедии — это прекрасное начало. Но вы возьмите шестой том собрания сочинений, а не отдельное издание Розенкранца (1845), так как в первом имеется гораздо больше поясняющих добавлений, хотя для тупоголового Геннинга часто остававшихся непонятными.

В введении вы найдете § 26 и т. д., прежде всего критику сделанной Вольфом обработки Лейбница (Метафизика в *историческом* смысле). Затем — англо-французский эмпиризм, § 37 и т. д., затем — Канта § 40 и следующий, наконец мистицизм

За это ли критиковал Дюринга Энгельс? Нет. В этом он *вовсе сходил* с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом. Он критиковал Дюринга с диаметрально противоположной точки зрения, за непоследовательности материализма, за идеалистические причуды, оставляющие лазейку фидеизму.

«Природа сама работает в имеющем представлении существе, а также извне его, над тем, чтобы закономерно производить связанные воззрения и создавать необходимое знание о ходе вещей». Эти слова Дюринга приводит Леклер и с бешенством нападает на материализм такой точки зрения, на «грубейшую метафизику» этого материализма, «самообман» и т. д. и т. п. (S. 160 и 161—163).

За это ли критиковал Дюринга Энгельс? Нет. Он высмеивал всякую напыщенность, но в признании объективной закономерности природы, отражаемой сознанием, Энгельс *вовсе сходил* с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом.

«Мышление есть высший вид всей остальной действительности»... «Основная посылка философии — самостоятельность и отличность вещественно действительного мира от группы явлений сознания, возникающих в этом мире и познающих его». Эти слова Дюринга приводит Леклер вместе с рядом нападок Дюринга на Канта и т. д., обвиняя за это Дюринга в «метафизике» (S. 218—222), в признании «метафизической догмы» и т. п.

За это ли критиковал Энгельс Дюринга? Нет. В том, что мир существует независимо от сознания и что всякое отступление от этой истины кантианцев, юмистов, берклианцев и т. д. есть фальшь, Энгельс *вовсе сходил* с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом. Если бы Энгельс увидел, с *какой стороны* подходят критиковать Дюринга Леклер под ручку с Махом, он бы этих обоих философских реакционеров обозвал *во сто раз* более презрительными терминами, чем Дюринга! Для Леклера Дюринг был воплощением зловерного реализма и материализма (ср. еще «Beiträge zu einer monistischen Erkenntnistheorie», 1882, S. 45¹. — В. Шuppe, учитель и соратник Маха, обвинял Дюринга в 1878 г. за «бредовый реализм» (Traumrealismus)² в отместку за словечко «бредовый идеализм», пущенное Дюрингом против всех идеалистов. Для Энгельса *как раз наоборот*: Дюринг был *недостаточно* выдержанным, ясным и последовательным материалистом.

И Маркс с Энгельсом и И. Дицген выступили на философское поприще тогда, когда в передовой интеллигенции вообще, в рабочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно поэтому, что не на повторение старого обратили все свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое *развитие* материализма, на применение его к истории, т. е. на *достраивание* здания материалистической философии *доверху*. Совершенно естественно, что они *ограничивались* в области гносеологии исправлением ошибок Фейербаха, высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Бюхнера (см. у И. Дицгена), подчеркиванием того, чего этим наиболее распространенным и популярным в рабочей среде писателям *особенно* недоставало, именно: диалектики. Об азбучных истинах материализма, о которых в десятках изданий кричали разносчики, Маркс, Энгельс и И. Дицген не беспокоились, направляя все внимание на то, чтобы эти азбучные истины не вульгаризировались, не упрощались чересчур, не вели к застою мысли («материализм вниз, идеализм вверх»), к забвению *ценного* плода идеалистических систем, гегелевской диалектики — этого жемчужного зерна, которого петухи Бюхнеры, Дюринги и К^о (вместе с Леклером, Махом, Авенариусом и пр.) не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма.

¹ «Очерки монистической теории познания», 1882, стр. 45. — *Ред.*

² Dr. Wilhelm Schuppe, Erkenntnistheoretische Logik, Bonn, 1878, S. 56. (Шuppe В., Гносеологическая логика, стр. 56, Бонн, 1878. — *Ред.*)

Если представить себе сколько-нибудь конкретно эти исторические условия философских произведений Энгельса и И. Дицгена, то совершенно ясным станет, почему они *больше стгораживались* от вульгаризации азбучных истин материализма, чем *защищали* самые эти истины. Маркс и Энгельс больше отгораживались также от вульгаризации основных требований политической демократии, чем защищали сами эти требования.

Только ученики философских реакционеров могли «не заметить» этого обстоятельства и представлять читателям дело таким образом, будто Маркс и Энгельс не понимали, что значит быть материалистом. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 196—199, изд. 3-е.*)

Абстрактно-созерцательный характер домарксовского материализма

Тезисы о Фейербахе

1

Главный недостаток всего предшествовавшего материализма, — включая и феербаховский, — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Поэтому и случилось так, что *действенная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, разумеется, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от объектов в мысли, но он не постигает самую человеческую деятельность как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую только теоретическую деятельность, тогда как практика постигается и утверждается только в ее грязно-еврейской форме проявления. Он не понимает поэтому и значения «революционной», практически-критической деятельности.

2

Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а *практический* вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т. е. действительность и силу, *поскосторонность* своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *эгоистический* вопрос.

3

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что следовательно изменившиеся люди это продукты иных обстоятельств и изменившегося воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитывать. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может быть достигнуто и рационально понято только как *революционная практика*.

4

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый и действительный. И он занят тем, что следит религиозный мир к его светской основе; он не замечает, что после выполнения этой работы *главное то остается еще не сделанным. Но то обстоятельство, что светская основа*

Яноби, § 61. В отделе I («Бытие») вы не останавливайтесь чересчур долго на «Бытии» и «Ничто». Последние параграфы, «Качество», затем «Количество» и «Мера», гораздо лучше. Но главная часть — это учение о «сущности» (die Lehre vom Wesen). Раскрытие отвлеченных противоречий во всей их несостоятельности, причем, как только собираешься ухватиться крепко за одну сторону (противоречия), так она незаметно превращается в другую. Вы можете уяснить себе это постоянно на конкретных примерах. Например, яркий образец неразделимости тождества (Identität) и различия (Unterschied) вы, как жених, найдете в себе самом и в вашей невесте. Совершенно невозможно установить, является ли половая любовь радостью от того, что тождество в различии или различие в тождестве? Откиньте здесь различие (в данном случае полов) или тождество (человечность обоих), и что же у вас останется? Я припоминаю, как меня вначале мучила как раз эта неотделимость тождества и различия, хотя мы не можем и шагу ступить, чтобы не наткнуться на это.

Но вы не должны читать Гегеля так, как читал его П. Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передежки, которые ему служили рычагами для построений. Это — работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное. Переходы от одной категории к другой или от одного противоречия к следующему почти всегда произвольны. Часто это происходит при помощи остроты, как, например, положительное и отрицательное оба гибнут (дословно — идут ко дну, к основе — zu Grunde gehen), поэтому Гегель может перейти к категории основания (des Grundes). Раздумывать об этом много — это значит просто терять время. Так как каждая категория у Гегеля представляет собой ступень в истории философии (как он по большей части ее приводит) (wie er auch meist solche aniebt), то вы сделаете хорошо, если просмотрите лекции по истории философии (одно из гениальнейших произведений). Для отдыха могу вам рекомендовать эстетику. Если вы несколько таким образом вработаетесь, вы поразитесь.

Извращение диалектики у Гегеля основано на том, что она должна быть у него «саморазвитием мысли», и потому диалектика вещей — это только ее отблеск. А на самом-то деле ведь диалектика в нашей голове — это только отражение действительного развития, которое совершается в мире природы и человеческого общества и подчиняется диалектическим формам.

Сравните хотя бы развитие у Маркса от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к небытию, и у вас будет прекрасная параллель для конкретного развития, как оно происходит из фактов, с одной стороны, и с другой стороны — абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, например, качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие идей из одной в другую. Вроде этого можно составить еще дюжину подобных. (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 392—394, Соцэкгиз, 1931 г., Энгельс Конраду Шмидту, 1 ноября 1891 г.*)

Я не могу не упомянуть о вашем замечании по поводу Гегеля, которому вы отказываете в более глубоком математическом, естественно-научном образовании. Гегель знал математику настолько, что никто из его учеников не оказался в состоянии издать его математические рукописи, оставшиеся после него в большом количестве. Единственный человек, знающий, насколько мне известно, достаточно математику и философию для того, чтобы это сделать, — это Маркс. Я с вами охотно соглашусь в том, что в подробностях натурфилософии встречается бессмыслица, но его *настоящая* натурфилософия заключается во второй части «Логики», в учении о «сущности», в чем,

собственно говоря, и есть ядро всей доктрины. Современная естественно-научная теория о взаимодействии сил природы (*Grove, Correlation of forces*, появившаяся, как мне кажется, впервые в 1838 г.) есть лишь выражение иными словами или, лучше сказать, положительное доказательство правильности мыслей Гегеля относительно причины, действия, взаимодействия, силы и т. д. Я, конечно, теперь больше уже не гегелианец, но чувствую все еще большое почтение и симпатию (*Pietät und Anhänglichkeit*) к великому старiku (an dem alten kolossalen Kerl). (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 164—165, Соцэкгиз, 1931 г. Энгельс — Ф. А. Ланге, 29 марта 1866 г.*)

У меня порядочные успехи. Например, я разрушил все учение о прибыли, как оно было до его времени. В методе обработки мне сослужило большую службу то, что я перелистал «Логiku» Гегеля, случайно попавшую мне в руки. Фрейлингат, отыскавший где-то несколько томов Гегеля, принадлежавших Бакунину, прислал мне их в виде подарка. Если когда-нибудь снова придет время для подобных работ, мне очень хотелось бы в объеме 2—3 печатных листов сделать доступным общему человеческому рассудку то разумное в методе, что Гегель открыл и вместе с тем затемнил. (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 105, Соцэкгиз, 1931 г. Маркс — Энгельсу, 14 января 1858 г.*)

Метод Маркса противоположен методу Гегеля

Скромно смущенный тон г. Дюринга в его критике мне теперь понятен. Это — пренесносный нахальный субъект, корчащий из себя революционера в политической экономии. Он совершил два подвига. Во-первых, опубликовал «Критические основы национальной экономии» (около 500 стр.), — в теории исходит из взглядов Кэри, — а затем новую «Естественную диалектику» (направленную против гегелевской). Моя книга поставила над ним крест в обоих отношениях. Из ненависти к Рошеру и др. он стал писать о моей книге. Ложь в его писаниях отчасти умышленная, отчасти результат недомыслия. Он знает очень хорошо, что мой метод исследования не тот, что у Гегеля, ибо я материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь после очищения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее мой метод. (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 229—230, Соцэкгиз, 1931 г. Маркс — Кугельману, 6 марта 1868 г.*)

* * *

Метод, примененный в «Капитале», был плохо понят, как это доказывается уже различными противоречащими друг другу характеристиками его.

Так, например, парижская «Revue Positiviste» упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны — отгадайте-ка, в чем? — В том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контовских?) для лаборатории будущего. По поводу упрека в метафизике проф. Зибер замечает: «Поскольку дело касается теории в собственном смысле этого слова, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, недостатки и преимущества которого разделяют все лучшие экономисты-теоретики». Г-н М. Блок — *Le Théoricien du socialisme en Allemagne. Extrait du «Journal des Economistes, juillet et août 1872»* — открывает, что мой метод — аналитический, и говорит между прочим: «Этой работой г. Маркс доказал, что он является одним из самых выдающихся аналитических умов». Немецкие рецензенты кричат,

конечно, о гегелианской софистике. Петербургский «Вестник Европы» в статье, посвященной исключительно методу «Капитала» (майский номер за 1872 г., стр. 427 — 436), находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения к несчастью немецки-диалектичен. Автор пишет: «С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ и притом в «немецком», т. е. дурном, значении этого слова. На самом же деле он бесконечно более реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики... Идеалистом его ни в каком случае уже нельзя считать». Я не могу лучше ответить автору, как несколькими выдержками из его же собственной критики; к тому же выдержки эти не лишены интереса для многих из моих читателей, знакомых с русским языком.

Приведа цитату из моего предисловия к «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Berlin 1859, стр. IV — VII, где я изложил материалистические основы моего метода, автор продолжает:

«Для Маркса важно только одно: найти закон явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не только закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречно констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него вполне достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход—все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... Если сознательный элемент в истории культуры играет такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имеющая своим предметом самую культуру, всего менее может иметь своим основанием какую-нибудь форму или какой-либо результат сознания, т. е. не идея, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом. Критика будет заключаться в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точнее исследованы и действительно представляли собою различные степени развития, да, сверх того, важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития... Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс и не признает. Таких общих законов для него не существует. По его мнению, напротив, каждый исторический период имеет свои законы... но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений... Внимательный анализ внутреннего строя и свойств деятельного состояния явления этой (экономической) жизни неоднократно убеждал многих исследователей, уже с сороковых годов, в невозможности того взгляда старых экономистов на природу экономического закона, по которому последний однороден с законами физики и химии... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы

отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различия условий, среди которых органам приходится функционировать и т. д., может поэтому на разных степенях развития подчиняться совершенно различным законам. Маркс отказывается, например, признавать, что закон увеличения народонаселения один и тот же всегда и повсюду, для всех времен и для всех мест. Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон размножения... То, что в экономической жизни происходит, зависит от степени производительности экономических сил... При различиях в производительности и последствия ее будут различны, а с ними и законы, ими управляющие. Задаваясь, таким образом, целью — исследовать и объяснить капиталистический порядок хозяйства, — Маркс только строго научно формулировал цель, которую может иметь точное исследование экономической жизни... Его научная цель заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим высшим. И эту цепу действительно имеет книга Маркса».

Автор, очертив так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым очертил диалектический метод.

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительности, представляющий лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я разрабатывал первый том «Капитала», крикливые, претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, с особым удовольствием третируют Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, доблестный Моисей Мендельсон третирует Спинозу, а именно — как «мертвую собаку». Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости даже несколько кокетничал гегелианством, употребляя там и сам характерную для него терминологию. Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, огню не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой.

В своей мистифицированной форме диалектика стала модной в Германии, так как, по видимому, давала возможность набросить покрывало на существующее положение вещей. В своей рациональной форме диалектика внушает буржуазии к ее доктринам-идеологам лишь злбу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно,

также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна. (*К. Маркс, Капитал, т. I, стр. XXI—XXIII, Партиздат, 1932 г. Послесловие ко 2-му изд.*)

Ленин об отношении к идеалистической диалектике Гегеля

Естественно должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под знаменем марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под знаменем марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае. (*Ленин, О значении воинствующего материализма (1922 г.), Соч., т. XXVII, стр. 187—188, изд. 3-е.*)

* * *

Логике Гегеля нельзя применять в данном ее виде; нельзя брать как данное. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от мистики идей: это еще большая работа. (*«Ленинский сборник» XII, стр. 205.*)

III. Формы движения материи, их взаимодействие и переходы одной в другую

Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи <качество> атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением. Само собой разумеется, что изучение природы движения должно было исходить из низших, простейших форм его и объяснить их прежде, чем могло дать что-нибудь для объяснения высших и более сложных форм его. И действительно, мы видим, что в историческом развитии естествознания раньше всего была создана теория простого перемещения, механика небесных тел и земных масс; за ней следует теория молекулярного движения, физика, а тотчас же вслед за последней, почти наряду с ней, а иногда и раньше ее, наука о движении атомов, химия. Лишь после того как эти различные отрасли познания форм движения, господствующих в области неорганической природы, достигли высокой степени развития, можно было приступить к объяснению явлений движения, представляющих процесс жизни, причем успехи его шли параллельно прогрессу науки в области механики, физики и химии. Таким образом, в то время как механика уже давно умеет сводить к господствующим в неодушевленной природе законам все действия костных рычагов, приводимых в движение сокращением мускулов, физико-химическое обоснование прочих явлений жизни все еще находится в зачаточном состоянии. Поэтому, собираясь приступить здесь к изучению природы движения, мы вынуждены оставить в стороне органические формы его. Сообразно с уровнем научного знания мы вынуждены будем ограничиться формами движения в неорганической природе.

Всякое движение связано с каким-нибудь перемещением — перемещением небесных тел, земных масс, молекул, атомов или частиц эфира. Чем выше форма движения, тем мельче это перемещение. Оно несколько не исчерпывает природы соответствующего движения, но оно неотделимо от него. Поэтому его приходится исследовать раньше всего остального. (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 130, 1932 г.)

Взаимодействие — вот первое, что мы наблюдаем, когда начинаем рассматривать движущуюся материю в целом с точки зрения современного естествознания. Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, свет, теплоту, электричество, магнетизм, химическое сложение и разложение, переходы агрегатных состояний, органическую жизнь, которые все — если исключить пока органическую жизнь — переходят друг в друга, обуславливают взаимно друг друга, являются здесь — причиной, там — действием, причем совокупная сумма движений, при всех изменениях формы, остается одной и той же (спинозовское: *substantia est causa sui*, выражает прекрасно взаимодействие). Механическое движение превращается в теплоту, электричество, магнетизм, свет и т. д., и обратно. Так в естествознании подтверждается то, что говорит Гегель (где?), что взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия, ибо позади него нет ничего познаваемого. Раз мы познали формы движения материи (для чего, правда, нам не хватает еще очень многого ввиду кратковременности существования естествознания), то мы познали и самое материю, и этим исчерпывается познание. (У Гро-
ве все недоразумение насчет причинности основывается на том, что он не привлекает

к рассмотрению категорию взаимодействия. Сама эта категория фигурирует у него, но нет абстрактной мысли о ней, и отсюда путаница — стр. 10—14). Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к реальному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированным образом, а в таком случае изменяющиеся движения являются перед нами — одно как причина, другое как действие... (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 15—16, 1932 г.)

О механическом естествознании

Примечание 2 к стр. 46: Различные формы движения и рассматривающие их науки

С тех пор как появилась эта статья («Vorwärts», 9 февраля 1877 г.), Рекуле («Die Wissensch. Ziele u. Leistungen der Chemie») дал совершенно аналогичное определение механики, физики и химии: «Если положить в основу это представление о сущности материи, то химию можно будет определить как науку об атомах, а физику как науку о молекулах; в таком случае является мысль выделить ту часть современной физики, которая занимается массами, в особую дисциплину, оставив для нее название механики». Таким образом механика оказывается основой физики и химии, поскольку та и другая, при известной оценке и количественном учете своих молекул или атомов, должны рассматривать их как массы. Эта концепция отличается, как мы видим, от той, которая дана в тексте и в предыдущем примечании, только своей несколько меньшей определенностью. Но если один английский журнал («Nature») придал вышеприведенной мысли Рекуле такой вид, что механика, — это статика и динамика масс; физика — статика и динамика молекул, химия — статика и динамика атомов, то, по моему мнению, такое безусловное сведение даже химических процессов к чисто механическому сужает неподобающим образом поле химии. И однако оно стало столь модным, что, например, у Геккеля слова «механический» и «монистический» постоянно употребляются как равнозначные и что, по его мнению, «современная физиология... дает в своей области место только физическим, химическим или в широком смысле слова механическим силам» (Perigenesis).

Называя физику механикой молекул, химию — физикой атомов и, далее, биологию — химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую и, значит, связь, непрерывность, а также различие, разрыв между обеими областями. Итти же дальше этого, называть химию своего рода механикой, по моему иррационально. Механика — в более широком или узком смысле слова — знает только количества, она оперирует скоростями и массами и, в лучшем случае, объемом. Там, где на пути у нее стоит качество, как, например, в гидростатике и аэростатике, — она не может прийти к удовлетворительным результатам, не вдаваясь в рассмотрение молекулярных состояний и молекулярного движения; она сама только простая вспомогательная наука, предпосылка физики. Но в физике, а еще более в химии, не только происходит постоянное качественное изменение в результате количественного изменения, не только наблюдается переход количества в качество, но приходится также рассматривать множество изменений качества, относительно которых совершенно не доказано, что они обусловлены <сведены> количественными изменениями. Можно охотно согласиться с тем, что современная наука движется в этом направлении, но это вовсе не доказывает, что это направление единственно правильное, что, идя этим путем, мы *исчерпаем* до конца физику и химию. Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи; познать эти механические движения является *первой* задачей науки, однако

лишь первой. Само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества. <Мышление есть тоже движение>. Открытие, что теплота представляет собой молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но если я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собою известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать. Химия находится на пороге того, чтобы из отношения атомных объемов к атомным весам объяснить целый ряд химических и физических свойств элементов. Но ни один химик не решится утверждать, будто все свойства какого-нибудь элемента выражаются исчерпывающим образом его положением на кривой Листара Мейера, что этим одним определяются, например, специфические свойства углерода, делающие его главным носителем органической жизни, или же необходимость фосфора в мозгу. Между тем механическая концепция сводится именно к этому; она объясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие. Если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и изменениям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому положению, что вся материя состоит из *тождественных* мельчайших частиц и что все качественные различия химических элементов материи вызываются количественными различиями в числе и пространственной группировке этих мельчайших частиц при их объединении в атомы. Но до этого нам еще далеко.

Только незнание современных естествоиспытателей с иной философией, кроме той ординарнейшей вульгарной философии, которая процветает ныне в немецких университетах, позволяет им оперировать таким образом выражениями, вроде «механический», причем они не отдают себе отчета и даже не догадываются, какие из этого вытекают необходимые выводы. У теории абсолютной качественной тождественности материи имеются свои приверженцы; эмпирически ее также нельзя опровергнуть, как нельзя доказать. Но если спросить людей, желающих объяснить все «механическим образом», сознают ли они неизбежность этого вывода и признают ли тождественность материи, то какие при этом получаются различные ответы!

Самое комичное, это — то, что приравнение «материалистического» и «механического» имеет своим родоначальником Гегеля, который хотел унижить материализм эпитетом «механический». Но дело в том, что критикуемый Гегелем материализм — французский материализм XVIII столетия — был действительно исключительно *механическим* и по той простой причине, что физика, химия и биология были тогда еще в зачаточном состоянии, далеко не являясь основой общего мировоззрения. Точно так же у Гегеля заимствует Геккель перевод *causae efficientes* через механически действующие причины и *causae finales* — через целестремительно действующие причины; но Гегель понимает под словом «механический» — слепо, бессознательно действующий, а не механически действующий в смысле Геккеля. Но для самого Гегеля все это противоположение является чем-то устарелым, отжившим настолько, что он не упоминает о нем ни в одном из своих изложений проблемы причинности в «Логике», упоминая о нем только в «Истории философии», где оно освещено в исторической перспективе (следовательно, полное непонимание Геккелем благодаря поверхностному отношению!) и совершенно случайно при разборе вопроса о телеологии («Логика», II, 3), как о той форме, в которой *старая метафизика* рассматривала противоположность между механизмом и телеологией. Вообще же он рассматривает ее как давно уже преодоленную точку зрения. Таким образом Геккель, в своем восторженном устремлении найти подтверждение своей «механической» концепции, просто не знает, что списал у Гегеля, добившись этим того замечательного результата, что

если естественный подбор создает у того или другого животного или растения какое-нибудь определенное изменение, то это происходит благодаря *causa efficiens*; если же это самое изменение вызывается *искусственным* подбором, то это происходит благодаря *causa finalis* и, значит, разводитель оказывается в роли *causa finalis*. Ясно, что диалектик калибра Гегеля не мог путаться в ограниченной противоположности между *causa efficiens* и *causa finalis*. С современной же точки зрения нетрудно положить конец всей путанице и болтовне по поводу этой противоположности, указав на то, что, как мы *знаем* из опыта и теории, материя и способ ее существования, движение, несотворимы и, следовательно, являются своими конечными причинами. Если мы возьмем какую-нибудь отдельную причину, изолированную по времени и месту во взаимодействии мирового движения или изолируемую нашей мыслью, то мы не прибавим к ней никакого нового определения, а внесем только усложняющий и запутывающий момент, назвав ее *действующей* причиной. Причина, которая не действует, не есть вовсе причина. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 79—82.*)

Непоследовательность механического материализма ведет к идеализму

Н. В. Материя как таковая, это — чистое создание мысли и абстракция. Подводя вещи, рассматриваемые нами как телесно существующие, под понятие материи, мы отвлекаемся от всех качественных различий в них. Поэтому материя как таковая, в отличие от определенных существующих материй, не является чем-то чувственно существующим. Естествознание, стремящееся отыскать единую материю как таковую, стремящееся свести качественные различия к чисто количественным различиям состава тождественных мельчайших частиц, поступает так, как оно поступало бы, если бы вместо вишен, груш, яблок оно искало плод как таковой; вместо кошек, собак, овец и т. д. искало млекопитающее как таковое, газ как таковой, металл как таковой, камень как таковой, химическое соединение как таковое, движение как таковое. Теория Дарвина требует подобного первого млекопитающего, но Геккель должен в то же время признать, что если оно содержало в себе в *зародыше* всех будущих и современных млекопитающих, то в действительности оно стояло ниже всех современных млекопитающих и было совершенно грубым, а поэтому и было более переходящим, чем все они. Как доказал уже Гегель («Энциклопедия», I, 199), это воззрение, эта «односторонняя математическая точка зрения», согласно которой материя определима только количественным образом, а качественно искони одинакова, является «именно точкой зрения» французского материализма XVIII столетия. Она является даже возвратом к Пифагору, который уже рассматривал число, количественную определенность как сущность вещей. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 82.*)

Атрибуты материи не уничтожимы

Материя движется в вечном круговороте, завершающем свою траекторию в такие промежутки времени, для которых наш земной год не может служить достаточной единицей; в круговороте, в котором время наивысшего развития, время органической жизни и еще более жизни сознательных существ столь же скудно отмерено, как пространство в жизни и в самосознании; в круговороте, в котором каждая отдельная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение — одинаково переходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения. Но, как бы часто и как бы безжалостно

ни совершался во времени и в пространстве этот круговорот; сколько бы бесчисленных солнц и земель ни возникало и ни погибало, как бы долго ни приходилось ждать, пока в какой-нибудь солнечной системе, на какой-нибудь планете не появятся условия, необходимые для органической жизни; сколько бы бесчисленных существ ни должно было погибнуть и возникнуть, прежде чем из их среды разовьются животные с мыслящим мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, — мы все же уверены, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов не может погибнуть и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она некогда истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время. (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 99, 1932 г.)

Равновесие относительно

Движение и равновесие. Равновесие неотделимо от движения. В движении небесных тел *движение находится в равновесии и равновесие в движении*, относительно (...?). Всякое специально относительное движение, т. е. здесь всякое отдельное движение отдельных <более мелких тел> на каком-нибудь движущемся небесном теле, это — стремление к установлению относительного покоя, равновесия. <Без относительного покоя нет развития>. Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является существенным условием дифференцирования материи, а значит и жизни. На солнце нет вовсе равновесия отдельных веществ а только всей массы, или же только весьма ничтожное равновесие, обусловленное значительными различиями плотности, на поверхности — вечное движение, отсутствие покоя, диссоциация. На луне, повидимому, царит полное равновесие, без всякого относительного движения — смерть (луна — отрицательность). На земле движение дифференцировалось в смене движения и равновесия: отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельное равновесие. Скала пришла в покой, но процесс выветривания, работа морского прилива, действие рек, глетчеров непрерывно уничтожает равновесие. Испарение и дождь, ветер, теплота, электрические и магнитные явления представляют ту же самую картину. Наконец, в живом организме мы наблюдаем непрерывное движение всех мельчайших частиц его, а также более крупных органов, имеющее своим результатом, во время нормального периода жизни, постоянное равновесие всего организма и, однако, пребывающее всегда в движении; мы наблюдаем здесь живое единство движения и равновесия. Всякое равновесие лишь *относительно и временно*. (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 13—14, 1932 г.)

Движение и развитие в природе и обществе

<И вот мы снова вернулись к концепциям великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении, с той только существенной разницей, что то, что было у греков гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного, опытного исследования и поэтому имеет гораздо более определенную и ясную форму. Правда, эмпирическое доказательство этого круговорота не свободно от пробелов, но последние незначительны по сравнению с тем, что уже твердо установлено; притом они с каждым днем все более и более заполняются. И разве может быть без пробелов

такое подробное доказательство, если вспомнить, что главнейшие отрасли науки — звездная астрономия, химия, геология — насчитывают едва одно столетие, сравнительные методы в физиологии — едва 50 лет и что основная форма почти всякого <физиологического> развития жизни — клетка — открыта каких-нибудь сорок лет назад>!

Из раскаленных вращающихся масс газа, законы движения которых станут, может быть, известны нам лишь после нескольких столетий наблюдений над собственным движением звезд, развились благодаря охлаждению и сжатию бесчисленные солнца и солнечные системы нашего — ограниченного последними звездными кольцами Млечного пути — мирового острова. Развитие это шло очевидно не повсюду с одинаковой скоростью. Астрономии оказывается все более и более вынужденной признать существование темных, не просто планетных тел в нашей звездной системе, т. е. признать существование потухших звезд (Медлер); с другой стороны (согласно Секки), часть туманных пятен относится в качестве еще неготовых солнц к нашей звездной системе, что не исключает того, что другие туманности, как утверждает Медлер, являются далекими самостоятельными мировыми островами, степень развития которых должен установить спектроскоп.

Лаплас показал подробным и еще непревзойденным до сих пор образом, как развивается из отдельной туманной массы солнечная система; позднейшая наука только подтвердила ход его мыслей.

На образовавшихся таким образом отдельных телах — солнцах, планетах, спутниках — господствует первоначально та форма движения материи, которую мы называем теплотой. Не может быть и речи о химических соединениях элементов даже при той температуре, которой обладает еще в наше время солнце; дальнейшие наблюдения над солнцем покажут, насколько при этом теплота способна превращаться в электричество или в магнетизм; уже и теперь можно считать почти установленным, что происходящие на солнце механические движения имеют своим исключительным источником борьбу теплоты с тяжестью.

Отдельные тела охлаждаются тем быстрее, чем они меньше. Сперва охлаждаются спутники, астероиды, метеоры; наша луна давно уже погасла. Медленнее охлаждаются планеты, медленнее всего центральное светило.

Вместе с прогрессирующим охлаждением на первый план начинает все более и более выступать взаимодействие превращающихся друг в друга физических форм движения, пока, наконец, не будет достигнут пункт, с которого начинает давить себя знать химическое сродство, когда химически индифферентные до того элементы химически дифференцируются друг за другом, приобретают химические свойства и вступают друг с другом в соединения. Эти соединения непрерывно изменяются вместе с охлаждением температуры, которая влияет различным образом не только на каждый отдельный элемент, но и на каждое отдельное соединение элементов; изменяются также вместе с зависящим от этого переходом части газообразной материи сперва в жидкое, а потом и в твердое состояние и вместе с созданными благодаря этому новыми условиями.

Эпоха, когда планета приобретает твердую кору и скопления воды¹ на своей поверхности, совпадает с той эпохой, когда ее собственная теплота начинает играть все меньшее и меньшее значение по сравнению с теплотой, получаемой ею от центрального светила. Ее атмосфера становится ареной метеорологических явлений в современном смысле этого слова, ее поверхность — ареной геологических перемен, при которых созданные атмосферными осадками отложения приобретают все больший перевес над медленно ослабевающими действиями во-вне раскаленно-жидкого внутреннего ядра.

¹ «Скопления воды» подчеркнута посторонней рукой.

Наконец, если температура охладилась до того, что — по крайней мере на каком-нибудь значительном участке поверхности — она уже не переходит границы, при которой способен существовать белок, то при наличии благоприятных химических условий образуется живая протоплазма. В настоящее время мы еще не знаем, в чём заключаются эти благоприятные предварительные условия, — что не удивительно, так как до сих пор еще не установлена химическая формула белка, и мы даже еще не знаем, сколько существует химически различных белковых тел, и так как только приблизительно лег десять как стало известно, что совершенно бесструктурный белок обнаруживает все существенные функции жизни <ассимиляция>: пищеварение, выделение, движение, сокращение (раздражимость), реакцию на раздражение, размножение¹.

Может быть, прошли тысячелетия, пока не создались условия, необходимые для следующего шага вперед, и из этого бесформенного белка <о котором Океан пророчески...> не произошла благодаря образованию ядра и оболочки первая клетка. Но вместе с этой первой клеткой была дана и основа для формообразования всего органического мира. Сперва образовались, как мы должны это допустить по данным палеонтологической летописи, бесчисленные виды бесклеточных и клеточных протистов, о которых рассказывает нам единственный Eozoön Canadense и из которых некоторые дифференцировались постепенно в первые растения, а другие — в первые животные. А из первых животных развились — главным образом путем дальнейшего дифференцирования — бесчисленные классы, порядки, семейства, роды и виды животных и, наконец, та порода животных, в которой достигает своего полного развития нервная система, именно позвоночные, и опять-таки, наконец, среди последних то позвоночное, в котором природа дошла до познания самой себя, — человек.

И человек возник путем дифференцирования, и не только в индивидуальном смысле, — т. е. так, что из одной единственной клетки развивается, путем дифференцирования, сложнейший из существующих в природе организмов, — но и в историческом смысле. Когда после тысячелетних попыток произошла, наконец, дифференциация руки от ноги и установилась прямая походка, то человек обособился от обезьяны и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря которому образовалась с тех пор непроходимая пропасть между человеком и обезьяной. Развитие специфических функций руки означает появление орудия, и орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие человека на природу, производство. И животные имеют орудия в узком смысле слова, но лишь в виде членов своего тела, как это можно утверждать о муравьях, пчелах, бобрах; и животные производят, но их производительное воздействие на окружающую природу равно нулю. Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил растительные и животные миры, но изменил также вид и климат своего местопребывания и изменил даже растения и животных до того, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с гибелью всего земного шара.

И этого он добился прежде всего и главным образом благодаря руке. Даже паровая машина, являющаяся до сих пор самым могущественным его орудием при преобразовании природы, в последнем счете, будучи орудием, основывается на руке. Но параллельно с развитием руки развилась и голова, зарождалось сознание сперва отдельных практических, полезных действий, а впоследствии, на основе этого, у народов, находившихся в более благоприятных условиях, понимание обуславливающих эти полезные действия законов природы. А вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства воздействия на природу; при помощи од-

¹ (На полях: Zirkelschluss.)

ной руки люди не создали бы паровой машины, если бы наряду с рукой и отчасти благодаря ей не развился соответственным образом и мозг.

Вместе с человеком мы вступаем в область истории. И животные обладают историей, именно историей своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния; но эта история делается помимо них, для них, а поскольку они сами принимают в этом участие, это происходит без <сознания конечной цели> их ведома и желания. Люди же, чем больше они удаляются от животных в тесном смысле слова, тем более начинают делать сами сознательно свою историю, тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных факторов, неконтролируемых сил, и тем более соответствует результат исторического действия установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует колоссальная дисгармония между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что попрежнему доминируют непредвиденные влияния, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем приводимые планомерно в движение силы. И это не может быть иначе до тех пор, пока самая важная историческая деятельность человека, та деятельность, благодаря которой человечество вышло из животного состояния, которая образует материальную основу всех прочих видов деятельности человека, пока производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей человечества <даже в наиболее промышленных странах...>, т. е. в наше время общественное производство, предоставлено слепой игре непредвиденных воздействий неконтролируемых сил и пока следовательно поставленная себе заранее цель осуществляется лишь в виде исключения, гораздо же чаще осуществляются противоположные ей результаты. В самых передовых, промышленных странах мы смирили силы природы, поставив их на службу человечеству; мы, благодаря этому, безмерно увеличили производство, так что теперь ребенок производит больше, чем раньше сотня взрослых людей. Но каковы же результаты этого роста производства? Растущий прибавочный труд, растущая нищета масс и каждые десять лет огромный крах. Дарвин не понимал, какую он написал горькую сатиру на людей и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование — прославляемая экономистами как величайшее историческое завоевание — является нормальным состоянием *животного мира*. Лишь сознательная организация общественного производства, в которой происходит планомерное производство и потребление, может поднять людей над прочими животными в общественном отношении так, как их подняло производство вообще в специфическом смысле. Благодаря общественному развитию подобная организация становится с каждым днем все возможнее. От нее будет датировать новая историческая эпоха, в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что все совершенное до того покажется только слабой телью.

Но все, что возникает, достойно гибели. Пройдут миллионы лет, народятся и сойдут в могилу сотни тысяч поколений, но неумолимо надвигается время, когда иссякающая солнечная теплота не сумеет уже растапливать надвигающийся с полюсов лед, когда все более и более сгущающееся у экватора человечество перестанет находить и там необходимую для жизни теплоту, когда постепенно исчезнет и последний след органической жизни, и земля — застывший, мертвый шар, подобно луне — будет кружить в глубоком мраке по все более коротким орбитам вокруг тоже умершего солнца, па которое она, наконец, упадет. Другие планеты испытывают ту же участь, илие раньше, илие позже земли; вместо гармонически расчлененной, светлой, теплой, солнечной системы останется холодный, мертвый шар, продолжающий идти своим одиноким путем в мировом пространстве. И судьба, постигшая нашу солнечную систему, должна раньше или позже постигнуть все прочие системы нашего мирового

острова, должна постигнуть системы всех прочих бесчисленных мировых островов, даже тех, свет от которых никогда не достигнет земли, пока еще существует на ней человеческий глаз, способный воспринять его.

Но когда подобная солнечная система завершит свой жизненный круг и подвергнется судьбе всего конечного, когда она станет жертвой смерти, то что будет дальше? Будет ли труп солнца продолжать катиться в виде трупa в бесконечном пространстве, и неужели все бесконечно разнообразные, прежде дифференцированные силы природы превратятся навсегда в единственную форму движения, в притяжение? «Или же, — как спрашивает Секки (стр. 810), — в природе имеются силы, способные вернуть мертвую систему в первоначальное состояние раскаленной туманности, способные пробудить ее для новой жизни? Мы этого не знаем».

Разумеется, мы этого не знаем в том смысле, в каком мы знаем, что $2 \times 2 = 4$ или что притяжение материи действует обратно-пропорционально квадрату расстояния. В теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу старается объединить в одно гармоническое целое, без которого в наше время не сделает шага вперед даже самый беззаботный по части теории эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и логика, последовательность мысли, должны были всегда заполнять такие неизбежные пробелы познания. (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 93—97, изд. 1932 г.)

Исторический взгляд на общество.

Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь.

Чтобы правильно подойти к этому вопросу, как и ко всякому вопросу, например, к вопросу о возникновении капитализма, эксплуатации между людьми, к социализму, к тому, как появился социализм, какие условия его породили, — ко всякому такому вопросу можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом. По этому вопросу прежде всего надо обратить внимание на то, что государство не всегда существовало. Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые.

И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов, первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим две тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы примитивны они тогда ни были, но она владела также и людьми. Эта группа назы-

вадась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами.

За этой формой последовала в истории другая форма — крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне. Форма отношений между людьми изменилась. Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности. На практике, как вы все знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства.

Далее, — в крепостном обществе, по мере развития торговли, возникновения мирового рынка, по мере развития денежного обращения, возникал новый класс — класс капиталистов. Из товара, из обмена товаров, из возникновения власти денег возникала власть капитала. В течение XVIII века, вернее — с конца XVIII века, и в течение XIX века произошли революции во всем мире. Крепостничество было вытеснено из всех стран Западной Европы. Позднее всего произошло это в России. В России в 1861 г. тоже произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом, при котором деление на классы осталось, остались различные следы и пережитки крепостного права, но в основном деление на классы получило новую форму. (*Ленин, О государстве (1919 г.), Соч., т. XXIV, стр. 364, 365, 366—367.*)

Движение капитала

Представление о капитале как самовозрастающей стоимости охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам, в свою очередь, заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те, кто полагает, будто стоимость приобретает самостоятельное существование лишь в абстракции, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция *in actu*. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается. Так как мы имеем здесь дело прежде всего просто с формой движения, то мы не принимаем во внимание те революции, которые капитальная стоимость может претерпевать в процессе своего кругооборота; однако ясно, что, несмотря на все революции в стоимости, капиталистическое производство существует и поддерживает существование лишь до тех пор, пока капитальная стоимость подвергается увеличению, т. е. пока она, как достигшая самостоятельного существования стоимость, совершает процесс своего кругооборота; следовательно, до тех пор, пока революции, которым подвергается стоимость, тем или иным способом преодолеваются и нейтрализуются. Движения капитала представляются действиями отдельного промышленного капиталиста в том смысле, что он действует как покупатель товаров и труда, продавец товаров, производительный капиталист и, следовательно, своей деятельностью обслуживает кругооборот. Если совершается революция в стоимости общественного капитала, то может случиться, что индивидуальный капитал данного капиталиста не справится с переломом и погибнет, так как он не в состоянии сообразоваться с условиями этого

изменения стоимости. Чем резче и чаще становятся революции в стоимости, чем больше автоматическое, действующее с силой стихийного процесса природы, движение капитальной стоимости, достигшей самостоятельного существования, торжествует над предусмотрительностью и расчетами единичного капиталиста, тем более течение нормального производства подчиняется ненормальной спекуляции, тем большей опасности подвергается существование единичных капиталов. Таким образом эти периодические революции в стоимости подтверждают то, что они, казалось бы, должны опровергнуть, именно, что стоимость, как капитал, приобретает самостоятельное существование, которое она сохраняет и упрочивает посредством своего движения. (Маркс, *Капитал*, т. II, стр. 60—61, Партиздат, 1932 г.)

IV. Закон единства противоположностей

Противоречие — источник самодвижения

«Первая и важная теорема о логических основных свойствах бытия относится к *исключению противоречия*. Противоречивое — это категория, которая возможна только в комбинации мыслей, но не в действительности. В вещах нет никаких противоречий, или, иными словами, принятое за реальность противоречие есть сама вершина бессмыслицы... Антагонизм сил, противоборствующих друг другу в противоположном направлении, есть даже основная форма всех действий в природе и в ее проявлениях. Но эта борьба направлений сил элементов и индивидов даже в отдаленнейшей мере не совпадает с идеей абсурдного противоречия... Здесь мы можем довольствоваться тем, что рассеяли туман, поднимающийся обыкновенно из многих тайнств логики, с помощью ясного образа о действительной абсурдности реального противоречия и показали бесполезность фимиама, который местами раскуривали неуклюже изготовленному идолу диалектики противоречий, подсуной вместо антагонистической мировой схематики». — Это приблизительно все, что сказано в «Курсе философии» о диалектике. В «Критической же истории» диалектика противоречий, а с нею и Гегель, разделяются уже совершенно по-иному. «Противоречивое, по гегелевской логике или, вернее, учению о логосе, не существует просто в мышлении, которое, по самой его природе, можно представить себе только субъективным и сознательным; оно находится объективно и, так сказать, телесно в самих вещах и процессах, так что бессмыслица не остается невозможной мысленной комбинацией, а становится фактической силой. Действительность абсурдного — это первый член символа веры гегелевского единства логики и нелогии... Чем противоречивее, тем истиннее или, иными словами, чем абсурднее, тем достовернее: это даже не ново открытое, а просто заимствованное из откровений богословия и из мистики правило является голым выражением так называемого диалектического принципа».

Содержание обоих приведенных нами мест можно свести к положению, что противоречие есть бессмыслица и что поэтому оно не может встречаться в действительном мире. Для людей, обладающих здравым, вообще говоря, рассудком, это положение может казаться столь же само собой разумеющимся, как положение, что прямое не может быть кривым, а кривое прямым. Но дифференциальное исчисление, несмотря на все протесты здравого человеческого рассудка, при известных условиях прямое кривому и достигает благодаря этому успехов, которых никогда бы не добился здравый человеческий рассудок, возмущающийся бессмыслицей отождествления прямого и кривого. А если судить по крупной роли, которую сыграла так называемая диалектика противоречий в философии, начиная с древнейших греков и до наших времен, то даже более сильный противник, чем господин Дюринг, обязан был бы выступить против нее с другими аргументами, не ограничиваясь голым утверждением, подкрепляемым только многочисленными ругательствами.

Пока мы рассматриваем вещи в состоянии покоя и безжизненности, каждую самую по себе, рядом друг с другом и друг после друга, мы, конечно, не наталкиваемся в них ни на какие противоречия. Мы находим здесь известные свойства, которые отчасти общи, отчасти различны или даже противоречат друг другу, но в этом последнем случае они распределены между различными вещами, так что не содержат в себе никакого противоречия. Пока мы возвращаемся в этой области, мы можем обходиться обыкновенным метафизическим образом мышления. Но совсем иное получается, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном влиянии друг на друга. Тут мы тотчас же наталкиваемся на противоречия. Само движение есть противоречие; даже простое механическое перемещение может происходить лишь таким образом, что тело в один и тот же момент времени находится в одном месте и в то же время в другом месте, находится в одном и том же месте и не в нем. И постоянное полагание и вместе с тем разрешение этого противоречия и есть именно движение.

Здесь, следовательно, мы имеем такое противоречие, которое «в самих вещах и явлениях присутствует объективно и может быть, так сказать, телесно нащупано». А что говорит по этому поводу г. Дюринг? Он утверждает, что вообще до сих пор нет «в рациональной механике моста между строго статическим и динамическим». Теперь, наконец, читатель может заметить, что скрывается за этой любимой фразой г. Дюринга; не более, как следующее: метафизически мыслящий разум абсолютно не может перейти от идеи покоя к идее движения, так как ему здесь преграждает путь вышеуказанное противоречие. Для него движение совершенно непостижимо, ибо оно есть противоречие. А утверждая непостижимость движения, он вынужден признать, что существует объективное противоречие в самих вещах и явлениях, которые к тому же являются и фактической силой.

Если уже простое механическое движение в пространстве содержит в себе противоречие, то оно является еще в большей степени в высших формах движения материи, и особенно в органической жизни и ее развитии. Мы видели выше, что жизнь прежде всего состоит в том, что данное существо в каждый данный момент представляется тем же и чем-то иным. Следовательно, жизнь точно так же есть существующее в самих вещах и явлениях, вечно создающееся и разрешающееся противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть. Точно так же мы видели, что и в сфере мышления мы не можем обойтись без противоречий, и что, например, противоречие между внутренне неограниченной человеческой способностью познания и ее действительным осуществлением в отдельных индивидуумах, крайне ограниченных извне и познающих только в ограниченной степени, — разрешается в бесконечном (по крайней мере, практически для нас) ряде последовательных поколений, в бесконечном прогрессе.

Мы уже упоминали, что одним из главных оснований высшей математики является противоречие, заключающееся в тождестве, при известных условиях, прямой линии с кривой. Она также приводит к другому противоречию, которое состоит в том, что линии, которые пересекаются на наших глазах, тем не менее, уже в 5—6 сантиметрах от точки своего пересечения должны считаться как бы параллельными, т. е. такими, которые не могут пересечься даже при бесконечном их продолжении. И, тем не менее, при посредстве этих и еще более сильных противоречий высшая математика достигает не только правильных, но и вовсе недоступных низшей математике результатов.

Но и низшая математика кишит противоречиями. Таким противоречием является, например, то, что корень из A может быть степенью A , а все-таки $A^{1/2} = \sqrt{A}$. Противоречие представляет и то, что отрицательная величина может быть квадратом какой-либо величины, ибо каждая отрицательная величина, помноженная на себя

самое, дает положительный квадрат. Поэтому квадратный корень из минус единицы есть не просто противоречие, но даже прямо абсурдное противоречие, действительная бессмыслица. И все же $\sqrt{-1}$ является во многих случаях необходимым результатом правильных математических операций; более того, что было бы с математикой, как нижней, так и верхней, если бы ей было запрещено оперировать с $\sqrt{-1}$?

Сама математика, занимаясь величинами переменными, вступает в диалектическую область, и характерно, что именно диалектический философ Декарт произвел в ней этот прогресс. Как математика переменных относится к математике постоянных величин, так и диалектическое мышление вообще относится к метафизическому. Это, однако, не мешает тому, что подавляющее большинство математиков признает диалектику только в области математики и что многие из них с помощью добытых диалектическим путем методов оперируют на старый, ограниченный, метафизический лад.

Более подробно разобрать антагонизм «сил» г. Дюринга и его «антагонистическую мировую схематику» совершенно невозможно, так как он не дает для этого никаких материалов, кроме простых фраз. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 84—86, *Партиздат*, 1932 г.)

* * *

Движение и «самодвижение» (это NB! самопроизвольное (самостоятельное) спонтанное, *внутренне-необходимое* движение), «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» к «движению» и к «деятельности» — противоположность «мертвому бытию» — кто поверит, что это суть «гегелевщины», абстрактной и *abstrusen* (тяжелой, нелепой?) гегельянщины?? Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс.

Идея универсального движения и изменения (1813 Логика) угадана до ее применения к жизни и к обществу. К обществу провозглашена раньше (1847), чем доказана в применении к человеку (1859). («Ленинский сборник» IX, стр. 127—129.)

Закон единства противоположностей суть диалектики

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см. цитату из Филона о Гераклите в начале III части («О познании») лассалевского Гераклита) есть *суть*, одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом гегр. с гераклитовскими идеями).

Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* («например, зерно»; «например, первобытный коммунизм». То же у Энгельса. Но это «для популярности»...), а не как *закон познания* (и закон объективного мира).

В математике + и —. Дифференциал и интеграл.

- » механике действие и противодействие.
- » физике положительное и отрицательное электричество.
- » химии соединение и диссоциация атомов.
- » общественной науке классовая борьба.

Тождество противоположностей («единство» их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В из-

вестном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей. («Ленинский сборник» XII, стр. 323).

Две концепции развития

Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *самодвижение*, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект, etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «самодвижения»*.

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, переходяще, относительно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (относительно) и различие между относительным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* относительном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики относительное только относительно и исключает абсолютное. («Ленинский сборник» XII, стр. 324.)

Единство противоположностей

Свет и темнота являются безусловно самой резкой и решительной противоположностью в природе, и, начиная с 4-го евангелия и кончая Lamières XVIII века, они всегда служили риторической фразой для религии и философии. Фик, стр. 9: «уже давно доказанное строго в физике положение... что форма движения, называемая лучистой теплотой, во всем существенном тождественна с той формой движения, которую мы называем *светом*», Клерк-Максвелл, стр. 14: «Эти лучи (лучистой теплоты) обладают всеми физическими свойствами световых лучей; они отражаются и т. д. ... некоторые из тепловых лучей тождественны с лучами света, между тем как другие виды тепловых лучей не производят никакого впечатления на наши глаза». Таким образом существуют *темные* световые лучи, и знаменитая противоположность света и темноты исчезает в качестве абсолютной противоположности из естествознания. Заметим между прочим, что самая глубокая темнота и самый яркий, резкий свет вызывают в наших глазах одно и то же ощущение *ослепления*, и в этом отношении они тождественны *для нас*. Факт таков: в зависимости от длины колебаний солнечные лучи оказывают различные действия; лучи с наибольшей длиной волн переносят теплоту, со средней — свет, с наименьшей — химическое действие (Секки, стр. 632 и след.), причем максимумы трех этих действий близко совпадают между собой, а *внутренние* минимумы внешней группы лучей покрывают друг друга по своему действию в световой группе. Что является светом, а что не светом, зависит от строения глаз; ночные животные могут видеть даже часть не теплоты, а химического из-

лучения, так как их глаза приспособлены к меньшим длинам волны, чем наши глаза. Вся трудность отпадает, если вместо трех видов лучей принять только один вид их (и научно мы знаем только *один* вид — все остальное только поспешное умозаключение), оказывающих, в зависимости от длины волны, различное, но совместимое в узких границах действие. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 37—38, изд. 6-е, 1932 г.*)

* * *

Жизнь и смерть. Уже и теперь не считают научной ту физиологию, которая не рассматривает смерти как существенного момента жизни (заметь: Hegel, *Enz. I*, стр. 152, 153), которая не понимает, что отрицание жизни по существу заложено в самой жизни так, что жизнь всегда мыслится в отношении к своему неизбежному результату, заключающемуся в ней постоянно в зародыше, — смерти. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится. Но кто раз понял это, для того навсегда потеряли свой смысл всякие разговоры о бессмертии души. Смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо она оставляет за собой жизненный принцип, душу, который переживает все живые организмы, а не только человека. Таким образом, здесь достаточно простого уяснения себе, при помощи диалектики, природы жизни и смерти, чтобы покончить с древним суеверием. Иметь — значит умирать. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 9—10, изд. 6-е, 1932 г.*)

* * *

Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую. Читая Гегеля... (*Ленинский сборник IX, стр. 69, изд. 1-е.*)

Положительная и отрицательная стороны противоречия

Пролетариат и богатство — противоположности. Как таковые, они образуют одно целое. Оба они — формы существования частной собственности. Дело только в том определенном положении, которое каждый из этих двух элементов противоречия занимает в целом. Недостаточно объявить их двумя сторонами целого.

Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять свое собственное существование, а поэтому и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона противоречия, удовлетворенная сама в себе частная собственность.

Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден отвергнуть самого себя и тем самым и обуславливающую его противоположность, делающую его пролетариатом, — частную собственность. Это — *отрицательная* сторона противоречия, его беспокойство внутри себя, упраздняющая и упраздняющая себя частная собственность.

Класс имущих и класс пролетариата одинаково представляют собой человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, в отчуждении видит свидетельство *своего могущества* и в нем обладает *видимостью* человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования. Класс этот, чтобы употребить выражение Гегеля, есть в отверженности *возмущение* против этой отверженности, возмущение, которое необходимо вызывается противоречием между человеческой *природой* класса и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы.

В пределах самого противоречия частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение противоречия, от второго — действие, направленное на его уничтожение.

Частная собственность в своем экономическом движении сама, впрочем, толкает себя к собственной гибели, но только путем независимого от нее, бессознательного, против ее воли проходящего и природой самого дела обусловленного развития, путем порождения на свет пролетариата *как* пролетариата, — этой сознающей свою духовную и физическую нищету нищеты, этой сознающей свою отверженность и тем самым себя самое упраздняющей отверженности. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который сама себе выносит частная собственность порождением на свет пролетариата, точно так же, как он приводит в исполнение приговор, который сам себе выносит наемный труд производством чужого богатства и собственной нищеты. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезают как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность — частная собственность.

Если социалистические писатели приписывают эту всемирноисторическую роль пролетариату, то это никоим образом не происходит от того, что они, как уверяет нас критическая критика, считают пролетариев *богами*. Скорее наоборот. Так как отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого, нашло себе в оформившемся пролетариате практически совершенное выражение; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли вершины бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, но вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, а непосредственно еще вынужден к возмущению против этой бесчеловечности введением ничем не прикрашенной, неумолимой, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*, — то поэтому пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не упразднив своих собственных жизненных условий. Он не может упразднить своих собственных жизненных условий, не упразднив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сосредоточившихся в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *зидит* свою цель отдельный пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое* пролетариат и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое действие самым ясным и неоспоримым образом предугадываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества. Нет надобности распространяться о том, что значительная часть английского и французского пролетариата и теперь уже *сознает* свою историческую задачу и постоянно работает над дальнейшим развитием и окончательным проявлением своего самосознания. (К. Маркс и Ф. Энгельс, *Святое семейство*, т. III, стр. 54—56.)

Гегельянщина Прудона

Посмотрим теперь, каким видоизменениям подвергает г. Прудон гегелевскую диалектику, прилагая ее к политической экономии.

По его, г. Прудона, мнению, всякая экономическая категория имеет две стороны: хорошую и дурную. Он рассматривает категории, как мелкий буржуа рассматривает великих исторических деятелей: *Наполеон* — великий человек; он сделал много добра, но он принес также много зла,

Взятые вместе, *хорошая сторона и дурная сторона, выгода и неудобство* составляют, по мнению г. Прудона, *противоречие*, свойственное каждой экономической категории.

Таким образом, необходимо решить следующую задачу: сохранить хорошую сторону и устранить дурную.

Рабство есть такая же экономическая категория, как и всякая другая. Следовательно, оно также имеет две стороны. Оставим дурную сторону рабства и рассмотрим хорошую. Само собой разумеется, что при этом речь идет лишь о настоящем рабстве, о рабстве чернокожих в Суринаме, в Бразилии, в южных штатах Северной Америки.

Подобно машинам, кредиту и проч., это рабство представляет собою краеугольный камень буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство дало значение колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Следовательно, рабство представляет собою в высшей степени важную экономическую категорию.

Без рабства Северная Америка, эта страна наибольшего прогресса, превратилась бы в патриархальную страну. Сотрите Северную Америку с карты земного шара, — и вы произведете анархию, полный упадок современной торговли и цивилизации. Уничтожьте рабство, — и вы сотрете Америку с географической карты.

Так как рабство есть экономическая категория, то оно всегда входило в число учреждений различных народов. Новейшие народы сумели лишь замаскировать рабство в своей собственной стране, а в Новом Свете ввели его открытым образом.

Что предпримет г. Прудон для спасения рабства? Он предложит *задачу*: сохранить хорошую сторону этой экономической категории и устранить дурную.

У Гегеля нет задач. Он знает лишь диалектику. Г. Прудон заимствовал из диалектики Гегеля только язык. Его собственный диалектический метод состоит лишь в догматическом отличении хорошего от дурного.

Принем на время самого г. Прудона за категорию. Исследуем его дурную и его хорошую сторону, его преимущества и его недостатки.

Если сравнительно с Гегелем он обладает тем преимуществом, что умеет ставить задачи, — которые и предоставляет себе решить для блага человечества — то он имеет также и недостаток, заключающийся в полной неспособности к диалектическому порождению какой-либо новой категории. Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в одну новую категорию — составляет сущность диалектического движения.

Если вы ограничиваетесь лишь тем, что ставите себе задачу устранения дурной стороны, то вы разом кладете конец всему диалектическому движению. Вы имеете дело уже не с категорией, которая полагает себя и противопоставляется самой себе в силу своей противоречивой природы; вы имеете дело лишь с г. Прудоном, который бьется, мучится и выбивается из сил между двумя сторонами категории.

Попав таким образом в тупик, из которого трудно выбиться с помощью законных средств, г. Прудон делает отчаянное усилие и одним прыжком переносится в область новой категории. Тогда-то раскрывается пред его восхищенными очами *серия в разуме*.

Он схватывает первую попавшуюся категорию и произвольно приписывает ей свойство устранять неудобства категории, подлежащей очищению. Так, налоги заличивают, если верить г. Прудону, неудобства монополии; торговый баланс устраняет неудобства налогов, поземельная собственность — неудобства кредита.

Перебирая таким образом последовательно все экономические категории одну за другой и делая одну категорию *противоядием* по отношению к другой, г. Прудон

сочиняет с помощью этой смеси противоречий и противодий от противоречий два тома противоречий, которые он справедливо называет «Системой экономических противоречий»...

Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода учреждений; одни — естественные, другие — искусственные. Феодальные учреждения — искусственны, буржуазные — естественны. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые также имеют два сорта религий. Всякая чужая религия есть, по их мнению, дело людей, между тем как их собственная религия есть эманация бога. Говоря, что существующие отношения, т. е. отношения буржуазного производства, естественны, экономисты хотят этим сказать, что при этих отношениях производство богатства и развитие производительных сил совершается сообразно законам природы. Поэтому и сами названные отношения оказываются естественными законами, независимыми от влияния времени. Общество всегда должно находиться под влиянием этих вечных законов. Таким образом, прежде была история, но теперь ее уже нет. История была, потому что были феодальные учреждения и потому что в этих феодальных учреждениях мы находим такие отношения производства, которые совершенно непохожи на буржуазные, выдаваемые экономистами за естественные и потому вечные.

Феодализм также имеет своих пролетариев: крепостных, заключавших в себе все зародыши буржуазии. Феодальное производство, в свою очередь, заключало в себе два непримиримых элемента, которые называют также *хорошей и дурной стороной* феодализма, не замечая при этом, что, в конце концов, дурная сторона всегда берет верх над хорошею. Именно дурная сторона, обуславливая собою борьбу, создает историческое движение. Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, очарованные рыцарскими добродетелями, гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием производства, организованного в корпорации, гильдии и цехи, словом, если бы они очарованные всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачу устранить оборотную сторону медали — рабство, привилегии, анархию — то к чему могли бы привести их усилия? Все обуславливавшие борьбу элементы были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы прервано в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю.

Когда взяла верх буржуазия, то уже не было более речи ни о хорошей, ни о дурной стороне феодализма. Буржуазия вступила в обладание производительными силами, развитыми ею при господстве феодализма. Но вместе с тем были развиты все старые экономические формы, все соответствовавшие им гражданские отношения, равно как и политический порядок, служивший официальным выражением старого общества.

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его, как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как создавалось богатство в этой, основанной на антагонизме, среде, как параллельно с развитием борьбы классов развивались производительные силы, как один из этих классов, — представлявший собою дурную неудобную сторону общества, — постепенно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Но, поступая таким образом, не признаете ли вы, что способы производства, равно как и те отношения, при которых совершается развитие производительных сил, вовсе не составляют вечных законов, а соответствуют известному развитию людей и их производительных сил; не признаете ли вы также, что всякое изменение в области принадлежащих людям производительных сил необходимо ведет за собою изменение в производственных отношениях? Так как необходимо прежде всего со-

хранить приобретенные производительные силы, — эти плоды цивилизации, — то приходится разбить традиционные формы, в которых они были произведены. Вслед за этим моментом прежний революционный класс становится консервативным.

Буржуазия начинает свое историческое развитие вместе с пролетариатом, который, в свою очередь, есть остаток пролетариата феодальных времен. В течение своего исторического развития буржуазия необходимо развивает свойственный ей антагонистический характер, который первоначально очень неясен и существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии, в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между пролетариатом и буржуазией завязывается борьба, которая прежде, чем обе стороны ее почувствовали, заместили, оценили, поняли, признали и громко провозгласили, проявляется лишь в частичных и преходящих конфликтах и в разрушительных действиях. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют особый класс, противоречащий другому классу, то в их собственных взаимных отношениях интересы их враждебны и противоположны. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни.

Таким образом с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в пределах которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единообразием и простотою, что при тех же самых отношениях, при которых производится богатство, производится также и нищета; что при тех же самых отношениях, при которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила угнетения; что эти отношения создают *буржуазное богатство*, т. е. богатство буржуазного класса, лишь при условии постоянного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата. (*К. Маркс, Нищета философии, Соч., т. V, стр. 363—367, 373—375, Гиз, 1929 г.*)

Противоречия капиталистического способа производства

...Точно так же как мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла пришли некогда в столкновение с феодальными узами цехов, крупная промышленность, на более высокой ступени своего развития, приходит в столкновение с узкими пределами, которыми ограничивает ее капиталистический способ производства. Новые производительные силы переросли буржуазные формы их эксплуатации. Это противоречие между производительными силами и способом производства не выдуманно людьми, — подобно противоречию между первородным грехом и божественной справедливостью, — а существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли и поведения даже тех людей, деятельностью которых оно создано. Современный социализм есть не что иное, как уместное отражение этого фактического противоречия, идеальное отражение его в головах, прежде всего класса, страдающего от него непосредственно, т. е. класса рабочих.

В чем же состоит это противоречие?

До появления капитализма, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основанное на частной собственности производителей по отношению к средствам производства; в деревне господствовало земледелие мелких, свободных или крепостных, крестьян, в городах — ремесло. Орудия труда — земля, земледельческие орудия, мастерские и инструменты ремесленников — были орудиями труда отдельных лиц, рассцатанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно по необходимости оставались мелкими, несовершенными, ограниченными. Но потому что они и принадлежали самим производителям. Историческая роль капитализма и его носительницы — буржуазии — заключалась именно в концентрировании этих

рассеянных мелких средств производства, в придании им более широких размеров, в превращении их в современные могучие рычаги производства. Как выполняла она эту роль, начиная с XV в., на трех различных исторических ступенях производства: простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности, — подробно изображено в IV отделе «Капитала» Маркса. Но там же показано, что, превращая ограниченные средства производства в громадные современные производительные силы, буржуазия не могла не превратить их вместе с тем из частных в *общественные*, приводимые в действие лишь усилиями *многих людей*. Вместо самопрядки, ручного ткацкого станка, кузнечного молота появились прядильные машины, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо маленьких мастерских — громадные фабрики, требующие соединенного труда сотен и тысяч рабочих. Подобно средствам производства и само производство превратилось из ряда разрозненных усилий единиц в ряд общественных действий, а продукты из произведения отдельного лица — в произведения всего общества. Пряжи, ткани, металлические товары, выходящие теперь из фабрик и заводов, представляют собой продукт труда множества рабочих, которые поочередно прилагали к ним свои усилия, прежде чем придали им окончательную форму. Никто в отдельности не может сказать о них: «это сделал я, это мой продукт».

Но в обществе, производство которого основано на естественно выросшем, постепенно развившемся без всякого плана, разделении труда, продукты неизбежно принимают форму *товаров*, обмен которых, купля и продажа, дает отдельным производителям возможность удовлетворять свои разнообразные потребности. Так и было в средние века. Крестьянин, например, продавал ремесленнику сельскохозяйственные продукты и покупал у него ремесленные произведения. В это-то общество разъединенных товаропроизводителей вклинился новый способ производства. Среди естественно выросшего, *без всякого плана* сложившегося разделения труда между членами всего общества, возникло разделение труда на фабриках, организованное *по обдуманному плану*; рядом с *индивидуальным* производством появилось *общественное* производство.

Продукты того и другого продавались на одних и тех же рынках, а следовательно по ценам по крайней мере приблизительно равным. Но организация, созданная по обдуманному плану, была могущественнее естественно выросшего разделения труда; продукты общественного фабричного труда стоили дешевле продуктов мелких, разъединенных производителей. Индивидуальное производство терпело одно поражение за другим, общественное производство революционизировало, наконец, весь старый способ производства. Революционный характер его, однако, так мало сознавался, что оно вводилось именно ради усиления и поощрения товарного производства. Оно возникло в непосредственной связи с известными, уже раньше его существовавшими, двигателями товарного производства: торговым капиталом, ремеслами и наемным трудом. Выступая лишь в виде новой формы товарного производства, оно оставляло в полной силе свойственные этому производству формы присвоения.

При средневековом производстве товаров вопрос о том, кому должны принадлежать продукты труда, не мог даже и возникнуть. Они выделялись каждым отдельным производителем из собственного материала, часто им же самим произведенного, собственными орудиями и собственными руками или руками семьи. Такому производителю незачем было присваивать себе свои продукты, они принадлежали ему по самому существу дела. Следовательно, право собственности на продукты основывалось на *личном труде*. Даже там, где посторонняя помощь имела место в производстве, она в большинстве случаев играла лишь второстепенную роль и вознаграждалась не одною лишь заработной платой; цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради платы или содержания, сколько ради собственного обучения и подготов-

ки к званию самостоятельного мастера. Но вот началась концентрация средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их на деле в общественные средства производства. И с этими общественными средствами и продуктами продолжали поступать так, как будто они попрежнему оставались средствами производства и продуктами труда отдельных лиц. Если до сих пор производитель, бывший одновременно и собственником орудий труда, присваивал себе свой продукт, в котором чужой труд участвовал лишь в виде исключения, то теперь собственник орудий труда продолжал присваивать себе продукты, хотя они производились уже не *его*, а исключительно *чужим трудом*. Таким образом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто работал с помощью его орудий и был настоящим производителем *его* продуктов, а *капиталистами*. Средства производства и само производство по существу своему стали общественными; но они были подчинены форме присвоения, основанной на частном единичном производстве, свойственном тому времени, когда каждый владел своим собственным продуктом и сам выносил его на рынок. Новая форма производства подчинилась старой форме присвоения, несмотря на то, что она совершенно разрушила ее основы¹.

Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в себе *зародыши всех современных противоречий*. И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех наиболее значительных отраслях труда, во всех наиболее влиятельных в экономическом отношении странах, чем дальше оттеснял он незначительные остатки единичного производства, тем резче должна была выступить несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.

Первые капиталисты застали, как мы видели, форму наемного труда уже готовой. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, переходного положения для рабочего. Земледелец, нанимавшийся по временам на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, продуктами которого он мог жить в случае крайности. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, лишь только средства производства приобрели общественный характер и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты единичных производителей все более и более обесценивались, и их владельцам не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталистам. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал общим правилом, основой всего производства; из побочного он превратился в единственное занятие рабочих. Временный наемный рабочий превратился в пожизненного. Массы наемных рабочих чрезвычайно увеличилась благодаря одновременному разрушению феодального порядка, распусшению свит феодалов, изгнанию крестьян из их усадеб и пр. Совершился полный разрыв между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов, и производителями, лишенными всего, кроме рабочей силы. *Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявилось в антагонизме между пролетариатом и буржуазией.* (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 192—195, Партиздат, 1932 г.)

¹ Само собой понятно, что хотя форма присвоения и осталась прежней, но *характер* его изменился вследствие вышеописанного процесса столь же радикально, как и характер самого производства. Большая разница, присваивая ли я продукт своего собственного или продукт чужого труда. Заметим мимоходом, что наемный труд, который скрывает в себе зародыш всего капиталистического производства, существует с давних времен. В одиночной случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш не мог развиваться в капиталистический способ производства раньше, чем созрели необходимые для него исторические условия.

Развитие производства (а следовательно, и внутреннего рынка) преимущественно на счет средств производства кажется парадоксальным и представляет из себя, несомненно, противоречие. Это — настоящее «производство для производства», расширение производства без соответствующего расширения потребления. Но это противоречие не доктрины, а действительной жизни; это — именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства. Именно это расширение производства без соответствующего расширения потребления и соответствует исторической миссии капитализма и его общественной структуре¹: первая состоит в развитии производительных сил общества; вторая исключает утилизацию этих технических завоеваний массой населения. Между безграничным стремлением к расширению производства, присущим капитализму, и ограниченным потреблением народных масс (ограниченных вследствие их пролетарского состояния) есть несомненное противоречие. Именно это противоречие и констатирует Маркс в тех положениях, которые охотно приводятся народниками в подтверждение якобы их взглядов о сокращении внутреннего рынка, о непрогрессивности капитализма и пр., и пр. Вот некоторые из этих положений: «Противоречие в капиталистическом способе производства: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничить их минимумом цены, как продавцов их товара — рабочей силы» («Das Kapital», II, 303).

...«Условия реализации... ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества... Чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (ibid., III, 1, 225—226). «Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающиеся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают полностью в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден принять для достижения своей цели и которые стремятся к безграничному расширению производства, к безусловному развитию общественных производительных сил, которые ставят себе производство как самодовлеющую цель... Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы, для создания соответствующего этой силе всемирного рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такою его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства» (III, 1, 232. Русс. пер., с. 194). «Последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»² (III, 2, 21. Русс. пер., 395). Во всех этих положениях констатируется указанное противоречие между безграничным стрем-

¹ В первом изд.: «его специфической общественной структуре». — *Ред.*

² Именно это место цитировал знаменитый (геростратовски знаменитый) Эд. Бернштейн в своих «Предпосылках социализма» («Die Voraussetzungen etc.», Stuttg. 1899, S. 67). Разумеется, наш оппортунист, поворачивающийся от марксизма к старой буржуазной экономии, поспешил заявить, что это — противоречие в теории кризисов Маркса, что такой-то взгляд Маркса «не очень-то отличается от родбергусовской теории кризисов». На самом же деле «противоречие» имеется лишь между претензиями Бернштейна, с одной стороны, и его бессмысленным эклектизмом и нежеланием вдуматься в теорию Маркса — с другой. До какой степени не понял Бернштейн теории реализации, это видно из его, поистине курьезного рассуждения, будто громадный рост массы прибавочного продукта

лением расширять производство и ограниченным потреблением, и ничего более ¹. Нет ничего бессмысленнее, как выводить из этих мест «Капитала», будто Маркс не допускал возможности реализовать сверхстоимость в капиталистическом обществе, будто он объяснял кризисы недостаточным потреблением и т. п. Анализ реализации у Маркса показал, что «в конечном счете обращение между постоянным капиталом и переменным капиталом ограничено личным потреблением», но этот же анализ показал истинный характер этой «ограниченности», показал, что предметы потребления играют меньшую роль в образовании внутреннего рынка сравнительно с средствами производства. А затем, нет ничего более нелепого, как выводить из противоречий капитализма его невозможность, непрогрессивность и т. д. — это значит спастись в заоблачные выси романтических мечтаний от неприятной, но несомненной действительности. Противоречие между стремлением к безграничному расширению производства и ограниченным потреблением — не единственное противоречие капитализма, который вообще не может существовать и развиваться без противоречий. Противоречия капитализма свидетельствуют о его исторически-преходящем характере, выясняют условия и причины его разложения и превращения в высшую форму, — но они отнюдь не исключают ни возможности капитализма, ни его прогрессивности сравнительно с предшествующими системами общественно-го хозяйства ². (Ленин, *Развитие капитализма в России*, Соч. т. III, гл. I, § VI, стр. 31—33.)

Противоречие товара

До сих пор товар рассматривался с двух точек зрения, — как потребительная стоимость и как меновая стоимость, — всякий раз односторонне. Но как товар он есть непосредственно *единство* потребительной стоимости и меновой стоимости; вместе с тем он является товаром только в отношении к другим товарам. *Действительное* отношение товаров друг к другу составляет их *меновый процесс*. Это — общественный процесс, в который вступают независимые друг от друга индивидуумы, но они вступают в него только как товаровладельцы; их взаимное существование друг для друга есть существование их товаров, и, таким образом, в действительности они являются только сознательными носителями процесса обмена.

Товар *есть* потребительная стоимость: пшеница, холст, алмаз, машина и т. д.; но как товар он вместе с тем *не* потребительная стоимость. Если бы он был потребительной стоимостью для своего владельца, т. е. непосредственно средством для удовлетворения его собственных потребностей, то он не был бы товаром. Для владельца он, напротив, *не потребительная стоимость*, именно для него он только материальный носитель меновой стоимости, или простое *средство обмена*; как активный носитель меновой стоимости, потребительная стоимость становится средством обмена. Для своего владельца товар есть потребительная стоимость лишь в качестве меновой стоимости. Следовательно, он еще должен *сделаться* потребительной стоимостью прежде всего для других. Так как товар не есть потребительная стоимость для его собствен-

---

необходимо должен означать увеличение числа имущих (или повышение благосостояния рабочих), ибо сами капиталисты, извольте видеть, и их «слуги» (Sic! Seite 51—52) не могут «потребить» всего прибавочного продукта! (Примеч. ко 2-му изд.)

¹ Ошибочно мнение г-на Туган-Барановского, который полагает, что Маркс, выставляя эти положения, впадает в противоречие с своим собственным анализом реализации («Мир божий», 1893, № 6, с. 123, в статье: «Капитализм и рынок»). Никакого противоречия у Маркса нет, ибо и в анализе реализации указана связь производительного и личного потребления.

² Ср. «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» (т. II, Соч. — Ред.),

ного владельца, то он является потребительной стоимостью для владельцев других товаров. Если этого нет, то труд его владельца был трудом бесполезным, и результат его не есть товар. С другой стороны, товар для *самого его владельца* должен сделаться потребительной ценностью, потому что средства существования данного владельца существуют вне этого товара, в потребительных стоимостях чужих товаров. Чтобы *сделаться* потребительной стоимостью, товар должен отвечать определенной потребности, по отношению к которой он является средством удовлетворения. Следовательно, потребительные стоимости товаров *становятся* потребительными стоимостями тогда, когда они всесторонне меняются местами, когда переходят из рук, в которых они являются средствами обмена, в руки, в которых они являются предметами потребления. Только посредством такого всестороннего *отчуждения* товаров заключенный в них труд становится полезным трудом. В процессе этих отношений товаров друг к другу как потребительных стоимостей они не получают никакой новой экономической определенности формы. Напротив, исчезает и та определенность формы, которая характеризовала их как товары. Например, хлеб при переходе из рук пекаря в руки потребителя не изменяет своего бытия как хлеб. Наоборот, только потребитель относится к нему как к потребительной стоимости, как к определенному средству питания, между тем как в руках пекаря он был носителем экономического отношения, вещь чувственно-сверхчувственной. Следовательно, единственное изменение формы, которому подвергаются товары, становясь потребительными стоимостями, есть уничтожение их формального бытия, в котором они не были потребительными стоимостями для своего владельца и были потребительными стоимостями для своего невладеяца. Чтобы стать потребительными стоимостями, товары должны всесторонне отчуждаться, вступать в процесс обмена, но их бытие для обмена есть их бытие в качестве меновых стоимостей. Поэтому, чтобы реализоваться как потребительные стоимости, они должны реализоваться как меновые стоимости.

Если отдельный товар, с точки зрения потребительной стоимости, первоначально представлялся как самостоятельная вещь, то, наоборот, как меновая стоимость он с самого начала рассматривался в отношении ко всем другим товарам. Однако это отношение было только теоретическим, мысленным. Реальным оно становится лишь в процессе обмена. С другой стороны, товар является все-таки меновой стоимостью, поскольку заключает в себе определенное количество рабочего времени, поскольку, следовательно, он представляет *овеществленное рабочее время*. Но непосредственно он представляет только овеществленное индивидуальное рабочее время с особенным содержанием, а не *всеобщее* рабочее время. Следовательно, товар не *является* непосредственно меновой стоимостью, он должен еще *стать* таковой. Прежде всего он может быть овеществлением всеобщего рабочего времени, поскольку он представляет рабочее время в определенном полезном применении, т. е. в какой-нибудь потребительной стоимости. Это было материальным условием, при котором только можно было привить рабочее время, заключенное в товарах, за всеобщее, общественное. Следовательно, если товар может стать потребительной стоимостью лишь благодаря своему осуществлению в качестве меновой стоимости, то, с другой стороны, он может осуществиться как меновая стоимость лишь в том случае, если в процессе отчуждения обнаружит свою потребительную стоимость. Товар как потребительная стоимость может быть отчужден только тому, для кого он является потребительной стоимостью, т. е. предметом особой потребности. С другой стороны, он отчуждается только за другой товар, или, если мы поставим себя на место владельца этого другого товара, то увидим, что этот владелец может точно так же отчуждать свой товар, т. е. реализовать его только тогда, когда приведет его в соприкосновение с особой потребностью, для удовлетворения которой он служит. Следовательно, при всестороннем отчуждении товаров как *потребительных стоимостей* товары относятся друг к другу сообраз-

Но их материальному различию, как особые вещи, которые удовлетворяют своими специфическими свойствами особые потребности. Но в качестве таких простых потребительных стоимостей они друг для друга безразличны и, больше того, не стоят ни в каком отношении друг к другу. Как потребительные стоимости товары могут обмениваться только вследствие их отношения к особым потребностям. Но они обмениваемы только как эквиваленты, эквивалентами же они являются лишь как равные количества овеществленного рабочего времени, так что всякое внимание к естественным свойствам их потребительных стоимостей, а следовательно, к их связи с особыми потребностями, исчезает. Меновая стоимость товара обнаруживается, напротив, в том, что он как эквивалент замещает, по желанию, определенное количество всякого другого товара, независимо от того, представляет ли он для владельца другого товара потребительную стоимость или нет. Но для владельца этого другого товара он лишь постольку товар, поскольку составляет для него потребительную стоимость, и для своего собственного владельца он лишь постольку меновая стоимость, поскольку является товаром для другого. Поэтому это отношение должно быть: отношением товаров как величин, по существу равных, только количественно различных; равенством их как материализации всеобщего рабочего времени; но вместе с тем оно должно быть отношением товаров как качественно различных вещей, или особых потребительных стоимостей, служащих для удовлетворения определенных потребностей, словом, отношением, при котором они различаются как действительные потребительные стоимости. Но это приравнивание и неприравнивание взаимно исключается. Таким образом здесь представляется не только ложный круг проблем, поскольку разрешение одной из них уже предполагает разрешение другой, но и совокупность противоречивых требований, поскольку выполнение одного условия непосредственно связано с выполнением другого, ему противоположного.

Процесс обмена товаров должен быть одновременно и развертыванием и разрешением этих противоречий, которые не могут, однако, являться в нем в такой простой форме. Мы только видели, как сами товары относятся друг к другу как потребительные стоимости, т. е. каким образом товары *в пределах* процесса обмена выступают в качестве потребительных стоимостей. Напрямую, меновая стоимость, как мы до сих пор рассматривали, существовала только в нашей абстракции или, если угодно, в абстракции отдельного товаровладельца, у которого товар как потребительная стоимость лежит на складе и как меновая стоимость — на совести. Однако сами товары в сфере процесса обмена должны быть друг для друга не только потребительными, но и меновыми стоимостями, и это их бытие должно проявляться в виде их взаимного отношения. Трудность, на которую мы прежде всего натолкнулись, заключалась в том, что товар, для того чтобы реализоваться как меновая стоимость, как овеществленный труд, сначала должен быть отчужден, реализован как потребительная стоимость; между тем это отчуждение его в качестве потребительной стоимости предполагает, наоборот, его бытие как меновой стоимости. Допустим, однако, что эта трудность разрешена. Предположим, что товар сбросил с себя особую потребительную стоимость и через отчуждение ее выполнил материальное условие для того, чтобы быть общественно полезным трудом, а не особым трудом отдельного лица для него самого. Тогда товар должен стать в процессе обмена меновой стоимостью, всеобщим эквивалентом, овеществлением всеобщего рабочего времени для других товаров и, таким образом, вместо ограниченного значения отдельной потребительной стоимости он должен приобрести непосредственную способность выражаться во всех потребительных ценностях как в своих эквивалентах. Но каждый товар есть именно такой товар, который через отчуждение своей особенной потребительной ценности должен явиться как непосредственная материализация всеобщего рабочего времени. Однако, с другой стороны, в процессе обмена противостоят друг другу только особые товары, или

индивидуальные работы, воплощенные в особенных потребительных стоимостях. Всеобщее рабочее время само есть абстракция, которая как таковая не существует для товаров. (*Маркс, К критике политической экономии, гл. I, Товар, стр. 63—67. Партиздат, 1932 г.*)

Двойственное положение крестьянства в условиях капитализма

«Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне. Это факт общеизвестный. Обработка и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение, а правило в русской деревне, и все это является в последнем счете прямым переживанием крепостного порядка. В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок, и поскольку он еще царит, — врагом его является *все крестьянство как целое*. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом*, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием¹. И *поскольку* сохраняется еще в нашей деревне этот свойственный крепостному обществу классовый антагонизм «крестьянства» и привилегированных землевладельцев, *поскольку* рабочая партия несомненно должна быть на стороне «крестьянства», должна поддержать его борьбу и *подталкивать его на борьбу* против всех остатков крепостничества.

Мы ставим в кавычках слово крестьянство, чтобы отметить наличие в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство конечно не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой русской жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. *Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *поскольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения, *поскольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку — постольку» существует в действительности в виде *крайне сложного* сплетения крепостных и буржуазных отношений в современной русской деревне. (*Ленин, Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., т: V, стр. 92, 95, 1902 г.*)

Революция обнаруживает теперь все более и более двойственное положение и двойственную роль крестьянства. С одной стороны, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне объясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства как массы. С другой стороны, и в ходе революции, и в характере разных политических

¹ Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе) и потому классы перестали быть сословиями. Деление обществ на классы общее и феодальному и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы — сословия, а в последнем — классы бессословные. (Примечание В. И. Ленина.)

партий, и во многих идейно-политических течениях обнаруживается внутренне-противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее. Колебание обнищавшего хозяйчика между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом так же неизбежно, как неизбежно то явление во всяком капиталистическом обществе, что ничтожное меньшинство мелких производителей наживается, «выходит в люди», превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, либо живет вечно на границе пролетарского состояния. (Ленин, *Развитие капитализма в России*, Соч., т. III, стр. 11—12. изд. 3-е.)

Противоречия империализма

Эпоха империализма есть эпоха умирающего капитализма. Мировая война 1914—1918 гг. и развязанный ею общий кризис капитализма, являясь непосредственным результатом острого противоречия между ростом производительных сил мирового хозяйства и его государственным перегорodkaми, показали и доказали, что внутри капиталистического общества уже созрели материальные предпосылки социализма, что капиталистическая оболочка общества стала невыносимыми оковами для дальнейшего развития человечества, что история ставит в порядок дня задачу революционного свержения капиталистического ига.

Империализм подчиняет громадные массы пролетариев всех стран, начиная с центров капиталистического могущества и кончая самыми отдаленными уголками колониального мира, диктатуре финансово-капиталистической плутократии. Империализм со стихийной силой вскрывает и углубляет все противоречия капиталистического общества, доводит до крайнего предела классовый гнет, обостряет до исключительного напряжения борьбу между капиталистическими государствами, вызывает неизбежность империалистических войн мирового размаха, потрясающих всю систему господствующих отношений, и с железной необходимостью ведет к *мировой революции пролетариата*.

Связывая весь мир цепями финансового капитала, кровью, железом и голодом, вынуждая пролетариев всех стран, народов и рас становиться под его иго, гигантски обостряя эксплуатацию, гнет и порабощение пролетариата и выдвигая перед ним непосредственную задачу завоевания власти, империализм создает необходимость теснейшего сплочения рабочих в единую интернациональную армию пролетариев всех стран, независимо от государственных границ, национальных, культурных, языковых или расовых отличий, пола или профессии. Таким образом империализм, развивая и завершая процесс создания материальных предпосылок социализма, вместе с тем сплачивает армию своих собственных могильщиков, ставя пролетариат перед необходимостью организовать в *боевое международное товарищество рабочих*. (*Программа и устав Коммунистического интернационала*, стр. 5—7, Партиздат, 1932 г.)

Разрешение внутренних противоречий в переходный период

Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма.

Рассмотрим обе эти группы противоречий в отдельности.

Что некоторые противоречия между пролетариатом и крестьянством существуют, — этого, конечно, нельзя отрицать. Достаточно вспомнить все то, что происхо-

дило у нас и происходит в связи с политикой цп на сельскохозяйственные продукты, в связи с лимитами, в связи с кампанией понижения цен на фабрикаты и пр., чтобы понять всю реальность этих противоречий. Два основных класса стоят перед нами: класс пролетариев и класс частных собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными силами преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами? — то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или непреодолимы?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно: да, мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса.

Где основания, мотивы для такого ответа?

Мотивы такого ответа состоят в том, что, кроме противоречий между пролетариатом и крестьянством, имеются еще общие интересы по коренным вопросам развития, которые покрывают и, во всяком случае, могут покрыть эти противоречия и которые являются базой, основой союза рабочих и крестьян.

В чем состоят эти общие интересы?

Дело в том, что существуют два пути развития земледелия: путь капиталистический и путь социалистический. Путь капиталистический означает развитие через обнищание большинства крестьянства во имя обогащения верхних слоев городской и сельской буржуазии. Путь социалистический, наоборот, означает развитие через неуклонное поднятие благосостояния большинства крестьянства. Как пролетариат, так и, в особенности, крестьянство заинтересованы в том, чтобы развитие пошло по второму пути, по пути социалистическому. Ибо этот путь является единственным спасением крестьянства от обнищания и полуголодного существования. Нечего и говорить, что диктатура пролетариата, имеющая в своих руках основные нити хозяйства, примет все меры к тому, чтобы победил второй путь, путь социалистический. Само собой понятно, с другой стороны, что крестьянство крозно-заинтересовано в том, чтобы развитие пошло по этому второму пути.

Отсюда общность интересов пролетариата и крестьянства, покрывающая противоречия между ними.

Вот почему говорит ленинизм, что мы можем и должны построить полное социалистическое общество вместе с крестьянством, на основе союза рабочих и крестьян.

Вот почему говорит ленинизм, опираясь на общие интересы пролетариев и крестьян, что мы можем и должны преодолеть своими собственными силами противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством.

Так смотрит на это дело ленинизм. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 120—121, изд. 9-е.*)

Двойственная природа нэпа

Нэп есть капитализм, говорит оппозиция. Нэп есть отступление по преимуществу, говорят т. Зиновьев. Все это, конечно, неверно. На самом деле нэп есть политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими. На самом деле нэп только начался отступлением, но он рассчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление. На самом деле мы наступаем уже несколько лет, и наступаем с успехом, развивая нашу индустрию, развивая советскую торговлю, тесня частный капитал.

Но каков смысл тезиса — нэп есть капитализм, пэп есть отступление по преимуществу? Из чего исходит этот тезис?

Он исходит из неправильного предположения о том, что у нас происходит теперь простое восстановление капитализма, простой «возврат» капитализма. Только этим предположением можно объяснить сомнения оппозиции насчет социалистической природы нашей промышленности. Только этим предположением можно объяснить панику оппозиции перед кулаком. Только этим предположением можно объяснить ту поспешность, с которой ухватилась оппозиция за неправильные цифры о дифференциации крестьянства. Только этим предположением можно объяснить особую забывчивость оппозиции насчет того, что середняк является у нас центральной фигурой земледелия. Только этим предположением можно объяснить недооценку удельного веса середняка и сомнения насчет кооперативного плана Ленина. Только этим предположением можно «обосновать» неверие новой оппозиции в новый путь развития деревни, в путь вовлечения деревни в социалистическое строительство.

На самом деле у нас происходит теперь не односторонний процесс восстановления капитализма, а двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими. Это одинаково неоспоримо как для города, где базой социализма является государственная промышленность, так и для деревни, где основной зацепкой социалистического развития является массовая кооперация, смыкаемая с социалистической промышленностью. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 233—234, изд. 9-е.*)

Условия разрешения противоречий в переходный период

Но кроме внешних условий есть еще внутренние условия, диктующие быстрый темп развития нашей индустрии, как ведущего начала всего нашего народного хозяйства. Я имею в виду чрезмерную отсталость нашего земледелия, его техники, его культуры. Я имею в виду наличие в нашей стране преобладающего большинства мелких товаропроизводителей с их раздробленным и совершенно отсталым производством, в сравнении с которым наша крупная социалистическая промышленность выглядит, как остров среди моря, остров, база которого расширяется с каждым днем, но который все еще представляет остров среди моря. У нас говорят обычно, что индустрия есть ведущее начало всего народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства, что индустрия есть тот ключ, при помощи которого можно перестроить отсталое и раздробленное земледелие на базе коллективизма. Это совершенно верно. И от этого мы не должны отступать ни на одну минуту. Но надо помнить и то, что если индустрия является ведущим началом, то сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии, и как поставщик сырья и продовольствия, и как источник экспортных резервов, необходимых для того, чтобы ввести оборудование для нужд народного хозяйства. Можно ли двигать вперед индустрию, оставляя сельское хозяйство в условиях совершенно отсталой техники, не обеспечивая для индустрии сельскохозяйственной базы, не реконструируя сельское хозяйство и не подгоняя его к индустрии? Нет, нельзя. Отсюда задача — обеспечить сельское хозяйство максимально орудиями и средствами производства, необходимыми для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело его реконструкции на новой технической базе. Но для того, чтобы добиться осуществления этой задачи, необходим быстрый темп развития нашей индустрии. Конечно, реконструкция раздробленного и распыленного сельского хозяйства — дело несравненно более трудное, чем реконструкция объединенной и централизованной социалистической промышленности. Но задача эта стоит перед нами, и мы должны ее разрешить. А разрешить ее невозможно иначе как на базе быстрого темпа развития промышлен-

ности. Нельзя без конца, т. е. в продолжении слишком долгого периода времени, базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух *разных* основах, на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нужно постепенно, но систематически и упорно переводить сельское хозяйство на новую техническую базу, на базу крупного производства, подтягивая его к социалистической промышленности. Либо мы эту задачу разрешим, — и тогда окончательная победа обеспечена, либо мы от нее отойдем, задачи этой не разрешим, — и тогда возврат к капитализму может стать неизбежным явлением. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 361—362, изд. 9-е.*)

Мы пришли к власти в стране, техника которой является страшно отсталой. Наряду с немногочисленными крупными промышленными единицами, более или менее базирующимися на новой технике, мы имеем сотни и тысячи фабрик и заводов, техника которых не выдерживает никакой критики с точки зрения современных достижений. А между тем, мы имеем вокруг себя целый ряд капиталистических стран, обладающих гораздо более развитой и современной промышленной техникой, чем наша страна. Посмотрите на капиталистические страны, и вы увидите, что там техника не только идет, но прямо бежит вперед, перегоняя старые формы промышленной техники. И вот выходит, что, с одной стороны, мы имеем в нашей стране наиболее передовую власть во всем мире, советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, представляющей базу социализма и советской власти. Думаете ли вы, что можно добиться окончательной победы социализма при наличии этого противоречия? Что нужно сделать, чтобы ликвидировать это противоречие? Для этого необходимо добиться того, чтобы догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран. Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут. Это верно не только с точки зрения построения социализма. Это верно также с точки зрения отстаивания независимости нашей страны в обстановке капиталистического окружения. Невозможно отстаивать независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности. Вот для чего нужен нам и вот что диктует нам быстрый темп развития индустрии. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 358—359, изд. 9-е.*)

Диалектика перехода

Отчетный период был переломным как для капиталистических стран, так и для СССР. Для СССР он означал переход от восстановительного к реконструктивному периоду и гигантское развертывание социалистического строительства; в капиталистических странах перелом произошел в сторону экономического упадка.

Съезд с удовлетворением констатирует, что правильная ленинская политика ЦК ВКП(б) привела к дальнейшему укреплению международной мощи СССР, гигантским успехам в деле социалистической индустриализации страны, укреплению братского сотрудничества народов Союза на основе ленинской национальной политики, выполнению и перевыполнению программы первых двух лет пятилетки, решительному повороту к социализму середняцких масс, позволившему партии от лозунга

ограничения и вытеснения кулачества перейти к лозунгу *ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации...*

Быстрый темп социалистической индустриализации страны, осуществлявшийся ЦК на основе директив XV съезда, вносит глубокие изменения в соотношение классов внутри страны. Эти изменения характеризуются прежде всего, наряду с быстрым ростом численности рабочего класса, *усилением его руководящей роли по отношению к бедняцкому и середняцкому крестьянству. Экономическая смычка между рабочим классом и основными массами крестьянства приобрела по преимуществу производственный характер.* Политика партии и ее ЦК обеспечила успешный переход отсталых и распыленных мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического земледелия, *развертывание сплошной коллективизации и переход к практическому осуществлению лозунга ликвидации кулачества как класса.* За отчетный период резко упала роль частного капитала и происходит дальнейшее его вытеснение. Решительно усиливается планово-регулирующая роль советского государства во всем народном хозяйстве страны, охватывая все более и более не только промышленность, но и сельское хозяйство. Осуществляется поставленная Лениным задача превращения «России нэповской» в «Россию социалистическую».

Рост социалистического строительства, усиление наступления на капиталистические элементы неизбежно вызвали *обострение классовой борьбы в стране со стороны кулацко-капиталистических элементов и попытки отчаянного сопротивления с их стороны.* Опираясь на растущую активность батрацко-бедняцких масс деревни, укрепляя союз с середняком, партия сломала контрреволюционный саботаж и сопротивление кулачества, успешно провела хлебозаготовки и накопила значительный резервный хлебный фонд. *Решительный поворот середняцких масс к социализму в результате правильной политики партии* нашел себе наиболее яркое выражение в мощном колхозном движении, которое в конце 1929 г. охватило миллионы крестьянских хозяйств, создавая *новое соотношение классовых сил в стране, превращая середняка, вступающего в колхоз, в опору советской власти, создавая условия для замены кулацкого производства хлеба производством совхозов и колхозов и позволяя партии от лозунга ограничения и вытеснения кулачества перейти к лозунгу ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.*

Съезд подчеркивает величайшее историческое значение этого лозунга, означающего штурм рабочего класса на *последний оплот капиталистической эксплуатации в стране. (Из резолюции XVI съезда ВКП(б), стр. 3, 8—9, Огиз «Московский рабочий», 1931 г.)*

Подмена механизмами материалистической диалектики теорией равновесия

Известно, например, что в науке об организмах, в *биологии*, говорят о *приспособлении*. Под приспособлением понимают такое положение вещей, при котором то, что приспосабливается к другому, может вместе с этим другим длительно существовать. Если например говорят, что какой-нибудь вид животных «приспособлен» к среде, это значит, что он может в этой среде выживать: он к ней прилажен, его свойства таковы, что они ему помогают удержаться и жить. Крот «приспособлен» к той обстановке, которая имеется под землей, рыба «приспособлена» к той обстановке, которая имеется в воде; но бросьте крота в воду или закопайте рыбу в землю — они тотчас же погибнут.

Сходное явление мы наблюдаем, однако, и в так называемой «мертвой» природе: земля, скажем, не падает на солнце, а бегает вокруг него, что называется «без задеву». Вся солнечная система имеет такое отношение к окружающему ее миру, что мо-

жет длительно существовать и т. д. Тут говорят обычно не о приспособленности, а о *равновесии* между телами, о равновесии между системами этих тел и пр.

Наконец, сходное явление мы наблюдаем и в обществе. Общество, худо ли, хорошо ли, живет в природе: оно более или менее к ней «приспособлено», так или иначе оно находится с ней в равновесии. И различные части общества все же, поскольку общество живет, так прилажены друг к другу, что возможно их одновременное существование: сколько лет существовал капитализм с капиталистами и рабочими!

Из всех этих примеров видно, что по сути дела речь идет об одном и том же, а именно о *равновесии*. Но если это так, то при чем же здесь противоречие и борьба? Как раз, наоборот: борьба и есть *нарушение* равновесия! К чему же было огорождать город? Однако все дело в том, что то *равновесие, которое мы наблюдаем в природе и обществе, это не абсолютное, не неподвижное равновесие, а равновесие подвижное*. Что это значит? Это значит, что равновесие устанавливается и тотчас нарушается, вновь устанавливается на *новой основе* и снова нарушается и т. д...

Иначе это можно сказать так. В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравниваются друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние «покоя», т. е. их действительная «борьба» остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутренние противоречия» обнаруживаются, происходит нарушение равновесия, и если на момент установится новое равновесие, оно установится на *новой основе*, т. е. при *другом* сочетании сил и т. д. Что же отсюда следует? *А отсюда и следует, что «борьба», «противоречия», т. е. антагонизмы различных сил обуславливают движение*.

С другой стороны, здесь же мы видим и *форму* этого процесса: это есть, во-первых, состояние равновесия; во-вторых, нарушение этого равновесия; в-третьих, восстановление равновесия на *новой основе*. А затем история повторяется сызнова: новое равновесие становится исходной точкой для нового его нарушения, затем следует опять иное равновесие и т. д. до бесконечности. В целом перед нами процесс движения, основой которого является развитие внутренних противоречий.

Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия — антитезисом, т. е. противоположением, восстановление равновесия на новой основе — синтезисом (объединяющим положением, в котором примиряются противоречия). Этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу («триаду»), он и назвал *диалектическим*...

Любую вещь — будь ли то камень, или живой предмет, или человеческое общество, или что-либо другое — мы можем рассматривать как нечто целое, состоящее из связанных друг с другом частей, элементов, другими словами, мы можем это целое рассматривать как *систему*. Каждая такая вещь (система) существует не в пустой дыре; ее окружают другие элементы природы, которые по отношению к ней называются *средой*. Для дерева в лесу средой будут все другие деревья, ручейки, земля, папоротники, трава, кустарник и прочее со всеми их свойствами. Для человека средой является прежде всего человеческое общество, *среди* которого (отсюда и слово «среда») он живет; для человеческого общества средой является внешняя природа и т. д. Между средой и системой существует постоянная связь; «среда» действует на «систему», «система», в свою очередь, действует на «среду». Мы должны поставить перед собой прежде всего один основной вопрос: каковы эти отношения между средой и системой; как их можно определить, каковы их формы; каково их значение для этой системы?

Здесь мы сразу же можем различить три главных типа этих отношений.

1. *Устойчивое равновесие.* Устойчивое равновесие бывает в том случае, когда взаимодействие между средой и системой выражается в неизменном положении вещей или в таком нарушении прежнего положения, которое вновь восстанавливается в прежней же форме. Например, предположим, что какой-нибудь вид животных живет в степи. Среда сама не изменяется. Для прокорма этого вида животных количество пищи не увеличивается и не уменьшается; количество хищных зверей остается таким же; всякие болезни, разносимые микробами (все ведь это «среда»!), остаются в прежних пропорциях. Что тогда получится? В общем и целом количество наших животных остается тем же: одни из них будут умирать или погибать от хищников, другие рождаться, но данный вид в *таких* условиях среды будет сохраняться таким же, каким он был. Здесь перед нами случай застоя. Почему? Потому что тут сохраняется неизменным *отношение* между системой (данный вид животных) и средой. Это случай устойчивого равновесия. Устойчивое равновесие не всегда есть полная неподвижность. Движение может быть, но здесь за нарушением равновесия следует его восстановление на *прежней* же основе. В таком случае противоречие между *средой* и системой постоянно воспроизводится *в том же самом количественном соотношении*.

Такой же случай мы будем иметь и с обществом застойного типа (подробно об этом речь будет идти ниже). Если *отношение* между обществом и природой остается тем же, т. е. если общество высасывает путем производства из природы столько же энергии, сколько тратит, тогда противоречие между обществом и природой тоже воспроизводится в прежней форме, общество топчется на месте, и мы имеем случай устойчивого равновесия.

2. *Подвижное равновесие с положительным знаком (развитие системы).* В действительности однако устойчивого равновесия не бывает. Это только воображаемый, только мыслимый или, как говорят, «идеальный» случай. На самом же деле отношение между средой и системой никогда не воспроизводится в той же самой пропорции. Другими словами: нарушение равновесия приводит в действительности не к восстановлению равновесия на точь-в-точь такой же основе, как раньше, а новое равновесие создается на *новой* основе. Предположим например (берем пример с нашими милыми животными, о которых мы говорили выше), что число хищников, которые их поедали, почему-либо уменьшилось, а количество пищи увеличилось. Тогда, несомненно, увеличится и число этих животных. Наша «система» будет расти; новое равновесие устанавливается на *вышей* основе. Здесь налицо *развитие*. Другими словами: противоречие между средой и системой количественно стало другим.

Если мы возьмем вместо животных человеческое общество и предположим, что отношение между ним и природой изменяется так, что общество путем производства высасывает из природы энергии больше, чем тратит (почва стала плодороднее, или появились новые орудия, или и то и другое), — тогда это общество будет *расти*, а не топтаться на месте. Новое равновесие будет каждый раз действительно новым. Противоречие между обществом и природой будет воспроизводиться каждый раз на новой «вышей» основе, и притом такой, когда система будет увеличиваться, развиваться. Здесь мы имеем случай подвижного равновесия, так сказать, с *положительным* знаком.

3. *Подвижное равновесие с отрицательным знаком (разрушение системы).* Может, однако, быть и совершенно обратный случай, а именно, когда новое равновесие устанавливается на «низшей» основе. Предположим например, что количество пищи сократилось для вида наших животных, или что увеличивается по какой-либо причине количество хищников. Тогда этот вид будет «вымирать». Равновесие между средой и системой будет каждый раз устанавливаться за счет отмирания части этой системы. Противоречие будет воспроизводиться на другой основе с *отрицательным* зна-

ком. Или случай с обществом. Предположим, что отношение между природой и обществом меняется в такую сторону, что общество вынуждено все больше тратить и меньше получать (истощается почва, ухудшается техника и т. д.). Тогда новое равновесие будет устанавливаться каждый раз на пониженной основе, за счет гибели части общества. Здесь будет движение с отрицательным знаком: общество будет обществом гибнущим, разлагающимся.

К этим трем случаям сводятся все мыслимые случаи. В основе движения, как мы видели, действительно лежит противоречие между средой и системой, которое постоянно воспроизводится.

Но вопрос имеет и другую сторону. До сих пор мы говорили только о противоречиях между средой и системой, о *внешних* противоречиях. Но есть и противоречия *внутренние*, внутри самой системы. Каждая система состоит из составных частиц (элементов), соединенных между собой так или иначе. Человеческое общество — из людей, лес — из деревьев и кустов, куча камней — из этих камней, стадо животных — из отдельных животных и т. д. И тут есть целый ряд противоречий, неслаженностей, неприспособленностей. И тут нет абсолютного равновесия. Если не бывает, строго говоря, абсолютного равновесия между средой и системой, то не бывает такого равновесия между элементами (частями) самой системы.

Лучше всего это видно на примере самой сложной системы, на примере человеческого общества. Разве не сталкиваемся мы здесь с бесконечным количеством противоречий? Борьба классов — самое яркое выражение «общественных противоречий», а мы знаем, что «борьба классов движет историю». Противоречия между классами, противоречия между группами, противоречия между идеалами, противоречия между тем, как люди трудятся и как они распределяют продукты труда, неслаженности в производстве (капиталистическая «анархия производства») — бесконечная цепь противоречий. Все это — противоречия внутри системы, вытекающие из противоречивого ее *строения* («структурные противоречия»). Но тем не менее эти противоречия сами по себе еще не уничтожают общества. Они *могут* его уничтожить (например, когда в гражданской войне гибнут оба борющиеся класса), но могут и не уничтожать до поры до времени.

В последнем случае должно иметься подвижное равновесие между элементами общества. В чем оно состоит — это составит предмет дальнейшего изложения. Сейчас же для нас важно понять одно. Нельзя вздорно рассматривать общество так, как это делает целый ряд буржуазных ученых, которые не видят противоречий внутри общества. Наоборот, научное рассмотрение общества предполагает, что мы рассматриваем его с точки зрения тех противоречий, которые в нем заложены. *Историческое «развитие» есть развитие противоречивое.*

Тут мы должны обратить наше внимание еще вот на какой факт, о котором нам придется не раз говорить в этой книге. Мы видели, что противоречия бывают двух родов: между средой и системой и между элементами самой системы. Есть ли какая-нибудь связь между этими двумя явлениями?

Стоит только хоть немного подумать над этим вопросом, чтобы ответить утвердительно: да, такая связь существует.

Ибо совершенно ясно, что внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и *средой*. Отношение между системой и средой есть решающая величина. Ибо все положение системы, основные формы ее движения (упадок, развитие, застой) определяются именно этим отношением.

В самом деле. Поставим вопрос таким образом: мы видели выше, что характер равновесия между обществом и природой определяет собой основную линию движения общества. Может ли при таких условиях внутреннее строение длительно разви-

ваться в противоположном направлении? Конечно, нет. Предположим, что нам дано развивающееся общество. Может ли при таких условиях внутреннее строение общества быть *все время* ухудшающимся? Конечно, нет. Если же оно по своему строению *при развитии* ухудшается, т. е. его внутренняя неслаженность начинает расти, это означает, что налицо выступило *новое противоречие*: противоречие между внешним и внутренним равновесием. Что тогда? Тогда, если общество и впредь будет развиваться, оно должно перестроиться: т. е. его внутренняя структура должна приспособиться к характеру внешнего равновесия. Следовательно, внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависящая от равновесия внешнего (есть «функция» этого внешнего равновесия)¹. (Бутарин, Теория исторического материализма, стр. 74—81, Гиз, 1929 г., изд. 7-е.)

Марксова критика механистической теории равновесия

Нет ничего легче, как уяснить себе источник неравномерности спроса и предложения и вытекающие отсюда отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей. Действительная трудность состоит в определении того, что следует понимать под выражением: предложение и спрос покрываются.

Предложение и спрос покрываются, если они находятся в таком отношении, что масса товаров определенной страсти производства может быть продана по ее рыночной стоимости, ни выше ни ниже. Вот первое, что нам говорят по этому поводу.

И, во-вторых, если товары продаются по их рыночной стоимости, то предложение и спрос покрываются.

Если предложение и спрос покрывают друг друга, то они перестают действовать, и именно потому товары продаются по их рыночной стоимости. Если две силы, равные по величине, действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не действуют вовсе, и явления, возникающие при этом условии, должны быть объяснены как-нибудь иначе, а не действием этих двух сил. Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной. Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения (независимо даже от более глубокого анализа этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрывают друг друга. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или, если и покрывают, то только случайно, следовательно, с научной точки зрения этот случай должен быть приравнен нулю, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном отвечающем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от того, чем они кажутся вследствие колебаний спроса и предложения. С другой стороны, для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, так сказать, фиксировать ее. Отклонения от равенства имеют противоположный характер и, так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравниваются благодаря противоположности своего направления, благодаря своему противоречию. Итак если спрос и предложение не покрываются взаимно ни в одном единственном случае, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом — ведь отклонение в одном направлении вызывает, как свой результат, отклонение

¹ Подчеркнуто бригадой. — Ред.

в противоположном направлении, — что, рассматривая итог движения за более или менее продолжительный период, мы находим полное равновесие между спросом и предложением; однако результат этот получается лишь как средняя совершившихся колебаний, лишь как постоянное движение их противоречия. Этим путем рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, уравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причем отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус. И эта средняя имеет отнюдь не одно только теоретическое значение, она представляет практическую важность для капитала, затраты которого рассчитаны на колебания и уравнивания в течение более или менее определенного периода времени. (*Маркс, Капитал, т. III, стр. 126—127, Партиздат, 1932 г.*)

Критика т. Сталиным теории равновесия

Вы, конечно, знаете, что среди коммунистов все еще имеет хождение так называемая теория «равновесия» секторов нашего народного хозяйства. Теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом. Однако она, эта самая теория, пропагандируется рядом наших товарищей из лагеря правых. По этой теории предполагается, что мы имеем прежде всего сектор социалистический, — это своего рода ящик, — и мы кроме того имеем сектор несоциалистический, если хотите — капиталистический, — это другой ящик. Оба эти ящика лежат на различных рельсах и мирно катятся вперед, не задевая друг друга. По геометрии известно, что параллельные линии не сходятся. Однако, авторы этой замечательной теории думают, что когда-нибудь эти параллели сойдутся, и, когда они сойдутся, у нас получится социализм. При этом теория эта упускает из виду, что за так называемыми «ящиками» стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы, борьбы на жизнь и смерть, борьбы по принципу «кто кого».

Нетрудно понять, что эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом. Нетрудно понять, что эта теория имеет объективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов. Однако, она, эта теория, имеет до сих пор хождение в нашей печати. И нельзя сказать, чтобы она встречала серьезный отпор, а тем более сокрушительный отпор со стороны наших теоретиков. Чем же иначе объяснить эту несообразность, как не отсталостью нашей теоретической мысли?

Между тем стоило только извлечь из сокровищницы марксизма теорию воспроизводства и противопоставить ее теории равновесия секторов, чтобы от этой последней теории не осталось и следа. В самом деле, марксистская теория воспроизводства учит, что современное общество не может развиваться, не накапливая из года в год, а накапливать невозможно без расширенного воспроизводства из года в год. Это ясно и понятно. Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильными шагами. Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьян-

ское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух *разных* основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства. Где же выход? Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать таким образом сельскохозяйственную базу народного хозяйства. Но как его укрупнить? Для этого существуют два пути. Существует путь *капиталистический*, состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь, ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами как путь, несовместимый с советским хозяйством. Существует другой путь, путь *социалистический*, состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к объединению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия. Мы стоим за этот второй путь.

Стало быть, вопрос стоит так: либо один путь, либо другой, либо *назад* — к капитализму, либо *вперед* — к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть. Теория «равновесия» есть попытка наметить третий путь. И именно потому, что она рассчитана на третий (несуществующий) путь, она является утопичной, антимарксистской.

Так вот, стоило только противопоставить теорию воспроизводства Маркса теории «равновесия» секторов, чтобы не осталось и следа от этой последней теории. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 443—445, изд. 9-я)

В чем состоит теоретическая основа этой слепоты и этой растерянности группы т. Бухарина?

Я думаю, что теоретической основой этой слепоты и растерянности является неправильный, немарксистский подход т. Бухарина к вопросу о классовой борьбе в нашей стране. Я имею в виду немарксистскую теорию т. Бухарина о вращении кулачества в социализм, непонимание механики классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата.

Здесь цитировали несколько раз известное место из книжки т. Бухарина «Путь к социализму» о вращении кулачества в социализм. Но оно цитировалось здесь с некоторыми пропусками. Позвольте процитировать его полностью. Это необходимо, товарищи, для того, чтобы продемонстрировать всю глубину отхода т. Бухарина от марксистской теории классовой борьбы. Слушайте:

«Основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа, ячеек, вращающихся в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем *звеньями единой цепи социалистического хозяйства*. С другой стороны, *кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же через банки и т. д. вращать в эту же систему*, но они будут до известной степени *чужеродным телом*, подобно, например, *концессионным предприятиям*»¹.

¹ Бухарин, *Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз*, стр. 49. Курсив мой. — И. Ст.

Цитируя это место из брошюры т. Бухарина, некоторые товарищи почему-то пропускали последнюю фразу о концессионерах. Тов. Розит, желая, видимо, помочь т. Бухарину, воспользовался этим и кричал здесь с места, что Бухарина искажают. А между тем суть всей цитаты состоит именно в последней фразе о концессионерах. Ибо если концессионеры ставятся на одну доску с кулаками, а кулаки врастают в социализм, то что из этого получается? Из этого получается только одно, а именно, что концессионеры также врастают в социализм, что не только кулаки, но и концессионеры врастают в социализм. (*Общий смех.*)

Вот что получается из этого, т. Розит.

Розит. У т. Бухарина сказано — «чужеродным телом».

Сталин. У Бухарина сказано, т. Розит, не «чужеродным телом», а «до известной степени чужеродным телом». Стало быть, кулаки и концессионеры являются «до известной степени» чужеродным телом в системе социализма. Но в том-то именно и состоит ошибка т. Бухарина, что кулаки и концессионеры, будучи «до известной степени» чужеродным телом, все же врастают в социализм. Вот до какой чепухи доводит теория т. Бухарина. Капиталисты города и деревни, кулаки и концессионеры, врастающие в социализм, — вот до какой глупости договорился т. Бухарин. Нег, товарищ, не нужно нам такого «социализма». Пусть возьмет его себе т. Бухарин.

До сих пор мы, марксисты-ленинцы, думали, что между капиталистами города и деревни, с одной стороны, и между рабочим классом, с другой стороны, существует *непримиримая* противоположность интересов. На этом именно и зиждется марксистская теория классовой борьбы. А теперь, согласно теории Бухарина *о мирном вращении* капиталистов в социализм, все это переворачивается вверх дном, непримиримая противоположность классовых интересов эксплуататоров и эксплуатируемых исчезает, эксплуататоры врастают в социализм. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 395—397, изд. 9-е.*)

Ревизия меньшевистствующим идеализмом марксистско-ленинского понимания закона единства противоположностей

Метафизика, исходившая из конечных, т. е. отвлеченных, односторонних определений рассудка, была *догматизмом*, потому что она из двух противоположных определений или утверждений принимала одно за необходимо истинное, другое — за необходимо ложное. «Догматизм всегда допускает только одно из двух противоположных определений: например, что мир или конечен, или бесконечен, но необходимо то или другое. Истинная, спекулятивная мысль не имеет только одностороннего определения и не исчерпывается им; она есть цельность и совмещает те определения, которые догматизм признает законченными и истинными в их раздельности». Разум, т. е. диалектическое мышление, примиряет те противоположные определения, которые рассудок признает несоединимыми и несовместимыми...

Не всякое различие ведет к противоположности; но всякая противоположность включает в себе момент различия. Различия бывают внешние и внутренние или *существенные*. О внешних различиях мы уже говорили. Внутренние или определенные различия означают те, которые раскрываются из природы самого тождества. Единство разворачивает скрытые в нем различия. Без этих различий конкретного единства не существует. «Противоположность есть *единство* тождества и различия». Различие в одном и том же отношении есть *противоположность*. В силу того, что определенные вещи тождественны по своей сущности, они противопоставляются друг другу и образуют, так сказать, крайние полюсы. Противоположности соотносятся друг с другом, с другой стороны, в своем единстве или тождестве. Утверждение формальной логики, что

между двумя противоположностями нет промежуточного третьего, что из двух противоположных предикатов только один свойственен каждой вещи, — неверно. «Обыкновенно думают, что положительное и отрицательное абсолютно различны». Но в действительности они составляют одно и то же понятие различия. Положительное и отрицательное взаимно обуславливают друг друга и существуют в соотношении друг с другом. Стало быть они связаны друг с другом. Диалектика имеет своей целью вскрыть внутреннюю связь всех вещей и «узнать необходимость вещей, так что каждая является в противоположности со *своей* другой вещью. Например, не должно думать, что неорганическая природа есть нечто другое, чем органическая; она есть ее *необходимое другое* (курсив мой. — А. Д.). Обе находятся в необходимой связи, и каждая из них существует только потому, что исключает другую и через это самое соотносится с нею».

Буржуазия и пролетариат — противоположные общественные классы. Но не следует думать, что они «равнодушны» друг к другу; напротив того, каждый видит в своем антагонисте *своего другого*, т. е. *свою необходимую противоположность*. Они не могут существовать друг без друга, и, следовательно, взаимно связаны. Каждый отражается в другом и существует лишь потому, что существует другой. Каждый класс видит в другом *свою* противоположность, своего другого, как выражается Гегель. Каждый полюс является одинаково и положительным и отрицательным. Положительный поэтому есть в то же время отрицательный, а отрицательный — положительный. Положительной стороной каждый полюс является потому, что он составляет *необходимое* определение целого. Но он является отрицательной стороной, поскольку он противоположен другому полюсу, своему антагонисту.

Противоположность переходит далее в *противоречие*, которое составляет новую ступень в процессе знания и развития мира. Вещи изменяются постепенно так, что противоположные определения принимают характер *противоречия*. «Начало *исключенного третьего*, — говорит Гегель, — начало, которое принадлежит отвлеченному рассудку, следовало бы заменить другим: «все содержит в себе противоречие». В самом деле, ни на небе, ни на земле, ни в мире природы, ни в мире духа нет ничего, к чему прилагались бы эти отвлеченные определения рассудка (то *или* другое). Все, что есть, обладает конкретно природою и, следовательно, содержит в себе различие и противоположность. Конечность вещей состоит именно в том, что их непосредственное бытие не соответствует тому, чем они суть в самих себе. Так, например, в неорганической природе кислота есть в самой себе *basis*, т. е. она существует только потому, что находится в связи со своим противоположным. И вследствие этого кислота не остается спокойной в своей противоположности, но стремится поставить себя тем, что она есть в самой себе. *Миром движет, вообще, противоречие*, и смешно говорить, что противоречие немыслимо. Но справедливо, что вещи не останавливаются на противоречии и что оно уничтожается по необходимости».

Противоположность содержит в себе противоречие, как возможность, в скрытом виде. Противоречие же есть *дейтельное* обнаружение противоположности, и только здесь скрытый антагонизм принимает форму «конфликта». Противоречие разрешается борьбой противоположностей, при которой дезорганизующий и организующий моменты действуют одновременно. Новая форма рождается и развивается именно в силу противоречия, путем отрицания старого...

Развитое *различие* есть *противоположность*; развитая противоположность есть *противоречие*. Противоположные вещи тождественны, ибо понятие противоположности применимо — и может быть применимо — лишь к однородному понятию. Светлое и темное тождественны, как виды света. Противоречие означает различие себя от самого себя. Каждая из двух сторон противоположности необходимо предполагает другую и требует *бытия* ее, как выражается Куно Фишер. Но одновременно каждая

сторона, будучи отрицанием второй, требует *небытия* другой. Следовательно, каждая сторона и полагает и отрицает другую сторону, относится к ней и положительно и отрицательно, следовательно сама и положительно и отрицательно, т. е. *требует своего собственного бытия и небытия*, или, иначе говоря, составляет *целую противоположность*, т. е. *противоположна самой себе*. В этой противоположности самому себе состоит *сущность противоречия*, как правильно формулирует Куньо Фалшер. Природой противоречия объясняется далее характер *разрешения* противоречия. Каждая из самостоятельных противоположностей «снимает себя и обращает себя в другую и тем самым уничтожается в основании». Все конечное противоречиво в самом себе, преходяще и должно возвратиться к своему основанию, т. е. к некоторой высшей форме. «Мыслящий разум, — говорит Гегель, — обостряет, так сказать, притупленное различие различного, простое многообразие представления, в *существенное* различие, в *противоположность*. Лишь таким путем многообразные, обостренные в противоречие, противопологаются энергически и жизненно и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть присущее самодвижению и жизненности биение пульса» («Логика»). Сентиментальная *нежность* к вещам заботится лишь о том, чтобы они себе не противоречили. Формальная логика и перенесла противоречие из жизни, из действительности в рассудок. Но от этого противоречие не перестает существовать все же в подлинной действительности. Однако питающие *нежность* забывают, что противоречия в истории, например, разрешаются суровой борьбой. Тогда все необходимые ступени развития — от простого тождества через различия и противоположности до исключającego противоречия — пройдены, тогда наступает эпоха «разрешения противоречий». (А. Деборин, *Философия и марксизм*, стр. 228, 231, 232, 233, Гиз, 1930 г.)

У. Закон перехода количества в качество и обратно

Количество и качество

Число есть чистейшее известное нам количественное определение. Но оно полно качественных различий. Гегель, количество и единица, умножение, деление, возведение в степень, извлечение корня. Благодаря этому получаются уже — на что не указывает Гегель — качественные различия: получаются первичные числа и произведения, простые корни и степени. 16 не есть просто сумма 16 единиц, оно также квадрат 4 и биквадрат 2. Мало того, первичные числа сообщают числам, получившимся путем умножения их на другие числа, новые определенные качества: только четные числа делятся на два, то же самое относится к 4 и 8. Для деления на три мы имеем правило о сумме цифр. То же самое в случае 9 и 6, где это сливается также со свойством четного числа. Для 7 — особый закон. На этом основываются фокусы с числами, которые не знающим арифметики кажутся непонятными. Поэтому то, что говорит Гегель (III, стр. 237) о бессмысленности арифметики, не верно. Ср. однако: «Мера».

Математика, говоря о бесконечно большом и бесконечно малом, вводит количественное различие, принимающее даже вид неустранимой качественной противоположности. Количества, которые так колоссально отличны друг от друга, что между ними прекращается *всякое* рациональное отношение, всякое сравнение, становятся количественно несоизмеримыми. Обычная несоизмеримость круга и прямой линии является также диалектическим качественным различием, но здесь именно *количественное* различие *однородных* величин возвышает *качественное* различие до несоизмеримости.

Число. Отдельное число получает известное качество уже в числовой системе, поскольку это 9 не есть просто суммированная девять раз 1, а основание для 90, 99, 900 000 и т. д. Все числовые законы зависят от положенной в основу системы и опре-

деляются ею. В двоечной и троечной системе 2×2 не $= 4$, а $= 100$ или $= 11$. В каждой системе с нечетным основным числом исчезает различие четных и нечетных чисел. Например, в пятеричной системе $5 = 10$, $10 = 20$, $15 = 30$. Точно так же в этой системе число $3n$, как и произведения ($6 = 11$, $9 = 14$) на 3 либо 9. Таким образом, коренное число определяет не только качество себя самого, но и всех прочих чисел.

В случае степеней дело идет еще дальше: каждое число можно рассматривать как степень всякого другого числа — существует столько систем логарифмов, сколько имеется целых и дробных чисел (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 47—48, 1932 г.)

Примеры из области физики и химии

1. Закон перехода количества в качество и обратно. Закон этот мы можем для своих целей выразить таким образом, что в природе могут происходить качественные изменения — точно определенным для каждого отдельного случая способом — лишь путем количественного прибавления, либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии).

Все качественные различия в природе основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения (энергии), либо — что имеет место почти всегда — на том и другом. Таким образом, невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнимания материи либо движения, т. е. без количественного изменения этого тела. В этой форме таинственное гегелевское положение не только приобретает рациональный вид, но кажется вполне ясным.

Нет никакой нужды указывать на то, что и различные аллотропические и агрегатные состояния тел, зависящие от различной группировки молекул, основываются на большем или меньшем количестве движения, сообщенного телу.

Но что сказать об изменении формы движения или так называемой энергии? Ведь когда мы превращаем теплоту в механическое движение, или наоборот, то здесь качество изменяется, а количество остается тем же самым? Это верно, но относительно изменения формы движения можно сказать то, что говорит Гейне о пороке: добродетельным может быть каждый про себя; для порока всегда необходимы два субъекта. Изменение формы движения является всегда процессом, происходящим, по меньшей мере, между двумя телами, из которых одно теряет определенное количество движения такого-то качества (например, теплоту), а другое приобретает соответствующее количество движения такого-то другого качества (механическое движение, электричество, химическое разложение). Следовательно, количество и качество соответствуют здесь друг другу взаимно. До сих пор еще не удалось превратить движение внутри отдельного изолированного тела из одной формы в другую. Здесь речь идет пока только о неорганических телах; этот же самый закон применим и к органическим телам, но он происходит при гораздо более запутанных обстоятельствах, и количественное измерение здесь еще и ныне часто невозможно.

Если мы возьмем любое неорганическое тело и мысленно будем делить его на все меньшие частицы, то сперва мы не заметим никакой качественной перемены. Но так процесс может идти только до известного предела: если нам удастся, как в случае испарения, высвободить отдельные молекулы, то хотя мы и можем в большинстве случаев продолжать и дальше делить эти последние, но при этом происходит полное изменение качества. Молекула распадается на свои отдельные атомы, у которых совершенно иные свойства, чем у нее. У молекул, которые состоят из различных химических элементов, место составной молекулы занимают атомы или молекулы этих элементов, у элементарных молекул появляются свободные атомы, обнаруживающие

совершенно отличные по качеству действия: свободные атомы кислорода *in statu nascenti* играючи производят то, что никогда не сделают связанные в молекулы атомы атмосферного кислорода.

Но и молекула уже отлична качественно от той массы, к которой она принадлежит. Она может совершать независимо от последней движения, в то время как эта масса кажется находящейся в покое; молекула может, например, совершать тепловые колебания; она может, благодаря изменению положения или связи с соседними молекулами, перевести тело в другое, аллотропическое или агрегатное, состояние и т. д.

Таким образом, мы видим, что чисто количественная операция деления имеет границу, в которой она переходит в качественное различие: масса состоит из одних молекул, но она по существу отлична от молекулы, как и последняя, в свою очередь, отлична от атома. На этом-то отличии и основывается обособление механики, как науки о небесных и земных массах, от физики, как механики молекул, и от химии, как физики атомов.

В механике мы не встречаем никаких качеств, а в лучшем случае состояния, как <покой> равновесие, движение, потенциальная энергия, которые все основываются на измеримом перенесении движения и могут быть выражены количественным образом. Поэтому, поскольку здесь происходит качественное изменение, оно обуславливается соответствующим количественным изменением.

В физике тела рассматриваются как химически неизменные или безразличные; мы имеем здесь дело с изменениями их молекулярных состояний и с переменной формы движения, при которой во всех случаях вступают в действие — по крайней мере, на одной из обеих сторон — молекулы. Здесь каждое изменение есть переход количества в качество — следствие количественного изменения присущего телу или сообщенного ему количества движения какой-нибудь формы. «Так, например, температура воды не имеет на первых порах никакого значения по отношению к ее капельно-жидкому состоянию; но при увеличении или уменьшении температуры жидкой воды наступает момент, когда это состояние сцепления изменяется, и вода превращается в одном случае в пар, в другом — в лед» (*Hegel, Enzyklopädie, Gesamtausgabe, Band VI, S. 217*). Так, необходим определенный минимум силы тока, чтобы платиновая проволока стала давать свет; так, у каждого металла имеется своя теплота плавления; так, у каждой жидкости имеется своя определенная, при данном давлении, точка замерзания и кипения, поскольку мы в состоянии при наших средствах добиться соответствующей температуры; так, наконец, у каждого газа имеется критическая точка, при которой соответствующим давлением и охлаждением можно превратить его в жидкое состояние. Одним словом, так называемые константы физики суть большею частью не что иное, как названия узловых точек, где количественное <изменение> прибавление или убавление движения вызывает качественное изменение в состоянии соответствующего тела, — где, следовательно, количество переходит в качество.

Но открытый Гегелем закон природы празднует свои величайшие триумфы в области химии. Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава. Это знал уже сам Гегель (*Hegel, Gesamtausgabe, B. III, S. 433*). Возьмем кислород; если в молекулу здесь соединяются три атома, а не два, как обыкновенно, то мы имеем перед собой озон — тело, определенно отличающееся своим запахом и действием от обыкновенного кислорода. А что сказать о различных пропорциях, в которых кислород соединяется с азотом или серой и из которых каждая дает тело, качественно отличное от всех других тел! Как отличен веселящий газ (закись азота N_2O) от азотного ангидрида (двуазотистой азота N_2O_5)! Первый — это газ, второй, при обыкновенной температуре, — твердое кристаллическое тело! А между тем все отличие между ними по составу заключается в том, что во втором теле в пять раз больше кислорода, чем в первом, и между обоими

закljučаются еще другие окисы азота (NO , N_2O_3 , N_2O_7), которые все отличаются качественно от них обоих и друг от друга.

Еще поразительнее обнаруживается это в гомологичных рядах углеродистых соединений, особенно в случае простейших углеводо́в. Из нормальных парафинов простейший это — метан CH_4 . Здесь 4 единицы сродства атома углерода насыщены 4 атомами водорода. У второго парафина — этана C_2H_6 — два атома углерода связаны между собой, а свободные 6 единиц связи насыщены 6 атомами водорода. Дальше мы имеем C_3H_8 , C_4H_{10} , — словом, по алгебраической формуле, $\text{C}_n\text{H}_{2n+2}$, так что благодаря прибавлению каждый раз группы CH_2 мы получаем тело, качественно отличное от предыдущего тела. Три низших члена ряда — газы, высший известный нам, гексадекан, $\text{C}_{16}\text{H}_{34}$, это — твердое тело с точкой кипения 270°C . То же самое можно сказать о выведенном (теоретически) из парафинов рядо первичных алкогoлей с формулой $\text{C}_n\text{H}_{2n+2}\text{O}$ и об одноосновных жировых кислотах (формула $\text{C}_n\text{H}_{2n}\text{O}_2$). Какое качественное различие приносит с собой количественное прибавление C_3H_6 , можно узнать на основании опыта: достаточно принять в каком-нибудь пригодном для питья виде, без примеси других алкогoлей, винный спирт $\text{C}_2\text{H}_6\text{O}$, а в другой раз принять тот же самый винный спирт, но с небольшой примесью амильного спирта $\text{C}_5\text{H}_{12}\text{O}$, являющегося главной составной частью гнусного сивушного масла. На следующее утро наша голова почувствует, к ущербу для себя, разницу между обоими случаями, так что можно даже сказать, что охмеление и следующее за ним похмелье от сивушного масла (главная составная часть которого, как известно, амильный спирт) является тоже перешедшим в качество количеством: с одной стороны, винного спирта, а с другой — прибавленного к нему C_3H_6 .

В этих рядах гегелевский закон выступает перед нами еще в другой форме. Нижние члены его допускают только одно-единственное взаимное расположение атомов. Но если число объединяющихся в молекулу атомов достигает некоторой определенной для каждого ряда величины, то группировка атомов в молекулы может происходить несколькими способами: могут появиться два или несколько изомеров, заключающих в молекуле одинаковое число атомов C , H , O , но качественно различных между собой. Мы в состоянии даже вычислить, сколько подобных изомеров возможно для каждого члена ряда. Так, в ряду парафинов для C_4H_{10} существуют два изомера, для C_5H_{12} — три; для высших членов число возможных изомеров возрастает очень быстро <как это также можно вычислить>. Таким образом, опять-таки количество атомов в молекуле обуславливает возможность, а также — поскольку это показано на опыте — реальное существование подобных качественно различных изомеров.

Мало того. По аналогии с знакомыми нам в каждом из этих рядов телами мы можем строить выводы о физических свойствах неизвестных нам еще членов такого ряда и предсказывать с некоторой степенью уверенности — по крайней мере, для следующих за известными нам членами тел — эти свойства, например точку кипения и т. д.

Наконец, закон Гегеля имеет силу не только для сложных тел, но и для самих химических элементов. Мы знаем теперь, «что химические свойства элементов являются периодической функцией атомных весов» (*Roscoe-Schorlemmer, Ausführliches Lehrbuch der Chemie, II Band, S. 823*), что, следовательно, их качество обусловлено количеством их атомного веса. Это удалось блестящим образом подтвердить. Менделеев показал, что в рядах сродных элементов, расположенных по атомным весам, имеются различные пробелы, указывающие на то, что здесь должны быть еще открыты новые элементы. Он наперед описал общие химические свойства одного из этих неизвестных элементов, — названного им экаалюминием, потому что в соответствующем ряду он следует непосредственно за алюминием, — и предсказал приблизительным образом его удельный и атомный вес и его атомный объем. Несколько лет спустя Лекок-де-Буабодран действительно открыл этот элемент, и оказалось, что предска-

зания Менделеева оправдались с незначительными отклонениями: акаалюминий воплотился в галлий (там же, стр. 828). Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверрье, вычислившего орбиту еще неизвестной планеты — Нептуна.

Этот самый закон подтверждается на каждом шагу в биологии и в истории человеческого общества, но мы предпочитаем ограничиваться примерами из области точных наук, ибо здесь количество можно указать и точно измерить.

Весьма вероятно, что те самые господа, которые до сих пор ославляли закон перехода количества в качество как мистицизм и непонятный трансцендентализм, теперь найдут нужным заявить, что это — само собой разумеющаяся, банальная и плоская истина, что они ее применяли уже давно и что, таким образом, им не сообщают здесь ничего нового. Но установление впервые всеобщего закона развития природы, общества и мысли в форме общезначимого начала останется навсегда подвигом всемирно-исторического значения. И если эти господа в течение многих лет позволяли количеству переходить в качество, не зная того, что они делали, то им придется искать утешения вместе с мольтеровским господином Журданом, который тоже всю свою жизнь говорил прозой, не догадываясь об этом ¹. (Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 125—129, 1932 г.)

Всеобщность закона перехода количества в качество

...Мы должны быть благодарны г. Дюрингу за то, что он, в виде исключения, покидает возвышенный и благородный стиль, чтобы дать нам, по крайней мере, два примера превратного учения Маркса о логосе.

«Разве не комична, например, ссылка на смутно-туманное представление Гегеля о том, что количество переходит в качество и что поэтому сумма денег, достигшая известных пределов, становится, благодаря одному этому количественному увеличению, капиталом?»

Конечно, в таком «очищенном» г. Дюрингом изложении эта мысль довольно курьезна. Но посмотрим, что написано в оригинале у Маркса. На стр. 313 (2-е изд. «Капитала») Маркс выводит из предшествующего исследования о постоянном и переменном капитале и о прибавочной стоимости заключение, что «не всякая произвольная сумма денег или каких бы то ни было стоимостей может быть превращена в капитал; но что для такого превращения в руках отдельного владельца денег или товаров должен находиться известный минимум денег или каких-нибудь меновых стоимостей». Он, далее, говорит, что если, например, в какой-либо отрасли труда рабочий в среднем работает 8 часов на самого себя, т. е. для воспроизведения стоимости своей заработной платы, а следующие четыре часа — на капиталиста, для производства притекающей в карман последнего прибавочной стоимости, то в этом случае хозяин, чтобы жить, при помощи присвояемой им прибавочной стоимости, так, как существуют его рабочие, — уже должен располагать такой суммой стоимостей, которая была бы достаточна для снабжения двух рабочих сырым материалом, орудиями труда и заработной платой. А так как капиталистическое производство имеет своей целью не просто поддержание жизни, но увеличение богатства, то хозяин с двумя рабочими все еще не капиталист. Чтобы жить хотя бы вдвое лучше, чем обыкновенный рабочий, и иметь возможность превращать половину произведенной прибавочной стоимости в капитал, он уже должен быть в состоянии нанимать 8 рабочих, т. е. владеть суммой

¹ В рукописи следует после этого страница с выдержками из «Логики Гегеля о ничто» и «отрицании», далее три страницы с вычислениями формул законов движения.

в 4 раза большей, чем в первом случае. И только после этих, и притом еще более подробных, рассуждений для освещения и обоснования того факта, что не каждая любая незначительная сумма стоимости достаточна для превращения ее в капитал и что в этом отношении каждый период развития и каждая отрасль промышленности имеет свою минимальную границу, — только после всего этого Маркс замечает: «Здесь, как и в естествознании, *подтверждается* верность открытого Гегелем в его «Логике» закона, что чисто количественные изменения в известном пункте переходят в качественные различия».

А теперь можно насладиться более возвышенным и благородным стилем, которым пользуется г. Дюринг, приписывая Марксу противоположное тому, что он сказал в действительности. Маркс говорит: тот факт, что сумма стоимости может превратиться в капитал лишь тогда, когда достигнет известной, хотя и различной в зависимости от обстоятельств, но в каждом данном случае определенной минимальной величины, — этот факт является *доказательством правильности* гегелевского закона. Дюринг же навязывает Марксу следующее утверждение: *так как*, согласно закону Гегеля, количество переходит в качество, то «*поэтому* известная сумма денег, достигнув определенной границы, становится... капиталом». Следовательно, как раз наоборот.

С обыкновением неверно цитировать, «в интересах полной истины» и «во имя обязанностей перед свободной от цеховых уз публикой», мы познакомились уже при разборе г. Дюрингом произведений Дарвина. Чем дальше, тем больше такой прием оказывается необходимо присущим философии действительности и во всяком случае представляет весьма «суммарный прием». Я не говорю уже о том, что г. Дюринг приписывает Марксу, будто бы он говорит о любой затрате, тогда как речь идет лишь о такой затрате, которая употреблена на сырой материал, орудия труда и заработную плату; таким путем г. Дюринг заставлял Маркса говорить чистую бессмыслицу. И после этого он еще осмеливается находить комичной им же самим изготовленную нелепость. Как он сотворил фантастического Дарвина, чтобы на нем испытать свою силу, так и в этом случае он состряпал фантастического Маркса. Воистину «изложение истории в высоком стиле».

Мы видели уже выше в мировой схематике, что с этой гегелевской узловой линией количественных отношений, по смыслу которой на известных пунктах количественного изменения внезапно наступает качественное превращение, г. Дюринга постигло маленькое несчастье, именно, что он в эту минуту слабости сам признал и применил ее. Мы при этом случае привели один из известнейших примеров — пример изменчивости агрегатных состояний воды, которая при нормальном атмосферном давлении и при температуре 0° С переходит из жидкого состояния в твердое, а при 100° С — из жидкого в газообразное, так что, следовательно, на этих обоих поворотных пунктах простое количественное изменение температуры приводит к качественному изменению воды.

Мы могли бы привести как из природы, так и из жизни человеческого общества еще сотни подобных фактов для доказательства этого закона. Так, например, в «Капитале» Маркса, в 4-м отделе (производство относительной прибавочной стоимости, кооперация, разделение труда и мануфактура, машины и крупная промышленность), упоминается множество случаев, в которых количественное изменение преобразует качество вещей и точно так же качественное преобразование изменяет количество их, так что, употребляя ненавистное для г. Дюринга выражение, «количество переходит в качество, и наоборот». Таков, например, факт, что кооперация многих лиц, слияние многих отдельных сил в одну общую силу, создает, говоря словами Маркса, «новую силу», которая существенно отличается от суммы составляющих ее отдельных сил.

Ко всему этому Маркс в том месте, которое г. Дюринг в интересах истины вывернул наизнашку, прибавил еще следующее примечание: «Примененная в современной

химии, впервые научно развитая Лораном и Жераром молекулярная теория основывается именно на этом законе». Но что значит это для г. Дюринга? Ведь он знает, что «в высокой степени современные образовательные элементы естественно-научного метода мышления отсутствуют именно там, где, как у г. Маркса и его соперника Лас-сала, познание и некоторое философствование составляют скудную научную аму-ницию». Напротив того, у Дюринга в основе лежат «главные завоевания точного зна-ния в области механики, физики, химии» и т. д., а в каком виде, мы это уже видели. Но чтобы и третьи лица могли составить себе мнение об этом, мы намерены рассмо-треть ближе пример, приведенный в названном примечании Маркса.

Там идет речь о гомологических рядах углеродистых соединений, из которых уже очень многие известны и из которых каждое имеет свою собственную алгебраи-ческую формулу состава. Если мы, как это принято в химии, обозначим атом углеро-да через С, атом водорода — через Н, атом кислорода — через О, а число заключающих-ся в каждом соединении атомов углерода через n , то мы можем представить молеку-лярные формулы для некоторых из этих рядов в таком виде:

$C_n H_{2n+2}$ — ряд нормальных парафинов.

$C_n H_{2n+2} O$ — ряд первичных спиртов.

$C_n H_{2n} O_2$ — ряд одноосновных жирных кислот.

Если мы возьмем в виде примера последний из этих рядов и примем последова-тельно $n=1$, $n=2$, $n=3$ и т. д., то получим следующий результат (отбрасывая изо-меры):

CH_2O_2	— муравьиная кисл. —	точка кип.	100°,	точка плавл.	1°.
$C_2H_4O_2$	— уксусная кисл. —	»	118°,	»	17°.
$C_3H_6O_2$	— пропионовая кисл. —	»	140°,	»	—
$C_4H_8O_2$	— масляная кисл. —	»	162°,	»	—
$C_5H_{10}O_2$	— валериановая кисл. —	»	175°,	»	—

и т. д. до $C_{30}H_{60}O_2$ — мелиссиновая кислота, которая расплавляется только при 89° и не имеет вовсе точки кипения, так как она вообще не может улету-читься, не разрушаясь.

Здесь мы видим, таким образом, целый ряд качественно различных тел, образо-ванных простым количественным прибавлением элементов, притом всегда в одном и том же отношении. В наиболее чистом виде это явление выступает там, где все со-ставные элементы изменяют свое количество в одинаковом отношении, как, например, в нормальных парафинах $C_n H_{2n+2}$; самый низший из них метан CH_4 — газ; высший же из известных гексадекан $C_{16}H_{34}$ — твердое тело, образующее бесцветные кристал-лы, плавящиеся при 21° и кипящие только при 278°. В том и другом ряде каждый новый член образуется прибавлением CH_2 , т. е. одного атома углерода и двух атомов водорода, к молекулярной формуле предыдущего члена, и это количественное изме-нение молекулярной формулы образует каждый раз качественно отличное тело.

Но эти ряды представляют только особенно наглядный пример: почти повсюду в химии, например на различных окисях азота, на различных кислотах фосфора или серы, мы можем видеть, как «количество переходит в качество», и этим мнимо запу-танное «туманное представление Гегеля», так сказать, может быть нащупано в вещах и явлениях, причем, однако, никто не остается запутанным и туманным, кроме г. Дю-ринга. И если Маркс первый обратил внимание на это явление и если г. Дюринг про-чел это, ничего не поняв (ибо иначе он, конечно, не позволил бы себе своей неслыхан-ной дерзости), то этого достаточно, чтобы, и не заглядывая более в знаменитую дю-рингову «Натурфилософию», выяснить, кому недостает «в высокой степени современ-ных образовательных элементов естественно-научного метода мышления» — Марксу

или г. Дюрингу, и кто из них не обладает достаточным знакомством с главными основаниями химии.

В заключение мы намерены призвать еще одного свидетеля в пользу превращения количества в качество, именно Наполеона. Последний следующим образом описывает бой плохо ездившей верхом, но дисциплинированной французской кавалерии с мамелюками, этими в то время безусловно лучшими в единоборстве, но недисциплинированными всадниками: «Два мамелюка безусловно превосходили трех французов; 100 мамелюков были равноценны 100 французам; 300 французов обыкновенно одерживали верх над 300 мамелюками, а 1 000 французов уже всегда разбивали 1 500 мамелюков». Подобно тому как у Маркса определенный, хотя и изменчивый, минимум суммы меновой стоимости необходим, чтобы сделать возможным ее превращение в капитал, точно так же у Наполеона известная минимальная величина конного отряда необходима, чтобы дать проявиться силе дисциплины, заключающейся в сомкнутом строю и планомерности действия, и чтобы подняться до превосходства даже над более значительными массами нерегулярной кавалерии, лучше сражающейся и лучше едущей верхом и, по крайней мере, столь же храброй. Не говорит ли это что-либо против г. Дюринга? Разве Наполеон не пал позорно в борьбе с Европой? Разве он не терпел поражение за поражением? А почему? Не потому ли, что он ввел запутанное и туманное представление Гегеля в кавалерийскую тактику! (Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 88—91, 1932 г.)

Примеры из области общественного производства

Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собою процессах труда, называется *кооперацией*.

Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвуют одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, напр., требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие. Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение много более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила.

Но мы помним той новой силы, которая возникает из-слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и всеобразное повышение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц. Вследствие этого 12 лиц в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый или один рабочий в течение двенадцати последовательных дней труда. Причина этого заключается в том, что человек по самой своей природе есть животное, если не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное.

Хотя многие одновременно или совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного лица как часть совокупного труда может представлять различные фазы известного процесса труда, через которые обрабатываемый предмет, вследствие кооперации, пробегает быстрее,

Так, напр., если каменщики образуют последовательный ряд для того, чтобы передавать кирпичи от основания строящегося здания до его вершины, то каждый из них делает одно и то же, и тем не менее их отдельные операции представляют непрерывные ступени одной общей операции, особые фазы ее, которые каждый кирпич должен пройти в процессе труда и благодаря которым кирпич, пройдя через две дюжины рук коллективного рабочего, скорее доставляется на место, чем в том случае, если бы его переносили две руки единичного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них. Предмет труда пробегает то же самое пространство в более короткое время. С другой стороны, комбинированный труд осуществляется и в том случае, если, напр., к постройке здания приступают одновременно с разных концов, хотя бы кооперирующие работники совершали при этом один и тот же или однородный труд. При комбинированном рабочем дне в 144 часа предмет труда подвергается обработке одновременно с разных сторон, так как комбинированный или коллективный рабочий имеет глаза и руки и спереди и сзади, обладает в известной мере всездесуцием. При этом совокупный продукт подвигается к своему окончанию быстрее, чем в двенадцать двенадцатичасовых рабочих дней более или менее изолированных рабочих, которые вынуждены приступать к предмету труда более односторонне. Здесь одновременно созревают пространственно различные части продукта,

Мы подчеркиваем, что многие дополняющие друг друга рабочие совершают одинаковую или однородную работу, так как эта простейшая форма совместного труда играет крупную роль и в наиболее развитых видах кооперации. Если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно, совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта.

Во многих отраслях производства бывают критические моменты, т. е. известные, определяемые самой природой рабочего процесса периоды времени, в течение которых необходимо должен быть достигнут определенный трудовой результат. Если требуется, напр., остричь стадо овец или сжать и убрать известное количество моргенов хлеба, то количество и качество получаемого продукта зависит от того, будет ли данная операция начата и закончена в известный момент времени. Промежуток времени, в течение которого должен быть совершен процесс труда, предопределен здесь заранее, как, напр., при ловле сельдей. Отдельный человек не может выкроить из суток больше одного рабочего дня, скажем, в 12 часов, тогда как кооперация из 100 человек расширяет двенадцатичасовой день в рабочий день, вмещающий в себе 1 200 часов. Краткость срока труда компенсируется величиной массы труда, выбрасываемой в решительный момент на арену труда. Своевременное получение результата зависит здесь от одновременного применения многих комбинированных рабочих дней, размеры полезного эффекта — от числа рабочих; последнее однако всегда менее числа тех рабочих, которые, работая изолированно, смогли бы в течение того же самого времени произвести ту же самую работу. Недостаток в такого рода кооперации является причиной, почему на западе Соединенных штатов ежегодно пропадает масса хлеба, а в тех частях Ост-Индии, где английское владычество разрушило старую общину, — масса хлопка.

Кооперация, с одной стороны, позволяет расширять пространственную сферу труда и потому при известных процессах труда ее требует уже самое расположение предметов труда в пространстве; так напр., она необходима при осушительных работах, постройке плотин, работах по орошению, при проведении каналов, грунтозных, железных дорог и т. п. С другой стороны, кооперация позволяет относительно, т. е. по сравнению с масштабом производства, пространственно сузить область производства. Это ограничение пространственной сферы труда при одновременном расширении

сферы его воздействия, позволяющее сберечь значительную часть непроизводительных издержек производства (*faux frais*), порождается сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства.

По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней комбинированный рабочий день производит большие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения известного полезного эффекта. В каждом отдельном случае такое повышение производительной силы труда может достигаться различными способами: или повышается механическая сила труда, или расширяется пространственно сфера ее воздействия, или арена производства пространственно суживается по сравнению с масштабом производства, или в критический момент приводится в движение большое количество труда в течение короткого промежутка времени, или пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их *animal spirit* (жизненная энергия), или однородные операции многих людей получают печать непрерывности и многосторонности, или различные операции начинают выполняться одновременно, или средства производства экономизируются благодаря их совместному употреблению, или индивидуальный труд приобретает характер среднего общественного труда. Но во всех этих случаях специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочими стирает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции. (К. Маркс, *Капитал*, т. I, стр. 243—246, Партиздат, 1932 г.)

Простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дает резкое повышение производительности труда

В своем недавнем выступлении в печати («Год великого перелома») я развивал известные аргументы за превосходство крупного хозяйства в земледелии перед мелким хозяйством, имея в виду крупные совхозы. Нечего и доказывать, что все эти аргументы относятся целиком и полностью и к колхозам как к крупным хозяйственным единицам. Я говорю не только о колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и о колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь. Я имею в виду те первичные колхозы, которые создаются ныне в районах сплошной коллективизации и которые опираются на простое сложение крестьянских орудий производства. Взять, например, колхозы в районе Хопра в бывшей Донской области. С виду эти колхозы как будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики. В чем выразился этот эффект? В том, что переход на рельсы колхозов дал расширение посевной площади на 30, 40 и 50%. Чем объяснить этот «головокружительный» эффект? Тем, что крестьяне, будучи бессильны в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия и объединившись в колхозы. Тем, что крестьяне получили возможность обработать трудно обрабатываемые в условиях индивидуального труда заброшенные земли и целину. Тем, что крестьяне получили возможность взять целину в свои руки. Тем, что получилась возможность пустить в ход пустырь, отдельные клочки, межи и т. д. и т. п. (И. Сталин. *Вопросы ленинизма*, стр. 449—450, изд. 9-е.)

Скачок

«От механики с ее давлением и толчком до связи ощущений и мыслей простирается одна единая и единственная скала промежуточных состояний». Это утверждение

освобождает г. Дюринга от необходимости сказать что-нибудь более подробное о возникновении жизни; между тем от мыслителя, который проследил развитие мира вплоть до равного самому себе состояния и который чувствует себя, как дома, на других мировых телах, мы в праве были бы ожидать, что он и здесь знает настоящее слово. Впрочем, само это утверждение, если не дополнить его упомянутой уже гегелевской узловой линией отношений меры, верно лишь наполовину. При всей постепенности переход от одной формы движения к другой является всегда скачком, решающим поворот. Таков переход от механики небесных тел к механике небольших масс на них; таков переход от механики масс к механике молекул, обнимающей движения, которые мы изучаем в том, что называют физикой в собственном смысле слова: теплота, свет, электричество, магнетизм, точно так же переход от физики молекул к физике атомов — химии — совершается посредством решительного скачка; еще более относится это к переходу от обыкновенного химического действия к химизму белков, называемому нами жизнью. Внутри сферы жизни скачки делаются все более редкими и незаметными. Таким образом опять-таки Гегель должен поправлять господина Дюринга. (Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 46, 1932 г.)

Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия. (*«Ленинский сборник» XII, стр. 237.*)

VI. Закон отрицания отрицания

«Этот исторический очерк (генезиса так называемого первоначального накопления капитала в Англии) представляет сравнительно самое лучшее место в книге Маркса и был бы еще лучше, если бы он не опирался кроме научных еще и на диалектические костыли. Именно гегелевскому отрицанию отрицания приходится здесь, за недостатком лучших и более ясных средств, играть роль акушерки, которая выводит будущее из недр прошлого. Упразднение индивидуальной собственности, которое совершалось с XVI в. указанным способом, представляет первое отрицание. За ним следует второе, которое характеризуется как отрицание отрицания и, вместе с тем, как восстановление «индивидуальной собственности», но в высшей форме, основанной на общем владении землей и орудиями труда. Если эта новая «индивидуальная собственность» названа у Маркса в то же время общественной собственностью, то в этом проявляется известное гегелевское высшее единство, в котором противоречие «снимается», т. е. по известной игре слов противоречие должно быть одновременно и превзойдено и сохранено... Экспроприация экспроприаторов является, по Марксу, как бы автоматическим результатом исторической действительности в ее материально внешних отношениях... Едва ли какой-либо разумный человек даст себя убедить в необходимости общности земли и капитала из доверия к гегельянской болтовне об отрицании отрицания... впрочем, туманные межеумочные марксовы представления не удивят того, кто знает, какой результат может выйти из гегелевской диалектики как научной основы, или, вернее, какая бестолковщина должна из нее получиться. Для незнакомого с этим искусством нужно подчеркнуть, что первое отрицание у Гегеля является заимствованным из катехизиса понятием о грехопадении, а второе есть понятие об искуплении, ведущем к высшему единству. Конечно, логика фактов не может быть основана на чудачьей аналогии, взятой из религиозной области... Г-н Маркс остается погруженным в туманный мир своей, одновременно индивидуальной и общественной, собственности и предоставляет своим адептам самим разрешить глубокомысленную диалектическую загадку». Так говорит г. Дюринг.

Итак, необходимость социальной революции, создание строя, основанного на общественной собственности на землю и на произведенные трудом средства производства, Маркс не может доказать иначе, как ссылкой на гегелевское отрицание отрицания, и, основывая свою социалистическую теорию на этой заимствованной у религии чудачьей аналогии, он приходит к тому результату, что в будущем обществе будет господствовать одновременно индивидуальная и общественная собственность, как гегельянское высшее единство «снятого» противоречия.

Оставим пока в стороне отрицание и взглянем на «одновременно индивидуальную и общественную собственность». Последняя охарактеризована г. Дюрингом как «туманный мир», и в этом он, к удивлению, оказывается действительно правым. Но, к сожалению, в этом туманном мире пребывает не Маркс, но опять-таки сам г. Дюринг. Подобно тому как раньше он сумел, благодаря своему искусству в пользовании «безумным» гегелевским методом, без труда установить, что должны содержать в себе еще не оконченные томы «Капитала», так и здесь он без большого труда исправил Маркса по Гегелю, приписывая ему высшее единство собственности, о котором Маркс не говорит ни слова.

У Маркса говорится: «Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает индивидуальную собственность, но на основе завоеваний капиталистической эры, т. е. на основе кооперации свободных работников и их общей собственности на землю и на произведенные их трудом средства производства. Превращение основанной на собственном труде, раздробленной частной собственности отдельных лиц в собственность капиталистическую, естественно, представляет процесс несравненно более медленный, сопряженный с страданиями и более тягостный, чем превращение фактически уже основывающейся на общественном производстве капиталистической частной собственности в собственность общественную». Вот и все. Таким образом, положение, создаваемое экспроприацией экспроприаторов, характеризуется здесь как восстановление индивидуальной собственности, но *на основе общественной собственности на землю и на произведенные самим трудом средства производства*. Для всякого, кто умеет понимать прочитанное, это значит, что общественная собственность распространяется на землю и на другие средства производства, а индивидуальная собственность — на продукты, следовательно — на предметы потребления. А для того, чтобы это было понятно даже детям шестилетнего возраста, Маркс предлагает на стр. 56 представить себе «союз свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и затрачивают свои индивидуальные рабочие силы как общественную рабочую силу», т. е. представить себе социалистически организованный союз, и затем говорит: «Совокупность продуктов труда союза есть продукт общественный. Часть этого продукта служит вновь в роли средств производства. Она *остается общественной*. Другая же часть потребляется членами союза в виде жизненных средств. Она *поэтому должна быть разделена между ними*». Все это, казалось бы, должно быть ясно даже для запутавшегося в гегельянстве г. Дюринга.

Одновременно индивидуальная и общественная собственность, это смутное межеумочное понятие, эта бестолковщина, долженствующая получиться в гегелевской диалектике, этот туманный мир, эта глубокомысленная диалектическая загадка, разрешить которую Маркс предоставил своим адептам, — все это опять-таки оказывается свободным творчеством и воображением г. Дюринга. А Маркс, в качестве мнимого гегельянца, обязывается отыскать, в виде результата отрицания отрицания, истинное высшее единство, а так как он это делает не по вкусу г. Дюринга, то последний опять должен впасть в свой возвышенный и благородный стиль и приписать Марксу, в интересах полной истины, такие вещи, которые представляют собственное изделие г. Дюринга. Человек, который так абсолютно неспособен, хотя бы в виде исключения, цитировать правильно, должен, разумеется, впа-

дать в нравственное негодование по поводу «китайской учености» других людей, которые без исключения цитируют правильно, но именно этим «плохо прикрывают недостаток понимания общей идеи цитируемого писателя в каждом данном случае». Прав г. Дюринг. Да здравствует «изложение истории в высоком стиле»!

До сих пор мы исходили из того предположения, что упорное фальшивое цитирование г. Дюринга происходит, по крайней мере, вполне добросовестно и покоится либо на его собственной абсолютной неспособности разума, или же зависит от свойственной «изложению истории в высоком стиле» привычки цитировать на память, которую принято обыкновенно называть просто «неряшливой». Но тут, кажется, мы дошли до того пункта, где у Дюринга количество начинает переходить в качество. Ибо, если мы примем во внимание, во-первых, что это место у Маркса само по себе изложено совершенно ясно и к тому же дополняется еще другим, абсолютно не допускающим недоразумений, пояснением в той же книге; во-вторых, что ни в вышеупомянутой критике «Капитала» (в «Ergänzungsblätter»), ни в критике, помещенной в первом издании «Критической истории», г. Дюринг не открыл этого чудовища — «одновременно индивидуальной и общественной собственности», но только во втором издании ее, т. е. уже при третьем чтении «Капитала»; и что только в этом втором, переработанном на социалистический лад, издании г. Дюринг счел необходимым приписать Марксу всевозможный вздор о будущей организации общества, очевидно для того, чтобы, в свою очередь, сказать о себе торжествующим тоном (что он и делает): «хозяйственную общину, которую я охарактеризовал экономически и юридически в моем курсе...», — если мы примем в соображение все это, то сам собою навязывается вывод, что г. Дюринг в этом случае с умыслом «благотельно развил» мысли Маркса, т. е. благотельно для самого г. Дюринга.

Какую же роль играет у Маркса отрицание отрицания? На странице 791 и следующих он резюмирует окончательные результаты произведенного на предшествующих 50 страницах экономического и исторического исследования о так называемом первоначальном накоплении капитала. В докапиталистическую эру, по крайней мере в Англии, существовало мелкое производство на основе частной собственности работника на средства производства. Так называемое первоначальное накопление капитала заключалось в экспроприации этих непосредственных производителей, т. е. в разложении частной собственности, основывавшейся на труде собственника. Это стало возможным потому, что вышеупомянутое мелкое производство совместимо только с ограниченным тесными естественными пределами состоянием производства и общества, и поэтому, на известной высоте своего развития, само создает материальные средства для своего собственного уничтожения. Это уничтожение, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно-сконцентрированные, образует предисторию капитала. Как только рабочие превращены в пролетариев, а средства производства — в капитал, как только капиталистический способ производства стал на собственные ноги, — дальнейшее стремление к обобществлению труда, обобществлению земли и других средств производства, а следовательно, и дальнейшая экспроприация частных собственников, принимает новую форму. «Теперь остается экспроприировать уже не ведущих собственное хозяйство работников, но капиталиста, эксплуатирующего многих рабочих. Эта экспроприация совершается действием имманентных законов самого капиталистического производства, а именно вследствие концентрации капиталов. Один капиталист постепенно побивает многих других. Рука об руку с этой концентрацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается все в больших и больших размерах кооперативная форма рабочего процесса, сознательное техническое приложение науки, целесообразная эксплуатация земли, превращение орудий труда в такие, которые могут прилагаться только

сообща, и экономизирование всех средств производства посредством употребления их как общих средств производства комбинированного общественного труда. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые похищают и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастают бедность, гнет, порабощение, унижение, эксплуатация, но также и возмущение рабочего класса, который постоянно растет и постоянно обучается, объединяется и организуется самим механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится узам⁸ того способа производства, который развился вместе с ней под ее влиянием. Концентрация средств производства и обобществление труда достигли такой степени, что они не могут более выносить своей капиталистической оболочки. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют!»

Теперь я спрашиваю читателя: где те диалектически кудреватые хитросплетения и арабески мысли, где то путаное и превратное представление, согласно которому, в конце концов, все едино есть, где диалектические чудеса для верующих, где диалектическая таинственная чепуха и те хитросплетения, по шаблонам учения о логосе, без которых Маркс, по мнению г. Дюринга, не может построить ход исторического развития? Маркс просто доказывает исторически, а здесь вкратце резюмирует, что как некогда мелкое производство необходимо должно было создать путем собственного развития условия своего уничтожения, т. е. экспроприацию мелких собственников, так и теперь капиталистический способ производства точно так же сам создал те материальные условия, от которых он должен погибнуть. Это — процесс исторический, а если он в то же время диалектический процесс, то это вина не Маркса, как бы это фатально ни было для г. Дюринга.

Только теперь, после того как Маркс покончил со своим историко-экономическим доказательством, он продолжает: «Капиталистический способ производства и присвоения, а потому и капиталистическая частная собственность, является первым отрицанием индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им же самим с необходимостью естественного процесса. Это — отрицание отрицания» и т. д. (следует вышеупомянутое место).

Итак, если Маркс называет этот процесс отрицанием отрицания, он вовсе не думает о том, чтобы доказать этим историческую необходимость процесса. Напротив того, после того как он исторически доказал, что этот процесс частью уже совершился и частью еще должен совершиться, — только после этого он характеризует его еще как процесс, совершающийся согласно известному диалектическому закону. Вот и все. Следовательно, опять-таки только исказив смысл учения Маркса, г. Дюринг может утверждать, что отрицанию отрицания приходится в данном случае выполнять акушерскую роль для извлечения будущего из недр прошлого, или говорить, что Маркс требует, чтобы убеждение в необходимости общности земли и капитала (что уже представляет само воплощенное противоречие г. Дюринга) строилось на основании веры в отрицание отрицания.

О полном непонимании природы диалектики свидетельствует уже один тот факт, что г. Дюринг признает ее орудием простого доказательства, подобно тому как при ограниченном понимании можно считать таковым формальную логику или элементарную математику. Даже формальная логика представляет, прежде всего, метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному, и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет диалектика, которая к тому же содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения, так как она прорывает тесный горизонт формальной логики. В математике существует такое же отношение. Элементарная математика, математика постоянных величин, движется,

по крайней мере в целом и общем, в границах формальной логики; математика переменных величин, существеннейший отдел которой составляет исчисление бесконечно малых, есть в сущности не что иное, как применение диалектики к математическим отношениям. Простое доказательство отступает здесь совершенно на задний план в сравнении с многообразными применениями метода к новым областям исследования. И почти все доказательства высшей математики, начиная с первых доказательств дифференциального исчисления, являются, с точки зрения элементарной математики, строго говоря, неверными. Это и не может быть иначе, если добытые в диалектической области данные хотят доказать посредством формальной логики. Пытаться доказать такому заядлому метафизику, как г. Дюринг, что-либо посредством одной диалектики было бы таким же даром потраченным трудом, каким был труд Лейбница и его учеников, доказывавших тогдашним математикам теоремы исчисления бесконечно малых. Дифференциал вызывал в них такие же судороги, какие вызывает в Дюринге отрицание отрицания, в котором, впрочем, дифференциал тоже, как мы увидим, играет некоторую роль. В конце концов, эти господа, поскольку они не умерли тем временем, ворча сдались, — не потому, что были убеждены, а потому, что даваемые дифференциальным исчислением решения были всегда верны. Г-н Дюринг, как сам он рассказывает, достиг только 40 лет, и если — чего мы ему желаем — он доживет до глубокой старости, то еще, может быть, переживет то же самое.

Но что же такое, все-таки, это ужасное отрицание отрицания, которое так управляет жизнью г. Дюринга и является в его глазах таким же ужасным преступлением, как у христиан грех против духа святого? В сущности очень простая, повсюду ежедневно совершающаяся процедура, которую может понять всякий ребенок, если только сорвать с нее мистическую ветошь, в которую ее закутывала старая идеалистическая философия и в которой ее продолжают сохранять только беспомощные метафизики, вроде г. Дюринга.

Возьмем, например, ячменное зерно. Биллионы таких зерен размалываются, развариваются, идут на приготовление пива, а затем потребляются. Но если одно такое ячменное зерно найдет нормальные для себя условия, если попадет на благоприятную почву, то под влиянием теплоты и влажности с ним произойдет изменение — оно даст росток; зерно, как таковое, исчезает, отрицается; на место его появляется выросшее из него растение, отрицание зерна. Но каков нормальный круговорот жизни этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и, наконец, производит вновь ячменные зерна, и, как только последние созреют, стебель отмирает, отрицается в свою очередь. Как результат этого отрицания отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не одно, а сам-десять, сам-двадцать или тридцать. Хлебные злаки изменяются крайне медленно, так что современный ячмень почти совершенно подобен ячменю прошлого века. Но возьмем какое-нибудь пластическое декоративное растение, например далию или орхидею; если мы будем искусственно воздействовать на семя и развивающееся из него растение, то, как результат этого отрицания отрицания, мы получим не только большее количество семян, но и качественно улучшенное семя, могущее производить более красивые цветы, и каждое повторение этого процесса, каждое новое отрицание отрицания увеличивает это совершенство. Так же, как и с ячменным зерном, процесс этот совершается и у большинства насекомых, например у бабочек. Они появляются из яйца путем отрицания его, проходят через различные фазы превращения до половой зрелости, совокупляются и вновь отрицаются, т. е. умирают, как только завершился процесс продолжения рода и самки положили множество яиц. Что у других растений и животных процесс разрешается не так просто, что они не единожды, но много раз производят семена, яйца или детенышей, прежде чем умрут, — все это нас здесь не касается; нам только нужно было показать, что отрицание отрицания действительно происходит в обоих царствах

органического мира. Далее, вся геология представляет ряд отрицаний, подвергшихся отрицанию, ряд последовательных разрушений старых и отложения новых горных формаций. Сначала первичная, возникшая от охлаждения жидкой массы земная кора размельчается океаническими, метеорологическими и атмосферно-химическими воздействиями, и эти размельченные массы отлагаются слоями на дне морском. Местные поднятия морского дна над поверхностью моря вновь подвергают частп этого первого отложения воздействиям дождя, перемены температуры, в зависимости от времен года, воздействиям кислорода и углерода атмосферы; подобным же воздействиям подвергаются вырывающиеся из недр земли, прорывающиеся отложения расплавленные, впоследствии охлаждающиеся каменные массы. В течение миллионов столетий, таким образом, образуются все новые и новые слои, по большей части вновь и вновь разрушаясь и снова и снова служа материалом для образования новых слоев. Но результат этого процесса весьма положителен: образование почвы, составленной из разнообразнейших химических элементов, находящихся в состоянии механического раздробления, благоприятствующем значительной и разнообразной растительности.

Так же точно и в математике. Возьмем любую алгебраическую величину a . Если мы отрицаем ее, мы получим $-a$ (минус a). Если же мы подвергнем отрицанию это отрицание, помножив $-a$ на $-a$, то получим $+a^2$, т. е. первоначальную положительную величину, но на высшей ступени, именно во второй степени. И в этом случае не имеет значения, что то же самое a^2 мы можем получить умножением положительного a на само себя. Ибо отрицаемое отрицание a так прочно пребывает в a^2 , что последнее при всяких обстоятельствах имеет два квадратных корня, именно $+a$ и $-a$. И эта невозможность отделяться от отрицания отрицания, от содержащегося в квадрате отрицательного корня получает очень осязательное значение уже в квадратных уравнениях. Еще резче отрицание отрицания выступает в высшем анализе, в тех «суммированиях бесконечно малых величин», которые сам г. Дюринг объявляет наивысшими математическими операциями и которые на обычном языке называются дифференциальным и интегральным исчислением. Как производятся эти виды исчисления? Например, у нас в известной задаче имеются две переменные величины x и y , из которых одна не может изменяться без того, чтобы и другая не изменилась в определенном условиях задачи отношении. Я дифференцирую x и y , т. е. принимаю их столь бесконечно малыми, что они исчезают по сравнению со сколь угодно малой действительной величиной, что от x и y не остается ничего, кроме взаимного их отношения, лишнего, так сказать, всякой материальной основы, остается количественное отношение лишнее всякого количества. Следовательно, $\frac{dy}{dx}$, т. е. отношение обоих дифферен-

циалов x и y , равно $\frac{0}{0}$, но это $\frac{0}{0}$ выражает собою $\frac{y}{x}$. Упомяну лишь мимоходом,

что это отношение двух исчезнувших величин, этот фиксированный момент их исчезновения, представляет собой противоречие; но оно должно нас тревожить так же мало, как оно вообще мало тревожило математику в течение почти 200 лет. Итак, что же я делаю, дифференцируя, как не то, что я отрицаю x и y , но только не в том смысле, что мне до них нет дела, как отрицает метафизика, а отрицаю соответственно обстоятельствам дела? Именно вместо x и y я имею в данных формулах или уравнениях их отрицание dx и dy . Затем я привожу дальнейшие действия с этими формулами, обращаюсь с dx и dy как с величинами действительными, хоть и подверженными некоторым исключительным законам, и в известном пункте я отрицаю отрицание, т. е. интегрирую дифференциальную формулу, вместо dx и dy вновь получаю действительные величины x и y и тем самым не просто возвращаюсь к исходному моменту,

но разрешаю задачу, на которой обыкновенные геометрия и алгебра, быть может, понапрасну обломали бы себе зубы.

Не иначе обстоит дело и с историей. Все культурные народы начинают с общинной собственности на землю. У всех народов, которые перешли известную ступень первобытного состояния, общинная собственность начинается, по мере развития земледелия, сковывать производство. Она отменяется, отрицается. и после более или менее долгих промежуточных стадий превращается в частную собственность. Но на высшей ступени развития земледелия, достигаемой благодаря господству частной собственности на землю, последняя, в свою очередь, налагает оковы на производство, и это в настоящее время наблюдается как в мелком, так и в крупном землевладении. Отсюда необходимо возникает требование отрицания частной земельной собственности, превращения ее в собственность общественную. Но это требование не означает восстановления первобытной общинной собственности, но установление более высшей, более развитой формы общего владения, которое не только не является препятствием для производства, но, наоборот, впервые освобождает последнее от оков и дает ему возможность сполна использовать современные химические открытия и механические изобретения.

Или же еще пример. Античная философия представляла первобытный, естественный материализм. Как таковой она не была способна выяснить отношение мысли к материи. Но необходимость выяснения этого вопроса привела к учению об отдельной от тела душе, далее — к утверждению бессмертия этой души, наконец, к монотеизму. Старый материализм был, таким образом, отрицаем идеализмом. Но при дальнейшем развитии философии идеализм также оказался несостоятельным и отрицается современным материализмом. Последний — отрицание отрицания — не представляет собой простого воскрешения старого материализма, но к прочным основам последнего присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, равно как и самой этой двухтысячелетней истории. Вообще он уже не является философией, но просто мировоззрением, которое ищет доказательств и проявляется не в особой науке наук, но в самих реальных науках. Философия, таким образом, «снята», т. е. «схоронена», «одновременно уничтожена и сохранена». Уничтожена формально, сохранена по своему действительному содержанию. Таким образом, там, где г. Дюринг видит только «игру слов», оказывается, при более внимательном наблюдении, реальное содержание.

Наконец, даже учение Руссо о равенстве, бледным искаженным снимком которого является учение г. Дюринга, — даже оно не могло быть построено без того, чтобы гегелевское отрицание отрицания не сыграло акушерской роли (и это еще более чем за 20 лет до рождения Гегеля). И весьма далекое от того, чтобы стыдиться этого, учение Руссо, в первом своем изложении, можно сказать, блистательно обнаруживает печать своего диалектического происхождения. В естественном и диком состоянии люди были равны, а так как Руссо уже на возникновение речи смотрит как на искажение естественного состояния, то он имел полное право приписывать равенство и тем гипотетическим людям-животным, которых в новейшее время Геккель назвал *alali* — лишенными речи. Но эти равные меж собой люди-животные имели одно преимущество перед прочими животными: способность совершенствования, дальнейшего развития, и эта способность стала причиной неравенства. Итак, Руссо видит в возникновении неравенства прогресс. Но этот прогресс был антагонистичен, он в то же время был и регрессом. «Все дальнейшие успехи представляли собою только кажущийся прогресс в направлении усовершенствования отдельного человека, на самом же деле этот прогресс шел в направлении упадка рода человеческого. Обработка металлов и земледелие были теми двумя искусствами, открытие которых вызвало эту громадную революцию» (т. е. превращение первобытных лесов в обрабо-

танную землю, но вместе с тем также господство нищеты и рабства, созданных установлением собственности). «С точки зрения поэта, золото и серебро, а с точки зрения философа — железо и хлеб цивилизовали людей, но и погубили человеческий *род*». Каждый новый прогрессивный шаг цивилизации есть в то же время и прогресс неравенства. Все учреждения, которые создает для себя общество, возникшее вместе с цивилизацией, превращаются в нечто противоположное своей первоначальной цели. «Бесспорно — и это составляет основной закон всего государственного права, — что народы создали себе государей для охраны своей свободы, а не для ее уничтожения». И тем не менее, говорит Руссо, эти правители необходимо становились угнетателями народов, и их угнетение усиливается до того момента, когда неравенство, достигшее крайней степени, вновь превращается в свою противоположность, становясь причиной равенства: перед деспотом все равны, именно каждый равен нулю. «Тут — высшая степень неравенства, *та конечная точка, которая замыкает круг и соприкасается с начальной точкой, от которой мы исходили*: здесь все частные люди снова становятся равными членами, но только потому, что они представляют собой ничто, и подданные не имеют другого закона, кроме воли господина». Но деспот является господином, пока на его стороне сила, а потому, «если его изгоняют, он не может жаловаться на насилие... Насилие его поддерживало, насилие его и свергает, все идет своим правильным и естественным путем». И, таким образом, неравенство вновь превращается в равенство, но не в старое естественное равенство первобытных людей, лишенных языка, а в высшее равенство — общественного договора. Угнетатели подвергаются угнетению. Это — отрицание отрицания.

Мы здесь, таким образом, имеем уже у Руссо не только рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в «Капитале», но и в подробностях мы видим целый ряд тех же диалектических оборотов, какими пользуется Маркс: процессы, которые антагонистичны по своей природе, содержат в себе противоречие, превращение известной крайности в свою противоположность и, наконец, как основу всего — отрицание отрицания. Если, следовательно, Руссо в 1754 г. не мог еще говорить «гегелевским жаргоном», то, во всяком случае, он, за 23 года до рождения Гегеля, глубоко был заражен гегелевским ядом, диалектикой противоречия, учением о логосе, геологией и т. д. И если г. Дюринг, опошлив теорию Руссо, затем философствует о равенстве при помощи своих двух мифических личностей, то все-таки и он оказывается на наклонной плоскости, с которой безнадежно скользит в объятия отрицания отрицания. Строй, в котором процветает равенство двух лиц и который при этом представлен как строй идеальный, назван на стр. 271 «Курса философии» «первобытным строем». Но этот первобытный строй на стр. 279 необходимым образом заменяется «системой грабежа» — таково первое отрицание. Наконец, теперь благодаря философии действительности мы дошли до того пункта, когда мы уничтожаем систему грабежа и вводим на ее место открытую г. Дюрингом, покоящуюся на равенстве хозяйственную коммуны. Таким образом мы приходим к отрицанию отрицания, к равенству на высшей ступени. Забавное, благотворительно расширяющее кругозор зрелище: сам г. Дюринг всемилоостивейше совершает смертный грех — отрицание отрицания.

Итак, что такое отрицание отрицания? Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления; закон, который, как мы видели, проявляется в царстве животном и растительном, в геологии, в математике, в истории, в философии и которому вынужден, сам того не ведая, подчиниться г. Дюринг, несмотря на весь свой форс и важничанье. Поняв по само собой, что я еще ничего не говорю о том *особенном* процессе развития, который, например, проходит ячменное зерно, от прорастания до умирающего плодородного растения, если скажу, что это — отрицание отрицания. Ибо так как такое же отрицание

отрицания представляет, например, интегральное исчисление, то, ограничиваясь этим общим утверждением, я мог бы утверждать такую нелепицу, будто процесс жизни ячменного колоса есть интегральное исчисление или, если хотите, социализм. Эту-то нелепость и приписывают постоянно метафизики диалектике. Если я о всех этих процессах говорю, что они представляют отрицание отрицания, то я лишь обнимаю их одним этим законом развития и именно из-за этого оставляю без внимания особенности каждого отдельного специального процесса. Диалектика ведь представляет собой не более как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления.

Однако нам могут возразить: приведенное здесь отрицание не есть действительное отрицание; я отрицаю ячменное зерно и в том случае, если я его размалываю, насекомое — если я его раздавливаю, положительную величину a — если я ее вычеркиваю и т. д. Или я отрицаю положение — роза есть роза, сказав: роза не есть роза; и что выйдет из того, что я вновь отрицаю это отрицание, говоря: роза все-таки есть роза? Таковы, действительно, главные аргументы метафизиков против диалектики, вполне достойные ограниченности их способа мышления. В диалектике отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или же уничтожить ее по произволу. Уже Спиноза говорил: *omnis determinatio est negatio* — всякое ограничение, или определение, есть в то же время отрицание. И, далее, способ отрицания определяется здесь, во-первых, общей, а во-вторых, особенной природой данного прогресса. Я должен не только отрицать, но также затем «снять» это отрицание. Следовательно, первое отрицание я должен произвести таким образом, чтобы было или стало возможным второе отрицание. Но как этого достигнуть? Это — смотря по особой природе каждого отдельного случая. Если я размолот ячменное зерно или раздавил насекомое, то я хотя и совершил первый акт отрицания, но и сделал невозможным второй. Для каждой категории предметов имеется, таким образом, особый, ему свойственный, способ такого отрицания, чтобы из него получилось развитие; точно так же и для каждой категории представлений и понятий. В исчислении бесконечно малых отрицание происходит иначе, чем в получении положительной степени из отрицательных корней. Этому приходится научиться, как и всему прочему. Зная только, что ячменный колос и исчисление бесконечно малых обнимаются понятием «отрицание отрицания», я не могу ни успешно вырастить ячмень, ни дифференцировать и интегрировать, точно так же, как знание одних только законов зависимости звуков от размеров струн не дает мне возможности играть на скрипке. Ясно, однако, что при таком отрицании отрицания, которое состоит в детском занятии попеременно ставить a , затем его вычеркивать, или попеременно утверждать о розе, что она есть роза и что она не есть роза, — что при таком занятии не выяснится ничего, кроме глупости того, кто предпринимает подобную скучную процедуру. А между тем метафизики хотят нас уверить, что раз мы желаем совершить отрицание отрицания, то его надлежит произвести именно таким образом.

Итак, опять-таки не кто иной, как г. Дюринг, мистифицирует нас, утверждая, что отрицание отрицания представляет собою чуждающую аналогию с грехопадением и искуплением, изобретенную Гегелем и заимствованную им из сферы религии. Люди рассуждали диалектически задолго до того, как узнали, что такое диалектика, так же, как говорили прозой уже задолго до того, как появилось слово «проза». Закон отрицания отрицания, который осуществляется бессознательно в природе и истории, а также, пока он не познан, и в нашем мышлении, лишь впервые резко формулировал Гегелем. А если г. Дюринг, как оказывается, сам втихомолку пользуется диалектикой, но ему только не нравится это название, — так пусть он отыщет лучшее. Если же он намерен изгнать из мышления самую суть дела, то вместе с тем он должен изгнать диалектическое развитие из природы и истории и изобрести такую математику, в кото-

рой — $a \times - a$ не дает $+ a^2$, а также издать закон, в силу которого дифференцирование и интегрирование были бы воспрещены под страхом наказания. (Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 91—101, изд. 1932 г.)

Как Михайловский искажает отношение марксистов к диалектике

«...Сущность исторического хода вещей,—продолжает г. Михайловский,—неуловимая вообще, не уловлена и доктриной экономического материализма, хотя она описывается, повидимому, на два устоя: на открытие всеопределяющего значения форм производства и обмена и на «непререкаемость диалектического процесса».

Итак, материалисты опираются на «непререкаемость» диалектического процесса! т. е. основывают свои социологические теории на триадах Гегеля. Мы имеем перед собой то шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса. Не будучи в состоянии возразить что-нибудь по существу против доктрины, эти господа уцеплялись за способ выражения Маркса, нападали на происхождение теории, думая тем подорвать ее сущность. И г. Михайловский не церемонится прибегать к подобным приемам. Поводом для него послужила одна глава в сочинении Энгельса против Дюринга. Возражая Дюрингу, нападавшему на диалектику Маркса, Энгельс говорит, что Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, что Маркс только изучал и исследовал действительный процесс, что он единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью. Если же, дескать, при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему: положение — отрицание — отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость. И Энгельс начинает приводить примеры из области естественно-исторической (развитие зерна) и общественной — вроде того, что-де сначала был первобытный коммунизм, затем частная собственность и потом капиталистическое обобществление труда; или сначала примитивный материализм, потом идеализм и, наконец, научный материализм и т. п. Для всякого очевидно, что центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, что настаивание на диалектике, подбор примеров, доказывающих верность триады, — не что иное, как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений. В самом деле, раз заявлено категорически, что «доказывать» триадами что-нибудь — нелепо, что об этом никто и не помышлял, — как кое значенке могут иметь примеры «диалектических» процессов? Не ясно ли, что это — указание на происхождение доктрины, и ничего больше. Г-н Михайловский сам чувствует это, говоря, что происхождение теории не доводится ставить ей в вину. Но чтобы видеть в рассуждениях Энгельса нечто большее, чем происхождение теории, надо было бы, очевидно, доказать, что хоть один исторический «вопрос» разрешен материалистами не на основании соответствующих фактов, а посредством триад. Попытался ли доказать это г. Михайловский? Ничуть не бывало. Напротив, он сам вынужден был признать, что «Маркс до такой степени наполнил пустую диалектическую схему фактическим содержанием, что «ее можно снять с этого содержания, как крышку с чашки, ничего не изменив» (об исключении, которое делает тут г. Михайловский насчет будущего, мы еще ниже скажем). Если так, то к чему же возится г. Михайловский с таким усердием с этой ничего не изменяющей крышкой? К чему толкует, что материалисты «опираются» на непререкаемость диалектического процесса? К чему заявляет он, воюя с этой крышкой, что он воюет против одного из «устоев» научного социализма, тогда как это прямая неправда?

Само собой разумеется, что я не стану следить за тем, как разбирает г. Михай-

ловский примеры триад, потому что, повторяю, никакого отношения ни к научному материализму, ни к русскому марксизму это не имеет. Но интересен вопрос: какие же все-таки были основания у г. Михайловского, чтобы так исказить отношение марксистов к диалектике? Оснований было два: во-первых, г. Михайловский слышал звон, да не знает, откуда он; во-вторых, г. Михайловский совершил (или, вернее, присвоил от Дюринга) еще о ну передержку.

Ad 1)¹ Читая марксистскую литературу, г. Михайловский постоянно натывался на «диалектический метод» в общественной науке, на «диалектическое мышление» опять-таки в сфере общественных вопросов, «о которой только и идет речь» и т. п. В простоте душевной (хорошо еще, если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития. Отношение диалектического метода к метафизическому (под каковое понятие подходит, без сомнения, и субъективный метод в социологии) мы ниже постараемся иллюстрировать на примере собственных рассуждений г. Михайловского. Теперь же отметим только, что всякий, прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса ли (в полемике против Дюринга, по-русски: «Развитие социализма из утопии в науку»), или у Маркса (различные примечания в «Капитале», «Послесловие» ко 2-му изданию, «Нищета философии») — увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций. В доказательство приведу, *in extenso*², описание диалектического метода, сделанное в «Вестнике Европы» 1872 г. за № 5 (заметка: «Точка зрения политико-экономической критики К. Маркса»), которое Маркс цитирует в «Послесловии» ко 2-му изданию «Капитала». Маркс говорит там, что метод, который он употребил в «Капитале», был плохо понят. «Немецкие рецензенты кричали, понятно, о гегелевской софистике». И вот, чтобы яснее изложить свой метод, Маркс приводит описание его в указанной заметке. «Для Маркса одно важно, — говорится там, — именно найги закон тех явлений, которые он исследует, и-притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой. Поэтому Маркс заботится об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полной те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего, — все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. (К сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической

¹ — к 1-му пункту. — *Ред.*

² — полностью. — *Ред.*

именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами.) Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, объективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития. Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет из себя явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом».

Вот описание диалектического метода, которое Маркс выудил из бездн журнальных и газетных заметок о «Капитале» и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна. Спрашивается, упоминается ли тут хоть бы словом о триадах, трихотомиях, непрерывности диалектического (метода) процесса и т. п. чепухе, против которой так рыцарски воюет г. Михайловский? И Маркс вслед за этим описанием прямо говорит, что его метод — «прямо противоположен» методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяют собой развитие действительности. Только в этом случае, разумеется, и можно толковать о значении триад, о непрерывности диалектического процесса. По-моему — наоборот — говорит Маркс: «Идеальное есть только отражение материального». И все дело сводится таким образом к «позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития»: для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи («я кокетничал гегелевским языком» — говорит Маркс в этом же послесловии), которой способны интересоваться одни филистеры. Как же, спрашивается теперь, должны мы судить о человеке, который пожелал критиковать один из «устоев» научного материализма, т. е. диалектику, и стал говорить обо всем, что вам угодно, даже о лягушках и Наполеоне, но только не о том, в чем состоит эта диалектика, не о том, действительно ли развитие общества есть естественно-исторический процесс? правильно ли материалистическое понятие об общественно-экономических формациях, как особых социальных организмах? верны ли приемы объективного анализа этих формаций? действительно ли общественные идеи не определяют собой общественного развития, а сами определяются им? и т. д. Можно ли допустить в этом случае одно только непонимание?

Ad 2) После такой «критики» диалектики г. Михайловский подсовывает Марку эти приемы доказывания «посредством» гегелевской триады и, конечно, победоносно воюет против них,

«Относительно будущего, — говорит он, — имманентные законы общества поставлены исключительно диалектически». (В этом и состоит упомянутое выше исключение.)

Рассуждение Маркса о неизбежности экспроприации экспроприаторов в силу законов развития капитализма носит «исключительно диалектический характер». «Идеал» Маркса об общности земли и капитала «в смысле неизбежности и несомненности держится исключительно на конце гегелевской трехчленной цепи».

Этот довод «целиком взят» у Дюринга, проводившего его в своей «*Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus*» (3-тe Aufl., 1879, S. 486—487). При этом г. Михайловский ни словом не упоминает о Дюринге. Может быть, впрочем он самостоятельно додумался до этого перевираания Маркса?..

Читатель видит, что вся эта прекрасная отповедь Энгельса Дюрингу целиком относится и к г. Михайловскому, утверждающему точно так же, что будущее у Маркса держится исключительно на конце гегелевской цепи и что убеждение в его неизбежности может основываться только на вере. (Нелишне, кажется, отметить по этому поводу, что все это разъяснение Энгельса помещено в той же главе, где он рассуждает о зерне, об учении Руссо и других примерах диалектического процесса. Казалось бы, одного сопоставления этих примеров с такими ясными и категорическими заявлениями Энгельса (и Маркса, которому читана была предварительно рукопись этого сочинения), что не может быть и речи о том, чтобы «доказывать» что-нибудь триадами, или о том, чтобы подсовывать в изображение действительного процесса «условные члены» этих триад, — совершенно достаточно, чтобы понять нелепость обвинения марксизма в гегелевской диалектике.)

Все различие между Дюрингом и г. Михайловским сводится к двум следующим небольшим пунктам: во-первых, Дюринг, несмотря на то, что он без пены у рта не может говорить о Марксе, тем не менее счел необходимым в следующем параграфе своей «Истории» упомянуть о том, что Маркс в «Послесловии» категорически отвергает обвинение в гегельянстве. Г-н же Михайловский об этом (вышеприведенном) совершенно определенном и ясном изложении Марксом того, что он понимает под диалектическим методом, умолчал.

Во-вторых. Вторая оригинальность г. Михайловского состоит в том, что он сосредоточил все внимание на употреблении времен глаголов. Почему, говоря о будущем, Маркс употребляет настоящее время? — с победоносным видом спрашивает наш философ. Об этом вы можете справиться в каждой грамматике, достоуважаемый критик: вам скажут, что настоящее употребляется вместо будущего, когда это будущее представляется неизбежным и несомненным. Но почему же это, почему оно несомненно? — тревожится г. Михайловский, желая изобразить такое сильное волнение, чтобы оно могло оправдать даже передержку. И на этот счет Маркс дал совершенно определенный ответ. Можно считать его недостаточным или неверным, но тогда надо показать, «в чем именно» и «почему именно» он неверен, а не говорить вздора о гегельянстве. (В. И. Ленин, *Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов* (1894 г.), Соч., т. I, стр. 82—87, 92 изд., 1926 г.)

Русские социал-демократы воеют между собой тоже по Гегелю

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был, за малым исключением, один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.,

Каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрязге¹, но затем начинается «отрицание отрицания», и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой, в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтезиз, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю. (В. И. Ленин, *Шаг вперед, два шага назад*, Соч., т. VI, стр. 324—325—326, изд. 3-е.)

Отрицание как момент развития

Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не *скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики. (*Ленинский сборник* IX, стр. 285, изд. 1-е.)

VII. Категории материалистической диалектики

Общая характеристика категорий материалистической диалектики

Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею. (*Ленинский сборник* IX, стр. 41, изд. 1-е.)

Моменты познания (=«идеи») человеком природы вот что такое категории логики. (*Ленинский сборник* IX, стр. 231, изд. 1-е.)

Объективизм: категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека — ср. дальше противоположение (*Ленинский сборник* IX, стр. 37, изд. 1-е.)

Историческое и логическое

Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые являются гораздо более конкретными

¹ Трудный вопрос о разграничении дрязг и принципиального расхождения решается теперь сам собою: все, что относится к кооптации, есть дрязга, все, что относится к анализу борьбы на стезе, к спорам о § 1 и о повороте к оппортунизму и к анархизму, есть принципиальное расхождение.

отношениями. Поэтому было бы правильнее сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*. Простейшая категория выступает, таким образом, как отношение первичных семейных и родовых сообществ к собственности. В более раннем обществе она является более простым отношением развившегося организма, но конкретный субстрат, отношением которого является владение, постоянно предполагается. Можно представить себе владеющим единичного дикаря. Но тогда владение не есть правоотношение. Неверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда подразумевает эту «более конкретную правовую категорию». Но, между тем, здесь остается доля истины, а именно, что простейшие категории суть выражение условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, до установления более многостороннего отношения или более многосторонней связи, идеальным выражением которых служит конкретная категория, в то время как развившаяся конкретность сохраняет простейшую категорию как подчиненное отношение.

Деньги могут существовать и существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно сказать, что простейшая категория может выражать собой господствующие отношения неразвившегося целого [отношения], которые уже существовали исторически раньше, чем целое развилось в том направлении, которое находит свое выражение в более конкретной категории. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому процессу.

С другой стороны, можно сказать, что имеются в высшей степени развитые и все-таки исторически незрелые общественные формы, где имеются высшие хозяйственные формы, например, сотрудничество, развитое разделение труда и т. д., но совершенно неизвестны деньги, например Перу.

Точно так же у славянских общин деньги и обуславливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но встречаются на границах последних, в сношениях с другими общинами; вообще ошибочно принимать обмен между членами одной и той же общины за первоначально конституирующий элемент. Наоборот, вначале он выступает в отношениях различных общин друг к другу в гораздо большей степени, чем в отношениях членов внутри одной и той же общины. Далее, хотя деньги начали играть роль очень рано и в различных отношениях, однако в древности они выступают как господствующий элемент только у односторонне определившихся наций, у торговых наций, и даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег, которое является предпосылкой современного буржуазного общества, наблюдается только в период разложения. Таким образом, эта совершенно простая категория выявляется исторически в своей полной силе только при наиболее развитых общественных отношениях. Она никоим образом не проникает (?) во все экономические отношения; например, в Римской империи, в период наибольшего ее развития, основу составляли натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом.

Итак, хотя простейшая категория может исторически существовать раньше конкретной, но в своем полном внутреннем и внешнем развитии она может принадлежать только к более сложным (?) общественным формам, в то время как более конкретная категория бывает совершенно развитой и в менее развитых общественных формациях.

Труд кажется совершенно простой категорией. Древним является также представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще. Однако «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простейшую абстракцию. Моне-

тарная система, например, определяет богатство еще совершенно объективно, как вещь [?] ¹ в деньгах. По отношению к этой точке зрения было большим прогрессом, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд. Однако сама эта деятельность все еще понимается в ограниченной форме, а именно как производящая деньги. По отношению к этой системе физиократическая система [представляет дальнейший прогресс]; она выставляет в качестве создающей богатство определенную форму труда — сельское хозяйство, а самый объект она видит уже не в денежной оболочке, но как продукт вообще, как общий результат труда. Этот продукт, однако, сообразно ограниченной конкретной деятельности, является всегда продуктом с определенными природными свойствами. Сельское хозяйство производит, земля производит *rag excellence*. Огромным прогрессом со стороны Адама Смита было отвергнуть всякую определенность деятельности, порождающей богатство, поставив на это место труд как таковой, не мануфактурный, не коммерческий, не труд сельскохозяйственный, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактным всеобщим понятием деятельности, создающей богатство, мы имеем также всеобщее понятие о продукте вообще, определяемом как богатство, или опять-таки о труде вообще, но уже как прошедшем, общественном труде. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам по временам возвращается к физиократической системе. Может показаться, что таким путем лишь найдено абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором человек, при каких бы то ни было общественных формах, выступает как производитель. Это верно, с одной стороны, но неверно — с другой.

Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, из которых ни один не является уже больше господствующим. Так, наиболее всеобъемлющие абстракции вообще возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим многим или всем элементам. Тогда оно уже не может представляться мышлению только в своей особенной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще является лишь духовным результатом конкретной совокупности трудовых процессов. Безразличное отношение к какому-нибудь определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Здесь труд, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определенным индивидом. Такое состояние достигло наивысшего развития в наиболее современной из форм бытия буржуазного общества, в Соединенных штатах. Здесь, таким образом, абстрактная категория «труда», «труда вообще», *trud als phage*, этот исходный пункт современной экономической науки, становится впервые практически истинным. Следовательно, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех общественных форм, является, однако, в этой абстракции практически истинной только как категория наиболее современного общества. Но могут сказать, что то, что в Соединенных штатах является историческим продуктом, — это безразличие к какому-либо определенному виду труда, — у русских, например, есть врожденное качество. Но, во-первых, огромная разница: варвары ли имеют свойство быть пригодными ко всему, или цивилизованные люди сами применяют свои силы ко всем областям. И затем у русских этому безразличию к ка-

¹ Здесь совершенно нельзя разобрать два слова. Они выглядят *einander sich*, «любя себя».

кому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная привычка к определенной работе, от которой их отрывают только внешние влияния.

Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их.

Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, позволяют вместе с тем проникнуть в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, продолжая частью влачить за собой их остатки, которые оно еще не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных, наоборот, могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Экономика буржуазного общества даст нам, таким образом, ключ к античной экономике и т. д. Но вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные. Оброк, десятина и т. д. могут быть поняты нами, если мы знаем земельную ренту, однако нельзя их идентифицировать с последней.

Так как далее буржуазное общество само есть только противоречивая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в выродившемся или даже замаскированном виде, как, например, общинная собственность. Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе истину и для других общественных форм, то это надо понимать лишь главо *salis*. Они могут содержаться в ней в развитом, в искаженном, в карикатурном, во всяком случае в существенно измененном виде. Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе и всегда понимает ее односторонне, ибо лишь весьма редко и при вполне определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, не идет речь о таких исторических периодах, которые сами себе представляют как времена распада. Христианская религия лишь тогда оказалась способной объективно понять прежнюю мифологию, когда ее самокритика была до известной степени готова, так сказать, *dynami*. Так и буржуазная экономика лишь тогда подошла к пониманию феодального, античного и восточного обществ, когда началась самокритика буржуазного общества. Поскольку буржуазная экономика не идентифицировала себя, впадая в мифологию, начисто (?) с прошедшим, ее критика прежнего, именно феодального [общества], с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, которую христианство применяло по отношению к язычеству или протестантизм по отношению к католицизму.

Как вообще во всякой исторической, социальной науке, по отношению к экономическим категориям нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект, — в нашем случае современное буржуазное общество, — и что поэтому категории выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что поэтому [политическая экономика] *в научном отношении* никоим образом не начинается только там, где о ней *как таковой* идет речь. Это соображение надо иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие указания насчет расчленения предмета.

Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого бытия, и с земледелием, этой первоначальной формой

производства во всех, до некоторой степени прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества имеет определенную отрасль производства, которая преобладает над другими и отношения которой поэтому определяют место и влияние всех остальных.

Это — общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося.

Возьмем, например, пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, лежат за пределами того пункта, где начинается действительное развитие). У них спорадически встречается известная форма земледелия, и этим определяется земельная собственность. Она является коллективной и сохраняет эту форму в большей или меньшей степени, смотря по тому, в большей или меньшей степени эти народы держатся своих традиций, например земельная собственность у славян. У народов с оседлым земледелием, — эта оседлость уже являлась большим прогрессом, — где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени такой же характер, как и землевладение; [общество] или совершенно зависит от земледелия¹, как у древних римлян, или подражает складывающимся в нем отношениям, как в средние века, в организации городов. Сам капитал, — поскольку он не является еще чисто денежным капиталом, — имеет в средние века, в виде традиционных орудий ремесла (?) и т. д., этот землевладельческий характер.

В буржуазном обществе, наоборот, земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и подпадает совершенно под господство капитала. Точно так же и земельная рента. Во всех формах, где преобладающая роль принадлежит земельной собственности, еще господствуют естественные отношения. В тех, где господствует капитал, получают перевес общественные, исторически созданные элементы. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять начальный и конечный пункт, и его понятие надлежит развить раньше, чем понятие земельной собственности. После того как они рассмотрены по отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение.

Таким образом, совершенно неподходящим и ошибочным приемом было бы брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое кажется естественным или способствует последовательности исторического развития. Речь идет здесь не о том месте, которое занимают экономические отношения исторически в чередовании различных общественных форм. Еще меньше речь идет о их последовательности «в идее» (*Прудон*), которая есть лишь извращенное представление исторического процесса. Речь идет об их расчленении в рамках современного буржуазного общества.

Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — дана как раз самым преобладанием земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой абстракции именно там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества. Ломбардцы и евреи занимали такое же положение по отношению к земледельческому обществу средневековья.

¹ В оригинале «от нее» («ihr»).

Дальнейшим примером того, как одни и те же категории могут занимать различное место на различных ступенях общественного развития, может служить следующее: одна из последних форм буржуазного общества, акционерные компании, появляется также и в начале последнего, в виде больших привилегированных торговых компаний, наделенных монополиями.

Само понятие народного богатства проскальзывает у экономистов XVII века лишь в том виде, — это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, — что богатство создается только для государства, но что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и производство последнего возводились как цель современных государств и последние рассматривались лишь как средство для производства богатств.

Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: сначала [следует развить] общие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако, в выше разъясненном смысле. Во-вторых, категории, которые образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). В-третьих, итоговое выражение буржуазного общества в форме государства. Рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Общественный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. В-четвертых, международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. В-пятых, мировой рынок и кризисы. (К. Маркс, *К критике политической экономии*, стр. 33—40, Партиздат, 1932 г.)

Закон, сущность и явление

Понятие закона есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса. «Обламывание» и «выверывание» слов и понятий, которому здесь предается Гегель, есть борьба с абсолютированием понятия закона, с упрощением его, с фетишизированием его. NB для современной физики!!!

NB Закон есть прочное (остающееся) в явлении

(Закон идентичен в явлении)

Закон=спокойное отражение явлений NB

NB Закон есть существенное явление

(Ergo, закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира etc.

NB (Закон есть отражение существенного в движении универсума)

(Явление, цельность, тотальность ((з[акон] н=часть))

(Явление богаче закона). (*«Ленинский сборник» IX, стр. 145, 147, 149.*)

Изгнание законов из науки и протаскивание законов религии

Могущественный ток к обществуведению от естествознания шел, как известно, не только в эпоху Петти, но и в эпоху Маркса. Этот ток не менее, если не более, могущественным остался и для XX века. Как же можно в сочинении, претендующем на научность и ставящем себе задачей изучение «философских мотивов экономического мышления», поднимать вопрос об этом «тоне» и о материализме Петти и Маркса, не выясняя абсолютно ничего насчет философских предпосылок и выводов естествознания??

Но такова именно вся манера Струве: поднимать или, вернее, задвигать тысячу и один вопрос, обо всем «говорить», все представить взвешенным и ученым, а на деле ничего не дать, кроме крошки цитат и беглых замечаний.

Вопиющая неправда, будто идея естественного закона в политической экономии потерпела крушение, будто о ней «неприлично говорить». Как раз наоборот. Именно «ток от естествознания к обществоведению» подкреплял, подкрепляет и делает неизбежной эту идею. Именно «материалистический историзм» окончательно обосновал эту идею, очистив ее от метафизических (в марксистском значении этого термина, т. е. антидиалектических) нелепостей и недостатков. Говорить, будто «естественный закон» классиков «этически дискредитирован», как буржуазная апологетика, значит гозорить непереносный вздор, значит извращать и классиков и «материалистический историзм» самым беспощадным образом. Ибо классики нащупывали и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его преходящего характера, не видя классовой борьбы внутри его. Оба эти недостатка исправлены материалистическим историзмом, и «этическое дискредитирование» тут ни к селу, ни к городу...

Понятие стоимости г. Струве в особенности хотелось бы сдать в архив. «Ценность, — пишет он, — как нечто отличное от цены, от нее независимое, ее определяющее, есть фантом» (96). «Категории объективной ценности есть лишь, так сказать, метафизическое удвоение категории цены» (97).

Ради уничтожения социализма г. Струве избрал самый... радикальный и самый легкий, но зато и самый легковесный метод отрицать науку вообще. Барский скептицизм пресыщенного и запуганного буржуа доходит здесь до *pes plus ultra*¹. Как один адвокат у Достоевского, защищая от обвинения в убийстве с целью грабежа, договаривается до того, что грабежа не было и убийства не было, так г. Струве — «опровергает» теорию стоимости Маркса простым *уверением*, что стоимость — фантом.

«В настоящее время ее» (теорию объективной стоимости) «не приходится даже опровергать; ее достаточно описать так, как сделали мы здесь и в нашем «Введении», чтобы показать, что ей нет и не может быть места в научных построениях» (97).

Ну, как не назвать этот самый «радикальный» метод самым легковесным? Тысячи лет человечество подмечает законосообразность в явлении обмена, силится понять и точнее выразить ее, проверяет свои объяснения миллионами и миллиардами повседневных наблюдений над экономической жизнью, — и вдруг модный представитель модного занятия — собрания цитат (я чуть-чуть не сказал: собрания почтовых марок) — «отменяет все это»: «ценность есть фантом».

Недаром давно уже сказано, что если бы истины математики задевали интересы людей (интересы классов в их борьбе, вернее), то эти истины оспаривались бы горячо. Для оспаривания непреодолимых истин экономической науки требуется совсем, совсем мало багажу. Вставим, например, словечко, что фантомом является стоимость, *как нечто независимое от цены* — и дело в шляпе!

Не беда, что эта вставка абсурдна. Цена есть проявление закона стоимости. Стоимость есть закон цен, т. е. обобщенное выражение явления цены. О «независимости» здесь говорить можно лишь для издевательства над наукой, которая во всех областях знания показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений».

Возьмем, например, закон изменения видов и образования высших видов из низших. Очень дешево было бы объявить фантомом обобщения естествознания, найденные уже законы (признаваемые всеми, несмотря на тьму кажущихся нарушений и отступлений в пестроте отдельных случаев), поиски исправлений и дополнений

¹ До последней степени. — Ред.

к ним. В области естественных наук человека, который сказал бы, что законы явлений естественного мира — фантом, посадили бы в дом сумасшедших или просто осмеяли. В области наук экономических, человека, шеголяющего так смело... в голом состоянии... охотно назначают профессором, ибо он, действительно, вполне пригоден для отупления буржуазных сынков.

«Цена есть факт. Скажем так: цена есть понятие реального менового отношения между обмениваемыми благами, есть реализованное меновое отношение.

«Ценность есть норма. Скажем так: ценность есть понятие идеального, или должного, соотношения между благами в процессе обмена» (88).

Не правда ли, как характерно для г. Струве это небрежно, афишированно-несерьезно бросаемое замечание «скажем так»? Умышленно-тяжеловесный, кокетничающий мудреными терминами и новообразованиями, г. Струве переходит вдруг в фельетонный тон... Трудненько было бы объявить стоимость фантомом без перехода в фельетонный тон.

Если цена есть «реализованное меновое отношение», то позволительно спросить, между кем существует это отношение? Очевидно, между обменивающимися хозяйствами. Если это «меновое отношение» не случайно возникает в виде исключения, на короткий срок, а повторяется с неизменной регулярностью, повсеместно и каждодневно, то очевидно, что «меновое отношение» связывает *в один хозяйственный строй* совокупность хозяйств; очевидно, что между этими хозяйствами есть упроченное разделение труда.

Вот вам и рассыпаются *узис*, как карточные домики, все хитросплетения г. Струве насчет «междухозяйственных» отношений, *отделимых* будто бы от социальных отношений. Г-н Струве выгнал в дверь понятие товарного производства, чтобы тайком пропускать его назад в окно. Пресловутый «эмпиризм» г. Струве состоит в изгнании из науки неприятных для буржуа обобщений, которые все же приходится признавать, так сказать, неофициально.

Если цена есть меновое отношение, то неизбежно понять разницу между единичным, меновым отношением и постоянным, между случайным и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени. Раз это так, — а это несомненно так, — мы столь же неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому, от цены к стоимости. Попытка г. Струве объявить стоимость «должным», сблизить ее с этикой или учением канонистов и т. п. падает, как карточный домик.

Называя «эмпиризмом» признание стоимости за фантом и «метафизикой» стремление (идущее «от Аристотеля» к Марксу — стр. 91 — надо еще добавить: через всю классическую политическую экономию!), — стремление найти закон образования и изменения цен, г. Струве повторяет прием новейших философских реакционеров, которые «метафизикой» считают материализм естествознания вообще, а «эмпиризмом» объявляют ступеньку к религии. Изгнание законов из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*. Напрасно воображает г. Струве, будто его «маленькие хитрости» могут обмануть кого-либо насчет этого простого и несомненного факта. (Ленин, *Еще одно уничтожение социализма* (1914 г.), Соч., т. XVII, стр. 269—270, 272—274.)

Историчность законов

Вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы. Что вода от 0 до 100° С жидка, это — вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должны быть: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление. На луне нет вовсе воды, на солнце имеются только элементы ее, и к этим небесным телам наш закон неприменим. Законы метеорологии тоже вечны, но только для земли или

же для тела, обладающего величиной, плотностью, наклоном оси и температурой земли и при предположении, что оно обладает атмосферой с одинаковой пропорцией кислорода и азота и с одинаковыми массами испаряющегося и осаждающегося водяного пара. На луне нет совсем атмосферы; солнце обладает атмосферой из раскаленных металлических паров, на луне поэтому нет совсем метеорологии, на солнце же она совершенно иная, чем у нас. Вся наша официальная физика, химия и биология исключительно *геоцентричны* и рассчитаны для земли. Мы совершенно не знаем формы электрических и магнитных напряжений на солнце, на неподвижных звездах и туманностях и даже на планетах, обладающих иной плотностью. Законы химических связей элементов прекращаются на солнце благодаря высокой температуре или же имеют временное действие на границе солнечной атмосферы, причем соединения эти снова разлагаются при приближении к солнцу. Но химия солнца находится в становлении, и она неизбежно иная, чем химия земли; она не опровергает последней, но находится вне ее. На туманностях, возможно, не существуют те из 65 элементов, которые может быть сами сложны. Итак, если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых ко *всем* телам, начиная с туманного пятна и кончая человеком, то нам остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии — *vulgo* механическая теория теплоты. Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям, в историческое изображение происходящих в какой-нибудь мировой системе, от ее зарождения до гибели, изменений, т. е. превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения, — и таким образом абсолютно всеобщим значением обладает лишь одно — *движение*. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 48—49, изд. 3-е, 1932 г.)

Буржуазные теоретики увековечивают законы капитализма

Я прочел с большим интересом вашу книгу о «Рабочем вопросе». И мне тоже при первом чтении Дарвина бросилось в глаза поразительное сходство его изображения жизни растений и животных с теорией Мальгуса. Только вывод я сделал не тот, что сделали вы. А именно: я считаю, что для современного буржуазного развития величайшим позором является то обстоятельство, что оно в этом отношении не вышло еще из экономических форм животного царства. Для нас так называемые «экономические законы» не являются вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими, а кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его объективно правильно, является для нас лишь сводкой законов и условий, при которых современное буржуазное общество только и может существовать. Словом, это есть отвлеченное выражение, резюме [сводка] условий производства и общения буржуазного общества (*Produktions und Verkehrsbedingungen*). Для нас ни один из этих законов, поскольку он выражает *чисто буржуазные условия*, не старше буржуазного общества. Те законы, которые имеют силу более или менее для всей истории, до настоящего времени выражают только такие условия, которые являются общими для всякого общества, покоящегося на классовом господстве и на классовой эксплуатации. К первым принадлежит так называемый закон Рикардо, который не имел силы ни для крепостного строя, ни для рабского строя античного мира. К последним можно отнести то, что есть правильного в теории Мальгуса. Но и Мальтус украл свою теорию непосредственно у своих предшественников, как, впрочем, и все свои остальные мысли. Собственно ему принадлежащего тут ничего нет, кроме чисто произвольного применения им своих двух прогрессий. Сама теория давно уже сведена английскими экономистами к ее *резюме*.

ному размеру. Население оказывает давление не на средства существования, а на средства, необходимые для труда (die Bevölkerung drückt auf die Mittel — nicht der Subsistenz, sondern der *Beschäftigung*). Человечество могло бы размножаться быстрее, чем это может быть совместимо с современным буржуазным обществом. Для нас это является еще одним новым основанием для того, чтобы объявить это буржуазное общество препятствием развитию, таким препятствием, которое должно быть убрано. (Маркс и Энгельс, Письма, Энгельс — Ф. А. Ланге 29 марта 1866 г., стр. 162—163. Партиздат, 1932 г.)

Сущность и видимость

Истинная природа определений «сущности» дана самим Гегелем: *Enz. I, § 111, Zusatz*: «В сущности все *относительно*» (например положительное и отрицательное, которые имеют смысл только в своем взаимоотношении, а не каждое само по себе). (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 8, 1932 г.)

Не та ли мысль, что объективна и кажимость, ибо в ней есть *одна из сторон* объективного мира? Не только сущность, но и видимость объективны. Различие субъективного от объективного есть, но и оно имеет свои границы.

т.е. несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность». Например: движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. Но и *пена* есть выражение сущности!

Вы включаете в видимость все богатство мира, и вы отрицаете объективность видимости!!

кажимость = отрицательной природе сущности

Кажимость есть (1) ничто, несуществующее, которое существует — (2) бытие как момент.

кажимость (кажущееся) есть *отражение* сущности в себе (ней) самой.

Кажущееся есть сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов. *Сущность* кажется тем-то. Кажимость есть явление сущности в самой себе.

Итак и здесь Гегель обвиняет Канта в *субъективизме*. Это НВ. Гегель за «объективную значимость» (*sit venia verbo*) кажимости, «непосредственно данного» [термин «данное» обычен у Гегеля вообще, и здесь см. стр. [13], стр. [13]]. Философы более мелкие спорят о том, сущность *или* непосредственно данное взять за основу (Кант, Юм, все махисты). Гегель вместо *или* ставит *и*, объясняя конкретное содержание этого «и». («Ленинский сборник» IX, стр. 51, 107, 109, 111, 113, 115, изд. 1-е).

Война есть продолжение политики иными средствами

Резолюция нашей партии, принятая на Бернской конференции в марте 1915 года и носящая заголовок «О лозунге защиты отечества», начинается словами: «*Действительная сущность современной войны заключается* в том-то и том-то.

Речь идет о *современной* войне. Яснее нельзя этого сказать по-русски. Слова «действительная сущность» показывают, что надб отличать кажущееся от действительного, внешнего от сущности, фразы от дела. Фразы о защите отечества в данной войне облыжно выдают империалистскую войну 1914—6 годов — войну из-за раздела колоний, из-за грабежа чужих земель и т. д., за национальную войну. Чтобы не оставить ни малейшей возможности исказить наши взгляды, резолюция добавляет особый абзац о «действительно национальных войнах», которые «имели место *особенно* (заметьте: особенно не значит исключительно!) в эпоху 1789—1871 года»...

Что такое «защита отечества» вообще говоря? Есть ли это какое-либо научное, понятие из области экономики или политики и т. п.? Нет. Это просто наиболее ходячее, общепотребительное, иногда просто обывательское выражение, означающее *оправдание войны*. Ничего больше, ровнехонько ничего! «Предательского» тут может быть только то, что обыватели способны *всякую* войну оправдать, говоря «мы защищаем отечество», тогда как марксизм, не принижаящий себя до обывательщины, требует исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать *эту* войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, *в этом смысле* законной, справедливой и т. п....

Как же найти «действительную сущность» войны, как определить ее? Война есть продолжение политики. Надо изучать политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистская, т. е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика была национально-освободительная, т. е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война.

Обыватель не понимает, что война есть «*продолжение* политики», и потому ограничивается тем, что-де «неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, *из-за чего* ведется война, *какими* классами, ради *какой* политической цели. П. Киевский совершенно на уровень такого обывателя опускается, когда говорит, что вот-де Бельгию заняли немцы, значит, с точки зрения самоопределения, «бельгийские социал-патриоты правы», или: часть Франции заняли немцы, значит «Гэд может быть доволен», ибо «дело доходит до территорий, населенной данною нацию» (а не чужденациональной).

Для обывателя важно, где стоят войска, кто *сейчас* побеждает. Для марксиста важно, *из-за чего* ведется данная война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска. (Ленин, *О карикатуре на марксизм*, Соч. т. XIX, стр. 197, 198, изд. 3-е.)

Научное исследование вскрывает существенное отношение

Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит непосредственно не труд, а рабочий. Товар, продаваемый последним, есть его рабочая сила. Последняя уже не принадлежит рабочему в тот момент, когда действительно начинается его труд, и, следовательно, более не может быть им продана. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости.

В выражении «стоимость труда» понятие стоимости не только совершенно аннулировано, но и превращено в свою противоположность. Это такое же мнимое (не соответствующее действительности) выражение, как, например, стоимость земли. Но такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений. Это — категория для форм проявления некоторых действительно существенных отношений. Что вещи в своем проявлении могут часто представляться в извращенном виде, признано, как будто, во всех науках, за исключением политической экономии.

Классическая политическая экономия без всякой критики позаимствовала у обывательской жизни категорию «цена труда», чтобы поставить затем вопрос: чем определяется эта цена? Она быстро убегилась, что изменение отношения между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме ее изменения, т. е. колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращается колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и

объяснить что бы то ни было. Очевидно, цена труда при равенстве спроса и предложения должна быть определена независимо от отношения между спросом и предложением; таким-то образом и пришли к «естественной» цене труда как предмету, который собственно и подлежит исследованию. Или же рассматривали колебания рыночной цены за более или менее продолжительный период, например, за один год, и находили, что отклонения ее в ту или другую сторону взаимно уравниваются на некоторой средней, постоянной величине. Очевидно, эта средняя величина должна быть определена чем-нибудь иным, а не взаимно нейтрализующимися отклонениями от нее. Эта цена труда, господствующая над случайными рыночными ценами и регулирующая эти последние, так называемая «необходимая цена» (физиократы) или «естественная цена» (А. Смит) труда может представлять, как и у других товаров, лишь стоимость, выраженную в деньгах.

Таким путем политическая экономия рассчитывала пробиться сквозь случайные цены труда и добраться до его стоимости. Как и у других товаров, стоимость эта определялась затем издержками производства. Но что такое издержки производства рабочего, т. е. издержки, затрачиваемые на то, чтобы произвести или воспроизвести самого рабочего? Этим вопросом для политической экономии бессознательно подманился первоначальный вопрос, так как при исследовании издержек производства труда как такового она вращалась в порочном кругу и не двигалась с места. Следовательно то, что она называет стоимостью труда (*value of labour*), есть в действительности стоимость рабочей силы, которая реально существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций. Занятые различием между рыночными ценами труда и его так называемой стоимостью, отношением этой стоимости к норме прибыли, к товарным стоимостям, производимым трудом, и т. д., экономисты никогда не замечали, что ход анализа не только ведег их от рыночных цен труда к его мнимой «стоимости», но и заставляет самую эту стоимость труда в свою очередь свести к стоимости рабочей силы. Не дав себе отчета в этих результатах своего собственного анализа, некритически применяя категории «стоимость труда», «естественная цена труда» и т. д. как последнее адекватное выражение отношения стоимости, классическая политическая экономия запуталась, как мы увидим впоследствии, в неразрешимых противоречиях, дав в то же время прочный операционный базис для пошлостей вулгарной экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений...

...форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Всякий труд представляется оплаченным трудом. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом, в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб возмещает лишь стоимость своих собственных средств существования, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный или неоплаченный труд кажется оплаченным. Там отношение собственности скрывает работу раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровую работу наемного рабочего.

Понятно поэтому, какое громадное значение имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в форму стоимости и цены самого труда. На этой внешней форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вулгарной экономии.

Если всемирной истории потребовалось много времени, чтобы вскрыть тайну заработной платы, то, напротив, нет ничего легче, как понять необходимость (*raison d'être*, причины существования) этой внешней формы проявления.

Обмен между капиталом и трудом воспринимается первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает известную сумму денег, продавец — вещь, отличную от денег. Юридическое сознание видит здесь в лучшем случае лишь материальную разницу, которая выражается в юридически эквивалентных формулах: «*Do ut des*», «*do ut facias*», «*facio ut des*» и «*facio ut facias*» (т. е. «даю, чтобы ты дал»; «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал» «делаю, чтобы ты сделал», — четыре основных формы римского обязательственного права. — *К.*).

Далее: так как меновая стоимость и потребительная стоимость сами по себе величины несоизмеримые, то выражения «стоимость труда», «цена труда» кажутся не более иррациональными, чем например выражения «стоимость хлопка», «цена хлопка». Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что рабочий оплачивается после того, как он доставил свой труд. В своей функции платежного средства деньги *post factum* (впоследствии) реализуют стоимость или цену доставленного продукта, следовательно в данном случае стоимость или цену доставленного труда. Наконец, той «потребительной стоимостью», которую рабочий доставляет капиталисту, является в действительности не рабочая сила, а ее функция, определенный полезный труд, труд портного, сапожника, прядильщика и т. д. Что этот же самый труд, рассматриваемый с иной стороны, есть всеобщий создающий стоимость элемент, — свойство, отличающее его от всех других товаров, — это обстоятельство ускользает от обычного сознания.

Если мы станем на точку зрения рабочего, который за свой двенадцатичасовой труд получает стоимость, произведенную шестичасовым трудом, скажем, 3 шилл., то для него двенадцатичасовой труд действительно есть лишь средство купить 3 шилл. Стоимость его рабочей силы может изменяться вместе со стоимостью привычных средств его существования: повыситься с 3 шилл. до 4 или упасть с 3 шилл. до 2, или, при неизменной стоимости рабочей силы, цена ее вследствие колебаний спроса и предложения может подняться до 4 шилл. или упасть до 2 шилл., — во всех этих случаях рабочий одинаково дает 12 часов труда. Поэтому всякая перемена в величине получаемого им эквивалента необходимо представляется ему изменением стоимости или цены его 12 рабочих часов. Это же самое обстоятельство привело А. Смита, рассматривающего рабочий день как величину постоянную, к обратной ошибке: к утверждению, что стоимость труда постоянна, несмотря на то, что стоимость средств существования изменяется и потому один и тот же рабочий день может выразиться для рабочего в большем или меньшем количестве денег. Оно говорит:

«Цена (выраженная в труде), получаемая рабочим, должна всегда оставаться одинаковой, как бы ни изменялось количество товаров, которое он получает за нее. На эту цену в одном случае можно купить большее количество их, в другом меньшее; но в таком случае изменяется их стоимость, а не стоимость труда, покупающего их».

Возьмем, с другой стороны, капиталиста. Он, прежде всего, хочет получить возможно больше труда за возможно меньшее количество денег. Поэтому практически его интересует лишь разница между ценой рабочей силы и той стоимостью, которую создает ее функционирование. Но он старается купить возможно дешевле все товары и всегда видит источник своей прибыли в простом надувательстве, в купле ниже и продаже выше стоимости. Следовательно, он далек от понимания того обстоятельства, что если бы действительно существовала такая вещь, как стоимость труда, и он действительно уплачивал бы эту стоимость, то не могло бы существовать никакого капитала, его деньги не могли бы превратиться в капитал.

К тому же действительное движение заработной платы обнаруживает явления, которые, повидимому, доказывают, что оплачивается не стоимость рабочей силы, а стоимость ее функции, т. е. самого труда. Явления эти мы можем свести к двум крупным классам: 1. Изменение заработной платы вместе с изменением длины рабочего дня. С таким же правом можно было бы вывести заключение, что оплачивается не стоимость машины, а стоимость ее операций, потому что и машину стоит дорожке нанять на неделю, чем на один день. 2. Индивидуальные различия в заработной плате различных рабочих, выполняющих одну и ту же функцию. Но такие же индивидуальные различия мы находим в системе рабского труда, где уже не остается места никаким иллюзиям, где сама рабочая сила продается совершенно открыто без всяких прикрас. Разница сводится лишь к тому, что при рабской системе выгода от рабочей силы выше среднего качества и потеря от рабочей силы ниже среднего качества выпадает на долю рабовладельца, а при системе наемного труда — на долю самого рабочего, так как в последнем случае рабочая сила продается самим рабочим, в первом случае — третьим лицом.

Впрочем, о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существенного отношения, которое в них проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и об их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием. Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно. Этого она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи (*Маркс, Капитал, т. I, стр. 418—420, 421—423, Партиздат, 1932 г.*)

Форма и содержание

Вся органическая природа является одним сплошным доказательством тождества или неразрывности формы и содержания. Морфологические и физиологические явления, форма и функция обуславливают взаимно друг друга. Дифференцирование формы (клетка) обуславливает дифференцирование вещества в мускуле, коже, костях, эпителии и т. д., а дифференцирование вещества обуславливает в свою очередь дифференцирование формы. (*Энгельс. Диалектика природы, стр. 20—21, 1932 г.*)

Формы партийной работы органически связаны с историческими условиями

1. Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методов работы всецело определяется особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают.

2. С этой точки зрения понятно, что всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением объективных условий развития революции превратиться из форм развития партийной организации в оковы этого развития; и обратно, сделавшаяся негодной организационная форма может снова стать необходимой и единственно целесообразной при возрождении соответствующих объективных условий.

3. Противоречие между потребностями нового складывающегося положения, с одной стороны, и установившейся формой организации и методами ее работы — с другой, намечаются в общем раньше, чем опытным путем скажется необходимость изме-

нения курса. Этот последний должен меняться лишь тогда, когда в общем, в главном и основном выполнена задача, выдвинувшая предыдущий тип организации и соответствующий ему метод работы.

4. Нельзя механически переносить практикуемые в тот или иной исторический момент формы и методы работы партийной организации на другие организации, например советы, или органы административного, экономического характера. Такое перенесение покоилось бы на полном забвении разницы между организацией авангарда рабочего класса (партией) и другими организациями, разницы между классами, между различными группами внутри трудящихся, между различными задачами, которые ставят перед собой эти организации, и т. д. (*Стенографический отчет X съезда РКП(б), Резолюция о партстроительстве, стр. 128.*)

Только владея всеми средствами борьбы можно наверняка победить

История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два очень важных практических вывода: первый, что революционный класс, для осуществления своей задачи, должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания); второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою.

Всякий согласится, что неразумно или даже преступно будет поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу. В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас. Не владея всеми средствами борьбы, мы можем потерпеть громадное — иногда даже решающее — поражение, если независимые от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы. Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка, раз мы представляем интересы действительно передового, действительно революционного класса, даже если обстоятельства не позволяют нам пустить в ход оружие, наиболее для неприятеля опасное, оружие, всего быстрее наносящее смертельные удары. Неопытные революционеры часто думают, что легальные средства борьбы оппортунистичны, ибо буржуазия на этом поприще особенно часто (наипаче в «мирные», не революционные времена) обманывала и дурачила рабочих; — нелегальные же средства борьбы революционны. Но это неверно. Верно то, что оппортунистами и предателями рабочего класса являются партии и вожди, не умеющие или не желающие (не говоря: не могу, говори: не хочу) (*weg, will, kann*) применять нелегальные средства борьбы в таких, например, условиях, как во время империалистской войны 1914—1918 гг., когда буржуазия самых свободных демократических стран с неслыханной наглостью и свирепостью обманывала рабочих, запрещая говорить правду про грабительский характер борьбы. Но революционеры, не умеющие соединять нелегальные формы борьбы со *всеми* легальными, являются весьма плохими революционерами...

Старые формы лопнули, ибо оказалось, что новое содержание в них — содержание антипролетарское, реакционное — достигло непомерного развития. У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и *должно* проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродиться, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые, формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма.

Коммунисты должны приложить все усилия, чтобы направить рабочее движение и общественное развитие вообще самым прямым и самым быстрым путем к всемирной победе советской власти и диктатуре пролетариата. Это бесспорная истина. Но стоит сделать маленький шаг дальше — казалось бы, шаг в том же направлении — и истина превратится в ошибку. Стоит сказать, как говорят немецкие и английские левые коммунисты, что мы признаем только один, только прямой путь, что мы не допускаем лавирования, соглашательства, компромиссов, и это уже будет ошибкой, которая способна принести, частью уже принесла и приносит, серьезнейший вред коммунизму. Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспосабливать свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями. (*Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, стр. 61—62, 67, Партиздат, 1932 г.*)

Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание

Я говорил, дальше, о поднятии национальной культуры в советских республиках Востока. Но что такое национальная культура? Как совместить ее с пролетарской культурой? Разве не говорил Ленин еще до войны, что культур у нас две — буржуазная и социалистическая, что лозунг национальной культуры есть реакционный лозунг буржуазии, старающейся отравить сознание трудящихся ядом национализма? Как совместить строительство национальной культуры, развитие школ и курсов на родном языке и выработку кадров из местных людей со строительством социализма, строительством пролетарской культуры? Нет ли тут непроходимого противоречия? Конечно, нет! Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, — такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму. Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймет ни ленинизма, ни существа национального вопроса с точки зрения ленинизма. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 137, изд. 9-е.*)

Форма и содержание государства

Формы государства были чрезвычайно разнообразны. Во времена рабовладельческих в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия — как власть одного, республика — как отсутствие какой-либо невыборной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия — как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа). Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая.

Во всяком курсе истории древних времен, выслушав лекцию об этом предмете, вы услышите о борьбе, которая была между монархическими и республиканскими государствами, но основным было то, что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми. Римский закон рассматривал их как вещь. Закон об убийстве, не говоря уже о других законах охраны человеческой личности, не относился к рабам. Он защищал только рабовладельцев как единственно признававшихся полноправными гражданами. Но учреждалась ли монархия, это была монархия рабовладельческая, или республика — это была республика рабовладельческая. В них всеми правами пользовались рабовладельцы, а рабы были вещью по закону, и над ними возможно было не только какое угодно насилие, но и убийство раба не считалось преступлением. Рабовладельческие республики различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов. Это основное обстоятельство надо иметь в виду, потому что оно больше всего проливает свет на вопрос о государстве и ясно показывает сущность государства.

Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы. Форма этой машины бывает различна. В рабовладельческом государстве мы имеем монархию, аристократическую республику или даже демократическую республику. В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей. То же самое мы видим и в крепостном государстве...

Форма господства государства может быть различна: капитал одним образом проявляет свою силу там, где есть одна форма, и другим — где другая, но по существу власть остается в руках капитала: есть ли цензовое право или другое, есть ли республика демократическая, и даже чем она демократичнее, тем грубее, циничнее это господство капитализма. (*Ленин, О государстве, Соч., т. XXIV, стр. 369—370, 375.*)

Своеобразие революции 1905 г.

Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась и которую она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая республика, 8-часовой рабочий

день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения, — все меры, которые почти в полном объеме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 гг.

Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий.

Русская революция является в мировой истории *первой*, но она будет, без сомнения, не последней, — великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль. Можно даже утверждать, что нельзя понять событий русской революции и смены ее политических форм, если не изучить по *статистике забастовок основы* этих событий и этой смены форм. (Ленин, Доклад о революции 1905 г., Соч., т. XIX, стр. 345—346, изд. 3-е.)

Советская власть — новый тип государства

3) Советская власть как государственная форма диктатуры пролетариата. Победа диктатуры пролетариата означает подавление буржуазии, слом буржуазной государственной машины, замену буржуазной демократии демократией пролетарской. Это ясно. Но каковы организации, при помощи которых может быть проделана эта колоссальная работа? Что старые формы организации пролетариата, выросшие на основе буржуазного парламентаризма, недостаточны для такой работы, — в этом едва ли может быть сомнение. Каковы же те новые формы организации пролетариата, которые способны сыграть роль могильщика буржуазной государственной машины, которые способны не только сломать эту машину и не только заменить буржуазную демократию демократией пролетарской, но и стать основой пролетарской государственной власти?

Этой новой формой организации пролетариата являются советы.

В чем состоит сила советов в сравнении со старыми формами организации?

В том, что советы являются наиболее *всеобъемлющими* массовыми организациями пролетариата, ибо они, и только они, охватывают всех без исключения рабочих.

В том, что советы являются *единственными* массовыми организациями, которые обнимают всех угнетенных и эксплуатируемых, рабочих и крестьян, солдат и матросов, и где политическое руководство борьбой масс со стороны авангарда масс, со стороны пролетариата, может быть осуществляемо ввиду этого наиболее легко и наиболее полно.

В том, что советы являются *наиболее мощными органами* революционной борьбы масс, политических выступлений масс, восстания масс, органами, способными сломать всевидение финансового капитала и его политических придатков.

В том, что советы являются *непосредственными* организациями самих масс, т. е. *наиболее демократическими* и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад.

Советская власть есть объединение и оформление местных советов в одну общую государственную организацию, в государственную организацию пролетариата, как авангарда угнетенных и эксплуатируемых масс и как господствующего класса, — объединение в республику советов.

Сущность советской власти заключается в том, что наиболее массовые и наиболее

революционные организации тех именно классов, которые угнетались капиталистами и помещиками, являются теперь *«постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата»*, что «именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках», будучи по закону равноправными, «на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, превлекаются теперь к *постоянному* и *непрерывному*, притом *реальному* участию в демократическом управлении государством» (см. т. XXIV, стр. 13).

Вот почему советская власть является *новой формой* государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, *новым типом* государства, приноровленным не к задачам эксплуатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплуатации, к задачам диктатуры пролетариата. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 33 — 35, изд. 9-е.)

Взаимодействие формы и содержания

В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот и во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов следует всегда проводить различие между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными и философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди сознают этот конфликт и в которых ведут борьбу. Как об отдельном человеке не судят по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию; наоборот, это сознание следует объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает только тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначать, как прогрессивные эпохи экономической формации

общества. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, но антагонизма, который вырастает из условий общественной жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают в то же время материальные условия, необходимые для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предистория (Vorgeschichte) человеческого общества. (Маркс, *К критике политической экономии*, стр. 45 — 46, Партиздат, 1932 г.)

Причинность

Причина и следствие, егго, лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи.

NB. Всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью.

Каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно реальной связи. (*Ленинский сборник* IX, стр. 161, 163, изд. 1-е.)

• Деятельность человека и закон причинности

Для того, кто отрицает причинность, всякий закон природы есть гипотеза и в том числе также и химический анализ звезд, т. е. призматический спектр. Что за плоское мышление у тех, кто желает ограничиться этим! (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 7, изд. 3-е, 1932 г.)

Причинность. Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это — взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собой, их обусловленность друг с другом. Но мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии воспроизвести определенное движение, создав условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), — по крайней мере, не встречаются именно в таком виде, — и что мы можем придать этому движению определенные заранее направление и размеры. *Благодаря этому*, благодаря деятельности человека и создается представление о *причинности*, представление о том, что одно движение есть *причина* другого. Правда, одно правильное чередование известных естественных явлений может дать начало представлению о причинности — теплота и свет, получаемые от солнца, — но здесь нет настоящего доказательства, и в этом смысле Юм со своим скептицизмом был прав, когда говорил, что правильно повторяющееся *post hoc* никогда не может обосновать *propter hoc*. Но деятельность человека дает возможность *доказательства* причинности. Если, взяв зажигательное зеркало, мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой эффект, какой дает обыкновенный огонь, то мы доказываем этим, что от солнца получается теплота. Если мы вложим в ружье порох, капсулю и пулю и затем выстрелим, рассчитывая на известный заранее по опыту эффект, то мы должны быть в состоянии проследить во всех его деталях весь процесс зажигания, сгорания, взрыва от внезапного превращения в газы, давления газа на пулю. И в этом случае скептик не вправе уже утверждать, что из прошлого опыта не следует вовсе, будто и в следующий раз повторится то же самое. Действительно, иногда случается, что не повторяется того же самого, что капсуля или порох

отказываются служить, что ствол ружья разрывается и т. д. Но именно это *доказывает* причинность, а не опровергает ее, ибо при каждом подобном отклонении от правила можно, производя соответствующее исследование, найти причину этого: химическое разложение капсулы, сырость и т. д. пороха, поврежденность ствола и т. д., так что здесь, собственно, производится *двойная* проверка причинности. Естествоиспытатели и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление; они знают, с одной стороны, только природу, а, с другой, только мысль. Но существеннейшей и первой основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа, как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу. Поэтому натуралистическое понимание истории, — как оно встречается, например, в той или другой мере у Дрэпера и других естествоиспытателей, стоящих на той точке зрения, что только природа действует на человека и что естественные условия определяют повсюду его историческое развитие, — односторонне и забывает, что человек тоже действует на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования. От «природы» Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, чертовски мало осталось. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сам человек бесконечно изменились с тех пор, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, <происшедшие> за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 14—15, 1932 г.)

О причинности и необходимости в природе

Вопрос о причинности имеет особенно важное значение для определения философской линии того или другого новейшего «изма», и мы должны поэтому остановиться на этом вопросе несколько подробнее.

Начнем с изложения материалистической теории познания по данному пункту. Взгляды Л. Фейербаха изложены им особенно ясно в вышеупомянутом возражении Р. Гайму.

«Природа и человеческий разум, — говорит автор (Гайм), — совершенно расходятся у него (Фейербаха), и между ними вырывается целая пропасть, непреходимая ни с той, ни с другой стороны. Гайм основывает этот упрек на § 48 моей «Сущности религии», где говорится, что «природа может быть понята только через самую природу, что необходимость ее не есть человеческая или логическая, метафизическая или математическая, что природа одна только является таким существом, к которому нельзя прилагать никакой человеческой мерки, хотя мы и сравниваем ее явления с аналогичными человеческими явлениями, применяем к ней, чтобы сделать ее понятной для нас, человеческие выражения и понятия, например: порядок, цель, закон, вынуждены применять к ней такие выражения по сути нашего языка». Что это значит? Хочу ли я этим сказать: в природе нет никакого порядка, так что, например, за осенью может следовать лето, за весной — зима, за зимой — осень? Нет цели, так что, например, между легкими и воздухом, между светом и глазом, между звуком и ухом нет никакой согласованности? Нет порядка, так что, например, земля движется то по эллипсу, то по кругу, обращается вокруг солнца то в год, то в четверть часа? Какая бессмыслица! Что же хотел я сказать в этом отрывке? Ничего больше, как произвести различие между тем, что принадлежит природе, и тем, что принадлежит человеку, в этом отрывке не гогордился, чтобы словам и представлениям о порядке, цели, а зоне не соответствовало ничего действительного в природе, в нем отрицается только тождество мысли и бытия, отрицается, чтобы порядок и т. д. существовали в природе; именно так как в голове или в чувстве человека. Порядок, цель, закон суть не более, как слова,

которыми человек переводит дела природы на *свой* язык, чтобы понять их; эти слова не лишены смысла, не лишены объективного содержания (nicht Sinn = d. h. gegenstandlose Worte); но тем не менее необходимо отличать оригинал от перевода. Порядок, цель, закон выражают в человеческом смысле нечто произвольное.

«Теизм *прямо* заключает от случайности порядка, целесообразности и закономерности природы к их произвольному происхождению, к бытию существа, отличного от природы и вносящего порядок, целесообразность и закономерность в природу, самое по себе (an sich) хаотичную (dissolute), чуждую всякой определенности. Разум теистов... есть разум, находящийся в противоречии с природой, абсолютно лишенный понимания сущности природы. Разум теистов разрывает природу на два существа, — одно материальное, другое формальное или духовное» (Werke, VII Band, 1903, S. 518—520).

Итак, Фейербах признает объективную закономерность в природе, объективную причинность, отражаемую лишь приблизительно верно человеческими представлениями о порядке, законе и прочее. Признание объективной закономерности природы находится у Фейербаха в неразрывной связи с признанием объективной реальности внешнего мира, предметов, тел, вещей, отражаемых нашим сознанием. Взгляды Фейербаха — последовательно материалистические. И всякие иные взгляды, вернее, иную философскую линию в вопросе о причинности, отрицание объективной закономерности причинности, необходимости в природе, Фейербах справедливо относит к направлению фидеизма. Ибо ясно, в самом деле, что субъективистская линия в вопросе о причинности, выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу *частью* разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм (к разновидностям которого относятся теории причинности и Юма и Канта), т. е. более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм. Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм.

Что касается Энгельса, то ему не приходилось, если я не ошибаюсь, специально по вопросу о причинности противопоставлять свою материалистическую точку зрения иным направлениям. В этом для него не было надобности, раз он по более коренному вопросу об объективной реальности внешнего мира вообще отмежевал себя вполне определенно от всех агностиков. Но кто сколько-нибудь внимательно читал его философские сочинения, тому должно быть ясно, что Энгельс не допускал и тени сомнения насчет существования объективной закономерности, причинности, необходимости природы. Ограничимся немногими примерами. В первом же параграфе «Анти-Дюринга» Энгельс говорит: «Чтобы познать отдельные стороны» (или части общей картины мировых явлений), «мы вынуждены вырывать их из их естественной (natürlich) или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям» (5—6). Что эта естественная связь, связь явлений природы существует объективно, это очевидно. Энгельс подчеркивает особенно диалектический взгляд на причину и следствие: «Причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковое, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» (8). Следовательно, человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объек-

тивную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса. Если мы находим, что законы мышления соответствуют законам природы, то это становится вполне понятным, — говорит Энгельс, — если принять во внимание, что мышление и сознание суть «продукты человеческого мозга и человек сам продукт природы». Понятно, что «продукты человеческого мозга, будучи сами в конечном счете продуктами природы, не противоречат остальной природной связи (Naturzusammenhang), а соответствуют ей» (22). Что существует природная, объективная связь явлений мира, в этом нет и сомнения. О «законах природы», о «необходимости природы» (Naturnothwendigkeiten) Энгельс говорит постоянно, не считая нужным особо разъяснять общеизвестные положения материализма.

В «Людвиге Фейербахе» мы равным образом читаем, что «общие законы движения внешнего мира и человеческого мышления по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, что человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе — до сих пор большей частью и в человеческой истории — они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей» (38). И Энгельс обвиняет старую натурфилософию в том, что она заменяла «неизвестные еще ей действительные связи» (явлений природы) «идеальными, фантастическими» (42). Признание объективной закономерности, причинности, необходимости в природе совершенно ясно у Энгельса наряду с подчеркиванием относительного характера наших, т. е. человеческих, приблизительных отражений этой закономерности в тех или иных понятиях...

Берем Маха. В специальной главе о «причинности и объяснении» («Wärmelehre», 2 Auflage, 1900, S. 432—9)¹ читаем: «Юмова критика (понятия причинности) остается в своей силе» (433). Кант и Юм различно решают проблему причинности (с другими философами Мах и не считается!); к решению Юма «примыкаем мы» (435).

«Кроме *логической* (курсив Маха) какой-нибудь другой необходимости, например, физической, не существует» (437). Это как раз тот взгляд, с которым так решительно боролся Фейербах. Маху не приходит и в голову отрицать свое родство с Юмом. Только русские махисты могли дойти до того, чтобы утверждать «соединимость» юмовского агностицизма с материализмом Маркса и Энгельса. В «Механике» Маха читаем: «В природе нет ни причины, ни следствия» (S. 474, 3 Auflage, 1897). «Я многократно излагал, что все формы закона причинности вытекают из субъективных стремлений (Triebe); для природы нет необходимости соответствовать им» (495).

Здесь надо отметить, что наши русские махисты с поразительной наивностью подменяют вопрос о материалистическом или идеалистическом направлении всех рассуждений о законе причинности вопросом о той или иной формулировке этого закона. Они поверили немецким профессорам-эмпириокритикам, что если сказать «функциональное соотношение», то это составит открытие «новейшего позитивизма», избавит от «фетишизма» выражений, вроде «необходимость», «закон» и т. п. Конечно, это чистейшие пустяки, и Вундт имел полное право посмеяться над этой *переменной слова* (S. 383 и 388, цит. статьи в «Phil. Studien»), нисколько не меняющей сути дела. Сам Мах говорит о «всех формах» закона причинности и в «Познании и заблуждении» (2-е изд., S. 278) делает само собой понятную оговорку, что понятие функции может выразить точнее «зависимость элементов» лишь тогда, когда достигнута возможность выразить результаты исследования в *измеримых* величинах, — а это даже в таких науках, как химия, достигнуто лишь отчасти. Должно быть, с точки зрения наших

¹ Полное название этой книги: *Mach, E., Die Prinzipien der Wärmelehre*, 2 Aufl., 1900 (Мах, Э., Принципы учения о теплоте, стр. 432—439, 2-е изд., 1900 г. — Ред.).

доверчивых к профессорским открытиям махистов, Фейербах (не говоря уже об Энгельсе) не знал того, что понятия порядок, закономерность и т. п. могут быть выражены при известных условиях математически определенным функциональным соотношением!

Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, — а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п. Вот что бесспорно отделяет материалистов Фейербаха, Маркса и Энгельса от агностиков (юмистов) Авенариуса и Маха.

В отдельных местах своих сочинений Мах, — которого грех было бы обвинить в последовательности, — нередко «забывает» о своем согласии с Юмом и о своей субъективистской теории причинности, рассуждая «просто», как естествоиспытатель, т. е. с стихийно-материалистической точки зрения. Например, в «Механике» мы читаем: «Природа учит нас находить в ее явлениях единообразие» (р. 182 франц. перевода). Если мы *находим* единообразие в явлениях природы, то, значит, это единообразие существует объективно, вне нашего ума? Нет. По тому же вопросу о единообразии природы Мах изрекает такие вещи: «Сила, толкающая нас пополнять в мыслях факты, наблюденные лишь наполовину, есть сила ассоциации. Она укрепляется от повторения. Она кажется нам тогда силой, не зависящей от нашей воли и от отдельных фактов, направляющей и мысли, и (курсив Маха) факты, держащей их в соответствии друг с другом, как закон тех и других. Что мы считаем себя способными делать предсказания при помощи такого закона, это доказывает лишь (!) достаточное единообразие нашей среды, но отнюдь не доказывает *необходимости* успеха предсказаний» («Wärmelehre», S. 383).

Выходит, что можно и должно искать какой-то необходимости *помимо* единообразия среды, т. е. природы! Где искать, это — тайна идеалистической философии, боящейся признать познавательную способность человека простым отражением природы. В последнем своем сочинении «Познание и заблуждение» Мах даже определяет закон природы, как «ограничение ожидания» (2-е изд., S. 450 и след.)! Соллинизм берет-таки свое.

Посмотрим на позицию других писателей того же философского направления. Англичанин Карл Пирсон выражается со свойственной ему определенностью: «Законы науки — гораздо больше продукты человеческого ума, чем факты внешнего мира» («The Grammar of Science», 2-nd ed., p. 36). «И поэты и материалисты, говорящие о природе, как господине (sovereign) над человеком, слишком часто забывают, что порядок и сложность явлений, вызывающие их восхищение, по меньшей мере настолько же являются продуктом познавательных способностей человека, как его собственные воспоминания и мысли» (185). «Широко охватывающий характер закона природы обязан своим существованием изобретательности человеческого ума» (ib.). «Человек есть творец закона природы», гласит § 4 второй главы. «Есть гораздо больше смысла в утверждении, что человек дает законы природе, чем в обратном утверждении, что природа дает законы человеку», — хотя, — с горечью признается почтеннейший профессор, — этот последний (материалистический) взгляд, «к несчастью, слишком распространен в наше время» (р. 87). В IV главе, посвященной вопросу о причинности, § 11 формулирует тезис Пирсона: «*Необходимость принадлежит к миру понятий, а не к миру восприятий*». Для Пирсона, надо заметить, восприятия или чувственные впечатления «и есть» вне нас существующая действительность. «В том единообразии, с которым повторяются известные ряды восприятий,

в той рутине восприятий нет никакой внутренней необходимости; но необходимым условием существования мыслящих существ является наличие рутин восприятий. Необходимость заключается, следовательно, в природе мыслящего существа, а не в самих восприятиях; она является продуктом познавательной способности» (р. 139).

Наш махист, с которым полную солидарность выражает неоднократно «сам» Э. Мах, благополучно пришел таким образом к чисто кантианскому идеализму: человек дает законы природе, а не природа человеку! Не в том дело, чтобы повторять за Кантом учение об априорности, — это определяет не идеалистическую линию в философии, а особую формулировку этой линии, — а в том, что разум, мышление, сознание является здесь первичным, природа — вторичным. Не разум есть частичка природы, один из высших продуктов ее, отражение ее процессов, а природа есть частичка разума, который само собою растягивается таким образом из обыкновенного, простого всем знакомого человеческого разума в «чрезмерный», как говорил И. Дидцен, таинственный, божественный разум. Кантианско-махистская формула: «человек дает законы природе», есть формула фидеизма. Если наши махисты делают большие глаза, читая у Энгельса, что основной отличительный признак материализма есть принятие за первичное природы, а не духа, — то это показывает только, до какой степени они неспособны отличать действительно важные философские направления от профессорской игры в ученость и в мудреные словечки. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 126—128, 130—132, изд. 3-е.*)

Случайность и необходимость

Случайность и необходимость. Другая противоположность, в плену которой находится метафизика, это — противоположность между случайностью и необходимостью. Есть ли что-нибудь более противоречащее друг другу, чем обе эти логические категории? Как возможно, что обе они тождественны, что случайное необходимо, а необходимое точно так же случайно? Обычный здравый смысл, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность как категории, безусловно исключающие друг друга. Какая-нибудь вещь, какое-нибудь отношение, какой-нибудь процесс либо случайны, либо необходимы, но не могут быть и тем и другим¹. Таким образом оба существуют бок о бок в природе: в последней заключаются всякого рода предметы и процессы, из которых одни случайны, другие необходимы, причем важно только одно — не смешивать их между собой. Так, например, принимают главные видовые признаки за необходимые, считая остальные различия у индивидов одного и того же вида случайными; и это относится к кристаллам, как и к растениям и животным. При этом², в свою очередь, низшая группа рассматривается как случайная по сравнению с высшей: так, например, считают случайным то, сколько имеется различных видов *genus felis*, или *agnus*, или сколько имеется родов и порядков в каком-нибудь классе, или сколько существует индивидов в каждом из этих видов, или сколько имеется различных видов животных в определенной области, или какова вообще фауна, флора. А затем объявляют необходимым единственно достойным научного интереса, а случайное — безразличным для науки.

¹ [В рукописи здесь первоначально с красной строки начинался новый абзац: <Дело едва ли изменится, если мы станем на точку зрения того детерминизма, который перешел к этому воззрению на природу от французского материализма и который устраняет случайность, отрицая ее. Согласно этому толкованию> В несколько измененной форме это предложение опять повторяется ниже.]

² [Дальнейшее до слов: «Чего мы не знаем», приписано Энгельсом на обратной стороне листа.]

Это означает следующее: то, что можно подвести под законы, что, следовательно, *знают*, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь. Но при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо задача ее ведь в том, чтобы исследовать то, чего мы *не* знаем. Это означает следующее: что можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным. Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что она может объяснить, сводя непонятное ей к сверхестественным причинам. При этом по существу дела совершенно безразлично, назову ли я причину непонятных явлений случаем или богом. Оба эти названия являются лишь выражением моего незнания и поэтому не относятся к ведению науки. Наука перестает существовать там, где теряет силу необходимая связь.

Противоположную позицию занимает детерминизм, перешедший в естествознание из французского материализма и рассчитывающий покончить со случайностью тем, что он вообще отрицает ее. Согласно этому воззрению в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию, что этот цветок клевера был оплодотворен в этом году пчелой, а тот — нет, и притом этой определенной пчелой и в это определенное время, что это определенное, унесенное ветром семя одуванчика взойшло, а другое — нег, что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 или в 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру, — все это факты, вызванные неизменным сцеплением причин и следствий, связаны незыблемой необходимостью, и газовый шар, из которого возникла солнечная система, был так устроен, что эти события могли произойти только так, а не иначе. С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки совершенно безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, извечным решением божьим, или, вместе с турками, кismetом, или же назовем необходимостью. Ни в одном из этих случаев не может быть речи об изучении причинной цепи, ни в одном из этих случаев мы не двигаемся с места. Так называемая необходимость остается простой фразой, а благодаря этому и случай остается тем, чем он был. До тех пор, пока мы не можем показать, от чего зависит число горошин в стручке, оно остается случайным; а оттого, что нам скажут, что этот факт предвиден уже в первичном устройстве солнечной системы, мы не подвигаемся ни на шаг дальше. Мало того: наука, которая взялась бы проследить этот случай с отдельным стручком в его каузальном сцеплении, была бы уже не наукой, а просто игрой, ибо этот самый стручок имеет еще бесчисленные другие индивидуальные — кажущиеся нам случайными — свойства: оттенок цвета, плотность и твердость шелухи, величину горошин, не говоря уже об индивидуальных особенностях, доступных только микроскопу. Таким образом, с одним этим стручком нам пришлось бы проследить уже больше каузальных связей, чем в состоянии решить их все ботаники на свете.

Таким образом, случайность не объясняется здесь из необходимости, скорее, наоборот, необходимость низводится до чего-то чисто случайного. Если тот факт, что определенный стручок заключает в себе шесть горошин, а не пять или семь, — явление того же порядка, как закон движения солнечной системы или закон превращения энергии, то, значит, действительно не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость деградируется до уровня случайности. Мало того, можно сколько угодно утверждать, что разнообразие находящихся на определенном участке бок о бок органических и неорганических видов и индивидов покоится на нерушимой необходимости, но для отдельных видов и индивидов оно остается тем, чем было, т. е. случайным. Для отдельного животного случайно, где

оно родилось, какую среду оно застанет вокруг себя, какие враги и сколько именно врагов угрожают ему. Для материнского растения случайно, куда ветер занесет его семя, для дочернего растения — где это семя найдет почву, откуда оно вырастет, и уверение, что и здесь все покоится на нерушимой необходимости, является очень жалким утешением. Хаотическое создание предметов природы в какой-нибудь определенной области или даже на всей земле остается, при всем извечном, первичном детерминировании его, таким, каким оно было, — случайным.

В противовес обоим *этим* взглядам выступает Гегель с неслыханными до того утверждениями, что случайное имеет основание, ибо оно случайно, но точно так же не имеет никакого основания, ибо оно случайно; что случайное необходимо, что необходимость сама определяет себя как случайность и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость (Logik, книга II, отдел: Действительность). Естествознание предпочло игнорировать эти положения как парадоксальную игру слов, как противоречащую себе самой бессмыслицу, закоснев теоретически в бессодержательности вольтфовской метафизики, согласно которой нечто *либо* случайно, *либо* необходимо, но ни в коем случае ни то, ни другое одновременно, или в столь же бессодержательном механическом детерминизме, который на словах отрицает случайность в общем, чтобы на практике признал ее в каждом отдельном случае.

В то время как естествознание продолжало так думать, что *сделало* оно в лице Дарвина?

Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности фактической основы. Именно незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его усомниться в прежней основе всякой закономерности в биологии, усомниться в понятии вида, в его прежней метафизической неизменности и постоянстве. Но без понятия вида вся наука теряла свой смысл. Все ее отрасли нуждались в понятии вида: чем были бы без понятия вида анатомия человека, антропология, геология, палеонтология, ботаника и т. д.? Все результаты этих наук стали не только спорными, но были просто уничтожены. Случайность уничтожает необходимость, как ее понимали до сих пор. Прежнее представление о необходимости отказывается служить. (Накопленный за это время материал, относящийся к случайности, устранил и уничтожил старое представление о необходимости¹.) Сохранять его значит навязать природе в качестве закона противоречащее самому себе и действительности произвольное логическое построение, значит отрицать всякую внутреннюю необходимость в живой природе, значит вообще объявить хаотическое царство случая единственным законом живой природы. Неужели закон и пророки потеряли весь свой авторитет! — кричали вполне последовательно биологи всех школ. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 107—110, 1932 г.)

Случайность есть дополнение и форма проявления необходимости

...Люди сами делают свою историю, но до сих пор не сознательно, не руководя ею общей волей, по единому общему плану. Этого не было даже в пределах определенного, ограниченного данного общества (не говоря уже о всем человечестве). Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайность*. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь всякую случайность, — опять-таки

¹ [Эта фраза, вынесенная в скобки и в оригинале, стоит на полях без ясного указания, к какому месту текста она относится.]

исключительно экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Если мы этого человека вычеркнем, то появляется спрос на то, чтобы заместить его кем-нибудь, и такой заместитель находится, — хорошо или плохо, но с течением времени находится. Что Наполеон был вот именно этот корсиканец, что именно он был военным диктатором, который стал необходим французской республике, истощенной войной, — это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это несомненно, потому что всегда, когда такой человек требовался, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. доказывают, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело, и это понимание *должно* было быть открытым.

Точно так же обстоит дело со всеми случайностями или со всем кажущимся случайным в истории. Чем дальше будет удаляться от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно идеологической, тем больше будем мы находить, что она в своем развитии обнаруживает больше случайности, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если же мы начертим среднюю ось кривой, то мы найдем, что чем длиннее изучаемый период, чем больше изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет. (Маркс и Энгельс, *Письма*, стр. 407—408, Энгельс — Г. Штаркенбергу, 25 января 1894 г., *Партиздат*, 1932 г.)

Диалектическое понимание взаимодействия

Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственным* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором в конце концов экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя взаимная связь которых настолько отдалена или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени.

Мы делаем свою историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. Прусское государство возникло и развивалось благодаря историческим и, в конечном счете, экономичес-

ким причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы, в которой воплотились экономические различия, различия в языке, а со времени реформации и религиозные различия между севером и югом, причем это было предопределено именно только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния (главным образом то обстоятельство, что Бранденбург, благодаря обладанию Пруссией, был втянут в польские дела и через это в международные политические отношения, которые явились решающими также и при образовании могущества Австрийского дома). Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснять экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или объяснить экономически происхождение верхненемецких изменений гласных, которое разделяет Германию (в отношении диалекта) на две половины, что усиливается еще географически цепью гор от Судетов до Таунуса.

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *неволюно*. Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена в сущности тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, которые хотят каждый того, к чему их влечет строение их тела и внешние, в конечном счете экономические обстоятельства (или свои собственные личные, или вообще всего общества), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто общее, в один общий результат, — из этого не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля вносит свою долю в общий результат, и постольку включена в него.

Далее, я прошу вас изучать эту теорию по оригинальным источникам, а не из вторых рук, — это гораздо легче. Маркс не написал почти ничего, в чем бы эта теория не играла роли. В особенности великолепным образцом ее применения является «18 брюмера Луи Бонапарта», точно так же множество указаний и в «Капитале». Затем я могу, конечно, указать на мои сочинения: «Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом» и «Людвиг Фейербах и завершение классической немецкой философии», в которых я дал самое подробное, насколько мне известно, из всех существующих изложений исторического материализма.

Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодые [марксисты] иногда придавали больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов», и благодаря этому иногда возникала удивительная путаница. (Маркс и Энгельс, *Письма*, стр. 374—377, Энгельс — Иосифу Влозу, 21 сентября 1890 г., Партиздат, 1932 г.)

Случайность в общественной жизни

История развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. Именно: в природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые бессознательные силы, и общие законы проявляются во взаимодействии этих сил. Здесь нигде нет сознанный, желанной цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, показывающих, что среди всех этих случайностей явления происходят сообразно общим законам. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, действующие обдуманно или по страсти, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознанный намерения, без желанной цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории определяется внутренними общими законами. В самом деле, на поверхности явлений и в этой области, несмотря на сознанные и желанные цели всех отдельных людей, царствует, в общем и целом, повидимому, случайность. Желанное совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные себе людьми, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств. Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно подобному тому, которое господствует в бессознательной природе. Действия имеют известную желательную цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе не желательны. А если они, повидимому, и соответствуют желанной цели, то, в конце концов, они несут с собою далеко не то, что было желательно. Таким образом, кажется, что в общем случайность одинаково господствует и в исторической области. Но где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело в том, чтобы открыть эти законы. (*Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 44—45, 1932 г.*)

Общий ход развития и случайности

Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба принималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения. (*Маркс и Энгельс, Письма, стр. 290 — 291, Маркс — Кугельману, 17 апреля 1871 г., Партиздат, 1932 г.*)

* * *

Мы знаем, наконец, что необходимость составляется сплошь из чистейших случайностей, а эти мнимые случайности представляют собою форму, за которой скрывается необходимость, — и т. д. (*Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 42, 1932 г.*)

Острижение механистами объективного характера случайности

Если при перекрещивающемся действии двух или нескольких причинных цепочек (рядов) мы знаем только одну, тогда явление, которое получается при этом

перекрещивании, представляется нам случайным, хотя на самом деле оно вполне закономерно. Я знаю одну цепочку (один ряд) причин, — те, которые проявляются в моем путешествии по улицам; другой цепи (другого ряда) причин, которые двигают моего приятеля, я не знаю. Поэтому я не предвижу скрещивания двух причинных рядов. Поэтому же это (скрещивание (встреча)) представляется мне «случайным» явлением. Таким образом, строго гов. р. никаких случайных, т. е. беспричинных, явлений нет. Явления же могут представляться нам «случайными», поскольку мы недостаточно знаем их причины...

Если по сути дела все происходит закономерно, и случайного, в смысле беспричинного, не бывает вообще, то ясно, что не бывает и исторической случайности. Всякое историческое событие, каким бы случайным оно ни казалось, на самом деле вполне и целиком обусловлено: обычно и здесь под исторической случайностью разумеется такое явление, которое получилось благодаря перекрещиванию нескольких причинных рядов, из которых известен только один.

Иногда, однако, под исторической случайностью разумеют нечто иное. Когда например, говорят, что империалистская война с *необходимостью* возникла из развития мирового капитализма, но что, скажем, убийство австрийского эрцгерцога было явлением *случайным*, тут идет речь о чем-то другом. О чем именно? Нетрудно видеть, в чем здесь дело. Когда говорят о необходимости (причинной необходимости, неизбежности) империалистской войны, то эту неизбежность видят в громадной важности наличных причин в развитии общества, — причин, которые войну вызывают. При этом сама война является, в свою очередь, тоже событием громадной важности, т. е. таким событием, которое оказывает *решающее* влияние на дальнейшую судьбу общества. Таким образом, здесь под словом «историческая случайность» понимается обстоятельство, которое не играет *важной* роли в цепи общественных событий: если бы его не было, то картина дальнейшего развития изменилась бы настолько мало, что ее никто бы и не заметил. В данном примере: война была бы и без убийства эрцгерцога, ибо вовсе не в этом убийстве была «суть дела», а в обостреннейшей конкуренции империалистских держав, которая с развитием капиталистического общества становилась с каждым днем резче.

Можно ли сказать, что такое «случайное» явление не играет *никакой* роли в общественной жизни, что оно *никак* не влияет на судьбы общества, что оно, другими словами, равно нулю? Если мы хотим дать точный ответ, то должны ответить отрицательно. Ибо *всякое* событие, как бы оно ни было «ничтожно», на самом деле влияет на все последующее развитие.

Вопрос заключается в том, насколько крупные изменения в этом развитии оно производит. Поскольку речь идет об явлениях случайных в вышеуказанном смысле, постольку практически это влияние неважно, незаметно, бесконечно мало. Оно может быть чрезвычайно мало, но оно никогда не является нулем. Это тотчас же становится заметным, если мы возьмем *совокупное*, совместное действие таких «случайностей». Приведем такой пример. Предположим, что речь идет об образовании цены. Рыпочная цена образуется из столкновений массы оценок со стороны покупателей и продавцов. Если мы возьмем *один* случай, *одну* оценку, столкновение одного покупателя с одним продавцом, то это явление может быть названо «случайным». Купец Сидоров обьегорил старуху Петрову. Это, с точки зрения *рыночной цены, т. е. общественного явления*, получившегося от *множества* столкновений между различными оценками, есть случайность. «Не все ли равно, что произошло в отдельном случае у Сидорова? Нам важен конечный результат, общественное явление, то, что носит *типичный* характер». Так часто говорят, и говорят совершенно справедливо. Ибо отдельный случай играет незаметную роль. Он не важен. Но попробуйте вы сгрупп-

пировать, соединить большое количество таких «случаев». И сразу вы увидите, что «случайность» начинает исчезать. Роль и значение многих случаев, их совокупное действие сразу же сказывается на дальнейшем развитии. Ибо и отдельные случаи вовсе не нули. Нуль, сколько ни помножай, все равно больше нуля не будет. Из пустышки ничего не сделаешь, какие бы манипуляции с этой пустышкой мы ни производили.

Таким образом мы видим, что, строго говоря, в историческом развитии общества нет никаких случайных явлений: и то, что Каугский не спал в такую-то ночь, когда ему снились ужасы большевистской революции; и то, что был убит австрийский эрцгерцог незадолго до войны; и то, что Англия вела колониальную политику; и то, что возникла мировая война, — словом, все события, начиная с самых мизерных и незаметных и кончая потрясающими событиями современности, — все эти события *одинаково не случайны*, одинаково причинно обусловлены, т. е. одинаково причинно-необходимы. (Н. Бузрин, *Теория исторического материализма*, стр. 41—44, Гиз, 1929 г.)

Свобода и необходимость

Нельзя толковать о праве и нравственности, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой. Философия действительности тоже дает ответ на этот вопрос, и даже не один, а целых два.

«На место всех ложных теорий свободы надо поставить эмпирическое свойство того отношения, согласно которому рациональное понимание, с одной стороны, и инстинктивные побуждения — с другой, как бы объединяются в одну среднюю силу. Основные факты этого вида динамики надо заимствовать из наблюдения и применить, в качественном и количественном отношении, к предвидению еще не последовавшего события, *поскольку это удастся*. Благодаря этому не только радикально уничтожаются все дурацкие фантазии о внутренней свободе, которыми питались целые тысячелетия, но они сами заменяются также чем-то положительным, что пригодно для практического устройства жизни». Согласно этому, свобода состоит в том, что рациональное понимание тянет человека вправо, иррациональные побуждения — влево, и при этом параллелограмме сил действительное движение происходит в направлении диагонали. Следовательно, свобода является равнодействующей между пониманием и инстинктом, между разумом и неразумием, и степень ее у каждого отдельного человека можно установить согласно опыту с помощью «уравнения личности», пользуясь астрономическим выражением. Но через несколько страниц мы читаем: «Мы основываем моральную ответственность на понятии свободы, которая, однако, означает для нас только восприимчивость к сознательным мотивам, сообразно природному и приобретенному рассудку. Все подобные мотивы действуют, несмотря на восприятие возможного противоречия в поступках, с неизбежной, естественной закономерностью; но, когда мы приводим в действие моральные рычаги, мы рассчитываем именно на это неустранимое принуждение».

Это второе определение свободы, резко противоречащее первому, представляет собой не что иное, как крайнее вульгаризирование гегелевской точки зрения. Гегель первый правильно понял отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода — это «понимание необходимости. *«Необходимость слепа лишь постольку, поскольку она не понятна»*. Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это верно как о законах внешней природы, так и о тех, которые регулируют физическую и духовную жизнь самого человека, —

о двух классах законов, которые мы можем отделять друг от друга разве только в идее, но не в действительности. Поэтому свобода голи означает не что иное, как способность принимать решения с знанием дела. Следовательно, чем *свободнее* суждение какого-нибудь человека по отношению к известной проблеме, с тем большей *необходимостью* будет определено содержание этого суждения; а, наоборот, вытекающая из незнания неуверенность, которая выбирает якобы произвольно между многими различными и противоположными решениями, этим именно доказывает свою несвободу, свою подчиненность объекту действительности, который она должна была бы как раз подчинить себе. Следовательно, свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости; значиг она является необходимым продуктом исторического развития. Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе. На пороге человеческой истории стоит открытие превращения механического движения в теплоту: добывание огня трением; в конце этого развития стоит открытие превращения теплоты в механическое движение: паровая машина. И несмотря на колоссальную освободительную революцию, совершаемую паровой машиной в общественной жизни — которая еще не завершена и наполовину, — нет сомнения, что добывание огня трением превосходит ее по своему освобождающему человечество значению. Ведь оно впервые дало человеку господство над определенной силой природы и благодаря этому окончательно оторвало его от животного царства. Паровая машина никогда не вызовет столь мощного сдвига в развитии человечества, хотя она и кажется нам представительницей всех тех связанных с ней производительных сил, с помощью которых только и возможно создание нового общества, где не будет никаких классовых различий, никаких забот об индивидуальных средствах к существованию и где впервые сможет зайти речь о действительной человеческой свободе, о существовании в гармонии с познанными законами природы. Но как молодца еще вся история человечества, как смешно было бы желать приписывать нашим теперешним воззрениям какое-нибудь абсолютное значение, видно из того простого факта, что всю протекшую историю можно рассматривать как историю периода времени от практического открытия превращения механического движения в теплоту до открытия превращения теплоты в механическое движение.

Господин Дюринг, конечно, иначе рассматривает историю. Вообще как история заблуждений, невежества и грубостей, насилия и порабощения — она противный для философии действительности предмет. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 80—81, 1932 г.)

Свобода есть познанная необходимость

На стр. 140—141 «Очерков» А. Луначарский приводит рассуждения Энгельса в «Анти-Дюринге» по этому вопросу и вполне присоединяется к «поразительной по отчетливости и меткости» характеристике дела Энгельсом на соответственной «дивной странице»¹ указанного сочинения.

Дивного тут действительно много. И всего более «дивно», что ни А. Луначарский, ни куча других махистов, желающих быть марксистами, «не заметили» гносеологического значения рассуждения Энгельса о свободе и необходимости. Читать читали и переписать переписали, а что к чему, не поняли.

¹ Луначарский говорит: «... дивная страница «религиозной экономики». Скажу так, рискуя вызвать улыбку «нерелигиозного» читателя». Какими бы ни были ваши благие намерения, товарищ Луначарский, ваши заигрывания с религией вызывают не улыбку, а отвращение.

Энгельс говорит: «Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости. Для него свобода есть познание необходимости. *«Слепа необходимость, лишь поскольку она не понята»*. Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения... Свобода состоит в основанном на познании необходимости (Naturnothwendigkeiten) господстве над нами самими и над внешней природой...» (стр. 112 — 113 5-го немецкого изд.)

Разберем, на каких гносеологических посылах основано все это рассуждение.

Во-первых, Энгельс признает с самого начала своих рассуждений законы природы, законы внешней природы, необходимость природы, — т. е. все то, что объявляют «метафизикой» Мах, Авенариус, Петцольдт и К°. Если бы Луначарский хотел подумать хорошенько над «дивными» рассуждениями Энгельса, то он не мог бы не увидеть основного различия материалистической теории познания от агностицизма и идеализма, отрицающих закономерность природы или объявляющих ее только «логической» и т. д. и т. п.

Во-вторых, Энгельс не занимается вымучиванием «определений» свободы и необходимости, тех схоластических определений, которые всего более занимают реакционных профессоров (вроде Авенариуса) и их учеников (вроде Богданова). Энгельс берет познание и волю человека — с одной стороны, необходимость природы — с другой, и вместо всякого определения, всякой дефиниции, просто говорит, что необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой; Энгельс считает это до такой степени самоочевидным, что не теряет лишних слов на пояснение своего взгляда. Только российские махисты могли *жаловаться* на общее определение материализма *Энгельсом* (природа — первичное, сознание — вторичное: вспомните «недоумения» Богданова по этому поводу!) и в то же время находить «дивным» и «поразительно метким» *обно из частных применений* Энгельсом этого общего и основного определения!

В-третьих, Энгельс не сомневается в существовании «слепой необходимости». Он признает существование необходимости, *не познанной* человеком. Это яснее ясного видно из приведенного отрывка. А между тем, с точки зрения махистов, каким образом может человек *знать* о существовании того, чего он *не знает*? Знать о существовании непознанной необходимости? Разве это не «мистика», не «метафизика», не признание «фетишей» и «идолов», не «кантовская непознаваемая вещь в себе»? Если бы махисты вдумались, они не могли бы не заметить *полнейшего тождества* рассуждений Энгельса о познаваемости объективной природы вещей и о превращении «вещи в себе» в «вещь для нас», с одной стороны, и его рассуждений о слепой, непознанной необходимости — с другой. Развитие сознания у каждого отдельного человеческого индивида и развитие коллективных знаний всего человечества на каждом шагу показывает нам превращение непознанной «вещи в себе» в познанную «вещь для нас», превращение слепой, непознанной необходимости, «необходимости в себе», в познанную «необходимость для нас». Гносеологически нет решительно никакой разницы между тем и другим превращением, ибо основная точка зрения тут и там одна, именно: материалистическая, признание объективной реальности внешнего мира и законов внешней при-

роды, причем и этот мир и эти законы вполне познаваемы для человека, но никогда не могут быть им познаны *до конца*. Мы не знаем необходимости природы в явлениях погоды и постольку мы неизбежно — рабы погоды. Но, *не зная этой* необходимости, мы знаем, что она существует. Откуда это знание? Оттуда же, откуда знание, что вещи существуют вне нашего сознания и независимо от него, именно: из развития наших знаний, которое миллионы раз показывает каждому человеку, что незнание сменяется знанием, когда предмет действует на наши органы чувств, и наоборот: знание превращается в незнание, когда возможность такого действия устранена.

В-четвертых, в приведенном рассуждении Энгельс явно применяет «сальтовитальный» метод в философии, т. е. делает прыжок от теории к практике. Ни один из тех ученых (и глупых) профессоров философии, за которыми идут наши махисты, никогда не позволяет себе подобных, позорных для представителя «чистой науки», прыжков. У них одно дело теория познания, в которой надо как-нибудь похитрее словесно сострять «дефиниции», и совсем другое дело практика. У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самую теорию познания, давая объективный критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) *независимо* от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика), есть объективная, абсолютная, вечная истина.

Что же мы получаем в итоге? Каждый шаг в рассуждении Энгельса, почти буквально каждая фраза, каждое положение построены всецело и исключительно на гносеологии диалектического материализма, на посылах, бьющих в лицо всему махистскому вздору о телах, как комплексах ощущений, об «элементах», о «совпадении чувственного представления с вне нас существующей действительностью» и пр. и т. п. Ни капельки не смущаясь этим, махисты бросают материализм, повторяют (à la Берман) истасканные пошлости про диалектику и тут же рядом принимают с распростертыми объятиями одно из применений диалектического материализма! Они черпали свою философию из эклектической нищенской похлебки и они продолжают угощать читателя таковой же. Они берут кусочек агностицизма и чуточку идеализма у Маха, соединяя это с кусочком диалектического материализма Маркса, и лепечут, что эта окрошка есть *развитие* марксизма. Они думают, что если Мах, Авенариус, Петцольдт и все прочие их авторитеты не имеют ни малейшего понятия о решении вопроса (о свободе и необходимости) Гегелем и Марксом, то это чистейшая случайность: ну, просто-напросто, не прочитали такой-то странички в такой-то книжечке, а вовсе не в том дело, чтобы эти «авторитеты» были и остались круглыми невеждами относительно *действительного* прогресса философии в XIX веке, были и остались философскими обскурантами.

Вот вам рассуждение одного такого обскуранта, ординарнейшего профессора философии в Венском университете, Эрнста Маха:

«Правильность позиции *«детерминизма»* или *«индетерминизма»* не может быть доказана. Только законченная или доказанно невозможная наука могла бы решить этот вопрос. Речь идет тут о таких предпосылках, которые мы вносим (man bringt) в рассмотрение вещей, смотря по тому, приписываем ли прежним успехам или неудачам исследования более или менее значительный субъективный вес (subjektives Gewicht). Но во время исследования всякий мыслитель по необходимости является теоретически детерминистом» («Познание и заблуждение», стр. 282 — 283, 2-е немецкое изд.).

Разве это не обскурантизм, когда чистая теория заботливо отгораживается от практики? Когда детерминизм ограничивается областью «исследования», а в области морали, общественной деятельности, во всех остальных областях, кроме «исследования», вопрос предоставляется «субъективной» оценке? В моем кабинете, — говорит ученый педант, — я детерминист, а о том, чтобы философ заботился о целом, охватывающем и теорию и практику, мирозерцании, построенном на детерминизме, нет и речи. Мах говорит пошлости потому, что теоретически вопрос о соотношении свободы и необходимости совершенно ему неясен. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 154—157, изд. 3-е.)

Роль личности в истории

Небезынтересно следующее за сим рассуждение г. Михайловского об исторической необходимости, так как оно вскрывает перед нами хотя отчасти действительный идейный багаж «нашего известного социолога» (звание, которым пользуется г. Михайловский наравне с В. В. у либеральных представителей нашего «культурного общества»). Он говорит о «конflikте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности»: общественные деятели заблуждаются, считая себя деятелями, тогда как они «деемые», «марионетки, подергиваемые из таинственного подполья имманентными законами исторической необходимости», — такой вывод следует, дескать, из этой идеи, которая посему и именуется «бесплодной» и «расплывающейся». Не всякому читателю, пожалуй, понятно, откуда взял всю эту чепуху — марионеток и т. п. — г. Михайловский. Дело в том, что это один из любимых коньков субъективного философа — идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он исписал об этом груды бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле никакого тут конфликта нет; он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сраживание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя, несомненно, деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? В чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представлений о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность, — и опять-таки г. Михайловский только походил кругом да около вопроса, не сделав даже попытки точно поставить его и попробовать дать то или иное решение. Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя, именно классовая борьба пролетариата против буржуазии. Очевидно, что серьезная критика и должна бы напра-

виться либо против того взгляда, что наши порядки — буржуазные, либо против представления о сущности этих порядков и законов развития их, но г. Михайловский и не помышляет о том, чтобы затрагивать серьезные вопросы. Он предпочитает отделываться бессодержательным фразерством насчет того, что необходимость — слишком общая скобка и т. п. Да ведь всякая идея будет слишком общей скобкой, г. Михайловский, если наподобие вяленой воблы сначала выкинете из нее все содержание, а потом станете возиться с оставшейся шелухой! Эта область шелухи, скрывающей действительно серьезные, жгучие вопросы современности, — любимая область г. Михайловского, и он, например, с особенной гордостью подчеркивает, что «экономический материализм игнорирует или неверно освещает вопрос о героях и толпе». Извольте ли видеть — вопрос о том, из борьбы каких именно классов и на какой почве складывается современная русская действительность — для г. Михайловского, вероятно, слишком общий, и он его обходит. Зато вопрос о том, какие отношения существуют между героями и толпой, безразлично — есть ли это толпа рабочих, крестьян, фабрикантов, помещиков — такой вопрос его крайне интересует. Может быть, это и «интересные» вопросы, но упрекать материалистов в том, что они направляют все усилия на решение таких вопросов, которые имеют прямое отношение к освобождению трудящегося класса, — значит быть любителем филистерской науки, и ничего больше. (Ленин, *Что такое «буржуа народа» и как они воюют против социал-демократов*, Соч., т. 1, стр. 78—80, изд. 3-е.)

Из царства необходимости в царство свободы

С переходом средств производства в общественную собственность устраняется товарное производство, а вместе с тем господство продуктов над производителями. Анархия общественного производства заменяется организацией его по заранее обдуманному плану. Прекращается индивидуальная борьба за существование. Таким образом человек окончательно в известном смысле выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Жизненные условия, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы в той мере, как они становятся господами своих собственных общественных отношений. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы вполне сознательно применяются ими и следовательно подчиняются их господству. Общественный строй, до сих пор являющийся людям как бы дарованным свыше природой и историей, будет тогда их собственным, свободным делом. Объективные, внешние силы, господствовавшие над историей, поступят под контроль человека. И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы. (Энгельс, *Развитие социализма от утопии к науке*, стр. 63, 1932 г.)

* * *

Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства.

С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которая является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие. (*Маркс, Капитал, т. III, стр. 591—592, 1932 г.*)

Фаталистическое понимание механистами необходимости

Понятию случайности противоположно понятие *необходимости* (причинной необходимости).

«Необходимо то, что неизбежно вытекает из определенных причин». Когда говорят, что такое-то явление было исторически необходимо, это значит, что оно неизбежно должно было произойти, *вне всякой зависимости от того, хорошо оно или плохо*. Когда говорят о причинной необходимости, то здесь нет ни малейшего намека на *оценку* события, на его желательность или нежелательность; здесь речь идет лишь о его *неизбежности*. Не нужно — как это иногда делают — путать два совсем различных понятия: необходимости в смысле желательности и причинной необходимости. Это две *совершенно* разные вещи. И когда говорят об исторической необходимости, то под этим разумеют не то, что желательно с точки зрения, скажем, общественного прогресса, а то, что *неизбежно вытекает из хода общественного развития*. В этом смысле исторически необходимым было как быстрое развитие производительных сил в конце XIX в., так и падение Римской империи или исчезновение так называемой критской культуры. Необходимое есть *причинно обусловленное*. Ни больше, ни меньше.

Теперь мы переходим к одному, довольно трудному вопросу все о той же необходимости.*

Предположим, что у нас имеется перед глазами человеческое общество, которое за 20 лет возросло вдвое. Тогда мы в праве заключить (сделать вывод), что производство в этом обществе расширилось. *Если бы оно не расширилось, то общество не могло бы увеличиться вдвое*. Если оно *увеличилось*, значит, возросло и производство. Этот пример не нуждается сам по себе в дальнейших разъяснениях. Но что он представляет собой? Здесь мы особым способом отыскиваем *причину* общественного развития, — причину, которая представляется, как *необходимое условие* этого развития. Нет его налицо — нет и развития. *Если есть развитие, стало быть, должно быть налицо и это условие*.

Этот пример может навести вот на какие размышления. В начале книжки мы беспощадно изгнали телеологию. А теперь мы ее как будто сами вводим: «тони природу в дверь, она влетит в окно». В самом деле, как тут стоит вопрос? Для развития общества, для *того*, чтобы общество увеличилось вдвое, нужно чтобы выросло производство. Развитие и возрастание общества — цель, «телос». Развитие производства — *средство* для осуществления этой цели. Закономерность развития есть закономерность телеологическая. Мы как будто бы совершили таким образом преступление против науки и попали в поповские объятия.

Однако на самом деле здесь имеется нечто иное, и телеологией вовсе и не пахнет. В самом деле, мы здесь исходим из предположения, что общество возросло (в данном случае мы исходим даже из факта, что общество возросло). Но оно могло и не возрасти. И если бы оно не возросло, а, скажем, вдвое уменьшилось, тогда мы могли бы сделать точь-в-точь по такому же способу следующее заключение: так как общество вдвое уменьшилось, и притом уменьшилось от недоедания, *значит* производство сократилось. Ни одному человеку однако не придет в голову видеть «цель» в разрушении общества. Никто не может сказать в этом случае: цель — уменьшение общества от недоедания; средство к этой цели — сокращение производства. Значит, тут нет ровно никакой телеологии. Здесь есть лишь особый прием отыскивания *условий* (причин) по *результату* (по следствиям).

Необходимое условие дальнейшего развития называется частотоже *исторической необходимостью*. В этом смысле исторической необходимостью была французская революция, без которой капитализм не мог бы развиваться; или так называемое «освобождение крестьян» в 1861 г., без которого не мог бы развиваться дальше русский капитализм. В этом смысле является исторической необходимостью социализм, так как без него невозможно дальнейшее развитие общества. Если общество будет развиваться, — *неизбежно* будет социализм. (Бухарин, *Теория исторического материализма*, стр. 45—46, 1929 г.)

Возможность двух линий развития революции

На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода.

Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества. Иными словами: либо — сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев старой «надстройки»; отсюда — преобладающая роль либерально-монархического буржуа и помещика, быстрый переход на их сторону зажиточного крестьянства, понижение крестьянской массы, не только экспроприруемой в громадных размерах, но закабаляемой к тому же теми или иными кадетскими выкупами, забиваемой и отупляемой господством реакции; душеприказчиками такой буржуазной революции будут политики типа, близкого к октябристам. Либо — разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой «надстройки»; преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контрреволюционной буржуазии; наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабочей и крестьянской массы; — отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства. Возможны, конечно, бесконечно разнообразные сочетания элементов того или иного типа

капиталистической эволюции, и только безнадежные педанты могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток из того или иного отзыва Маркса про другую историческую эпоху. (В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, Соч., т. III, стр. 12—13, изд. 3-е.)

Превращение возможности в действительность

Но вот вопрос: сумела ли партия правильно использовать возможности, предоставляемые нам советским строем; не продержала ли она эти возможности под спудом, помешав, таким образом, рабочему классу развернуть до конца всю свою революционную мощь, сумела ли она выжать из этих возможностей все то, что можно было выжать, для того, чтобы развернуть по всему фронту социалистическое строительство?

Советский строй дает колоссальные *возможности* для полной победы социализма. Но *возможность* не есть еще *действительность*. Чтобы превратить возможность в действительность, необходим целый ряд условий, в числе которых линия партии и правильное проведение этой линии играют далеко не последнюю роль.

Несколько примеров.

Правые оппортунисты утверждают, что нэп обеспечивает нам победу социализма, следовательно, можно не беспокоиться насчет темпа индустриализации, развития совхозов и колхозов и т. п., так как наступление победы все равно обеспечено в порядке, так сказать, самотека. Это, конечно, неверно и глупо. Говорить так — значит отрицать роль партии в строительстве социализма, отрицать ответственность партии за это строительство. Ленин вовсе не говорил, что нэп обеспечивает нам победу социализма. Ленин говорил лишь о том, что «экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам *возможность* постройки фундамента социалистической экономики». Но возможность не есть еще *действительность*. Чтобы возможность превратить в действительность, надо прежде всего отбросить теорию самотека, надо перестроить (реконструировать) народное хозяйство и повести решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни.

Правые оппортунисты утверждают далее, что в нашем строе не заложены основания для раскола между рабочим классом и крестьянством, — следовательно, можно не беспокоиться насчет установления правильной политики в отношении социальных групп деревни, так как кулак все равно вращается в социализм, а союз рабочих и крестьян будет обеспечен в порядке, так сказать, самотека. Это также неверно и глупо. Как могут говорить только люди, не понимающие того, что политика партии, да еще такой партии, которая стоит у власти, является здесь основным моментом, определяющим судьбу дела союза рабочих и крестьян. Ленин вовсе не считал исключенной опасность раскола между рабочим классом и крестьянством. Ленин говорил о том, что «в нашем социальном строе *не заложены с необходимостью* основания для такого раскола», но «если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет *неизбежен*». В связи с этим Ленин считал, что:

«Главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и *предупреждать* их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того — пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «непманам», т. е. новой буржуазии, разьединить себя с рабочими, расколоть себя с ними».

Следовательно, раскол между рабочим классом и крестьянством не исключен, но он вовсе не обязателен, так как в нашем строе заложена *возможность* предотвратить этот раскол и упрочить союз рабочего класса и крестьянства. А что требуется

для того, чтобы эту возможность превратить в действительность? Чтобы возможность *предотвращения* раскола превратить в действительность, нужно прежде всего похоронить теорию самотека, нужно выкорчевать корни капитализма, организовав колхозы и совхозы, и перейти от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса.

Выходит, таким образом, что нужно строго различать между *возможностями*, имеющимися в нашем строе, и *использованием* этих возможностей, превращением этих возможностей в *действительность*.

Выходит, что вполне допустимы случаи, когда возможности для победы имеются, а партия не видит этих возможностей или не умеет их правильно использовать, ввиду чего вместо победы может получиться поражение.

И вот все тот же вопрос: сумела ли партия правильно использовать *возможности* и *преимущества*, представляемые нам советским строем; все ли она делала для того, чтобы *превратить эти возможности в действительность* и обеспечить, таким образом, нашему строительству максимум успехов?

Иначе говоря: правильно ли руководили партия и ее ЦК строительством социализма за истекший период?

Что требуется для правильного руководства партии в наших современных условиях?

Для правильного руководства партии необходимо, помимо всего прочего, чтобы линия партии была правильна, чтобы массы понимали правильность партийной линии и поддерживали ее активно, чтобы партия не ограничивалась выработкой генеральной линии, а руководила изо дня в день проведением ее в жизнь, чтобы партия вела решительную борьбу с уклонами от генеральной линии и примиренчеством с ними, чтобы в борьбе с уклонами партия ковала единство своих рядов и железную дисциплину. (И. Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 548—550, изд. 9-е.)

Ликвидация возможности реставрации капитализма

Существуют ли у нас, в нашей советской стране, условия, делающие *возможным* восстановление (реставрацию) капитализма? Да, существуют. Это, может быть, покажется странным, но это факт, товарищи. Мы свергли капитализм, установили диктатуру пролетариата и развиваем усиленным темпом нашу социалистическую промышленность, смыкая с ней крестьянское хозяйство. Но мы еще не вырвали корней капитализма. Где же они, эти самые корни, гнездятся? Они гнездятся в товарном производстве, в мелком производстве города и особенно деревня. Сила капитализма состоит, как говорит Ленин, «в силе *мелкого производства*, ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (см. т. XXV, стр. 173). Ясно, что, поскольку мелкое производство имеет у нас массовый и даже преобладающий характер и поскольку оно рождает капитализм и буржуазию, особенно в условиях непа, постоянно и в массовом масштабе, — у нас имеются условия, делающие *возможным* восстановление капитализма.

Существуют ли у нас, в нашей советской стране, средства и силы, необходимые для того, чтобы уничтожить, ликвидировать *возможность* восстановления капитализма? Да, существуют. На этом именно и зиждется правильность тезиса Ленина о *возможности* построения в СССР полного социалистического общества. Для этого необходимо упрочение пролетарской диктатуры, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, развитие наших командных высот под углом индустриализации страны, быстрый темп развития индустрии, электрификация страны, перевод всего народного хозяйства на новую техническую базу, массовое коопе-

рирование крестьянства и поднятие урожайности его хозяйства, постепенное объединение индивидуальных крестьянских хозяйств в общественные хозяйства, развитие совхозов, ограничение и преодоление капиталистических элементов города и деревни и т. д. и т. п.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

«Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью в городе, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и, чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, — только тогда мы победим окончательно» (т. XXVI, стр. 46—47).

Выходит, во-первых, что, пока мы живем в мелко-крестьянской стране, пока мы не выкорчевали еще корней капитализма, для капитализма имеется более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Бывает, что срубили дерево, а корней не выкорчевали: нехватило сил. Из этого и вытекает *возможность* восстановления капитализма в нашей стране.

Выходит, во-вторых, что кроме возможности восстановления капитализма существует еще у нас *возможность победы социализма*, ибо мы можем уничтожить *возможность* восстановления капитализма, можем выкорчевать корни капитализма и добиться окончательной победы над капитализмом, *если* поведем усиленную работу по электрификации страны, *если* под промышленность, сельское хозяйство и транспорт подведем техническую базу современной крупной промышленности. Из этого и вытекает *возможность* победы социализма в нашей стране.

Выходит, наконец, что нельзя строить социализм только в промышленности, предоставив сельское хозяйство на произвол стихийного развития, исходя из того, что деревня «сама пойдет» за городом. Наличие социалистической промышленности в городе представляет основной фактор социалистического преобразования деревни. Но это еще не значит, что этот фактор является вполне достаточным. Чтобы социалистический город мог до конца повести за собой крестьянскую деревню, для этого необходимо, как говорит Ленин, «перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства».

Не противоречит ли эта цитата Ленина другой его цитате о том, что «нэп вполне обеспечивает нам *возможность* постройки фундамента социалистической экономики»? Нет, не противоречит. Наоборот, они вполне совпадают друг с другом. Ленин вовсе не говорит, что нэп дает нам социализм в готовом виде. Ленин говорит лишь о том, что нэп обеспечивает нам *возможность* построения фундамента социалистической экономики. Между *возможностью* построения социализма и *действительным* его построением существует большая разница. Нельзя смешивать возможность с действительностью. Именно для того, чтобы эту возможность превратить в действительность, именно для этого Ленин и предлагает в своей большой цитате электрификацию страны и под-

ведение технической базы современной крупной промышленности под промышленность, сельское хозяйство и транспорт, как условие для окончательной победы социализма.

Но осуществить это условие построения социализма в один-два года нет возможности. Нельзя в один-два года индустриализовать страну, построить новую промышленность, кооперировать миллионные массы крестьянства, подвести новую техническую базу под земледелие, объединить индивидуальные крестьянские хозяйства в крупные коллективы, развить совхозы, ограничить и преодолеть капиталистические элементы города и деревни. Для этого нужны годы и годы усиленной строительной работы пролетарской диктатуры. И пока этого не сделано, — а этого не сделаешь сразу, — мы остаемся все еще мелко-крестьянской страной, где мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно и в массовом масштабе и где опасность восстановления капитализма остается в силе. (И. Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 349—351, изд. 9-е.)

Что такое возможность победы социализма в одной стране?

Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариата других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах. (И. Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 222, изд. 9-е.)

Особый характер наших трудностей содержит в себе возможность их преодоления

Речь идет об особом характере наших трудностей. Речь идет о том, что наши трудности являются не трудностями *упадка* или трудностями *застоя*, а трудностями *роста*, трудностями *подъема*, трудностями *продвижения вперед*. Это значит, что наши трудности коренным образом отличаются от трудностей капиталистических стран. Когда в САСШ говорят о трудностях, имеют в виду трудности *упадка*, ибо Америка переживает ныне кризис, т. е. упадок хозяйства. Когда в Англии говорят о трудностях, имеют в виду трудности *застоя*, ибо Англия переживает вот уже несколько лет застой, т. е. приостановку движения вперед. Когда же мы говорим о наших трудностях, имеем в виду не упадок и не застой в развитии, а *рост* наших сил, *подъем* наших сил, *продвижение* нашей экономики *вперед*. На сколько пунктов *продвинуться вперед* к такому-то сроку, на сколько процентов *выработать больше* продуктов, на сколько миллионов гектаров *засеять больше*, на сколько месяцев *раньше* построить завод, фабрику, железную дорогу, — вот какие вопросы имеют у нас в виду, когда говорят о трудностях. Следовательно, наши трудности в отличие от трудностей, скажем, Америки или Англии, есть трудности *роста*, трудности *продвижения вперед*.

А что это значит? Это значит, что наши трудности являются такими трудностями, которые *сами содержат в себе возможность их преодоления*. Это значит, что отличительная черта наших трудностей состоит в том, что они *сами дают нам базу для их преодоления*.

Что же из всего этого вытекает?

Из этого вытекает, прежде всего, что наши трудности являются не трудностями мелких и случайных «неполадок», а трудностями классовой борьбы.

Из этого вытекает, во-вторых, что за нашими трудностями скрываются наши классовые враги, что трудности эти осложняются отчаянным сопротивлением отживающих классов нашей страны, поддержкой этих классов извне, наличием бюрократическ

элементов в наших собственных учреждениях, наличием неуверенности и косности в некоторых прослойках нашей партии.

Из этого вытекает, в-третьих, что для преодоления трудностей необходимо, прежде всего, отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление и расчистить, таким образом, дорогу для быстрого продвижения вперед.

Из этого вытекает, наконец, что самый характер наших трудностей, являющихся трудностями *роста*, дает нам *возможности*, необходимые для подавления классовых врагов.

Но чтобы использовать эти *возможности* и превратить их в *действительность*, чтобы подавить сопротивление классовых врагов и добиться преодоления трудностей, для этого существует лишь одно средство: организовать *наступление* на капиталистические элементы по *всему фронту* и изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие наступлению, мечущиеся в панике из стороны в сторону и вносящие в партию неуверенность в победе. (И. Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 527—528, изд. 9-е.)

**ТОЖДЕСТВО ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И
ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ В МАРКСИСТСКО-
ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

1. Марксистско-ленинская теория отражения

Единство мышления и бытия

Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления. <Только современная диалектическая философия, и именно философия Гегеля, ближе исследовала эту предпосылку и выставила закон тождества мышления и бытия.> Материализм XVIII столетия, будучи по существу метафизического характера, исследовал эту предпосылку только с точки зрения ее содержания. Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил старое положение: *nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*. Только современная идеалистическая — но вместе с тем и диалектическая — философия, в особенности Гегель, исследовали эту предпосылку также с точки зрения *формы*. Несмотря на бесчисленные произвольные <и фантастические> построения этой философии, несмотря на идеалистическую, на голову поставленную форму ее конечного результата — единства мышления и бытия, нельзя отрицать того, что она доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных отраслей знания, аналогию между процессами мышления и процессами в области природы и истории, и обратно: господство одинаковых законов для всех этих процессов. С другой стороны, современное естествознание до того расширило тезис об опытном происхождении всего содержания мышления, что от его старой метафизической ограниченности и формулировки ничего не осталось. Естествознание, признав наследственность приобретенных свойств, расширяет субъект опыта, делая им не индивида, а род: нет вовсе необходимости, чтобы отдельный индивид имел известный опыт; его частный опыт может быть <во многих случаях> до известной степени заменен результатами опытов ряда его предков. Если, например, среди нас математические аксиомы кажутся каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся в опытном доказательстве, то это является лишь результатом накопленной наследственности. Бушмену же или австралийскому негру их трудно втолковать путем доказательства. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 75—76, *Парт-издат*, 1932 г.)

Бытие определяет сознание

Итак речь идет у него о *принципах*, о формальных, выведенных из *мышления*, а не из внешнего мира основначалах, которые надо применить к природе и к человечеству и по которым должны направляться природа и человек. Но откуда берет мышление эти основначала? Из себя самого? Нет, ибо господин Дюринг заявляет сам, что чисто идеальная область ограничивается логическими схемами и матема-

тическими образованиями (последнее, как мы увидим, к тому же ложно). Логические схемы могут относиться только к *формам мышления*; здесь же дело идет только о формах *бытия*, внешнего мира, а этих форм мышление ни в коем случае не может творить и выводить из себя, но только из внешнего мира. Но в таком случае все отношение следует перевернуть: принципы оказываются не исходным пунктом, а конечным результатом исследования; они не привлекаются для приложения к природе и человеческой истории, а выводятся из них; не природа и царство человека направляются по принципам, а принципы правильны лишь постольку, поскольку они согласуются с природой и историей. Это — единственное материалистическое понимание дела, а противоположное, принадлежащее господину Дюрингу, идеалистично: оно ставит дело совершенно на голозу и конструирует реальный мир из мыслей, из каких-то от века существующих, домировых схем или категорий точь-в-точь, как «некий Геггель». (*Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 23—24, 1932 г.*)

...человек имеет также «сознание». Но и оно не имеется заранее, как «чистое» сознание. На «духе» заранее тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык так же древен, как сознание, язык, это — практическое, существующее для других людей, а, значит, существующее также для меня самого, реальное сознание, и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми. Мое отношение к моей среде есть мое сознание. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не *относится* ни к чему, для животного его отношение к другим не существует как отношение. Таким образом, сознание есть изначально исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание является, разумеется, прежде всего, сознанием ближайшей чувственной обстановки и сознанием ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; это в то же время — сознание природы, которая противостоит первоначально людям в качестве совершенно чуждой, всемогущей и неприступной силы, к которой люди относятся совершенно по животному и которая властвует над ними, как над скотом; следовательно, это — чисто животное сознание природы (природная, естественная религия), а, с другой стороны, — сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами, начало сознания того, что индивид вообще живет в обществе. Это начало носит столь же животный характер, как и общественная жизнь на этой ступени, оно — чисто стадное сознание; человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт или что его инстинкт носит сознательный характер. [Рукой Маркса: Здесь сейчас же видно, (что) эта естественная религия или это определенное отношение к природе обуславливается общественной формой, и обратно. (Здесь) обнаруживается тождество природы и человека, (которое) обуславливает сознательным отношением людей к природе их сознательное отношение друг к другу и их сознательным отношением друг к другу их сознательное отношение к природе.] (*Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. 1, стр. 220—221, Гиз, 1930 г.*)

Содержание человеческого познания

Производство идей, представлений, сознания прежде всего непосредственно вливается в материальную деятельность и в материальные сношения людей — в язык реальной жизни. Представления, мышление, духовные сношения людей являются

здесь еще прямым порождением их материальной практики. То же самое можно сказать о духовном производстве, как оно выражается в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. какого-нибудь народа. Люди (и именно люди, как они обусловлены способом производства их материальной жизни, их материальными сношениями и дальнейшим развитием последних в общественном и политическом расчленении), как они обусловлены определенным развитием своих производителей и соответствующих последним способов сношений до их отдаленнейших формаций, являются производителями своих представлений, идей и т. д. и т. д. о реальных действующих людях. Сознание... никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием..., а бытие людей, это — реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения кажутся поставленными на голову, как в какой-нибудь камере-обскуре, то это тоже вытекает из исторического процесса их жизни, подобно тому, как обратное изображение предметов на сетчатке вытекает из непосредственно физического процесса их жизни.

В полной противоположности к немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь собираемся подниматься с земли на небо, т. е. мы не будем исходить из того, что люди говорят, воображают себе, представляют себе, и не из мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы притти затем к телесным людям; мы будем исходить из реально деятельных людей, пытаясь вывести из их реального жизненного процесса также и развитие идеологических рефлексов и отражений этого жизненного процесса. И туманные образования в мозгу людей являются тоже необходимыми сублиматами их материального, эмпирически констатируемого и связанного с материальными условиями, жизненного процесса. Таким образом мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают свою видимость самостоятельности. У них нет вовсе истории, у них нет развития: только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения, изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как из живого индивида, — при втором, соответствующем реальной жизни, исходят из самих реальных, живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание.

Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из реальных предпосылок, не покидая их ни на одно мгновение. Предпосылками его являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и установленности, а в своем реальном, эмпирически наглядном процессе развития, при определенных условиях. Раз только выявлен этот действительный процесс жизни, история перестает быть коллекцией мертвых фактов, как мы это видим даже у все же еще абстрактных [ограниченных] эмпириков, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, как у идеалистов.

Таким образом, там, где прекращается спекуляция, т. е. у порога реальной жизни, начинается реальная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Исчезают фразы о сознании, их место должно занять реальное знание. Когда начинают изображать действительность, теряет свою *raison d'être* самостоятельная философия. На ее место может, в лучшем случае, стать суммирование наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Но абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, не имеют никакой ценности. Они могут служить лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала и наметить последовательность отдельных слоев его. Но, в отличие от философии, они отнюдь не дают какого-нибудь рецепта или схемы, согласно которым можно расположить исторические эпохи. Трудность, наоборот, начинается лишь там, где принимаются за рассмотрение и упорядочение

материала, безразлично, какой-нибудь прошедшей эпохи или настоящего времени, когда принимаются за изображение действительности. Устранение этих трудностей обусловлено предпосылками, которые ни в коем случае не могут быть указаны здесь, а вытекают только из изучения реального жизненного процесса и действия индивидов каждой отдельной эпохи. (*Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», тн. 1, стр. 215—217, Гиз, 1930 г.*)

Общественное сознание отражает общественное бытие

Какой бы «точный» смысл слов «общественное бытие» и «общественное сознание» Богданов ни придумывал, остается несомненным, что приведенное нами положение его *неверно*. Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, — совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена. Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо. Сознание вообще *отражает* бытие, — это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно.

Богданов примиряет свою теорию с выводами Маркса, принося в жертву этим выводам элементарную последовательность. Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*. Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития, — объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и *подчеркивает* своей «теорией» Богданов), а в том смысле, что общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно-необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах, с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран.

Все это Богданов признает. Значит? Значит, его теория «тождества общественного бытия и общественного сознания» *на деле* выкидывается им за борт, оставаясь пустым схоластическим привеском, — таким же пустым, мертвым и никчемным, как «теория всеобщей подстановки» или учение об «элементах», «интроекции» и весь прочий

махистский вздор. Но «мертвый хватает живого», мертвый схоластический привесок *против воли и независимо от сознания* Богданова превращает его философию в *служебное орудие*. Шубертов-Зольдернов и прочих реакционеров, которые на тысячи ладов с сотни профессорских кафедр распространяют *вот это самое* мертвое за живое, против живого, с целью задушить живое. Богданов лично — заклятый враг всякой реакции и буржуазной реакции в частности. Богдановская «подстановка» и теория «тождества общественного бытия и общественного сознания» *служит* этой реакции. Это — печальный факт, но факт.

Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 264, 266—267, изд. 3-е.*)

Человек, воздействуя на природу, изменяет и свою собственную природу

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых живоотнообразных инстинктивных форм труда по сравнению с состоянием общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, к глубинам первобытных времен относится то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы. Мы предполагаем труд в форме, составляющей исключительное достоинство человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил. (*Маркс, Капитал, т. I, стр. 119—120, изд. 1932 г.*)

Исходный пункт исторического описания

[Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны: пока существуют люди, история природы и история людей обуславливают друг друга...]

Предпосылки, из которых мы будем исходить, — это не произвольные утверждения, не догматы, а реальные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. К ним относятся реальные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как преднаходимые ими, так и созданные их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно констатировать чисто эмпирическим путем.

Первой предпосылкой всякой человеческой истории является, разумеется, существование живых индивидов, людей. [Первым историческим актом этих индивидов, которым они обособляются от животных, является не то, что они мыслят, а то, что они начинают *производить средства для своего существования*.]

Таким образом, первым, требующим констатирования, фактом является телесная организация этих индивидов и данная этим связь их с остальной природой. Мы здесь не можем, разумеется, заниматься ни физическими свойствами самих людей, ни окружающей их естественной обстановкой, геологическими, оро-гидрографическими, климатическими и иными отношениями. [Отношения эти обуславливают не только первоначальную, естественную организацию людей — в особенности расовые отличия — но и все их дальнейшее развитие или развитие до нашего времени.] Всякое историческое описание должно исходить из этих естественных основ и их видоизменения в ходе истории, благодаря деятельности людей.

Людей можно отличать от животных по сознанию, религии, вообще, по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, лишь только начинают *производить* необходимые для своей жизни средства — шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь.

Способ производства людьми необходимых для их жизни средств зависит ближайшим образом от свойств самих преднаходимых ими и воспроизводимых ими средств к существованию.

Итак, перед нами такой факт: определенные индивиды, производящие определенным образом, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае вскрыть эмпирически, без всякой мистификации и спекуляции, связь общественного и политического расчленения с производством. Общественное расчленение и государство возникают постоянно из жизненного процесса определенных индивидов, но индивидов не таких, какими они могут являться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они *суть в действительности*, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, оказываются деятельными при определенных материальных, независимых от их воли, предпосылках и условиях. Представления, составляемые себе этими индивидами, суть представления либо насчет их отношения к природе, либо насчет их отношения друг к другу, либо насчет их собственных свойств. Ясно, что во всех этих случаях эти представления являются реальным или иллюзорным сознательным выражением их реальных отношений и деятельности, их производства, их сношений, их общественной и политической практики. Противоположное допущение возможно лишь в том случае, если предположить кроме духа реальных, материально обусловленных, индивидов еще какой-то иной дух. Если сознательное выражение реальных отношений этих индивидов иллюзорно, если в своих представлениях они ставят свою действительность на голову, то это, в свою очередь, является следствием

их ограниченного материального способа деятельности и вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений. (*Маркс и Энгельс, О. Л. Фейербахе, «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1, стр. 214—215, изд. 1930 г.*)

Созерцательный характер фейербаховского материализма

...Для *практического* материалиста, т. е. для *коммуниста*, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их. Если у Фейербаха встречаются иногда подобные взгляды, то они все же остаются всегда на стадии каких-то разрозненных догадок, имея на общее его мировоззрение столь ничтожное влияние, что здесь их можно рассматривать только в качестве способных к развитию зачатков. Фейербаховское понимание чувственного мира ограничивается, с одной стороны, голым ощущением [рукой Маркса приписано: рассматривает «человека вообще» вместо «реального, исторического человека». Этот «человек» есть *realiter* «немец»]. В первом случае, при рассмотрении чувственного мира, он неизбежно наталкивается на вещи, которые нарушают для его сознания и для его чувства предполагаемую им гармонию всех частей чувственного мира и в особенности человека с природой¹. Чтобы устранить это, он вынужден искать спасения в каком-то двойном воззрении, проводя различие между обыденным воззрением, видящим только то, что «лежит под носом», и высшим, философским воззрением, усматривающим «истинную сущность» вещей. Он не замечает того, что окружающий его чувственный мир не есть вовсе какая-то непосредственно от века данная, всегда самой себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, продукт в том смысле, что он является в каждую историческую эпоху результатом деятельности целого ряда поколений, из которых каждое стоит на плечах предшествующего ему поколения, развивая его промышленность и его способ сношений и видоизменяя, в зависимости от изменившихся потребностей, его социальный строй. Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Известно, что вишневое дерево, как и все почти плодовые деревья, появилось в нашем поясе лишь несколько веков назад благодаря торговле, и таким образом оно стало доступно «чувственной достоверности» Фейербаха только благодаря этому действию определенного общества в определенное время. Впрочем при этом взгляде на вещи, который берет их так, как они суть в действительности, всякая глубокомысленная философская проблема — как будет еще яснее видно в дальнейшем — сводится попросту к некоторому эмпирическому факту. Так например важный вопрос об отношениях человека к природе [рукой Маркса: или даже, как говорит Бруно (стр. 110), о противоположности: «природа и история», точно это две обособленные друг от друга «вещи», точно человек не есть историческая природа и не имеет перед собой природной, естественной истории], из которого вытекли все «безмерно высокие творения» насчет «субстанции» и «мирового сознания», устраняется сам собою, если понять, что пресловутое «единство человека с природой» имелось всегда в промышленности и представлялось в каждую эпоху, в зависимости от большего или меньшего развития промышленности в ином виде [рукой Маркса: точно так же как и «борьба» человека с природой до развития его производительных сил на соответствующей основе]. Промышленность и торговля, производство и обмен потребных для жизни средств, с своей стороны, обуславливают и в свою очередь обуславливаются

¹ Ошибка Фейербаха заключается не в том, что он подчиняет лежащую под носом чувственную *видимость* чувственной действительности, устанавливаемой благодаря более точному изучению чувственных фактов, а в том, что в конечном счете он не может подойти к чувственности без «глаз», т. е. без «очков» философа.

в своих формах распределением, расчленением различных общественных классов; благодаря этому и получается то, что Фейербах видит например одни лишь фабрики и машины в Манчестере, между тем как сто лет назад там можно было видеть только самопрядки и ткацкие станки, или же находить в римской Кампаньи только пастбища и болота, между тем как во времена Августа здесь можно было видеть сплошные виноградники и виллы римских капиталистов. Фейербах говорит в особенности о воззрении естествознания, он упоминает о тайнах, которые доступны только глазу химика и физика, но чем было бы без промышленности и торговли естествознание? Таким образом даже это «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, только благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей. Эта деятельность, эта непрерывающаяся чувственная работа и творчество, это производство являются настолько основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах не только нашел бы колоссальные изменения в физическом мире, но очень скоро не нашел бы всего человеческого мира, собственной способности воззрения и даже своего собственного существования. Конечно при этом сохраняется приоритет внешней природы и конечно все это не имеет никакого отношения к первичным, порожденным путем *generatio aequivoca* людям. Но это различие имеет смысл лишь постольку, поскольку признают человека за нечто, отличное от природы. Впрочем эта предшествующая человеческой истории природа, в которой живет Фейербах, не есть вовсе та природа, которая — за исключением некоторых австралийских коралловых островов новейшего происхождения — не существует уже нигде в наше время и значит не существует и для Фейербаха...

Правда, у Фейербаха то огромное преимущество перед «чистыми материалистами», что он понимает, что и человек есть «чувственный предмет», но [рукой Маркса: помимо того он рассматривает его только как «чувственный предмет», а не как «чувственную деятельность»], так как он и при этом не покидает сферы абстрактной теории и рассматривает людей не в их данной общественной связи, не в окружающей их жизненной обстановке, делающей их тем, что они суть, то он никогда не добирается до реально существующих, деятельных людей, а остается при абстракции «человек» и ограничивается лишь тем, что признает «реального, индивидуального, телесного человека» в ощущении, т. е. не знает никаких иных «человеческих отношений» «человека к человеку», кроме любви и дружбы [рукою Маркса: и притом идеализированным образом. Не дает никакой критики теперешних жизненных отношений]. Таким образом он никогда не в состоянии рассматривать чувственный мир как совокупную, живую, чувственную *деятельность* составляющих его индивидов и поэтому вынужден, когда замечает например вместо здоровых людей толпу золотушных надорванных работой и чахоточных бедняков, спастись в «высшей интуиции», в идеальном «выравнивании в роде», т. е. вынужден снова впасть в идеализм как раз там, где коммунистический материалист усматривает необходимость и одновременно с этим условие преобразования промышленности и общественного расчленения. (*Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, стр. 217—218, изд. 1930 г.*)

Конкретно-историческое единство субъекта и объекта в общественной практике

В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство.

В зависимости от того или иного характера средств производства изменяются, конечно, и общественные отношения, в которые производители вступают друг к другу, изменяются условия, при которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в совокупном производстве. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, необходимо должна была измениться вся внутренняя организация армии, должны были измениться те отношения, на основании которых отдельные личности спланиваются в армию и могут действовать как армия, равно как и взаимные отношения различных армий.

Следовательно, общественные отношения, при которых люди занимаются производством, *общественные отношения производства изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Отношения производства, в своей совокупности, образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, — общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляя собою такие совокупности отношений производства, — совокупности, каждая из которых вместе с тем отмечает особую ступень развития в истории человечества.*

Капитал также представляет собою общественное отношение производства, а именно — *буржуазное отношение производства*, отношение производства в буржуазном обществе. Разве составные части капитала — средства существования, орудия труда, сырые материалы — произведены и накоплены вне данных общественных условий, вне определенных общественных отношений? Разве не в данных же общественных условиях, не при тех же определенных общественных отношениях употребляются они на новое производство? И разве не этот именно определенный общественный характер превращает в *капитал* продукты, служащие для нового производства?

Капитал состоит не только из средств существования, орудий труда и сырых материалов, — не только из материальных продуктов; он состоит в то же время из *меновых стоимостей*. Все продукты, из которых он состоит, суть *товары*. Капитал есть, следовательно, не только сумма материальных продуктов, но и сумма товаров, меновых стоимостей, *общественных величин*. (К. Маркс и Ф. Энгельс, *Нашелый труд и капитал*, т. V, стр. 429—430, Гиз, 1929 г.)

Познание — процесс отражения объективного мира в сознании человека

Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, т. е. причинная связь того поступательного движения, которое, сквозь все отклонения в сторону и сквозь все кратковременные попятные шаги пробивается от низшего к высшему, это развитие является у Гегеля просто снимком самодвижения понятия, вечно совершающего я неизвестно где и, во всяком случае, совершенно независимо от всякого мыслящего человеческого мозга. Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях (снимки с действительных вещей, вместо того, чтобы в действительных вещах видеть снимки с абсолютного понятия, находящегося на известной ступени развития. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли: два ряда законов, которые в сущности тождественны, а по своему выражению различны, так как человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, а бо. льшей частью пока еще и в человеческой истории, они прикладываются к себе путь бессознательно, в виде внешней необходимости, пореди бесконечного множества кажущихся случайностей. Таким образом, диалектика понятий сама становится лишь сознательным отражением

диалектического движения внешнего мира. (Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 40—41. Партиздат, 1932 г.)

Скажем ли мы, что материя есть постоянная возможность ощущений (по Дж. Ст. Миллю), или что материя есть более или менее устойчивые комплексы «элементов» — ощущений (по Э. Маху), — мы остались в пределах агностицизма или юмизма; обе точки зрения или, вернее, обе эти формулировки *покрыты* изложением агностицизма у Энгельса: агностик не идет дальше ощущений, заявляя, что *не может* знать ничего достоверного об их источнике или об их оригинале и т. п. И если Мах придает великое значение своему расхождению с Миллем по указанному вопросу, то это именно потому, что Мах подходит под характеристику, данную ординарным профессорам Энгельсом: Flohknacker, блоху вы ущемили, господа, внося поправки и меняя номенклатуру вместо того, чтобы покинуть основную половинчатую точку зрения!

Как же опровергает материалист Энгельс, — в начале статьи Энгельс открыто и решительно противопоставляет свой материализм агностицизму, — изложенные доводы?

«...Слов нет, — говорит он, — это такая точка зрения, которую трудно, повидимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде чем люди стали аргументировать, они действовали. «В начале было дело». И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его. The proof of the pudding is in the eating (доказательство для пуддинга или испытание, проверка пуддинга состоит в том, что его съедают). В тот момент, когда, сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи, мы употребляем ее для себя, — мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, — тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью»...

Итак, материалистическая теория, теория отражения предметов мыслью, изложена здесь с полной ясностью: вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой. (Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 88—89, изд. 3-е.)

Наши ощущения суть образы внешнего мира

Энгельс прямо и ясно говорит, что возражает и Юму и Канту вместе. Между тем, ни о каких «непознаваемых вещах в себе» у Юма нет и речи. Что же общего у этих двух философов? То, что они *принципиально отгораживают* «явления» от того, что является, ощущение от ощущаемого, вещь для нас «от вещи в себе», причем Юм ничего знать не хочет о «вещи в себе», самую мысль о ней считает философски недопустимой, считает «метафизикой» (как говорят юмисты и кантианцы); Кант же допускает существование «вещи в себе», но объявляет ее «непознаваемой», принципиально отличной от явления, принадлежащей к иной принципиально области, к области «потустороннего»..., недоступной знанию, но открываемой вере.

В чем суть возражения Энгельса? Вчера мы не знали, что в каменноугольном дегте существует ализарин. Сегодня мы узнали это. Спрашивается, существовал ли вчера ализарин в каменноугольном дегте?

Конечно, да. Всякое сомнение в этом было бы издевкой над современным естествознанием.

А если да, то отсюда вытекают три важных гносеологических вывода:

1) Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас, ибо несомненно, что ализарин существовал вчера в каменноугольном дегте, и так же несомненно, что мы вчера ничего не знали об этом существовании, никаких ощущений от этого ализарина не получали.

2) Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), — все это пустой вздор, *S hulle*, выверт, выдумка.

3) В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным.

Раз вы встали на точку зрения развития человеческого познания из незнания, вы увидите, что миллионы примеров, таких же простых, как открытие ализарина в каменноугольном дегте, миллионы наблюдений не только из истории науки и техники, но из повседневной жизни всех и каждого показывают человеку превращение «вещей в себе» в «вещи для нас», возникновение «явлений», когда наши органы чувств испытывают толчок извне от тех или иных предметов, — исчезновение «явлений», когда то или иное препятствие устраняет возможность воздействия заведомо для нас существующего предмета на наши органы чувств. Единственный и неизбежный вывод из этого, — который делают все люди в живой человеческой практике и который сознательно кладет в основу своей гносеологии материализм, — состоит в том, что вне нас и независимо от нас существуют предметы, вещи, тела, что наши ощущения суть образы внешнего мира. Обратная теория Маха (тела суть комплексы ощущений) есть жалкий идеалистический вздор. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 83—84, изд. 3-е.*)

Путь познания

Познание человека не есть (resp. не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть презращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 304, изд. 3-е.*) ✓

* * *

Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение природы* в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения*, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их. (*«Ленинский сборник» IX, стр. 227, изд. 1-е.*)

Познание есть движение

Убеждение в том, что совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку находить эту систематическую связь повсюду, как

в частностях, так и в целом. Но соответственное, исчерпывающее, научное изображение этой связи, составление точного мысленного отображения той системы мира, в которой мы живем, невозможно ни для нас, ни для всех грядущих поколений. Если бы в какой-нибудь момент развития человечества была составлена подобная окончательная, завершающая система мировых связей, — физических, духовных и исторических, — то тогда бы закончился рост человеческого познания и прекратилось бы дальнейшее историческое развитие с того мгновения, когда общество было бы устроено в соответствии с этой системой, что является абсурдом, просто бессмыслицей. Таким образом люди стоят перед противоречием: с одной стороны, они стремятся познать мировую систему исчерпывающим образом в ее совокупной связи, а с другой, в силу законов своей собственной природы и природы мировой системы, они никогда не будут в состоянии вполне решить эту задачу. Но противоречие это не только лежит в природе обоих факторов — мира и человека, — оно есть также главный рычаг всего интеллектуального прогресса и постоянно, ежедневно разрешается в бесконечном прогрессивном развитии человечества, подобно тому как иные математические проблемы решаются с помощью бесконечных рядов или непрерывных дробей. Фактически каждое мысленное изображение системы мира ограничено объективно историческим моментом, субъективно — физической и духовной организацией автора его. (*Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 25, Партиздат, 1932 г.*)

Противоречивость процесса познания

Мы не можем представить, выразить, смерть, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и *всякого* понятия.

И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей. (*«Ленинский сборник» XII, стр. 193, изд. 1-е.*)

... Человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса. Если мы находим, что законы мышления соответствуют законам природы, то это становится вполне понятным, — говорит Энгельс, — если принять во внимание, что мышление и сознание суть «продукты человеческого мозга и человек сам продукт природы». (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 128, изд. 3-е.*)

Идея (читай, познание человека), есть совпадение (согласие) понятия и объективности («общее»). Это — во-первых.

Во-вторых, идея есть *отношение* для себя сущей (= якобы самостоятельной) субъект вносит (= человек) к *отличной* (от этой идеи) объективности.

Субъективность есть *стремление* уничтожить это отделение (идея от объекта).

Познание есть *процесс* погружения в неорганическую природу (ума) ради постижения ее власти субъекта и обобщения (познания общего в ее явлениях)... Совпадение мысли с объектом есть *процесс*. Мысль (= человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа) бледного (тусклого) без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль,

Идея имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его... (*«Ленинский сб.»* IX, с. 225, изд. 1-е.)

Отождествление Плехановым теории познания марксизма с гносеологией Фейербаха

Даже *критикуя* Фейербаха в своих тезисах, Маркс нередко развивает и дополняет его же мысли. Вот пример из области «гносеологии». По словам Фейербаха, человек, прежде чем *думать* о предмете, *испытывает на себе* его действие, *созерцает его, чувствует*. Маркс имеет в виду эту мысль Фейербаха, говоря: «Главный недостаток материализма — до фейербахова включительно — состоял до сих пор в том, что он рассматривает действительность, предметный, воспринимаемый внешним чувством мир, лишь в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно». Этим недостатком материализма объясняется, говорит далее Маркс, то обстоятельство, что Фейербах в своей «Сущности христианства» рассматривает как истинно человеческую деятельность только деятельность теоретическую. Другими словами это можно выразить так. Фейербах указывает на то, что наше «я» познает *объект*, лишь *подвергаясь его воздействию*. Маркс же возражает: наше «я» познает объект, *воздействуя на него с своей стороны*. Мысль Маркса вполне правильна; еще *Фавст* сказал: «*в начале дело было*». Конечно, в защиту Фейербаха можно возразить, что ведь и в процессе нашего *воздействия* на предметы мы познаем их свойства лишь постольку, поскольку они с своей стороны воздействуют на нас. В обоих случаях *мышлению* предшествует *ощущение*, в обоих случаях мы прежде *ощущаем* их свойства, а потом уже *думаем* о них. Но Маркс этого и не отрицал. Для него дело было не в том неоспоримом факте, что ощущение предшествует размышлению, а в том, что человек побуждается к размышлению главным образом теми ощущениями, которые он испытывает в процессе своего воздействия на внешний мир. А так как это воздействие на внешний мир предписывается ему его борьбой за свое существование, то теория познания тесно связывается у Маркса с его материалистическим взглядом на культурную историю человечества. Недаром тот же самый мыслитель, который направил против Фейербаха интересующий нас здесь тезис, написал в первом томе своего «*Капитала*»: «воздействуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу». Это положение обнаруживает весь свой глубокий смысл только при свете марксовой теории познания. И мы еще увидим, как сильно подтверждается эта его теория историей культурного развития и даже, между прочим, наукой о языке. Но все-таки надо признать, что гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха, или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки. (*Плеханов, Основные вопросы марксизма, стр. 15—16, 1931 г.*)

Ленинская критика теории иероглифов Плеханова

В дополнение к сказанному выше об идеалистах, как соратниках и преемниках эмпириокритицизма, уместно будет отметить характер махистской критики некоторых затронутых в нашей литературе философских положений. Например, наши махисты, желающие быть марксистами, набросились с особенной радостью на плехановские «иероглифы», т. е. на теорию, по которой ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображение их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п. Базаров высмеивает этот иероглифический материализм, и необходимо отметить, что *он был бы прав*, если бы отвергал

материализм иероглифический в пользу *материализма* не-иероглифического. Но Базаров употребляет здесь опять-таки фокуснический прием, провозя контрабандой свое отречение от материализма под флагом критики «иероглифизма». Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей. Вместо того, чтобы показать ошибочность плехановского отступления от формулировки материализма Энгельсом, Базаров заслоняет от читателей ошибкой Плеханова истину Энгельса.

Чтобы разъяснить и ошибку Плеханова и путаницу Базарова, возьмем одного крупного представителя «теории символов» (от замены слова символ словом иероглиф дело не меняется) Гельмгольца и посмотрим, как критиковали Гельмгольца материалисты и идеалисты вкупе с махистами.

Гельмголец, крупнейшая величина в естествознании, был в философии непоследователен, как и громадное большинство естествоиспытателей. Он склонялся к кантианству, но и этой точки зрения не выдерживал в своей гносеологии последовательно. Вот, например, из его «Физиологической оптики» рассуждения на тему о соответствии понятий с объектами: «...Я обозначил ощущения как *символы* внешних явлений и я отверг за ними всякую аналогию с вещами, которые они представляют» (стр. 579 франц. перев., стр. 442 нем. ориг.). Это — агностицизм, но дальше на той же странице читаем: «Наши понятия и представления суть *действия*, которые производят на нашу нервную систему и на наше сознание предметы, которые мы видим или которые мы себе представляем». Это — материализм. Только Гельмголец неявно представляет себе отношение абсолютной и относительной истины, как видно из дальнейших его рассуждений. Например, Гельмголец говорит несколько ниже: «Я думаю, следовательно, что не имеет никакого смысла говорить об истинности наших представлений иначе, как в смысле *практической* истины. Представления, которые мы себе составляем с вещами, *не могут быть* ничем, кроме символов, естественных обозначений для объектов, каковыми обозначениями мы научаемся пользоваться для регулирования наших движений и наших действий. Когда мы научаемся расшифровывать правильным образом эти символы, — мы оказываемся в состоянии, при их помощи, направлять наши действия так, чтобы получать желаемый результат»... Это неверно: Гельмголец катится здесь к субъективизму, к отрицанию объективной реальности и объективной истины. И он доходит до вопиющей неправды, когда заключает абзац словами: «Идея и объект, представляемый ею, суть две вещи, принадлежащие, очевидно, к двум совершенно различным мирам»... Так разрывают идею и действительность, сознание и природу только кантианцы. Однако, немного дальше читаем: «Что касается, прежде всего, качеств *внешних* предметов, то достаточно небольшого размышления, чтобы видеть, что все качества, которые мы можем приписать им, обозначают исключительно *действие* внешних предметов либо на наши чувства, либо на другие предметы природы» (стр. 580—581 франц. пер.; стр. 443—445 нем. ориг.; я перевожу с французского перевода). Здесь опять Гельмголец переходит к материалистической точке зрения. Гельмголец был непоследовательным кантианцем, то признававшим априорные законы мысли, то склонявшимся к «трансцендентной реальности» времени и пространства (т. е. к материалистическому взгляду на них), то выводившим ощущения человека из внешних предметов, действующих на наши органы чувств, то объявлявшим ощущения только символами, т. е. какими-то произвольными обозначениями, оторванными от «совершенно различных» мира обозначаемых вещей (ср. *Victor Heyfelder, Ueber den Begriff der Erfahrung bei Helmholtz, Brl. 1897*)¹.

Вот как выражает свои взгляды Гельмголец в речи 1878 г. о «фактах в восприятии» («крупное явление в реалистическом лагере», как назвал эту речь Леклер): «Наши

¹ В. Гайфельдер, О понятии опыта у Гельмгольца, Берлин 1897. — Ред.

ощущения суть именно действия, которые вызываются в наших органах внешними причинами, и то обстоятельство, как обнаруживается такое действие, зависит, разумеется, весьма существенно от характера аппарата, на который оказывается действие. Поскольку качество нашего ощущения дает нам весть о свойствах внешнего воздействия, которым вызвано это ощущение, — постольку ощущение может считаться *знаком* (Zeichen) его, но не *изображением*. Ибо от изображения требуется известное сходство с изображаемым предметом... От знака же не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является» («Vorträge und Reden», 1884, S. 226¹ второго тома). Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры *таких* знаков или символов. Гельмгольц вслед за Кантом попытается провести подобие принципиальной грани между «явлением» и «вещью в себе». Против прямого, ясного, открытого материализма Гельмгольц питает непреодолимое предубеждение. Но он же говорит немного далее: «Я не вижу, как можно было бы опровергнуть систему самого крайнего субъективного идеализма, который пожелал бы рассматривать жизнь, как грезу. Можно объявлять ее невероятной, неудовлетворительной, как нельзя больше, — я бы присоединился в этом отношении к самым сильным выражениям отрицания, — но последовательно провести ее можно... *Реалистическая гипотеза*, наоборот, доверяет высказыванию (или: показанию, Aussage) обыкновенного самонаблюдения, по которому следующие за определенным действием изменения восприятия не имеют никакой психической связи с предшествующим импульсом воли. Эта гипотеза рассматривает, как существующее, независимо от наших представлений, все то, что подтверждается ежедневными восприятиями, материальный мир вне нас. Несомненно, реалистическая гипотеза есть самая простая, какую только мы можем составить, испытанная и подтвержденная на чрезвычайно широких областях применения, точно определенная в своих отдельных частях и потому в высшей степени пригодная и плодотворная, как основа для действия» (242—243). Агностицизм Гельмгольца тоже похож на «стыдливый материализм», с кантианскими выпадами в отличие от берклианских выпадов Гексли.

Последователь Фейербаха, Альбрехт Рау, решительно критикует поэтому теорию символов Гельмгольца, как непоследовательное отступление от «реализма». Основной взгляд Гельмгольца, — говорит Рау, — есть реалистическая посылка, по которой «мы познаем при помощи наших чувств объективные свойства вещей»². Теория символов не мирится с таким (всецело материалистическим, как мы видели) взглядом, ибо она вносит некое недоверие к чувственности, недоверие к показаниям наших органов чувств. Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма. И поэтому А. Рау совершенно прав, говоря, что теорией символов Гельмгольц платит дань кантианству. «Если бы Гельмгольц, — говорит Рау, — оставался верен своему реалистическому взгляду, если бы он последовательно держался того принципа, что свойства тел выражают и отношения тел между собою, и отношения их к нам, то ему, очевидно, не нужна бы была вся эта теория символов; он мог бы тогда, выражаясь кратко и ясно, сказать: «Ощущения, которые вызываются в нас вещами, суть изображения существа этих вещей» (*там же*, стр. 320).

¹ «Доклады и речи», т. II, стр. 226, 1884. — *Ред.*

² *Albrecht Rau*, Empfinden und Denken, S. 304, Giessen 1896. (А. Рау, Впечатления и мысли, стр. 304. Гиссен 1896. — *Ред.*).

Так критикует Гельмгольца материалист. Он отвергает иероглифический или символический материализм или полуматериализм Гельмгольца во имя последовательного материализма Фейербаха. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 190—193.)

Защита ошибок Плеханова представителями механицизма, и меньшевистствующего идеализма

Ленин был совершенно прав в своем возражении против теории символов или иероглифов. Читатель знает, что Плеханов, вообще говоря, не стоит на иероглифической точке зрения и что он признал свою терминологию неправильной, ибо у Плеханова все дело сводилось только к терминологии, но не к существу вопроса. Теория же символов, несомненно, ведет к идеализму». (Деборин, *Ленин как мыслитель*, стр. 52, Гиз, 1929 г., изд. 3-е.)

«...Наши представления о формах и отношениях вещей не более, как иероглифы; но эти иероглифы точно обозначают эти формы и отношения, и этого достаточно, чтобы мы могли изучать действия на нас вещей в себе и в свою очередь воздействовать на них».

Так писал Плеханов; это он говорил о соответствии субъективных явлений объективному, сознанию бытию; это его я повторяю.

Плеханов продолжал стоять на этой точке зрения и после того, как Ленин выступил против него; он писал: «... мне очень жаль, что даже противник идеализма Владимир Ильич счел нужным пройти в своей книге «Материализм и т. д.» против моих иероглифов». Плеханов отказался только от своей старой терминологии.

Он писал («Materialismus militans»): «Хотя вещь в себе имеет цвет только тогда, когда на нее смотрят, но если роза имеет при наличии этого условия красный цвет, а василек — голубой то ясно, что причины этого различия надо искать в различии тех свойств, которыми обладают те вещи в себе, — одну из которых мы называем розой, а другую васильком, — независимо от смотрящего на них субъекта».

Расходится ли с материализмом Плеханов, пусть судит читатель.

Я же в своих книжках четко развиваю плехановскую точку зрения и показываю, что понимать под соответствием. Я вижу красное зная. «Красное» есть мое ощущение (субъективное явление), которое соответствует определенному во мне объективному процессу, вызванному действующими на меня колебаниями эфира. Зная обладает свойством, вполне объективным, но в какой мере не субъективным, вызывает в эфирной среде определенного рода движения.

Но только при взаимодействии эфирных колебаний с особо организованной материей и ощущающим объектом, т. е. с субъектом, появляется «красное», которого нет объективно. Это полемизм, которое я буквально разжевываю в своих книгах, т. Столяров буквально сглотнул все без остатка, преподнеся читателям только одно: что т. Сарабянов признает существование субъективных непространственных явлений и... больше никаких. Хороший способ полемизировать, нечего сказать! А ведь можно и по этому вопросу очень плодотворно поспорить, не уродуя противника, и я помогу т. Столярову понять, в чем действительная трудность проблемы.

Что представление предмета красным, прохладным, сладким и пр. несколько не есть копирование предмета, это для меня лично бесспорно.

Бесспорно, что звук «ля» или «бо» не есть такая-то и такая-то волна, а лишь субъективная реакция на эту волну, ощущение, иероглиф, по старой неудачной терминологии Плеханова.

Но мы говорим еще о весе, объеме, «возрасте» и т. д. предметов. Что объем не есть ощущение, это также вне спора. Каково отношение нашего представления о весе или объеме предмета к объективному весу или объему? Копия ли первое со второго или соответствие?..

Гов. Столяров думает, что я не рискну сказать вслух о своем расхождении с Лениным или Энгельсом. Он ошибается. Не всякая запятая даже у Ленина закон для меня. И в данном случае я решительно встал и стою на точке зрения Плеханова¹. (Сарабьянов, журн. «П. З. М. № 6 за 1926 г., с. 64—65. Подчеркнуто составителями).

Понятие «опыт»

Все идеи заимствованы из опыта, отражения — верные или искаженные — действительности.

Два рода опыта — внешний, материальный и внутренний — законы мышления и формы мышления. И формы мышления отчасти унаследованы благодаря развитию (самоочевидность например математических аксиом для европейцев, но конечно не для бушменов и австралийских негров).

Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности, точно так же как вычисление в аналитической геометрии должно соответствовать геометрическому построению, хотя то и другое являются совершенно различными методами. Но, к сожалению, этого почти никогда не бывает, или это достигается лишь в совершенно простых действиях.

Внешний мир в свою очередь есть или природа или общество.

Уже верное отражение *природы* чрезвычайно трудно; оно оказывается продуктом продолжительной истории опыта. Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чудным, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он уподобляет их себе путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов, и *consensus gentium* [согласие народов], на который ссылается доказательство бытия божия, доказывает именно лишь всеобщность этого стремления к олицетворению как необходимой переходной ступени, а следовательно и религии. Лишь действительное познание сил природы постепенно вытесняет богов или бога отовсюду (Секки и его солнечная система). В настоящее время этот процесс настолько продвинулся вперед, что теоретически его можно считать законченным.

В сфере общественных явлений отражение еще более трудно. Общество определяется экономическими отношениями, производством и обменом, вместе с историческими предварительными условиями. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 269, 1932 г.)

* * *

Присмотримся теперь к употреблению слова: опыт в эмпириокритической философии. Первый параграф «Критики чистого опыта» излагает следующее «допущение»: «любая часть нашей среды стоит в таком отношении к человеческим индивидам, что если она предстала, то они заявляют о своем опыте: *«то-то и то-то узнаю опытным путем»*; *«то-то и то-то есть опыт»*; или *«проистекло из опыта»*, *«зависит от опыта»* (стр. I рус. пер.). Итак, опыт определяется все через те же понятия: *Я* и среда, причем

¹ Подчеркнуто составителем. — *Ред.*

«учение» о «неразрывной» связи их прячется до поры до времени под спудом. Далее, «Синтегическое понятие чистого опыта»: «именно опыта, как такого заявления, *которому, во всем его составе, предпосылкою служат только части среды*» (1—2). Если принять, что среда существует независимо от «заявлений» и «высказываний» человека, то открывается возможность толковать опыт материалистически! «Аналитическое понятие чистого опыта»: «именно как такого заявления, *к которому не примешано ничего, что, в свою очередь, не было бы опытом, и которое, следовательно, представляет из себя не что иное, как опыт*» (2). Опыт есть опыт. И находят же люди, которые принимают этот квази-ученый вздор за истинное глубокомыслие!

Необходимо еще добавить, что Авенариус во II томе «Критики чистого опыта» рассматривает «опыт», как «специальный случай» *психического*, что он делит опыт на *sachhafte Werte* (вещные ценности) и *gedankenhafte Werte* (мыслительные ценности), что «опыт в широком смысле» включает эти последние, что «полный опыт» отождествляется с принципиальной координацией («*Bemerkungen*»). Одним словом: «чего хочешь, того просишь». «Опыт» прикрывает и материалистическую и идеалистическую линию в философии, освящая их спутыванье. Если наши махисты доверчиво принимают «чистый опыт» за чистую монету, то в философской литературе представители разных направлений одинаково указывают на злоупотребления этим понятием со стороны Авенариуса. «Что такое чистый опыт, — пишет А. Риль, — остается у Авенариуса неопределенным, и его заявление: «чистый опыт есть такой опыт, к которому не примешано ничего такого, что бы, в свою очередь, не было опытом», явно вертится в кругу» («*Systematische Philosophie*», Lpz. 1907. S: 102). Чистый опыт у Авенариуса, — пишет Вунт, — то означает любую фантазию, то высказыванье с характером «вещности» («*Phil. Studien*», XIII Band, S. 92—93). Авенариус *растягивает* понятие опыта (S. 382). «От точного определения терминов: опыт и чистый опыт, — пишет Ковеларт, — зависит смысл всей этой философии. Авенариус не дает такого точного определения» («*Rev. neo-scholastique*», 1907, fevr., p. 61). «Неопределенность термина: опыт оказывает хорошие услуги Авенариусу в протаскивании идеализма под видом борьбы с ним», — говорит Норман Смит («*Mind*», vol. XV, p. 29).

«Я заявляю торжественно: внутренний смысл, душа моей философии состоит в том, что человек не имеет вообще ничего, кроме опыта; человек приходит ко всему, к чему он приходит, только через опыт»... Не правда ли, какой это ярый философ чистого опыта? Автор этих слов — субъективный идеалист И. Г. Фихте («*Sonn. Ber. etc.*», S. 12). Из истории философии известно, что толкование понятия опыт разделяло классических материалистов и идеалистов. В настоящее время профессорская философия всяческих оттепков одевает свою реакционность в наряды декламации насчет «опыта». На опыт ссылаются все имманенты. Мах расхваливает в предисловии ко 2-му изданию своего «Познания и заблуждения» книгу профессора В. Иерузалема, в которой мы читаем: «Принятие божественного первосущества не противоречит никакому опыту» («*Der krit. Id. etc.*», S. 222).

Можно только пожалеть о людях, которые поверили Авенариусу и К^о, будто посредством словечка «опыт» можно превзойти «устарелое» различие материализма и идеализма. Если Валентинов и Юшкевич обвиняют отступившего с легкого от чистого махизма Богданова в злоупотреблении словом опыт, то эти господа обнаруживают здесь только свое невежество. Богданов «невиновен» по данному пункту: он *только* рабски перенял путаницу Маха и Авенариуса. Когда он говорит: «сознание и непосредственный психический опыт — тождественные понятия» («Эмпириомонизм», II, 53), материя же «не опыт», а «неизвестное, чем вызывается все известное» («Эмпириомонизм», III, VIII), — то он толкует опыт *идеалистически*. И он, конечно, не первый и не последний созидает идеалистические системы на словечке опыт. Когда он возражает реакционным философам, говоря, что попытки выйти за пределы опыта

приводят на деле только к пустым абстракциям и противоречивым образам, все элементы которых брались все-таки из опыта» (I, 48), — он противопоставляет пустым абстракциям человеческого сознания то, что существует вне человека и независимо от его сознания, т. е. толкует опыт материалистически.

Точно так же и Мах при исходной точке зрения идеализма (тела суть комплексы ощущений или «элементов») нередко сбивается на материалистическое толкование слова опыт. «Не из себя философствовать (*nicht aus uns herausphilosophieren*), — говорит он в «Механике» (3-е нем. изд., 1897, S. 14), — а из опыта брать». Опыт здесь противопоставляется философствованию из себя, т. е. толкуется как нечто объективное, извне данное человеку, толкуется материалистически. Еще пример. «То, что мы наблюдаем в природе, запечатлевается в наших представлениях, хотя бы *непонятное* и *неанализированное* нами, и эти представления потом в своих самых общих и устойчивых (*stärksten*) чертах подражают (*nachahmen*) процессам природы. Мы обладаем в этом опыте таким запасом (*Schatz*), который у нас всегда под рукой...» (*там же*, S. 27). Здесь природа берется за первичное, ощущения и опыт — за производное. Если бы Мах последовательно держался такой точки зрения в основных вопросах гносеологии, то он избавил бы человечество от многих и глупых идеалистических «комплексов». Третий пример: «Тесная связь мысли с опытом созидает современное естествознание. Опыт порождает мысль. Она разрабатывается дальше и снова сравнивается с опытом» и т. д. («*Erkenntnis und Irrthum*», S. 200). Специальная «философия» Маха здесь выброшена за борт, и автор стихийно переходит на обычную точку зрения естествоиспытателей, смотрящих на опыт материалистически.

Итог: слово «опыт», на котором строят свои системы махисты, давным-давно служило для прикрытия идеалистических систем и служит сейчас у Авенариуса и К° для эклектического перехода от идеалистической позиции к материализму и обратно. Различные «определения» этого понятия выражают лишь те две основные линии в философии, которые так ярко вскрыл Энгельс. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 121—123, изд. 3-е.*)

Ошибка Плеханова относительно понятия «опыт»

На стр. X—XI своего предисловия к «Л. Фейербаху» (изд. 1905 г.) Плеханов говорит:

«Один немецкий писатель замечает, что для эмпириокритицизма *опыт* есть только предмет исследования, а вовсе не средство познания. Если это так, то противопоставление эмпириокритицизма материализму лишается смысла и рассуждения на эту тему о том, что эмпириокритицизм призван сменить собою материализм, оказываются пустыми и праздными».

Это — одна сплошная путаница.

Фр. Карстаньен, один из самых «ортодоксальных» последователей Авенариуса, говорит в своей статье об эмпириокритицизме (ответ Вундту), что «для «Критики чистого опыта» опыт есть не средство познания, а только предмет исследования»¹. Выходит по Плеханову, что противопоставление взглядов Фр. Карстаньена материализму, лишается смысла!

Фр. Карстаньен почти буквально пересказывает Авенариуса, который в своих «Замечаниях» решительно противопоставляет свое понимание опыта, как того, что дано нам, что мы находим (*das Vorgefundene*) — взгляду на опыт, как на «средство познания» в «смысле господствующих, в сущности совершенно метафизических, теорий

¹ «*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*», Jahrg. 22, 1898, S. 45. («Трехмесячник научной философии», год изд. 22, 1898, стр. 45. — *Ред.*)

познания» (I. с., S. 401). То же самое говорит вслед за Авенариусом и Петцольдт в своем «Введении в философию чистого опыта» (т. I, S. 170). Выходит, по Плеханову, что противопоставление взглядов Карстаньена, Авенариуса и Петцольдта материализму лишается смысла! Либо Плеханов не «дочитал» Карстаньена и К^о, либо он взял свою ссылку на «одного немецкого писателя» из пятых рук.

Что же значит это непонятое Плехановым утверждение самых видных эмпириокритиков? Карстаньен хочет сказать, что Авенариус в своей «Критике чистого опыта» берет *предметом* исследования опыт, т. е. всякие «человеческие высказывания». Авенариус не исследует здесь, — говорит Карстаньен (S. 50 цит. ст.), — реальны ли эти высказывания или они относятся, например, к *привидениям*; он только группирует, систематизирует, формально классифицирует всевозможные человеческие высказывания и *идеалистические и материалистические* (S. 53), не входя в существо вопроса. Карстаньен совершенно прав, называя *эту* точку зрения «скептицизмом по преимуществу» (S. 213). Карстаньен защищает между прочим в этой статье своего дорогого учителя от позорного (с точки зрения немецкого профессора) обвинения в материализме, брошенного Вундтом.

Какие же мы материалисты, помилуйте! — таков смысл возражений Карстаньена, — если мы говорим об «опыте», то вовсе не в том обычном, ходячем смысле, который ведет или мог бы вести к материализму, а в смысле исследования нами всего того, что люди «высказывают», как опыт. Карстаньен и Авенариус считают взгляд на опыт, как на средство познания, материалистическим (это, может быть, и наиболее обычно, но все же неверно, как мы видели на примере Фихте). Авенариус отгораживается от той «господствующей» «метафизики», которая упорно считает мозг органом мысли, не считаясь с теориями интроспекции и координации.

Под находимым нами или данным (*das Vorgefundene*) Авенариус разумеет как раз неразрывную связь Я и среды, что ведет к запутанному идеалистическому толкованию «опыта».

Итак, под словом «опыт», несомненно, может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантовская, но ни определение опыта, как предмета исследования¹, ни определение его, как средства познания, ничего еще не решает в этом отношении. Специально же замечания Карстаньена против Вундта не имеют ровно никакого отношения к вопросу о противопоставлении эмпириокритицизма материализму.

Как курьез, отметим, что Богданов и Валентинов, отвечая по этому пункту Плеханову, обнаружили несколько не лучшую осведомленность. Богданов заявил: «не вполне ясно» (III, с. XI), «дело эмпириокритицистов разобраться в этой формулировке и принять или не принять условие». Выгодная позиция: я-де не махист и разбираться в том, в каком смысле говорит об опыте какой-то там Авенариус или Карстаньен, я не обязан! Богданов желает пользоваться махизмом (и махистской путаницей с «опытом»), но не желает отвечать за нее.

«Чистый» эмпириокритик Валентинов выписал плехановское примечание и публично протанцовал канкан, высмеивая то, что Плеханов не назвал писателя и не объяснил, в чем дело (стр. 108—9 цит. кн.). При этом сам этот эмпириокритический философ *ни слова* не ответил по существу, признав, что он «раза три, если не больше, перечитывал» плехановское примечание (и, очевидно, ничего не понял). Ну, и махисты! (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 124—125, изд. 3-е.)

¹ Плеханову показалось, может быть, что Карстаньен сказал: «Объект познания независимый от познания», а не «предмет исследования»? Тогда это был бы действительно материализм. Но ни Карстаньен, ни вообще кто бы то ни было, знакомый с эмпириокритицизмом, не сказал и не мог сказать такой вещи.

Значение чувственного и умственного моментов в познании

Познание. У муравьев иные глаза, чем у нас, они видят химические(?) лучи (Nature, 8 июня 1882 г., Леббок), но мы в познании этих невидимых для нас лучей пошли значительно дальше, чем муравьи, а тот факт, что мы можем доказать, что муравьи видят вещи, которые для нас невидимы, и что доказательство этого основывается на восприятии *нашего* глаза, показывает, что специальное устройство человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания.

К нашему глазу присоединяются не только другие чувства, но и деятельность нашего мышления. Относительно последнего приходится сказать то же, что и относительно глаза. Чтобы узнать, чего может достигнуть наше мышление, нет вовсе нужды через сто лет после Канта определять границы мышления из критики разума, из исследования орудия познания; неправильно поступает и Гельмгольц, когда видит в недостаточности нашего зрения (которая ведь необходима: глаз, который видел бы *все* лучи, именно поэтому не видел бы ничего) и в устройстве нашего глаза, ставящем нашему зрению определенные пределы, да и в этих пределах не дающем полной точности зрения, — доказательство того, что глаз дает нам ложные или неточные сведения о свойствах видимого нами. То, чего может достигнуть мышление, мы видим скорее из того, чего оно уже достигло и еще ежедневно достигает. И этого вполне достаточно как в смысле количества, так и в смысле качества. Наоборот, исследование *форм* мышления, рассудочных определений, очень благодарная и необходимая задача, и ее выполнил после Аристотеля систематически только Гегель.

Разумеется мы никогда не узнаем того, *какими* представляются муравьям химические лучи. Кого это огорчает, тому ничем не помочь. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 100, Партиздат, 1932 г.*)

Представление и мышление

«выступает перед сознанием без взаимного соприкосновения» (предмет) — вот суть антидиалектики. Здесь только как будто Гегель высунул ослиные уши идеализма, — относя время и пространство (в связи с представлением) к чему-то *нижнему* против *мышления*. Впрочем, в известном смысле представление, конечно, ниже. Суть в том, что мышление должно *охватить* все «представление» в его движении, а для этого мышление должно быть диалектическим. Представление *б л и ж е* к реальности, чем мышление? И да и нет. Представление не может схватить движения в *ц е л о м*, например, не схватывает движения с быстротой 300 000 км в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить. Мышление, взятое из представления, тоже отражает реальность; время есть форма бытия объективной реальности. Здесь, в понятии времени (а не в отношении представления к мышлению) идеализм Гегеля. (*«Ленинский сборник» IX, стр. 287—289, изд. 1-е.*)

Пренебрежение теорией приводит к спиритизму

Презрение к диалектике не остается безнаказанным. Сколько бы ни высказывать пренебрежения ко всякому теоретическому мышлению, все же без последнего невозможно связать между собой любых двух естественных фактов или же уразуметь существующую между ними связь. При этом важно только одно: мыслят ли правильно или нет, — и пренебрежение к теории является, само собой разумеется, самым надежным способом мыслить натуралистически и значит неверно. Но неверное мышление, доведенное до конца, приводит неизбежно, по давно известному диалектическому закону, к противоречию со своим исходным пунктом. И таким образом эмпирическое презрение к диалектике наказывается тем, что некоторые из самых трезвых эмпириков становятся жертвой самого дикого из всех суеверий — современного спиритизма. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 67, изд. 1922 г.*)

Практика служит доказательством необходимости

Одно эмпирическое наблюдение никогда не может доказать достаточным образом необходимости. *Post hoc, но не propter hoc.* (Епз., I, стр. 84). Это настолько верно, что из постоянного восхождения солнца утром вовсе не следует, что оно взойдет и завтра, и действительно мы теперь знаем, что настанет момент, когда в одно прекрасное утро солнце *не взойдет*. Но доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде: если я могу *сделать* некоторое *post hoc*, то оно становится тождественным с *propter hoc*. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 122, 1932 г.)

Партийность теории

...Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т. е. класс, являющийся господствующей *материальной* силой общества, является в то же время его господствующей *духовной* силой. Класс, могущий распоряжаться средствами материального производства, располагает в то же время благодаря этому средствами духовного производства, так что благодаря этому он господствует в то же время в общем над мыслями тех, у которых нет средств для духовного производства. Господствующие мысли представляют не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, представляя выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения, т. е. отношения, которые и делают один какой-нибудь класс господствующим, т. е. представляют мысли его господства. (Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, «*Архив Маркса и Энгельса*», т. 1, стр. 230, 1930 г.)

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству*. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала. (Ленин, *Три источника и три составные части марксизма*, Соч., т. XVI, стр. 349, изд. 3-е.)

Буржуазная философия выражает классовые интересы капиталистов

Дидген-отец, которого не надо смешивать с его, столь же претенциозным, сколь неудачным литератором-сыном, выразил правильно, метко и ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и пользующиеся среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как «дипломированных лакеев поповщины».

Наши российские интеллигенты, любящие считать себя передовыми, как, впрочем, и их собратья во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дидгена. Но не любят они этого потому, что правда колет им глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем обще-экономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правдивость резкой характеристики Дидгена. Достаточно вспомнить громадное боль-

шинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная хотя бы с тех, которые были связаны с открытием радия, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна, чтобы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений.

Из указанного видно, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно социалистическими» публицистами. (*Ленин, О значении воинствующего материализма, Соч., т. XXVII, стр. 183, изд. 3-е.*)

Буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах «Мировые загадки» Э. Геккеля, замечательно рельефно обнаружила *партийность* философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом — с другой. Сотни тысяч экземпляров книги, переведенной тотчас же на все языки, выходявшей в специально дешевых изданиях, показали воочию, что книга эта «пошла в народ», что имеются *массы* читателей, которых сразу привлек на свою сторону Э. Геккель. Популярная книжечка сделалась орудием классовой борьбы. Профессора философии и теологии всех стран света принялись на тысячи ладов разносить и уничтожать Геккеля. Знаменитый английский физик Лодж пустился защищать бога от Геккеля. Русский физик, г. Хвольсон, отправился в Германию, чтобы издать там подлую черносотенную брошюрку против Геккеля и заверить почтеннейших господ филистеров в том, что не все естествознание стоит теперь на точке зрения «наивного реализма»¹. Нет числа тем теологам, которые ополчились на Геккеля. Нет такой бешеной брани, которой бы не осыпали его казенные профессора философии². Весело смотреть, как у этих высохших на мертвой схоластике мумий — может быть, первый раз в жизни — загораются глаза и розовеют щеки от тех пощечин, которых надавал им Эрнст Геккель. Жрецы чистой науки и самой отвлеченной, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всем этом реве философских зубров (идеалиста Паульсена, имманента Ремке, кантианца Адикеса и прочих, их же имена ты, господи, веши) явственно слышен один основной мотив: против «*метафизики*» естествознания, против «догматизма», против «преувеличения ценности и значения естествознания», против «естественно-исторического *материализма*». Он — материалист, агу его, агу материалиста, он обманывает публику, не называя себя прямо материалистом — вот что в особенности доводит почтеннейших господ профессоров до неистовства. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 284—285, изд. 3-е.*)

Ограниченность классической политической экономии

С 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но по отношению к нашим профессиональным ученым судьба остается попрежнему немилостивой.

¹ O. D. Chwolson, Hegel, Haecckel, Kossuth und das zwölfte Gebot. 1906. Ср. S. 80. (*Хвольсон О. Д., Гегель, Геккель, Косут и 12 заповедь. 1906, стр. 80. — Ред.*)

² Брошюрка Генрика Шмидта «Борьба на-за «Мировые загадки» (Bonn 1900) дает недурную картину похода профессоров философии и теологии против Геккеля. Но эта брошюра уже успела сильно устареть в настоящее время.

вой. В то время, когда они могли бы проявить беспристрастие при своих занятиях политической экономией, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда эти отношения создались, это произошло при таких условиях, которые уже исключают возможность беспристрастного изучения предмета в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически переходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях.

Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической экономики, Рикардо, сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная наука достигла в области политической экономики своего последнего, непереходимого предела. Еще при жизни Рикардо и в противоположность ему выступила критика буржуазной экономики в лице Сисмонди¹. (*К. Маркс, Капитал, т. I, Послесловие ко второму изданию, стр. XVIII, 1932 г.*)

Банкротство буржуазной политической экономии

Последующий период, 1820—1830 гг., характеризуется в Англии научным оживлением в области политической экономии. Это был период вульгаризации и распространения рикардовской теории и в то же время ее борьбы со старой школой. Происходили блестящие турниры. То, что было сделано в это время экономистами, мало известно на европейском континенте, так как полемика по большей части рассеяна в журнальных статьях, случайных брошюрах и памфлетах. Обстоятельства того времени объясняют беспристрастный характер этой полемики, хотя в исключительных случаях теория Рикардо уже тогда применялась как орудие нападения на буржуазное хозяйство. С одной стороны, сама крупная промышленность в рассматриваемый период едва вышла из пеленок, как это видно уже из того обстоятельства, что только кризисом 1825 г. начинаются периодические кругообороты ее современной жизни. С другой стороны, классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план: в политической области ее заслоняла борьба между феодалами и правительствами, сплотившимися вокруг Священного Союза, и между руководимыми буржуазией народными массами; в экономической области ее заслоняла распря между промышленным капиталом и аристократическим землевладением, которая во Франции скрывалась за противоречием интересов мелкого и крупного землевладения, а в Англии со времен хлебных законов прорывалась открыто. Английская экономическая литература этой эпохи напоминает период бури и натиска во Франции после смерти д-ра Кенэ, — однако напоминает лишь в том смысле, в каком бабье лето напоминает весну. В 1830 г. наступил кризис, которым все было решено одним разом.

Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономики. Отныне для буржуазного экономиста вопрос заклю-

¹ См. мою работу: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», I. Auflage. Berlin 1859, стр. 39. [См. *К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста, стр. 90, Гиз, М. 1929 г.*]

чается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой (оправданием). Впрочем претенциозные трактаты, издававшиеся Anti-Cornlawleague (Лигой борьбы против хлебных законов) с фабрикантами Кобденом и Брайтом во главе, все же представляли своей полемикой против землевладельческой аристократии известный интерес, если не научный, то, по крайней мере, исторический. Но со времен сэра Роберта Пилля и это последнее жало было выдернуто у вульгарной экономии фритредерским законодательством.

Континентальная революция 1848—1849 гг. отразилась и на Англии. Люди, претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капиталистов с притязаниями пролетариата, которые уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм (примирительное соединение противоположных воззрений), лучшим представителем которого является Джон Стюарт Милль. Это — банкротство «буржуазной» политической экономии, как мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский.

Таким образом в Германии капиталистический способ производства созрел лишь после того, как обнаружился его антагонистический (построенный на противоположностях) характер в шумных конфликтах исторической борьбы, закипевшей в Англии и Франции, причем германский пролетариат уже обладал гораздо более выработанным теоретически классовым сознанием, чем германская буржуазия. Итак едва наступили условия, при которых буржуазная наука политической экономии казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной.

При таких обстоятельствах ее вожди разделились на два лагеря. Одни — мудрые практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастия — самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики. Другие, профессорски гордые достоинством своей науки, последовали за Джон Стюартом Миллем в его попытке примирить непримиримое. Немцы в период упадка буржуазной политической экономии, как и в классический ее период, остались чистыми учениками, поклонниками и подражателями заграницы, мелкими разносчиками продуктов крупных заграничных фирм.

Таким образом особенности исторического развития германского общества исключают возможность оригинальной разработки «буржуазной» политической экономии, но не возможность ее критики. Поскольку такая критика вообще представляет известный класс, она может представлять лишь один класс: тот, историческое призвание которого — совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы, т. е. может представлять лишь пролетариат. (Маркс, *Капитал*, т. I, *Послесловие ко второму изданию*, стр. XVIII — XX, 1932 г.)

II. Марксистско-ленинское учение об объективной истине

Объективная истина

Богданов заявляет: «для меня марксизм заключает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин» («Эмпириомонизм», кн. III, с. IV—V.) Что это значит: безусловная объективность? «Истина на вечные времена» есть «объективная истина в абсолютном значении слова»,

говорит там же Богданов, соглашаясь признать лишь «объективную истину только в пределах известной эпохи».

Тут смешаны явно два вопроса: 1) существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества? 2) Если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно? Этот второй вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной.

На второй вопрос Богданов отвечает ясно, прямо и определенно, отрицая самое малейшее допущение абсолютной истины и обвиняя Энгельса в *эклектицизме* за такое допущение. Об этом открытии эклектицизма Энгельса А. Богдановым мы будем говорить дальше особо. Теперь же остановимся на первом вопросе, который Богданов, не говоря этого прямо, решает тоже отрицательно, — ибо можно отрицать элемент относительного в тех или иных человеческих представлениях, не отрицая объективной истины, но нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существования объективной истины.

«...Критерия объективной истины, — пишет Богданов несколько дальше, с. IX, — в бельтовском смысле не существует, истина есть идеологическая форма — организующая форма человеческого опыта»...

Тут не при чем ни «бельтовский смысл», ибо речь идет об одном из основных философских вопросов, а вовсе не о Бельтове, ни *критерий* истины, о котором надо говорить особо, не смешивая этого вопроса с вопросом о том, *существует ли* объективная истина? Отрицательный ответ Богданова на этот последний вопрос ясен: если истина есть *только* идеологическая форма, то, значит, не может быть истины, независимой от субъекта, от человечества, ибо иной идеологии, кроме человеческой, мы с Богдановым не знаем. И еще яснее отрицательный ответ Богданова из второй половины его фразы: если истина есть форма человеческого опыта, то, значит, не может быть истины, независимой от человечества, не может быть объективной истины.

Отрицание объективной истины Богдановым есть агностицизм и субъективизм. Нелепость этого отрицания очевидна хотя бы из вышеприведенного примера одной естественно-исторической истины. Естествознание не позволяет сомневаться в том, что его утверждение существования земли до человечества есть истина. С материалистической теорией познания это вполне совместимо: существование независимого от отражающих отражаемого (независимость от сознания внешнего мира) есть основная посылка материализма. Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина. С философией махистов и с их учением об истине непримиримо это положение естествознания: если истина есть организующая форма человеческого опыта, то не может быть истинным утверждение о существовании земли *вне* всякого человеческого опыта.

Но этого мало. Если истина есть только организующая форма человеческого опыта, то, значит, истинной является и учение, скажем, католицизма. Ибо не подлежит ни малейшему сомнению, что католицизм есть «организующая форма человеческого опыта». Богданов сам почувствовал эту вопиющую фальшь своей теории, и крайне интересно *посмотреть, как он пытался выкарабкаться из болота, в которое он попал.

«Основа объективности, — читаем в 1-й книге «Эмпириомонизма», — должна лежать в сфере *коллективного* опыта. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны, по нашему убеждению, основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех» (неверно! он существует *независимо* от «всех»)

«и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, такое же, как для меня. Объективность физического ряда — это его *общезначимость*» (стр. 25, курсив Богданова). «Объективность физических тел, с которыми мы встречаемся в своем опыте, устанавливается в конечном счете на основе взаимной проверки и согласования высказываний различных людей. Вообще, физический мир, это — социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом, *социально-организованный опыт*» (стр. 36, курсив Богданова).

Не будем повторять, что это в корне неверное, идеалистическое определение, что физический мир существует независимо от человечества и от человеческого опыта, что физический мир существовал тогда, когда никакой «социальности», никакой «организации» человеческого опыта быть не могло и т. д. Мы останавливаемся теперь на изобличении махистской философии с другой стороны: объективность определяется так, что под это определение подходит учение религии, несомненно обладающее «общезначимостью» и т. д. Послушаем дальше Богданова: «Еще раз напомним читателю, что «объективный» опыт вовсе не то, что «социальный» опыт... Социальный опыт далеко не весь социально организован и включает в себе всегда различные противоречия, так что одни его части не согласуются с другими; лешие и домовые могут существовать в сфере социального опыта данного народа или данной группы народа, например, крестьянства; но в опыт социально-организованный или объективный включать их из-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируют с остальным коллективным опытом и не укладываются в его организующие формы, например в цепь причинности» (45).

Конечно, нам очень приятно, что сам Богданов «не включает» социальный опыт насчет леших, домовых и т. п. в опыт объективный. Но эта благонамеренная, в духе отрицания фидеизма, поправочка нисколько не исправляет коренной ошибки всей богдановской позиции. Богдановское определение объективности и физического мира безусловно падает, ибо «общезначимо» учение религии в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще поныне первого учения. Католицизм «социально организован, гармонизован, согласован» вековым его развитием; в «цепь причинности» он *укладывается* самым неоспоримым образом, ибо религии возникли не беспричинно, держатся они в массе народа при современных условиях вовсе не случайно, подлаживаются к ним профессора философии вполне «закономерно». Если этот несомненно общезначимый и несомненно высоко-организованный социально-религиозный опыт «не гармонирует» с «опытом» науки, то, значит, между тем и другим есть принципиальная, коренная разница, которую Богданов стер, когда отверг объективную истину. И как бы ни «поправлялся» Богданов, говоря, что фидеизм или поповщина не гармонирует с наукой, остается все же несомненным фактом, что отрицание объективной истины Богдановым «гармонизирует» всецело с фидеизмом. Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину. Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, истина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очищается место для «организующих форм» религиозного опыта.

Спрашивается, принадлежит ли это отрицание объективной истины лично Богданову, который не хочет признать себя махистом, или оно вытекает из основ учения Маха и Авенариуса? На этот вопрос можно ответить только в последнем смысле. Если существует на свете только ощущение (Авенариус, 1876 г.), если тела суть комплексы ощущений (Мах в «Анализе ощущений»), то ясно, что перед нами философский субъек-

тивизм, неизбежно приводящий к отрицанию объективной истины. И если ощущения называются «элементами», которые в одной связи дают физическое, в другой — психическое, то этим, как мы видели, только запутывается, а не отвергается основной исходный пункт эмпириокритицизма. Авенариус и Мах признают источником наших знаний ощущения. Они становятся, следовательно, на точку зрения эмпиризма (все знание из опыта) или сенсуализма (все знание из ощущений). Но эта точка зрения приводит к различию коренных философских направлений, идеализма и материализма, а не устраняет их различия, каким бы «новым» словесным нарядом («элементы») вы ее ни облакали. И солисист, т. е. субъективный идеалист, и материалист могут признать источником наших знаний ощущения. И Беркли и Дидро вышли из Локка. Первая посылка теории познания, несомненно, состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущения. Признав эту первую посылку, Мах запутывает вторую важную посылку: об объективной реальности, данной человеку в его ощущениях или являющейся источником человеческих ощущений. Исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солисизму («тела суть комплексы или комбинации ощущений»), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира). Для первой точки зрения — агностицизма или немного далее: субъективного идеализма — объективной истины быть не может. Для второй точки зрения, т. е. материализма, существенно признание объективной истины. Этот старый философский вопрос о двух тенденциях, или вернее: о двух возможных выводах из посылок эмпиризма и сенсуализма, не решен Махом, не устранен, не превзойден им, а *запутан* посредством языкоблудия со словом «элемент» и т. п. Отрицание объективной истины Богдановым есть неизбежный результат всего махизма, а не уклонение от него.

Энгельс в своем «Л. Фейербахе» называет Юма и Канта философами, «оспаривающими возможность познания мира или по крайней мере исчерпывающего его познания». Энгельс выдвигает, следовательно, на первый план то, что общее Юму и Канту, а не то, что разделяет их. Энгельс указывает при этом, что «решающее для опровержения этого (юмовского и кантовского) взгляда сказано уже Гегелем» (стр. 14 четвертого нем. изд.). По этому поводу мне кажется небезынтересным отметить, что Гегель, объявляя *материализм* «последовательной системой эмпиризма», писал: «Для эмпиризма вообще внешнее (das Aeusserliche) есть истинное, и если затем эмпиризм допускает что-либо сверхчувственное, то он отрицает познаваемость его (soll doch eine Erkenntnis desselben (d. h. des Uebersinnlichen) nicht Statt finden können) и считает необходимым держаться исключительно того, что принадлежит к восприятию (das der Wahrnehmung Angehörige). Эта основная посылка дала однако в своем последовательном развитии (Durchführung) то, что впоследствии было названо *материализмом*. Для этого материализма материя, как таковая, есть истинно-объективное» (das wahrhaft Objective)¹.

Все знания из опыта, из ощущений, из восприятий. Это так. Но спрашивается: «принадлежит ли к восприятию», т. е. является ли источником восприятия *объективная реальность*? Если да, то вы — материалист. Если нет, то вы непоследовательны и неминуемо придете к субъективизму, к агностицизму, — все равно, будете ли вы отрицать познаваемость вещи в себе, объективность времени, пространства, причинности (по Канту) или не допускать и мысли о вещи в себе (по Юму). Непоследовательность вашего эмпиризма, вашей философии опыта будет состоять в таком случае в том, что вы отрицаете объективное содержание в опыте, объективную истину в опытном познании.

¹ Hegel, Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, Werke, VI Band (1840), S. 83, ср. S. 122. (Гегель, Очерк энциклопедии философских наук, Соч., т. VI, стр. 83, ср. стр. 122. — Ред.)

Сторонники линии Канта и Юма (в числе последних Мах и Авенариус, поскольку они не являются чистыми берклеанцами) называют нас, материалистов, «метафизиками» за то, что мы признаем объективную реальность, данную нам в опыте, признаем объективный, независимый от человека, источник наших ощущений. Мы, материалисты, вслед за Энгельсом, называем кантианцев и юмистов *агностиками* за то, что они отрицают объективную реальность как источник наших ощущений. Агностик — слово греческое: *a* значит по-гречески *не*, *gnosis* — знание. Агностик говорит: *не знаю*, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это (см. выше слова Энгельса, излагавшего позицию агностика). Отсюда — отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мешанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах. Мах и Авенариус, претенциозно выдвигая «новую» терминологию, «новую» якобы точку зрения, на деле повторяют, путаясь и сбиваясь, ответ агностика: с одной стороны, тела суть комплексы ощущений (чистый субъективизм, чистое берклеанство); с другой стороны, если перекрестить ощущения в элементы, то можно мыслить их существование независимым от наших органов чувств!

Махисты любят декламировать на ту тему, что они — философы, вполне доверяющие показаниям наших органов чувств, что они считают мир действительно таким, каким он нам кажется, полным звуков, красок и т. д., в то время как для материалистов, дескать, мир мертв, в нем нет звуков и красок, он отличается сам по себе от того, каким кажется, и т. п. В подобной декламации упражняется, например, И. Петцольдт и в своем «Введении в философию чистого опыта» и в «Проблеме мира с позитивистской точки зрения» (1906). За Петцольдтом перебалтывает это г. Виктор Чернов, восхищаясь «новой» идеей. На самом же деле махисты — субъективисты и агностики, ибо они *недостаточно* доверяют показаниям наших органов чувств, непосредственно проводят сенсуализм. Они не признают объективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма. Напротив, для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны. Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности, — последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой. Эта точка зрения бесповоротно закрывает дверь не только для всякого фидеизма, но и для той профессорской схоластики, которая, не видя объективной реальности, как источника наших ощущений, «выводит» путем вымученных словесных конструкций понятие объективного, как общезначимого, социально-организованного и т. п. и т. д., не будучи в состоянии, зачастую и не желая отделить объективной истины от учения о леших и домовых. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 99—105, изд. 3-е.)

Абсолютная и относительная истина

Суверенно ли человеческое мышление? Прежде чем ответить утвердительно или отрицательно на этот вопрос, мы должны сначала исследовать, что такое человеческое мышление. Идет ли тут речь о мышлении какого-нибудь отдельного индивида? Нет. Человеческое мышление существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей.

Если теперь я объединю в своем представлении мышление всех этих людей (включая сюда и будущие поколения) и скажу, что оно *суверенно*, что оно в состоянии познать существующий мир, — поскольку человечеству обеспечено достаточно длительное существование и поскольку познанию не будут поставлены границы органами и

предметами познания, — то я скажу лишь нечто изрядно банальное и к тому же изрядно бесплодное. Ведь наиболее ценным результатом этой мысли было бы крайнее недоверие к нашему теперешнему познанию, ибо, по всей вероятности, мы стоим лишь в самом начале истории человечества, — и поколения, которым придется исправлять нас, будут, надо думать, гораздо многочисленнее, чем поколения, знание которых — часто недооценивая его — исправляем теперь мы.

Господин Дюринг сам считает неизбежным, что сознание — а значит, мышление и познание — может обнаруживаться лишь в ряде отдельных существ. Мышление каждого подобного индивида мы можем признавать суверенным лишь постольку, поскольку мы не знаем никакой власти, которая была бы способна силой навязать ему в здоровом бодрствующем состоянии какую-нибудь мысль. Что же касается суверенного характера познаний каждого отдельного индивида, то мы все знаем, что об этом не может быть и речи и что, судя по прошлому опыту, во всех этих познаниях без исключения содержится гораздо больше элементов, нуждающихся в исправлении, чем не нуждающихся в нем или правильных.

Иными словами: суверенность мышления осуществляется в ряде крайне несuverенно мыслящих людей; познание, притязающее на безусловную истину, — в ряде относительных заблуждений; как эта суверенность, так и это познание могут быть вполне осуществлены лишь в процессе бесконечного существования человечества.

У нас здесь снова, как и выше, то же самое противоречие между сущностью человеческого мышления, неизбежно представляемого нами себе абсолютным, и его осуществлением в одних лишь ограниченно мыслящих индивидах, противоречие, находящее свое решение только в бесконечном прогрессе, в нескончаемой — по крайней мере практически для нас — преемственной смене людских поколений. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как и несuverенно, его познавательная способность столь же неограниченна, как и ограничена. Оно суверенно и неограниченно по своим задаткам, по своему назначению, по своим возможностям, по своей исторической конечной цели; но оно несuverенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности.

То же самое можно сказать о вечных истинах. Если бы человечество дошло до того, что стало бы оперировать только вечными истинами, только такими суждениями, которые обладают суверенной значимостью и притязаниями на безусловную истину, то это значило бы, что оно достигло пункта, где и реально и потенциально исчерпана бесконечность интеллектуального мира и где следовательно произошло знаменитое чудо сосчитанной бесчисленности.

Но ведь существуют столь неизменные истины, что всякое сомнение в них кажется нам равнозначным сумасшествию? Истины вроде того, что дважды два четыре, сумма углов треугольника равна двум прямым, что Париж находится во Франции, что человек, не принимающий пищи, умрет с голоду и т. д. Значит, существуют *вечные* истины, окончательные истины в последней инстанции?

Разумеется, существуют. Всю область познания мы можем, по старинному способу, разбить на три крупных отдела. К первому относятся все науки, имеющие дело с неодушевленной природой и доступные более или менее математической обработке: математика, астрономия, механика, физика, химия. Если кому-нибудь доставляет удовольствие прибегать к пышным словам для обозначения весьма простых вещей, то можно сказать, что *некоторые* результаты этих наук являются вечными истинами, окончательными истинами в последней инстанции; поэтому-то эти науки и называются *точными*. Но далеко не все результаты их носят указываемый характер. Столь безупречная некогда математика, введя у себя переменные величины и распространяя свойство переменности на область бесконечно-большого и бесконечно-малого, совершила *грехопадение*; она вкусила яблоко познания, что открыло перед ней поприще

гигантских успехов, но также и заблуждений. В вечность кануло девственное состояние абсолютной правильности, неопровержимой верности всего математического; открылась эра разногласий, и мы дошли до того, что большинство людей дифференцирует и интегрирует не потому, чтобы понимали, что они делают, а руководясь чистой верой, потому что результат до сих пор всегда получался верный. В астрономии и механике дело обстоит еще хуже; что же касается физики и химии, то здесь мы окружены со всех сторон гипотезами, точно в центре пчелиного роя. Но это так и должно быть. В физике мы имеем дело с движением молекул, в химии с образованием молекул из атомов, а если интерференция световых волн не сказка, то у нас абсолютно нет никаких надежд увидеть когда-нибудь собственными глазами эти интересные вещи. Окончательные истины в последней инстанции становятся здесь с течением времени удивительно редкими.

Еще хуже положение вещей в геологии, занимающейся, главным образом, такими процессами, при которых не присутствовали не только мы, но вообще ни один человек. Поэтому добывание окончательных истин в последней инстанции здесь сопряжено с очень значительным трудом, и результаты крайне скудные.

Ко второму классу наук принадлежат науки, изучающие живые организмы. В этой области царит невероятное многообразие взаимоотношений и причинных зависимостей, и не только каждый решенный вопрос вызывает массу новых вопросов, но вообще каждый вопрос может быть решаем в большинстве случаев лишь по частям, путем многочисленных, тянувшихся иногда столетия исследований. К тому же, потребность в систематизации наблюдаемых связей принуждает здесь каждый раз сызнова к тому, чтобы окончательные истины в последней инстанции окружать густым лесом гипотез. Какой требовался долгий путь от Галена до Мальпиги, чтобы правильно установить такую простую вещь, как кровообращение у млекопитающих, как мало знаем мы о происхождении кровяных шариков и как многого не хватает нам еще и теперь, чтобы установить например рациональную связь между проявлением болезни и ее причинами! К этому присоединяются довольно часто открытия, вроде открытия клетки, заставляющие нас подвергнуть полному пересмотру все окончательные истины в последней инстанции в области биологии и выбросить за борт целые груды их. Поэтому тот, кто хочет установить здесь подлинные, непреходящие истины, тот должен будет довольствоваться тривиальностями, вроде: все люди должны умереть, все самки млекопитающих имеют молочные железы и т. д.; он даже не будет иметь права сказать, что пищеварение у высших животных совершается с помощью желудка и кишечного канала, а не с помощью головы, ибо для пищеварения необходима централизованная в голове нервная деятельность.

Но еще безотраднее перспективы вечных истин в третьей, исторической группе наук, изучающей, в их исторической преемственности и современном состоянии, условия существования людей, общественные отношения, юридические и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д. В органической природе мы все же имеем дело с рядом процессов, которые, в пределах нашего непосредственного наблюдения, повторяются довольно правильно в очень широких границах. Виды организмов остались со времен Аристотеля в общих чертах теми же самыми. Наоборот, в истории человечества — как только мы покидаем первобытное состояние, так называемый каменный век — повторение явлений оказывается не правилом, а исключением; а если где и происходит подобные повторения, то никогда это не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах. Таков например наблюдающийся у всех культурных народов факт общей собственности на землю и форма ее разложения. Поэтому в области человеческой истории наука наша находится в еще более отсталом состоянии, чем в биологии. Мало того: если в виде исключения мы и удастся познать связь социальных и политических форм существования какой-

нибудь эпохи, то это бывает всегда тогда, когда эти формы наполовину уже пережили себя, когда они разлагаются. Следовательно познание в этой области по существу относительно, ибо оно ограничивается изучением связи и следствий известных, существующих лишь в данное время и у данных народов и по своей природе преходящих социальных и политических форм. Поэтому тот, кто начнет здесь гнаться за окончательными истинами в последней инстанции, за подлинными, никогда не меняющимися истинами, тот добудет лишь мизернейшие банальности и общие места, вроде того например, что люди вообще не могут жить без труда, что до сих пор они, большей частью, разделялись на господствующих и подчиненных, что Наполеон умер 5 мая 1821 г. и т. д.

Но замечательно, что именно в этой области нам чаще всего попадают мнимые вечные истины, окончательные истины в последней инстанции и т. д. Что дважды два четыре, что птицы имеют клювы или тому подобные вещи, — назовем вечными истинами лишь тот, кто собирается из наличности вообще вечных истин сделать вывод, будто и в области человеческой истории имеются вечные истины, вечная мораль, вечная справедливость и т. д., претендующие на такую же роль и значение, как математические теории и применения их. И мы можем быть уверены, что при первом же случае этот самый друг человечества заявит, что все прежние фабриканты вечных истин были в большей или меньшей степени ослами и шарлатанами, что все заблуждались, все ошибались, но их заблуждения, их ошибки закономерны и доказывают, что истина и правда находятся у него, что у него, ныне явленного пророка, имеется готовая, окончательная истина в последней инстанции, вечная мораль, вечная справедливость. Все это повторялось уже так часто, что остается лишь удивляться, как могут еще находиться настолько легкомысленные люди, чтобы верить этому, когда речь идет не только о других, но о них самих. И однако перед нами, повидимому, еще один такой пророк, который, как и полагается, приходит в высоко моральное негодование, когда находятся люди, отрицающие возможность того, чтобы отдельная личность способна была обладать окончательной истиной в последней инстанции. Такое отрицание — даже простое сомнение — есть признак слабости, обнаруживает дикий сумбур, ничтожество, разъедающий скепсис; оно хуже голого нигилизма, дикого хаоса и т. д. и т. д. в стиле подобных же любезностей. Наш пророк, как и все ему подобные, вместо того, чтобы заниматься критически-научным исследованием, предпочитает просто выступать в роли громовержца, мечущего без всяких околичностей громы морального негодования.

Мы могли бы упомянуть еще о науках, изучающих законы человеческого мышления, т. е. логике и диалектике. Но и здесь с вечными истинами дело обстоит не лучше. Собственно диалектику господин Дюринг объявляет чистой бессмыслицей, а многочисленные книги, которые написаны и еще будут написаны о логике, с избытком доказывают, что окончательные истины в последней инстанции и здесь рассыпаны далеко не в таком изобилии, как это думают иные.

Впрочем нам нечего совсем приходить в ужас от того, что современная нам стадия познания столь же мало окончательна, как и все предыдущие. Она охватывает уже огромную массу фактов и требует очень большой специализации от всякого, кто хочет освоиться с какой бы то ни было областью ее. Но тот, кто прилагает масштаб подлинной, неизменной, окончательной истины в последней инстанции к познаниям, которые по природе вещей или должны будут в течение многих поколений оставаться относительными, лишь постепенно достигаая завершения, или которые — подобно космогонии, геологии, истории человечества — навсегда останутся незаконченными и неполными, ввиду недостаточности исторического материала, — тот доказывает этим лишь свое собственное невежество и непонимание, если даже истинной подкладкой их не служит, как в данном случае, притязание на собственную непогрешимость. Истина

и заблуждение, как и все движущиеся в полярных противоположностях логические категории, имеют абсолютное значение только в крайне ограниченной области. Об этом мы уже говорили выше, и это мог бы знать и господин Дюринг при малейшем знакомстве с первыми начатками диалектики, трактующими как раз о недостаточности всех полярных противоположностей. Достаточно начать применять противоположность истины и заблуждения вне вышеуказанной узкой области, как она становится относительной и, следовательно, не пригодной для строгого научного употребления; если же тем не менее мы попытаемся считать ее абсолютно верной вне этой области, то мы терпим полное крушение: оба полюса противоположности переходят друг в друга, истина становится заблуждением, заблуждение — истиной. Возьмем в качестве примера известный закон Бойля, согласно которому объем газов при постоянной температуре обратно пропорционален давлению. Реньо нашел, что этот закон не приложим в известных случаях. Будь он философом действительности, он должен был бы сказать: закон Бойля изменчив, следовательно, он вовсе не подлинная истина, следовательно, он заблуждение. Но в этом случае он сделал бы гораздо большую ошибку, чем та, которая содержится в законе Бойля; его крупная истина затерялась бы в куче заблуждений; свой первоначально правильный результат он превратил бы в заблуждение, по сравнению с которым закон Бойля, с присущей ему частью заблуждения, являлся бы истиной. Но Реньо, как настоящий человек науки, не позволил себе подобного ребячества; он продолжал работать дальше и нашел, что закон Бойля вообще верен лишь приблизительно и что в частности он теряет свою силу у газов, которые превращаются под давлением в капельно-жидкое состояние, и теряет именно тогда, когда давление приближается к пункту, где наступает ожижение. Таким образом оказалось, что закон Бойля правилен только в известных границах. Но абсолютно ли, окончательно ли истинен он в этих границах? Ни один физик не решится утверждать этого. Он скажет, что закон Бойля имеет силу в известных границах давления и температуры и для известных газов. И он не станет отрицать возможности того, что в рамках этих узких границ придется произвести еще новое ограничение или придется вообще изменить формулировку закона¹. Так следовательно обстоит дело с окончательными истинами в последней инстанции, например в физике. Поэтому подлинно научные работы избегают обыкновенно таких догматически-моральных выражений, как «заблуждение» и «истина», которые зато встречаются всегда в произведениях вроде «философии действительности», где пустая, никчемная болтовня желает выдавать себя за сувереннейший результат суверенного мышления. (*Энгельс, Анти Дюринг, стр. 60—65, Партиздат, 1932 г.*)

Что такое истинное познание

Негели сперва заявляет, что мы не в состоянии познать реальных качественных различий, а вслед за этим сейчас же говорит, что подобные «абсолютные различия» не встречаются в природе! (Стр. 12.)

¹ С тех пор, как я написал эти строки, мои слова, повидимому, уже подтвердились. Согласно новейшим исследованиям, произведенным Менделеевым и Богусским с помощью более точных аппаратов, было найдено, что все постоянные газы обнаруживают изменяющиеся отношения между давлением и объемом; у водорода при всех примененных до сих пор давлениях коэффициент расширения оказался положительным (объем уменьшался медленнее, чем увеличивалось давление); у атмосферного воздуха и других исследованных газов была обнаружена нулевая точка давления, так что при меньшем давлении этот коэффициент был положительным, при большем — отрицательным. Следовательно, закон Бойля, который практически все еще сохраняет свое значение, потребует своего дополнения в виде целого ряда частных законов. (Теперь — в 1885 г. — мы знаем также, что вообще не существует никаких «настоящих» газов. Все они приведены в капельно-жидкое состояние.)

Во-первых, каждая качественная бесконечность представляет многочисленные количественные градации, например оттенки цветов, твердость и мягкость, долговечность и т. д., — и они, хотя качественно и различны, доступны измерению и познанию.

Во-вторых, не существует просто качеств, существуют только вещи, *обладающие* качествами, и притом бесконечно многими качествами. У двух различных вещей всегда имеются известные общие качества (по крайней мере, свойство телесности); другие качества отличаются между собой по степени; наконец, иные качества могут совершенно отсутствовать у одной из вещей. Если мы станем рассматривать такие две до крайности различные вещи — например какой-нибудь метеорит и какого-нибудь человека, — то при этом мы добьемся немногого, в лучшем случае того, что обоим присуща тяжесть и другие телесные свойства. Но между обеими этими вещами можно вставить бесконечный ряд других естественных вещей и естественных процессов, позволяющих нам заполнить ряд от метеорита до человека и указать каждой ее место в связи природы и таким образом *познать* ее. С этим соглашается и сам Негели.

В-третьих, наши различные чувства могли бы доставлять нам абсолютно различные в качественном отношении впечатления. В этом случае свойства, которые мы узнали бы при посредстве зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, были бы абсолютно различны. Но и здесь различия исчезают по мере успехов исследования. Давно уже признано, что обоняние и вкус являются родственными, связанными между собой чувствами, воспринимающими связанные между собой, если даже не тождественные, свойства; зрение и слух воспринимают колебания волн. Осязание и зрение так дополняют друг друга, что мы часто можем предсказать на основании вида какой-нибудь вещи ее тактильные свойства. Наконец, всегда одно и то же «я» воспринимает в себе все эти различные чувственные впечатления, собирая их в некое единство; точно так же эти различные впечатления доставляются одной и той же вещью, «являясь» *общими* свойствами ее и давая таким образом возможность познать ее. Следовательно задача объяснить эти различные, доступные лишь различным органам чувств, свойства, установить между ними связь является задачей науки, которая до сих пор не имела оснований жаловаться на то, что мы не имеем вместо пяти специальных чувств одного общего чувства или что мы неспособны видеть либо слышать запахов и вкусов.

Куда мы ни посмотрим, мы нигде не встречаем в природе подобных «качественно или абсолютно различных областей», о которых нам говорят, что они непонятны. Вся путаница происходит от спутывания качества и количества. Негели, стоя на господствующей механической точке зрения, считает объясненными все качественные различия лишь тогда, когда они могут быть сведены к количественным различиям (об этом речь у нас будет в другом месте); для него качество и количество являются абсолютно различными категориями. Метафизика:

«Мы можем познавать *только конечное* и т. д.» Это совершенно верно лишь постольку, поскольку в сферу нашего познания попадают лишь конечные предметы. Но это положение нуждается в дополнении: «По существу мы можем *познавать только бесконечное*». Действительно, всякое реальное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях извлекаем единичное из его единичности и переводим его в особенность, а из этой последней во всеобщность, — заключается в том, что мы находим бесконечное в конечном, вечное в преходящем. Но форма всеобщности есть форма в себе замкнутости, а следовательно, бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное. Мы знаем, что хлор и водород под действием света соединяются при известных условиях температуры и давления в хлористоводородный газ, давая взрыв; раз мы это знаем, то мы знаем также, что это *происходит*, при вышеуказанных условиях, *повсюду и всегда*, и для нас совершенно безразлично, произойдет ли это один раз или повторится миллионы раз и на скольких планетах. Формой всеобщности в природе является *закон*, и никто не говорит так много о *вечности законов*

природы, как естествоиспытатели. Поэтому если Негели говорит, что мы делаем конечное непонятым, если не ограничиваемся исследованием только этого конечного, а примешиваем к нему вечное, то он отрицает либо познаваемость законов природы, либо их вечность. Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно.

Но у этого абсолютного познания есть своя серьезная заковыка. Подобно бесконечности познаваемого вещества, которое состоит из одних лишь конечностей, так и бесконечность абсолютного познающего мышления складывается из бесконечного количества конечных человеческих голов, которые при этой бесконечной работе познания совершают практические и теоретические промахи, исходят из неудачных, односторонних, неверных посылок, идут неверными, кривыми, ненадежными путями и часто даже не распознают истины, хотя и упираются в нее лбом (Пристли).

Поэтому познание бесконечного окружено двоякого рода трудностями и представляет по своей природе бесконечный асимптотический процесс. И этого для нас вполне достаточно, чтобы мы имели право сказать: бесконечность столь же познаваема, сколь и непознаваема, а это все, что нам нужно.

Комичным образом Негели заявляет то же самое: мы способны познавать только конечное, но зато мы можем познать *все конечное*, попадающее в сферу нашего чувственного восприятия. Конечное, попадающее в сферу и т. д., дает в сумме бесконечное, ибо Негели *составляет себе свое представление о бесконечном именно на основании этой суммы*. Без этого конечного и т. д. он не имел бы никакого представления о бесконечном. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 251—252, 1932 г.)

Марксизм признает относительность знаний в смысле исторической условности пределов приближения их к абсолютной истине

Открытие Богданова сделано им в 1906 г. в предисловии к 3-й книге «Эмпириомонизма». «Энгельс в «Анти-Дюринге», — пишет Богданов, — высказывается *почти* в том смысле, в каком я характеризовал сейчас относительность истины» (стр. V), т. е. в смысле отрицания всяких вечных истин, «отрицания безусловной объективности какой бы то ни было истины». «Энгельс неправ в своей нерешительности, в том, что он сквозь всю свою иронию признает какие-то, хотя жалкие, «вечные истины» (стр. VIII). «Только непоследовательность допускает здесь эклектические оговорки, как у Энгельса...» (стр. IX). Приведем один пример опровержения энгельсовского эклектицизма Богдановым. «Наполеон умер 5 мая 1821 г.», — говорит Энгельс в «Анти-Дюринге» («глава о вечных истинах»), разъясняя Дюрингу, чем приходится ограничиться, какими *Plattheiten*, «плоскостями», довольствоваться, тому, кто в исторических науках претендует на открытие вечных истин. И вот Богданов следующим образом возражает Энгельсу: «Что это за «истина»? И что в ней «вечного»? Констатация единичного соотношения, которое, пожалуй, уже для нашего поколения не имеет никакого реального значения, не может служить исходной точкой ни для какой деятельности, никуда не ведет» (стр. IX). И на стр. VIII: «Разве «*Plattheiten*» можно называть «*Wahrheiten*»? Разве «плоскости» — истины? Истина — это живая организующая форма опыта, она *ведет* нас куда-нибудь в нашей деятельности, дает точку опоры в жизненной борьбе».

Из этих двух цитат достаточно ясно видно, что вместо опровержения Энгельса Богданов дает *декламацию*. Если ты не можешь утверждать, что положение «Наполеон умер 5 мая 1821 г.» ошибочно или неточно, то ты признаешь его истинным. Если ты не утверждаешь, что оно могло бы быть опровергнуто в будущем, то ты признаешь эту истину вечной. Называть же возражением такие фразы, что истина есть «живая организующая форма опыта», — значит выдавать за философию простой набор слов.

Имела ли земля ту историю, которая излагается в геологии, или земля сотворена в семь дней? Неужели от этого вопроса позволительно увертываться фразами о «живой» (что это значит?) истине, которая куда-то «ведет» и т. п.? Неужели знание истории земли и истории человечества «не имеет реального значения»? Ведь это же просто напыщенный вздор, которым Богданов прикрывает свое *отступление*. Ибо это есть отступление, когда он взялся доказать, что допущение вечных истин Энгельсом есть эклектицизм, и в то же время только шумом и звоном слов отделяется от вопроса, оставляя не опровергнутым, что Наполеон действительно умер 5 мая 1821 г. и что считать эту *истину* опровержимой в будущем нелепо.

Пример, взятый Энгельсом, весьма элементарен, и всякий без труда придумает десятки подобных примеров *истин*, которые являются вечными, абсолютными, сомневаться в которых позволительно только сумасшедшим (как говорит Энгельс, приводя другой такой же пример: «Париж находится во Франции»). Почему Энгельс говорит здесь о «плоскостях»? Потому, что он опровергает и высмеивает догматического, метафизического материалиста Дюринга, который не умел применить диалектики к вопросу об отношении между абсолютной и относительной истиной. Быть материалистом — значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества, истину — значит так или иначе признавать абсолютную истину. Вот это «так или иначе» и разделяет материалиста-метафизика Дюринга от материалиста-диалектика Энгельса. Дюринг направо, налево, по сложнейшим вопросам науки вообще и исторической науки в частности бросал словами: последняя, окончательная, вечная истина. Энгельс его высмеял: конечно, — отвечал он, — вечные истины есть, но немно употреблять большие слова (*gewaltige Worte*) относительно простых вещей. Чтобы двинуть материализм вперед, надо бросить пошлую игру со словом: вечная истина, надо уметь диалектически поставить и решить вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины. Вот из-за чего шла борьба тридцать лет тому назад между Дюрингом и Энгельсом. А Богданов, который ухитрился «не заметить» данного Энгельсом в *той же главе* разъяснения вопроса об абсолютной и относительной истине, — Богданов, который ухитрился обвинить Энгельса в «эклектицизме» за допущение им положения, азбучного для *всякого* материализма, — Богданов только лишний раз обнаружил этим свое абсолютное незнание ни материализма, ни диалектики.

«Мы приходим к вопросу, — пишет Энгельс в начале указанной главы (отд. I, гл. IX) «Анти-Дюринга», — могут ли продукты человеческого познания вообще и если да, то какие, иметь суверенное значение и безусловное право (*Anspruch*) на истину» (S. 79 пятого немецкого издания). И Энгельс решает этот вопрос следующим образом:

«Суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно; познание, имеющее безусловное право на истину, — в ряде относительных (релятивных) заблуждений; ни то ни другое» (ни абсолютно истинное познание, ни суверенное мышление) «не может быть осуществлено полностью иначе, как при бесконечной продолжительности жизни человечества».

«Мы имеем здесь снова то противоречие, с которым уже встречались выше, противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограничено. Это противоречие может быть разрешено только в таком ряде последовательных человеческих поколений, который для нас, по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познавания столь же неограниченна, как ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе (или устройству, *Anlage*),

призванию, возможности, исторической конечной цели; несuverенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности» (81)¹.

«Точно так же, — продолжает Энгельс, — обстоит дело с вечными истинами».

Это рассуждение чрезвычайно важно по тому вопросу о *релятивизме*, принципе относительности наших знаний, который подчеркивается всеми махистами. Махисты все настаивают на том, что они релятивисты, — но махисты русские, повторяя словечки вслед за немцами, боятся или не умеют ясно и прямо поставить вопрос об отношении релятивизма к диалектике. Для Богданова (как и для всех махистов) признание относительности наших знаний *исключает* самое малейшее допущение абсолютной истины. Для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина. Богданов — релятивист. Энгельс — диалектик. Вот еще не менее важное рассуждение Энгельса из той же самой главы «*Анти-Дюринга*».

«Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области; мы это уже видели, и г. Дюринг знал бы это, если бы был сколько-нибудь знаком с начатками диалектики, с первыми посылками ее, трактующими как раз о недостаточности всех полярных противоположностей. Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность делается относительной (релятивной) и, следовательно, негодной для точного научного способа выражений. А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области, как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной» (86). Следует пример — закон Бойля (объем газов обратно пропорционален давлению). «Зерно истины», заключающееся в этом законе, представляет из себя лишь в известных пределах абсолютную истину. Закон оказывается истиной «лишь приблизительно».

Итак, человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания. «Абсолютную истину, — говорит И. Дигген в «*Экскурсиях*», — мы можем видеть, слышать, обонять, осязать, несомненно также *познавать*, но она не входит целиком (*geht nicht auf*) в познание» (S. 195). «Само собою разумеется, что картина не исчерпывает предмета, что художник остается позади своей модели... Как может картина «совпадать» с моделью? Приблизительно, да» (197). «Мы можем лишь относительно (релятивно) познавать природу и части ее; ибо всякая часть, хотя она является лишь относительной частью природы, имеет все же природу абсолютного, природу природного целого самого по себе (*des Naturganzen an sich*), не исчерпываемого познанием... Откуда же мы знаем, что позади явлений природы, позади относительных истин стоит универсальная, неограниченная; абсолютная природа, которая не вполне обнаруживает себя человеку?.. Откуда это знание? Оно прирождено нам. Оно дано вместе с сознанием» (198). Это последнее — одно из неточностей Диггена, которые заставили Маркса в одном письме к Кугельману отметить путаницу в воззрениях Диггена. Только цепляясь за подобные неверные места, можно толковать об особой философии Диггена, отличной от диалектического материализма. Но сам Дигген поправляется *на той же странице*:

¹ Ср. В. Чернов, назв. соч., стр. 64 и след. Махист г. Чернов всецело стоит на позиции Богданова, не желающего признать себя махистом. Разница та, что Богданов старается замазывать свое расхождение с Энгельсом, представить случайностью и т. п., а Чернов чувствует, что речь идет о борьбе и с материализмом и с диалектикой.

«Если я говорю, что знание о бесконечной, абсолютной истине прирождено нам, что оно есть единое и единственное знание а priori, то все же и опыт подтверждает это прирожденное знание» (198).

Из всех этих заявлений Энгельса и Дицгена ясно видно, что для диалектического материализма не существует непреходимой грани между относительной и абсолютной истиной. Богданов совершенно не понял этого, раз он мог писать: «Оно (мировоззрение старого материализма) желает быть безусловно *объективным познанием сущности вещей*» (курсив Богданова) и несовместимо с исторической условностью всякой идеологии» (книга III «Эмпириомонизм», стр. IV). С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически условна всякая идеология, не безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закоряченное, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта. Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной философии. Это — грань между диалектическим материализмом и релятивизмом.

Мы — релятивисты, возглашают Мах, Авенариус, Петцольдт. Мы — релятивисты, вторят им г. Чернов и несколько русских махистов, желающих быть марксистами. Да, г. Чернов и товарищи махисты, в этом и состоит ваша ошибка. Ибо положить релятивизм в основу теории познания — значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человеческого существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание. С точки зрения голого релятивизма можно оправдать всякую софистику, можно признать «условным», умер ли Наполеон 5 мая 1821 г. или не умер, можно простым «удобством» для человека или для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией («удобна» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.

Диалектика, как разъяснял еще Гегель, *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но *не сводится* к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине.

Богданов пишет курсивом: «*Последовательный марксизм не допускает такой догматики и такой статики*», как вечные истины («Эмпириомонизм», III книга, стр. IX). Это путаница. Если мир есть вечно движущаяся и развивающаяся материя (как думают марксисты), которую отражает развивающееся человеческое сознание, то при чем же тут «статики»? Речь идет вовсе не о неизменной сущности вещей и не о

неизменном сознании, а о *соответствии* между отражающим природу сознанием и отражаемой сознанием природой. По этому — и только по этому — вопросу термин «догматика» имеет особый характерный философский привкус: это излюбленное словечко идеалистов и агностиков *против* материалистов, как мы уже видели на примере довольно «старого» материалиста Фейербаха. Старый-престарый хлам — вот чем оказываются все возражения против материализма, делаемые с точки зрения пресловутого «новейшего позитивизма». (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 107—112, изд. 3-е.)

Ревизия марксистско-ленинского учения об объективной истине механистами и меньшевистствующими идеалистами

*Почему я всякую истину называю субъективной? Да потому, что истина не есть объективное бытие, что истина есть наше представление о мире, вещах, процессах*¹.

Потому что без субъекта нет представления, нет ощущения, нет теории классовой борьбы.

*Потому что наше представление яблока не есть объективное яблоко, а только «отражение» его в наших головах*¹.

В своих работах я на этом почти не останавливался, потому что не считал нужным повторять старые-престарые азбучные истины, да и просто совестно — не за дурака же мы считаем нашего читателя! — убеждать, что всякая истина субъективна.

А вот нашелся же этаким «критик», которому надо разжевывать аз-буки-веди.

*Я говорю, что мир знает не одну правду, а множество их, что разумна монархия, но разумна и борьба с монархией*¹.

Тов. Столяров отвечает: «Неправда, т. Сарабянов! Не может быть *одновременно* в объективно-историческом смысле «разумна» и монархия и борьба с ней. Борьба с монархией становится «разумной» как раз в тот момент, когда сама монархия становится «неразумной». Неправда, что есть две правды — буржуазная и пролетарская, между которыми можно выбирать по совершенно субъективному произволу (не вешайте собак, уважаемый критик! — Вл. С.) Есть классовая точка зрения, которая выражает объективную необходимость исторического развития, и точка зрения других классов, которая по линии этой объективно-исторической необходимости не идет».

А дальше т. Столяров резюмирует: сарабяновская диалектика — готтентотская, т. е., если я украл у тебя жену, это хорошо, а если ты украл у меня, это плохо. Он, повидимому, даже не подозревает, что готтентотская мораль есть мораль всякого класса, в разных только «модусах», в том числе и пролетариата. Мещанину моралисту и лицемеру готтентотская мораль якобы противна, но мы-то не занимаемся моралистикой и определенно говорим, что когда нас генералы расстреливают — это плохо, а когда мы генералов стреляем — это хорошо.

Когда буржуазия подчиняет пролетариат — плохо, а когда мы подчиняем себе буржуазию — прекрасно.

Тов. Столяров считает себя революционером-марксистом и, подобно кисейным барышням, падает в обморок от «готтентотской морали», которая является отражением множественности истины.

Тов. Столяров думает, что мир одновременно знает только одну истину, истину одного класса.

Чепуха это и вопиющая метафизика, дорогой товарищ. (*Сарабянов, журнал «Под знаменем марксизма» № 6 за 1926 г., стр. 66, 73.*)

¹ Курсив составителя. — Ред.

Меньшевистствующий идеализм отрывает путь познания от его содержания

Подобно тому, как наши представления и понятия не являются абсолютными отражениями объективной действительности, так и успех человеческой практики, человеческой деятельности составляет лишь приближение к объективной истине. Такое правильное и глубоко-марксистское понимание вопроса свидетельствует об отсутствии в мировоззрении Ленина догматизма и доктринерства. «Идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше, никогда не исчерпывая ее». Именно поэтому теория Маркса есть объективная истина. То, что подтверждает наша практика как в области чисто теоретической, так и в области общественной деятельности, есть единственная объективная истина. Другого пути к объективной истине нет. Но Ленин говорит именно о *пути*, о *методе*, превосходно понимая, что всякая данная истина представляет собою не абсолютную, а относительную истину. И поэтому важен *путь*, правильное направление, которое ведет к истине. Самою же абсолютною истиною мы никогда не обладаем. Мы к ней в нашем познании и в нашей деятельности лишь приближаемся. (*Деборин, Ленин как мыслитель*, стр. 26—27, изд. 3-е, Гиз, 1929 г.)

Истина конкретна, абстрактной истины нет

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: *mettere la coda dove pop va il saro* (просунуть хвост, где голова не лезет). (*Ленин, Шаг вперед, два шага назад* (1904 г.), Соч., т. VI, стр. 326, изд. 3-е.)

* * *

Несомненно, что задача состоит и здесь, как всегда, в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать...

Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учили как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и «левым» доктринерством, так и *конкретные особенности*, которые эта борьба принимает и неизбежно должна принимать в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава (Ирландия и т. п.), ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п. Повсеместно чувствуется, пирится и растет недовольство II Интернационалом и за его оппортунизм и за его неумение или неспособность создать действительно централизованный, действительно руководящий центр, способный направлять международную тактику революционного пролетариата в его борьбе за всемирную Советскую республику. Необходимо дать себе ясный отчет в том, что такой руководящий центр ни в коем случае нельзя построить

на шаблонизировании, на механическом выравнивании, отождествлении тактических правил борьбы. Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами, — а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма (советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частности*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к учреждению Советской республики и пролетарской диктатуры — вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента. (*Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920 г.), Соч., т. XXV, стр. 227, 228—229, изд. 3-е.*)

Как оппортунисты извращают истину

Вопрос об отечестве — ответим мы оппортунистам — нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Эта война империалистическая, т. е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи *конца* капитализма. Рабочий класс должен сначала «устроиться в пределах наций», — говорит *«Коммунистический манифест»*, указывая при этом *границы и условия* нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а следовательно, и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение не феодализма, а капитализма, ясно и определенно говорит *«Коммунистический манифест»*: «рабочие не имеют отечества». Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитать с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций. (*Ленин, Положение и задачи Социалистического интернационала (1914 г.), Соч., т. XVIII, стр. 69—70.*)

Стремление искать ответов в простом логическом развитии общей истины есть опощение марксизма

На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непрелобно. Его никогда нельзя забывать. Его всегда необходимо применять ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции.

Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее

применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, — есть оплошение марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Про таких людей, которые выводят, например, руководящую роль «буржуазии» в революции или необходимость поддержки либералов социалистами из общей истины о характере этой революции, Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох». (*Ленин, Развитие капитализма в России (1907 г.), Соч., т. III, стр. 12.*)

Особенность марксистского метода изучения общественного развития

Почему это говорит Маркс о «современном» (modern) обществе, когда все экономисты до него толковали об обществе вообще? В каком смысле употребляет он слово «современный», по каким признакам выделяет особо это современное общество? И далее, — что это значит: экономический закон движения общества? Мы привыкли слышать от экономистов — и это, между прочим, одна из любимых идей у публицистов и экономистов той среды, к которой принадлежит «Р. Б.—во», — что только производство ценностей подчинено одним лишь экономическим законам, тогда как распределение, дескать, зависит от политики, от того, в чем будет состоять воздействие на общество со стороны власти, интеллигенции и т. п. В каком же это смысле говорит Маркс об экономическом законе движения общества и еще рядом называет этот закон *Natargesetz* — законом природы? Как понимать это, когда столь многие отечественные социологи исписали груды бумаги о том, что область общественных явлений выделяется особо из области естественно-исторических явлений, что поэтому и для исследования первых следует прилагать совсем особый «субъективный метод в социологии»?

Все эти недоумения возникают естественно и необходимо, и конечно только полное невежество может обходить их, говоря о «Капитале». Чтобы разобраться в этих вопросах, приведем предварительно еще одно место из того же предисловия к «Капиталу», всего несколькими строками ниже.

«Моя точка зрения состоит в том, — говорит Маркс, — что я смотрю на развитие экономической общественной формации, как на естественно-исторический процесс».

Достаточно простого сопоставления хотя бы приведенных только двух мест из предисловия, чтобы видеть, что именно тут заключается основная идея «Капитала», проводится, как мы слышали, строго выдержанно и с редкой логической силой. Отметим прежде всего два обстоятельства по поводу всего этого: Маркс говорит только об одной «общественно-экономической формации», о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой. Это — во-первых. А во-вторых, отметим приемы выработки Марксом его выводов: эти приемы состояли, как мы сейчас слышали от г. Михайловского, в «кропотливом исследовании соответствующих фактов».

Теперь перейдем к разбору этой основной идеи «Капитала», которую так ловко попытался обойти наш субъективный философ. В чем, собственно, состоит понятие экономической общественной формации? И каким образом развитие такой формации можно и должно считать естественно-историческим процессом? — вот вопросы, стоящие теперь перед нами. Я уже указывал, что с точки зрения старых (не для России) экономистов и социологов понятие общественно-экономической формации совершенно лишнее: они толкуют об обществе вообще, спорят с Спенсерами о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т. п. (*Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов (1894 г.), Соч., т. I, стр. 57—58, изд. 3-е.*)

Отличие диалектики от софистики

...Диалектика отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории. Эклектик не хочет «слишком абсолютных» утверждений, чтобы просунуть свое мещанское, свое филистерское пожелание «*переходными ступенями*» заменить революцию.

О том, что переходной ступенью между государством, органом господства класса капиталистов, и государством, органом господства пролетариата, является именно революция, состоящая в *свержении буржуазии и в ломке, в разбитии ее государственной машины*, об этом Каутские и Вандервельде молчат. О том, что диктатура буржуазии должна смениться диктатурой *одного* класса, пролетариата, что за «переходными ступенями» революции последуют «переходные ступени» постепенного отмирания пролетарского государства, это Каутские и Вандервельде затушевывают. В этом и состоит их политическое ренегатство.

В этом и состоит, теоретически, философски, подмена диалектики эклектицизмом и софистикой. Диалектика конкретна и революционна, «переход» от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличает от «перехода» демократического пролетарского государства к не-государству («отмирание государства»). Эклектика и софистика Каутских и Вандервельде, в угоду буржуазии, смазывают все конкретное и точное в классовой борьбе, подставляя общее понятие «перехода», куда можно запрятать (и куда *девять десятых* официальных *социал-демократов* нашей эпохи *прячут*) отречение от революции! (Ленин, *Пролетарская революция и ренегат Каутский*, Соч., т. XXIII, стр. 410, изд. 3-е.)

Практика есть основа и критерий истинности познания

Главный недостаток всего предшествовавшего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Поэтому и случилось так, что *действенная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, разумеется, не знает действительной, чувственной деятельности, как таковой. Фейербах хочет иметь дело с объектами, действительно отличными от объектов в мысли, но он не постигает самую человеческую деятельность, как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика постигается и утверждается только в ее грязно-еврейской форме проявления. Он не понимает поэтому и значения «революционной», практически-критической деятельности. (Маркс, *Тезисы о Фейербахе. Приложение к книге «Л. Фейербах и конец немецкой классической философии»* Энгельса, стр. 62, 1932 г.)

Естествоиспытатели и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление; они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и первой основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 14—15, 1932 г.)

Возникновение и развитие чистой математики связано с развитием общественного производства и науки

Относительно всей чистой математики господин Дюринг думает, что он может ее — как и основные формы бытия — вывести априорно, т. е. прямо из головы, не прибегая к опыту из внешнего мира. В чистой математике, уверяет он, рассудок занимается «своими собственными свободными творениями и фантазиями»; понятия числа и фигуры составляют «достаточный для нее и создаваемый ей самой объект», и, таким образом, она имеет «значимость, не зависящую от частного опыта и реального содержания мира».

Что чистая математика имеет значимость, не зависящую от *специального* опыта каждой отдельной личности, это, конечно, верно и применимо ко всем прочно установленным фактам всех наук, да и вообще ко всем фактам. Магнитные полюсы, состав воды из водорода и кислорода, тот факт, что Гегель мертв, а господин Дюринг жив, имеют значимость независимо от моего опыта или опыта других отдельных людей, даже независимо от опыта господина Дюринга, когда он спит сном праведника. Но отсюда вовсе не следует, что рассудок в чистой математике имеет дело только со своими «собственными творениями и фантазиями». Понятия числа и фигуры заимствованы именно из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первое арифметическое действие, представляют что угодно, но только не свободное творение рассудка. Для счета необходимы не только объекты счета, но также уже и способность при рассмотрении этих объектов отвлекаться от всех их свойств, кроме их числа, а эта способность — продукт долгого исторического эмпирического развития. Понятие фигуры, как и понятие числа, заимствовано исключительно из внешнего мира, а не возникло вовсе в голове из чистого мышления. Раньше, чем люди могли прийти к понятию фигуры, должны были существовать вещи, которые имели форму и формы которых сравнивали. Чистая математика имеет своим предметом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, т. е. весьма реальное содержание. Тот факт, что это содержание проявляется в крайне абстрактной форме, может лишь слабо затушевать его происхождение из внешнего мира. Чтобы изучить эти формы и отношения в их чистом виде, следует их оторвать совершенно от их содержания, устранить его как нечто безразличное для дела. Так получают точки без протяжения, линии без толщины и ширины, a и b , x и y , постоянные и переменные, лишь в самом конце мы приходим к настоящим «свободным творениям и фантазиям» рассудка, именно к мнимым величинам. Точно так же выведение математических величин как будто бы друг из друга доказывает не их априорное происхождение, но только их рациональную связь. Прежде чем пришли к мысли вывести *форму* цилиндра из вращения прямоугольника вокруг одной из его сторон, нужно было исследовать не мало реальных прямоугольников и цилиндров, хотя бы и в весьма несовершенной форме. Как и прочие науки, математика возникла из *потребностей* человека: из измерения земли и вместимости сосудов, из исчисления времени и механики. Но, как и во всех областях мышления, отвлеченные из действительного мира законы на известной ступени развития отрываются от действительного мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, по которым должен направляться мир. Так было с обществом и государством; так, а не иначе, *применяется* впоследствии чистая математика к миру, хотя она и заимствована из этого мира и представляет только часть его составных форм, и, *собственно*, только поэтому она вообще применима к нему...

Математические аксиомы представляют собой выражения крайне скудного умственного содержания, которое математика должна заимствовать у логики. Их можно свести к двум следующим аксиомам:

1. Целое больше части. Это положение есть чистая тавтология, так как взятое в количественном смысле представление «часть» уже заранее отнесено определенным образом к представлению «целое», — именно так, что понятие «часть» означает попросту, что количественное «целое» состоит из нескольких количественных «частей». Оттого, что указанная аксиома выражает это явным образом, мы ни на шаг не подвигаемся дальше. Можно даже известным образом *доказать* эту тавтологию, можно сказать: целое есть то, что состоит из нескольких частей; часть есть то, несколько экземпляров чего составляет целое, следовательно, часть меньше целого. Ясно, что благодаря пустоте повторения здесь только резче проявляется пустота содержания.

2. Если две величины равны третьей, то они равны между собой. Это положение, как показал еще Гегель, представляет собой умозаключение, за правильность которого ручается логика; оно, значит, доказывается, хотя и вне области чистой математики. Прочие аксиомы о равенстве и неравенстве являются просто логическим развитием этого умозаключения.

Этими топкими положениями ни в математике, ни где-либо вообще никого не соблазнишь. Чтобы двинуться дальше, мы должны привлечь реальные отношения, отношения и пространственные формы, взятые из реальных тел. Все представления о линиях, поверхностях, углах, о многоугольниках, кубах, шарах и т. д. заимствованы из действительности, и нужна известная доза идеологической наивности, чтобы поверить математикам, будто первая линия возникла от движения точки в пространстве, первая поверхность — от движения линии, первое тело — от движения поверхности и т. д. Уже язык протестует против этого. Математическая фигура трех измерений называется телом, *corpus solidum*, что по-латыни означает даже осязаемое тело, т. е. она носит название, являющееся продуктом не «свободной фантазии» рассудка, а взятое из грубой действительности. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 25—27, 1932 г.)

Единство теории и практики

Идея есть «истина» (стр. 385, § 213). Идея, т. е. *исти-на*, как процесс — ибо истина есть *процесс* — проходит в своем развитии три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий *практику* человека и *технику* (см. выше), — 3) ступень абсолютной идеи (т. е. полной истины).

Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине. (*Ленинский сборник* IX, стр. 237.)

Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* «практику» (и технику).

* * *

Единство теоретической идеи (познания) и *практики* — это NB — и это единство *именно в теории познания*, ибо в сумме получается «абсолютная идея» (а идея = «объективная истина» [том V, [143]]). (*Ленинский сборник* IX, стр. 271, изд. 1-е.)

Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, *изменяет* внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (=меняет те или иные ее стороны, качества), и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (=объективной истиной). (*Ленинский сборник* IX, стр. 269, изд. 1-е.)

NB

|| NB

Практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности. («Ленинский сборник» IX, стр. 261, изд., 1-е.)

* * *

Когда Гегель старается — иногда даже: тщится и пыжится — подвести целесообразную деятельность человека под категории логики, говоря, что эта деятельность есть «заключение», что субъект (человек) играет роль такого-то «члена» в логической «фигуре» заключения и т. п., — то это не только натяжка, но только игра. Тут есть очень глубокое содержание, чисто материалистическое. Надо перевернуть: практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом. Это *Notabene*. («Ленинский сборник» IX, стр. 219, изд., 1-е.)

NB

Категории

логики и

человеческая

практика.

NB

К. Маркс о значении революционной практически-критической деятельности

2.

Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а *практический вопрос*. На практике должен человек доказывать истинность, т. е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический вопрос*.

3.

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди это продукты иных обстоятельств и изменившегося воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитывать. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может быть достигнуто и рационально понято только как *революционная практика*.

8.

Общественная жизнь есть в сущности жизнь *практическая*. Все мистерии, которые завлекают теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

11.

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его. (Маркс, Тезисы о Фейербахе, Приложение к книге «Л. Фейербах» Энгельса, стр. 62—64, 1932 г.)

Практика — единство противоречий

Замечательно: к «идее», как совпадению понятия с объектом, к идее, как *истине*, Гегель подходит *через* практическую, целесообразную деятельность человека. Вплотную подход к тому, что *практикой* своей доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки. («Ленинский сборник» IX, стр. 219, изд. 1-е.)

От субъективного понятия и субъективной цели к *объективной истине*.

Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении в - и для-себя. Но человеческое понятие эту объективную истину познания «окончательно» ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики. Т. е. практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания. Такова ли мысль Гегеля? К этому надо вернуться. («Ленинский сборник» IX, стр. 257, изд. 1-е.)

Гегель о практике и объективности познания.

«Заключение действованиа»... Для Гегеля *действование*, практика есть *логическое «заключение»*, фигура логики. И это правда! Конечно, не в том смысле, что фигура логики инобытием своим имеет практику человека (= абсолютный идеализм), а *vice versa* практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения.

NB:

NB:

1-ая посылка: *благая цель* (субъективная цель) *versus действительность* («внешняя действительность»)

2-ая посылка: внешнее *средство* (орудие), (объективное)

3-ья посылка *сиречь* вывод: совпадение субъекта и объекта, проверка субъективных идей, критерий объективной истины. («Ленинский сборник» IX, стр. 267, изд. 1-е.)

мысль включить *жизнь* в логику понятна — и гениальна — с точки зрения *процесса* отражения в сознании (сначала индивидуальном) человека объективного мира и проверки этого сознания (отражения) практикой — смотри: («Ленинский сборник» IX, стр. 239, изд. 1-е.)

* * *

Значение *общего* противоречиво, оно мертво, оно нечисто, неполно, и т. д. и т. д., но оно только и есть *степень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов и т. д. дает *конкретное* в его полноте.

NB
диалектика
познания
NB

Движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть — отступить, чтобы лучше прыгнуть (познать?). Линии сходящиеся и расходящиеся: круги, касающиеся один другого. Узловой пункт = практика человека и человеческой истории...

NB

Эти узловые пункты представляют из себя единство противоречий, когда бытие и небытие, как исчезающие моменты, совпадают на момент, в данные моменты движения (= техники, истории и т. д.). («Ленинский сборник» XII, стр. 229, изд. 2-е.)

Критика Лениным махистского отрыва теории познания от практики

Мы видели, что Маркс в 1845 г., Энгельс в 1888 и 1891 гг. вводят критерий практики в основу теории познания материализма. Вне практики ставить вопрос о том, «соответствует ли человеческому мышлению предметная» (т. е. объективная) «истина», есть схоластика, — говорит Маркс во 2-м тезисе о Фейербахе. Лучшее опровержение кантианского и юмистского агностицизма, как и прочих философских вывертов (Schrullen), есть практика, — повторяет Энгельс. «Успех наших действий доказывает согласие (соответствие, Übereinstimmung) наших восприятий с предметной (объективной) природой воспринимаемых вещей», — возражает Энгельс агностикам.

Сравните с этим рассуждение Маха о критерии практики. «В повседневном мышлении и обыденной речи противопоставляют обыкновенно *кажущееся, иллюзорное действительности*. Держа карандаш перед нами в воздухе, мы видим его в прямом положении; опустив его в наклонном положении в воду, мы видим его согнутым. В последнем случае говорят: «карандаш *кажется согнутым*, но в действительности он прямой». Но на каком основании мы называем *один* факт действительностью, а *другой* низводим до значения иллюзии?.. Когда мы совершаем ту естественную ошибку, что в случаях необыкновенных все же ждем наступления явлений обычных, то наши ожидания, конечно, бывают обмануты. Но факты в этом не виноваты. Говорить в подобных случаях об *иллюзии* имеет смысл с точки зрения практической, но ничуть не научной. В такой же мере не имеет никакого смысла с точки зрения научной часто обсуждаемый вопрос, существует ли действительно мир, или он есть лишь наша иллюзия, не более как сон. Но и самый несообразный сон есть факт, не хуже всякого другого» («Анализ ощущений», стр. 18—19).

Справедливо, что фактом бывает не только несообразный сон, но и несообразная философия. Сомневаться в этом невозможно после знакомства с философией Эрнста Маха. Как самый последний софист, он смешивает научно-историческое и психологическое исследование человеческих заблуждений, всевозможных «несообразных снов» человечества вроде веры в леших, домовых и т. п., с гносеологическим различением истинного и «несообразного». Это то же самое, как если бы экономист сказал, что и

теория Сениора, по которой всю прибыль капиталисту дает «последний час» труда рабочего, и теория Маркса, — одинаково факт, и с точки зрения научной не имеет смысла вопрос о том, какая теория выражает объективную истину и какая — предрассудки буржуазии и продажность ее профессоров. Кожевник И. Дицген видел в научной, т. е. материалистической, теории познания «универсальное оружие против религиозной веры» («Kleinere philosophischen Schriften», S. 55), а для ординарного профессора Эрнста Маха «с точки зрения научной не имеет смысла» различие материалистической теории познания и субъективно-идеалистической! Наука беспартийна в борьбе материализма с идеализмом и религией, это излюбленная идея не одного Маха, а всех современных буржуазных профессоров, этих, по справедливому выражению того же И. Дицгена, «дипломированных лакеев, оглуляющих народ вымученным идеализмом» (S. 53, там же).

Это именно такой вымученный профессорский идеализм, когда критерий практики, отделяющей для всех и каждого иллюзию от действительности, выносятся Э. Махом за пределы науки, за пределы теории познания. Человеческая практика доказывает правильность материалистической теории познания, — говорили Маркс и Энгельс, объявляя «схоластикой» и «философскими вывертами» попытки решить основной гносеологический вопрос помимо практики. Для Маха же практика — одно, а теория познания — совсем другое; их можно поставить рядом, не обуславливая первым второго. «Познание, — говорит Мах в своем последнем сочинении: «Познание и заблуждение» (стр. 115 второго немецкого издания), — есть... биологически полезное (förderndes) психическое переживание». «Только успех может отделить познание от заблуждения» (116). «Понятие есть физическая рабочая гипотеза» (143). Наши русские махисты, желающие быть марксистами, с удивительной наивностью принимают подобные фразы Маха за доказательство того, что он *приближается* к марксизму. Но Мах здесь так же приближается к марксизму, как Бисмарк приближался к рабочему движению, или епископ Евлогий к демократизму. У Маха подобные положения *стоят рядом* с его идеалистической теорией познания, а не определяют выбор той или иной определенной линии в гносеологии. Познание может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независимую от человека. Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем. Для солипсита «успех» есть все то, что *мне* нужно на *практике*, которую можно рассматривать отдельно от теории познания. Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм, — говорит марксист. Практика пусть будет материалистична, а теория особь статья, — говорит Мах.

«Практически, — пишет он в «Анализе ощущений», — совершая какие-нибудь действия, мы столь же мало можем обойтись без представления *Я*, как мы не можем обойтись без представления тела, протягивая руку за какой-нибудь вещь. Физиологически мы остаемся эгоистами и материалистами с таким же постоянством, с каким мы постоянно видим восхождение солнца. Но теоретически мы вовсе не должны придерживаться этого взгляда» (245—6).

Эгоизм тут ни к селу, ни к городу, ибо это — категория вовсе не гносеологическая. Не при чем и кажущееся движение солнца вокруг земли, ибо в практику, служащую нам критерием в теории познания, надо включить также практику астрономических наблюдений, открытый и т. д. Остается ценное признание Маха, что в практике своей люди руководятся всецело и исключительно материалистической теорией познания, попытка же обойти ее «теоретически» выражает лишь гедертерски-схоластические и вымученно-идеалистические стремления Маха.

До какой степени не новы эти усилия выделить практику, как нечто не подлежа-

пее рассмотрению в гносеологии, для очистки места агностицизму и идеализму, показывает следующий пример из истории немецкой классической философии. По дороге от Канта к Фихте стоит здесь Г. Е. Шульце (так называемый в истории философии Шульце-Энесидем). Он открыто защищает скептическую линию в философии, называя себя последователем Юма (а из древних — Пиррона и Секста). Он решительно отвергает всякую вещь в себе и возможность объективного знания, решительно требует, чтобы мы не шли дальше «опыта», дальше ощущений, причем предвидит и возражение из другого лагеря: «Так как скептик, когда он участвует в жизненных делах, признает за несомненное действительность объективных предметов, ведет себя сообразно с этим и допускает критерий истины, — то собственное поведение скептика есть лучшее и очевиднейшее опровержение его скептицизма»¹. «Подобные доводы, — с негодованием отвечает Шульце, — годятся только для черни (Röbel, S. 254), ибо мой скептицизм не затрагивает жизненной практики, оставаясь в пределах философии» (255).

Равным образом и субъективный идеалист Фихте надеется в пределах философии идеализма найти место для того «реализма, который неизбежен (sich aufdringt) для всех нас и даже для самого решительного идеалиста, когда дело доходит до действия, реализм, принимающий, что предметы существуют совершенно независимо от нас, вне нас» (Werke, I, 455).

Недалеко ушел от Шульце и Фихте новейший позитивизм Маха! Как курьез, отметим, что для Базарова по этому вопросу опять-таки не существует на свете никого, кроме Плеханова: сильнее кошки зверя нет. Базаров смеется над «сальтовитальной философией Плеханова» («Очерки», стр. 69), который написал действительно несуровую фразу, будто «верн» в существование внешнего мира «есть неизбежное salto vitale» (жизненный прыжок) «философии» («Прим. к Л. Фейербаху», стр. 111). Выражение «вера», хотя и взятое в кавычки, повторенное за Юмом, обнаруживает путаницу терминов у Плеханова, — слов нет. Но причем тут Плеханов?? Почему не взял Базаров другого материалиста, ну, хотя бы Фейербаха? Только потому, что он его не знает? Но невежество не есть аргумент. И Фейербах, подобно Марксу и Энгельсу, делает непозволительный, с точки зрения Шульца, Фихте и Маха, «прыжок» к практике в основных вопросах теории познания. Критикуя идеализм, Фейербах излагает его суть такой рельефной цитатой из Фихте, которая великолепно бьет весь махизм. «Ты полагаешь, — писал Фихте, — что вещи действительны, что они существуют вне тебя только потому, что ты их видишь, слышишь, осязаешь. Но зрение, осязание, слух суть лишь ощущения... Ты ощущаешь не предметы, а только свои ощущения» (Фейербах, Werke, X Band, S. 185). И Фейербах возражает: «Человек не абстрактное Я, а либо мужчина, либо женщина, и вопрос о том, есть ли мир ощущение, можно приравнять к вопросу: есть ли другой человек мое ощущение или наши отношения на практике доказывают обратное? В том-то и состоит коренная ошибка идеализма, что он ставит и разрешает вопрос об объективности и субъективности, о действительности или недействительности мира только с теоретической точки зрения» (189, там же). Фейербах берет учет всей совокупности человеческой практики в основу теории познания. «Конечно, — говорит он, — и идеалисты признают на практике реальность и нашего Я и чужого Ты. Для идеалистов «это точка зрения, годная только для жизни, а не для спекуляции. Но спекуляция, становящаяся в противоречие с жизнью, делающая точкой зрения истины точку зрения смерти, души, отделенной от тела, — такая спекуляция есть мертвая, фальшивая спекуляция» (192). Прежде, чем *ощущать*, мы дышим; мы не можем существовать без воздуха, без пищи и питья».

¹ G. E. Schulze, Aenesidemus oder über die Fundamente der von dem Prof. Reinhold in Jena gelieferten Elementarphilosophie, 1792, S. 253. (Шульце Г. Е., Энесидем или об основах преподнесенной профессором Рейнгольдом из Иены элементарной философии, стр. 253, 1792. — *Ред.*)

«Так, значит, речь идет о пище и питье при разборе вопроса об идеальности или реальности мира? — восклицает возмущенный идеалист. — Какая низость! Какое нарушение доброго обычая изо всех сил ругать материализм в научном смысле с кафедры философии и с кафедры теологии, с тем, чтобы за табльдотом практиковать материализм в самом грубом смысле» (195). И Фейербах восклицает, что приравнивать субъективное ощущение к объективному миру «значит приравнивать поллюцию к деторождению» (198).

Замечание не из очень вежливых, но оно попадает не в бровь, а в глаз тем философам, которые учат, что чувственное представление и есть вне нас существующая действительность.

Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики. Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина, — то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения. Например, Богданов соглашается признать за теорией денежного обращения Маркса объективную истинность только «для нашего времени», называя «догматизмом» приписывание этой теории «надисторически-объективной истинности» («Эмпириомонизм», книга III, с. VII). Это опять путаница. Соответствия этой теории с практикой не могут изменить никакие будущие обстоятельства по той же простой причине, по которой *всегда* истина, что Наполеон умер 5-го мая 1821 года. Но так как критерий практики, — т. е. ход развития *всех* капиталистических стран за последние десятилетия, — доказывает только объективную истину *всей* общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той или иной части, формулировки и т. п., то ясно, что толковать здесь о «догматизме» марксистов, значит делать непростительную уступку буржуазной экономике. Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 112—117, изд. 3-е.)

Классовые корни отрыва теории от практики

Разделение труда становится действительно разделением труда лишь тогда, когда наступает разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики. С того момента, как сознание начинает действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, с этого момента оно оказывается в состоянии освободиться от мира и перейти к образованию «чистой теории», теологии, философии, морали и т. д. Но если даже эта теория, теология, философия, мораль и т. д. вступают в противоречие с существующими отношениями, то это возможно лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующими силами производства; впрочем, у определенного народа это может произойти также благодаря тому, что противоречие обнаруживается

не в его национальных рамках, а между его национальным сознанием и практикой других народов, т. е. между национальным и всеобщим сознанием какого-нибудь народа (как, например, теперь в Германии). Если какому-нибудь народу это противоречие представляется в виде противоречия внутри национального сознания, то и борьба должна повидимому ограничиться этой национальной дрянью... так как и народ этот есть сам по себе дрянь.

Впрочем, совершенно неважно, что может учинить одно только сознание; из всей этой ерунды для нас получается лишь тот результат, что три эти момента — производительная сила, общественное состояние и сознание — могут, и должны, вступить в противоречие друг с другом, ибо вместе с разделением труда делается возможным и даже происходит в действительности то, что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и погребение выпадают па долю различных индивидов; отсутствие между ними противоречий возможно лишь при том условии, что снова уничтожается разделение труда. Впрочем, само собою разумеется, что «призраки», «связь», «высшее существо», «понятие», «сомнение» являются просто идеалистическим, духовным выражением, представлением, повидимому, разобщенного индивида, представлением о весьма эмпирических узах и оковах, внутри которых движется способ производства жизни и связанная с этим форма сношений. (*Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 221—222, 1924 г.*)

Разделение материального и духовного труда

Самым крупным разделением материального и духовного труда является отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации, и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени (*Anticornlaw-League*). Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д., коротко говоря, общинной жизни (*Gemeinwesen*), а значит и политики вообще. Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса, основывающееся прямо на разделении труда и на орудиях производства. В городе мы имеем перед собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и обособления. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она есть грубейшее выражение факта подчинения индивида разделению труда и определенной, принудительно навязываемой ему деятельности, подчинения, превращающего одного человека в ограниченное городское животное, другого — в ограниченное деревенское животное, и ежедневно наново порождающего противоречие интересов обоих. Труд здесь является снова главным делом, является силой над индивидами, и пока существует эта последняя, должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности (*Gemeinschaft*), условием, которое, в свою очередь, зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит сразу же, не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны еще быть развиты). (*Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 234, 1924 г.*)

Как учиться коммунизму

Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма

было бы слишком грубо и недостаточно. Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, — это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам коммунистическое общество. Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества. (Ленин, Речь на III съезде комсомола (1920 г.), Соч., т. XXV, стр. 385—386, изд. 3-е.)

Необходимо соединение познания и практики

Познание... находит перед собой истинное сущее как независимо от субъективных мнений наличную действительность. (Это чистый материализм!) Воля человека, его практика, сама препятствует достижению своей цели... тем, что отделяет себя от познания и не признает внешней действительности за истинно-сущее (за объективную истину). Необходимо *соединение познания и практики*. («Ленинский сборник» IX, стр. 265, изд. 1-е.)

Nota-
bene

Значение научных абстракций в познании

Гегель вполне прав *по существу* против Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное* (NB) (а Кант, как и все философы, говорит о правильном мышлении) — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности. Кант принижает знание, чтобы очистить место вере: Гегель возвышает знание, уверяя, что знание есть знание бога. Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму. («Ленинский сборник» IX, стр. 183—185, изд. 1-е.)

Сила научной абстракции

Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки. И в данном случае наибольшие трудности представляет понимание первой главы, — в особенности того ее отдела, который заключает в себе анализ товара. Что касается ближайшего

анализа субстанции стоимости и величины стоимости, то я сделал его популярным, насколько это возможно. Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И тем не менее ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет, в то время как анализ гораздо более содержательных и сложных форм ему удался, по крайней мере, приблизительно. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто рядом хитросплетений и мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело например микроскопическая анатомия. (*Маркс, Капитал, т. I, Предисловие к первому изданию, стр. XIII—XIV, 1932 г.*)

Применение научных абстракций

Если речь идет о производстве то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидов. Может поэтому казаться, что, для того чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить исторический процесс развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например с современным буржуазным производством, которое, собственно, и является нашей действительной темой. Однако всем эпохам производства свойственны некоторые общие признаки, некоторые общие определения. Производство вообще это — абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений. Однако это общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является многократно расчлененным и содержит в себе различные определения. Одни относятся ко всем эпохам, другие — общи лишь некоторым. Одни определения являются общими и для самой современной и для древнейшей эпохи. Без них совершенно невозможно мыслить себе производство, однако, хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми языками, но именно отличие их от этого всеобщего и общего и есть то, что образует их развитие. Определения, которые действительны вообще для производства, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое обусловлено уже тем, что как субъект — человечество, — так и объект — природа являются теми же самыми, не были забыты существенные различия. В забвении этих различий заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений, например, делают вывод, что никакое производство невозможно без орудий производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без предшествующего накопленного труда, хотя бы этот труд представлял собою всего лишь сноровку, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений. Капитал есть между прочим также орудие производства — он есть также прошедший, объективированный труд. Отсюда вывод, что капитал есть всеобщее, вечное, естественное отношение. Но это можно утверждать, только откинув то специфическое, что одно лишь превращает «орудие производства», «накопленный труд», в капитал. Поэтому, например, у Кэри вся история производственных отношений представляется как ряд фальсификаций, злокозненно учиненных правительствами.

Если не существует производства вообще, то не существует также общего производства. Производство есть всегда особая отрасль производства: например, земледелие, скотоводство, мануфактура и т. д., ибо оно есть совокупность. Однако политическая

экономика — не технология. Отношение всеобщих определений производства на данной общественной ступени к отдельным формам производства надлежит развить в другом месте (впоследствии).

Наконец, производство не есть только особенное производство. Не всегда имеется определенный общественный организм, общественный субъект, действующий внутри более или менее богатой совокупности таких отраслей производства. Отношение научного изложения к реальному движению опять-таки сюда еще не относится. [Мы должны, следовательно, различать] производство вообще, особые отрасли производства, производство как совокупность. (Маркс, *К критике политической экономии*, стр. 16—18, 1932 г.)

Абстракция всеобщего человеческого труда

Чтобы измерить меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, нужно свести различные виды труда к безразличному, однообразному, простому труду, короче — к труду, который качественно одинаков и представляет поэтому только количественные различия.

Это сведение представляется абстракцией; однако это — абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно. Превращение всех товаров в рабочее время есть не большая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух. Труд, измеряемый таким образом временем, выступает в действительности не как труд различных индивидуумов, но, напротив того, различные трудящиеся индивидуумы выступают как простые органы этого труда. Другими словами, поскольку труд представлен в меновых стоимостях, он может быть выражен как *всеобщий человеческий труд*. Эта абстракция всеобщего человеческого труда *существует* в среднем труде, труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивидуум данного общества; это — определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д. Это — *простой труд*, которому может быть научен каждый средний индивидуум и который он в той или другой форме должен выполнять. Характер этого среднего труда различен в различных странах и в разные эпохи культуры, но в данном обществе он является определенным. Простой труд составляет наибольшую часть общей массы труда в буржуазном обществе, как в этом можно убедиться из любой статистики. Производит ли А в продолжение 6 часов холст и в продолжение 6 часов железо, и В точно так же посвящает по 6 часов для производства холста и железа, или же А производит в течение 12 часов железо, а В в продолжение 12 часов холст — с первого же взгляда видно, что дело идет лишь о различных применениях *одного и того же* рабочего времени. Но как быть со сложным трудом, который поднимается выше среднего уровня, как труд большей напряженности, большего удельного веса? Труд этого рода сводится к умноженному простому труду; это — простой труд, возведенный в степень; так, например, один день сложного труда равен трем дням простого труда. Здесь еще не место рассматривать законы, управляющие этим сведением. Однако что такое сведение происходит — очевидно, потому что продукт самого сложного труда, как меновая стоимость, эквивалентен в определенном отношении продукту простого, среднего труда, следовательно, равен определенному количеству этого простого труда. (Маркс, *К критике политической экономии*, стр. 52—53, 1932 г.)

Метод исследования и метод изложения

Когда мы рассматриваем данную страну в экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между го-

родом, деревенскими и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза годичного производства и потребления, цен на товары и т. д. Казалось бы наиболее правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии с населения, которое образует собой основу и субъект всего общественного процесса производства. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население, это — абстракция, если я, например, оставляю в стороне классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю элементов, на которых они покоятся, например, наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал например — ничто без наемного труда, без стоимости денег, цены и т. д. Если я, таким образом, начал бы с населения, то я дал бы хаотическое представление о целом, и только путем более частных определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абстракциям, пока не достиг бы простейших определений. И тогда я должен был бы пуститься в обратный путь, пока снова не подошел бы к населению, но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь, это — тот, по которому политическая экономия исторически следовала при своем возникновении. Экономисты XVII столетия например всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные общие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее абстрагированы и зафиксированы, возникли экономические системы, которые восходят от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом созерцания и представления. Если идти первым путем, то полное представление испарится до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления. Гегель поэтому впал в иллюзию, что реальное следует понимать как результат восходящего к внутреннему единству (*des sich in sich zusammenfassenden*), в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость, предполагает население, — население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого.

Напротив, как категория меновая стоимость имеет допотопное существование. Поэтому для сознания, — а философское сознание отличается тем, что для него логическое мышление — это действительный человек, а логически осознанный мир — действительный мир, — движение категорий кажется действительно актом производства, который, к сожалению, получает толчок извне; это — акт, результатом которого является мир, и это постольку правильно, — здесь мы снова впадаем в тавтологию, — поскольку конкретная совокупность, в качестве мысленной совокупности, мысленной конкретности, есть действительно продукт мышления, понимания; однако

это ни в коем случае не продукт понятия, самого себя порождающего и размышляющего вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятия. Целое, каким оно является в голове, как мыслимое целое, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает себе мир единственным возможным для нее способом, способом, отличающимся от художественно-религиозно-практически-духовного освоения мира. Реальный субъект остается все время вне головы, существующий как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе [политической экономии] субъект, т. е. общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предположение. (Маркс, *К критике политической экономии*, стр. 32—33, 1932 г.)

III. Историческое и логическое

Разрыв с философией Гегеля произошел и здесь путем возврата к материалистической точке зрения. Это значит, что люди этого направления решились понимать действительный мир — природу и историю — таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без заранее заготовленных идеалистических выдумок; они решились без всякого сожаления отказаться от всякой идеалистической выдумки, которая не соответствует фактам, понятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает. Отличие состояло лишь в том, что здесь впервые серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению, что оно было последовательно проведено — по крайней мере в основном — во всех решительно областях знания.

Гегель не был просто отодвинут в сторону. Наоборот, указанная выше революционная сторона его философии, его диалектический метод были приняты за исходную точку. Но этот метод в его гегелевской форме был негоден. У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия. Абсолютное понятие не только существует, — неизвестно где, — от века, но и составляет истинную, животворящую душу всего существующего. Оно развивается к самому себе, проходя все те ступени, которые заключаются в нем самом и которые подробно рассмотрены в «Логике». Затем оно «обнаруживает себя», превращаясь в природу, где оно претерпевает новое развитие, не сознавая самого себя, приняв вид естественной необходимости, и в человеке, наконец, снова приходит к самосознанию. А в истории это самосознание опять выбивается из грубого состояния, пока, наконец, абсолютное понятие не приходит опять полностью к самому себе в гегелевской философии. Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, т. е. причинная связь того поступательного движения, которое, сквозь все отклонения в сторону и сквозь все кратковременные попятные шаги, пробивается от низшего к высшему, это развитие является у Гегеля просто снимком самодвижения понятия, вечно совершающегося неизвестно где и, во всяком случае, совершенно независимо от всякого мыслящего человеческого мозга. Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей, вместо того, чтобы в действительных вещах видеть снимки с абсолютного понятия, находящегося на известной ступени развития. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли: два ряда законов, которые в сущности тождественны, а по своему выражению различны, так как человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, а большей частью пока еще и в человеческой истории, они прокладывают свой путь бессознательно, в виде внешней необходимости, посреди бесконечного множества кажущихся случайностей. Таким образом диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения внешнего мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была

поставлена на голову, а лучше сказать — на ноги, так как на голове стояла она прежде. И замечательно, что не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, в течение долгих лет бывшую нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием; немецкий рабочий Иосиф Дицген вновь открыл ее независимо от нас и даже независимо от Гегеля. (*Энгельс, Л. Фейербах, стр. 40—41.*)

Критика политической экономии и после выбора метода могла быть построена двояким образом: исторически или логически. Так как в истории, как и в ее литературных отражениях, развитие в общем и целом идет от более простых к более сложным отношениям, то литературно-историческое развитие политической экономии давало естественную руководящую нить, которой критика могла следовать, так что при этом экономические категории в общем и целом следовали бы в том же порядке, как и в логическом развитии. Эта форма на первый взгляд имеет преимущество большей ясности, так как прослеживается *действительное* развитие; на самом же деле такое построение способствовало бы в лучшем случае только большей популярности изложения. Историческое развитие идет часто скачками и зигзагообразно, и его пришлось бы проследить во всех его перипетиях, благодаря чему не только пришлось бы слишком часто уделять место и малоценному материалу, но пришлось бы и часто прерывать ход мыслей. К тому же нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а последняя удлинила бы работу до бесконечности, так как в этой области нет никакого мало-мальски обработанного материала. Логический метод исследования являлся поэтому единственно подходящим. Последний, однако, есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начать с того, с чего начинается и история, и его дальнейшее развитие будет представлять собой не что иное, как отражение в абстрактной и теоретически последовательной форме исторического процесса — исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме.

При этом методе исследования мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое нам дано исторически или фактически, следовательно из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы расчленим.

То обстоятельство, что это есть *отношение*, говорит уже за то, что оно имеет две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы подвергаем изолированному рассмотрению и таким образом познаем форму их взаимоотношения, их взаимодействия. При этом возникают противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мысли, который происходит только в нашей голове, а действительный процесс, совершавшийся в известный исторический момент или даже продолжающий еще совершаться в настоящее время, то и эти противоречия будут развиваться на практике и, вероятно, найдут свое разрешение. Мы проследим способ этого разрешения и найдем, что оно вызвало установление нового отношения, две противоположных стороны которого мы должны будем развить, и т. д.

Политическая экономия начинается с *товара*, с того момента, когда продукты — индивидами или первобытными общинами — обмениваются друг на друга. Продукт, вступающий в обмен, является *товаром*. Но он является товаром только потому, что в нем (в вещи, в продукте) воплощается *отношение* двух лиц или общин, отношение между производителем и потребителем, которые здесь больше не сливаются в одном лице. Тут мы сразу имеем перед собой пример своеобразного явления, красной нитью проходящего через всю политическую экономию и породившего ужасную путаницу в головах буржуазных экономистов; в политической экономии речь идет не о вещах,

а об отношениях между лицами, в последней же инстанции — между классами, но эти отношения *всегда связаны с вещами и проявляются как вещи*. Эта связь, слабое сознание которой, конечно, мелькало уже в отдельных случаях у того или другого экономиста, была впервые раскрыта Марксом в ее значении для всей политической экономики, благодаря чему он мог труднейшие вопросы так упростить и так ясно изложить, что они теперь будут понятны даже буржуазным экономистам.

Если мы будем рассматривать товар в его различных отношениях, и именно товар в его совершенно развитой форме, а не в начале его трудного пути развития, в стадии первоначальной меновой торговли между двумя первобытными общинами, то он нам представится под обоими углами зрения: потребительной стоимости и меновой стоимости, и тут мы уже вступаем в область экономических дебатов.

Если кто-либо хочет убедиться на ярком примере, что немецкий диалектический метод на его нынешней ступени развития настолько же, по крайней мере, превосходит старый, плоскоболтливый метафизический, насколько современные железные дороги превосходят средства сообщения средних веков, пусть он прочтет у Адама Смита или у какого-либо другого официального экономиста с именем соответствующие места, и он увидит, как эти господа бились над потребительной и меновой стоимостью и как трудно им разграничить их между собой и понять специфические особенности каждой из них. Ему остается только затем сравнить с этим ясное, простое развитие этих проблем у Маркса.

После того как потребительная и меновая стоимость проанализированы, исследуется товар как непосредственное единство обоих, следовательно товар в той форме, в какой он вступает в *процесс обмена*. Какие противоречия тут возникают, читатель найдет на стр. 20, 21. Заметим только, что эти противоречия имеют не только абстрактно теоретический интерес, но одновременно отражают и те трудности, которые возникают из природы непосредственного менового отношения, из простой меновой торговли, отражают те невозможности, в которые неизбежно упирается эта примитивная форма обмена. Разрешение этих невозможностей находится в том, что свойство представлять меновую стоимость всех других товаров переносится на специальный товар — *деньги*. Деньги или простое обращение рассматриваются затем во второй главе, а именно: 1) деньги как *мерило стоимости*, причем тут же находит свое более точное определение измеряемая в деньгах *стоимость, цена*, 2) как *средство обращения*, 3) как единство обоих определений, как *реальные деньги*, как представитель всего материального буржуазного богатства. Этим заканчивается первый выпуск, оставляя для второго выпуска вопрос о переходе денег в капитал.

Отсюда можно видеть, что если руководиться этим методом, то логическое развитие вовсе не обязано держаться в области чистой абстракции. Наоборот, оно требует исторической иллюстрации, постоянного соприкосновения с действительностью. Эти иллюстрации и даны здесь в огромном количестве, с одной стороны, в виде указаний на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития, с другой стороны — в виде указаний на экономическую литературу, имеющих целью проследить с самого начала процесс выработки ясных определений экономических отношений. Кригика отдельных; более или менее односторонних или непоследовательных воззрений дана уже при развитии логической концепции и может быть в исторической части только кратко резюмирована.

В третьей статье мы перейдем к экономическому содержанию самой книги. (*Энгельс, О книге Маркса «К критике политической экономики», стр. 12—14, 1932 г.*)

Но исторические взгляды Маркса наносят философии смертельный удар в области истории, точно так же как диалектический взгляд на природу делает ненужной и не-

возможной всякую натурфилософию. Теперь задача заключается не в том, чтобы *придумывать* связь, существующую между явлениями, а в том, чтобы *открывать* ее в самих явлениях. За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, поскольку остается, лишь область чистой мысли: учение о законах процесса мышления, логика и диалектика. (Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 78, Соцэкиз, 1931 г.)

Материалистическая логика совпадает с теорией познания

Итак, не только описание *форм* мышления и не только *естественно-историческое описание явления* мышления (чем это отличается от описания *форм*??), но и соответствие с истиной, т. е.?? квинт-эссенция или, проще, результаты и итоги истории мысли?? У Гегеля тут идеалистическая неясность и недоговоренность. *Мистика*.

Не психология, не феноменология духа, а логика = вопрос об истине.

(«Ленинский сборник» IX, стр. 191, изд. 1-е.)

В таком понимании логика совпадает с теорией познания. Это вообще очень важный вопрос.

Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира. («Ленинский сборник» IX, стр. 41.)

«Природа, эта непосредственная цельность, развертывается в логическую идею и в дух». Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = «логическая идея») и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы. Тут *действительно*, объективно *три* члена: 1) природа; 2) познание человека = *мозг* человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc. Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.

NB: Гегель «только» обожествляет эту «логическую идею», закономерность, всеобщность. («Ленинский сборник» IX, стр. 203.)

Как изучать диалектику

Таким образом в *любом* предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает

нам (и опять-таки это надо показать на *любом* простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диалектика и *е с т ь* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах. (*Ленин, К вопросу о диалектике, Соч., т. XIII, стр. 303, изд. 3-е.*)

* * *

[Если M(ar)x не оставил «*Логик*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применены к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же), взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего все ценное вперед.] (*Ленинский сборник» XII, стр. 291—292, изд. 1-е.*)

История философии. Следовательно:			Вся область знания	
			Кратко, история познания вообще	
греческая философия наметила все сии моменты.	»	отдельных наук	} вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика	
	»	умственного развития ребенка		
	»	»		животных
	»	языка NB:		
		+ психология		
		+ физиология органов чувств	I	

(«Ленинский сборник» XII, стр. 315.)

Исторический характер диалектической логики

Эмпирическое естествознание накопило такую необъятную массу положительного материала, что необходимость систематизировать его в каждой отдельной области исследования и расположить с точки зрения внутренней связи стала неустраимой. Точно так же стало неизбежным привести между собою в правильную связь отдельные области познания. Но, занявшись этим, естествознание попадает в теоретическую область, а здесь методы эмпиризма оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление. Но теоретическое мышление является природным свойством только в виде способности. Она должна быть развита, усовершенствована, а для подобной разработки не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения истории философии.

Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. И это имеет значение и для практического применения мышления к эмпирическим областям, ибо, во-первых, теория законов мышления не есть вовсе какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль. Сама формальная логика являлась, начиная с Аристотеля и до наших дней, ареной ожесточенных споров. Что же касается диалектики, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями — Аристотелем и Гегелем. (*Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 239—240, 1932 г.*)

Противопоставление диалектики и теории познания у меньшевистствующих идеалистов

Значение диалектики как методологии, противопоставляемой теории познания, сознавалось в полной мере основоположниками марксизма и наиболее крупными его представителями. Ревизионизм начал свою «карьеру» с критики диалектического метода и с требования возврата к Канту. Наша же революционная эпоха требует от нас тщательного изучения действительности и овладения диалектикой, которая представляет собой метод научного познания и революционного действия одновременно. Диалектика уже в лице Гегеля преодолела гносеологическую метафизику Канта. Однако она все еще продолжает тяготеть над умами — не только буржуазными, но отчасти и «пролетарскими». Теория познания выполнила определенную историческую задачу. Она была призвана «обуздать» человеческую мысль, которая полагала возможным познание вещей несуществующих. Теория познания вела борьбу со старой метафизикой, имевшей своим предметом готовые, принятые на веру объекты, как бог, душа и пр. (Деборин, *Философия и марксизм*, стр. 234 — 235, 1930 г. Курсив составителя.)

Диалектика, логика и теория познания у меньшевистствующих идеалистов

...Философия — не наука наук, и не «непротиворечивая система их самых общих результатов», а синтез, проникающий науки и активно к ним относящийся.

Однако, если задача философии не просто сводка итогов нашего познания, то может быть в ее задачи входит обоснование нашего познания, выяснение условий его возможности и его границ. Тем самым мы получаем кантовскую «критическую» постановку проблемы философии. Философия здесь сводится в основе своей к теории познания, гносеологии. Таким образом, возникает проблема: каково соотношение теории познания и философии в марксизме? И каково отношение теории познания, того, что познавать, к методу, к тому, как познавать?

Мы уже знаем, что у Энгельса понятие теории мышления не означает теории границ мышления, а означает теорию диалектики и формальной логики, т. е. методологию. Для Энгельса философия — самопознание мышления, но не абстрактного мышления вообще, а конкретного мышления, познающего конкретную действительность и отражающего в своих формах наиболее общие формы ее развития. Предпосылкой почти всей буржуазной гносеологии, в частности кантовской, является представление о неких абсолютных границах нашего мышления, установив которые является задачей этой науки. Но для того, чтобы узнать границы познания, — надо познавать. Пока нет познания — нет и проблемы об его границах. Однако еще Гегель указал, что граница осознается лишь тогда, когда она уже перейдена. «Критическое» представление о том, что наше познание искажает познаваемые предметы, по-своему перерабатывая мир явлений, само догматично и недоказуемо. Только практическая деятельность показывает, что является субъективным, а что объективным в нашем познании. Отсюда — не теория познания подчиняет себе методологию, знание, а методология, диалектика, включает в себя теорию познания как свой момент. (Карев, *За материалистическую диалектику*, стр. 49—50, Гиз, 1930 г., изд. 2-е.)

Учение о понятии

Логические понятия субъективны, пока остаются «абстрактными», в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи-в-себе. Природа и конкретна и абстрактна, и явления и суть, и мгновение и отношение. Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе и итоге, в тенденции, в источнике. (*Ленинский сборник* IX, стр. 249.)

<p>NB</p> <p>К вопросу</p> <p>об</p> <p>истинном</p> <p>значении</p> <p>Логики</p> <p>Гегеля</p>	<p>Образование (абстрактных) понятий и операции с ними <i>уже включают</i> в себе представление, убеждение, <i>сознание</i> закономерности объективной связи мира. Выделять каузальность из этой связи нелепо. Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и в особом, невозможно. Гегель много глубже, следовательно, чем Кант и др., прослеживая отражение в движении понятий движения объективного мира. Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме <i>все</i> главные противоречия капитализма, — так уже самое простое <i>обобщение</i>, первое и простейшее образование <i>понятий</i> (суждений, заключений etc.) означает познание человека все более и более глубокой <i>объективной</i> связи мира. Здесь надо искать истинного смысла, значения и роли гегелевской Логики. Это NB. (<i>Ленинский сборник</i> IX, стр. 197.)</p>	<p>NB:</p> <p>Перевернуть: Маркс <i>применил</i> диалектику Гегеля в ее развитой форме к политической экономии</p>	<p>К Гегелю надо бы вернуться для разбора шаг за шагом какой-либо ходячей логики и теории познания кантовца и т. п.</p>
--	---	--	---

Во всяком случае естествознание находится теперь на такой ступени развития, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения, если не забудут, что результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия; искусство же оперировать понятиями не врождено и не заключается в обычном здравом смысле, но требует действительного мышления, которое, в свою очередь, имеет за собой столь же продолжительную историю, как и опытное естествознание. (*Энгельс, Анти-Дюринг*, стр. 9, 1932 г.)

Марксизм требует объективного применения диалектики

остроумно и умно! Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них *есть* движение. Конечный? Значит, *движущийся* к концу! Нечто? — значит, *не то*, что другое. Бытие вообще? — значит, такая неопределенность, что бытие = небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира. (*Ленинский сборник* IX, стр. 71.)

NB

мысли о диалектике. При чтении Гегеля.

Понятия должны быть гибки

Если я не ошибаюсь, здесь много мистицизма и пустой педантизм у Гегеля в этих выводах, но гениальна основная идея: всемирной, всесторонней, *живой* связи всего со всем и отражения этой связи — материалистически на голову поставленный Гегель — в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир. Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники. («Ленинский сборник» IX, стр. 139.)

а «чисто логическая» обработка? Эго совпадает. Эго *должно* совпадать, как индукция и дедукция в «Капитале».

* * *

... человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения *двигущихся* понятий, их связи, их взаимопереходов. («Ленинский сборник» XII, стр. 181—183.)

Река и *капли* в этой реке. Положение *каждой* капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения — прямая, кривая, круглая и т. д. — вверх, вниз. Сумма движения. Понятия, как *учеты* отдельных сторон движения, отдельных каплей (=вещей), отдельных «струй» etc. Вот приблизительно картина мира по Логике Гегеля, — конечно минус боженька и абсолют. («Ленинский сборник» IX, стр. 139, изд. 1-е.)

часто у Гегеля слово «*момент*» в смысле момента *связи*, момента в сцеплении.

Необходимо изучать историю мышления

Видимо, и здесь главное для Гегеля *наметить переходы*. С известной точки зрения, при известных условиях всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее. Не только (1) *связь*, и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но (2) *переходы* одного в другое, и не только переходы, но и (3) *тождество противоположностей* — вот что для Гегеля главное. Но это лишь «просвечивает» сквозь туман изложения архи «abstrus». История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий Логики — вот что нужно! («Ленинский сборник» IX, стр. 193—195.)

Гегель только угадал диалектику материального мира в диалектике понятий

совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаимо) *отношения* — вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, *причем* эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны, как отражения объективного мира. Диалектика *еще* создает диалектику *идей*, а не наоборот.

Гегель гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, *природы*) в диалектике понятий ≠

≠ Этот афоризм надо бы выразить популярнее, без слова диалектика: примерно так: Гегель гениально *угадал* в смене, взаимозависимости *всех* понятий, в *тождестве их противоположностей*, в *переходах* одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий именно такое отношение вещей, природы.

именно *угадал* не
больше.

= . . . . .
взаимозависимость понятий
« *всех* »
без исключения
переходы понятий из одного
в другое
« *всех* » без исклю-
чения.

= NB

Каждое понятие
находится в изве-
стном *отноше-
нии*, в известной
связи со *всеми*
остальными.

в чем состоит
диалектика

относительность противоположности между по-
нятиями . . .

тождество противоположностей между понятиями
(«*Ленинский сборник*» IX, стр. 229.)

Индукция и дедукция

Единичность, особенность, всеобщность — вот те три категории, в рамках которых движется все «учение о понятии». При этом переход от единичного к особенно-му, а от особенного ко всеобщему совершается не одним, а многими способами, и Ге-гель довольно часто иллюстрирует его на примере перехода: индивид, вид, род. И вот приходят Геккели со своей индукцией и выдвигают против Гегеля, видя в этом какой-то большой подвиг, ту мысль, что надо переходить от единичного к особенному и затем от особенного к всеобщему, от индивида к виду, а затем от вида к роду, позволяя затем делать *дедуктивные* умозаключения, которые должны уже повести дальше! Эти люди так уперлись в противоположность между индукцией и дедукцией, что сводят все ло-гические формы умозаключения к этим двум, не замечая при этом вовсе, что они 1) применяют под этим названием бессознательно совершенно другие формы умо-заключения, 2) не пользуются всем богатством форм умозаключения, поскольку их нельзя втиснуть в рамки этих двух форм, и 3) превращают благодаря этому сами эти формы — индукцию и дедукцию — в чистейшую бессмыслицу. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 102, 1932 г.)

Анализ истории мысли и истории организма

Развитие, например, какого-нибудь понятия или отношения (положительное и отрицательное, причина и действие, субстанция и акциденция) в истории мышления относится к развитию его в голове отдельного диалектика, как развитие какого-ни-будь организма в палеонтологии — к развитию его в эмбриологии (или, скорее, в истории и в отдельном зародыше). Что это так, было впервые открыто Гегелем для понятий. В историческом развитии случайность играет свою роль, которая в диалек-тическом мышлении, как и в развитии зародыша, *выражается в необходимости*. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 112, 1932 г.)

Индукция должна совпадать с дедукцией

Индукция и анализ. Замечательный пример того, насколько основательны пре-тензии индукции быть единственной или хотя бы основной формой научных открытий,

дает термодинамика. Паровая машина является поразительнейшим доказательством того, что можно из теплоты получить механическое движение. 100 000 паровых машин доказывали это не более убедительно, чем одна машина, но они все более и более заставляли физиков заняться объяснением этого. Сад Карно первый серьезно занялся за это, но не путем индукции. Он изучил паровую машину, анализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает в *чистом* виде, а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти ненужные для главного процесса побочные обстоятельства и создал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую так же нельзя построить практически, как нельзя, например, провести практически геометрическую линию или поверхность, но которая оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неприкрытом виде. И он носом наткнулся на механический эквивалент теплоты (см. значение его функции e), которого он не мог открыть и увидеть лишь потому, что верил в *теплород*. Это является, между прочим, доказательством вреда ложных теорий. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 39, 1932 г.)

Теория развития доказывает непригодность индукции, оторванной от дедукции

Путем индукции было найдено сто лет назад, что раки и пауки являются насекомыми, а все низшие животные — червями. При помощи той же индукции теперь найдено, что это — нелепость и что существует x классов. В чем же преимущество так называемого индуктивного умозаключения, которое может оказаться столь же ложным, как и так называемое дедуктивное умозаключение? Ведь основа его — классификация.

Индукция не в состоянии доказать, что когда-нибудь не будет найдено млекопитающее животное без молочных желез. Прежде сосцы считались признаком млекопитающего, но утконос не имеет вовсе сосцов.

Вся эта вакханалия с индукцией создана англичанами, начиная от Уэвелля и т. д., которые подходили просто математически и таким образом сочинили противоположность индукции дедукции. Старая и новая логика не знают об этом ничего. Все формы умозаключения, начинающие с единичного, экспериментальны и основываются на опыте. Индуктивное умозаключение начинается даже с А—Е—В (всеобщ.).

Для силы мысли наших естествоиспытателей характерно то, что Геккель фанатически выступает на защиту индукции как раз в тот самый момент, когда *результаты* индукции — классификация — повсюду поставлены под вопрос (*Limulus* — паук; *Acoelida* — позвоночное или *chordatum*; *Dipnoi*, вопреки первоначальному определению амфибий, оказываются рыбами) и когда ежедневно открываются новые факты, опрокидывающие *всю* прежнюю индуктивную классификацию. Какое великолепное подтверждение слов Гегеля, что индуктивное умозаключение по существу проблематическое! Мало того: благодаря успехам теории развития даже вся классификация организмов отнята у индукции и сведена к «дедукции», к учению о происхождении — какой-нибудь вид буквально *дедукцируется*, выводится из другого путем происхождения, а доказать теорию развития при помощи простой индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна. Благодаря индукции понятия сортируются: вид, род, класс; благодаря же теории развития они стали текучими, а значит, и *относительными*; а относительные понятия не поддаются индукции.

Индукция и дедукция. Геккель, *Schöpfungsgeschichte*, S. 76—77. Умозаключение поляризуется на индукцию и дедукцию! (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 103—104, изд. 1932 г.)

Диалектическая мысль свойственна только человеку

Рассудок и разум. Это — гегелевское различие, согласно которому только диалектическое мышление разумно, имеет известный смысл. Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция*, *дедукция*, следовательно, также *абстракция* (родовое понятие четвероногих и двуногих), *анализ* неизвестных предметов ([?] уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае проделок животных) и, в качестве соединения обоих, *эксперимент* (в случае новых препятствий и при незнакомых положениях). По типу все эти методы — т. е. все известные обычной логике средства научного исследования — вполне одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (развития соответственного метода) они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и у животного и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами. — Наоборот, диалектическая мысль — именно потому, что она предполагает исследование природы самих понятий — свойственна только человеку, да и последнему лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в современной философии; несмотря на это — колоссальные результаты уже у греков, во многом превосходящих работу научного исследования. (Химия, в которой *анализ* является преобладающей формой исследования, ничего не стоит без его противоположности — *синтеза*.)

Всеиндуктивистам. Никакая индукция на свете не помогла бы нам уяснить себе процесс индукции. Это мог сделать только *анализ* этого процесса. Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, лучше стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если иметь в виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг другом. По мнению индуктивистов, индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее якобы надежнейшие результаты ежедневно опровергаются новыми открытиями. Световые тельца, теплоторды, были плодами индукции. Где они теперь? Индукция учила нас, что все позвоночные животные обладают дифференцированной на головной и спинной мозг центральной нервной системой и что спинной мозг заключен в хрящевых или костных позвонках — откуда заимствовано даже название этих животных; но вот появляется амфиокс — это позвоночное животное с недифференцированным центрально-нервным канатиком и без позвонков. Индукция установила, что рыбы, это — те позвоночные животные, которые всю свою жизнь дышат исключительно жабрами. И вот обнаруживаются животные, которых почти все признают за рыб, но которые обладают, наряду с жабрами, хорошо развитыми легкими, и оказывается, что каждая рыба имеет в своем воздушном пузыре потенциально легкое. Лишь путем смелого применения учения о развитии помог Геккель естественным путем индуктивистам, очень хорошо чувствовавшим себя в этих противоречиях, выбраться из них. Если бы индукция была действительно столь непогрешимой, то откуда взялись бы эти бесконечные перевороты в классификациях представителей органического мира? Они являются самым подлинным продуктом индукции, и, однако, они уничтожают друг друга. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 33—34, 1932 г.*)

Субординация форм движения мышления

Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и сопоставить без связи формы движения мышления, т. е. различные формы суждения и умозаключения. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации,

а не координации, она развивает высшие формы из низших. Гегель, верный своему делению всей логики, группирует суждения на:

1. Суждения наличного бытия, простейшую форму суждения, где о какой-нибудь отдельной вещи высказывается, утвердительно или отрицательно, некоторое общее свойство (положительное суждение: роза красна; отрицательное: роза не голубая; бесконечное суждение: роза не верблюд).

2. Суждения рефлексии, где о субъекте высказывается некоторое отношение (единичное суждение: этот человек смертен; частное: некоторые, многие люди смертны; универсальное: все люди смертны или человек смертен).

3. Суждения необходимости, где о субъекте высказывается его субстанциальная определенность (категорическое суждение: роза есть растение; гипотетическое суждение: когда восходит солнце, становится день; разделительное: лепидосирина — либо рыба, либо амфибия).

4. Суждения понятия, в которых о субъекте высказывается, насколько он соответствует своей всеобщей природе, или, как выражается Гегель, своему понятию; (ассерторическое суждение: этот дом плохой; проблематическое: если этот дом сделан так-то, то он хорош; аподиктическое: дом, сделанный так-то и так-то, хорош).

1) Единичное суждение, 2) особенное, 3) всеобщее (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 100—101, 1932 г.)

Согласие законов мышления и законов природы

Какой сухой вид ни имеет все это и какой произвольной ни кажется на первый взгляд местами эта классификация суждений, но внутренняя истина и необходимость этой группировки станет ясной всякому, кто проштудирует гениальные рассуждения Гегеля об этом в Большой логике (Werke, V, стр. 63—115). Но насколько эта группировка обоснована не только законами мышления, но и законами природы, можно показать на очень известном, взятом из другой области примере.

Уже доисторические люди знали практически, что трение порождает теплоту, когда они открыли — может быть, уже сто тысяч лет назад — способ получать огонь трением, а гораздо раньше согревали холодные части тела растиранием их. Но отсюда до открытия того, что трение есть вообще источник теплоты, прошло, кто его знает, сколько тысячелетий. Но, так или иначе, настало время, когда человеческий мозг развился настолько, что мог высказать суждение: *трение есть источник теплоты* — суждение наличного бытия и притом положительное суждение.

Прошли новые тысячелетия, пока в 1842 г. Майер, Джоуль и Кольдинг не изучили этот специальный процесс в его отношениях к открытым за это время другим аналогичным процессам, т. е. изучили его в его отношениях к его ближайшим общим условиям и смогли формулировать такого рода суждение: всякое механическое движение способно превратиться при помощи трения в теплоту. Итак, вот сколько времени и сколько эмпирических знаний потребовалось, чтобы подвинуться в познании вопроса от вышеприведенного положительного суждения и наличного бытия до этого универсального суждения рефлексии.

Но отныне дело пошло быстрее. Уже три года спустя Майер смог поднять — по крайней мере, по существу — суждение рефлексии на ту высоту, на которой оно находится теперь.

Любая форма движения способна и вынуждена, при определенных для каждого случая условиях, превратиться прямо или косвенно в любую другую форму движения: суждение понятия, и притом аподиктическое, — высшая вообще форма суждения.

Итак, то, что у Гегеля является развитием логической формы суждений как таковой, выступает здесь перед нами как развитие наших опирающихся на *эмпирическую*

основу теоретических сведений о природе движения вообще. Это показывает, что законы мышления и законы природы необходимо согласуются между собой, если они только правильно познаны.

Мы можем рассматривать первое суждение как суждение единичности: в нем регистрируется единичный факт, что трение порождает теплоту. Второе суждение можно рассматривать как суждение особенности: особенная форма движения, механическая, обнаруживает свойство переходить при особенных обстоятельствах (благодаря трению) в другую особенную форму движения, в теплоту. Третье суждение, это — суждение всеобщности: любая форма движения, оказываясь, способна и должна превращаться в любую иную форму движения. В этой форме закон достиг своего последнего выражения. Благодаря новым открытиям мы можем найти новые доказательства его, придать ему новое, более богатое содержание. Но к самому закону, как он здесь выражен, мы не можем прибавить более ничего. В своей всеобщности, в которой одинаково всеобща форма и содержание, он неспособен к дальнейшему расширению: он — абсолютный закон природы.

К сожалению, дело хромает в случае формы движения белка, alias жизни, до тех пор, пока мы не можем изготовить белка. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 101—102, 1932 г.*)

IV. Формальная логика и диалектика

О полном непонимании природы диалектики свидетельствует уже один тот факт, что г. Дюринг признает ее орудием простого доказательства, подобно тому как, при ограниченном понимании, можно считать таковым формальную логику или элементарную математику. Даже формальная логика представляет, прежде всего, метод для описывания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному, и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет диалектика, которая к тому же содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения, так как она прорывает тесный горизонт формальной логики. В математике существует такое же отношение. Элементарная математика, математика постоянных величин, движется, по крайней мере в целом и общем, в границах формальной логики; математика переменных величин, существеннейший отдел которой составляет исчисление бесконечно малых, есть в сущности не что иное, как применение диалектики к математическим отношениям. Простое доказательство отступает здесь совершенно на задний план в сравнении с многообразными применениями метода к новым областям исследования. И почти все доказательства высшей математики, начиная с первых доказательств дифференциального исчисления, являются, с точки зрения элементарной математики, строго говоря, неверными. Это и не может быть иначе, если добытые в диалектической области данные хотят доказать посредством формальной логики. Пытаться доказать такому заядлому метафизику, как г. Дюринг, что-либо посредством одной диалектики было бы таким же даром потраченным трудом, каким был труд Лейбница и его учеников, доказывавших тогдашним математикам теоремы исчисления бесконечно-малых. Дифференциал вызывал в них такие же судороги, какие вызывает в Дюринге отрицание отрицания, в котором, moreover, дифференциал тоже, как мы увидим, играет некоторую роль. В конце концов, эти господа, поскольку они не умерли тем временем, ворча сдались, — не потому, что были убеждены, а потому, что даваемые дифференциальным исчислением решения были всегда верны. Г-н Дюринг, как сам он рассказывает, достиг только 40 лет, и если — чего мы ему желаем — он доживет до глубокой старости, то еще, может быть, переживет то же самое. (*Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 95—96, 1932 г.*)

Закон абстрактного тождества

Закон тождества в старометафизическом смысле есть основной закон старого мировоззрения: $a = a$. Каждая вещь равна самой себе. Все было постоянным — солнечная система, звезды, организмы. Естествознание опровергло этот закон в каждом отдельном случае, шаг за шагом; но теоретически он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому. Вещь не может быть одновременно сама собой и чем-то другим. И, однако, естествознание в последнее время доказало в подробностях (см. выше [стр. 8—9]) тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, перемену. — Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для *домашнего* употребления, где рассматриваются незначительные отношения или короткие промежутки времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти в каждом случае и обуславливаются природой того объекта, к которому его применяют, — в планетной системе, где для обыкновенных астрономических выкладок можно без чувствительной погрешности принимать эллипсис за основную форму, эти границы значительно шире, чем в случае какого-нибудь насекомого, претворяющего свои превращения в течение нескольких недель (привести другие примеры, например, изменение видов, происходящее в течение многих тысячелетий). Но для синтетического естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области, и хотя в целом идея о таком тождестве практически теперь отвергнута, но теоретически она все еще властвует над умами, и большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, имеющими значение только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 21, 1932 г.*)

Неприменимость абстрактного тождества

В органической природе также неприменимо абстрактное тождество $a = a$ и отрицательное a равно и не равно a одновременно. Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны сами с собой и в то же время отличаются от самих себя, благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и умиранию клеток, благодаря процессу циркуляции, — словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь и итог которых выступает наглядно в разных фазах жизни — эмбриональной жизни, молодости, половой зрелости, процессе размножения, старости, смерти. *Мы оставляем в стороне развитие видов.* Чем больше развивается физиология, тем важнее становятся для нее эти непрерывные, бесконечно малые изменения, тем важнее также становится для нее рассмотрение различия *внутри* тождества, и старая, абстрактная, формальная точка зрения тождества, согласно которой органическое существо рассматривается как нечто просто тождественное с собой, постоянное, оказывается устарелой. Несмотря на это, основывающийся на ней образ мышления продолжает существовать вместе со своими категориями. Но уже в неорганической природе тождество, как таковое, в действительности не существует. Каждое тело подвержено постоянно механическим, физическим воздействиям, которые производят в нем непрерывные изменения, модифицируют его тождество. Абстрактное тождество и его антитеза, различие, уместны только в математике — абстрактной науке, занимающейся умственными построениями, хотя бы и являющимися отражениями реальности, — но и здесь оно постоянно снимается. Hegel, *Enz. I*, стр. 235. Факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в *каждом предложении*, где сказуемое неизбежно отлично от подлежащего. *Лилия есть растение, роза красна*; здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется (различие)

ничто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим. Hegel, *Enz.* I, стр. 231. Само собой разумеется, что *тождество с собою* имеет уже заранее необходимым дополнением *отличие от всего прочего*.

Постоянное изменение, т. е. снятие абстрактного тождества с собою, имеется также в так называемой неорганической природе. Геология является историей этого. На поверхности механические изменения (размывание, мороз), химические (выветривание), внутри земли механические (давление), теплота (вулканическая), химические (вода, кислота, связывающие вещества) в большом масштабе — поднятия почвы, землетрясения и т. д. Современный сланец радикально отличен от ила, из которого он образовался, мел — от не связанных между собой микроскопических раковин, которые его составили; еще более известняк, который, по мнению некоторых ученых, совершенно органического происхождения, песчаник — от не связанного морского песка, который, в свою очередь, возник из размельченного гранита, и т. д., не говоря уже об угле. (*Энгельс, Дialeктика природы, стр. 8—9, 1932 г.*)

Противоположность формальной логики и логики диалектической

Тов. Бухарин говорит о «логических» основаниях. Все его рассуждение показывает, что он — может быть, бессознательно — стоит здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской. Чтобы пояснить это, начну с простейшего примера, взятого самим т. Бухариным. На дискуссии 30 декабря он говорил:

«Товарищи, может быть, на многих из вас споры, которые здесь происходят, производят впечатление, примерно, такого характера: приходят два человека и спрашивают друг у друга, что такое стакан, который стоит на кафедре. Один говорит: «Это стеклянный цилиндр, и да будет предан анафеме всякий, кто говорит, что это не так». Второй говорит: «Стакан, это — инструмент для питья, и да будет предан анафеме тот, кто говорит, что это не так» (стр. 46).

Этим примером Бухарин хотел, как видит читатель, популярно объяснить мне вред односторонности. Я принимаю это пояснение с благодарностью и, чтобы доказать делом мою благодарность, я отвечаю популярным объяснением того, что такое эклектицизм в отличие от диалектики.

Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства, или качества, или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Далее. Если мне нужен стакан сейчас как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т. п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.

Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться — с поправками — для низших классов школы), берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения

и соединяются вместе совершенно случайно (и стеклянный цилиндр и инструмент для питья), то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета — и только.

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это, во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром. В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов (в скобках уместным, мне кажется, заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма)¹.

Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого. (Ленин, *Еще раз о профсоюзах* (1921 г.), Соч., т. XXVI, стр. 133—135, изд., 3-е.)

Плеханов придает формальной логике самостоятельное значение

«Все течет, все изменяется», — говорит древний эфесский мыслитель. Сочетания, называемые нами предметами, находятся в состоянии постоянного, — более или менее быстрого, — *изменения*. Поскольку данные сочетания остаются *данными сочетаниями*, мы обязаны судить о них по формуле: «*да — да и нет — нет*». А поскольку они *изменяются и перестают существовать*, как таковые, мы обязаны апеллировать к логике *противоречия*; мы должны говорить, — рискуя навлечь неудовольствие гг. Бернштейнов, Н. Г. и прочей метафизической братии: «*и да, и нет, и существуют, и не существуют*».

Как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики (согласно «основным законам» мысли) — есть частный случай диалектического мышления. (Плеханов, Предисловие к книге Ф. Энгельса «Л. Фейербах», стр. 22, 1931 г.)

Когда мы стоим перед вопросом о переходе одного вида движения в другой, — скажем, механического движения в теплоту, — нам тоже приходится рассуждать согласно основному правилу Ибервега. Этот вид движения есть *или* теплота, *или* механическое движение, *или* и т. д. Это ясно. Но если это так, то основные законы формальной логики в известных пределах *применимы также и к движению*. А отсюда еще раз следует, что диалектика не отменяет формальной логики, а только лишает ее законы приписываемого им метафизиками *абсолютного значения*. (Плеханов, Предисловие к книге Энгельса «Л. Фейербах», стр. 24, 1931 г.)

¹ Кстати, нельзя не пожелать, во-первых, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и пр. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма. Во-вторых, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание. Но это все уже есть отступление от «пропаганды» к «администрированию».

Диалектика и эклектицизм

Сообразно своему стремлению теоретически углубить вопрос, т. Бухарин, начиная с дискуссии 30 декабря, если не раньше, переводит спор именно в указанную область.

«Я считаю абсолютно необходимым, — говорил тов. Бухарин 30 декабря, — в этом состоит теоретическая сущность того, что здесь называется «буферной» фракцией или ее идеологией, — и мне представляется совершенно бесспорным, что нельзя отбросить ни этот политический, ни этот хозяйственный момент...» (стр. 47).

Теоретическая сущность той ошибки, которую здесь делает т. Бухарин, состоит в том, что он диалектическое соотношение между политикой и экономикой (которому учит нас марксизм) подменяет эклектицизмом. «И то, и другое», «с одной стороны, с другой стороны» — вот теоретическая позиция Бухарина. Это и есть эклектицизм. Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого. На примере политики и экономики я уже это показал...

В той же петроградской речи Бухарина на стр. 7 читаем:

«Ошибка т. Троцкого состоит в том, что он недостаточно защищает момент школы коммунизма».

На дискуссии 30 декабря Бухарин рассуждает так:

«Тов. Зиновьев говорил, что профсоюзы — школа коммунизма, а Троцкий говорил, что это — административно-технический аппарат управления производством. Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что верно не первое и не второе; верны оба эти положения и соединение этих обоих положений» (стр. 48).

Та же мысль в 6-м тезисе Бухарина и его «группы» или «фракции»: ...«с одной стороны, они (профсоюзы) — «школа коммунизма»... с другой стороны, они — и притом в возрастающей степени — составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти вообще...» («Правда», 16 января).

Вот тут-то и заключается основная теоретическая ошибка т. Бухарина, подмена диалектики марксизма эклектицизмом (особенно распространенным у авторов разных «модных» и реакционных философских систем)...

«С одной стороны, школа, с другой, аппарат», — говорит Бухарин и пишет в своих тезисах. У Троцкого ошибка в том, что он «недостаточно защищает момент школы...» у Зиновьева — недостаток насчет «момента» аппарата.

Почему это рассуждение Бухарина есть мертвый и бессодержательный эклектицизм? Потому, что у Бухарина нет и тени попытки самостоятельно, с своей точки зрения, проанализировать как всю историю данного спора (марксизм, *то есть* диалектическая логика, требует этого безусловно), так и весь подход к вопросу, всю постановку — или, если хотите, все направление постановки — вопроса в данное время, при данных конкретных обстоятельствах. Ни тени попытки у Бухарина сделать это! Он подходит без малейшего конкретного изучения с голыми абстракциями и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это есть эклектицизм.

Чтобы еще нагляднее пояснить это, возьму пример. Я ровно ничего не знаю о повстанцах и революционерах Южного Китая (кроме 2—3 статей Сун Ят-сена, и нескольких книг и газетных статей, которые я читал много лет тому назад). Раз там идут восстания, вероятно, есть и споры между китайцем № 1, который говорит, что восстание есть продукт обостреннейшей и захватившей всю нацию классовой борьбы, и китайцем № 2, который говорит, что восстание есть искусство. Тезисы, подобные тезисам Бухарина, я могу написать, ничего больше не зная: «с одной стороны... с другой стороны». Один недостаточно учел «момент» искусства, другой — «момент обострения»

и т. д. Это будет мертвый и бессодержательный эклектицизм, ибо нет *конкретного* изучения *данного* спора, данного вопроса, данного подхода к нему и т. д.

Профсоюзы, с одной стороны, школа; с другой — аппарат; с третьей — организация трудящихся; с четвертой — организация почти только промышленных рабочих; с пятой — организация по производствам и т. д. и т. д. Никакого обоснования, никакого самостоятельного анализа у Бухарина нет и тени, чтобы доказать, почему надо взять первые две «стороны» вопроса или предмета, а не третью, четвертую, пятую и т. д. Поэтому и тезисы Бухаринской группы — сплошь эклектическая пустышка. Бухарин в корне неверно, эклектически, ставит весь вопрос о соотношении «школы» и «аппарата».

Чтобы поставить этот вопрос правильно, надо от пустых абстракций перейти к конкретному, т. е. данному спору. Берите этот спор, как хотите: так ли, как он возник на V Всероссийской конференции профсоюзов, или так, как его поставил и *направил* сам Троцкий своей брошюрой-платформой 25 декабря — вы увидите, что *весь* подход Троцкого, все направление у него неверно. Он не понял того, что надо и можно подойти к профсоюзам, как к школе, и тогда, когда ставишь тему о «советском традиционизме», и тогда, когда говоришь о производственной пропаганде вообще, и тогда, когда *так* ставишь вопрос, как Троцкий, о «сращивании», об участии профсоюзов в управлении производством. И в этом последнем вопросе, так, как он поставлен во всей брошюре-платформе Троцкого, неправильность состоит в непонимании того, что профсоюзы являются *школой административно-технического управления производством*. Не «с одной стороны — школа, с другой — нечто иное», а *со всех сторон* — при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, *профсоюзы суть школа*, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления. Вместо того, чтобы понять и исправить эту коренную ошибку т. Троцкого, т. Бухарин дал смешную поправочку: «с одной стороны, с другой стороны». (*Ленин, Еще раз о профсоюзах (1921 г.)*, Соч., т. XXVI, стр. 131—132, 133, 135—136, изд. 3-е.)

ГЛАВА ПЯТАЯ

**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ
И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ**

I. Возникновение и развитие современного естествознания

Предмет естествознания и основы классификации естественных наук

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

30 мая 1873 г.

Сегодня утром в постели мне пришло в голову следующее диалектическое построение по поводу естествознания.

Предмет естествознания — движущееся вещество, тела. Тела нельзя отделить от движения. Формы и виды тел можно познать только в движении. О телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам — ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть. Естествознание, таким образом, познает тела, рассматривая их в их соотношении друг к другу, в движении. Познавание различных форм движения и есть познание тел. Таким образом, изучение этих различных форм движения является главным предметом естествознания. [*Очень хорошо. Это также мой взгляд. — К. Ш.*] ¹

1. Самая простая форма движения — это перемена места (во времени, чтобы сделать приятное старому Гегелю), *механическое* движение.

а. Движения *отдельного* единичного тела, собственно, не существует, но, говоря относительно, можно считать таким движением *падение*. Движение к одной центральной точке, общей многим телам. Но как только отдельное тело должно двигаться не к центру, а в каком-либо *ином* направлении, то хотя это движение и подходит под закон *падения*, но законы эти изменяются. [*Совершенно верно! — К. Ш.*]

б. Законы траектории и ведут к взаимному движению многих тел (планетарное и тому подобное движение, астрономия, равновесие), — временное или кажущееся в самом движении. *Действительным* результатом этого рода движения, в конце концов, бывает всегда *соприкосновение* (контакт) движущихся тел, — они падают друг на друга.

с. Механика контакта — соприкасающиеся тела. Обычная механика — рычаг, наклонная плоскость и т. д. *Но этим одним не исчерпываются все последствия* соприкосновения. Оно непосредственно появляется в двух формах: трение и удар. И то и другое обладают свойством порождать при известном напряжении и при известных условиях не просто только механические последствия, но и совершенно *новые*: *теплота, свет, электричество, магнетизм.*

2. *Собственно физика*, наука, изучающая эти формы движения, исследуя каждую из них в отдельности, приходит к выводу, что эти формы при известных условиях *переходят одна в другую*, и, наконец, находит, что все они при определенной степени напряжения, меняющейся у различных движущихся тел, вызывают действия, выхо-

---

¹ В прямых скобках примечания Карла Шорлеммера — специалиста-химика, друга Маркса и Энгельса.

дающие за пределы физики, именно — вызывают изменения внутреннего строения тела — *химические* действия.

3. *Химия*. Для исследования прежних форм движения было бы более или менее безразлично, производится ли оно над одушевленными или неодушевленными телами. В неодушевленных телах явления даже проявляются в их наибольшей *чистоте*. Химия же, наоборот, может познать химическую природу важнейших тел только на тех веществах, которые возникают из процесса жизни. Главной задачей химии все больше и больше становится искусственное создание этих веществ. Она образует переход к науке об организме, но диалектический переход можно будет установить только тогда, когда химия или уже сделает действительный переход или будет близка к этому. [*В этом все дело!* — К. Ш.]

4. *Организм*. — Здесь я пока не пускаюсь ни в какую диалектику. [*Я тоже не пускаюсь.* — К. Ш.] (К. Маркс и Ф. Энгельс, *Письма, Партиздат*, стр. 293—295, 1932 г.)

Диалектика естествознания

Диалектика естествознания: предмет — движущееся вещество. Различные формы и виды самого вещества можно опять-таки познавать через движение; только в движении обнаруживаются свойства тел; о теле, которое не движется, нечего сказать. Следовательно, из форм движения вытекают свойства движущихся тел.

1. Первая, наипростейшая форма движения, это — механическая, простая перемета места.

а) Движения отдельного тела не существует, есть только относительное движение. — Падение.

б) Движение разделенных тел: траектория, астрономия, — видимое равновесие, — конец — всегда *контакт*.

с) Движения соприкасающихся тел в отношении друг к другу — давление. Статика. Гидростатика и газы. Рычаг и другие формы собственно механики, которые все в своей наипростейшей форме контакта сводятся к отличающимся между собой только по степени трению и удару. Но трение и удар, в действительности представляющие контакт, имеют и другие, не указывающиеся никогда естествознанием следствия: при определенных обстоятельствах они производят звук, теплоту, свет, электричество, магнетизм.

2. Эти различные силы (за исключением звука) — физика небесных тел —

а) переходят друг в друга и замещают друг друга, и

б) на известной количественной ступени развития сил, различной для разных тел — химически сложных или простых — наступают *химические* изменения. И мы попадаем в химию¹.

3. Физика должна была или могла оставить без рассмотрения живое органическое тело, химия же находит только при исследовании органических соединений настоящий ключ к истинной природе важнейших тел, с другой стороны, она составляет тела, которые встречаются только в органической природе. Здесь химия приводит к органической жизни, и она подвинулась достаточно далеко вперед, чтобы убедить нас, что *она одна* объяснит нам диалектический переход к организму.

4. Но *действительный* переход только в *истории* — солнечной системы, земли — *реальная* предпосылка органической жизни.

Делимость. Млекопитающее неделимо, у пресмыкающегося может вырасти еще нога. Эфирные волны делимы и измеримы до бесконечно-малого — каждое тело делимо практически в известных границах, например в химии.

¹ [*На полях: Химия небесных тел. Кристаллография — часть химии*].

Оттавление — уже у газов отрицательное — превращение притяжения в *отталкивание*, последнее только в газах и эфире (?) реально.

Агрегатные состояния — узловые пункты, где количественное изменение переходит в качественное.

Секки и папа.

Ньютоновское притяжение и центробежная сила — пример метафизического мышления, проблема не решена, а только *поставлена*, и это преподносится как решение. — То же относится к уменьшению теплоты по Клаузиусу.

Теория Лапласа предполагает только движущуюся материю — вращение необходимо у всех движущихся в *мировом пространстве* тел. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 4—5, 1932 г.*)

Классификация наук

Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией, согласно присущему им порядку, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение.

В конце прошлого столетия, после французских материалистов, материализм которых был по преимуществу механическим, обнаружилась потребность *энциклопедически резюмировать* все естествознание *старой* ньютоно-линнеевской школы, и за это дело взялись два гениальнейших человека — *Сен-Симон* (не закончил) и *Гегель*. Теперь, когда новый взгляд на природу в своих основных чертах сложился, ощущается та же самая потребность, и предпринимаются попытки в этом направлении. Но так как теперь в природе доказана всеобщая связь развития, то чисто внешнее расположение материала так же недостаточно, как гегелевские искусственные диалектические переходы. Переходы должны совершаться сами собой, должны быть естественными. Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 18—19, 1932 г.*)

Метафизический период и успехи развития естествознания конца XVIII и начала XIX вв.

Современное естествознание, которое одно лишь достигло всестороннего, систематического, научного развития, в противоположность гениальным натурфилософским догадкам древних и весьма важным, но sporadическим и оставшимся по большей части безрезультатными открытиями арабов, — современное естествознание, как и вся новейшая история, датирует от той знаменательной эпохи, которую мы, немцы, называем по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью¹ реформацией, французы — ренессансом, а итальянцы — *квинквеченто*, и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований. Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV столетия. Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и основала крупные, по существу национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество; и в то время как буржуазия и дворянство еще ожесточенно боролись между собой, немецкая крестьянская война пророчески

¹ [«Национальное несчастье» подчеркнуто неизвестным лицом].

указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, — но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах. В спасенных при гибели Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед <классическими... [..?] пластическими> светлыми образами ее исчезли призраки средневековья; в Италии достигло неслыханного расцвета искусство, которое явилось точно отблеск классической древности и которое в дальнейшем никогда уже не подымалось до такой высоты. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература; Англия и Испания пережили вскоре затем свою классическую литературную эпоху. Рамки старого Orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и положены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, явившуюся, в свою очередь, исходным пунктом современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнепородное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII столетия.

Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее объяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества <прекрасно, и именно не только в теоретической, но также и в практической жизни...>; Леонардо да-Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе многие идеи, развитые значительно позже Монталамбером и новейшим немецким учением о крепостях. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания, военным писателем нового времени. Лютер вычистил не только авгиевы конюшни церкви, но и конюшни немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хора, который стал марсельезой XVI в. Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей. Кабинетные ученые являлись тогда исключениями; это либо люди второго и третьего ранга, либо благоразумные филистеры, не желающие обижать себе пальцев <как Эразм>.

И естествознание развивалось тогда в обстановке всеобщей революции, будучи само насильственно революционно: ведь оно должно было еще завоевать себе право <свободного [исследования]> на существование. Вместе с великими итальянцами, от которых датирует новейшая философия, она дала своих мучеников для костров и темниц инквизиции. И характерно, что протестанты предупредили католиков в пре-

следовании свободного естествознания. Кальвин сжег Сервета, который был близок к открытию кровообращения, и при этом заставил жарить его живым два часа; инквизиция удовлетворялась, по крайней мере, тем, что просто сожгла Джордано Бруно.

Революционным актом, которым естествознание заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы, было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил — хотя и скромно и, так сказать, лишь на ложе смерти — перчатку церковному авторитету в естественных делах. Отсюда датирует освобождение естествознания от теологии, хотя выяснение отдельных взаимных претензий затянулось до нашего времени, не завершившись еще и теперь во многих головах. Оттуда же пошло гигантскими шагами развитие наук, которое выигрывало в силе, если можно так выразиться, пропорционально квадрату расстояния (во времени) от своего исходного пункта. Точно нужно было доказать миру, что отныне и для высшего продукта органической материи, для человеческого духа, как и для неорганического вещества, будет иметь силу закон об обратной пропорциональности движения.

Главная задача, которая предстояла естествознанию в начавшемся теперь первом периоде его развития, заключалась в том, чтобы справиться с имевшимся налицо материалом. Во всех областях приходилось начинать с самого начала. Древность имела Евклида и солнечную систему Птолемея, арабы — десятичное исчисление, начала алгебры, современную систему счисления и алхимию; христианское средневековье не оставило ничего. При таком положении вещей естественно, что первое место заняла элементарнейшая отрасль естествознания — механика земных и небесных тел, а ряды с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование математических методов. Здесь были совершены великие дела. В конце рассматриваемого периода, отмеченного именами <Лейбница и> Ньютона и Линнея, эти отрасли знания получили известное завершение. Важнейшие математические методы были установлены в основных чертах: аналитическая геометрия — главным образом Декартом, логарифмы — Непиром, дифференциальное и интегральное исчисление — Лейбницем и, может быть, Ньютоном. То же самое можно сказать о механике твердых тел, главные законы которой были выяснены раз навсегда. Наконец, в астрономии солнечной системы Кеплер открыл законы движения планет, а Ньютон объяснил их общими законами движения материи. Остальные отрасли естествознания были еще далеки от такого предварительного завершения. Механику жидких и газообразных тел удалось несколько обработать лишь к концу указанного периода¹. Физика в собственном смысле слова была еще в самой первоначальной стадии, за исключением оптики, успехи которой были вызваны практическими потребностями астрономии. Химия эмансипировалась от алхимии только благодаря теории флогистона. Геология еще не вышла из эмбриональной стадии минералогии, и поэтому не могла еще существовать палеонтология². Наконец, в области биологии занимались главным образом накоплением и первым отбором колоссального материала как ботанического и зоологического, так анатомического и собственно физиологического. О равнении между собой форм жизни, об изучении их географического распространения, их климатологических и т. д. условий еще не могло быть и речи. Здесь только ботаника и зоология достигли некоторого завершения благодаря Линнею.

Но что особенно характеризует рассматриваемый период, так это — образование известного цельного мировоззрения, центром которого является учение об абсо-

¹ [На полях карандашом отмечено: Торичелли по поводу регулирования альпийских горных потоков.]

² [На полях карандашом отмечено: О сравнении анатомического (...?) климатического распределения, о географии фауны и флоры еще нет речи.]

лютой неизменности природы. <Согласно представлению Ньютона планеты неизменно движутся вокруг своей...> Согласно этому взгляду, природа, каким бы путем она ни возникла, раз она уже имеется налицо, остается всегда неизменной, пока она существует. Планеты и спутники их, однажды приведенные в движение таинственным «первым толчком», продолжают кружиться по предначертанным им эллипсам веками веков или во всяком случае, до скончания всех вещей. Звезды покоятся навсегда неподвижными на своих местах, удерживая друг друга благодаря «всеобщему тяготению». Земля остается от века или от дня своего творения (в зависимости от точки зрения) одинаковой, неизменной. Теперешние «пять частей света» существовали всегда, имели всегда те же самые горы и долины, тот же климат, ту же флору и фауну, если не говорить об изменениях, внесенных рукой человека. Виды растений и животных были установлены раз навсегда при их возникновении, равное порождало всегда равное, и Линней делал уже большую уступку, когда говорил, что благодаря скрещиванию местами могли возникнуть новые виды. В противоположность истории человечества, развивающейся во времени, истории природы приписывалось только возникновение в пространстве. За природой отрицали всякое изменение, всякое развитие. Революционное вначале естествознание оказалось вдруг перед насковью консервативной природой, в которой все было и остается теперь таким же, каким оно было извечно и в которой все должно было оставаться до скончания мира или веками веков таким, каким оно было с самого начала.

Хотя естествознанию первой половины XVIII века поднималось высоко над греческой древностью с точки зрения объема своих познаний и даже с точки зрения отбора материала, но оно далеко уступало ей в смысле идеального преодоления этого материала, в смысле всеобщего мировоззрения. Для греческих философов мир был не существом чем-то возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим. Для естествоиспытателя рассматриваемого нами периода он был чем-то окостенелым, неизменным, а для большинства чем-то созданным сразу. Наука все еще глубоко сидела в теологии. Она повсюду искала и находила, в качестве последней причины, толчок извне, необъяснимый из самой природы. Если притяжение — торжественно названное Ньютоном всеобщим тяготением — и рассматривается как существенное свойство материи, то где источник непонятной тангенциальной силы, дающей начало планетным орбитам? Как возникли бесчисленные виды животных и растений? Как, в особенности, возник человек, относительно которого было твердо принято, что он существует не от века? На все подобные вопросы естествознание слишком часто отвечало ссылкой на творца всех вещей. Коперник в начале рассматриваемого нами периода дает отставку теологии; Ньютон завершает этот период постулатом божественного первого толчка. Вышшая всеобщая идея естествознания рассматриваемого периода, это — мысль о целесообразности естественных процессов, плоская вольтфовская телеология, согласно которой кошки были созданы, чтобы пожирать мышей, мыши — чтобы быть пожираемыми кошками, и вся природа, чтобы доказать мудрость творца. Нужно считать огромным достоинством и честью тогдашней философии, что она не поддавалась влиянию ограниченной точки зрения тогдашнего естествознания, что она — начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами — настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего.

Я отношу к этому периоду еще и материалистов XVIII века, потому что в их распоряжении не было много естественно-научного материала, чем описанный выше. Составившее эпоху произведение Канта было им неизвестно, а Лаплас явился долго спустя после них. Не забудем, что хотя прогресс науки совершенно подкапывал это устарелое мировоззрение, но вся первая половина XIX века все еще

находится под его влиянием и по существу его преподают еще и теперь во всех школах¹.

Первая брешь в этом окаменелом мировоззрении была пробита не естествоиспытателем, а философом. В 1755 г. появилась «Всеобщая естественная история и теория неба» Канта. Вопрос о первом толчке был здесь устранил; земля и вся солнечная система представили как нечто *статическое* в ходе времени. Если бы подавляющее большинство естествоиспытателей не ощущало перед мысленным того страха, который Ньютон выразил своим предостережением: физика, берегись метафизики! — то они должны были бы извлечь из одного этого гениального открытия Канта такие следствия, которые сберегли бы им бесконечные блуждания по кривопутьям и колоссальное количество потраченного в ложном направлении времени и труда. В открытии Канта лежал зародыш всего дальнейшего прогресса. Если земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны были быть также ее теперешнее геологическое, климатическое, географическое состояние, ее растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве, но и во времени. Если бы стали немедленно и решительно работать в этом направлении, то естествознание ушло бы в пасторальное время значительно дальше того места, где оно находится. Но что тутного могло выйти из философии? Сочинение Канта не имело непосредственного влияния, пока, долгие годы спустя, Лаплас и Гершель не развили и не обосновали его содержания, подготовив таким образом торжество «небулярной гипотезе». Дальнейшие открытия закрепили, наконец, ее победу; важнейшими из них были установление собственного движения неподвижных звезд, доказательство существования оказывающей сопротивление среды в мировом пространстве, установленное спектральным анализом химическое тождество мировой материи и существование таких раскаленных туманных масс, какие предполагал Кант.

Но позволительно усомниться, пришло ли бы естествоиспытателям в голову заменить притворечие между учениями об изменяющейся земле и о существующих на ней неизменных организмах, если бы зарождавшемуся пониманию того, что природа не *есть*, а *становится* и *погибает*, не явилась помощь с другой стороны. Возникла геология, которая выявила не только наличность образовавшихся друг после друга и расположенных друг над другом геологических слоев, но и сохранившиеся в этих слоях раковины и скелеты вымерших животных, стволы, листья и плоды несуществующих более растений. Пришлось признать, что историю во времени имеет не только земля, взятая в целом, но и ее теперешняя поверхность и живущие на ней растения и животные. Признание это произошло первоначально не без труда. Теория Кювье о претерпеваемых землей революциях была революционна на словах и реакционна на деле. На место акта божественного творения она поставила целый ряд подобных творческих актов и сделала из чуда существующий <составную часть> рычаг природы. Лишь Ляйбелль внес здравый смысл в геологию, заменив внезапные, вызванные капризом творца революции постепенными действиями медленного преобразования земли².

¹ Как непоколебимо мог верить еще в 1861 г. в это мировоззрение человек, научные работы которого доставили весьма много ценного материала для преодоления его, показывая следующие классические слова «*Alle ...in sich*» (Mädler, Pop. Astr. Berlin 1861, 5 Aufl, S. 316.) (На полях карандашом отмечено: Законченность старого мировоззрения дала почву для рассмотрения всего естествознания как одного целого. На этой точке зрения стояли, еще чисто механически, один за другим французские энциклопедисты, затем в одно и то же время Сен-Симон и немецкая натурфилософия, — завершена она Гегелем.)

² Недостаток ляйбеллевской концепции — по крайней мере, в ее первоначальной форме — заключался в том, что она считала действующие на земле силы постоянными, — постоянными как по качеству, так и по количеству. Для нее не существует охлаждения земли; земля получает вновь свой докантовский вечный (...?) характер, хотя эта вечность и включает

Теорию Ляйбеля было еще труднее примирить с гипотезой постоянства органических видов, чем все предшествовавшие ей теории. Мысль о постепенном преобразовании земной поверхности и всех условий жизни на ней приводила непосредственно к учению о постепенном преобразовании организмов и их приспособлении к изменяющейся среде, приводила к учению об изменчивости видов. Однако традиция является силой не только в католической церкви, но и в естествознании. Сам Ляйбелль в течение долгих лет не замечал этого противоречия, а его ученики и того менее. Это можно объяснить только утвердившимся в это время в естествознании разделением труда, благодаря которому каждый ограничивается своей специальной областью знания и немногие лишь способны обозреть его в целом.

Между тем в физике произошел огромный сдвиг вперед, результаты которого были почти одновременно резюмированы тремя различными людьми в столь знаменательном для этой отрасли естествознания 1842 году. Майер в Гейльбронне и Джоуль в Манчестере доказали превращение теплоты в механическую силу и механической силы — в теплоту. Установление механического эквивалента теплоты покончило со всеми сомнениями по этому поводу. В то же время Грове — отнюдь не профессиональный естествоиспытатель, а английский адвокат — доказал, при помощи простой обработки накопившегося физического материала, что все так называемые физические силы — механическая сила, теплота, свет, электричество, магнетизм и даже так называемая химическая сила — переходят при известных условиях друг в друга без какой бы то ни было потери силы, и таким образом доказал, задним числом, при помощи физических методов, теорему Декарта, что количество имеющегося в мире движения неизменно. Благодаря этому различные физические силы — эти, так сказать, неизменные «виды» физики — превратились в различно дифференцированные и переходящие по определенным законам друг в друга формы движения материи. <Если электричество превращается в теплоту, свет, магнетизм, химическую силу, механическое движение, то разве это большее чудо, чем происхождение человека от обезьяны? ¹> В науке удалось избавиться от случайности наличия такого-то и такого-то количества физических сил, ибо были доказаны их взаимная связь и переходы друг в друга. Подобно астрономии, и физика пришла к тому неизбежному результату, что последним выводом является вечный круговорот движущейся материи ².

Удивительно быстрое развитие химии после Лавуазье и особенно после Дальтона разрушало, с другой стороны, старое представление о природе. Благодаря получению неорганическим путем производившихся до того лишь в живых организмах соединений было доказано, что законы химии имеют ту же силу для органических тел, как и для неорганических, и была заполнена значительная часть оставшейся еще после Канта непроходимой пропасти между неорганической и органической природой.

Наконец, и в области <физиологического> биологического исследования начатые в середине прошлого столетия систематически организуемые научные путешествия, экспедиции, более точное <ботаническое и геологическое> изучение европейских колоний во всех частях света живущими там специалистами, далее успехи

на этот раз более или менее циклическое движение не развивается в определенном направлении, она просто изменяется случайным, бессвязным образом.

¹ [На полях отмечено карандашом: силы находят свое единство в движении материи, устранена случайность наличия такого-то и такого-то количества сил. Внесено единство в физическое мировоззрение и согласно с общими результатами исследования в (...) вечном круговороте...]

² [На полях чужой рукой (вероятно, Аронса) карандашом отмечено: Helmholtz?]

палеонтологии, анатомии, физиологии вообще, в особенности со времени систематического применения микроскопа и открытия клетки, — все это накопило столько материала, что стало возможным — и в то же время необходимым — применение сравнительного метода. С одной стороны, благодаря сравнительной физической географии были установлены условия жизни различных флор и фаун, а с другой, были сравнены между собою различные организмы в отношении их гомологичных органов, и притом не только в зрелом возрасте, но и на всех ступенях их развития¹. Чем глубже проникало это исследование, чем точнее оно делалось, тем больше расплывалась под руками та застывшая система <неизменных видов, полов, классов, царств> неизменной органической природы. Не только безнадежно исчезали границы между отдельными видами растений и животных, но появились животные, как амфиокс и лепидосирена, которые точно издевались над всеми существовавшими до того классификациями², и наконец, были найдены организмы, относительно которых нельзя было даже сказать, относятся ли они к животному миру или к растительному³. Проблемы палеонтологической летописи все более и более заполнялись, заставляя даже самых упорных ученых признать поразительный параллелизм, существующий между историей развития органического мира в целом и историей развития отдельных организмов, давая, таким образом, аriadнину нить из того лабиринта, в котором, казалось, окончательно запутались ботаника и зоология. Характерно, что почти одновременно с нападением Канта на учение о вечности солнечной системы К. Вольф произвел в 1759 г. первое нападение на теорию постоянства видов, провозгласив учение об их развитии. Но то, что было у него только гениальным предвосхищением, то приняло более конкретные формы у Океана, Ламарка, Бера и было победоносно проведено ровно сто лет спустя, в 1859 г., Дарвином. Почти одновременно было констатировано, что протоплазма и клетка, признанные уже раньше последними форменными элементами всех организмов, живут самостоятельно в качестве низших органических форм. Благодаря этому была доведена до минимума пропасть между органической и неорганической природой и вместе с тем устранено одно из серьезнейших препятствий на пути к учению о происхождении организмов путем развития. Таким образом, современное мировоззрение было готово в его основных чертах: все твердое было разложено, все неизменное улетучилось, все признававшееся вечным стало считаться преходящим, вся природа предстала находящейся в вечном потоке и круговороте. (*Энгельс, Дialeктика природы, стр. 86—93, 1932 г.*)

Проникновение идеи развития в естествознание

Из области истории. Современное естествознание, — единственное, о котором может идти речь (как о науке), — в противоположность гениальным догадкам греков и случайным исследованиям арабов, начинается с той грандиозной эпохи, когда буржуазия сломила мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные пионеры современного пролетариата, с красным знаменем в руке и с коммунизмом на устах, — начинается с той эпохи, которая создала монархии Европы, разрушила духовную диктатуру папства, воскресила греческую древность и вместе с ней высочайшее развитие искусства в новое время, которое разбило границы старого мира (*orbis*) и впервые, собственно говоря, открыло землю <оно революционно, как и вся та эпоха>.

¹ [*На полях: Эмбриология (Erhaltung der Kraft 1847.)*]

² [*На полях: Ceratodus.*]

³ [*На полях: dito Archeopterix etc.*]

Это была величайшая из революций, какие до тех пор пережила земля. И естествознание, развившееся в атмосфере этой революции, было насквозь революционным, шло рука об руку с пробуждающейся новой философией великих итальянцев, посылая своих мучеников на костры и в темницы. Характерно, что протестанты соперничали с католиками в преследовании их. Первые сожгли Сервета, вторые сожгли Джордано Бруно. Это было время, нуждавшееся в гигантах и породившее гигантов, гигантов учености, духа и характера, — это было время, которое французы правильно называли Ренессансом, протестантская же Европа односторонне и ограниченно — Реформацией.

И естествознание тоже провозгласило тогда свою независимость, правда, не с самого начала, подобно тому как и Лютер не был первым протестантом. Чем в религиозной области было сожжение Лютером папской буллы, тем в естествознании было великое творение Коперника, в котором он — хотя и робко, после 36-летних колебаний и, так сказать, на смертном одре — бросил церковному суеверию вызов. С этого времени исследование природы освобождается по существу от религии, хотя окончательное выяснение всех подробностей затянулось до настоящего времени, все еще не завершившись во многих головах. Но с тех пор развитие естествознания пошло гигантскими шагами, увеличиваясь, так сказать, пропорционально квадрату удаления во времени от своего исходного пункта, точно желая показать миру, что по отношению к движению высшего цвета органической материи, человеческому духу, как и по отношению к движению неорганической материи, действует обратный закон.

Первый период нового естествознания заканчивается — в области неорганического мира — Ньютоном. Это — период овладения данным материалом; в области математики и астрономии, статики и динамики он дал великие достижения, особенно благодаря работам Кеплера и Галилея, из которых Ньютон извлек ряд следствий. Но в области органических явлений еще не вышли за пределы первых зачатков знания. Еще не было исследования исторически следующих друг за другом и сменяющихся друг друга форм жизни, точно так же как и исследования соответствующих им и изменчивых условий жизни, — не существовало палеонтологии и геологии. Природа вообще не представлялась тогда чем-то исторически развивающимся, имеющим свою историю во времени. Интересовались только пространственной протяженностью; различные формы группировались не одна за другой, а одна подле другой, естественная история считалась чем-то неизменным, вековым, подобно эллиптическим орбитам планет. Для более или менее основательного изучения форм органической жизни недоставало обеих основных наук — химии и науки о главной органической структурной форме, клеточке. Революционное по своему началу естествознание оказалось перед насквозь консервативной природой, в которой и теперь все было таким же, как и в начале мира, и в которой все останется до скончания мира таким же, каким оно было в начале его.

Характерно, что это консервативное воззрение на природу как в неорганическом, так и в органическом [...] ¹.

Астрономия	Физика	Геология	Физиология растений	Терапевтика
Механика	Химия	Палеонтология	Физиология животных	Диагностика
Математика		Минералогия	Анатомия	

Первая брешь — Кант и Лаплас. Вторая — геология и палеонтология (Лайель, медленное развитие). Третья — органическая химия, изготавливающая органические

¹Фраза обрывается словом «иной».

тела и показывающая применимость химических законов к иным телам. Четвертая — 1842, механическая теплота, Грове. Пятая — Дарвин, Ламарк, клетка и т. д. (Борьба Кювье и Агассиса.) <Подчеркнуть противоречия старого мировоззрения: первый толчок, бесчисленные акты творения органических существ, телеология>. Шестая — *сравнительный элемент* в анатомии. Климатология. (Изотермы.) Научные экспедиции и путешествия с середины XVIII века. География животных и растений, вообще физическая география (Гумбольдт), приведение в связь материала. Морфология (эмбриология, К.-Э. ф.-Бер)¹.

Старая телеология пошла к чорту, но теперь крепко господствует твердая уверенность, что материя в своем вечном круговороте движется согласно законам и на известной ступени должна — то в одном месте, то в другом — производить с необходимостью в органическом существе мыслящий дух.

Пусть дано нормальное существование животных при условиях, в которых они живут и к которым они приспосабливаются; условия существования человека, лишь только он обособился от животного в узком смысле слова, оказываются еще не существующими; их приходится выработать лишь будущему историческому развитию. Человек — единственное животное, которое способно выбраться из чисто животного состояния; его нормальное состояние соответствует его сознанию, *он должен сам его создать*. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 22—24, 1932 г.)

Сохранение энергии. Количественное постоянство движения было высказано уже Декартом и почти в тех же выражениях, что и теперь [...] (Клаузиусом [...?]) Майером). Зато превращение *формы* движения открыто только в 1842 г., и это, а не закон количественного постоянства, есть как раз новое. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 48.)

Отношение механического движения и теплоты

Практическое открытие превращения механического движения в теплоту так старо, что от него можно считать начало человеческой истории. Как бы ни были велики предшествовавшие этому открытия, — в виде изобретения орудий и приручения животных, — но, только научившись добывать огонь с помощью трения, люди впервые подчинили себе неорганическую силу природы. Какое впечатление произвело на мысль человечества это гигантское открытие, еще показывают современные народные суеверия. Еще долго спустя после введения в употребление бронзы и железа праздновалось открытие каменного ножа, этого первого орудия; все религиозные жертвоприношения совершались с помощью каменного ножа. По еврейскому преданию, Иисус Навин приказал совершить обрезание над родившимися в пустыне мужчинами при помощи каменных ножей; кельты и германцы пользовались в своих человеческих жертвоприношениях только каменными ножами. Но все это давно забыто, чего нельзя сказать об огне, получаемом при помощи трения. Долго спустя после того, как люди ознакомились с другими способами получения огня, всякий священный огонь должен был у большинства народов добываться путем трения. Еще и поныне, согласно изреченному поверью большинства европейских стран, чудотворный огонь (например, у нас огонь для заклинаний против поветрия на животных) может быть зажжен лишь при помощи трения. Таким образом, еще и в наше время благодарная память о первой победе человека над природой продолжает полубессознательно жить в народном суеверии, в остатках язычески-мифологических воспоминаний у образованнейших народов на земле.

¹ [Все это замечание до этого места перечеркнуто. Ср. ниже начало «Старого введения».]

Однако, процесс, совершающийся при добывании огня трением, еще носит односторонний характер. Здесь механическое движение превращается в теплоту. Чтобы завершить этот процесс, надо добиться обратного превращения этой теплоты в механическое движение, ибо только в этом случае удовлетворяется диалектика процесса и процесс замыкается — по крайней мере, на первых порах — в круге. Но у истории свой собственный темп движения, и какой бы диалектический вид ни имел ход ее, но диалектике приходится часто довольно долго дожидаться истории. Вероятно, прошли десятки тысяч лет со времени открытия добывания огня трением до того, как Герон Александрийский (около 120 г.) изобрел машину, которая приводилась в вращательное движение выходящим из нее водяным паром. И прошло еще снова почти две тысячи лет, пока не была построена первая паровая машина, первый прибор для превращения теплоты в действительно полезное механическое движение.

Паровая машина была первым действительно интернациональным открытием, и факт этот, в свою очередь, свидетельствует об огромном историческом прогрессе. Паровую машину изобрел француз Папин, но в Германии. Немец Лейбниц, рассыпая вокруг себя, как всегда, гениальные идеи, без заботы о том, припишут ли заслугу этого ему или другим, — Лейбниц, как мы знаем теперь из переписки Папина (изданной Герляндтом), подсказал ему основную идею этой машины — применение цилиндра и поршня. Вскоре после этого англичане Сэвери и Ньюкомен придумали подобные же машины; наконец, их земляк Уатт, введя отдельный конденсатор, придал паровой машине в принципе ее современный вид. Круговорот открытий в этой области закончился: удалось достигнуть превращения теплоты в механическое движение. Все дальнейшее было только улучшением деталей.

Итак, практика по-своему решила вопрос об отношениях между механическим движением и теплотой. Она сперва превратила первое во вторую, а затем вторую в первое. Но какова была при этом роль теории? Довольно печальная. Хотя именно в XVII и XVIII столетиях бесчисленные описания путешествий кишели рассказами о диких народах, не знавших другого способа произведения теплоты, кроме трения, но физики этим почти совершенно не интересовались; с таким же равнодушием относились они в течение всего XVIII века и первых десятилетий XIX века к паровой машине. В большинстве случаев они ограничивались простым регистрированием фактов.

Наконец, в двадцатых годах Сади Карно заинтересовался этим вопросом и разработал его очень искусным образом, так что вычисления его, которым Клапейрон придал геометрическую форму, сохранили свое значение и до нынешнего дня и были использованы в работах Клаузиуса и Клерк-Максвелля. Он добрался почти до сути дела; окончательно решить вопрос ему помешало не отсутствие фактического материала, а предвзятая *ложная теория*, и притом ложная теория, которая была навязана физикам не какой-нибудь злокозненной философией, а придумана ими самими при помощи их собственного натуралистического метода мышления, столь превосходящего метафизически-философствующий метод.

В XVII столетии теплота считалась — по крайней мере в Англии — свойством тел, «*движением* особого рода, природа которого никогда не была объяснена удовлетворительным образом». Так называет ее Т. Томсон за два года до открытия механической теории теплоты (Outline of the Sciences of Heat and Electricity, 2-nd edition, London 1840). Но в XVIII столетии все более и более завоевывал себе господство взгляд, что теплота, как и свет, электричество, магнетизм, это — особое вещество, и все эти своеобразные вещества отличаются от обычной материи тем, что они не обладают весом, что они невесомы. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 161—162, 1932 г.)

Возникновение и развитие наук обусловлено производством

Необходимо изучать *последовательное развитие* отдельных отраслей естествознания. — Сперва *астрономия* — уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи *математики*. Следовательно, пришлось заняться и последней. Далее, на известной ступени развития земледелия и в известных странах (поднимание воды для орошения в Египте), а в особенности вместе с возникновением городов, крупных построек и развитием ремесла, развилась и *механика*. Вскоре она становится необходимой также для *судоходства* и *военного дела*. И она нуждается в помощи математики и поэтому способствует ее развитию. Таким образом, уже с самого начала возникновения и развитие наук обусловлено производством.

В течение всей древности собственно научное преподавание ограничивается этими тремя науками, причем в качестве точного и систематического исследования — только в послеклассический период (александрийцы, Архимед и т. д.). До тех пор можно было в физике и химии, которых еще не отделяли друг от друга (теория стихий, отсутствие представления о химическом элементе), в ботанике, зоологии, анатомии человека и животных ограничиваться только собиранием фактов и по возможности систематизированием их. Физиология, лишь только удалялись от наиболее осязательных вещей, как, например, пищеварение и выделение, сводилась просто к угадыванию; оно и не могло быть иначе, пока еще не знали даже кровообращения. — В конце этого периода появляется химия в первоначальной форме алхимии.

Если после темной ночи средневековья нового вдруг возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству. Во-первых, со времени Крестовых походов промышленность колоссально развилась и добыла массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельничное дело), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических фактов (очки), которые доставили не только огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования, и допустили построение *новых* инструментов. Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени. Во-вторых, вся Западная и Центральная Европа, включая Польшу, развивается теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей старинной цивилизации, продолжает стоять во главе. В-третьих, географические открытия, произведенные в погоне за барышом, т. е. в конечном счете, под влиянием интересов производства, доставили бесконечный, до того недоступный материал в области метеорологии, зоологии, ботаники и физиологии (человека). В-четвертых, появился *печатный станок*¹.

Теперь — если отвлечься от существовавших уже самостоятельно математики, астрономии и механики — физика окончательно обособляется от химии (Торичелли, Галилей, — первый, в связи с промышленными гидротехническими сооружениями, изучает движение жидкостей, — Клерк-Максвелль); Бойль делает из химии науку. Гарвей, благодаря открытию кровообращения, делает науку из физиологии (человека, а также животных); зоология и ботаника все еще остаются собирающими факты науками, пока не зарождается палеонтология (Кювье), а вскоре затем открытие клетки и развитие органической химии. Лишь благодаря этому стали возможными морфология и физиология в качестве истинных наук. В конце прошлого столетия закладываются основы геологии, в новейшее время — так называемой (неудачно) антропологии, являющейся переходом от морфологии и физиологии человека и его рас к истории. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 39—40, 1932 г.*)

¹ До сих пор хвастались тем, чем производство связано науке, но наука бесконечно большим обязана производству.

Развитие теоретического естествознания и материалистическая диалектика

Может, впрочем, случиться, что прогресс теоретического естествознания сделает большую часть моей работы или всю ее совершенно излишней, ибо революция, на которую теоретическое естествознание толкается простой необходимостью систематизировать массу накаплиющихся чисто эмпирических открытий, заставит даже самого упорного эмпирика признать диалектический характер явлений природы. Старые, застывшие противоречия, резкие, непреходимые границы все больше и больше исчезают. С того времени, как удалось превратить в жидкое состояние последние «настоящие газы», с того времени, как было доказано, что тело может быть приведено в такое состояние, в котором нельзя отличить капельнообразной формы от газообразной, — агрегаты утратили последний остаток своего прежнего абсолютного характера. Закон кинетической теории газов, в силу которого в совершенных газах квадраты скоростей, с какими при одинаковой температуре движутся отдельные молекулы газов, обратно пропорциональны весу молекул, — этот закон ввел также и теплоту в ряд тех форм движения, которые подлежат нашему измерению. Если еще десять лет назад вновь открытый великий основной закон движения понимали как простой закон сохранения энергии, как простое выражение неразрушимости и несозидаемости движения, следовательно, просто с его (закона) количественной стороны, то в настоящее время это узкое отрицательное определение все больше и больше вытесняется положительным — именно учением о *превращениях энергии*, и в этом определении ясно выражено качественное содержание процесса и исчезает последнее воспоминание о внемировом творце. Теперь уже не приходится доказывать как нечто новое, что количество движения (так называемая энергия) не изменяется, когда из кинетической энергии (так называемой механической силы) оно превращается в электричество, теплоту, потенциальную энергию и т. п. и наоборот; это раз навсегда служит теперь основанием более глубокого исследования самого процесса превращения, того великого основного процесса, в познании которого заключается все познание природы. С тех пор как биологию изучают при свете теории эволюции, в области органической природы одна за другой исчезают оостенелые границы классификации; неподдающиеся классификации промежуточные звенья увеличиваются с каждым днем, более точное исследование перебрасывает организмы из одного класса в другой, и отличительные признаки, делавшиеся чуть ли не символом веры, теряют свое безусловное значение; мы знаем теперь кладущих яйца млекопитающих и, если это подтвердится, то и четвероногих птиц. Если уже много лет назад Вирхов вынужден был, вследствие открытия клетки, заменить неделимость индивидуума федерацией клеточных государств, — что, конечно, очень прогрессивно, но мало соответствует научной и диалектической точке зрения, — то теперь понятие о животном (следовательно, и человеческом) индивидууме еще более осложняется вследствие открытия белых кровяных шариков, амeboобразно движущихся в организме высших животных. А ведь именно эти будто бы непримиримые и неразрешимые полярные противоположности, эти насильственно закрепленные границы классификации и придали современному теоретическому естествознанию ограниченно метафизический характер. Признание, что эти противоположности и различия имеют в природе лишь относительное значение, что, напротив, приписываемая природе неподвижность и абсолютность внесены в нее лишь нашей рефлексией, — это признание составляет основной пункт диалектического понимания природы. Правильность диалектического понимания все более подтверждается накапливающимися фактами естествознания, и это понимание легче воспринимается, если с диалектическим характером этих фактов сопоставить познание закона диалектического мышле-

ния. Во всяком случае естествознание находится теперь на такой ступени развития, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения, если не забудут, что результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия; искусство же оперировать понятиями не врождено и не заключается в обыденном здравом смысле, но требует действительного мышления, которое, в свою очередь, имеет за собой столь же продолжительную историю, как и опытное естествознание. Именно тем, что естествознание усвоит себе результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиной тысячи лет, оно, с одной стороны, освободится от всякой обособленной, вне и над ним стоящей натурфилософии, а с другой — также и от своего собственного, унаследованного от английского эмпиризма, поверхностного метода мышления. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 213—214, 1932 г.*)

Значение трех великих открытий для проникновения диалектики в естествознание

...До конца последнего столетия естествознание было преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченных предметах, в нашем же веке (XIX) оно стало наукой, упорядочивающей наукой об *явлениях* природы, наукой о происхождении и развитии предметов и о связи, соединяющей явления в одно великое целое. Физиология, которая исследует явления, имеющие место в растительном и животном организме; эмбриология, наблюдающая развитие отдельного организма из зародышевого состояния до зрелости; геология, изучающая постепенное образование земной коры, — все эти науки суть дети нынешнего (XIX) столетия.

Познание взаимной связи процессов, совершающихся в природе, развивается гигантскими шагами особенно благодаря трем великим открытиям.

Во-первых, благодаря открытию клеток, этих единиц, из размножения и дифференциации которых развиваются растительные и животные организмы. Это открытие не только убедило нас, что развитие и рост всех высших организмов подчиняются одному общему закону, но, показав способность клеток к изменению, оно обозначило также путь, ведущий к *видовым* изменениям организмов, изменениям, вследствие которых организмы развиваются *не только как отдельные особи*.

Во-вторых, благодаря открытию превращения энергии, показавшему, что все так называемые силы, действующие прежде всего в неорганической природе: механическая сила и ее дополнение, так называемая потенциальная энергия, теплота, лучистость (свет и лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая энергия, — представляют собою различные формы проявлений всемирного движения, — формы, которые переходят одна в другую в известных количественных отношениях, так что, когда исчезнет известное количество одной, на ее место является определенное количество другой, и все движение в природе сводится к непрерывному процессу превращения одной формы в другую.

Наконец, в-третьих, благодаря впервые представленному Дарвином связному доказательству того, что окружающие нас теперь организмы, не исключая и человека, явились в результате длинного процесса развития из немногих, первоначально одноклеточных, зародышей, а эти зародыши, в свою очередь, образовались из возникшей химическим путем протоплазмы или белка.

Благодаря этим трем великим открытиям и прочим успехам естествознания мы можем теперь обнаружить не только ту связь, которая существует между явлениями природы в отдельных ее областях, но, говоря вообще, также и ту, которая объединяет эти отдельные области. Таким образом, данные, добытые эмпирическим естествознанием, позволяют нам составить довольно систематическое изображение природы как одного связного целого. Подобные изображения составлялись прежде так назы-

ваемой натурфилософией (философией природы), которая заменяла еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеальной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугадапы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и вздора. Иначе тогда и быть не могло. Теперь же, когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы *диалектически*, т. е. с точки зрения их собственной взаимной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени *«систему природы»*, и когда сознание диалектического характера этой связи насильно проникает даже в метафизические головы естествоиспытателей, — теперь натурфилософия погребена навеки. Всякая попытка откопать ее не только была бы излишней, но означала бы шаг назад. (Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 65—66, Соцэкгиз, 1931 г.)

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 14 июля 1858 г.

Пришли же мне обещанную «Философию природы» Гегеля. Я сейчас занимаюсь немного физиологией, и к ней присоединю еще занятия сравнительной анатомией. В этих науках имеются в высшей степени умозрительные вещи, совсем недавно открытые. Мне очень хотелось бы узнать, не предчувствовал ли старик [Гегель] чего-нибудь подобного. Несомненно одно: если бы ему пришлось писать философию природы *теперь*, то факты сами полетели бы к нему со всех сторон. Вообще говоря, совсем почти никто не знает об успехах естественных наук за последние 30 лет. Для физиологии особенно важны были, во-первых, огромные успехи, сделанные органической химией, а во-вторых, микроскоп, который правильно был использован за последние 20 лет. Это последнее привело к результатам еще более важным, чем химия. Главное, благодаря чему произошел переворот в физиологии и благодаря чему стала возможна сравнительная физиология, — это открытие клетки, открытие, которое в растении сделал Шлейден, а в животном организме — Шванн (приблизительно в 1836 г.). Все есть клетка. Клетка есть гегелевское в себе бытие. Она в своем развитии как раз именно и проходит гегелевский процесс, пока, наконец, из нее не развивается «идея», т. е. законченный организм.

Другой результат, которому бы очень порадовался старик Гегель, — это соотношение сил в физике, или закон, что при определенных условиях механическое движение, т. е. механическая сила (например, через трение), превращается в теплоту, теплота — в свет, свет — в химическое сродство, химическое сродство (например, в вольтовом столбе) — в электричество, это последнее — в магнетизм. Эти переходы могут также происходить иначе: вперед и назад. В настоящее время один англичанин, имя которого я не припомню, доказал, что силы эти переходят друг в друга в совершенно точно определенных количественных пропорциях, так что известное количество одной силы, например электричества, соответствует определенному количеству всякой другой — например, магнетизма, света, теплоты, химического сродства (положительного или отрицательного — соединяющего или разлагающего) и движения. Бессмысленная теория скрытой теплоты, таким образом, устранена. Не является ли это прекрасным материальным примером того, как рефлектирующие понятия (Reflexionsbestimmungen) переходят одно в другое. Как бы то ни было, изучая сравнительную физиологию, начинаешь от всей души презирать идеалистическое возвышение человека над всем прочим зверьем. На каждом шагу натыкаешься на полнейшее совпадение строения человека со строением остальных млекопитающих, в основных же чертах совпадение есть у всех позвоночных и даже — несколько менее

резко — у насекомых, ракообразных, червей и т. д. Гегелевская история с качественным прыжком в количественном ряде здесь тоже очень подходит. В конце концов, доходя до самых примитивных инфузорий, приходишь к первобытному типу — простой самостоятельно живущей клетке. Эта клетка опять-таки ничем осязательно резко не отличается от низших растений (грибков, состоящих из одной клетки) и от зародышей более высших ступеней развития, вплоть до человеческого яйца и семенных теллец, и по внешности является совершенно такой же, как независимые клетки в живом организме (крошечные тельца, эпителиальные клетки, клетки, выделяемые железами, почками и т. д.). (Маркс и Энгельс, *Письма*, стр. 108—110, *Парт-издат*, 1932 г.)

Критика Энгельсом Дарвина

Борьба за существование. Прежде всего необходимо строго ограничить ее борьбой, происходящей от *перенаселения* в мире растений и животных, — борьбой, действительно происходящей на известной ступени развития растительного царства и на низшей ступени развития животного царства. Но необходимо строго отличать от этого те случаи, где виды изменяются, старые из них вымирают, а их место занимают новые, более развитые, *без* наличия такого перенаселения: например при переселении растений и животных в новые места, где новые климатические, почвенные и т. д. условия вызывают изменение. Если здесь приспособляющиеся индивиды выживают и образуют новый вид благодаря постоянно изменяющемуся приспособлению, между тем как другие, более устойчивые индивиды погибают и под конец вымирают, а с ними вымирают несовершенные промежуточные элементы, то это может происходить — и происходит фактически — *без всякого мальтузианства*, а если последнее и принимает здесь участие, то оно ничего не изменяет в процессе, в лучшем случае только ускоряет его. То же самое можно сказать о постепенном изменении географических, климатических и т. д. условий какой-нибудь данной местности (высыхание Центральной Азии, например); не важно, давит ли здесь друг на друга или нет животное или растительное население; вызванный изменением географических и т. д. условий процесс развития организмов происходит сам собой. — То же самое относится к половому подбору, где мальтузианство не играет совершенно никакой роли.

Поэтому и гегелевское «приспособление и наследственность» могут, помимо всякого подбора и мальтузианства, вызвать весь процесс развития.

Ошибка Дарвина заключается именно в том, что он в своем «Естественном подборе, или переживании наиболее приспособленных» смешивает две совершенно различные вещи:

1) Подбор благодаря давлению перенаселения, где прежде всего переживают, может быть, наисильнейшие, но где этими переживающими могут быть также и наислабейшие в известном отношении индивиды.

2) Подбор благодаря большей способности приспособления к изменившимся обстоятельствам, где переживающие лучше приспособлены к этим *обстоятельствам*, но где а) о приспособление может быть в целом как прогрессом, так и регрессом (например приспособление к паразитической жизни *всегда* регресс).

Суть же дела в том, что каждый прогресс в органическом развитии является в то же время и регрессом, ибо он фиксирует *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях.

Но это *основной закон*¹ (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 123, 1932 г.)

¹ [В связи бумаг Энгельса следует здесь один лишь случайно появившийся мисс со следующим замечанием: «По моему мнению, определять стоимость какой-нибудь вещи только по потраченному на нее времени — нелепость. Так говорит Филипп Паули. 17 мая 1882»].

Значение работ Дарвина для марксизма

МАРКС — ЛАССАЛУ

16 января 1861 г.

Счастливо сочиняете Дарвина и годится мне как естественно-научная опора исторической классовой борьбы. С грубо-английской манерой изложения надо, конечно, мириться. Несмотря на все недостатки, здесь не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснено ее разумное значение. (*Маркс и Энгельс, Письма, стр. 118, Партиздат, 1932 г.*)

Философия и естествознание

Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части — самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 21—22, 1932 г.*)

* * *

Как бы ни упрямлись естествоиспытатели, но ими управляют философы. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь скверный модный философ, или же они желают руководствоваться разновидностью теоретического мышления, основывающейся на знакомстве с историей мышления и его завоеваний. Физика, берегись метафизики! Это совершенно верно, но в другом смысле.

Естественно, довольствуясь отбросами старой метафизики, вслед за философией тащут еще свое мнимое существование. Лишь когда естествознание и история выпалют в себя диалектику, лишь тогда бес философовский хлам — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, растворится в положительной науке. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 107, 1932 г.*)

* * *

Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы помним здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признаем реальность после него. Из того, что эти тела находятся во взаимной связи, логически следует, что они действуют друг на друга, и это их взаимодействие и есть именно движение. Уже здесь обнаруживается, что материя немыслима без движения <что вместе с данной массой материи дано также и движение>. И если, далее, мы заметим, что материя противостоит нам как нечто данное, как нечто несотворимое и

неразрушимое, то отсюда следует, что и движение несотворимо и неразруσιμο. Этот вывод стал неизбежен, лишь только начали рассматривать вселенную как систему, как связь и совокупность тел. А так как философия пришла к этому задолго до того, как эта идея укрепилась в естествознании, то, понятно, почему философия сделала за целых двести лет до естествознания вывод о несотворимости и неразрушимости движения. Даже та форма, в которой она его сделала, все еще выше современной естественно-научной формулировки его. Теорема Декарта о том, что сумма имеющегося во вселенной движения остается всегда неизменной, страдает лишь формальным недостатком, поскольку в ней выражение, имеющее смысл в применении к конечному, прилагается к бесконечной величине. Наоборот, в естествознании имеются теперь два выражения этого закона: формула Гельмгольца о сохранении *силы* и новая, более точная формула о сохранении *энергии*, причем, как мы увидим в дальнейшем, каждая из этих формул резко противоречит другой и каждая вдобавок выражает лишь одну сторону интересующего нас отношения. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 130—131, 1932 г.*)

*

Философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее погубило ее. Естествоиспытатели могли бы уже убедиться на примере естественно-научных успехов философии, что во всей этой философии имеется нечто такое, что превосходит их даже в их собственной области (Лейбниц — основатель математики бесконечного, по сравнению с которым индуктивный осел Ньютон является плагиатором и вредителем; Кант — космогоническая теория происхождения мира *до* Лапласа; Окен — первый, выдвинувший в Германии теорию развития; Гегель..., который своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болвапы, вместе взятые). (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 4, 1932 г.*)

II. Развитие и кризис естествознания в эпоху империализма

Ленин о причинах кризиса в естествознании и путях его преодоления

Известный французский физик, Анри Пуанкаре, говорит в своей книге о «Печности науки», что есть «признаки серьезного кризиса» физики, и посвящает особую главу этому кризису (ch. VIII, стр. p. 171). Этот кризис не исчерпывается тем, что «великий революционер—радий» подрывает принцип сохранения энергии. «Опасности подвергаются и все другие принципы» (180). Например, принцип Лавуазье или принцип сохранения массы оказывается подорванным электронной теорией материи. По этой теории, атомы образуют мельчайшие частицы, заряженные положительным или отрицательным электричеством, называемые электронами и «погруженные в среду, которую мы называем эфиром». Опыты физиков дают материал для исчисления быстроты движения электронов и их массы (или отношения их массы к их электрическому заряду). Быстрота движения оказывается сравнимой с быстротой света (300 000 километров в секунду), например, доходящей до трети этой быстроты. При таких условиях приходится принимать во внимание двойную массу электрона соответственно необходимости преодолеть инерцию, во-первых, самого электрона, и во-вторых, эфира. Первая масса будет реальной или механической массой электрона, вторая — «электро-динамической массой, представляющей инерцию эфира». И вот,

первая масса оказывается равной нулю. Вся масса электронов, или, по крайней мере, отрицательных электронов, оказывается по происхождению своему всецело и исключительно электро-динамической. Исчезает масса. Подрываются основы механики. Подрывается принцип Ньютона, равенство действия и противодействия, и т. д.

Перед нами, — говорит Пуанкаре, — «руины» старых принципов физики, «всеобщий разгром принципов». Правда, — оговаривается он, — все указанные исключения из принципов относятся к величинам бесконечно малым, — возможно, что других, бесконечно малых, которые противодействуют подрыву старых законов, мы еще не знаем, — и радий к тому же очень редок, но во всяком случае «*период сомнений*» налицо. Гносеологические выводы автора из этого «периода сомнений» мы уже видели: «не природа дает (или навязывает) нам понятия пространства и времени, а мы даем их природе»; «все, что не есть мысль, есть чистейшее ничто». Это — выводы идеалистические. Ломка самых основных принципов доказывает (таков ход мысли Пуанкаре), что эти принципы не какие-нибудь копии, снимки с природы, не изображения чего-то внешнего по отношению к сознанию человека, а продукты этого сознания. Пуанкаре не развивает последовательно этих выводов, не интересуется сколько-нибудь существенно философской стороной вопроса. На ней подробнейшим образом останавливается французский писатель по философским вопросам Абель Рей в своей книге: «Теория физики у современных физиков» (Abel Rey: «La théorie de la physique chez les physiciens contemporains», Paris, F. Alcan, 1907). Правда, автор сам позитивист, т. е. путаник и на половину махист, но в данном случае это представляет даже некоторое удобство, ибо его нельзя заподозрить в желании «оклеветать» идола наших махистов. Рею нельзя доверять, когда речь идет о точном философском определении понятий и о материализме в особенности, ибо Рей тоже профессор и, в качестве такового, полон бесконечного презрения к материалистам (и отличается бесконечным невежеством насчет гносеологии материализма). Нечего и говорить, что какие-то там Маркс или Энгельс для таких «мужей науки» совершенно не существуют. Но чрезвычайно богатую литературу вопроса, не только французскую, но и английскую, и немецкую (Оствальд и Мах в особенности) Рей сводит тщательно и в общем добросовестно, так что мы будем часто пользоваться его работой.

Внимание философов вообще, — говорит автор, — а также тех, кто, по мотивам того или другого порядка, хочет критиковать вообще науку, привлечено теперь в особенности к физике. «Обсуждая пределы и ценность физических знаний, критикуют в сущности законность положительной науки, возможность познания объекта» (р. I—II). Из «кризиса современной физики» торопятся сделать скептические выводы (р. 14). В чем же суть этого кризиса? В течение первых двух третей XIX века физики были согласны между собой во всем существенном. «Верили в чисто механическое объяснение природы; принимали, что физика есть лишь более сложная механика, именно — молекулярная механика. Расходились только по вопросу о приемах сведения физики к механике, о деталях механизма». «В настоящее время зрелище, которое нам представляют физико-химические науки, кажется совершенно обратным. Крайние разногласия сменили прежнее единодушие, и при том разногласия не в деталях, а в основных и руководящих идеях. Если бы было преувеличением сказать, что у каждого ученого свои особые тенденции, то все же необходимо констатировать, что, подобно искусству, наука, в особенности физика, имеет многочисленные школы, выводы которых зачастую расходятся, а иногда прямо враждебны один другому...

«Отсюда можно видеть, каково значение и какова широта того, что получило название кризиса современной физики...

«Традиционная физика до половины XIX века принимала, что достаточно простого продолжения физики, чтобы получить метафизику материи. Эта физика придавала

своим теориям онтологическое значение. И эти теории были всецело механические. Традиционный механизм» (Рей употребляет это слово в особом смысле системы взглядов, сводящих физику к механике) «представлял таким образом, сверх результатов опыта, за пределами результатов опыта, *реальное* познание материального мира. Это не было гипотетическое выражение опыта, — это была догма» (16)...

Здесь мы должны прервать почтенного «позитивиста». Ясно, что он рисует нам материалистическую философию традиционной физики, не желая назвать чорта (т. е. материализма) по имени. Юмисту материализм должен казаться метафизикой, догмой, выходом за пределы опыта и т. д. Не зная материализма, юмист Рей совсем уже никакого понятия не имеет о диалектике, об отличии диалектического материализма от материализма метафизического в Энгельсовском смысле слова. Поэтому, например, соотношение абсолютной и относительной истины абсолютно неясно Рею.

«...Критические замечания против традиционного механизма, которые были сделаны во второй половине XIX века, подорвали эту предпосылку онтологической реальности механизма. На этой критике утвердился философский взгляд на физику, который стал уже почти традиционным в философии конца XIX века. Наука, по этому взгляду, не более как символическая формула, приемы отметки (обозначения, гербэге, создания знаков, меток, символов), а так как эти приемы отметки различны в различных школах, то скоро сделано было заключение, что отмечается при этом только то, что предварительно создано (*façonné*) человеком для обозначения (для символизации). Наука стала произведением искусства для дилетантов, произведением искусства для утилитаристов: точки зрения, которые естественно стали повсюду истолковывать, как отрицание возможности науки. Наука, как чисто искусственное средство воздействия на природу, как прослая утилитарная техника, не имеет права называться наукой, если не искажать смысла слов. Сказать, что наука не может быть ничем иным, кроме такого искусственного средства воздействия, значит отрицать науку в настоящем значении слова.

«Крах традиционного механизма или, вернее, та критика, которой он был подвергнут, привела к следующему положению: наука тоже потерпела крах. От невозможности держаться по-просту и исключительно традиционного механизма заключили к невозможности науки» (17).

И автор ставит вопрос: «Представляет ли из себя современный кризис физики временный и внешний инцидент в развитии науки или наука внезапно поворачивает назад и покидает окончательно ту дорогу, по которой она шла?..».

«...Если физико-химические науки, которые в истории были по существу дела поборниками эмансипации, терпят крушение в таком кризисе, который оставляет за ними исключительно ценность технически полезных рецептов, но отнимает у них всякое значение с точки зрения познания природы, то отсюда должен произойти полный переворот и в логике и в истории идей. Физика теряет всякую воспитательную ценность; дух положительной науки, представляемый ею, становится ложным и опасным». Наука может дать лишь практические рецепты, а не действительное знание. «Познание реального надо искать другими средствами... Надо идти другим путем, надо вернуть субъективной интуиции, мистическому чувству реальности, одним словом, таинственному, то, что считалось у них отнятым наукой» (19).

В качестве позитивиста автор считает такой взгляд неправильным и кризис физики временным. Каким образом оценивает Рей Маха, Пуанкаре и К° от этих выводов, мы увидим ниже. Теперь мы ограничимся констатированием факта «кризиса» и его значения. Из последних слов Рея, приведенных нами, ясно, какие реакционные элементы воспользовались этим кризисом и обострили его. В предисловии к своему сочинению Рей говорит прямо, что на «общий дух современной физики» стремится

«опереться фидеистское и антиинтеллектуалистское движение последних лет XIX века» (II). Фидеистами (от латинского слова *fides*, вера) называют во Франции тех, кто ставит веру над разумом. Антиинтеллектуализмом называется учение, отрицающее права или претензии разума. Следовательно, в философском отношении суть «кризиса современной физики» состоит в том, что старая физика видела в своих теориях «реальное познание материального мира», т. е. отражение объективной реальности. Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им. Если бы Рей держался правильной философской терминологии, то он должен был бы сказать: материалистическая теория познания, стихийно принимавшаяся прежней физикой, сменилась идеалистической и агностической, чем воспользовался фидеизм, вопреки желанию идеалистов и агностиков.

Но эту смену, составляющую кризис, Рей не представляет себе так, как будто все новые физики стоят против всех старых физиков. Нет. Он показывает, что поgnoseологическим своим тенденциям современные физики делятся на три школы: энергетическую или концептуалистскую (*conceptuelle* — от слова *concept*, чистое понятие), механистскую или ново-механистскую, которой продолжает держаться громадное большинство физиков, и промежуточную между ними, критическую школу. К первой относятся Мах и Дюгем; к третьей Анри Пуанкаре; ко второй Кирхгоф, Гельмгольц, Томсон (лорд Кельвин), Максвелл из старых, Лармор, Лорентц из новейших физиков. В чем суть *двух* основных линий (ибо третья является несамостоятельной, а промежуточной), видно из следующих слов Рея:

«Традиционный механизм построил систему материального мира». В учении о строении материи он исходил из «элементов качественно однородных и тождественных», при чем элементы должны были рассматриваться «неизменными, непроницаемыми» и т. д. Физика «строила реальное здание из *реальных* материалов и *реального* цемента. Физик обладал *материальными элементами, причинами и способом их действия, реальными законами их действия*» (33—38). «Изменения этого взгляда на физику состоят преимущественно в том, что отбрасывают онтологическую ценность теорий и чрезвычайно подчеркивают феноменологическое значение физики». Концептуалистский взгляд имеет дело с «чистыми абстракциями», «ищет теории чисто абстрактной, устраняющей, насколько возможно, гипотезу материи». «Понятие энергии становится подосновой (*substructure*) новой физики. Поэтому концептуалистская физика может быть большей частью названа *энергетической* физикой», хотя это наименование не подходит, например, к такому представителю концептуалистской физики, как Мах (р. 46).

Это смешение энергетики с махизмом у Рея, конечно, не совсем правильно, равно как и утверждение, что к феноменологическому взгляду на физику приходит и ново-механистская школа (р. 48), при всей глубине ее расхождения с концептуалистами. «Новая» терминология Рея не уясняет дела, а затемняет его, но мы не могли избежать ее, чтобы дать читателю представление о взгляде «позитивиста» на кризис физики. По существу вопроса, противоположение «новой» школы старому взгляду вполне созидает, как мог убедиться читатель, с вышеприведенной критикой Гельмгольца Клейнпегером. Передавая взгляды разных физиков, Рей отражает в своем изложении всю неопределенность и шаткость их философских взглядов. Суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом. «Материя исчезла» — так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшее этот кризис. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 207—211, изд. 3-е.)

Факты естествознания подтверждают диалектический материализм

Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об *источнике* нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к *физическому* миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого «физического мира». Когда физики говорят: «материя исчезает», они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям — материя, электричество, эфир; теперь же остаются *только* два последние, ибо материю удастся свести к электричеству, атом удастся объяснить как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и несомненно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удастся, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют «две материи существенно различные», как говорит физик Пеллэ, — Реу, I. с., p. 294—295). Естествознание ведет, следовательно, к «единству материи» (там же)¹ — вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих. «Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания.

Ошибка махизма вообще и махистской новой физики состоит в том, что игнорируется эта основа философского материализма и различие материализма метафизического от материализма диалектического. Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть *метафизический*, т. е. антидиалектический материализм. Поэтому И. Дигген подчеркивал, что «объект науки бесконечен», что неизмеримым, непознаваемым до конца, *неисчерпаемым* является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо «природа во всех своих частях без начала и без конца» («Kl. ph. Schr.», S. 229—230). Поэтому Энгельс приводил свой пример с открытием алмазина в каменноугольном дегте и критиковал *механический* материализм. Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир *и так далее* вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели также без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно *да*, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает

¹ Ср. Oliver Lodge. «Sur les électrons». Paris 1906, p. 159. (Оливер Лодж. Об электронах, Париж 1906, с. 159. *Ред.*) «Электрическая теория материи», признание электричества «фундаментальной субстанцией» есть «близкое теоретическое достижение того, к чему всегда стремились философы, т. е. единства материи». Сравни также Augusto Righi. Ueber die Struktur der Materie, Lpz. 1908 (Риги, А. «Строение материи». Липц. 1908. *Ред.*); J. J. Thomson. «The Corpuscular Theory of Matter», Lond. 1907 (Томсон. Дж. «Корпускулярная теория материи». Л. 1907. *Ред.*); P. Langevin. «La physique des électrons» в «Revue générale des sciences», 1905, p. 257—276 (Ланжевэн, П. «Физика электронов». «Всеобщее Научное Обзорение», 1905, стр. 257—276. *Ред.*).

гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч. т. XIII, стр. 213—214, изд. 3-е.*)

Причины, порождающие «физический» идеализм

Связь современного «физического» идеализма с кризисом современной физики общепризнана, как мы уже указывали выше. «Аргументы скептической критики, направленные против современной физики, — пишет А. Рей, имея в виду не столько скептиков, сколько прямых сторонников фидеизма, вроде Брюнетьера, — сводятся, в сущности, к знаменитому аргументу всех скептиков: к разногласию мнений» («реди физиков»). Но эти разногласия «ничего не доказывают против объективности физики». «В истории физики, как и во всякой истории, можно отличать крупные периоды, которые характеризуются различной формой, различным общим видом теоретическими. Как только наступает одно из тех открытий, которые отбрасывают на всех частях физики, устанавливая какой-либо кардинальный факт, неизвестный до тех пор или неполно оцененный, так весь вид физики меняется; начинается новый период. Так было после открытий Ньютона, после открытий Джоуля-Мейера и Карно-Клаузиуса. То же самое происходит, видимо, после открытия радиоактивности... Историк, который будет впоследствии наблюдать события из некоторого необходимого далека, без труда увидит постоянство эволюции там, где современники видят только конфликты, противоречия, раскол на различные школы. Видимо, и тот кризис, который переживала физика в эти последние годы, относится к тому же разряду (вопреки заключениям, сделанным на основании этого кризиса философской критикой). Это типичный кризис роста (*crise de croissance*), вызванный великими новыми открытиями. Неопоримо, что кризис ведет к преобразованию физики, — без этого не было бы эволюции и прогресса, — но оно не изменит научного духа» (I. с., р. 370—372).

Примиритель Рей старается соединить вместе все школы современной физики против фидеизма! Это благонамеренная фальшь, но все же фальшь, ибо уклон школы Маха — Пуанкаре — Пирсона к идеализму (сиречь утонченному фидеизму) неоспорим. А та объективность физики, которая связана с основами «научного духа», в отличие от фидеистского духа, и которую так горячо защищает Рей, есть не что иное, как «стыдливая» формулировка материализма. Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непрременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим.

Что кризис современной физики состоит в отступлении ее от прямого, решительного и бесповоротного признания объективной ценности ее теорий, — это примиритель Рей очень часто старается затуманить, но факты сильнее всех примирительных попыток. «Математики, — пишет Рей, — привыкая иметь дело с такой наукой, в которой объект — по крайней мере, по видимому — создается умом ученого или в которой, во всяком случае, конкретные явления не вмешиваются в исследование, составили себе слишком абстрактное представление о физике: стараясь сблизить ее с математикой, перенесли общую теорию математики на физику... Все экспериментаторы указывают на вторжение (*invasion*) духа математики в приемы физических суждений и в понимание физики. Не этим ли влиянием, — которое не теряет своей силы от того, что бывает иногда скрытым, — объясняется зачастую неуверенность, шатание мысли насчет объективности физики, те обходные пути, которыми доходят до объективности, те препятствия, которые преодолевают при этом?» (227).

Это превосходно сказано. «Шатание мысли» в вопросе об объективности физики — в этом суть модного «физического» идеализма.

Абстрактные фикции математики создавали как бы некоторый экран между физической реальностью и тем способом, как математики понимают науку об этой реальности. Они смутно чувствуют объективность физики... они хотят быть, прежде всего объективными, когда они берутся за физику, они стараются опереться на реальность и удержать эту опору, но прежние их выходы берут свое. И, вплоть до энергетики, которая хотела построить мир более прочно и с меньшим количеством гипотез, чем старая механическая физика, — стремилась скопировать (*décalquer*) чувственный мир, а не воссоздавать его, — мы все же имеем дело с теориями математиков... Математики все сделали, чтобы спасти объективность физики, ибо без объективности — они это очень хорошо понимают — не может быть и речи о физике... Но сложность их теорий, их обходные пути оставляют чувство неловкости. Это слишком деланно, чересчур изысканно, сочинено (*édifié*); экспериментатор не находит здесь того стихийного доверия, которое внушает ему постоянное соприкосновение с физической реальностью... Вот что говорят, в сущности, все физики, которые, прежде всего, являются физиками, — а имя им легион, — или которые являются только физиками, вот что говорит вся неомеханистская школа... Кризис физики, с одной стороны, в завоевании физики духом математики. Прогресс физики, с одной стороны, и прогресс математики, с другой, привели в XIX веке к тесному сближению этих обеих наук... Теоретическая физика стала математической физикой... Тогда начался период формальной физики, т. е. математической физики, ставшей чисто математическою, — математической, физики не как отрасли физики, а как отрасли математики. В этой новой фазе математик, привыкший к концептуальным (чисто-логическим) элементам, составляющим единственный материал его работы, и чувствуя себя стесненным грубыми, материальными элементами, которые он находил недостаточно податливыми, не мог не стремиться к тому, чтобы возможно больше абстрагировать от них, представлять их себе совершенно нематериально, чисто-логически, или даже совсем игнорировать их. Элементы, в качестве реальных, объективных данных, т. е. в качестве *физических* элементов, исчезли совершенно. Остались только формальные отношения, представляемые дифференциальными уравнениями... Если математик не оклеветан одуроченным этой конструктивной работой своего ума..., то он сумеет найти связь теоретической физики с опытом, но на первый взгляд и для непредупрежденного человека получается, по видимому, произвольное построение теории... Концепт, чистое понятие, заменяют реальные элементы... Так объясняется исторически, в силу математической формы, принятой теоретическою физикой, ... недомогание (*le malaise*), кризис физики и ее кажущееся удаление от объективных фактов» (228—232).

Такова первая причина «физического» идеализма. Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает заблуждение материи математиккими. «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по новому получается старая кантовская идея: разум предписывает законы природе. Герман Коген, восторгаясь ею, как мы видели, идеалистическим духом новой физики, доходит до того, что проповедует введение высшей математики в школы — для ради внедрения в гимназистов духа идеализма, вытекающего нашей материалистической эпохой (*Geschichte des Materialismus von A. Lange, 5. Auflage, 1896, Bd. II, S. XLIX*¹). Конечно, это — вздорное мечтание реакционера, и на деле ничего, кроме мимолетного увлечения идеализмом небольшой доли специалистов, тут нет и быть не может. Но в высшей степени характерно, как утопающий хватается за соломинку, какими утонченными средствами пытаются представители образованной буржуазии искус-

1. — Ланге, А. «История материализма». 5 изд. 1896, т. II, с. XLIX.—Ред.

ственно сохранить или отыскать местечко для фидеизма, который порождается в массах народных масс невежеством, заботостью и нелепой дикостью капиталистических противоречий.

Другая причина, породившая «физический» идеализм, это — принцип *релятивизма*, относительности нашего знания, принцип, который с особенной силой называется физикам в период крутой ломки старых теорий и который — *при незнании диалектики* — неминуемо ведет к идеализму.

Этот вопрос о соотношении релятивизма и диалектики едва ли не самый важный в объяснении теоретических злоключений махизма. Вот, например, Рей, как и все европейские позитивисты, понятия не имеет о марксовской диалектике. Слово диалектика он употребляет исключительно в смысле идеалистической философской спекуляции. Поэтому он, чувствуя, что новая физика свихнулась на релятивизме, беспомощно барахтается, пытается отличить умеренный и неумеренный релятивизм. Конечно, «неумеренный релятивизм логически, если не на практике, граничит с настоящим скептицизмом» (215), но у Пуанкаре, видите ли, нет этого «неумеренного» релятивизма. Подумаешь, можно аптекарски взвесить немножко больше — немножко меньше релятивизма, и тем поправить дело махизма! (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 249 — 252, изд. 3-е)

Ленинская критика идеализма и реакционности буржуазных естествоиспытателей

Использование философским идеализмом новой физики или идеалистические выводы из нее вызываются не тем, что открываются новые виды вещества и силы, материи и движения, а тем, что делается попытка мыслить движение без материи. Вот этой-то попытки не разберут по существу наши махисты. Посчитаться с утверждением Энгельса, что «движение *немыслимо* без материи», они не пожелаали. И. Дитцен еще в 1869 году, в своей «Сущности головной работы» высказывал ту же мысль, что и Энгельс, — правда, не без обычных своих путанных попыток «примирить» материализм с идеализмом. Оставим в стороне эти попытки, в значительной степени объясняемые тем, что Дитцен полемизирует с Бюхнеровским материализмом, чуждым диалектике, и посмотрим на собственные заявления Дитцена по интересующему нас вопросу. «Идеалисты хотят, — говорит Дитцен, — общего без особенного, духа без материи, силы без вещества, науки без опыта или без материала, абсолютного без относительного» («Das Wesen der menschlichen Kopfarbeit», 1903, S. 108¹). И так, стремление оторвать движение от материи, силу от вещества Дитцен связывает с идеализмом, ставит рядом с стремлением оторвать мысль от мозга. «Либах, — продолжает Дитцен, — любящий делать отступления от своей индуктивной науки в сторону философской спекуляции, говорит в смысле идеализма: силы нельзя видеть» (109). «Спиритуалист или идеалист *верит* в духовное, г. е. призрачное, необъяснимое существование силы» (110). «Противоположность между силой и веществом так же стара, как противоположность между идеализмом и материализмом» (111). «Разумеется, нет силы без вещества, нет вещества без силы. Вещество без силы и сила без вещества есть бессмыслица. Если идеалистические естествоиспытатели верят в нематериальное бытие сил, то в этом пункте они не естествоиспытатели, а... духовидцы» (114).

Мы видим отсюда, что сорок лет тому назад тоже встречались естествоиспытатели, готовые допустить мыслимость движения без материи и что Дитцен объявлял их «в этом пункте» духовидцами. В чем же состоит связь философского идеализма

¹ «Сущность головной работы человека», 1903, стр. 108. — *Ред.*

с отделением материи от движения, с устранением вещества от силы? Не «экономнее» ли в самом деле мыслить движение без материи?

Представим себе последовательного идеалиста, который стоит, положим, на той точке зрения, что весь мир есть мое ощущение или мое представление и т. д. (если взять «ничье» ощущение или представление, то от этого изменится только разновидность философского идеализма, но не изменится его сущность). Идеалист и не подумает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представленный, ощущенный. Вопрос о том, что движется, идеалист отвергнет и сочтет неслепым: происходит смена моих ощущений, исчезают и появляются представления и только. Вне меня ничего нет. «Движется» — и basta. Более «экономного» мышления нельзя себе представить. И никакими доказательствами, силлогизмами, определениями нельзя опровергнуть солипсизма, если он последовательно проводит свой взгляд.

Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за образ объективной реальности. Мир есть движение этой объективной реальности, отражаемой нашим сознанием. Движению представленный, воспрятый и т. д. соответствует движение материи вне меня. Понятие материи ничего иного, кроме объективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает. Поэтому оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т. е. перейти на сторону идеализма. Тот фокус, который проделывается обыкновенно с отрицанием материи с допущением движения без материи, состоит в том, что умалчивается об отношении материи к мысли. Дело представляется так, как будто бы этого отношения не было, а в действительности оно протаскивается тайком, остается невысказанным в начале рассуждения, но выплывает более или менее незаметным образом впоследствии.

Материя исчезла, — говорят нам, — желая делать отсюда гносеологические выводы. А мысль осталась? — спросим мы. Если нет, если с исчезновением материи исчезла и мысль, с исчезновением мозга и нервной системы исчезли и представления и ощущения, — тогда, значит, все исчезло, исчезло и ваше рассуждение, как один из образчиков какой ни на есть «мысли» (или недомыслия)! Если же — да, если при исчезновении материи предполагается не исчезнувшая мысль (представление, ощущение и т. д.), то вы значит, тайком перешли на точку зрения философского идеализма. Это именно и бывает всегда с людьми, из «экономики» желающими мыслить движение без материи, ибо *молчаливо*, просто тем самым, что они продолжают свое рассуждение, они признают существование мысли *после* исчезновения материи. А это значит, что очень простой или очень сложный философский идеализм берется за основу: очень простой, если дело сводится открыто к солипсизму (я существую, весь мир есть только мое ощущение); очень сложный, если вместо мысли, представления ощущения живого человека берется мертвая абстракция: ничья мысль, ничье представление, ничье ощущение, мысль вообще (абсолютная идея, универсальная воля и т. п.), ощущение, как неопределенный «элемент», «психическое», подставляемое под всю физическую природу и т. д. и т. п. Между разновидностями философского идеализма возможны при этом тысячи оттенков и всегда можно создать тысяча первый оттенок и автору такой тысяча первой системки (напр., эмпириомонизма) различие ее от остальных может казаться глупым. С точки зрения материализма эти различия совершенно несущественны. Существенен исходный пункт. Существенно то, что попытка мыслить движение без материи протаскивает мысль, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм.

Поэтому, напр., английский махист Карл Пирсон, наиболее ясный, последовательный, враждебный словесным уверткам махист, прямо начинает главу VII

своей книги, посвященную «материи», с параграфа, носящего характерное заглавие: «*Всё вещи движутся, — но только в понятии*» («All things move — but only in conception»). По отношению к области восприятий празничным является вопрос («it is idle to ask»), что движется и почему оно движется» (р. 243, «The Grammar of Science»).

Поэ. ому и у Богданова его философские заключения начались собственно раньше его знакомства с Махом, начались с тех пор, как он поверил крупному химику и мелкому философу Оствальду, будто можно мыслить движение без материи. На этом давно прошедшем эпизоде философского развития Богданова тем уместнее будет остановиться, что нельзя обойти «энергетики» Оствальда, говоря о связи философского идеализма с некоторыми течениями в новой физике.

«Мы уже говорили, — писал Богданов в 1899 году, — что XIX веку не удалось окончательно порешить с вопросом о неизменной сущности вещей. Сущность эта играет видную роль даже в мировоззрении наиболее передовых мыслителей века под именем «материи»... («Осн. эл. ист. взгля.», с. 38).

Мы говорили, что это — путаница. Признание объективной реальности внешнего мира, признание существования вне нашего сознания вечно движущейся и вечно изменяющейся материи смешивается здесь с признанием неизменной сущности вещей. Нельзя допустить, чтобы к числу «передовых мыслителей» Богданов не относил в 1899 г. Маркса и Энгельса. Но диалектического материализма он явно не понял.

«...В процессах природы все еще различают обыкновенно две стороны: *материю* и ее *движение*. Нельзя сказать, чтобы понятие «материи» отличалось большой ясностью. На вопрос, «что такое материя?» — нелегко дать удовлетворительный ответ. Определяют ее, как «причину ощущений» или как «постоянную возможность ощущений»; но очевидно, что материя тут смешана с движением...» (38).

Очевидно, что Богданов рассуждает неправильно. Мало того, что он смешивает материалистическое признание объективного источника ощущений (неясно формулирована в словах причина ощущений) с агностическим миллевским определением материи, как *постоянной возможности* ощущений. Основная ошибка тут та, что автор, вплотную подойдя к вопросу о существовании или несуществовании объективного источника ощущения, бросает на полпути этот вопрос и перескакивает к другому вопросу о существовании или несуществовании материи без движения. Идеалист может считать мир *движением* наших ощущений (хотя бы «организованных социально» и «гармонизованных» в высшей степени); материалист — движением объективного источника, объективной модели наших ощущений. Метафизический, т. е. антидиалектический, материалист может принимать существование материи (хотя бы временное, до «первого толчка» и т. п.) без движения. Диалектический материалист не только считает движение неразрывным свойством материи, но и отвергает упрощенный взгляд на движение и т. д.

«...Всего точнее, может быть, оказалось бы такое определение: «материя есть то, что движется»; но это настолько же бессодержательно, как если бы мы сказали: материя есть подлежащее предложения, сказуемое которого — «движется». Однако дело в том, пожалуй, и заключается, что люди в эпоху статички привыкли видеть в роли подлежащего непременно что-нибудь солидное, какой-нибудь «предмет», а такую неудобную для статического мышления вещь, как «движение», согласился терпеть лишь в качестве сказуемого, одного из атрибутов «материи» (38—39).

Это уже что-то вроде Акимовского обвинения искровцев в том, что у них в программе нет слова пролетариат в именительном падеже! Сказать ли: мир есть движущаяся материя или: мир есть материальное движение, от этого дело не изменяется.

«...Ведь должна же энергия иметь носителя!» — говорят сторонники материи. — «А почему? — резонно спрашивает Оствальд. — Разве природа обязана состоять из подлежащего и сказуемого?» (стр. 39).

Ответ Оствальда, столь понравившийся в 1899 году Богданову, есть простой софизм. Разве наши суждения, — можно бы ответить Оствальду, — обязаны состоять из электронов и эфира? На деле, мысленное устранение материи, как «подлежащего» из «природы», означает молчаливое допущение *мысли*, как «подлежащего» (т. е. как чего-то первичного, исходного, независимого от материи) в *философию*. Устраняется не подлежащее, а объективный источник ощущения, и «подлежащим» становится *ощущение*, т. е. философия становится берклеанской, как бы ни переряживали потом слово: ощущение. Оствальд пытался избежать этой неминуемой философской альтернативы (материализм или идеализм) посредством неопределенного употребления слова «энергия», но именно его попытка и показывает лишний раз тщетность подобных ухищрений. Если энергия есть движение, то вы только передвинули трудность с подлежащего на сказуемое, только переделали вопрос: материя ли движется? в вопрос: материальная ли энергия? Происходит ли превращение энергии вне моего сознания, независимо от человека и человечества, или это только идеи, символы, условные знаки и т. п.? На этом вопросе и сломала себе шею «энергетическая» философия, эта попытка «новой» терминологией замазать старые гносеологические ошибки.

Вот примеры того, как запутался энергетик Оствальд. В предисловии к своим «Лекциям о натурфилософии»¹ он заявляет, что считает «громдным выигрышем, если старое затруднение: как соединить понятия материя и дух — будет просто и естественно устранено подведением обоих этих понятий под поднятие энергии». Это не выигрыш, а проигрыш, ибо вопрос о том, вести ли гносеологическое исследование (Оствальд не ясно сознает, что он ставит именно гносеологический, а не химический вопрос!) в материалистическом или идеалистическом направлении, не решается, а запутывается произвольным употреблением слова «энергия». Конечно, если «подвести» под это понятие и материю и дух, тогда *словесное* уничтожение противоположности несомненно, но ведь нелепость учения о леших и домовых не исчезнет от того, что мы назовем его «энергетическим». На стр. 394 «Лекций» Оствальда читаем: «Что все внешние явления могут быть изображены, как процессы между энергиями, это обстоятельство проще всего объяснить тем, что именно процессы нашего сознания сами являющиеся энергетическими и таковое свое свойство передают (aufrtragen) всем внешним опытам». Это — чистый идеализм: не наша мысль отражает превращение энергии во внешнем мире, а внешний мир отражает «свойство» нашего сознания! Американский философ Хиббен очень метко говорит, указывая на это и другие подобные места лекций Оствальда, что Оствальд «появляется здесь в наряде кантианства»: объяснимость явлений внешнего мира выводится из свойства нашего ума²! «Очевидно, — говорит Хиббен, — что если мы первоначальное понятие энергии определим таким образом, чтобы оно включало и психические явления, то это уже не будет то простое понятие энергии, которое признается в научных кругах или даже самими энергетиками». Превращение энергии рассматривается естествознанием, как объективный процесс, независимый от сознания человека и от опыта человечества, т. е. рассматривается материалистически. И у самого Оствальда в массе случаев, даже вероятно в громадном большинстве случаев, под энергией разумеется *материальное* движение.

¹ Wilhelm Ostwald. «Vorlesungen über Naturphilosophie». 2. Aufl., Leipzig. 1902, S. VIII.

² J. Gr. Hibben. «The Theory of Energetics and its Philosophical Bearings». The Monist, vol. XIII, 1903, April, p. 329—330. (Хиббен, Дж. «Энергетическая теория и ее место в философии». «Монист», т. XIII, 1903, апрель. *Ред.*).

Поэтому и произошло такое оригинальное явление, что ученик Оствальда, Богданов, ставши учеником Маха, стал обвинять Оствальда не за то, что он не выдерживает последовательно материалистического взгляда на энергию, а за то, что он допускает (иногда даже кладет в основу) материалистический взгляд на энергию. Материалисты критикуют Оствальда за то, что он впадает в идеализм, за то, что он пытается примирить материализм с идеализмом. Богданов критикует Оствальда с *идеалистической* точки зрения: «...Враждебная атомизму, но в остальном очень родственная старому материализму «энергетика» Оствальда, — пишет Богданов в 1906 году, — привлекла самые горячие мои симпатии. Скоро я заметил, однако, важное противоречие его «натур-философии»: подчеркивая много раз *чисто-методологическое* значение понятия: «энергия», — он сам его в массе случаев не выдерживает. «Энергия» из чистого символа соотношений между фактами опыта у него то-и-дело превращается в *субстанцию* опыта, в «материю мира»... (Эмп., кн. III, с. XVI—XVII).

Энергия — чистый символ! Богданов может после этого сколько угодно спорить с «эмпиросимволистом» Юшкевичем, с «чистыми махистами», эмпириократиками и т. д., — с точки зрения материалистов это будет спор между человеком, верящим в желтого чорта, и человеком, верящим в зеленого чорта. Ибо важны не различия Богданова от других махистов, а то, что у них есть общего: *идеалистическое* толкование «опыта» и «энергии», отрицание объективной реальности, в приспособлении к которой состоит опыт человека, в снимке с которой состоит единственно научная «методология» и научная «энергетика».

«Материал мира для нее (энергетики Оствальда) безразличен; с ней вполне совместим и старый материализм, и панпсихизм» (XVII)... — т. е. философский идеализм? И Богданов пошел *от* путанной энергетики *не* по материалистической, а по *идеалистической* дорожке... «Когда «энергию» представляют, как субстанцию, то это есть не что иное, как старый материализм минус абсолютные атомы, — материализм с поправкой в смысле *непрерывности* существующего» (там же). Да, от «старого» материализма, т. е. метафизического материализма естественников, Богданов пошел не к *диалектическому* материализму, которого он в 1906 году так же не понимал, как и в 1899 г., а к идеализму и к фидеизму, ибо против «методологического» понятия энергии, против истолкования ее как «чистого символа соотношений между фактами опыта», ни один образованный представитель современного фидеизма, ни один имманент, ни один «неокритицист» и т. д. возражать не станет. Возьмите П. Каруса, с физиономией которого мы достаточно познакомились выше, — и вы увидите, что этот махист критикует Оствальда *совершенно по-богдановски*: «Материализм и энергетика, — пишет Карус, — принадлежат безусловно к одной и той же категории» («The Monist», vol. XVII, 1907, № 4, p. 536). «Нас очень мало просвещает материализм, когда он говорит нам, что все есть материя, что тела суть материя, и что мысль есть только функция материи, а энергетика проф. Оствальда ничуть не лучше, раз он говорит нам, что материя есть энергия, и что душа есть только фактор энергии» (533).

Энергетика Оствальда — хороший пример того, как быстро становится модной «новая» терминология и как быстро оказывается, что несколько измененный способ выражения ничуть не устраняет основных философских вопросов и основных философских направлений. В терминах «энергетики» так же можно выразить материализм и идеализм (более или менее последовательно, конечно), как и в терминах «опыта» и т. п. Энергетическая физика есть источник новых идеалистических попыток мысли без движения без материи — по случаю разложения считавшихся дотоле неразложимыми частиц материи и открытия дотоле невиданных форм материального движения. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, т. XIII, стр. 218 — 224, изд. 3-е.)

Партийность науки

Другой немецкий идеалист, гораздо более реакционного, чем Коген, отгёнка, Эдуард фон-Гартман, посвятил целую книгу «Мировоззрению новейшей физики» («Die Weltanschauung der modernen Physik», Lpz. 1902). Нам не интересуют, конечно, специальные рассуждения автора о той разновидности идеализма, которую он отстаивает. Нам важно только указать, что и этот идеалист констатирует те же явления, какие констатированы и Реем, и Уордом, и Когеном. «Современная физика выросла на реалистической почве, — говорит Э. Гартман, — и лишь новокантианское и агностическое течение нашей эпохи привели к тому, что конечные результаты физики стали истолковываться в идеалистическом смысле» (218). Три гносеологические системы, по мнению Э. Гартмана, лежат в основе новейшей физики: гилокинетика (от греческих слов *hulē* = материя и *kinesis* = движение, — т. е. признание физических явлений движением материи), энергетика и динамизм (т. е. признание силы без вещества). Понятно, что идеалист Гартман отстаивает «динамизм», выводит из этого, что законы природы суть мировая мысль, одним словом, «подставляет» психическое под физическую природу. Но он вынужден признать, что гилокинетика имеет на своей стороне больше всего физиков, что эта система «наиболее часто употребляется» (190), что серьезным недостатком ее являются «угрожающие чистой гилокинетике материализм и атеизм» (189). Энергетику автор рассматривает совершенно справедливо, как промежуточную систему, и называет ее агностицизмом (136). Конечно, она есть «союзник чистого динамизма, ибо устраняет вещество» (S. VI, p. 192), но ее агностицизм не нравится Гартману, как некоторая «англомания», противоречащая настоящему идеализму истинно-немецкого черносотенца.

Чрезвычайно поучительно видеть, как этот партийно-непримиримый идеалист (беспартийные люди в философии — такие же безнадежные тупицы, как и в политике) растолковывает физикам, что это собственно значит идти по той или иной гносеологической линии. «Самая незначительная часть тех физиков, которые проделывают эту моду, — пишет Гартман об идеалистическом истолковании последних итогов физики, — сознают полностью все значение и все последствия такого истолкования. Они не заметили, что физика со своими особыми законами лишь постольку сохраняла самостоятельное значение, поскольку физики держались вопреки своему идеализму за *реалистические* основные посылки, именно: существование вещей в себе, реальная изменяемость их во времени, реальная причинность... Только при этих реалистических предпосылках (трансцендентального значения причинности, времени, пространства с тремя измерениями), т. е. только при том условии, что природа, о законах которой говорят физики, совпадает с царством вещей в себе,.... можно говорить о законах природы в отличие от психологических законов. Только в том случае, если законы природы действуют в области, независимой от нашего мышления, могут они служить объяснением того, что логически необходимые выводы из наших образцов оказываются образами естественно-исторически-необходимых результатов того неизвестного, которое эти образы отражают или символизируют в нашем сознании» (218—219).

Гартман правильно чувствует, что идеализм новой физики — именно *мода*, а не серьезный философский поворот прочь от естественно-исторического материализма, и он правильно разъясняет поэтому физикам, что для превращения «моды» в последовательный, цельный, философский идеализм надо радикально переделать учение об объективной реальности времени, пространства, причинности и законов природы.

Нельзя только атомы, электроны, эфир считать простым символом, простой «рабочей гипотезой», — надо объявить «рабочей гипотезой» и время, и пространство, и законы природы, и весь внешний мир. Либо материализм, либо универсальная подста-

новка психического под всю физическую природу; смешивать два эти ремесла есть тьма охотников, но мы с Богдановым не из их числа. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 233—235, изд. 3-е.*)

Развитие физики подтверждает правильность марксистского разделения двух направлений в философии.

Через все сочинение А. Рей красной нитью проходит признание того факта, что за новую теорию физики «концептуалистов» (махистов) ухватился *фидеизм* (стр. 11, 17, 220, 362 и др.) и «*философский идеализм*» (200), скептицизм относительно прав разума и прав науки (210, 220), субъективизм (311) и т. д. И поэтому *центром* своей работы А. Рей берет совершенно правильно разбор «мнений физиков относительно объективной ценности физики» (3).

Каковы же результаты этого разбора?

Берем основное понятие, понятие опыта. Рей уверяет, что субъективистское толкование Маха (будем брать его для простоты и краткости за представителя той школы, которую Рей называет концептуалистской) — одно недоразумение. Правда, к числу «главных новых черт философии конца XIX века» принадлежит то, что «эмпиризм, все более тонкий, все более богатый оттенками, приводит к фидеизму, к признанию главенства веры, — эмпиризм, который некогда был великим оружием в борьбе скептицизма против утверждений метафизики. Не произошло ли это потому, что, в сущности, путем незаметных нюансов мало-по-малу извратили реальный смысл слова «опыт»? На самом деле, опыт, если взять его в его условиях существования, в той экспериментальной науке, которая определяет его и полирует, — опыт ведет нас к необходимости и к истине» (398). Несомненно, что весь махизм, в широком смысле этого слова, есть не что иное, как извращение путем незаметных нюансов реального смысла слова «опыт»! Но как же исправляет это извращение Рей, обвиняющий в извращении только фидеистов, а не самого Маха? Слушайте: «Опыт, по обычному определению, есть познание объекта. В физической науке это определение более уместно, чем где бы то ни было... Опыт есть то, над чем наш ум не властен, чего не могут изменить наши желания, наша воля, — то, что дано, чего мы не создаем. Опыт есть объект перед (en face du) субъектом» (314).

Вот вам образчик защиты махизма Реем! Как гениально прозорлив был Энгельс, характеризовавший новейший тип сторонников философского агностицизма и феноменализма кличкой: «стыдливые материалисты». Позитивист и ярый феноменалист, Рей — превосходный экземпляр этого типа. Если опыт есть «познание объекта», если «опыт есть объект перед субъектом», если опыт состоит в том, что «нечто внешнее (quelque chose du dehors) существует и существует необходимо» (se pose et en se posant s'impose, p. 324), — то это, очевидно, сводится к материализму! Феноменализм Рея, его усерднейшее подчеркивание, что нег ничего кроме ощущений, что объективное есть общезначимое и пр. и т. п., — это все фиговый листочек, пустое словесное прикрытие материализма, раз нам говорят:

«Объективно-то, что нам дано извне, навязано (imposé) опытом; то, чего мы не производим, что произведено независимо от нас и что в некоторой степени производит нас» (320). Рей защищает «концептуализм», уничтожая концептуализм! Опровержение идеалистических выводов из махизма достигается только тем, что махизм истолковывается в смысле стыдливого материализма. Признавши сам различие двух направлений в современной физике, Рей трудится в поте лица своего над тем, чтобы стереть все различия в пользу материалистического направления. Например, относительно школы неомеханизма Рей говорит, что она не допускает «ни малейшего сомнения, ни малейшей неуверенности» в вопросе об объективности физики (237):

«здесь (т. е. на почве учений этой школы) вы далеки от всех тех обходных путей, через которые вы были вынуждены пройти с точки зрения других теорий физики, чтобы прийти к утверждению этой объективности».

Вот эти-то «обходные пути» махизма и прикрывает Рей, набрасывает на них флер во всем своем изложении. Озорная черта материализма — именно та, что он *исходит* из объективности науки, из признания объективной реальности, отражаемой наукой, тогда как идеализм *нуждается* в «обходных путях», чтобы «вывести» объективность так или иначе из духа, сознания, из «психического». «Неомеханистская (т. е. господствующая) школа в физике, — пишет Рей, — *верит в реальность* физической теории в том же смысле, в каком человечество *верит в реальность* внешнего мира» (р. 234, § 22: тезис). Для этой школы «теория хочет быть снимком (le décalque) с объекта» (235).

Справедливо. И эта основная черта «неомеханистской» школы есть не что иное, как основа *материалистической* гносеологии. Никакие отречения Рея от материалистов, никакие уверения его, что неомеханисты тоже, в сущности, феноменалисты и т. п., не могут ослабить этого коренного факта. Суть различия неомеханистов (материалистов более или менее сглыблывых) и махистов в том и состоит, что последние *отступают* от такой теории познания и, отступая от нее, неизбежно *отступаются* в фидеизм.

Возьмите отношение Рея к учению Маха о причинности и необходимости природы. Только на первый взгляд, — уверяет Рей, — Мах «приближается к скептицизму» (76) и к «субъективизму» (76); эта «двузначность» (equivoque, р. 115) рассеивается, если взять учение Маха в целом. И Рей берет его в целом, приводит ряд цитат и из «Учения о теплоте» и из «Анализа ощущений», специально останавливается на главе о причинности в первом из названных сочинений, — но... *но остерегается* привести решающее место, заявление Маха, что физической необходимости нет, а есть только логическая! На это можно только сказать, что это не истолкование, а подкрашивание Маха, что это — стирание различий между «неомеханизмом» и махизмом. Вывод Рея: «Мах продолжает анализ и принимает заключения Юма, Милля и всех феноменалистов, по взгляду которых причинность не имеет в себе ничего *субстанционального* и является только привычкой мышления. Мах принимает основную тезу феноменализма, по отношению к которой учение о причинности есть простое следствие, именно: что не существует ничего, кроме ощущений. Но Мах добавляет в чисто объективистском направлении: наука, исследуя ощущения, находит в них постоянные и общие элементы, которые, будучи абстрагированы из ощущений, имеют ту же реальность, как и они, ибо они почерпнуты из ощущений посредством чувственного наблюдения. И эти постоянные и общие элементы, как то: энергия и ее превращения, представляют из себя основу систематизации физики» (117).

Выходит, что Мах принимает субъективную теорию причинности Юма и толкует ее в объективистском смысле! Рей увертывается, защищая Маха ссылками на его непоследовательность и подводя к тому, что в «реальном» толковании опыта этот опыт ведет к «необходимости». А опыт есть то, что дано извне, и если необходимость природы, законы ее тоже извне даны человеку, из объективно-реальной природы, — тогда, разумеется, всякая разница между махизмом и материализмом исчезает. Рей защищает махизм от «неомеханизма» тем, что по всей линии капитулирует перед последним, отставляя словечко феноменализм, а не суть этого направления.

Пуанкаре, например, вполне в духе Маха выводит законы природы — вплоть до того, что пространство имеет три измерения, — из «удобства». Но это вовсе не означает: «произвольный», спешит «поправить» Рей. Нет, «удобный» выражает здесь «*приспособление к объекту*» (курсив Рея, с. 196). Нечего сказать, великолепное разграничение двух школ и «опровержение» материализма... «Если теория Пуанкаре отделяется логически непреходимой пропастью от онтологического истолкования меха-

нистской школы» (т. е. от признания этой школы, что теория есть снимок с объекта)... «если теория Пуанкаре способна служить опорой для философского идеализма, то, по крайней мере, на почве науки она согласуется очень хорошо с общим развитием идей классической физики, с тенденцией рассматривать физику, как объективное знание, столь же объективное, как и опыт, т. е. как ощущение, из которых опыт исходит» (200).

С одной стороны, нельзя не сознаваться; с другой стороны, надо признаться. С одной стороны, непреходимая пропасть отделяет Пуанкаре от неомеханизма, хотя Пуанкаре стоит *посредине* между «концептуализмом» Маха и неомеханизмом, а Мах будто бы вовсе не отделен никакой пропастью от неомеханизма. С другой стороны, Пуанкаре вполне согласим с классической физикой, всецело, по словам самого Рей, стоящей на точке зрения «механизма». С одной стороны, теория Пуанкаре способна служить опорой философского идеализма, с другой стороны, она совместима с объективным толкованием слова опыт. С одной стороны, эти дурные фидеисты извратили смысл слова опыт путем незаметных уклонов, отступая от правильного взгляда, что «опыт есть объект»; с другой стороны, объективность опыта значит только, что опыт есть ощущение, — с чем вполне согласен и Беркли, и Фихте!

Рей запутался потому, что поставил себе неразрешимую задачу: «примирить» противоположность материалистической и идеалистической школы в новой физике. Он пытается ослабить материализм неомеханистской школы, подводя под феноменализм взгляды физиков, считающих свою теорию снимком с объекта¹. И он пытается ослабить идеализм концептуалистской школы, отсекая самые решительные заявления ее сторонников и толкуя остальные в смысле стыдливого материализма. До какой степени фактивно при этом, вымученно отречение Рей от материализма, показывает, например, его оценка теоретического значения дифференциальных уравнений Максвелла и Герца. Для махистов то обстоятельство, что эти физики ограничивают свою теорию системой уравнений, есть опровержение материализма: уравнения — и все тут, никакой материи, никакой объективной реальности, одни символы. Больцман опровергает этот взгляд, понимая, что он опровергает феноменологическую физику. Рей опровергает его, думая защищать феноменализм! Нельзя отказываться, — говорит он, — от причисления Максвелла и Герца к «механистам» на том основании, что они ограничились уравнениями, подобными дифференциальным уравнениям в динамике Лагранжа. Это не значит, что, по мнению Максвелла и Герца, мы не сможем построить механическую теорию электричества на реальных элементах. Напро-

¹ «Примиритель» А. Рей не только набросил флер на постановку вопроса философским материализмом, но обошел также и наиболее ярко выраженные материалистические заявления французских физиков. Он не упомянул, например, об Альфреде Корню (А. Cornu), умершем в 1902 году. Этот физик встретил остальдовское «разрушение (или преодоление *Ueberwindung*)» научного материализма» презрительным замечанием о претенциозном фельетонном трактовании вопроса (см. «Revue générale des sciences» 1895 г., p. 1030—1). («Всеобщее Научное Обозрение» 1895, стр. 1030—1. — *Ред.*). На Международном конгрессе физиков в Париже в 1900 году А. Корню сказал: «... Чем больше мы познаем явления природы, тем больше развивается и точнее становится смелое картезианское воззрение на механизм мира: в физическом мире нет ничего, кроме материи и движения. Проблема единства физических сил... снова выдвигается на первый план после великих открытий, ознаменовавших конец XIX века. Главное внимание наших современных вождей науки — Фарадея, Максвелла, Герца (если говорить только об умерших уже знаменитых физиках) — устремлено на то, чтобы точнее определить природу и отгадать свойство *невесомой материи* (*matière Subtile*) носителя мировой энергии... Возвращение к картезианским идеям очевидно... («Rapports présentés au Congrès International de Physique», P. 1900, t. 4-me, p. 7). («Доклады, читанные на международном съезде по физике». Париж 1900, т. IV, с. 7. — *Ред.*) Люсьен Пуанкаре в своей книге о «Современной физике» справедливо отмечает, что эта картезианская идея была воспринята и развита энциклопедистами XVIII века (Lucien Poincaré «La physique moderne», P. 1906, p. 14), но ни этот физик, ни А. Корню не знают о том, как диалектические материалисты Маркс и Энгельс очистили эту основную посылку материализма от односторонностей *механического* материализма.

тив, возможность этого доказывалась тем фактом, что электрические явления представляет теория, форма которой тождественна с общей формой классической механики» (253)... Неопределенность в теперешнем решении проблемы «будет уменьшаться по мере того, как точнее будет вырисовываться *природа* тех количественных единиц, т. е. элементов, которые входят в уравнения». Неисследованность тех или иных форм материального движения не является для Рея поводом к отрицанию материальности движения. «Однородность материи» (362), — не как постулат, а как результат опыта и развития науки, «однородность объекта физики», — вот что является условием применимости измерений и математических вычислений.

Вот оценка Реем критерия практики в теории познания: «В противоположность посылкам скептицизма мы имеем право сказать, что практическая ценность вытекает из ее теоретической ценности» (368)... О том, что эти посылки скептицизма совершенно недвусмысленно приняты Махом, Пуанкаре и всей их школой, Рей предпочитает умолчать... «И та и другая ценность суть две неразрывные и строго параллельные стороны ее объективной ценности. Сказать, что данный закон природы имеет практическую ценность,... сводится, в сущности, к тому, чтобы сказать, что этот закон природы имеет объективное значение... Воздействию на объект предполагает изменение объекта, реакцию объекта, соответствующую нашим ожиданиям или предвидениям, на основании которых мы это воздействие предприняли. Следовательно, эти ожидания или эти предвидения содержат в себе элементы, *контролируемые* объектом и нашим действием... В этих различных теориях есть, значит, часть объективного» (368). Это вполне материалистическая и только материалистическая теория познания, ибо другие точки зрения и махизм в особенности отрицают объективное, т. е. не зависящее от человека и человечества значение критерия практики.

Итог: Рей подошел к вопросу совсем не с той стороны, как Уорд, Коген и Ко, но результаты и у него получились те же, — признание материалистической и идеалистической тенденции, как основы разделения двух главных школ в современной физике. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, т. XIII, 240—245, изд. 3-е.)

Махизм является разновидностью идеализма

Мы видели, что вопрос о гносеологических выводах из новейшей физики поднят и с самых различных точек зрения обсуждается и в английской, и в немецкой, и в французской литературе. Не может подлежать никакому сомнению, что перед нами некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, лежащих вне философии. Вышеприведенный обзор данных показывает несомненно, что махизм «связан» с новой физикой, — и в то же время показывает в корне *неправильное* представление об этой связи, распространяемое нашими махистами. Как в философии, так и в физике махисты рабски плетутся за *модой*, не умея с своей, марксистской, точки зрения дать общий обзор известных течений и оценить их место.

Двойкая фальшь проникает собой все разглагольствование на тему о том, что философия Маха есть «философия естествознания XX века», «новейшая философия естественных наук», «новейший естественно-научный позитивизм» и т. п. (Богданов в предисл. к «Анализу ощущений», с. IV, XII; ср. то же самое у Юшковича, Валентинова и Ко). Во-первых, махизм связан идейно только с *одной* школой в *одной* отрасли современного естествознания. Во-вторых, и *это главное*, с этой школой связано в махизме не то, что отличает его от всех других направлений и систем идеалистической философии, а то, что *обще* ему со всем философским идеализмом вообще. Достаточно бросить взгляд на все рассматриваемое идейное течение в целом, чтобы не могло остаться и тени сомнения в правильности этого положения. Возьмите физиков этой школы: немца Маха, француза Анри Пуанкаре, бельгийца П. Дюгема,

англичанина К. Пирсона. Общего между ними много, у них одна основа и одно направление, как признает совершенно справедливо каждый из них, но в это общее не входит ни учение эмпириокритицизма вообще, ни учение Маха хотя бы об «элементах мира» в частности. Ни того ни другого учения трое последних физиков даже и не знают. Общего между ними «только» одно: философский идеализм, к которому они все без исключения *клоняют* более или менее сознательно, более или менее решительно. Возьмите философов, которые опираются на *эту школу* новой физики, стараются гносеологически обосновать и развить ее, и вы увидите тут опять-таки немецких имманентов, учеников Маха, французских неокритицистов и идеалистов, английских спиритуалистов, русского Лопаткина, плюс единственный эмпириомонист А. Богданов. Общего между всеми ими только одно, именно то, что они все более или менее сознательно, более или менее решительно, с крутым ли и торопливым уклоном в сторону фидеизма или с личным отвращением к нему (А. Богданов), проводят философский идеализм.

Основная идея рассматриваемой школы новой физики — отрицание объективной реальности, данной нам в ощущении и отражаемой нашими теориями, или сомнение в существовании такой реальности. Здесь отходит эта школа от господствующего, *по общему признанию*, среди физиков *материализма* (не точно именуемого реализмом, неомеханизмом, гилюкинетикой и не развиваемого самими физиками сколько-нибудь сознательно), — отходит как школа «физического» идеализма.

Чтобы объяснить этот последний термин, который звучит очень странно, необходимо напомнить один эпизод из истории новейшей философии и новейшего естествознания. В 1866 г. Л. Фейербах обрушился на Иоганна Мюллера, знаменитого основателя новейшей физиологии, и причислил его к «физиологическим идеалистам» (Werke, X, S. 197). Идеализм этого физиолога состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывая, например, что ощущение света получается при различного рода воздействии на глаз, — он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения суть образы объективной реальности. Эту тенденцию одной школы естествоиспытателей к «физиологическому идеализму», т. е. к идеалистическому толкованию известных результатов физиологии, Л. Фейербах схватил чрезвычайно метко. «Связь» физиологии с философским идеализмом, преимущественно кантианского толка, долгое время потом эксплуатировалась реакционной философией. Ф. А. Ланге козырял физиологией в пользу кантианского идеализма и в опровержение материализма, а из имманентов (которых А. Богданов так неправильно отнес к средней между Махом и Кантом линии) И. Ремке специально ополчился в 1882 году против мнимого подтверждения физиологией кантианства¹. Что ряд крупных физиологов *гнул* в те времена к идеализму и кантианству, это так же бесспорно, как бесспорно и то, что ряд крупных физиков *гнет* в наше время к философскому идеализму. «Физический» идеализм, т. е. идеализм известной школы физиков в конце XIX и в начале XX века, так же мало «опровергает» материализм, так же мало доказывает связь идеализма (или эмпириокритицизма) с естествознанием, как мало доказательны были соответствующие потуги Ф. А. Ланге и «физиологических» идеалистов. Уклон в сторону реакционной философии, обнаружившийся и в том и в другом случае у одной школы естествоиспытателей в одной отрасли естествознания, есть временный зигзаг, переходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная больше всего *крутой ломкой* старых установившихся понятий. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 247—249, изд. 3-е.)

¹ Johannes Rehmke, Philosophie und Kantianismus, Eisenach 1882, S. 15 и след. (Ремке, И., «Философия и кантианство». Эйзенах, 1882, стр. 15. — Ред.).

Характеристика философской борьбы по поводу выводов из новой физики

Чтобы показать конкретно ту философскую борьбу, которая разгорелась в современной литературе по поводу тех или иных выводов из новой физики, мы представим слово непосредственным участникам «боя» и начнем с англичан. Физик Артур У. Риккер отстаивает одно направление — с точки зрения естествоиспытателя; философ Джеймс Уорд другое, — с точки зрения гносеологии.

На съезде английских естествоиспытателей в Глазго в 1901 году президент физической секции А. У. Риккер выбрал темой своей речи вопрос о ценности физической теории, о тех сомнениях, которым подвергнуто было существование атомов и эфира в особенности. Оратор сослался на подымавших этот вопрос физиков Пуанкаре и Пойнтинга (английский единомышленник символистов или махистов), на философа Уорда, на известную книгу Э. Геккеля и попытался дать изложение своих взглядов¹.

«Спорный вопрос состоит в том, — сказал Риккер, — должны ли те гипотезы, которые лежат в основе наиболее распространенных научных теорий, быть рассматриваемы, как точное описание строения мира, окружающего нас, или только как удобные фикции». (В терминах нашего спора с Богдановым, Юшкевичем и К^о: копия ли с объективной реальности, с движущейся материи, или только «методология», «чистый символ», «формы организации опыта?»). Риккер соглашается, что практически разницы между обеими теориями может не оказаться: направление реки может, пожалуй, определить и тот, кто только рассматривает синюю полосу на карте или диаграмме, как и тот, кто знает, что эта полоска изображает действительно реку. Теория, с точки зрения удобной фикции, будет «облегчением памяти», «внесением порядка» в наши наблюдения, согласованием их с некоторой искусственной системой, «урегулированием нашего знания», сводкой его в уравнения и т. д. Можно, например, ограничиться тем, что теплота есть форма движения или энергии, «заменяя таким образом живую картину движущихся атомов бледным (colourless) заявлением о тепловой энергии, реальную природу которой мы не пытаемся определить». Вполне признавая возможность крупных научных успехов на этом пути, Риккер «осмеливается утверждать, что такую систему тактики нельзя рассматривать как последнее слово науки в борьбе за истину». Вопрос остается в своей силе: «можем ли мы заключить от явлений, обнаруживаемых материей, к строению самой материи? имеем ли основания полагать, что очерк теории, который наука уже дала, является до некоторой степени копией, а не простой диаграммой истины?»

Разбирая вопрос о строении материи, Риккер берет для примера воздух, говорит с тем, что воздух состоит из газов и что наука разлагает «всякий элементарный газ на смесь атомов и эфира». Вот здесь, — продолжает он, — нам кричат: «Стоп!» Молекул и атомов нельзя видеть; они могут быть пригодны, как «простые понятия» (mere conceptions), «но их нельзя рассматривать, как реальности». Риккер устраняет это возражение ссылкой на один из бесчисленной массы случаев в развитии наук: кольца Сатурна кажутся в телескоп сплошной массой. Математики доказали вычислением, что это невозможно, и спектральный анализ подтвердил заключения, сделанные на основании вычислений. Другое возражение: атомам и эфиру приписывают такие свойства, которых наши чувства не показывают нам в обыкновенной материи. Риккер устраняет и его, ссылаясь на такие примеры, как диффузия газов и жидкостей и т. д. Ряд фактов, наблюдений и опытов доказывает, что материя со-

¹ The British Association at Glasgow. 1901. Presidential Address by Prof. Arthur W. Rucker in The Scientific American Supplement, 1901, № 1345 и 1346. (Съезд Британской ассоциации в Глазго. 1901. Председательская речь проф. А. У. Риккера, «Американское научное приложение». 1901, № 1345 и 1346. — *Ред.*)

стоит из отдельных частиц или зерен. Вопрос о том, отличаются ли эти частицы, атомы от «первоначальной среды», «основной среды», окружающей их (эфира), или они суть части этой среды, находящиеся в особом состоянии, остается пока открытым, не затрагивая самой теории существования атомов. Отрицать априори, против указания опыта, существование «квази-материальных субстанций», отличных от обыкновенной материи (атомов и эфира), нет оснований. Ошибки в частностях тут неизбежны, но вся совокупность научных данных не оставляет места для сомнения в существовании атомов и молекул.

Риккер указывает затем на новые данные о строении атомов из корпускул (теплот, электронов), заряженных отрицательным электричеством, и отмечает сходство результатов различных опытов и вычислений, касающихся величины молекул: «первое приближение» дает диаметр около 100 миллимикрон (миллионных частей миллиметра). Минутя частные замечания Риккера и его критику неовитализма, приводим его выводы:

«Те, кто принижает значение идей, руководивших до сих пор прогрессом научной теории, слишком часто принимают, что нет иного выбора, кроме двух противоположных утверждений: или что атом и эфир суть простые фикции научного воображения, или что механическая теория атомов и эфира — теперь она не завершена, но если бы она могла быть завершена — дает нам полное и идеально точное представление о реальностях. По-моему, есть средний путь». Человек в темной комнате может крайне неясно различать предметы, но если он не натывается на мебель и не идет в зеркало, как в дверь, то, значит, он видит кое-что правильно. Нам не нужно поэтому ни отказываться от претензий проникнуть глубже, чем поверхность природы, ни претендовать на то, что мы уже сорвали все покровы тайны с окружающего нас мира. «Можно согласиться, что мы не составили еще себе вполне цельной картины ни о природе атомов, ни о природе эфира, в котором они существуют; но я пытался показать, что, несмотря на приблизительный (tentative, буквально: шупающий) характер некоторых наших теорий, несмотря на многие частные затруднения, теория атомов... в главных основах верна; что атомы — не только вспомогательные понятия (aids) для математиков (puzzled mathematicians), а физические реальности».

Так закончил свою речь Риккер. Читатель видит, что гносеологией оратор не занимался, но по существу дела от имени, несомненно, массы естествоиспытателей он отстаивал стихийно материалистическую точку зрения. Суть его позиции: теория физики есть снимок (все более и более точный) с объективной реальности. Мир есть движущаяся материя, которую мы познаем все глубже. Неточности философии Риккера вытекают из необязательной защиты «механической» (почему не электромагнитной?) теории движений эфира и из непонимания соотношения относительной и абсолютной истины. Недостает этому физiku только знания *диалектического* материализма (если не считать, конечно, тех очень важных житейских соображений, которые заставляют английских профессоров называть себя «агностиками»).

Посмотрим теперь, как критиковал эту философию спиритуалист Джеймс Уорд. «...Натурализм не наука, — писал он, — и механическая теория природы, служащая основанием ему, тоже не наука... Но хотя натурализм и естествознание, механическая теория мира и механика, как наука, логически различные вещи, по на первый взгляд они очень похожи друг на друга и исторически тесно связаны. Нет опасности, что смешают естествознание и философию идеалистического или спиритуалистического направления, ибо такая философия необходимо включает критику гносеологических предпосылок, которые наука делает бессознательно»...¹ Правда! Естествознание *бессознательно* принимает, что его учение отражает объективную

¹ James Ward, «Naturalism and Agnosticism, vol. I, 1906, p. 303. (Уорд Джем., Натурализм и агностицизм, т. I, 1906, с. 303. — Ред.)

реальность, и *только* такая философия примирима с естествознанием! «...Иначе обстоит дело с натурализмом, который так же невинен по части теории познания, как и сама наука. В самом деле, натурализм, подобно материализму, есть просто физика, трактуемая, как метафизика... Натурализм менее догматичен, чем материализм, несомненно, ибо он делает агностические оговорки относительно пределов последней реальности; но он настаивает решительно на первенстве материальной стороны этого Непознаваемого...» (303).

Материалист трактует физику, как метафизику. Знакомый довод! Метафизикой называется признание объективной реальности вне человека: спиритуалисты (ходят-ся с кантианцами и юмистами в таких попреках материализму. Оно и понятно: не устранив *объективной* реальности всем и каждому известных вещей, тел, предметов, нельзя расчистить дороги для «реальных понятий» в духе Ремке!..

«...Когда возникает вопрос, по существу всемоу философский, как лучше систематизировать опыт в целом» (плагиат у Богданова, г. Уорд!), «то натуралист... утверждает, что мы должны начать с физической стороны. Только эти факты точны, определены и строго связаны; всякую мысль, волновавшую сердце человека... можно, говорят нам, свести к совершенно точному перераспределению материи и движения» (303—304). «Что утверждения такого философского значения и такой ширины суть законные выводы из физической науки» (т. е. естествознания), «этого не решаются утверждать прямо современные физики. Но многие из них считают подрывающими значение науки тех, кто стремится вскрыть тайную метафизику, разоблачить физический реализм, на котором покоится механическая теория мира...» (304). Так-де взглянул на мою философию и Риккер. «... На самом же деле, моя критика» (этой «метафизики», ненавистной и всем махистам) «основывается всецело на выводах школы физиков, если можно так назвать ее, все растущей в числе и расширяющей свое влияние, школы, которая отвергает этот почти средневековый реализм... Этот реализм так долго не встречал возражений, что восстание против него приравнивают к провозглашению научной анархии. А между тем было бы поистине экстравагантно поговаривать таких людей, как Кирхгоф и Пуанкаре — назову только два крупных имени из многих, — в том, что они хотят «подорвать значение науки»... «Чтобы отделить их от старой школы, которую мы вправе назвать физическими реалистами, мы можем назвать новую школу физическими символистами. Термин этот не совсем удачен, но он, по крайней мере, подчеркивает одно существенное различие между обеими школами, интересующее нас специально в данное время. Спорный вопрос очень прост. Обе школы исходят, само собою разумеется, из того же чувственного (perceptual) опыта; обе употребляют абстрактные системы понятий, различающиеся в частности, но одинаковые по существу; обе прибегают к тем же приемам проверки теорий. Но одна полагает, что она приближается все больше и больше к последней реальности и оставляет позади все больше кажيمостей. Другая полагает, что она подставляет (is substituting) обобщенные описательные схемы, пригодные для интеллектуальных операций, под сложные конкретные факты... Ни с той, ни с другой стороны не затрагивается ценность физики, как систематического знания о (курсив Уорда) вещах; возможность дальнейшего развития физики и ее практических применений одинакова и в том, и в другом случае. Но философская (speculative) разница между обеими школами громадна, и в этом отношении вопрос о том, которая из них права, приобретает важность»... (304—305).

Постановка вопроса откровенным и последовательным спиритуалистом замечательно верна и ясна. Действительно, различие обеих школ в современной физике *только* философское, *только* гносеологическое. Действительно, основная разница состоит *только* в том, что одна признает «последнюю» (надо было сказать: объективную) реальность, отражаемую нашей теорией, а другая это отрицает, считая теорию

только систематизацией опыта, системой эмпириосимволов и т. д. и т. п. Новая физика, найдя новые виды материи и новые формы ее движения, поставила по случаю ломки старых физических понятий старые философские вопросы. И если люди «средних» философских направлений («позитивисты», юмисты, махисты) не умеют отчетливо поставить спорного вопроса, то открытый идеалист Уорд сбросил все покрывала.

«...Риккер посвятил свой президентский адрес защите физического реализма против символической интерпретации, защищавшейся в последнее время профессорами Пуанкаре, Пойнтингом и мной» (р. 305—306; в других местах своей книги Уорд добавляет к этому списку Дюгема, Пирсона и Маха, см. II vol., р. 161, 63, 57, 75, 83 и др.).

«...Риккер постоянно говорит о «мысленных образах» и в то же время постоянно заявляет, что атом и эфир суть нечто большее, чем мысленные образы. Такой прием рассуждения на деле сводится к следующему: в таком-то случае я не могу составить иного образа, и поэтому реальность должна быть похожа на него... Профессор Риккер признает абстрактную возможность иного мысленного образа... Он допускает даже «приблизительный» (tentative) характер некоторых наших теорий и многие «частные трудности». В конце концов он защищает только рабочую гипотезу (a working hypothesis), и притом такую, которая в значительной степени потеряла свой престиж за последнюю половину столетия. Но если атомическая и другие теории строения материи суть только рабочие гипотезы, и притом гипотезы, строго ограниченные физическими явлениями, то нельзя ничем оправдать теорию, утверждающую, что механизм есть основа всего и что он сводит факты жизни и духа к эпифеноменам, то есть делает их, так сказать, на одну степень более феноменальными, на одну степень менее реальными, чем материя и движение. Такова механическая теория мира, и если профессор Риккер прямо не станет поддерживать ее, то нам с ним не о чем спорить» (р. 314—315).

Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал «меньшую» реальность сознания или обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как *движущейся материи*. Но поистине фокуснически, много лучше наших махистов (т. е. путанных идеалистов) — прямой и открытый идеалист Уорд ловит слабые места «стихийного» естественно-исторического материализма, например, неумение разяснить соотношение относительной и абсолютной истины. Уорд кувыркается и объявляет, что раз истина относительна, приближительна, только «нащупывает» суть дела, — значит, она не может отражать реальности! Чрезвычайно верно зато поставлен спиритуалистом вопрос об атомах и пр., как «рабочей гипотезе». Большего, чем объявления понятий естествознания «рабочими гипотезами», современный, культурный фидеизм (Уорд прямо выводит его из своего спиритуализма) не думает и требовать. Мы вам отгадим науку, гг. естествоиспытатели, отдайте нам гносеологию, философию, — таково условие сожительства теологов и профессоров в «передовых» капиталистических странах. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 224—229, изд. 3-е.)

Махизм связан с реакционным меньшинством физиков

...Надо принять во внимание несомненную связь махизма с одной школой в одной отрасли новейшего естествознания. На стороне материализма неизменно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей как вообще, так и в данной специальной отрасли, именно: в физике. Меньшинство новых физиков, под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму. Модный физический идеа-

лизм наших дней такое же реакционное и такое же кратковременное увлечение, как модный физиологический идеализм недавнего прошлого. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 291, изд. 3-е.)

Современная физика стихийно идет к диалектическому материализму

Одним словом, сегодняшний «физический» идеализм точно так же, как вчерашний «физиологический» идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму¹. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, она дает неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помойные для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпиросимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. п. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 255—256, изд. 3-е.)

III. Значение диалектического материализма для естествознания

Необходимость материалистической диалектики для естествознания

Революция 1848 года оставила в Германии почти все на месте, за исключением философии, где произошел полный переворот. Нация, охваченная духом практицизма, который, с одной стороны, дал толчок крупной промышленности и спекуляции, а с другой — вызвал мощный подъем естествознания в Германии, отдавшись под руко-

¹ Знаменитый химик Уильям Рамсэй говорит: «Меня часто спрашивали: разве электричество не есть вибрация? как же можно объяснить беспроводный телеграф передвижением маленьких частиц или телец (корпускул)? — Ответ на это состоит в следующем: электричество есть *сила*, оно *есть* (курсив Рамсэя) эти маленькие тельца, но когда эти тельца отлетают от какого-либо объекта, то по эфиру распространяется волна, подобная волне световой, и эта волна утилизируется для беспроводного телеграфа» (William Ramsay, «Essays, Biographical and Chemical». Lond. 1908, p. 126). (Рамсэй В.. Очерки биографические и химические, Лондон 1908, стр. 126.— *Ред.*) Рассказав о превращении радия в гелий, Рамсэй замечает: «По крайней мере один так называемый элемент не может уже теперь быть рассматриваем как последняя материя; сам он превращается в более простую форму материи» (p. 160). «Почти несомненно, что отрицательное электричество есть особая форма материи; а положительное электричество есть материя, лишенная отрицательного электричества, т. е. есть материя *миллус эта* электрическая материя» (176). «Что такое электричество? Прежде думали, что есть два рода электричества: положительное и отрицательное. В те времена нельзя было ответить на поставленный вопрос. Но новейшие исследования делают вероятным, что то, что привыкли называть отрицательным электричеством, есть на самом деле (really) субстанция. В самом деле относительный вес его частиц измерен; эта частица равняется, приблизительно, одной семисотой доле массы атома водорода... Атомы электричества называются электронами» (196). Если бы наши махисты, пишущие книги и статьи на философские темы, умели думать, то они поняли бы, что выражение «материя исчезает», «материя сподается к электричеству» и т. п. есть лишь гносеологически беспомощное выражение той истины, что удастся открыть новые формы материи, новые формы материального движения, свести старые формы к этим новым и т. д.

водство странствующих проповедников материализма Фохта, Бюхнера и т. д., решительно отвернулась от затерявшейся в песках берлинского старогегельянства классической немецкой философии. Берлинское старогегельянство вполне это заслужило. Но нация, желающая стоять на высоте науки, не может обойтись без теоретического мышления. Вместе с гегельянством выбросили за борт и диалектику как раз в тот самый момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли, т. е. тогда, когда только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из затруднений; благодаря этому естествоиспытатели снова оказались беспомощными жертвами старой метафизики. Среди публики стали с тех пор иметь успех, с одной стороны, приророченные к духовному уровню филистера плоские размышления <какого-нибудь> Шопенгауера, впоследствии даже Гартмана, а с другой — вульгарный, в стиле странствующих проповедников, материализм разных Фохтов и Бюхнеров. В университетах конкурировали между собой различнейшие сорта эклектизма, имевшие общим лишь то, что они состояли из одних лишь отбросов старых философских систем и были все одинаково метафизичны. Остатки классической философии сохранились только в виде неокантианства, последним словом которого была вечно непознаваемая вещь в себе, т. е. та часть кантовского учения, которая меньше всего заслуживала сохранения. Конечным результатом были господствующая теперь путаница и бессвязность теоретического мышления.

Нельзя теперь взять в руки почти ни одной теоретической книги по естествознанию, чтобы не убедиться, что сами естествоиспытатели понимают, как они страдают от этой путаницы и бессвязности, из которой им не дает абсолютно никакого выхода модная, с позволения сказать, философия. И здесь нет действительно иного выхода, нет никакой возможности добиться ясности без возврата в той или иной форме от метафизического мышления к диалектическому.

Этот возврат может совершиться различным образом. Он может прорваться стихийно, благодаря просто силе самих естественно-научных открытий, не уместающихся больше в старом метафизическом прокрустовом ложе. Но это тяжелый и мучительный процесс, при котором приходится преодолевать колоссальную массу излишних трений. Процесс этот по большей части уже происходит, в особенности в биологии. Но он может быть значительно сокращен, если теоретизирующие естествоиспытатели захотят познакомиться основательнее с диалектической философией в ее исторически данных формах. Среди этих форм особенно плодотворными для современного естествознания могут стать две.

Первая, это — греческая философия. Здесь диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте; не нарушаемой теми мнимыми препятствиями, которые сочинила себе сама метафизика XVII и XVIII столетий — Вакон и Локк в Англии, Лейбниц в Германии — и которыми она заградила себе путь от понимания единичного к пониманию целого, к пронизыванию во всеобщую связь сущего. Так как греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы, то она у них рассматривается еще как целое, в общем и целом. Всеобщая связь явлений в мире не доказывалась в подробностях: <на ней инстинктивно основано греческое воззрение> для греков она является результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, благодаря которому она должна была впоследствии уступить место другим видам мировоззрения. Но в этом же заключается ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то греки правы по отношению к метафизике в целом. Это одна из причин, в силу которых мы вынуждены будем в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему такое место в истории развития человечества, на которое не может претендовать ни один

другой народ. Другой же причиной является то, что в многообразных формах греческой фило-офии имеются в зародыше, в возникновении, почти все позднейшие типы мировоззрения. Поэтому и теоретическое естествознание, если оно хочет познакомиться с историей возникновения и развития своих современных общих теорий, должно возвратиться к грекам. Понимание этого все более и более распространяется. Все реже становятся те естествоиспытатели, которые, сами оперируя отбросами греческой философии — например, атомистики — как вечными истинами, смотрят по-баконовски свысока на греков на том основании, что у последних не было эмпирического естествознания < в современном смысле >. Было бы только желательно, чтобы это понимание углубилось и привело к действительному ознакомлению с греческой философией.

Второй формой диалектики, особенно близкой немецким естествоиспытателям, является классическая немецкая философия от Канта до Гегеля. Здесь лед уже как будто тронулся, ибо, даже помимо упомянутого уже неокантизма, становится снова модой возвращаться к Канту. С тех пор как открыли, что Кант является творцом двух ген-альных гипотез, без которых не может обойтись современное теоретическое естествознание, — именно приписывавшейся прежде Лапласу теории возникновения солнечной системы и теории замедления вращения земли благодаря приливам, — с тех пор Кант снова оказался в почете у естествоиспытателей. Но изучать диалектику у Канта было бы без нужды утомительной и неблагоприятной работой, с тех пор как в произведениях Гегеля имеется обширная энциклопедия диалектики, хотя и развитая из совершенно ложной исходной точки.

После того как, с одной стороны, реакция против «натурфилософии» — в значительной степени оправдывавшаяся этим ложным исходным пунктом и жалким обмелком берлинского гегельянства — исчерпала себя, выродившись под конец в простую ругань, после того как, с другой стороны, естествознание в своих теоретических поисках не нашло никакого удовлетворения у ходячей эклектической метафизики, — может быть, станет возможным заговорить перед естествоиспытателями еще раз о Гегеле, не вызывая этим у господина Дюринга пляски святого Ватта, в которой он так неподражаемо забавен.

Прежде всего следует установить, что дело здесь идет вовсе не о защите гегелевского исходного пункта, — о том, что дух, мысль, идея есть первичное, а действительный мир только отражение идеи. От этого отказался уже Фейербах. Мы все согласны с тем, что в любой научной области — безразлично, в естествознании или в истории — надо исходить из данных фактов, т. е. что в естествознании надо исходить из различных объективных форм движения материи < мы, социалистические материалисты, идем гораздо дальше естествоиспытателей... > и что, следовательно, в теоретическом естествознании нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из последних и, найдя, доказывать их, поскольку это возможно, опытным путем.

Точно так же речь не может идти о том, чтобы сохранить догматическое содержание гегелевской системы, как она проповедывалась берлинскими гегельянами старшей и младшей линии. Вместе с идеалистическим исходным пунктом падает и построенная на нем система, следовательно, в частности и гегелевская натурфилософия. Но надо помнить, что борьба с Гегелем естествоиспытателей, поскольку они вообще правильно понимали его, направлялась только против обеих этих пунктов: против идеалистического исходного пункта и против произвольного, противоречащего фактам построения системы.

За вычетом всего этого остается еще гегелевская диалектика. Заслугой Маркса остается то, что он впервые извлек снова на свет, в противовес «брюзжащему, притязательному и посредственному элитарству, задающему теперь тон в Германии», за-

бытый диалектический метод, указал на связь его с гегелевской диалектикой, а также и на отличие его от последней и в то же время показал в «Капитале» применение этого метода к фактам определенной эмпирической науки, политической экономии. И сделал он это с таким успехом, что даже в Германии новейшая экономическая школа поднимается над вульгарным фритредерством лишь благодаря тому, что она, под предлогом критики Маркса, занимается списыванием у него (довольно часто небрежным).

У Гегеля в диалектике наблюдается то же самое извращение всех реальных отношений, как и во всех прочих частях его системы. Но, как замечает Маркс, «мистификация, которой диалектика подвергается в руках Гегеля, несколько не мешает тому, что он впервые изобразил всеобъемлющим и сознательным образом ее всеобщие формы движения. Она стоит у него на голове. Нужно перевернуть ее, чтобы найти рациональное ядро в мистической оболочке».

Но и в самом естествознании мы достаточно часто встречаемся с теориями, в которых реальные отношения поставлены на голозу, в которых отражение принимается за объективную реальность и которые нуждаются поэтому в подобном перевертывании. Такие теории довольно часто господствуют долгое время. Подобный случай представляет нам учение о теплоте, которая почти в течение двух столетий рассматривалась как особая таинственная материя, а не как форма движения обыкновенной материи: только механическая теория теплоты произвела здесь необходимое перевертывание. Тем не менее физика, в которой царил теория теплорода, открыла ряд весьма важных законов теплоты. В частности Фурье и Саді Карно¹ положили здесь путь для правильной теории, которой оставалось только перевернуть открытые ее предшественницей законы и перевести их на свой собственный язык. Точно так же в химии теория флогистона своей вековой экспериментальной работой добыла тот именно материал, с помощью которого Лавуазье сумел открыть в полученном Пристли кислороде реальный антипод фантастического флогистона, что дало ему возможность отвергнуть всю эту флогистическую теорию. Но это не означало вовсе, что были отвергнуты опытные результаты флогистики. Наоборот, они сохранились, была только перевернута их формулировка, переведена с языка флогистона на современный химический язык.

Гегелевская диалектика так относится к рациональной диалектике, как теория теплорода к механической теории теплоты, как теория флогистона к теории Лавуазье. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 71—74, 1932 г.*)

* *

Химия, абстрактная делимость физического, дурная бесконечность — атомистика. Физика — клетка (процесс органического развития как отдельных индивидов, так и видов путем дифференцирования является поразительнейшим образцом рациональной диалектики) и, наконец, тождество сил природы и их взаимное превращение друг в друга, уничтожившее всякую неизменность категорий. Несмотря на это, естествоиспытатели в своей массе все еще не могут отказаться от старых метафизических категорий и беспомощны, когда приходится рационально объяснить и систематизировать эти современные факты, которые показывают, так сказать, наглядно наличие диалектики в природе. А здесь волей-неволей приходится *мыслить*: атома и молекулы и т. д. нельзя наблюдать микроскопом, а только мышлением. Сравни хи-

¹ Функция Карно c , буквально перевернутая, $\frac{1}{c} = d$, абсолютная температура. Если не перевернуть таким образом, с ней нечего делать.

миков (за исключением Шорлеммера, который знает Гегеля) и «Целлюлярную пзтологию» Вирхова, где общие фразы должны в конце концов прикрыть беспомощность автора. Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неизменные категории, эта своего рода низшая математика логики. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 4, 1932 г.*)

Факты естествознания вытесняют формальную логику

Hard and fast lines несовместимы с теорией развития. Даже пограничная линия между позвоночными и беспозвоночными уже более неизменна. Точно так же с каждым днем все более и более исчезают границы между рыбами и амфибиями, между птицами и пресмыкающимися. Между *Compsognathus* и *Archaeopteryx* нехватает только немногих промежуточных членов, а зубастые птичьи клювы обнаружены в обоих полушариях. «Или — или» становится все более и более недостаточным. У низших животных невозможно строго установить понятие индивида. Не только в том смысле, является ли это существо индивидом или колонией, но и по вопросу о том, где в истории развития прекращается один индивид и начинается другой («кормилки»). — Для той стадии развития естествознания, где все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов, уже недостаточно старого метафизического метода мышления. Диалектика, которая точно так же не знает hard and fast lines и не знает безусловного, пригодного повсюду «или — или», которая переводит друг в друга неизменные метафизические различия и умеет правильно видеть наряду с «или — или» также «как то, так и другое», примиряя между собой противоречия, диалектика эта — единственный пригодный на высшей ступени развития метод мышления. Разумеется, для повседневного обихода, для научной мелочной торговли метафизическая категория сохраняет свое значение. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 35, 1932 г.*)

Изучение истории мышления необходимо для естествоиспытателей

Всякому, кто занимается теоретическими вопросами, результаты современного естествознания навязываются с той же принудительностью, с какой современные естествоиспытатели — желают ли они того или нет — вынуждены приходить к общетеоретическим выводам. И здесь наблюдается известная компенсация. Если теоретики являются полужайками в области естествознания, то такими же полужайками являются современные естествоиспытатели в области теории, в области того, что называлось до сих пор философией.

Эмпирическое естествознание накопило такую необъятную массу положительного материала, что необходимость систематизировать его в каждой отдельной области исследования и расположить с точки зрения внутренней связи стала неустрашимой. Точно так же стало неизбежным привести между собою в правильную связь отдельные области познания. <Но это задача, которой нельзя разрешить простым эмпирическим путем. Эту задачу разрешает теоретическое мышление > Но, занявшись этим, естествознание попадает в теоретическую область, а здесь методы эмпиризма оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление. Но теоретическое мышление является приращенным свойством только в виде способности. Она должна быть развита, усовершенствована, а для подобной разработки не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения истории философии.

Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это — исторически продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. И это имеет значение и для практического применения мышления к эмпирическим областям, ибо, во-первых, теория законов мышления не есть вовсе какой-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль. Сама формальная логика являлась, начиная с Аристотеля и до наших дней, ареной ожесточенных споров. Что же касается диалектики, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями, Аристотелем и Гегелем. Но именно диалектика является для современного естествознания самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет аналог, и, значит, метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 69—70, 1932 г.*)

Без философского обоснования естествознание не может выдержать борьбу с буржуазной идеологией

Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских штатный в сторону идеализма и скептицизма.

Помещенная в 1—2 номере журнала «Под знаменем марксизма» статья А. Тимирязева о теории относительности Эйнштейна позволяет надеяться, что журналу удастся осуществить и этот второй союз. Надо обратить на него побольше внимания. Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, рождаются сплошь да рядом реакционные философские школы и школы, направленные и направленные. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей, — это задача, без разрешения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материалистическим. Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить, что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX века.

И для того, чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под знаменем марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия,

Китай) — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под знаменем марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и системагически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя цехдринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае. (Ленин, *О значении воинствующего материализма*, т. XXVII, стр. 186—187, изд. 3-е.)

* * *

Очень верно и важно — именно это повторял популярнее Энгельс, когда писал, что естествоиспытатели должны знать, что итоги естествознания суть понятия, а искусное оперирование понятиями не порождено, а есть результат 2000-летнего развития естествознания и философии.

У естествоиспытателей узко понятие превращения и нет понимания диалектики. («Ленинский сборник» XII, стр. 201.)

Непонимание материалистической диалектики приведет естествоиспытателей к идеализму

Все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными истинами, — значит, никакой объективной истины, не зависящей от человечества, быть не может. Так рассуждает не только весь махизм, но весь «физический» идеализм вообще. Что из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина, — что относительные истины представляют из себя относительно-верные отражения независимого от человечества объекта, — что эти отражения становятся все более верными, — что в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины, — все эти положения, сами собою разумеющиеся для всякого, кто думал над «Анги-Дюрингом» Энгельса, представляют из себя книгу за семью печатями для «современной» теории познания.

Такие сочинения, как «Теория физики» П. Дюгема¹ или «Понятия и теории современной физики» Сталло², которые особенно рекомендует Мах, показывают чрезвычайно наглядно, что всего больше значения придают эти «физические» идеалисты именно доказательству относительности наших знаний, колеблясь, в сущности, между идеализмом и диалектическим материализмом. Оба автора, принадлежащие к различным эпохам и подходящие к вопросу с различных точек зрения (Дюгем — физик по специальности, 20 лет работавший в этой области; Сталло — бывший правоверный гегельянец, стыдящийся выпущенной им в 1848 г. натурфилософии в старогегелевском духе), воюют всего энергичнее с атомистически-механическим пониманием природы. Они доказывают ограниченность такого понимания, невозможность признать его пределом наших знаний, заостренность многих понятий у писателей, держащихся этого понимания. И такой недостаток *старого* материализма несомненен; непонимание относительности всех научных теорий, незнание диалектики, преувеличение механической точки зрения, — за это упрекал прежних материалистов Энгельс. Но Энгельс сумел (в отличие от Сталло) выбросить гегелевский идеализм и *понять* гениально-истинное зерно гегелевской диалектики. Энгельс отказался от старого, метафизического материализма в пользу *диалектического* материализма, а не в пользу релятивизма, скатывающегося в субъективизм. «Механическая теория, — говорит, напр., Сталло, — вместе со всеми метафизическими теориями гипостазирует частные, идеальные и, может быть, чисто условные группы атрибутов или отдельные атрибуты и трактует их, как разные виды объективной реальности» (р. 150). Это верно, если вы не отрекаетесь от признания объективной реальности и воюете с метафизикой, как антидиалектикой. Сталло не дает себе ясного отчета в этом. Материалистической диалектики он не понял и поэтому часто катится через релятивизм к субъективизму и идеализму. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 253—254, изд. 3-е.*)

Диалектика в математике

Единица. Ничто не кажется проще, чем количественная единица, и ничего нет многообразнее, чем последняя, лишь только мы начнем изучать ее в связи с соответственным множеством, с точки зрения различных способов происхождения ее из последнего. Единица — это, во-первых, основное число всей системы положительных и отрицательных чисел, благодаря последовательному прибавлению которого к самому себе возникают все другие числа. Единица есть выражение всех положительных, отрицательных и дробных степеней единицы: 1^2 , $\sqrt{1}$, 1^{-2} все равны единице. Единица есть значение всех дробей, у которых числитель и знаменатель равны. Она — выражение всякого числа, возведенного в степень нуль, и поэтому она единственное число, логарифм которого во всех системах один и тот же, именно $= 0$. Таким образом единица есть граница, делящая на две части все возможные системы логарифмов: если основание больше единицы, то логарифмы всех чисел, больших единицы, положительны; всех чисел, меньших единицы, отрицательны; если основание меньше единицы, то дело происходит наоборот. Таким образом, если каждое число содержит в себе единство, поскольку оно состоит из одних лишь приданных друг к другу единиц, то единица, в свою очередь, содержит в себе все другие числа. Не только потенциально, поскольку мы можем построить любое число из одних единиц, но и реально, поскольку единица является определенной степенью любого другого числа. Но те же математики, которые непринужденнейшим образом

¹ P. Duhem, La théorie physique, son objet et sa structure, Paris 1906.

² J. B. Stallo, The Concepts and Theories of Modern Physics, Lond. 1882. Есть французский и немецкий переводы.

вводят, где это им нужно, в свои выкладки $x^0=1$ или же дробь, числитель и знаменатель которой равны и которая тоже, значит, представляет единицу, — математики, которые, следовательно, применяют математическим образом содержащееся в единстве множество, морщат нос и строят гримасы, когда им говорят общим образом, что единство и множество являются нераздельными, проникающими друг друга понятиями и что множество так же содержится в единстве, как и единство в множестве. Насколько это верно, легко заметить, лишь только мы покинем область чистых чисел. Уже при измерении длин, площадей и объемов обнаруживается, что мы можем принять за единицу любую величину соответствующего рода, то же самое относится к измерению времени, веса <теплоты>, движения и т. д. Для измерения клеток миллиметры и миллиграммы слишком велики, для измерения солнечных расстояний или скорости света километр крайне мал. Точно так же крайне мал килограмм для измерения масс планет, а тем более солнца. Здесь воочию видно, какое многообразие и множество содержится в столь простом на первый взгляд понятии единицы. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 117, 1932 г.)

Противоречие в математике

Переход к диалектике. Два философских направления: метафизическое с неизменными категориями, диалектическое (Аристотель и в особенности Гегель) — с текущими доказательствами, что эти неизменные противоположности основания и следствия, причины и действия, тождества и различия, бытия и сущности не выдерживают критики, что анализ показывает наличие одного полюса уже in pace¹ в другом, что в определенном пункте один полюс переходит в другой и что вся логика развивается лишь из движущихся вперед противоположностей. Это у самого Гегеля мистично, ибо категория является у него чем-то предсуществующим, а диалектика реального мира — ее простым отблеском. В действительности происходит наоборот: диалектика головы — только отражение форм движения реального мира как природы, так и истории. Естествоиспытатели прошлого столетия, даже до 1830 г., довольно легко обходились еще при помощи старой метафизики, ибо действительная наука не выходила еще из рамок механики, земной и космической. Однако путаницу в умы внесла уже высшая математика, которая рассматривает вечные истины низшей математики как превзойденную точку зрения, утверждает часто вещи, противоположные им, и выставляет теоремы, кажущиеся, с точки зрения низшей математики, простейшими бессмыслицами. Здесь неизменные категории исчезли, математика вступила на такую почву, где даже столь простые понятия, как «абстрактное количество», «дурная бесконечность», приняли совершенно диалектический вид и заставили математику, против ее воли и без ее ведома, стать диалектической. Нет ничего комичнее, чем жалкие уловки, увертки и фикции, к которым прибегает математика, чтобы разрешить это противоречие, примирить между собою низшую и высшую математику; разъяснить им, что то, что является их бесспорным результатом, не представляет собой чистой бессмыслицы, и чтобы вообще рационально объяснить исходный пункт, метод и конечные результаты математики бесконечного. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 3—4, 1932 г.)

Диалектика количества

Оттого, что ноль есть отрицание всякого определенного количества, он не лишен вовсе содержания. Наоборот, ноль обладает весьма определенным содержанием. Будучи границей между всеми положительными и отрицательными величинами,

¹ В зародыше. — Ред.

будучи единственным, действительно нейтральным числом, которое не может быть ни $+$ ни $-$, он представляет не только очень определенное число, но сам по себе важнее всех других ограничиваемых им чисел. Действительно, нуль богаче содержанием, чем всякое иное число. Прибавленный к любому числу справа, он в нашей системе счисления удесятеряет его. Для этого можно было взять вместо нуля любой другой знак, но лишь при том условии, чтобы этот знак, взятый сам по себе, означал нуль $= 0$. Таким образом от природы самого нуля зависит то, что он находит такое приложение и что только он один может найти такое приложение. Нуль уничтожает всякое другое число, на которое его умножают; в качестве делителя какого-нибудь числа он делает его бесконечным, в качестве делимого он делает его бесконечно малым; он — единственное число, находящееся в бесконечном отношении к любому другому числу. $\frac{0}{0}$ может выражать любое число между $-\infty$ и $+\infty$ и представляет

в каждом случае действительную величину. Реальное значение какого-нибудь уравнения обнаруживается лишь тогда, когда все члены его перенесены на одну сторону и уравнение приравнено нулю, как это встречается уже в квадратных уравнениях и употребляется почти всегда в высшей алгебре. Можно какую-нибудь функцию $f(x, y) = 0$ приравнять z и потом дифференцировать этот z , хотя он $= 0$, как обыкновенную зависимую переменную и получить его частную производную.

Ничто от любого количества само еще не определено, и лишь потому можно оперировать нулем. Те самые математики, которые совершенно спокойно оперируют нулем, как выше указано, т. е. как вполне определенным количественным представлением, и ставят его в количественные отношения к другим количественным представлениям, — поднимают сграшный вопль, когда находят у Гегеля такое общее положение: ничто от некоего нечего есть *определенное* ничто.

Перейдем теперь к аналитической геометрии. Здесь нуль — определенная точка, начиная от которой одно направление по известной прямой считается положительным, а противоположное — отрицательным. Таким образом, здесь нулевая точка не только так же важна, как любая точка с определенным положительным или отрицательным значением, но и гораздо важнее всех их: это точка, от которой все они зависят, к которой все они относятся, которой они все определяются. Во многих случаях она может браться даже совершенно произвольным образом < в других случаях, где сама природа данной задачи ставит ограничения, все-таки остается выбор, по крайней мере, между двумя возможностями >. Но раз она взята, она остается средоточием всей операции, часто даже определяет направление линии, на которую наносятся другие точки, конечные точки абсцисс. Если, например, — переходя к уравнению круга, — мы примем любую точку периферии за нулевую точку, то линия абсцисс должна проходить через центр круга. Все это находит приложение также и в механике, где при вычислении движений принятая нулевая точка является опорным пунктом всей операции. < Произвольно взятая > нулевая точка термометра, — это вполне определенная нижняя граница температурной области, разделяемой на произвольное число градусов и служащей благодаря этому мерой температур как внутри самой себя, так и высших или низших температур. Таким образом, и здесь она является весьма существенной точкой. И даже абсолютный нуль термометра не представляет вовсе чистого абстрактного отрицания, а очень определенное состояние материи, именно границу, у которой исчезает последний след самостоятельного движения молекул и материя действует только в виде массы. Таким образом где бы мы ни встречались с нулем, он повсюду представляет собой нечто очень определенное, и его практическое применение в геометрии, механике и т. д. показывает, что в качестве границы он важнее, чем все реальные, ограничиваемые им величины. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 115—117, 1932 г.)

Асимптоты

Асимптоты. Геометрия начинается с открытия, что прямое и кривое представляют абсолютные противоположности, что прямого нельзя совершенно выразить в кривом, кривого в прямом, что они несоизмеримы между собой. И однако уже круг можно вычислить лишь в том случае, если выразить его периферию в виде прямых линий. В случае же кривых с асимптотами прямое совершенно растворяется в кривом и кривое в прямом; точно так же исчезает и представление о параллелизме: линии не параллельны, непрерывно приближаются друг к другу и все-таки никогда не пересекаются. Ветвь кривой становится все прямее, не делаясь никогда окончательно прямой. Точно так же в аналитической геометрии прямая линия рассматривается как кривая первого порядка с бесконечно малой кривизной. Сколь бы большим ни сделалось — x логарифмической кривой, y никогда не станет $= 0$. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 31, 1932 г.*)

Притяжение и отталкивание

Ньютонов параллелограм сил в солнечной системе истинен, несомненно, для того момента, когда кольца отделяются, потому что вращательное движение приходит здесь в противоречие с самим собой, являясь, с одной стороны, в виде притяжения, а с другой — в виде тангенциальной силы. Но лишь только произошло это отделение, движение опять является доказательством диалектического процесса, — доказательством того, что это обособление должно произойти. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 33, 1932 г.*)

Единство и многообразие

Нулевые степени. Их значение в логарифмическом ряду: $\frac{0}{10^0}, \frac{1}{10^1}, \frac{2}{10^2}, \frac{3}{10^3} \log$. Все переменные переходят где-нибудь через значение единицы, поэтому также и константа какой-нибудь переменной степени, $a^x = 1$, когда $x = 0$. $a^0 = 1$ означает попросту, что единицу надо взять в связи с другими членами ряда степеней a . Только в этом случае это имеет смысл и может дать полезные результаты $\left(\sum x^0 = \frac{\omega}{x}\right)$, в противном случае — нет. Отсюда следует, что и единица, как бы она ни казалась тождественной самой себе, заключает в себе бесконечное многообразие, ибо она может быть нулевой степенью любого другого числа; а что это многообразие отнюдь не мнимое, обнаруживается во всех случаях, когда единица рассматривается как определенная единица, как один из переменных результатов какого-нибудь процесса (как моментальная величина или форма некоторой переменной) в связи с этим процессом. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 31, 1932 г.*)

Прямое и кривое

Прямое и кривое. В дифференциальном исчислении они в конечном счете приравниваются друг к другу. В дифференциальном треугольнике, гипотенузой которого является дифференциал дуги (в методе касательных), эту гипотенузу можно рассматривать «как маленькую прямую линию, являющуюся одновременно элементом дуги и элементом касательной», независимо от того, рассматривают ли кривую как состоящую из бесконечно многих прямых линий или также ¹ «как строгую кривую, ибо

¹ Цитата приводится по-французски.

так как искривление в каждой точке M бесконечно мало, то последнее отношение элемента кривой к элементу касательной есть, очевидно, отношение равенства». Итак, хотя здесь отношение непрерывно *приближается* к отношению равенства, но *приближается* по природе кривой *асимптотическим образом*, так как соприкосновение ограничивается не имеющей длины *точкой*, однако в конце концов принимается, что достигнуто равенство кривой и прямой. Bossut, Calcul diff. et. int. Paris, An VI, I, стр. 149. В случае полярных кривых дифференциально мнимая абсцисса рассматривается даже как параллельная реальной абсциссе, и на этой основе производят действие, хотя обе пересекаются в полюсе; отсюда даже умозаключают о подобии двух треугольников, из которых один имеет угол как раз в точке пересечения обеих линий, на параллелизме которых основывается все подобие!..

Когда таким образом исчерпывается математика прямого и кривого, то открывается новое, почти безграничное поприще, т. е. математика, которая *рассматривает кривое как прямое* (дифференциальный треугольник), и математика, которая *рассматривает прямое как кривое* (кривая первого порядка с бесконечно малой кривизной). О, метафизика! ¹ (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 31—32, 1932 г.)

Взаимопроникновение арифметических действий

Из области математики. Ничто, кажется, не покоится на такой непоколебимой основе, как различие между четырьмя арифметическими действиями, являющимися элементами всей математики. И, однако, умножение является сокращенным сложением, деление — сокращенным вычитанием определенного количества одинаковых чисел, а в известном случае — если делитель есть дробь — деление заменяется умножением на обратную дробь. В алгебре идут еще дальше этого. Каждое вычитание $(a-b)$ можно рассматривать как сложение $(-b + a)$, каждое деление $\frac{a}{b}$ как умножение $a \cdot \frac{1}{b}$. При действиях со степенями идут еще дальше. Все неизменные различия способов вычисления исчезают, все можно изобразить в противоположном виде. Степень — в виде корня ($x^2 = \sqrt{x^4}$), корень — в виде степени ($\sqrt{x} = x^{1/2}$). Единицу, деленную на степень или на корень, — в виде степени знаменателя $\left(\frac{1}{\sqrt{x}} = x^{-1/2}; \frac{1}{x^3} = x^{-3}\right)$.

Умножение или деление степеней какой-нибудь величины превращается в сложение или вычитание их показателей. Каждое число можно рассматривать и представить в виде степени всякого другого числа (логарифмы, $y = a^x$). И это превращение из одной формы в другую, противоположную, вовсе не пустая игра, — это один из самых могучих рычагов математического знания, без которого в настоящее время нельзя произвести ни одного сколько-нибудь сложного вычисления. Достаточно только вычеркнуть из математики отрицательные и дробные степени, чтобы убедиться, что без них далеко не уйдешь.

($- - = +$, $\frac{-}{-} = +$, $\sqrt{-1}$ и т. д. раньше развиты).

Поворотным пунктом в математике была декартова *переменная величина*. Благодаря этому в математику вошли *движение* и *диалектика* и благодаря этому же

¹ Этот абзац написан позже на полях.

стало немедленно необходимым дифференциальное и интегральное исчисление, зачатки которого вскоре были заложены и которое было в целом завершено, а не открыто, Ньютоном и Лейбницем ¹. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 30—31, 1932 г.)

Тождество и различие. Диалектическое отношение их имеется уже в дифференциальном исчислении, где dx бесконечно мало, но в то же время действительно и производит все. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 30, 1932 г.)

Отрицательные и положительные величины

✓—1. Отрицательные величины алгебры реальны лишь постольку, поскольку они относятся к положительным величинам, реальны лишь в своих отношениях к последним; взятые вне этого отношения, сами по себе, они мнимы. В тригонометрии и аналитической геометрии, вместе с построенными на них отраслями высшей математики, они выражают определенное направление движения, противоположное положительному направлению. Но можно с одинаковым успехом отсчитывать синусы и тангенсы как в первом, так и в четвертом квадратах и значит можно обратить плюс в минус. Точно так же в аналитической геометрии можно отсчитывать абсциссы в круге, либо начиная с периферии, либо начиная с центра и вообще у всех кривых в направлении, обозначаемом обыкновенно минусом, и при этом мы получаем правильное рациональное уравнение кривой. Здесь $+$ существует только как дополнение $-$, и обратно. Но алгебра в своих абстракциях рассматривает их как действительные, самостоятельные величины, без отношения к какой-нибудь *большой*, положительной величине. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 111, 1932 г.)

Математическое изображение процессов

Лишь дифференциальное исчисление дает естествознанию возможность изображать математически *процессы*, а не только *состояния*, движение. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 113, 1932 г.)

Разложение бинома на бесконечный ряд

Математика. Здравому человеческому смыслу кажется нелепостью разложить некоторую определенную величину, например бином, на бесконечный ряд, т. е. на нечто неопределенное; но далеко ли ушли бы мы без бесконечных рядов или без теоремы о биноме? (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 48, 1932 г.)

Развитие тригонометрии

Тригонометрия. После того как синтетическая геометрия рассмотрела свойства треугольника в себе и до конца исчерпала их, открывается более широкий горизонт, т. е. очень простой, вполне диалектический способ. Треугольник рассматривается уже не в себе и для себя, а в связи с некоторой другой фигурой, кругом. Каждый прямоугольный треугольник можно рассматривать как принадлежность некоторого круга: если гипотенуза $= r$, то катеты это rp и rs ; если один катет $= r$, то другой катет $= rg$, а гипотенуза $= sec$.

Благодаря этому стороны и угол приобретают совершенно иные определенные взаимоотношения, которых нельзя было бы открыть и использовать без этого огня.

¹ Этот абзац написан позже на полях.

сения треугольника к кругу, и развивается совершенно новая, далеко превосходящая старую, теория треугольника, которая применима повсюду, ибо всякий треугольник можно разбить на два прямоугольных треугольника. Это развитие тригонометрии из синтетической геометрии является хорошим образчиком того, как диалектика рассматривает вещи в их связи, а не изолированно. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 121, 1932 г.*)

Пример закона падения подтверждает изменчивость отношений в природе

Пример необходимости диалектического мышления и не неизменных категорий и отношений в природе: закон падения, который становится неверным уже при продолжительности падения в несколько минут, ибо в этом случае нельзя без чувствительной погрешности принимать, что радиус земли $= \infty$, и притяжение земли возрастает, вместо того чтобы оставаться равным самому себе, как предполагает закон падения Галилея. Тем не менее этот закон продолжают преподавать без соответственных оговорок. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 25, 1932 г.*)

Связь категорий обосновывается переменной форм материи

Если Гегель рассматривает силу и проявление, причину и действие как тождественные, то это доказывается переменной форм материи, где равноценность их доказана математически. В мире уже заранее признано: сила измеряется проявлением ее, причина — действием. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 111—112, 1932 г.*)

Неразрывность притяжения и отталкивания

Обыкновенно принимается, что *тяжесть есть самый общий признак материальности*, т. е. что притяжение, а не отталкивание есть необходимое свойство материи. Но притяжение и отталкивание так же неотделимы друг от друга, как положительное и отрицательное, и поэтому можно, на основании принципов диалектики, предсказать, что истинная теория материи должна отвести отталкиванию такое же важное место, как и притяжению, что основывающаяся только на притяжении теория материи ложна, недостаточна, половинчата. И, действительно, имеется достаточно явлений, указывающих на это. От эфира нельзя отказаться уже из-за света. Материален ли эфир? Если он вообще *есть*, то он должен быть материальным, должен подходить под понятие материи. Но он совершенно лишен тяжести. Кометные хвосты считаются материальными. Они обнаруживают сильное отталкивание. Теплота в газе порождает отталкивание и т. д.

Если два тела действуют друг на друга, причем в результате этого получается перемещение одного из них или обоих, то перемещение это может заключаться лишь в их взаимном приближении или удалении друг от друга. Они либо притягивают друг друга, либо отталкивают. Или же, выражаясь терминами механики, действуют между ними силы — центрального характера, действуют по направлению прямой, соединяющей их центры. Для нас в настоящее время сама собою разумеющаяся истина, что это происходит всегда и без исключения во вселенной, как бы сложны ни казались нам иные движения. Мы считали бы нелепым допустить, что два действующих друг на друга тела, взаимодействию которых не мешает никакое препятствие или же воздействие третьих тел, обнаруживают это взаимодействие иначе, чем по кратчайшему и наиболее прямому пути, т. е. по направлению прямой, соединяющей

их центры¹. Но, как известно, Гельмгольц (*Erhaltung der Kraft*, Berlin 1847, Abschn. I и II) дал такое математическое доказательство того, что центральное действие и неизменность количества движения обуславливают друг друга и что допущение действий нецентрального характера приводит к результатам, при которых движение может быть или создано, или уничтожено. Таким образом, основной формой всякого движения являются приближение и удаление, сокращение и расширение, — короче говоря, старая полярная противоположность *притяжения* и *отталкивания*.

Подчеркнем здесь: притяжение и отталкивание рассматриваются нами тут не как так называемые «силы», а как *простые формы движения*. Ведь уже Кант рассматривал материю как единство притяжения и отталкивания. В свое время мы увидим, каков значение имеет понятие «силы».

Всякое движение состоит во взаимодействии притяжения и отталкивания. Но оно возможно лишь в том случае, если каждое отдельное притяжение компенсируется соответствующим ему отталкиванием в другом месте, ибо в противном случае одна сторона получила бы с течением времени перевес над другой, и тогда бы движение под конец прекратилось. Таким образом все притяжения и все отталкивания во вселенной должны взаимно уравновешиваться. Благодаря этому закон о неразрушимости и несотворимости движения сводится к положению о том, что каждое притягательное движение во вселенной должно быть дополнено эквивалентным ему отталкивательным движением, и наоборот, или же — как это выражала задолго до установления в естествознании закона о сохранении силы resp. энергии прежняя философия, — что сумма всех притяжений равна сумме всех отталкиваний.

Но здесь, новидимому, все еще имеются две возможности для прекращения со временем всякого движения, а именно: либо отталкивание и притяжение под конец когда-нибудь действительно уравновесятся, либо все отталкивание окончательно сосредоточится в одной части материи, а все притяжение — в другой части ее. Но с диалектической точки зрения эти альтернативы уже а priori не реальны. Раз диалектика, основываясь на результатах нашего опытного изучения природы, доказала, что все полярные противоположности обуславливаются вообще взаимодействием обоих противоположных полюсов, что разделение и противопоставление этих полюсов существует лишь в рамках их связи и объединения и что, наоборот, их объединение существует лишь в их разделении, а их связь лишь в их противопоставлении, то не может быть и речи ни об окончательном уравновешивании отталкивания и притяжения, ни об окончательном распределении и сосредоточении одной формы движения в одной половине материи, а другой формы его — в другой половине ее, т. е. не может быть и речи ни о взаимном проникновении, ни об абсолютном отделении друг от друга обоих полюсов. Утверждать это значило бы то же самое, что — прибегая к примеру — требовать, в первом случае, чтобы северный и южный полюсы какого-нибудь магнита нейтрализовали друг друга и друг через друга, а во втором случае, чтобы распилка магнита посередине, между обоими его полюсами, дала в одной части северную половину без южного полюса, а в другой части южную половину без северного полюса. Но хотя недопустимость подобных предположений следует уже из диалектической природы полярной противоположности, все же, благодаря господствующему среди естествоиспытателей метафизическому образу мышления, по крайней мере вторая гипотеза играет еще известную роль в физических теориях. Об этом будет еще речь в своем месте. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 113, 131—132, 1930 г.*)

¹ Кант говорит, что благодаря существованию трех измерений пространства это притяжение или отталкивание совершается обратно пропорционально квадрату расстояния.

Взаимспроникновение притяжения и отталкивания

Притяжение и тяготение. Все учение о тяготении сводится к утверждению, будто притяжение есть сущность материи. Это по необходимости ложно. Там, где имеется притяжение, оно должно порождаться отталкиванием. Поэтому уже Гегель вполне правильно заметил, что сущность материи, это — притяжение и отталкивание. И действительно мы все более и более вынуждены признать, что рассеяние материи имеет границу, где притяжение переходит в отталкивание, и что, наоборот, сгущение оттолкнутой материи имеет границу, где оно становится притяжением. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 114, 1932 г.)

* * *

Недурной образчик диалектики природы; согласно современной теории *отталкивание* *одноименных* магнитных полюсов объясняется *притяжением* *одноименных* электрических токов. (Guthrie, стр. 264.) (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 114, 1932 г.)

Достижения естествознания подтверждают диалектический материализм

Правильность диалектического понимания все более подтверждается накопляющимися фактами естествознания, и это понимание легче воспринимается, если с диалектическим характером этих фактов сопоставить познание закона диалектического мышления. Во всяком случае естествознание находится теперь на такой ступени развития, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения, если не забудут, что результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия; искусство же оперировать понятиями не врожденно и не заключается в обыденном здравом смысле, но требует действительного мышления, которое в свою очередь имеет за собой столь же продолжительную историю, как и опытное естествознание. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 214, 1932 г.)

Ограничение законов классической механики

Но диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, повидимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д. Как ни диковинно с точки зрения «здравого смысла» превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни «странно» отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., — все это только лишнее *подтверждение* диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском, т. е. юмистском, смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, т. е. объективной реальности физического мира. Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью, «ограничением ожидания», «логической необходимостью» и т. п. Настаивая

на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно-верно, относительно-правильно отражаемого этим познанием. И т. д., и т. д. без конца. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 214—215, изд. 3-е.*)

Отрыв движения от материи приводит к спиритуализму

Спиритуалист верен себе, отрывая движение от материи. Движение тел превращается в природе в движение того, что не есть тело с постоянной массой, в движение того, что есть неведомый заряд неведомого электричества в неведомом эфире, — эта диалектика *материальных* превращений, проделываемых в лаборатории и на заводе, служит в глазах идеалистов (как и в глазах широкой публики, как и в глазах махистов) подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма: ...«Механическая теория, как обязательное (professed) объяснение мира, получает смертельный удар от прогресса самой механической физики» (143)... Мир есть движущаяся материя, ответим мы, и законы движения этой материи отражает механика по отношению к медленным движениям, электромагнитическая теория — по отношению к движениям быстрым... «Протяженный, твердый, неразрушимый атом всегда был опорой материалистического взгляда на мир. Но к несчастью для этих взглядов, протяженный атом не удовлетворил запросам (was not equal to the demands), которые предъявило ему растущее знание» ... (144) Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи, — но это несколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т. е. продуктом нашего ума. Электрон относится к атому, как точка в этой книге к объему здания в 30 сажен длины, 15 — ширины и $7\frac{1}{2}$ — высоты (Людж), он двигается с быстротой до 270 000 километров в секунду, его масса меняется с его быстротой, он делает 500 триллионов оборотов в секунду, — все это много мудренее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени. Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней, но это не значит, чтобы природа была созданием нашего ума или абстрактного ума, т. е. уродовского бога, богдановской «подстановки» и т. п. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 230—231, изд. 3-е.*)

Современное естествознание и «Анти-Дюринг» Энгельса

Год тому назад в журнале «Die Neue Zeit» была помещена статья Иосифа Динэ-Дэнеса: «Марксизм и новейшая революция в естествознании» (1907, № 52). Недостаток этой статьи — игнорирование гносеологических выводов, которые делаются из «новой» физики и которые специально интересуют нас в настоящее время. Но именно этот недостаток делает для нас особенно интересными точку зрения и выводы упомянутого автора. Иосиф Динэ-Дэнес стоит, подобно пишущему эти строки, на точке зрения того самого «рядового марксиста», про которого с таким величественным презрением говорят наши махисты. «Диалектиком-материалистом, — пишет, например, г. Юшкевич, — называет себя обыкновенно средний, рядовой марксист» (стр. 1 его книги). Вот этот-то рядовой марксист в лице И. Динэ-Дэнеса сопоставил новейшие открытия в естествознании, и особенно в физике (Икс-лучи, лучи Беккереля, радий и т. д.), непосредственно с «Анти-Дюрингом» Энгельса. К какому же выводу привело его это сопоставление? «В самых различных областях естествознания, — пишет И. Динэ-Дэнес, — приобретены новые знания, и все они сводятся к тому пункту,

который хотел выставить на первый план Энгельс, именно к тому, что в природе «нет никаких непримиримых противоположностей, никаких насильственно фиксированных разграничительных линий и различий» и что, если встречаются в природе противоположности и различия, то их неподвижность, абсолютность вносятся в природу исключительно нами». Открыли, например, что свет и электричество суть лишь проявления одной и той же силы природы. С каждым днем становится вероятнее, что химическое сродство сводится к электрическим процессам. Неразрушимые и неразложимые элементы химии, число которых продолжает все возрастать точно в насмешку над единством мира, оказываются разрушаемыми и разложимыми. Элемент радий удалось превратить в элемент гелий. «Подобно тому, как все силы природы сводятся к одной силе, так и все вещества природы сводятся к *одному веществу* (курсив И. Динэ-Дэнеса). Приведя мнение одного из писателей, считающих атом только ступенчатым эфиром, автор восклицает: «Как блистательно подтверждается изречение Энгельса: движение есть форма бытия материи». «Все явления природы суть движение, и различие между ними состоит только в том, что мы, люди, воспринимаем это движение в различных формах... Дело обстоит именно так, как сказал Энгельс. Точно так же, как и история, природа подчинена диалектическому закону движения». (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, т. XIII, стр. 205—206, изд. 3-е.)

IV. Развитие естествознания и техники в СССР

Классовая борьба в области естествознания и техники

По-иному ставится также вопрос об отношении к старой, буржуазной производственно-технической интеллигенции.

Года два назад дело обстояло у нас таким образом, что наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции была заражена болезнью вредительства. Более того, вредительство составляло тогда своего рода моду. Одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между советской властью и вредителями. Конечно, большинство старой технической интеллигенции продолжало работать более или менее лояльно. Но речь идет здесь не о большинстве, а о наиболее квалифицированной части технической интеллигенции.

Чем создавалось вредительское движение, чем оно культивировалось? Обострением классовой борьбы внутри СССР, наступательной политикой советской власти в отношении капиталистических элементов города и деревни, сопротивлением этих последних политике советской власти, сложностью международного положения, трудностями колхозного и совхозного строительства. Если активность боевой части вредителей подкреплялась интервенционистскими затеями империалистов капиталистических стран и хлебными затруднениями внутри страны, то колебания другой части старой технической интеллигенции в сторону активных вредителей усиливались модными разговорами троцкистско-меньшевистских болтунов насчет того, что «из колхозов и совхозов все равно ничего не выйдет», «советская власть все равно перерождается и должна в скором времени пасть», «большевики своей политикой сами способствуют интервенции» и т. д. и т. п. Кроме того, если даже некоторые старые большевики из числа правых уклонистов не устояли против «поветрия» и качнулись в этот период в сторону от партии, то нет оснований удивляться тому, что известная часть старой технической интеллигенции, никогда не нюхавшая большевизма, тоже, с божьей помощью, колебнулась.

Понятно, что при таком положении вещей советская власть могла практиковать лишь одну единственную политику в отношении старой технической интеллигенции — политику *разгрома* активных вредителей, *расслоения* нейтральных и *привлечения* лояльных.

Так было год — два назад.

Можно ли сказать, что мы имеем теперь такую же точно обстановку? Нет, нельзя э-того сказать. Наоборот, у нас сложилась теперь совершенно другая обстановка. Начать с того, что мы разбили и с успехом преодолеваем капиталистические элементы города и деревни. Конечно, это не может радовать старую интеллигенцию. Очень вероятно, что они все еще выражают соболезнование своим разбитым друзьям. Но не бывает того, чтобы сочувствующие и, тем более, нейтральные и колеблющиеся добровольно согласились разделить судьбу своих активных друзей, после того, как эти последние потерпели жестокое и непоправимое поражение. Далее, мы преодолели хлебные загрождения, и не только преодолели, но вывозим за границу такое количество хлеба, какого не вывозили еще за время существования советской власти. Стало быть, отпадает и этот «аргумент» колеблющихся. Далее, теперь даже слепые видят, что на фронте колхозного и совхозного строительства мы определенно победили, добившись величайших успехов. Стало быть, самое главное в «арсенале» старой интеллигенции ушло в пропасть. Что касается интервенционистских упований буржуазной интеллигенции, то надо признать, что они оказались, — пока, по крайней мере, — домиком, построенным на песке. В самом деле, шесть лет сулили интервенцию и ни разу не попытались интервенировать. Пора признать, что нашу прозорливую буржуазную интеллигенцию просто водили за нос. Я уже не говорю о том, что само поведение активных вредителей на известном судебном процессе в Москве должно было развенчать и действительно развенчало идею вредительства.

Понятно, что эти новые обстоятельства не могли остаться без влияния на нашу старую техническую интеллигенцию. Новая обстановка должна была создать и действительно создала новые настроения среди старой технической интеллигенции. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что мы имеем определенные признаки поворота известной части этой интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону советской власти. Тот факт, что не только этот слой старой интеллигенции, но даже определенные вчерашние вредители, значительная часть вчерашних вредителей начинает работать на ряде заводов и фабрик заодно с рабочим классом, — этот факт с несомненностью говорит о том, что поворот среди старой технической интеллигенции уже начался. Это не значит, конечно, что у нас нет больше вредителей. Нет, не значит. Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону советской власти, — активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы, и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье.

Но из этого следует, что сообразно с этим должна измениться и наша политика в отношении старой технической интеллигенции. Если в период разгара вредительства наше отношение к старой технической интеллигенции выражалось главным образом в политике разгрома, то теперь, в период поворота этой интеллигенции в сторону советской власти, наше отношение к ней должно выражаться главным образом в политике привлечения и заботы о ней. Было бы неправильно и не диалектично продолжать старую политику при новых изменившихся условиях. Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы как не пойманного преступника и вредителя. «Специедство» всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением.

Итак, изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы; проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе — такова задача. (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 596—598, изд. 9-е.)

Изменилась обстановка также в отношении командного состава промышленности вообще, в отношении инженерно-технического персонала в частности.

Раньше дело обстояло у нас так, что основным источником всей нашей промышленности служила украинская угольно-металлургическая база. Украина снабжала металлом все наши промышленные районы, как Юг, так и Москву и Ленинград. Она же снабжала углем наши основные предприятия в СССР. Я исключаю здесь Урал, так как удельный вес Урала в сравнении с Донбассом представлял незначительную величину. Сообразно с этим мы имели три основных очага выработки командного состава промышленности: Юг, Московский район, Ленинградский район. Понятно, что при таком положении вещей мы могли так или иначе обходиться тем минимумом инженерно-технических сил, которым только и могла тогда располагать наша страна.

Так было в недавнем прошлом.

Но теперь мы имеем совершенно другую обстановку. Теперь ясно, я думаю, что, сохраняя нынешние темпы развития и гигантские масштабы производства, мы уже не в состоянии оборачиваться на одной лишь украинской угольно-металлургической базе. Вы знаете, что нам уже нехватает украинского угля и металла, несмотря на рост их производства. Вы знаете, что мы вынуждены, ввиду этого, создать новую угольно-металлургическую базу на Востоке — Урал — Кузбасс. Вы знаете, что мы эту базу создаем не без успеха. Но этого мало. Нам нужно создать, далее, металлургию в самой Сибири для удовлетворения ее растущих потребностей. И мы ее уже создаем. Нам нужно создать, кроме того, новую базу цветной металлургии в Казахстане, в Туркестане. Нам нужно развить, наконец, широчайшее железнодорожное строительство. Это диктуется интересами СССР в целом — интересами окраинных республик так же, как и интересами центра.

Но из этого следует, что мы не можем уже обходиться тем минимумом инженерно-технических и командных сил промышленности, которым мы обходились раньше. Из этого следует, что старых очагов формирования инженерно-технических сил уже недостаточно, что необходимо создать целую сеть новых очагов — на Урале, в Сибири, в Средней Азии. Нам нужно теперь обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами промышленности, если мы действительно думаем осуществить программу социалистической индустриализации СССР.

Но нам нужны не *всякие* командные и инженерно-технические силы. Нам нужны *такие* командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть. А что это значит? Это значит, что наша страна вступила в такую фазу развития, когда *рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию*, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса.

Ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции.

Советская власть учла это обстоятельство и открыла двери высших учебных заведений по всем отраслям народного хозяйства для людей рабочего класса. Вы знаете, что десятки тысяч рабоче-крестьянской молодежи учатся теперь в высших учебных заведениях. Если раньше, при капитализме, высшие учебные заведения

являлись монополией барчуков, то теперь, при советском строе, рабоче-крестьянская молодежь составляет там господствующую силу. Нет сомнения, что мы получим скоро из наших учебных заведений тысячи новых техников и инженеров, новых командиров нашей промышленности.

Но это только одна сторона дела. Другая сторона дела состоит в том, что производственно-техническая интеллигенция рабочего класса будет формироваться не только из людей, прошедших высшую школу, — она будет рекрутироваться также из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте. Инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства — вот новая прослойка рабочего класса, которая и должна составить вместе с прошедшими высшую школу товарищами ядро интеллигенции рабочего класса, ядро командного состава нашей промышленности. Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей, смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег.

Среди этих товарищей имеется немало беспартийных. Но это не может служить препятствием к тому, чтобы смелее выдвигать их на руководящие должности. Наоборот, именно их, этих беспартийных товарищей, следует окружать особым вниманием, следует выдвигать на командные должности, чтобы они убедились на деле, что партия умеет ценить способных и талантливых работников. Некоторые товарищи думают, что на руководящие должности на фабриках, на заводах можно выдвигать лишь партийных товарищей. На этом основании они нередко оттирают способных и инициативных беспартийных товарищей, выдвигая на первое место партийцев, хотя и менее способных и не инициативных. Нечего и говорить, что нет ничего глупее и реакционнее такой, с позволения сказать, «политики». Едва ли нужно доказывать, что такой «политикой» можно лишь дискредитировать партию и оттолкнуть от партии беспартийных рабочих. Наша политика состоит вовсе не в том, чтобы превратить партию в замкнутую касту. Наша политика состоит в том, чтобы между партийными и беспартийными рабочими существовала атмосфера «взаимного доверия», атмосфера «взаимной проверки» (Ленин). Партия наша сильна в рабочем классе, между прочим, потому, что она проводит такую именно политику.

Итак, добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция, — такова задача. (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 594—596, изд. 9-е.)

* * *

Таким образом первое условие для выполнения плана — «объективные» возможности — у нас есть налицо.

Есть ли у нас второе условие — умение использовать эти возможности?

Иначе говоря, есть ли у нас правильное руководство фабриками, заводами, шахтами? Все ли тут обстоит благополучно?

К сожалению, не все тут обстоит благополучно. И мы как большевики должны это сказать прямо и открыто.

Что значит руководить производством? У нас не всегда смотрят по-большевистски на вопрос о руководстве предприятиями. У нас нередко думают, что руководить — это значит подписывать бумаги. Это печально, но это факт. Иногда невольно вспоминаешь помпадуров Щедрина. Помните, как помпадурша поучала молодого помпадуря: не ломай голову над наукой, не вникай в дело, пусть другие занимаются этим, не твое это дело, — твое дело руководить, подписывать бумаги. Надо признать, к стыду нашему, что и среди нас, большевиков, есть не мало таких, которые

руководят путем подписывания бумаг. А вот, чтобы вникать в дело, овладеть техникой, стать хозяином дела, — на этот счет — ни-ни:

Как могло случиться, что мы, большевики, проделавшие три революции, выпешшие с победой из жестокой гражданской войны, разрешившие крупнейшую задачу создания промышленности, повернувшие крестьянство на путь социализма, — как могло случиться, что в деле руководства производством мы пасуем перед бумажкой?

Причина тут заключается в том, что подписывать бумагу легче, чем руководить производством. И вот многие хозяйственники пошли по этой линии наименьшего сопротивления. Есть тут и наша вина, вина центра. Лег десять назад был дан лозунг: «Так как коммунисты технику производства еще как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженеры, специалисты, ведут производство, а вы, коммунисты, не вмешивайтесь в технику дела, но, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством, не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела». Таков был лозунг. А что вышло на деле? Вторую часть этой формулы отбросили, ибо учиться труднее, чем подписывать бумаги, а первую часть формулы оплошали, истолковав невмешательство как отказ от изучения техники производства. Получилась чепуха, вредная и опасная чепуха, от которой чем скорее освободимся, тем лучше.

Сама жизнь не раз сигнализировала нам о неблагоприятии в этом деле. Шахтинское дело было первым сигналом. Шахтинское дело показало, что у парторганизаций и профсоюзов нехватило революционной бдительности. Оно показало, что наши хозяйственники безобразно отстали в техническом отношении, что некоторые старые инженеры и техники, работая бесконтрольно, легче скатываются на путь вредительства, тем более, что их непрерывно донимают «предложениями» враги из-за границы. Второй сигнал — процесс «промпартии».

Конечно в основе вредительства лежит классовая борьба. Конечно классовый враг бешено сопротивляется социалистическому наступлению. Но одного этого для объяснения такого пышного расцвета вредительства — мало.

Как могло случиться, что вредительство приняло такие широкие размеры? Кто виноват в этом? Мы в этом виноваты. Если бы мы дело руководства хозяйством поставили иначе, если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, — вредителям не удалось бы так много навредить. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 581—583, изд. 9-е.*)

Значение естествознания и техники для социалистического строительства

Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество.

Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна осгается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство

и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно.

Нами уже разработан предварительный план электрификации страны, над этим планом работали двести наших лучших научных и технических сил. Разработан план, который на долгий период лет, не менее чем на десять лет, дает нам расчет материальный и финансовый. Этот план указывает, сколько миллионов бочек цемента и сколько миллионов кирпичей нужно нам для проведения электрификации. Чтобы осуществить задачи электрификации в финансовом отношении, расчет сделан на 1—1,2 миллиарда рублей золотом. Вы знаете, что мы нашим золотым фондом можем покрыть далеко не всю эту цифру. Невелик также у нас и продовольственный фонд. Поэтому мы должны эти расчеты покрыть концессиями по тому плану, о котором я говорил. Вы увидите расчет, как на этой основе планируется восстановление нашей промышленности и нашего транспорта.

Мне пришлось не очень давно быть на одном крестьянском празднике в отдаленной местности Московской губернии, в Волоколамском уезде, где у крестьян имеется электрическое освещение. На улице был устроен митинг, и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас естественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов. Из этой темноты скоро не выскочишь. Но нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс. У нас есть разработанный план электрификации, но выполнение этого плана рассчитано на годы. Мы во что бы то ни стало должны этот план осуществить и срок его выполнения сократить. Здесь должно быть то же самое, что произошло с одним из наших первых хозяйственных планов, с планом восстановления транспорта — приказом № 1042, который был рассчитан на 5 лет, но уже теперь сокращен до 3½ лет, так как выполняется сверх нормы.

Но нужно знать и помнить, что провести электрификацию нельзя, когда у нас есть безграмотные. Мало того, что наша комиссия будет стараться ликвидировать безграмотность. Ею сделано много в сравнении с тем, что было, но мало в сравнении с тем, что нужно. Кроме грамоты нужны культурные, сознательные, образованные трудящиеся; нужно, чтобы большинство крестьян определенно представляло себе те задания, которые стоят перед нами. Эта программа партии должна стать основной книжкой, которая должна пойти во все школы. Вы получите в ней, рядом с общим планом проведения электрификации, специальные планы, написанные для каждого района России. Каждый товарищ, который поедет на места, будет иметь определенную разработку проведения электрификации в его районе, перехода из темноты к нормальному существованию. И, товарищи, можно и должно на месте сравнивать, разрабатывать, проверять данные вам положения, добиваясь того, чтобы в каждой школе, в каждом кружке на вопрос, что такое коммунизм, отвечали не только то, что написано в программе партии, а также говорили о том, как выйти из состояния темноты.

Лучшие работники, хозяйственники-специалисты исполнили данное им задание по выработке плана электрификации России и восстановления ее хозяйства. Теперь нужно добиться того, чтобы рабочие и крестьяне знали, как велика и трудна эта задача, как к ней нужно приступить и как за нее взяться.

Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения, и если Россия покрется густой сетью электрических

станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии. (Ленин, VIII съезд советов (1920 г.), Соч., т. XXVI, стр. 46—48, изд. 3-е.)

Для построения коммунизма необходимо подвести базу современной техники в промышленности и земледелии

... Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только, когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение. Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдаёт себе отчет, что он, вступив в коммунистический союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может его создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием. (Ленин, Речь на III Всероссийском съезде РКСМ (1920 г.), Соч., т. XXV, стр. 389, изд. 3-е.)

Задачи внедрения механизации

XVII партийная конференция обращает внимание всех партийных организаций и самой промышленности на необходимость ускоренной механизации трудоемких и тяжелых работ как в производстве, так и в строительстве, особенно в таких отраслях, как каменноугольная, металлургия, горнорудная, лесозаготовки, торфопеработки, транспортные и погрузочно-разгрузочные работы.

Широкое внедрение механизации становится совершенно необходимым как для успешного выполнения плана производства и строительства, требующих передвижения огромных грузовых потоков, так и для замены ручного труда при тяжелых работах и во вредных производствах.

Конференция считает необходимым, чтобы уже в плане 1932 г. было предусмотрено усиленное снабжение перечисленных отраслей промышленности механизмами и средствами железнодорожного и автомобильного транспорта.

В основу всего дальнейшего развития промышленности должно быть положено быстрое повышение производительности труда, которое становится вполне осуществимым благодаря вводу новых машин и аппаратуры. Особо острая необходимость в текущем году в мобилизации всех внутренних ресурсов промышленности и всех скрытых возможностей, на основе громадных задач технической реконструкции (в том числе задача правильного географического размещения промышленности и технического комбинирования родственных производств), требует исключительного

внимания к качественным показателям — как экономическим (себестоимость, производительность труда и т. д.), так и техническим, составляющим их материальную основу (надлежащее использование мощностей машин и агрегатов, соответствующие коэффициенты использования печей, надлежащие скорости технологических процессов и т. д.).

Рационализация и стандартизация производства, жесточайшая экономия в расходовании материалов, в особенности дефицитных, экономия металла и топлива на единицу изделия, широкое внедрение электро-автоматической сварки, полное освоение новых технологических процессов, беспощадная борьба с потерями, обеспечение качества продукции, особенно в металлургии, начиная от качества руды и кончая готовыми фабрикатами, — все это является необходимыми предпосылками улучшения качественных показателей и роста внутрипромышленного накопления. Эти задачи диктуют дальнейшее развертывание процесса овладения техникой на основе все более тесного сотрудничества научно-исследовательских учреждений с промышленностью и в частности на основе *решительного усиления фабрично-заводских лабораторий* и организации их при больших новостройках. Работа научно-исследовательских институтов никоим образом не должна ограничиваться стенами лабораторий, а обязательно должна доводиться до постановки работы на фабриках и заводах. Внимание научно-исследовательских учреждений должно быть обращено с особой остротой на задачи, выдвигаемые планом 1932 г. Внимание технического актива и хозяйственников должно быть со всей силой заострено на задачах технического руководства. Только при таких условиях можно будет победоносно решить задачи, выдвигаемые планом 1932 г. (*Из резолюции XVII конференции ВКП(б) по докладу т. Орджоникидзе.*)

О подготовке технических кадров

Большевистские темпы технического перевооружения народного хозяйства требуют огромного прироста квалифицированного труда и быстрого роста технических кадров промышленности. Эти небывалые темпы и необходимость освоения новых технологических процессов широкими слоями рабочих и инженерно-технических работников, в том числе громадными массами новых рабочих, делают необходимым, кроме плановой подготовки кадров во всей системе стационарного обучения, *широкое развитие производственно-технической пропаганды*. Отмечая недооценку значения этого дела со стороны хозорганов и профсоюзов, конференция считает необходимым обеспечить достаточный материальный базис для реализации в 1932 г. широкого плана работ по производственно-технической пропаганде, в частности по переводу и изданию руководств и технических справочников по всем отраслям промышленности.

Подготовка кадров, количественно и качественно соответствующих огромному развертыванию социалистической промышленности, является неперенным условием успешного выполнения плана 1932 г. Это касается как низшего, среднего, так и высшего технического персонала, кадров научно-исследовательских работников и переподготовки мастеров-бригадиров, причем необходимо особенно обратить внимание на переподготовку кадров по техническому нормированию. Необходимо добиться повышения квалификации этих кадров, обеспечивая во всей системе стационарного обучения качественную его сторону. Высший инженерно-технический состав должен быть на высоте современной мировой техники, при полном знании специфических условий нашего хозяйства. Теоретическое обучение во вузах должно сопровождаться практическим опытом на предприятиях, и выдвижение на административные посты должно предполагать, по правилу, предварительный практический стаж.

Конференция обращает особое внимание на необходимость развития широкой научно-технической общественности, от рабочего актива на предприятиях (ударники, изобретатели, рационализаторы) до научно-технических обществ. Только при развертывании этой общественности, в связи с ростом социалистического соревнования, широкого обмена опытом и т. д., может быть ускорен процесс массового роста технических кадров социалистической промышленности. Подготовка технически культурных широких масс рабочего класса и подготовка инженеров-специалистов, действительно способных к ответственному руководству делом, ведущимся на основе новейшей техники, — такова задача. *(Из резолюции XVII конференции ВКП(б) по докладу т. Орджоникидзе.)*

Основная хозяйственная задача второй пятилетки

Успехи в осуществлении первой пятилетки подготовили базу для дальнейшего еще более мощного роста социализма в СССР.

XVII конференция ВКП(б) считает, что огромные природные богатства страны, большевистские темпы социалистического строительства, растущая активность широких масс рабочих и колхозников и правильная линия партии полностью обеспечивают такое развертывание производительных сил социалистического хозяйства во втором пятилетии, на основе которого будут окончательно ликвидированы капиталистические элементы в СССР. Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества.

На основе ликвидации паразитических классовых элементов и общего роста народного дохода, целиком идущего в распоряжение трудящихся, должен быть достигнут значительно более быстрый подъем благосостояния рабочих и крестьянских масс, и при этом решительное улучшение всего жилищного и коммунального дела в СССР. Конференция считает, что обеспечение населения основными потребительскими товарами, и в том числе предметами питания, должно к концу второй пятилетки увеличиться не менее чем в два-три раза против конца первой пятилетки.

1. Осуществление этих задач возможно лишь на базе развернутой *технической реконструкции* всего народного хозяйства — промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

К началу первой пятилетки СССР в основном закончил восстановительный период и за последние годы вступил на путь реконструкции по ряду основных отраслей народного хозяйства, в частности в металлургии, машиностроении, угольной промышленности, не говоря уже о проведенной еще ранее реконструкции в области нефтяной промышленности. Особое место занимает широко развернувшаяся реконструкция сельского хозяйства, быстро перестраивающегося на новой технической базе.

Достигнутые за первую пятилетку успехи в этой области являются однако лишь началом осуществления технической реконструкции народного хозяйства. Между тем при наличии теперешнего недостаточного, к тому же устаревшего и изношенного оборудования промышленности и транспорта, не говоря уже о сельском хозяйстве, без проведения технической реконструкции во всех отраслях народного хозяйства, без подведения под них новейшей машинной техники — нельзя обеспечить большевистских темпов социалистического строительства, которых требует осуществление основных задач второго пятилетнего плана.

Поэтому XVII конференция ВКП(б) считает, что *основной и решающей хозяй-*

ственной задачей второй пятилетки является завершение реконструкции всего народного хозяйства, создание новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства. (Из резолюции XVII конференции ВКП(б) по докладам тт. Молотова и Куйбышева.)

Необходимо овладеть техникой

Надо самим стать специалистами, хозяевами дела, надо повернуться лицом к техническим знаниям, — вот куда толкала нас жизнь. Но ни первый сигнал, ни даже второй сигнал не обеспечили еще необходимого поворота. Пора, давно пора повернуться лицом к технике. Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве в технику, и стать самими специалистами, знатоками дела, стать самими полными хозяевами дела.

Спрашивают часто, почему у нас нет единоначалия? Его нет и не будет, пока мы не овладеем техникой. Пока среди нас, среди большевиков, не будет достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики и финансов, у нас не будет действительного единоначалия. Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты — толку не будет, единоначалия не будет.

Задача, стало бытъ, состоит в том, чтобы нам самим овладеть техникой, самим стать хозяевами дела. Только в этом гарантия того, что наши планы будут полностью выполнены, а единоначалие будет проведено.

Дело это, конечно, не легкое, но вполне преодолимое. Наука, технический опыт, знания — все это дело живое. Сегодня нет их, а завтра будут. Главное тут состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. При страстном желании можно добиться всего, можно преодолеть все...

Не скажу, что в отношении руководства хозяйством у нас за эти годы ничего не сделано. Сделано, и даже очень много. Мы вдвое увеличили продукцию промышленности по сравнению с довоенной. Мы создали самое крупное в мире сельскохозяйственное производство. Но мы могли бы сделать еще больше, если бы постарались за это время по-настоящему овладеть производством, его техникой, его финансово-экономической стороной.

Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все «объективные» возможности. Нехватает только умения использовать по-настоящему эти возможности. А это зависит от нас. *Только* от нас! Пора нам научиться использовать эти возможности. Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все. Если ты директор завода — вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего, учись и еще раз учись. Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все. И хозяйственник, не желающий изучать технику, не желающий овладеть техникой, — это анекдот, а не хозяйственник.

Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать. И мы это сделаем, если захотим этого по-настоящему! (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 583, 585, изд. 9-е.)

Необходимость борьбы на два фронта в естествознании и технике

1. СССР вступил в период социализма, проходит этап, завершающий построение фундамента социалистической экономики, этап «перестройки всех органов пролетарской диктатуры, партийных, профсоюзных, советских и кооперативных организаций под лозунгом мобилизации масс за большевистские темпы социалистической реконструкции» (резолюция XVI партсъезда). Эта перестройка должна распространяться и на научно-исследовательскую работу в технике, естествознании и медицине.

2. Социалистическая реконструкция всего хозяйства СССР требует, в отличие от капиталистической системы хозяйства, проведения сознательного и планового руководства строительством всей науки, в частности естествознания. Усваивая и применяя все действительные достижения науки капиталистического общества, мы должны перестроить формы организации науки и подвергать переработке самое содержание ее на основе марксистско-ленинской методологии. При этом необходима непримиримая борьба со всеми проявлениями в науке вообще, в естествознании в частности, идеологии враждебных пролетариату классов и с попытками реставрировать эту идеологию.

Эта перестройка предполагает в дальнейшем орабочивание состава научных работников, усиление среди них коммунистического ядра, изменение форм работы в сторону непосредственной связи с широчайшими массами трудящихся, сосредоточения внимания на проблемах, имеющих важнейшее значение для социалистического строительства.

3. Правильная линия партии, невиданный рост нашего хозяйства, а в связи с ним и рост науки привели к тому, что мы имеем ряд успехов в деле постановки естествознания на службу социалистическому строительству. Значительная часть специалистов в области технических и естественно-научных дисциплин активно участвует в строительстве; в среде научных работников все больше и больше осознается необходимость поворота науки к социалистическому строительству; значительно возрос интерес широкой массы естествоиспытателей к диалектическому материализму, выросли, хотя и недостаточно, рабочие и коммунистические кадры естествоиспытателей, наблюдается рост естественно-научной марксистской литературы, растут научные марксистские общества, усилилось влияние и участие коммунистов в естественно-научных съездах.

4. Отмеченные успехи однако не покрывают существенных прорывов на фронте естествознания. К ним относится прежде всего отставание теории от практики. Положение, констатированное т. Сталиным на конференции аграрников-марксистов по экономике, — «неопереживание теории за практическими успехами социалистического строительства», — целиком относится к естественно-научному фронту. Рост социалистического строительства по линии промышленности и сельского хозяйства, постановка ряда новых проблем в этих областях, а также в советском здравоохранении, в вопросах обороны страны и т. п. опережают рост теоретической работы в области естествознания. Совершенно недостаточен количественный и качественный рост естественно-научных кадров вообще и в особенности их рабочая, коммунистическая прослойка.

Не велась работа по реконструкции науки на основе методологии диалектического материализма; не была поставлена проблема партийности в науке; вместе с тем борьба с враждебными организационными и идеологическими течениями в области научно-исследовательской работы была совершенно недостаточна и проводилась не с ортодоксально-марксистских позиций.

5. Борьба за реконструкцию науки, выдвигаемая задачами социалистического строительства, осложняется на данном этапе усиленным сопротивлением социалисти-

ческому строительству враждебных пролетариату классовых сил. Это сопротивление выражается на естественно-научном фронте как в открытой борьбе путем вредительства (Шпитальский в химии и др.), так и во враждебных пролетариату идеологических течениях в лице махизма (Френкель в физике), витализма (А. Гурвич, Берг, Соболев, Любичев в биологии), реакционных политических выводов из естествознания (Савич — учение о высшей нервной деятельности, Кольцов — в евгенике и др.).

В борьбе за реконструкцию науки на основах марксистско-ленинской методологии важное значение приобретает разоблачение всякого рода псевдомарксистских течений типа кориндовщины, бехтеревщины в психологии, Серебровского в биологии и ряда направлений в других областях науки, представляющих форму приспособлений к марксизму-ленинизму в условиях диктатуры пролетариата, по существу отображающих напор классового врага на идеологию пролетариата.

6. Рост враждебных настроений сказывается в мировой науке в изгнании материалистического мировоззрения из наук о природе, во все большей и большей пропаганде через естественно-научную литературу религиозных и мистических идей, в повороте немалого числа естествоиспытателей в сторону спиритизма, оккультизма, парафизики (Шейдер, Дриш), в решительной борьбе против революционного значения дарвинизма, принявшей в Америке средневековые формы «обезьянного процесса», попытки создания высших естественно-научных учреждений на основании библии (Брайановский университет), в пропаганде со специальных кафедр по философии естествознания враждебных материализму философских учений (в Берлине — Райхенбах, в Вене — М. Шлик, в Мюнхене — Г. Динглер, в Праге — Франк и т. д.).

Порождаемая гигантскими успехами техники, громадным накоплением нового фактического материала революционная ломка естественно-научных теорий в условиях разложения капиталистического общества, при наличии в капиталистических странах лишь небольшой горстки естествоиспытателей-коммунистов, используется идеалистическими и философскими школами, проводящими свои взгляды в формулировках тех или иных естественно-научных теорий (махистская идеалистическая трактовка теории относительности Эйнштейна Эддингтоном, Вейлем и др.; махистская трактовка волновой механики Гейзенбергом, Шредингером, идеалистическая школа в патологии Креля, идеалистические направления в психологии — Штерн, Адлер).

Рост социалистического строительства СССР и усиление его как фактора мировой пролетарской революции приводят в то же время к дальнейшему расслоению среди ученых Западной Европы и Америки в смысле отхода большинства их в лагерь враждебных пролетариату классов (отношение Эйнштейна и др. к вредительству в СССР и попыткам интервенции). Социал-демократия выступает как социал-фашизм не только в политике, но и в идеологии и способствует фашизации науки (писания Каутского, Ф. Адлера и др.).

7. В условиях все обостряющейся классовой борьбы внутри и вне СССР борьба за чистоту партийной линии в области теории приобретает особенно важное значение. Наибольшей опасностью в этом отношении является механистический уклон от философии диалектического материализма, объективно являющийся выражением влияния враждебных пролетариату идеологий.

Механисты (Тимирязев, Варьяш, Сарабьянов, Обух и др.) выхолащивают все революционное содержание марксизма и заменяют его философией буржуазных естествоиспытателей, реставрируя методологию вулгарного механицизма. В решении ряда теоретических проблем естествознания механисты смыкаются с реакционно-идеалистическими концепциями (проблема жизни, проблема приспособления, проблема поведения и др.).

С другой стороны, механистические взгляды и вся система механистического мировоззрения являются на данном этапе теоретической и методологической базой правого уклона.

8. Задачи руководства на естественно-научном фронте в СССР заключаются в борьбе за большевизацию науки, за генеральную линию партии. Борьбу нужно вести неуклонно, разоблачая всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими публицистами» (Ленин).

9. Подводя итоги работы, проделанной секцией (теперь ассоциацией) естествознания Коммунистической академии, следует констатировать ряд достижений и успехов. К ним относятся прежде всего:

- а) количественный рост самой ассоциации;
- б) усиление влияния на значительные слои естественников путем организации целого ряда марксистских обществ (общества физиков, математиков, врачей, биологов, психоневрологов, геологов);
- в) участие ассоциации в ряде естественно-научных съездов (съезд по поведению, физиологов, зоологов, математиков, физиков), где представители Коммунистической академии, руководя материалистическим крылом, оказывали влияние на работы съезда;

г) пропагандистская и литературная деятельность ассоциации (организация лекций, докладов, создание теоретического журнала «Естествознание и марксизм», выпуск отдельных монографических работ, организация курсов для учителей и др.);

д) борьба, хотя и недостаточная по своему объему и не ортодоксально-марксистская по характеру, с механистами, а также с открытыми выступлениями идеалистов.

10. Отмечая указанные достижения, следует сказать, что естественно-научное руководство (Шмидт, Левин, Левит, Гессен, Агол) не осуществило реализации генеральной линии партии на фронте естествознания, не учло сдвигов, связанных со вступлением СССР в эпоху социализма, не выявило задач, которые диктовались ускорением темпов социалистического строительства, обострением классовой борьбы.

Естественно-научное руководство непосредственно сомкнулось с группой Деборина, Карева, Стена и др., либо активно поддерживая ее в борьбе против партийности в философии и естествознании (Левин, Левит, Агол, Гессен), либо относясь примирительно, по существу защищая его (Шмидт).

Защищая неправильную линию группы Деборина, Карева, Стена и неся за эту линию ответственность в целом, естественно-научное руководство само извратило понимание проблемы партийности в науке, стало на антимарксистский путь, допустив отрыв теории от практики.

11. Товарищи из естественно-научного руководства, признавая на словах необходимость разрабатывать и применять материалистическую диалектику в естествознании, в ряде своих работ отождествляют новейшие работы буржуазных естествоиспытателей с марксизмом, тем самым капитулируя перед буржуазной наукой. Ленин, анализируя процесс глубокой революционной ломки во всех областях естествознания, подчеркивал, что задача естественников-марксистов заключается в переработке тех завоеваний, которые делают буржуазными учеными, в умении «отсечь их реакционную тенденцию, в умении вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов». Товарищи из естественно-научного руководства пренебрегали этими указаниями Ленина. Так т. Гессен некритически утверждает в своей брошюре о теории относительности, что «в области физики взгляды теории относительности на пространство и время в основном совпадают с воззрением диалектического материализма на соотношение пространства, времени и материи». Разумеется,

критическое отношение к теории относительности не должно сопровождаться огульным отрицанием физической стороны ее, как это делают механисты (Тимирязев); взгляды, развиваемые Тимирязевым по этому вопросу, ничего общего с марксизмом не имеют. Левит отождествляет современную генетику с диалектическим материализмом в биологии. Перечисленные товарищи не отсекали реакционных философских тенденций в указанных теориях и отождествили их с марксизмом.

12. Вместе с тем товарищи из естественно-научного руководства недооценили значения для естествознания работ Маркса, Энгельса и Ленина. При этом не только не разрабатывалось теоретическое наследство Маркса, Энгельса и Ленина (в журнале «Естествознание и марксизм» не появилось ни одной статьи, посвященной «Диалектике природы» Энгельса или работам Ленина, рассматривающим проблемы естествознания), но имелись попытки прямой ревизии марксизма-ленинизма при трактовке ряда естественно-научных проблем. При одобрении и поддержке товарищей Левита, Левина и Агола в журн. «Естествознание и марксизм» писалось (Серебровский), что в области эволюционной теории Энгельс «лишь стремился быть на уровне с наукой того времени». Этим сознательно смазывается значение естественно-научных работ Энгельса и ревизуется его роль в методологической переработке естествознания на базе диалектического материализма.

13. По отношению к Ленину недооценка выразилась у указанной группы товарищей из естественно-научного руководства Коммунистической академии в непонимании того, что и в естествознании ленинизм является «марксизмом эпохи империализма и пролетарской революции», что Ленин дал анализ того положения, которое создалось в области естествознания в эпоху империализма и пролетарской революции и определил задачу и тактику пролетариата и на этом фронте. В противоположность сказанному в резолюции II конференции марксистско-ленинских учреждений по докладу т. Шмидта написано: «В естествознании же после Энгельса марксизм почти не разрабатывался, и только у Ленина мы имеем — сравнительно немного, правда, — гениальных страниц». Здесь налицо полное непонимание и принижение роли Ленина.

14. К ошибкам механистического порядка, перерастающим в целом ряде случаев в идеалистические, относятся прежде всего метафизическая трактовка проблемы случайности у Гессена и Агола; механистическая и метафизическая трактовка проблемы организма и эволюции, внешнего и внутреннего в связи с проблемами генетики у Агола, Левита и Левина; механистическая и метафизическая трактовка причинности, соотношения физиологического и эволюционного у Серебровского при поддержке Агола, Левита, Левина. К этой же категории ошибок относится и недооценка Лениным опасности механистических воззрений Гельмгольца (т. XIII, примечание, заграничное издание соч. Ленина), то же Дюринга (т. XIII), то же Вейсмана (БСЭ) и т. д. Механистическим же является сведение социального к биологическому у т. Серебровского. При поддержке Левита, Агола и Левина т. Серебровский подменяет борьбу за генеральную линию партии проблемой улучшения генофонда (пятилетка в 2¹/₂ года), чем допускает объективно политически реакционную ошибку.

Явно идеалистического порядка делает ошибку т. Гессен, утверждая, что «материя есть синтез пространства и времени», и некритически усваивая некоторые положения махистов о движении. Идеалистические ошибки делает и Агол в трактовке целесообразности и причинности (ст. в журн. «Естествознание и марксизм» № 1—5 1930 г.).

15. Естественно-научное руководство вело совершенно недостаточную борьбу с идеализмом. Естествознание совершенно не использовано в работе всех органов ассоциации, в том числе и общества Комкадемии, для антирелигиозной борьбы.

«Самое важное — чаще всего именно это забывают наши якобы марксистские, а на самом деле уродующие марксизм коммунисты — это суметь заинтересовать со-

всем еще неразвитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религии» (Ленин).

Совершенно недостаточной была борьба с уклонами от марксистско-ленинской философии среди естественников и прежде всего с главной опасностью в этом отношении — механицизмом. Механисты не только свободно развертывали свою пропагандистскую деятельность в стенах учреждений секций, но до последнего времени имели свои организационные оформления под флагом так называемого раздела работ Тимирязева, замкнувшись в группу с групповой платформой и планом работы. Особо нужно также отметить развертывание механистами работы в обществе «Денинизм в медицине» (группа Обуха); против нее ассоциация естествознания Коммунистической академии не сумела своевременно развернуть борьбу.

16. Отмеченные неправильные установки и ошибки товарищей из естественно-научного руководства сказались и на литературной продукции, выходящей под ответственностью этих товарищей. Журнал «Естествознание и марксизм» не поместил ни одной статьи, посвященной социалистическому строительству и защите генеральной линии партии, и по существу был групповым органом естественников, поддерживающих философское руководство.

В Большой советской энциклопедии, руководимой ответственным редактором, председателем ассоциации естествознания Коммунистической академии т. Шмидтом, естественно-научный отдел должен быть квалифицирован как в основном немарксистский.

В ряде важнейших идеологических статей («Водны», написанная махистом Франком, «Гарвей», «Вещество», «Витализм», «Антропотехника», «Аксиома», «Внушение» «Вейсман», «Вероятность», «Влечение», «Берг», «Бэр» и др.) дается антимарксистская интерпретация предмета и антимарксистская ориентация широких кадров читателей. Помимо того редакция естественно-научного отдела БСЭ допустила политические ошибки в организации и подборе редакционного и авторского персонала, не привлекая к этой работе в значительной степени имеющиеся и растущие марксистские, коммунистические кадры естественников, используя для этой работы в то же время реакционные круги естественников-специалистов, сотрудничая с ними в духе либерализма, в духе терпимости к проводившимся ими немарксистским взглядам.

Статья т. Левита в пятом, посвященном XVI партсъезду номере журнала «Под знаменем марксизма» носит меньшевистский характер.

17. Ряд ошибок допущен руководством ассоциации и по линии организационно-практической работы. В частности оно не организовало коммунистической общественности естественников, что наиболее наглядно бросается в глаза в факте отрыва ассоциации от ИКП Ф и Е. Практика самотека царила в развертывании сети научно-исследовательских учреждений, не обеспечивалось в должной мере идеологическое и политическое руководство работой, на что указывает большая засоренность состава научных работников социально чуждыми элементами и то, что научные институты ассоциации до сих пор мало чем отличаются от подобных, не входящих в состав Коммунистической академии учреждений.

18. Академический и аполитичный характер носила до сих пор деятельность научных обществ при ассоциации естествознания. Общества не сумели организовать массы вокруг проблем, выдвигаемых социалистическим строительством, не вели активной борьбы за пропаганду марксизма и борьбы против уклонов от него среди научных работников-естественников, полагаясь в своей работе целиком на самотек. Положительная роль этих обществ в смысле создания новых марксистских кадров также ничтожна. Влияние этих обществ не выходило за пределы Комакадемии и никакой ведущей роли не играло в деятельности аналогичных обществ вне Комакадемии, в том числе и в провинции.

Завоевание и перестройка естествознания на марксистской основе, участие его в социалистическом строительстве требуют быстрого темпа роста рабочих и коммунистических кадров естественников. Естественно-научным руководством проблема кадров совершенно не была разработана и не поставлена. Больше того, позиции естественно-научного руководства приводили к дезориентации немногочисленных имеющих марксистских кадров.

19. Вся система антимарксистских и антиленинских ошибок естественно-научного руководства представляет собой форму проявления на естественно-научном фронте меньшевистствующего идеализма, выжившего на общем фронте борьбы против марксизма-ленинизма (рубинщина в политэкономии, переверзевщина — в литературоведении, антимарксистский уклон группы Деборина в философии и т. д.). Антимарксистские ошибки естественно-научного руководства сочетались с тем, что оно вместо содействия развертыванию среди естественников большевистской самокритики противодействовало ей и тем самым углубляло свои ошибки и замкнулось в оторванную от широких масс грунту, ведя с так называемым философским руководством общую групповую линию (платформа 10 и т. д.).

Это необходимо подчеркнуть тем более, что естественно-научный фронт — один из самых отсталых и наименее обеспеченных марксистскими кадрами участков теоретического фронта. Все это приводит к тому, что положение на естественно-научном фронте в данный момент является более тяжелым, чем на философском.

20. Ответственность за положение на естественно-научном фронте лежит не только на ассоциации естествознания, но и на президиуме Коммунистической академии, который не уделял достаточного внимания общеполитической установке и не осуществлял достаточного контроля над работой на фронте естествознания. Президиум Коммунистической академии недооценивал значения естествознания в социалистическом строительстве и в теоретической борьбе партии. В общей системе учреждений Коммунистической академии ассоциация естествознания не была поставлена в соответствующие условия для развертывания работы.

А. Для действительного осуществления поворота ассоциация естествознания должна перестроить всю свою работу на следующих началах:

1. Большевистской партийности, повседневной непримиримой борьбы за генеральную линию партии.

2. Непосредственного участия в социалистическом строительстве, партийного методологического влияния на всю научно-исследовательскую работу в СССР.

3. «Ведения войны» со всеми враждебными диалектическому материализму направлениями в естествознании, всеми разновидностями идеализма, со всеми извращениями марксизма-ленинизма, с механистической опасностью как главной, проявив вместе с тем особую бдительность к меньшевистствующему идеализму группы Деборина, Карева, Стена и шедших с ними естественников — Левина, Левита, Агола и др.

4. Обеспечения разработки наследства Маркса, Энгельса и особенно Ленина по вопросам методологии естествознания, реконструкции естественных и математических наук на основе материалистической диалектики, пропаганды и распространения влияния марксистско-ленинской мысли в области естествознания как в СССР, так и в международном масштабе (создание специального «бюллетеня» и т. д.).

5. Максимальной концентрации марксистско-ленинских кадров естественников, решительного выдвижения и плановой форсированной подготовки новых рабочих коммунистических кадров.

6. Строгой плановости и дисциплины, самокритики, соцсоревнования и ударничества, бригадности в работе, проверки исполнения. *(Из резолюции президиума Комкадемии по докладу Шмидта и А. Максимова о положении на фронте естествознания.)*

Об упрощенчестве и упрощенцах

Никак нельзя забывать указание Ленина о том, — «... что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мировоззрения. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествовед должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом» (Ленин, т. XXVII, стр. 187).

Наши научные работники должны тщательно, систематически изучать диалектический материализм, они должны брать под огонь всякую пропаганду поповщины, идеализма во всех их видах и проявлениях. Как бы ни старались сторонники механицизма снять задачу борьбы за диалектику, эта задача — борьба за диалектический материализм против буржуазного мировоззрения — *стоит и будет стоять у нас в порядке дня.*

Нельзя однако эту борьбу вести в порядке деклараций, закланий, словесной шумихи. От научного работника требуется прежде всего всерьез овладеть своей специальностью, знать свою научную область, упорно работать в ней, — лишь при этом условии возможны действительная борьба с буржуазным мировоззрением и победа диалектического метода. Без этого условия декларация о партийности в науке *ничего не стоит.* Какой толк из декларации «за партийность в математике», если люди, выбрасывающие этот лозунг, не знают математики. Можно десятки раз клясться в верности диалектическому материализму и требовать его осуществления в математике, но все эти клятвы и заявления — *пустой звук*, если они не подкрепляются знанием самого предмета, его метода, его проблем, пониманием того, как и каким путем *конкретно в данной* дисциплине проявляется буржуазное мировоззрение.

Пора и среди беспартийных специалистов поставить более квалифицированно пропаганду марксизма-ленинизма и материалистической диалектики.

Показать беспартийным, как вести доменный процесс на основе марксизма-ленинизма или как писать картины или строить дома на основе материалистической диалектики, мы не можем. И тот, кто берется за это, тот *шарлатан.* Но дать им лучшие произведения основоположников марксизма, поставить дельные лекции по вопросам диалектики, показать, как Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин в своих работах проводили диалектический метод, — это мы не только можем, *но и должны непременно* делать. А те научные работники, которые искренно переходят к нам, учась у Маркса и Ленина, они позаботятся и подумают над тем, как в своей области применять диалектический метод на основе имеющихся у них знаний, фактического материала, действительного понимания проблем своей науки.

И наконец о научных обществах. Вокруг Комкадемии образовалась порядочная сеть обществ: физиологов-марксистов, врачей-марксистов, математиков и пр.

Все эти общества имеют почти сплошь коммунистический состав. Они замкнулись в своей скорлупе и отгородились от широких обществ советских специалистов. Не пора ли здесь эти перегородки снять, коммунистам войти в широкие общества советских специалистов, чтобы рука об руку с ними, и споря, когда нужно, работать над разрешением не на словах, а на деле, научных проблем? (Стелцкий, «Правда» 4 июня 1932 г.)

**ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ МА-
ТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ
И БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА
В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ**

І. Ленинизм и его исторические корни

Исторические корни ленинизма

Изложить основы ленинизма — это еще не значит изложить основы мировоззрения Ленина. Мировоззрение Ленина и основы ленинизма — не одно и то же по объему. Ленин — марксист, и основой его мировоззрения является, конечно, марксизм. Но из этого вовсе не следует, что изложение ленинизма должно быть начато с изложения основ марксизма. Изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем. Только в этом смысле я буду говорить в своих лекциях об основах ленинизма.

Итак, что такое ленинизм?

Одни говорят, что ленинизм есть применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки. В этом определении есть доля правды, но оно далеко не исчерпывает всей правды. Ленин действительно применил марксизм к российской действительности и применил его мастерски. Но если бы ленинизм являлся только лишь применением марксизма к своеобразной обстановке России, то тогда ленинизм был бы чисто национальным и только национальным, чисто русским и только русским явлением. Между тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское. Вот почему я полагаю, что это определение страдает односторонностью.

Другие говорят, что ленинизм есть возрождение революционных элементов марксизма 40-х годов XIX в. в отличие от марксизма последующих годов, когда он стал будто бы умеренным, неревolutionным. Если отвлечься от этого глупого и пошлого подразделения учения Маркса на две части, на революционную и умеренную, нужно признать, что даже в этом совершенно недостаточном и неудовлетворительном определении имеется доля правды. Состоит она, эта доля правды, в том, что Ленин действительно возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала. Но это только доля правды. Вся правда о ленинизме состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата.

Что же такое в конце концов ленинизм?

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

Отмечают, обычно, исключительно боевой и исключительно революционный характер ленинизма. Это совершенно правильно. Но эта особенность ленинизма объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что ленинизм вышел из пролетарской революции, отпечаток которой он не может не носить на себе; во-вторых, тем, что он вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II Интернационала, борьба с которым являлась и является необходимым предварительным условием успешной борьбы с капитализмом. Не следует забывать, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и между Лениным — с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма. (Сталин, *Об основах ленинизма*, «Вопросы ленинизма», стр. 5—6, изд. 9-е.)

Ленинизм — марксизм эпохи империализма и пролетарских революций

Ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма.

Ленин называл империализм «умирающим капитализмом». Почему? Потому, что империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция. Наиболее важными из этих противоречий нужно считать три противоречия.

Первое противоречие — это противоречие между трудом и капиталом. Империализм есть всесилье монополистических трестов и синдикатов, банков и финансовой олигархии в промышленных странах. В борьбе с этим всесильем обычные методы рабочего класса — профсоюзы и кооперативы, парламентские партии и парламентская борьба — оказались совершенно недостаточными. Либо отдайся на милость капиталу, прозябай по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие — так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата. Империализм подводит рабочий класс к революции.

Второе противоречие — это противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории. Империализм есть вывоз капитала к источникам сырья, бешеная борьба за монопольное обладание этими источниками, борьба за передел уже поделенного мира, борьба, ведомая с особенным остревением со стороны новых финансовых групп и держав, ищущих «места под солнцем», против старых групп и держав, цепко держащихся за захваченное. Эта бешеная борьба между различными группами капиталистов замечательна в том отношении, что она включает в себе как неизбежный элемент империалистские войны, войны за захваты чужих территорий. Это обстоятельство в свою очередь замечательно в том отношении, что оно ведет к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции, к практической необходимости этой революции.

Третье противоречие — это противоречие между горстью господствующих «цивилизованных» наций и между сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира. Империализм есть самая наглая эксплуатация и самое бесчеловечное угнетение сотен миллионов населения обильнейших колоний и зависимых стран. Выжимание сверхприбыли — такова цель этой эксплуатации и этого угнетения. Но, эксплуатируя эти страны, империализм вынужден строить там железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые центры. Появление класса пролетариев, зарождение местной интеллигенции, пробуждение национального самосознания, усиление освобо-

дительного движения — таковы неизбежные результаты этой «политики». Усиление революционного движения во всех без исключения колониях и зависимых странах свидетельствует об этом с очевидностью. Это обстоятельство важно для пролетариата в том отношении, что оно в корне подрывает позиции капитализма, превращая колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции.

Таковы, в общем, главные противоречия империализма, превратившие старый «цветущий» капитализм в капитализм умирающий.

Значение империалистской войны, разыгравшейся 10 лет тому назад, состоит, между прочим, в том, что она собрала все эти противоречия в один узел и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив революционные битвы пролетариата.

Иначе говоря, империализм привел не только к тому, что революция стала практической неизбежностью, но и к тому, что создались благоприятные условия для прямого штурма твердынь капитализма.

Такова международная обстановка, поредившая ленинизм.

Все это хорошо, скажут нам, но причем тут Россия, которая ведь не была и не могла быть классической страной империализма? Причем тут Ленин, который работал прежде всего в России и для России? Почему именно Россия послужила очагом ленинизма, родной теорией и тактикой пролетарской революции?

Потому, что Россия была узловым пунктом всех этих противоречий империализма.

Потому, что Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, и только она была в состоянии ввиду этого разрешить эти противоречия революционным путем.

Начать с того, что царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всецелые капиталы сливались с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодалный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат.

Далее. Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургия, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. Вспомните 12-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистских фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

Дальше. Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе.

Наконец, царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д. Кому не известно, что империалистская война велась царизмом в союзе с империалистами Антанты, что Россия являлась существенным элементом этой войны?

Вот почему интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма. Мог ли западный империализм помириться с потерей такой мощной опоры на Востоке и такого богатого резервуара сил и средств, как старая, царская, буржуазная Россия, не испы-

тав всех своих сил для того, чтобы повести смертельную борьбу с революцией в России, на предмет отстаивания и сохранения царизма? Конечно, не мог!

Но из этого следует, что кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую.

Между тем, в России подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России. Нужно ли доказывать, что такая революция не могла остановиться на полдороге, что она в случае успеха должна была пойти дальше, подняв знамя восстания против империализма?

Вот почему Россия должна была стать узловым пунктом противоречий империализма не только в том смысле, что противоречия эти легче всего вскрывались именно в России ввиду особо безобразного и особо нетерпимого их характера, и не только потому, что Россия была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока, но и потому, что только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем.

Но из этого следует, что революция в России не могла не стать пролетарской, что она не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, что она не могла, таким образом, не потрясти самые основы мирового империализма.

Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко-национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война) толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма. Русские коммунисты иначе и не могли действовать, ибо только на этом пути можно было рассчитывать на известные изменения в международной обстановке, могущие гарантировать Россию от реставрации буржуазных порядков.

Вот почему Россия стала очагом ленинизма, а вождь русских коммунистов Ленин — его творцом.

С Россией и Лениным «случилось» тут приблизительно то же самое, что и с Германией и Марксом — Энгельсом в сороковых годах прошлого столетия. Германия была чревата тогда так же, как и Россия в начале XX столетия, буржуазной революцией. Маркс писал тогда в «Коммунистическом манифесте», что:

«На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция следовательно может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции».

Иначе говоря, центр революционного движения перемещался в Германию.

Едва ли можно сомневаться в том, что это именно обстоятельство, отмеченное Марксом в приведенной цитате, послужило беротной причиной того, что именно

Германия являлась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами.

То же самое нужно сказать, но еще в большей степени, про Россию начала XX столетия. Россия в этот период находилась накануне буржуазной революции, она должна была совершить эту революцию при более прогрессивных условиях в Европе и с более развитым пролетариатом, чем Германия (не говоря уже об Англии и Франции), причем все данные говорили о том, что революция эта должна была послужить бродилом и прологом пролетарской революции. Нельзя считать случайностью тот факт, что Ленин еще в 1902 г., когда русская революция только начиналась, писал в своей брошюре «Что делать?» вещные слова о том, что:

«История поставила теперь перед нами (т. е. русскими марксистами. — *И. Ст.*) ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (см. т. IV, стр. 138).

Иначе говоря, центр революционного движения должен был переместиться в Россию.

Известно, что ход революции в России оправдал это предсказание Ленина с избытком.

Мудрено ли после этого, что страна, проделавшая такую революцию и имеющая такой пролетариат, послужила родиной теории и тактики пролетарской революции?

Мудрено ли, что вождь этого пролетариата, Ленин, стал вместе с тем творцом этой теории и тактики и вождем международного пролетариата? (*Сталин, Об основах ленинизма, «Вопросы ленинизма», стр. 6—11, изд. 9-е.*)

Международное значение ленинизма

В брошюре «Об основах ленинизма» дано известное определение ленинизма, получившее, видимо, права гражданства. Оно гласит:

«Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности».

Правильно ли это определение?

Я думаю, что правильно. Оно правильно, во-первых, потому, что правильно указывает на исторические корни ленинизма, характеризуя его как марксизм *эпохи империализма*, в противовес некоторым критикам Ленина, неправильно думающим, что ленинизм возник после империалистической войны. Оно правильно, во-вторых, потому, что правильно отмечает международный характер ленинизма, в противовес социал-демократии, считающей ленинизм применимым лишь в национально-русской обстановке. Оно правильно, в-третьих, потому, что правильно отмечает органическую связь ленинизма с учением Маркса, характеризуя его как *марксизм* эпохи империализма, в противовес некоторым критикам ленинизма, считающим его не дальнейшим развитием марксизма, а лишь восстановлением марксизма и применением его к русской действительности.

Все это, как будто бы, не нуждается в особых комментариях.

Тем не менее в нашей партии имеются, оказывается, товарищи, считающие необходимым определить ленинизм несколько иначе. Вот, например, т. Зиновьев думает, что:

«Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции,

непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство»¹ (см. статью т. Зиновьева «Большевизм или троцкизм», «Правда» № 273 от 30/XI. 1924 г.)

Что могут означать слова, подчеркнутые т. Зиновьевым? Что значит вводить в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер?

Это значит превращать ленинизм из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности.

Это значит играть на-руку Бауэру и Каутскому, отрицающим пригодность ленинизма для других стран, капиталистически более развитых.

Слов нет, что крестьянский вопрос имеет для России важнейшее значение, что страна у нас крестьянская. Но какое значение может иметь этот факт для характеристики основ ленинизма? Разве ленинизм выработался только на почве России и для России, а не на почве империализма и не для империалистических стран вообще? Разве такие труды Ленина, как «Империализм», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» и т. д., имеют значение только для России, а не для всех империалистических стран вообще? Разве ленинизм не есть обобщение опыта революционного движения *всех* стран? Разве основы теории и тактики ленинизма не пригодны, не обязательны для пролетарских партий *всех* стран? Разве Ленин был не прав, говоря, что «большевизм годится как образец тактики для *всех*»² (см. т. XXIII, стр. 386)? Разве Ленин был не прав, говоря о «*международном значении*»³ советской власти и основ большевистской теории и тактики»⁴ (см. т. XXV, стр. 171—172)? Разве не правильны, например, следующие слова Ленина:

«В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что *особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного*»⁵ (см. т. XXIV, стр. 508).

Но если все это верно, не следует ли из этого, что определение ленинизма, данное т. Зиновьевым, не может быть признано правильным?

Как совместить это национально-ограниченное определение ленинизма с интернационализмом? (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 191—192, изд. 9-е.)

Ленинизм — восприимчив марксизма.

С одной стороны, большевизм возник в 1903 г. на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой — и только этой — революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX в., но и в особенности опыт блужданий и падений, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей несдыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмиграции революционная Россия обладала во второй половине XIX в. таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире.

¹ Курсив т. Зиновьева. — II. Ст.

² Курсив мой. — II. Ст.

С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано из такого короткого промежутка времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета паризма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта.

Главные этапы в истории большевизма

Годы подготовки революции (1903—1905). Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарски-революционного ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают — и готовят — грядущую открытую борьбу классов. *Все* вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 гг., можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати. А между тремя главными направлениями, разумеется, есть сколько угодно промежуточных, переходных, половинчатых образований. Вернее: в борьбе органов печати, партий, фракций, групп выкристаллизовываются те идейно-политические направления, которые являются действительно классовыми; классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв.

Годы революции (1905—1907). Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политическую в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким, крестьянством. Рождение, в стихийном развитии борьбы, советской формы организации. Тогдашние споры о значении советов предвосхищают великую борьбу 1917—1920 гг. Смена парламентских форм борьбы и непарламентских, тактики бойкота парламентаризма с тактикой участия в парламентаризме, легальных форм борьбы и нелегальных, а равно их взаимоотношения и связи — все это отличается удивительным богатством содержания. Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки — и масс и вождей, и классов и партий, — году «мирного» «конституционного» развития. Без «генеральной репетиции» 1905 г. победа Октябрьской революции 1917 г. была бы невозможна.

Годы реакции (1907—1910). Паризм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на месте политики¹. Но в то же время именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Друзья познаются в несчастье. Разбитые армии хорошо учатся.

Победивший паризм вынужден ускоренно разрушать остатки добуржуазного,

¹ В печатном тексте дальше добавлено: «Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений». — *Ред.*

патриархального быта в России. Буржуазное развитие ее шагает вперед замечательно быстро. Внеклассовые, подклассовые иллюзии, иллюзии насчет возможности избежать капитализм разлетаются прахом. Классовая борьба выступает совсем по-новому и тем более отчетливо.

Революционные партии должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильное отступление. Приходится понять, — и революционный класс на собственном горьком опыте учиться понимать, — что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях.

Годы подъема (1910—1914). Сначала подъем был невероятно медленный, потом, после ленинских событий 1912 г., несколько более быстрый. Преодолевая неслыханные трудности, большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 г. и которых поэтому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия. Но большевикам никогда не удалось бы достичь этого, если бы они не провели правильной тактики соединения нелегальной работы с обязательным использованием «легальных возможностей». В реакционной Думе большевики завоевали себе всю рабочую курию.

Первая всемирная империалистская война (1914—1917). Легальный парламентаризм, при условиях крайней реакционности «парламента», служит полезнейшую службу партии революционного пролетариата, большевикам. Большевики депутаты идут в Сибирь. В эмигрантской прессе все оттенки взглядов социал-империализма, социал-шовинизма, социал-патриотизма, непоследовательного и последовательного интернационализма, пацифизма и революционного отрицания пацифистских иллюзий находят у нас свое полное выражение. Ученые дураки и старые бабы II Интернационала, которые пренебрежительно и высокомерно морщили нос по поводу обилия «фракций» в русском социализме и ожесточенности борьбы между ними, не сумели, когда война отняла хваленую «легальность» во всех передовых странах, организовать даже приблизительно такого свободного (нелегального) обмена взглядов и такой свободной (нелегальной) выработки правильных взглядов, какие организовали русские революционеры в Швейцарии и в ряде других стран. Именно поэтому и прямые социал-патриоты и «каутскианцы» всех стран оказались худшими предателями пролетариата. А если большевизм сумел победить в 1917—1920 гг., то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 г. беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства» (которому соответствует лонгетизм во Франции, взгляды вождей независимой рабочей партии и фаб-танцев в Англии, Турати в Италии и т. д.), массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков.

Вторая революция в России (с февраля по октябрь 1917 г.). Невероятная застарелость и устарелость царизма создала (при помощи ударов и тяжестей мучительнейшей войны) невероятную силу разрушения, направленную против него. В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более сво-

большую — в обстановке войны, — чем любая страна в мире. Правительство стали создавать вожди оппозиционных и революционных партий — как в наиболее «строго-парламентарных» республиках, причем звание вождя оппозиционной партии в парламенте, хотя и самом что ни на есть реакционном, *облегчало* последующую роль такого вождя в революции.

Меньшевики и «социалисты-революционеры» в несколько недель великолепно усвоили себе все приемы и манеры, доводы и софизмы европейских героев II Интернационала, министералистов и прочей оппортунистической швали. Все, что мы читаем теперь о Шейдеманах и Носке, Каутском и Гильфердинге, о Реннере и Аустерлице, Отто Бауэре и Фрице Адлере, о Турати и Лонге, о фабианцах и вождях независимой рабочей партии в Англии, все это кажется нам (и на деле является) скучным повторением, перепевом знакомого и старого мотива. Все это у меньшевиков мы уже видали. История сыграла шутку и заставила оппортунистов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран.

Если все герои II Интернационала потерпели банкротство, осрамились на вопросе о значении и роли советов и советской власти, если особенно «ярко» осрамились и запутались на этом вопросе вожди вышедших ныне из II Интернационала трех очень важных партий (именно немецкой независимой социал-демократической партии, французской лонгетистской и английской независимой рабочей партии), если все они оказались рабами предрассудков мелкобуржуазной демократии (совсем в духе мелких буржуа 1848 г., звавших себя «социал-демократами»), то мы *уже* на примере меньшевиков видели *все это*. История сыграла такую шутку, что в России в 1905 г. родились советы, что их фальсифицировали в феврале — октябре 1917 г. меньшевики, обанкротившиеся вследствие неумения понять их роль и значение, и что теперь *во всем мире* родилась идея советской власти, с невиданной быстротой распространяющаяся среди пролетариата всех стран, причем старые герои II Интернационала *повсюду* так же банкротятся благодаря их неумению понять роль и значение советов, как наши меньшевики. Опыт доказал, что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *во всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия.

Свою победоносную борьбу против парламентарной (фактически) буржуазной республики и против меньшевиков большевики начали очень осторожно и подготавливали вовсе не просто — вопреки ~~тем~~ взглядам, которые нередко встречаются теперь в Европе и Америке. Мы не призывали в начале указанного периода к свержению правительства, а разъясняли невозможность его свержения без предварительных изменений в составе и настроении советов. Мы не провозглашали бойкота буржуазного парламента, учредилки, а говорили — с апрельской (1917) конференции нашей партии, говорили официально от имени партии, что буржуазная республика с учредилкой лучше такой же республики без учредилки, а «рабоче-крестьянская», советская, республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентарной, республики. Без такой осторожной, обстоятельной, осмотнительной и длительной подготовки мы не могли бы ни одержать победы в октябре 1917 г., ни удержать этой победы. (*Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч. т. XXV, стр. 175—179, изд. 3-е.*)

В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм

Во-первых и главным образом в борьбе против оппортунизма, который в 1914 г. окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остается главным в международном масштабе. Этому

врагу большевизм уделял и уделяет больше всего внимания. Эта сторона деятельности большевиков теперь уже довольно хорошо известна и за границей.

Иное приходится сказать о другом враге большевизма внутри рабочего движения. За границей еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы. Теоретически для марксистов вполне установлено, — и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено, — что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но неспособен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, — это социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно. Но теоретическое, абстрактное, признание этих истин несколько еще не избавляет революционных партий от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной — более или менее оригинальной — обстановке.

Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга. И если в России, несмотря на более мелкобуржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм пользовался в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным влиянием, то это несомненно следует поставить отчасти в заслугу большевизму, который вел всегда самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма. Говорю: «отчасти», ибо еще более важную роль в деле ослабления анархизма в России сыграло то, что он имел возможность в прошлом (70-е годы XIX в.) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса.

Большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 г. традицию беспощадной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью, каковая традиция имела всегда у революционной социал-демократии и особенно упрочилась у нас в 1900—1903 гг., когда закладывались основы массовой партии революционного пролетариата в России. Большевизм воспринял и продолжал борьбу с партией, всего более выразившей тенденции мелкобуржуазной революционности, именно с партией «социалистов-революционеров», по трем главным пунктам. Во-первых, эта партия, отрицавшая марксизм, упорно не хотела (вернее, пожалуй будет сказать: не могла) понять необходимость строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношения перед всяким политическим действием. Во-вторых, эта партия видела свою особую «революционность» или «левизну» в признании ею индивидуального террора, покушений, что мы, марксисты, решительно отвергали. Разумеется мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы «принципиально» осуждать террор Великой французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазией всего мира, таких людей еще Плеханов в 1900—1903 гг., когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплеванию. В-третьих, «социалисты-революционеры» видели «левизну» в том, чтобы

хихикать над небольшими сравнительно оппортунистическими грехами немецкой социал-демократии наряду с подражанием крайним оппортунистам этой же партии в вопросе например аграрном или в вопросе о диктатуре пролетариата.

История, мимоходом сказать, дала теперь в крупном, всемирно-историческом масштабе подтверждение того мнения, которое мы всегда отстаивали, именно: что революционная немецкая социал-демократия (заметьте, что еще Плеханов в 1900—1903 г. требовал исключения Вернштейна из партии, а большевики, продолжая всегда эту традицию, в 1913 г. разоблачали всю низость, подлость и предательство Лейбна), что революционная немецкая социал-демократия *ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить. Теперь, в 1920 г., после всех позорных крахов и кризисов эпохи войны и первых лет после войны, видно ясно, что из всех западных партий именно немецкая революционная социал-демократия дала лучших вождей, а также оправилась, вылечилась, окрепла вновь раньше других. Это видно и на партии спартаковцев и на левом, пролетарском крыле «независимой социал-демократической партии Германии», которое ведет неуклонную борьбу с оппортунизмом и бесхарактерностью Каутских, Гильфердингов, Лебебуров, Криппинов. Если бросить теперь общий взгляд на вполне законченный исторический период, именно: от Парижской Коммуны до первой Социалистической советской республики, то совершенно определенный и бесспорный абрис принимает вообще отношение марксизма к анархизму. Марксизм оказался правым, в конце концов, и если анархисты справедливо указывали на оппортунистичность господствующих среди большинства социалистических партий взглядов на государство, то, во-первых, эта оппортунистичность была связана с искажением и даже прямым сокрытием взглядов Маркса на государство (в своей книге «Государство и революция» я отметил, что Бебель 36 лет, с 1875 до 1911, держал под спудом письмо Энгельса, особенно рельефно, резко, прямо, ясно разоблачившее оппортунизм ходячих социал-демократических воззрений на государство); во-вторых, исправление этих оппортунистических взглядов, признание советской власти и ее превосходства над буржуазной парламентарной демократией, все это шло наиболее быстро и широко именно из недр наиболее марксистских течений в среде европейских и американских социалистических партий.

В двух случаях борьба большевизма с уклонами «влево» его собственной партии приняла особенно большие размеры: в 1908 г. из-за вопроса об участии в реакционнейшем «парламенте» и в обставленных реакционнейшими законами легальных рабочих обществах и в 1918 г. (Брестский мир) из-за вопроса о допустимости того или иного «компромисса».

В 1908 г. «левые» большевики были исключены из нашей партии за упорное нежелание понять необходимость участия в реакционнейшем «парламенте». «Левые» — из числа которых было много превосходных революционеров, которые впоследствии с честью были (и продолжают быть) членами коммунистической партии — опирались особенно на удачный опыт с бойкотом в 1905 г. Когда царь в августе 1905 г. объявил созыв совещательного «парламента», большевики объявили бойкот его — против всех оппозиционных партий и против меньшевиков — и октябрьская резолюция 1905 г. действительно смела его. Тогда бойкот оказался правильным не потому, что правильно вообще неучастие в реакционных парламентах, а потому, что верно было учтено объективное положение, ведущее к быстрому превращению массовых стачек в политическую, затем в революционную стачку и затем в восстание. При том борьба шла тогда из-за того, оставить ли в руках царя созыв первого представительного учреждения или попытаться вырвать этот созыв из рук старой власти. Поскольку не было и не могло быть уверенности в наличии аналогичного объективного положения, а равно в одинаковом направлении и темпе его развития, постольку бойкот переставал быть правильным.

Большевистский бойкот «парламента» в 1905 г. обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских форм борьбы иногда полезно и даже обязательно уметь отказаться от парламентских. Но слепое подражательное, некритическое перенесение этого опыта на *иные* условия, в *иную* обстановку является величайшей ошибкой. Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 г. Ошибкой серьезнейшей и трудно поправимой был бойкот в 1907, 1908 и следующих годах, когда, с одной стороны, нельзя было ждать очень быстрого подъема революционной волны и перехода ее в восстание и когда, с другой стороны, необходимость сочетания легальной и нелегальной работы вытекала из всей исторической обстановки обновляемой буржуазной монархии. Теперь, когда глядишь назад на вполне законченный исторический период, связь которого с последующими периодами вполне уже обнаружилась, — становится особенно ясным, что большевики *не могли бы* удержаться (не говоря уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908—1914 гг., если бы они не отстояли в самой суровой борьбе *обязательности* соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с *обязательным* участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами учреждений (страховые кассы и пр.).

В 1918 г. дело не дошло до раскола. «Левые» коммунисты образовали тогда только особую группу или «фракцию» внутри нашей партии и притом не надолго. В том же 1918 г. виднейшие представители «левого коммунизма», например гг. Радек и Бухарин, открыто признали свою ошибку. Им казалось, что Брестский мир был недопустимым принципиально и вредным для партии революционного пролетариата компромиссом с империалистами. Это был действительно компромисс с империалистами, но как раз такой и в такой обстановке, который был *обязателен*.

В настоящее время, когда я слышу нападки на нашу тактику при подписании Брестского мира со стороны например «социалистов-революционеров», или когда я слышу замечания товарища Лэнсбери, сделанные им в разговоре со мной: «наши английские вожди трэд-юнионов говорят, что компромиссы допустимы и для них, если они были допустимы для большевизма», я отвечаю обыкновенно прежде всего простым и «популярным» сравнением:

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от неприятного соседства с бандитами. Компромисс налицо несомненно. «Do ut des» («даю тебе деньги, оружие, автомобиль, чтобы ты дал» мне возможность уйти подобру, поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев, а в случае, который был со мной лично, действительно так и поступили, но потом были пойманы и расстреляны). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу.

А вот когда меньшевики и эсеры в России, шейдемановцы (и в значительной мере каутскианцы) в Германии, Отто Бауэр и Фридрих Адлер (не говоря уже о гг. Реннерах и Ко) в Австрии, Ренодели и Лонгэ с Ко во Франции, фабианцы, «независимцы» и «трудовики» («лабуристы») в Англии заключали в 1914—1918 и 1918—1920 гг. *компромиссы* с бандитами своей собственной, а иногда и «союзной» буржуазии *против* революционного пролетариата своей страны, вот тогда все эти господа поступали *соучастники бандитизма*.

Вывод ясен: отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить *конкретные* случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и *предательство*, и направить всю силу критики, все острие беспощадного разоблачения и непримиримой войны против *этих конкретных* компромиссов, не позволяя многоопытным «делаческим» социалистам и парламентским иезуитам увертываться и увильгивать от ответственности посредством рассуждений о «компромиссах вообще». Господа английские «вожди» тред-юнионов, а равно фабианского общества и «независимой» рабочей партии именно так увергиваются от ответственности за *совершенное ими предательство*, за совершенный ими *такой* компромисс, который действительно означает наихудший оппортунизм, измену и предательство.

Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов. Надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело поимки и расстрела бандитов, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. В политике это далеко не всегда так легко, как в детски-простом примерчике. Но тот, кто захотел бы выдумать для рабочих такой репет, который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни или который обещал бы, что в политике революционного пролетариата не будет никаких трудностей и никаких запутанных положений, тот был бы просто шарлатаном.

Чтобы не оставлять места кривотолкам, попытаюсь наметить, хотя бы совсем кратко, несколько основных положений для анализа конкретных компромиссов.

Партия, заключившая компромисс с германскими империалистами, который состоял в подписании Брестского мира, вырабатывала свой интернационализм на деле с конца 1914 г. Она не боялась провозгласить поражение царской монархии и клеймить «защиту отечества» в войне между двумя империалистскими хищниками. Депутаты-парламентарии этой партии пошли в Сибирь, вместо дорожки, ведущей к министерским поргфелам в буржуазном правительстве. Революция, свергшая царизм и создавшая демократическую республику, дала новую и величайшую проверку этой партии: она не пошла ни на какие соглашения со «своими» империалистами, а подготовила свержение их и свергла их. Взяв политическую власть, эта партия не оставила камня на камне ни из помещичьей, ни из капиталистической собственности. Опубликовав и расторгнув тайные договоры империалистов, эта партия предложила мир *всем* народам и подчинилась насилию брестских хищников лишь после того, как англо-французские империалисты мир сорвали, а большевиками было сделано все человечески возможное для ускорения революции в Германии и в иных странах. Полнейшая правильность такого компромисса, заключенного такой партией, при такой обстановке, с каждым днем становится яснее и очевиднее для всех.

Меньшевики и эсеры в России (как и все вожди II Интернационала во всем мире в 1914—1920 гг.) начали с предательства, оправдывая прямо или косвенно «защиту отечества», т. е. защиту *своей* грабительской буржуазии. Они продолжали предательство, вступая в коалицию с буржуазией *своей* страны и борясь вместе со *своей* буржуазией против революционного пролетариата своей страны. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком и Деникиным в России, как и блок их заграничных единомышленников с буржуазией *их* стран, был переходом на сторону буржуазии против пролетариата. *Их* компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя *соучастниками* империалистского бандитизма. (Ленин. *Детская болезнь «левизны» в коммунизме*, Соч., т. XXV, стр. 179—186, изд. 3-е.)

II. Роль Ленина в разработке теории общественного развития

Марксизм вырос из революционного опыта и революционной мысли всех стран

Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она *вырастает* из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория *выросла* со второй половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши дни в беспощадной борьбе против уродования ее Плехановым, Каутским и К^о. (Ленин, *Честный голос французского социалиста* (1915), Соч., т. XVIII, стр. 286—287.)

Марксизм обогащается новым опытом классовой борьбы пролетариата

По Зиновьеву выходит таким образом, что марксизм не должен обогащаться новым опытом, что всякое улучшение отдельных положений и формул тех или иных классиков марксизма есть ревизионизм.

Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт *с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода*? Ясно, что не может.

Не ясно ли, после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта *при сохранении* точки зрения марксизма, при сохранении его метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняя букву и подменяя буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод.

Что может быть общего между действительным марксизмом и между подменой основной линии марксизма буквой отдельных формул и цитатами из отдельных положений марксизма?

Разве можно сомневаться в том, что это есть не марксизм, а карикатура на марксизм?

Маркс и Энгельс имели в виду именно таких «марксистов», как т. Зиновьев, когда они говорили: «Наше учение не догма, а руководство к действию».

Веда т. Зиновьева состоит в том, что он не понимает смысла и значения этих слов Маркса и Энгельса. (Сталин, *Об оппозиции*, стр. 510.)

Задача науки дать истинный лозунг борьбы

Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая¹ и революционная». И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей *открыть* все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и *послужить* таким образом пролетариату для того, чтобы он

¹ Заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и другие факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений. Что русские общественные отношения — антагонистические, в этом едва ли кто мог сомневаться. Но основанием для такой критики их еще никто не пробовал брать.

как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией. Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью и соединяет не случайно, не погому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе.

«Мы не говорим миру: перестань бороться — вся твоя борьба пустяки. Мы только даем ему истинный лозунг борьбы».

Следовательно прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условие развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения. (Ленин, *Что такое «друзья народа»* (1894 г.), Соч., т. I, стр. 225—226, изд. 1926 г.)

Конкретизация и развитие Лениным учения Маркса

Я думаю, что никаких «новых принципов» Ленин не «прибавлял» к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из «старых» принципов марксизма. Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса — Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса. Что это значит? Это значит, что он развил дальше учение Маркса — Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Это значит, что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, причем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций. Вот несколько вопросов, в области которых Ленин дал нечто новое, развивая дальше учение Маркса.

Во-первых, вопрос о монополистическом капитализме, об империализме, как новой фазе капитализма. Маркс и Энгельс дали в «Капитале» анализ основ капитализма. Но Маркс и Энгельс жили в период господства домонополистического капитализма, в период плавного эволюционирования капитализма и его «мирного» распространения на весь земной шар. Эта старая фаза кончилась к концу XIX и началу XX столетия, когда Маркса и Энгельса не было уже в живых. Понятно, что Маркс и Энгельс могли лишь догадываться о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе, в связи с империалистической, монополистической фазой развития, когда плавное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоз капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны

на предмет периодических переделов мира и сфер влияния. Заслуга Ленина и, стало быть, новое у Ленина состоит здесь в том, что он, опираясь на основные положения «Капитала», дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыл его явзы и условия его неизбежной гибели. На базе этого анализа возникло известное положение Ленина о том, что в условиях империализма возможна победа социализма в отдельных, отдельно взятых, капиталистических странах.

Во-вторых, вопрос о диктатуре пролетариата. Основную идею диктатуры пролетариата, как политического господства пролетариата и как метода свержения власти капитала путем насилия, дали Маркс и Энгельс. Новое у Ленина состоит в этой области в том, что а) он открыл советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата, использовав для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции; б) он раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой *пролетарской демократии*, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), — в противовес демократии *капиталистической*, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров).

В-третьих, вопрос о формах и способах успешного строительства социализма в период диктатуры пролетариата, в период переходный от капитализма к социализму в стране, окруженной капиталистическими государствами. Маркс и Энгельс рассматривали период диктатуры пролетариата как период более или менее длительный, полный революционных схваток и гражданских войн, в продолжение которого пролетариат, находясь у власти, принимает меры экономического, политического, культурного и организационного характера, необходимые для того, чтобы вместо старого капиталистического общества создать новое социалистическое общество, общество без классов, общество без государства. Ленин стоял целиком и полностью на почве этих основных положений Маркса и Энгельса. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что а) он обосновал возможность построения полного социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окруженной империалистическими государствами, при условии, что эта страна не будет задушена военной интервенцией окружающих капиталистических государств; б) он наметил конкретные пути экономической политики («новая экономическая политика»), при помощи которых пролетариат, имея в руках экономические командные высоты (промышленность, землю, транспорт, банки и т. п.), смыкает социализированную индустрию с сельским хозяйством («смычка индустрии с крестьянским хозяйством») и ведет таким образом все народное хозяйство к социализму; в) он наметил конкретные пути постепенного подвода и вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, представляющую в руках пролетарской диктатуры величайшее средство переделки мелкого крестьянского хозяйства и перевоспитания основных масс крестьянства в духе социализма.

В-четвертых, вопрос о гегемонии пролетариата в революции, во всякой народной революции, как в революции против царизма, так и в революции против капитализма. Маркс и Энгельс дали основные наброски идеи гегемонии пролетариата. Новое у Ленина состоит здесь в том, что он развил дальше и развернул эти наброски в стройную систему гегемонии пролетариата, в стройную систему руководства пролетариата руководящимися массами города и деревни не только в деле свержения царизма и капитализма, но и в деле социалистического строительства при диктатуре пролетариата. Известно, что идея гегемонии пролетариата получила, благодаря Ленину и его партии, мастерское применение в России. Этим, между прочим, объясняется тот факт,

что революция в России привела к власти пролетариата. Раньше обычно дело происходило таким образом, что рабочие дрались во время революции на баррикадах, они проливали кровь, они свергали старое, а власть попадала в руки буржуа, которые угнетали и эксплуатировали потом рабочих. Так было дело в Англии и во Франции. Так было дело в Германии. У нас, в России, дело приняло другой оборот. У нас рабочие представляли не только ударную силу революции. Будучи ударной силой революции, русский пролетариат старался вместе с тем быть гегемоном, политическим руководителем всех эксплуатируемых масс города и деревни, сплачивая их вокруг себя, отрывая их от буржуазии, изолируя политически буржуазию. Будучи же гегемоном эксплуатируемых масс, русский пролетариат все время боролся за то, чтобы захватить власть в свои руки и использовать ее в своих собственных интересах против буржуазии, против капитализма. Этим собственно и объясняется, что каждое мощное выступление революции в России как в октябре 1905 г., так и в феврале 1917 г. выдвигало на сцену советы рабочих депутатов как зародыши нового аппарата власти, призванного подавлять буржуазию, — в противовес буржуазному парламенту, как старому аппарату власти, призванному подавлять пролетариат. Дважды пыталась у нас буржуазия восстановить буржуазный парламент и положить конец советам: в августе 1917 г., во время «Предпарламента», до взятия власти большевиками, и в январе 1918 г. во время «Учредительного собрания», после взятия власти пролетариатом, — и каждый раз терпела поражение. Почему? Потому, что буржуазия была уже изолирована политически, миллионные массы трудящихся считали пролетариат единственным вождем революции, а советы были уже проверены и испытаны массами, как своя рабочая власть, променять которую на буржуазный парламент было бы для пролетариата самоубийством. Не удивительно поэтому, что буржуазный парламентаризм не привился у нас. Вот почему революция привела в России к власти пролетариата. Таковы результаты проведения в жизнь ленинской системы гегемонии пролетариата в революции.

В-пятых, вопрос национально-колониальный. Маркс и Энгельс, анализируя в свое время события в Ирландии, в Индии, в Китае, в странах Центральной Европы, в Польше, в Венгрии, — дали основные, отправные идеи по национально-колониальному вопросу. Ленин в своих трудах базировался на этих идеях. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что а) он собрал воедино эти идеи в стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма; б) связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении империализма; в) объявил национально-колониальный вопрос составной частью общего вопроса о международной пролетарской революции.

Наконец, вопрос о партии пролетариата. Маркс и Энгельс дали основные наброски о партии, как передовом отряде пролетариата, без которой (без партии) пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что он развил дальше эти наброски применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма, показав, что а) партия есть высшая форма классовой организации пролетариата в сравнении с другими формами организации пролетариата (профсоюзы, кооперация, государственная организация), работу ко орых призвана она обобщать и направлять; б) диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как ее направляющую силу; в) диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями; г) без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплуататоров и перестройке классового общества в общество социалистическое.

Вот в основном то новое, что дал Ленин в своих трудах, конкретизируя и развивая дальше учение Маркса применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма.

Поэтому и говорят у нас, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

Из этого видно, что ленинизм нельзя ни отделять от марксизма, ни тем более противопоставлять марксизму.

В вопросе делегации сказано далее: «Было бы правильным сказать, что Ленин верил в «творческую революцию», тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?» Я думаю, что сказать так было бы совершенно неправильно. Я думаю, что всякая народная революция, если она является действительно народной революцией, есть революция творческая, ибо она ломает старый уклад и творит, создает новый. Конечно не может быть ничего творческого в таких, с позволения сказать, «революциях», какие бывают иногда, скажем, в Албании в виде игрушечных «восстаний» одних племен против других. Но такие игрушечные «восстания» никогда не считались марксистами революцией. Речь идет, очевидно, не о таких «восстаниях», а о массовой народной революции, поднимающей угнетенные классы против классов-угнетателей. А такая революция не может не быть творческой. Маркс и Ленин стояли именно за такую революцию, — и только за такую. При этом понятно, что такая революция не может возникнуть при любых условиях, что она может разыграться лишь при определенных благоприятных условиях экономического и политического порядка. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 263—267, изд. 9-е.)

III. Учение Ленина о партии и партийности философии

Партия есть передовой отряд и политический вождь рабочего класса

Партия должна быть, прежде всего, *передовым* отрядом рабочего класса. Партия должна вобрать в себя все лучшие элементы рабочего класса, их опыт, их революционность, их беззаветную преданность делу пролетариата. Но, чтобы быть действительно передовым отрядом, партия должна быть вооружена революционной теорией, знанием законов движения, знанием законов революции. Без этого она не в силах руководить борьбой пролетариата, вести за собой пролетариат. Партия не может быть действительно партийной, если она ограничивается регистрированием того, что переживает и думает масса рабочего класса, если она тащится в хвосте за стихийным движением, если она не умеет преодолеть косность и политическое безразличие стихийного движения, если она не умеет подняться выше минутных интересов пролетариата, если она не умеет поднимать массы до уровня классовых интересов пролетариата. Партия должна стоять впереди рабочего класса, она должна видеть дальше рабочего класса, она должна вести за собой пролетариат, а не тащиться в хвосте за стихийностью. Партии II Интернационала, проповедующие «хвостизм», являются проводниками буржуазной политики, обрекающей пролетариат на роль орудия в руках буржуазии. Только партия, ставшая на точку зрения передового отряда пролетариата и способная поднимать массы до уровня классовых интересов пролетариата, — только такая партия способна совлечь рабочий класс с пути тред-юнионизма и превратить его в самостоятельную политическую силу. Партия есть политический вождь рабочего класса.

Я говорил выше о трудностях борьбы рабочего класса, о сложности обстановки борьбы, о стратегии и тактике, о резервах и маневрировании, о наступлении и отступлении. Эти условия не менее сложны, если не более, чем условия войны. Кто может

разобраться в этих условиях, кто может дать правильную ориентировку миллионным массам пролетариев? Ни одна армия на войне не может обойтись без опытного штаба, если она не хочет обречь себя на поражение. Разве не ясно, что пролетариат тем более не может обойтись без такого штаба, если он не хочет отдать себя на съедение своим заклятым врагам? Но где этот штаб? Этим штабом может быть только революционная партия пролетариата. Рабочий класс без революционной партии — это армия без штаба. Партия есть боевой штаб пролетариата.

Но партия не может быть только *передовым* отрядом. Она должна быть вместе с тем отрядом *класса*, частью класса, тесно связанной с ним всеми корнями своего существования. Различие между передовым отрядом и остальной массой рабочего класса, между партийными и беспартийными, не может исчезнуть, пока не исчезнут классы, пока пролетариат будет пополняться выходцами из других классов, пока рабочий класс в целом будет лишен возможности подняться до уровня передового отряда. Но партия перестала бы быть партией, если бы это различие превратилось в разрыв, если бы она замкнулась в себе и оторвалась от беспартийных масс. Партия не может руководить классом, если она не связана с беспартийными массами, если нет смычки между партией и беспартийными массами, если эти массы не принимают ее руководства, если партия не пользуется в массах моральным и политическим кредитом. Недавно были приняты в нашу партию двести тысяч новых членов из рабочих. Замечательно тут то обстоятельство, что эти люди не столько сами пришли в партию, сколько были посланы туда всей остальной беспартийной массой, которая принимала активное участие в приеме новых членов и без одобрения которой не принимались вообще новые члены. Этот факт говорит о том, что широкие массы беспартийных рабочих считают нашу партию *своей* партией, партией *близкой и родной*, в расширении и укреплении которой они кровно заинтересованы и руководству которой они добровольноверяют свою судьбу. Едва ли нужно доказывать, что без этих неувимых моральных нитей, связывающих партию с беспартийными массами, партия не могла бы стать решающей силой своего класса. Партия есть неразрывная часть рабочего класса.

«Мы, — говорит Ленин, — партия класса, и потому *почти* весь *класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социалистической партии. Ни один еще разумный социалист не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на огромность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня». (Сталин, *Об основах ленинизма*, «Вопросы ленинизма», стр. 65—66, изд. 9-е.)

Партия — организованный отряд рабочего класса

Партия не есть только *передовой* отряд рабочего класса. Если она хочет действительно руководить борьбой класса, она должна быть вместе с тем *организованным* отрядом своего класса. Задачи партии в условиях капитализма чрезвычайно велики и разнообразны. Партия должна руководить борьбой пролетариата при чрезвычайно трудных условиях внутреннего и внешнего развития, она должна вести пролетариат в наступление, когда обстановка требует наступления, она

должна вывести пролетариат из-под удара сильного противника, когда обстановка требует отступления, она должна вносить в миллионные массы неорганизованных беспартийных рабочих дух дисциплины и планомерности в борьбе, дух организованности и выдержки. Но партия может выполнить эти задачи лишь в том случае, если она сама является олицетворением дисциплины и организованности, если она сама является организованным отрядом пролетариата. Без этих условий не может быть в речи о действительном руководстве со стороны партии миллионными массами пролетариата. Партия есть организованный отряд рабочего класса. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 66—67.)

Партия как высшая форма классовой организации пролетариата

Партия есть организованный отряд рабочего класса. Но партия не есть единственная организация рабочего класса. У пролетариата имеется еще целый ряд других организаций, без которых он не может вести правильную борьбу с капиталом: профессиональные союзы, кооперативы, фабрично-заводские организации, парламентские фракции, беспартийные объединения женщин, печать, культурно-просветительные организации, союзы молодежи, революционно-боевые организации (во время открытых революционных выступлений), советы депутатов как государственная форма организации (если пролетариат находится у власти) и т. д. Громадное большинство этих организаций являются беспартийными, и только некоторая часть из них примыкает прямо к партии и составляет ее разветвление. Все эти организации при известных условиях абсолютно необходимы рабочему классу, ибо без них невозможно укрепить классовые позиции пролетариата в разнообразных сферах борьбы, ибо без них невозможно закалить пролетариат как силу, призванную заменить буржуазные порядки порядками социалистическими. Но как осуществить единое руководство при таком обилии организаций? Где гарантия, что наличие множества организаций не поведет к разному в руководстве? Могут сказать, что каждая из этих организаций ведет работу в своей обособленной сфере и что они не могут поэтому мешать друг другу. Это, конечно, верно. Но верно и то, что все эти организации должны вести работу в одном направлении, ибо они обслуживают *один* класс, класс пролетариев. Спрашивается: кто определяет ту линию, то общее направление, по которому должны вести свою работу все эти организации? Где та центральная организация, которая не только способна, ввиду наличия необходимого опыта, выработать эту общую линию, но имеет еще возможность, ввиду наличия достаточного для этого авторитета, побудить все эти организации провести в жизнь эту линию для того, чтобы добиться единства в руководстве и исключить возможность перебоев?

Такой организацией является партия пролетариата.

Партия имеет для этого все данные, потому, во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить таким образом все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие ее с классом. Партия есть высшая форма классовой организации пролетариата.

Это не значит, конечно, что беспартийные организации, профсоюзы, кооперативы

и т. д., должны быть формально подчинены партийному руководству. Дело идет лишь о том, чтобы члены партии, входящие в состав этих организаций как люди, несомненно, влиятельные, принимали все меры убеждения к тому, чтобы беспартийные организации сближались в своей работе с партией пролетариата и добровольно принимали ее политическое руководство.

Вот почему говорит Ленин, что «партия есть *высшая* форма классового объединения пролетариата», политическое руководство которой должно быть распространено на все другие формы организации пролетариата.

Вот почему оппортунистическая теория «независимости» и «нейтральности» беспартийных организаций, плодящая *независимых* парламентариев и *оторванных* от партии деятелей печати, *узколобых* профессионалистов и *омещанившихся* кооператоров, — является совершенно несовместимой с теорией и практикой ленинизма. (*Сталин, Об основах ленинизма, «Вопросы ленинизма», стр. 68—70, изд. 9-е.*)

Роль партии в системе диктатуры пролетариата

Марксизм учит — и это учение не только формально подтверждено всем Коммунистическим интернационалом в решении второго (1920) конгресса Коминтерна о роли политической партии пролетариата, но и практически проверено всем опытом нашей революции, что только политическая партия рабочего класса, т. е. коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который способен противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, традициям и неизбежным рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всеми сторонами пролетарского движения, а значит и всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата немыслима. (*Резолюция о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии, X съезд РКП (б), стр. 139.*)

Центральный комитет ВКП (б) — политический и теоретический штаб партии

Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения. На основании опыта трех революций мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не проверенных, не исправленных коллективно, 90 решений — однобокие. В нашем руководящем органе, в Центральном комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки народностей Советского Союза и национальной политики. В этом ареопаге сосредоточена мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опыт. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезнейшие ошибки. По кольку же каждый имеет возможность исправлять ошибки отдельных лиц и поскольку мы считаемся с этими исправлениями, наши решения получаются более или менее правильными. (*Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, журнал «Большевик» № 8, за 1932 г. стр. 34.*)

Партийность философии

Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях. Поэтому *исключительно* с точки зрения выдержанности материализма оценивали они Гексли. Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провел материализма до конца, — за то, что он отрекался от материализма из-за ошибок отдельных материалистов, — за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии, — за то, что он не умел в социологии отделяться от идеалистической фразы и стать материалистом.

И эту величайшую и самую ценную традицию своих учителей вполне оценил и перенял И. Дигген, каковы бы ни были его частные ошибки в изложении диалектического материализма. Много грешил И. Дигген своими неловкими отступлениями от материализма, но никогда не пытался он принципиально отделиться от него, выкинуть «новое» знамя, всегда в решительный момент заявлял он твердо и категорически: я материалист, наша философия есть материалистическая. «Из всех партий, — справедливо говорил наш Иосиф Дигген, — самая гнусная есть партия середины... Как в политике партии все более и более группируются в два только лагеря... так и наука делится на два основных класса (Generalklassen); там — метафизики, здесь — физики или материалисты¹. Промежуточные элементы и примиренческие шарлатаны со всяческими кличками, спиритуалисты, сенсуалисты, реалисты и т. д. и т. д., падают на своем пути то в то, то в другое течение. Мы требуем решительности, мы хотим ясности. Идеалистами² называют себя реакционные мракобесы (Retraitebläser), а материалистами должны называться все те, которые стремятся к освобождению человеческого ума от метафизической тарабарщины... Если мы сравним обе партии с прочным и текучим, то посредине лежит нечто кашеподобное»³.

Правда! «Реалисты» и т. п., а в том числе и «позитивисты», махисты и т. д., все это жалкая каша, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства».

Что «научная поповщина» идеалистической философии есть простое преддверие прямой поповщины, в этом для И. Диггена не было и тени сомнения. «Научная поповщина, — писал он, — серьезнейшим образом стремится пособить религиозной поповщине» (I. с., 51). «В особенности область теории познания, непонимание человеческого духа является такой вшивой ямой (Lausgrube), в которой «кладет яйца» и та и другая поповщина»... (51). «Дипломированные лакеи с речами об «идеальных благах», отупляющие народ при помощи вымученного (geschraubter) идеализма» (53), — вот что такое профессора философии для И. Диггена. «Как у боженьки антипод — дьявол, так у поповского профессора (Kathederpaffen) — материалист». Теория познания материализма является «универсальным оружием против религиозной веры» (55), — и не только против «всем известной, настоящей, обыкновенной религии попов, но и против очищенной, возвышенной профессорской религии опьянелых (bembelter) идеалистов» (58).

По сравнению с «половинчатостью» свободомыслящих профессоров Дигген готов

¹ И здесь неловкое, неточное выражение: вместо «метафизики» надо было сказать «идеалисты». И. Дигген сам противопоставляет в других местах метафизиков диалектикам.

² Заметьте, что И. Дигген уже поправился и объяснил *точнее*, какова партия врагов материализма.

³ См. статью: «Социал-демократическая философия», написанную в 1876 г. «Kleinere philosophischen Schriften», 1903, S. 135.

был предпочесть «религиозную честность» (60) — там «есть система», там есть люди цельные, не разрывающие теории и практики. «Философия не наука, а средство защиты от социал-демократии» (107) — для гг. профессоров. «Те, кто зовут себя философами, профессора и приват-доценты, все тонут, несмотря на свое свободомыслие, более или менее в предрассудках, в мистике... все составляют по отношению к социал-демократии... одну реакционную массу» (108). «Чтобы идти по верному пути, не давая никаким религиозным и философским нелепостям (Welsch) сбивать себя, надо изучать неверный путь неверных путей (der Holzweg der Holzwege) — философию» (103).

И посмотрите теперь, с точки зрения партий в философии, на Маха и Авенариуса с их школой. О, эти господа *хвалялись* своей *беспартийностью*, и если есть у них антипод, то только один и *только... материалист*. Через *все* писания *всех* махистов красной нитью проходит тупоумная претензия «подняться выше» материализма и идеализма, презойти это «устарелое» противоположение, а на деле вся эта братия *ежесекундно* отступает в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом. Утонченные гносеологические выверты какого-нибудь Авенариуса остаются профессорским измышлением, попыткой основать маленькую «свою» философскую секту, а на деле, в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, *объективная* роль этих гносеологических ухищрений одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу. Не случайность же в самом деле, что за маленькую школку эмпириокритиков хватаются и английские спиритуалисты вроде Уорда, и французские неокритицисты, хвалящие Маха за борьбу с материализмом, и немецкие имманенты! Формула И. Дитгена: «дипломированные лакеи фидеизма» не в бровь, а в глаз бьет Маха, Авенариуса и всю их школу¹.

Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились разреакционным профессорам философии и, доверившись, покатались по наклонной плоскости. Приемы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом! Ни *единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, *нельзя верить ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо

¹ Вот еще пример того, как широко распространенные течения реакционной буржуазной философии на деле используют махизм. Едва ли не «последней мод й» самоновейшей американской философии является «прагматизм» (от греческого прагма — дело, действие; философия действия). О прагматизме говорят философские журналы едва ли не более всего. Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское течение вообще, *опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема*, на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности», и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта (Ср. William James, Pragmatism. A new name for some old ways of thinking, N. Y. 1907, p. 57 и 106 особенно (Джэкс В., Прагматизм. Новое название для старых путей мысли, с. 57 и 106, 1907. — Ред.) Различия между механизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом. Сравните хотя бы богдановское и прагматистское определение истины: «истина для прагматиста есть родовое понятие для всякого рода определенных рабочих ценностей (working values) в опыте» (ib., p. 68).

эта последняя — такая же *партийная наука* в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, *уметь* вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией. «Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем», — писал от имени авторов «Очерков» Луначарский. — Не *вы* ищите, а *вас ищут*, вот в чем беда! Не вы подходите с вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня à la Оствальд, завтра à la Мах, послезавтра à la Пуанкаре. Те глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интроекцией» и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а *идейная и общественная тенденция* этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и *служит* *сею службу*. Увлечение эмпириокритицизмом и «физическим» идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и «физиологическим» идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма.

Оношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной резкой эмпириокритицизма. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 277—280. изд. 3-е.)

IV. Развитие и конкретизация материалистической диалектики Лениным

Метод Ленина является дальнейшим развитием метода Маркса

То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса являющемся, по словам Маркса, «в существе своем критическим и революционным». Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 16, изд. 9-е.)

* * *

Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно,

стно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 17, изд. 9-е.*)

Ленин о сути диалектики

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см. цитату из Филона о Гераклите в начале III части («О познании») Лассалевского Гераклита) есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом гегр.¹, с Гераклитовскими идеями).

Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (напр. у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* («например зерно», «например первобытный коммунизм». То же у Энгельса. Но это «для популярности»...), а не как *закон познания* (и *закон объективного мира*).

В математике + и —. Дифференциал и интеграл.

В механике — действие и противодействие.

В физике — положительное и отрицательное электричество.

В химии — соединение и диссоциация атомов.

В общественной науке — классовая борьба.

Тождество противоположностей («единство» их, может быть вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект, etc.²). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* «само» движения.

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, переходяще, относительно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (относительно) и различие между относительным и абсолютным. Для объективной диалектики и в относитель-

¹ Одновременно, вместе с тем. — Ред.

² — и так далее. Ред.

ном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.

У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (гегр. зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ ¹ его отдельных частей, от его начала до его конца.

Таков же должен быть метод изложения (гегр. изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с *предложения* *любого*: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть *диалектика*; *отдельное* есть *общее*. (Ср. Aristoteles, Metaphisik², пер. Швейгера. Bd. II, S. 40; 3 Buch., 4 Capitel³ 8—9): «denn natürlich kann man nicht der Meinung sein, dass es ein Haus — дом вообще — gebe ausser den sichtbaren Häusern»...⁴. Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого *рода* отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. *Уже здесь* есть элементы, зачатки, понятия *необходимости*, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков, как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому.

Таким образом в *любом* предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке») вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на *любом* простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диалектика и *есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах.

* * *

Познание в виде ряда кругов представляет и Гегель (см. Логику) и современный «гносеолог» естествознания, эклектик, враг гегелевщины (коей он не понял) Paul Volkmann (см. его Erkenntnistheoretische Grundzüge der Naturwissenschaft)⁵.

«Круги» в философии: (обязательна ли хронология насчет *лиц*? Нет!)

Античная: от Демокрита до Платона и диалектики Гераклита.

Возрождение: Декарт versus⁶ Gassendi (Spinoza?).

¹ Греческая буква «сигма» употребляется в математике для обозначения суммы. *Ред.*

² Аристотель, Метафизика. — *Ред.*

³ Т. II, стр. 40, 3-я книга, гл. 4. — *Ред.*

⁴ — ибо, очевидно, невозможно думать, будто какой-то дом вообще существует вне (помимо) видимых домов. — *Ред.*

⁵ Фолькман. П., Теория познания естествознания. — *Ред.*

⁶ — против. — *Ред.*

Новая: Гольбах — Гегель (через Беркли, Юм, Кант).

Гегель — Фейербах — Маркс.

Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо-богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики к *Bildertheorie* ¹, к процессу и развитию познания.

Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, *überschweigliches* ² (Dietzen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм

NB:
сей афоризм

философский есть («вернее» и «кроме того») *дорога* к поповщине *через один из оттенков* бесконечно сложного *познания* (диалектического) человека.

Познание человека не есть (resp. не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *voilà* ³ гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма) конечно есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет* бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного, истинного, могучего, все-сильного, объективного, абсолютного, человеческого познания. (Ленин, *К вопросу о диалектике*, Соч., т. XIII, стр. 301—304.)

Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития. («Ленинский сборник» IX, стр. 259.)

В частности, диалектика есть изучение противоположности вещи в себе, сущности, субстрата, субстанции, — от явления, «для других-бытия». Тут тоже мы видим переход, перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно. Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого так сказать порядка к сущности второго порядка и т. д. *без конца*.

В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*: не только явления переходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также. («Ленинский сборник», XII стр. 183.)

Элементы материалистической диалектики

1) Определение понятия самого из себя [*сама* вещь в ее откошениях и в ее развитии должна быть рассматриваема];

¹ — теория отражения. — *Ред.*

² — чрезмерное, беспредельное. — *Ред.*

³ — вот. — *Ред.*

2) противоречивость в самой вещи, противоречивые силы и тенденции во всяком явлении;

3) соединение анализа и синтеза.

Таковы элементы диалектики, повидимому.

Можно, пожалуй, детальнее эти элементы представить так:

1) *о б ъ е к т и в н о с т ь* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе). ×

2) вся совокупность *многообразных о т н о ш е н и й* этой вещи к другим.

3) *р а з в и т и е* этой вещи (*respective* явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь.

4) внутренние противоречивые *т е н д е н ц и и* (и стороны) в этой вещи.

5) вещь (явление etc.) как сумма *и е д и н с т в о п р о т и в о п о л о ж н о с т е й*.

6) *б о р ь б а* *respective* развертывание этих противоположностей, противоречивость стремлений etc.

7) соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе.

× 8) отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *к а ж д о й*.

9) не только единство противоположностей, но *п е р е х о д ы к а ж д о г о* определения, качества, черты, стороны, свойства в *к а ж д о е* другое [в свою противоположность?].

10) бесконечный процесс раскрытия *н о в ы х* сторон, отношений etc.

11) бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности.

12) от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей.

13) повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и.

14) возврат якобы к старому (отрицание отрицания).

15) борьба содержания с формой и обратно.

Сбрасывание формы, переделка содержания.

16) Переход количества в качество и *vice versa*.

((15 и 16 суть примеры 9-го))

+ (продолжение. См. предыдущую стр.) («Ленинский сборник» IX, стр. 257—259, изд. 1-е.)

Элементы диалек-
тики

С «принципом развития» в XX в. (да и в конце XIX века) «согласны все». — Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское «согласие» есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину. — Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, *всеобщий* и вечный *рост, увеличение* (соответственно уменьшение) и т. д. — Раз так, то во-первых, надо *точнее* понять эволюцию, как возникновение и уничтоже-

К вопросу о *диалектике* и ее объективном значении..

ние всего, взаимопереходы. — А во-вторых, если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение. +

I принцип развития...
II принцип единства...

+ Кроме того всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи и т. д. («Ленинский сборник» XII, стр. 185—187.)

NB

«Цельность, совокупность моментов действительности, которая в своем *развертывании* оказывается необходимостью».

Развертывание всей совокупности моментов действительности NB = сущность диалектического познания. («Ленинский сборник» IX, стр. 159.)

План диал[екти]ки (логики) Гегеля

(ОГЛАВЛЕНИЕ МАЛОЙ ЛОГИКИ (ЭНЦИКЛОПЕДИИ) ¹

- I. Учение о бытии. А) Качество. а) Бытие; б) Наличное бытие; с) Для-себя-бытие.
В) К[о]-[и]ч[ест]во. а) чистое к[о]-[и]ч[ест]во; б) величина (Quantum); с) степень.
С) Мера.
- II. Учение о сущности. А) Сущность, к[а]к основа существования.
а) тождество — различие — основа.
б) существование.
с) вещь.
В) Явление. а) мир явления; б) содержание и форма
с) отношение.
С) Действительность.
а) отношение субстанциальности
б) » каузальности
с) взаимодействие.
- III. Учение о понятии.
А) Субъективное понятие. а) понятие; б) суждение; с) заключение.
В) Объект. а) механизм; б) химизм; с) телеология.
С) Идея. а) жизнь; б) познание; с) абсолютная идея.

понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тожд[ество], различ[ие etc.] — таков действительно *общий ход* всего

¹ «План диалектики Гегеля» записан Лениным в тетради арх. № 18693, вслед за записью конспекта книги Нюля (стр. 278). — *Ред.*

ч[елове]ч[еского] познания (всей науки) вообще. Таков ход и *есть* [есть] *знания* и п[олитической] эк[оном]и и [и] истории]. Диал[екти]ка Г[еге]ля есть, постольку, обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*. В логике история мысли *должна*, в общем и целом, совпадать с законами мышления.

Бросается в глаза, ч[то] иногда Г[егель] идет от абстр[актного] к конкр[етному] (Sein — абстр[актное] — Dasein — конкр[етное] — Fürsichsein), — иногда наоборот (субъек[тивное] понятие) — объект — истина (абс[олютная] идея). Не есть ли это непоследовательность идеалиста (то, что M[ar]x называл Ideen mystik¹ у Гегеля)? Или есть более глубокие резоны? (напр[имер], бытие = ничто — идея становления, развития). Сначала *мелькают* впечатл[ения], затем выделяется *ничто*, — потом развиваются понятия *качества* (определения вещи или явления) и к[о]л[и]ч[ес]тва. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию *тожд[ества]* — различия — основы — сущности v[er]su[s]² явления, — прич[инно]сти etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (= абс[олютной] идее).

Качество и ощущение (Empfindung) одно и то же г[ово]рит Ф[ейе]рб[а]х. Самым первым и самым известным нам является ощущение, а в нем неизбежно и *качество*...

[Если M[ar]x не оставил «*Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма [не надо 3-х слов: это одно и то же], взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед.]

товар — деньги — капитал

→ пр[оизводство] абс[олютной] M[ehr]w[ert]³.
→ пр[оизводство] отн[осительной] M[ehr]w[ert]³

История кап[итали]зма и анализ *п о н я т и й*, резюмирующих ее.

Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отд[ельный] товар («sein» в п[олитической] эк[оном]и³ Анализ его, к[а]к отношения социального. Анализ *двойный*, дедук[тивный] и индук[тивный], — логич[еский] и историч[еский] (ф[ор]мы стоимости).

¹ Мистицизм идей. — *Ред.*

² — против. — *Ред.*

³ Прибавочный стоимости. — *Ред.*

абстр[актное] «Sein»
т[оль]ко к[а]к мо-
мент в п[р]ихв[ате] р[е]з[о]н[са]
[все течет]

проверка фактами *tesp[ective]* практикой есть эл[есь] }
 в *каждом* шаге анализа ср. к вопросу о сущности *v[er]su[s]* }
 явление

— цена и с[тоимо]сть
 — спр[ос] и предл[о-
 жение] *v[er]su[s]* *Werth*
 (= *kryst[al]*
lisirte] *Arb[eit]* ¹

— з[аработная] пл[ата] и цена
 р[абочей] силы.

(«Ленинский сборник» XII, стр. 290—292.)

Учение ленинизма об основном звене

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизмом вообще», — писал я в апреле 1918 г. в «Очередных задачах советской власти. — «Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнечом сделанной, цепи».

В данный момент в той области деятельности, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 гг., «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать. (Ленин, *О значении золота теперь и после полной победы социализма* (1921), Соч., т. XXVII, стр. 82.)

Одно из величайших достоинств политической стратегии нашей партии состоит в том, что она умеет выбирать в каждый данный момент *основное звено* движения, уцепившись за которое она тянет потом всю цепь к одной общей цели для того, чтобы добиться разрешения задачи. Можно ли сказать, что партия уже выбрала основное звено колхозного движения в системе колхозного строительства? Да, можно и нужно.

В чем состоит оно, это основное звено?

Может быть в товариществе по совместной обработке земли? Нет, не в этом. Товарищества по совместной обработке земли, где средства производства еще не обобществлены, представляют уже пройденную ступень колхозного движения.

Может быть в сельскохозяйственной коммуне? Нет, не в коммуне. Коммуны представляют пока еще единичное явление в колхозном движении. Для сельскохозяйственных коммун, как преобладающей формы, где обобществлено не только все производство, но и распределение, условия еще не созрели.

Основное звено колхозного движения, его преобладающую форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет сельскохозяйственная артель.

В сельскохозяйственной артели обобществлены основные средства производства, главным образом по зерновому хозяйству: труд, землепользование, машины и прочий инвентарь, рабочий скот, хозяйственные постройки. В ней не обобществляются:

¹ — кристаллизованный труд. — Ред.

приусадебные земли (мелкие огороды, садики), жилые постройки, известная часть молочного скота, мелкий скот, домашняя птица и т. д. Артель является *основным звеном колхозного движения* потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы. Зерновая же проблема является *основным звеном в системе всего сельского хозяйства* потому, что без ее разрешения невозможно разрешить ни проблему животноводства (мелкого и крупного), ни проблему технических и специальных культур, дающих основное сырье для промышленности. Вот почему сельскохозяйственная артель является в данный момент основным звеном в системе колхозного движения. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 467—468, изд. 9-е.*)

* * *

...Нахождение в **каждый** данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удерживать всю цепь и подготовить условия для достижения стратегического успеха.

Дело идет о том, чтобы выделить из ряда задач, стоящих перед партией, ту именно очередную задачу, разрешение которой является центральным пунктом и проведение которой обеспечивает успешное разрешение остальных очередных задач.

Значение этого положения можно было бы продемонстрировать на двух примерах, из которых один можно было бы взять из далекого прошлого (период образования партии), а другой — из наиболее близкого нам настоящего (период нэпа).

В период образования партии, когда бесчисленное множество кружков и организаций не было еще связано между собой, когда кустарничество и кружковщина разедали партию сверху донизу, когда идейный разброд составлял характерную черту внутренней жизни партии, — в этот период основным звеном и основной задачей в цепи звеньев и в цепи задач, стоявших тогда перед партией, оказалось создание общерусской нелегальной газеты. Почему? Потому, что только через общерусскую нелегальную газету можно было при тогдашних условиях создать спелее ядро партии, способное связать воедино бесчисленные кружки и организации, подготовить условия идейного и тактического единства и заложить таким образом фундамент для образования действительной партии.

В период перехода от войны к хозяйственному строительству, когда промышленность прозябала в когтях разрухи, а сельское хозяйство страдало от недостатка городских изделий, когда смычка государственной индустрии с крестьянским хозяйством превратилась в основное условие успешного социалистического строительства, — в этот период основным звеном в цепи процессов, основной задачей в ряду других задач оказалось развитие торговли. Почему? Потому, что в условиях нэпа смычка индустрии с крестьянским хозяйством невозможна иначе, как через торговлю, потому, что производство без сбыта в условиях нэпа является смертью для индустрии, потому, что индустрию можно расширить лишь через расширение сбыта путем развития торговли, потому, что, только укрепившись в области торговли, только овладев торговлей, только овладев этим звеном, можно будет надеяться сомкнуть индустрию с крестьянским рынком и успешно разрешить другие очередные задачи, для того чтобы создать условия для постройки фундамента социалистической экономики. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 60—61, изд. 9-е.*)

Почему большевики ухватились именно за советы, как за основной организационный рычаг, могущий облегчить дело изоляции меньшевиков и эсеров, способный двинуть вперед дело пролетарской революции и призванный подвести миллионные массы трудящихся к победе диктатуры пролетариата?

Что такое советы?

«Советы, — говорил Ленин еще в сентябре 1917 г., — суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат, в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократизма. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединить выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение... Если бы народное творчество революционных классов не создало советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя» (см. т. XXI, стр. 258—259).

Вот почему ухватились большевики за советы как за основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 93—94, изд. 9-е.*)

V. Борьба Ленина за чистоту марксистской философии

Борьба Ленина с философским ревизионизмом

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту», — и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху)¹, что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опопшления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отработывали свое казенное жалование, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей «средневековой философии» (т. е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

¹ Руководству. — Ред.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провезти старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова ¹. (*Ленин, Марксизм и ревизионизм (1908 г.)*, Соч., т. XII, стр. 184—185.)

Целый ряд писателей, желающих быть марксистами, предприняли у нас в текущем году настоящий поход против философии марксизма. Менее чем за полгода вышло в свет четыре книги, посвященные главным образом и почти всецело нападкам на диалектический материализм. Сюда относятся прежде всего «Очерки по (? надо было сказать: против) философии марксизма», Спб. 1908, сборник статей Базарова, Богданова Луначарского, Бермана, Гельфонда, Юшкевича, Суворова; затем книги: Юшкевича — «Материализм и критический реализм», Бермана — «Диалектика в свете современной теории познания», Валентинова — «Философские построения марксизма».

Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом. И все эти лица, объединенные — несмотря на резкие различия политических взглядов — враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты! Энгельсовская диалектика есть «мистика», — говорит Берман, взгляды Энгельса «устарели», — мимоходом, как нечто само собою разумеющееся, бросает Базаров, — материализм оказывается опровергнутым нашими смелыми воинами, которые гордо ссылаются на «современную теорию познания», на «новейшую философию» (или «новейший позитивизм»), на «философию современного естествознания» или даже «философию естествознания XX века». Опираясь на все эти якобы новейшие учения, наши истребители диалектического материализма безбоязненно договариваются до прямого фидеизма ² (у Луначарского всего яснее, но вовсе не у него одного!), но у них сразу пропадает всякая смелость, всякое уважение к своим собственным убеждениям, когда дело доходит до прямого определения своих отношений к Марксу и Энгельсу. На деле — полное отречение от диалектического материализма, т. е. от марксизма. На словах — бесконечные увертки, попытки обойти суть вопроса, прикрыть свое отступление, поставить на место материализма вообще кого-нибудь одного из материалистов, решительный отказ от прямого разбора бесчисленных материалистических заявлений Маркса и Энгельса. Это — настоящий «бунт на коленях», по справедливому выражению одного марксиста. Это — типичный философский ревизионизм, ибо только ревизионисты приобрели себе печальную славу своим отступлением от основных воззрений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью открыто, прямо, решительно и ясно «рассчитаться» с покинутыми взглядами. Когда ортодоксам случалось выступать против устаревших воззрений Маркса (например, Мeringу против некоторых исторических положений), — это делалось всегда с такой определенностью и обстоятельностью, что никто никогда не находил в подобных литературных выступлениях ничего двусмысленного.

¹ См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу, и я должен ограничиться пока заявлениями, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что все сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» неюмистским и необеркляевским ревизионистам.

² Фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере.

Впрочем, в «Очерках «по» философии марксизма» есть одна фраза, похожая на правду. Это — фраза Луначарского: «может быть, мы» (т. е., очевидно, все сотрудники «Очерков») «заблуждаемся, но ищем» (стр. 161). Что первая половина этой фразы содержит абсолютную, а вторая — относительную истину, это я постараюсь со всей обстоятельностью показать в предлагаемой вниманию читателя книге. Теперь же замечу только, что если бы наши философы говорили не от имени марксизма, а от имени нескольких «ищущих» марксистов, то они проявили бы больше уважения и к себе самим и к марксизму.

Что касается до меня, то я тоже — «ищущий» в философии. Именно: в настоящих заметках я поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путанное и реакционное. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 11—12.*)

Перелистывал эти дни записки Суханова о революции. Бросается особенно в глаза педантизм всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорочками, когда речь идет о мельчайшем отступлении от немецкого образца, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому.

Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты, и даже не замечены, например, указания Маркса в его переписке, относящейся, помнится, к 1856 г., когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением, — даже это прямое указание они обходят и ходят кругом и около него, как кот около горячей каши.

Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым беспабашным фразерством и хвастовством. Но даже и чисто теоретически у них всех бросается в глаза полная неспособность понять следующее соображение марксизма: они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь не может быть считаем образцом *mutatis mutandis*¹ не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории).

Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало. До сих пор мы видим, что буржуазия богатейших стран не может наладить «нормальных» буржуазных отношений после этой войны, а наши реформисты, мелкие буржуа, корчащие из себя революционеров, считали и считают пределом (его же не преидени) нормальные буржуазные отношения, причем понимают эту «норму» до крайности шаблонно и узко.

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что

¹ Соответственными изменениями. — *Ред.*

Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских; что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным. (Ленин, «О нашей революции» (1923 г.), Соч., т. XXVII, изд. 3-е, стр. 398—399.)

Насчет материализма именно как миропонимания думаю, что не согласен с вами по существу. Именно не о «материалистическом понимании истории» (его не отрицают наши «эмпирио-»¹), а о философском материализме. Чтобы англосаксы и германцы «материализму» были обязаны своим мещанством, а романцы анархизмом, — это я решительно оспариваю. Материализм, как философия, *везде у них в загоне*. «Neue Zeit», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков. Чтобы из *того* материализма, которому учили Маркс и Энгельс, можно было вывести мертвое мещанство, это неверно, неверно! Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии. Нет, та философия, которую обосновал Энгельс в «Анти-Дюринге», мещанства не допускает и на порог. Плеханов вредит этой философии, связывая *тут* борьбу с фракционной борьбой, но ведь теперешнего Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым». (Ленин, Письмо к Горькому от 13 февраля 1908 г., Соч., т. XXVIII, стр. 524.)

Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высокоучеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в *применении* этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими *не* диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гада и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух». (Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920 г.), Соч., т. XXIV, стр. 237.)

¹ «Наши «эмпирио-», т. е. эмпириокритики и эмпириомонисты (А. А. Богданов, В. А. Базаров, А. В. Луначарский). О ходе разногласий с ними см. следующее (209) письмо, стр. 527 настоящего тома.

Борьба Ленина с субъективизмом народников и объективизмом Струве

Покончив с социологией, автор переходит к более «конкретным экономическим вопросам» (73). Он считает при этом «естественным и законным» начать с «общих положений и исторических справок», с «бесспорных, общечеловеческим опытом установленных, посылок», — как он говорит в предисловии.

Нельзя не заметить, что этот прием грешит той же абстрактностью, которая была отмечена с самого начала как основной недостаток разбираемой книги. В тех главах, к которым мы теперь переходим (третья, четвертая и пятая), этот недостаток привел к двоякого рода нежелательным последствиям. С одной стороны, он ослабил те определенные теоретические положения, которые автор выставил против народников. Г. Струве рассуждает *вообще*, обрисовывает переход от натурального к товарному хозяйству, указывает, что бывало на свете дело по большей части вот так-то и так-то, и при этом отдельными, беглыми указаниями переходит и к России, распространяя и на нее общий процесс «исторического развития хозяйственного быта». Бесспорно, что такое распространение совершенно законно и что «исторические справки» автора совершенно необходимы для критики народничества, неправильно представляющего историю не одной только России. Но следовало бы конкретнее высказать эти положения, определеннее противопоставить их доводам народников, которые отрицают правильность распространения общего процесса на Россию; следовало бы сопоставить такое-то понимание русской действительности народниками с *другим* пониманием *той же* действительности марксистами. С другой стороны, абстрактный характер рассуждений автора ведет к недоговоренности его положений, к тому, что он, правильно указывая на наличие такого-то процесса, не разбирает, какие классы складывались при этом, какие классы являлись носителями процесса, заслоняя собой другие, подчиненные им, слои населения; одним словом, объективизм автора не доходит тут до материализма — в вышеупомянутом значении этих терминов¹. (Ленин, *Экономическое содержание народничества* (1894 г.), Соч., т. I, изд. 1929 г., стр. 295—296.)

Как видит читатель, мне приходится только договаривать положения г. Струве, давать им ясную формулировку, — «то же слово, да иначе молвить». Спрашивается: есть ли нужда в этом? Стоит ли останавливаться с такою подробностью на этих дополнениях и выводах? Не разумеются ли они сами собой?

Мне кажется, — стоит, по двум причинам. Во-первых, узкий объективизм автора крайне опасен, так как доходит до забвения граней между старыми, так вкоренившимися в нашей литературе, профессорскими рассуждениями о путях и судьбах отечества, — и точной характеристикой действительного процесса, движимого такими-то классами. Этот узкий объективизм, эта невыдержанность марксизма — основной

¹ Такое соотношение объективизма и материализма указано, между прочим, Марксом в предисловии к его сочинению: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonapartes». Маркс говорит, что об этом же историческом событии писал Прудон (Coup d'Etat) (Государственный переворот. — *Ред.*) и отзывается о его точке зрения в противоположность своей следующим образом:

«Прудон, с своей стороны, стремится представить государственный переворот [2 декабря] результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую апологию героя этого переворота. Он выпадает таким образом в ошибку наших так называемых *объективных* историков. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия «обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя». (Vorwort) Предисловие. — *Ред.*)

недостаток книги г. Струве, и на нем необходимо особенно подробно остановиться; чтобы показать, что он вытекает именно не из марксизма, а из недостаточного проведения его; не из того, чтобы автор видел иные критерии своей теории, кроме действительности, чтобы он делал другие практические выводы из доктрины (они невозможны, повторяю, немыслимы, без искажения всех главнейших ее положений), а потому, что автор ограничился одной наиболее общей стороной теории и не провел ее с полной последовательностью. Во-вторых, нельзя не согласиться с той мыслью, которая высказана автором в предисловии, что прежде, чем критиковать народничество на частных вопросах, необходимо было «раскрыть самые основы разногласия» (VII) посредством «принципиальной полемики». Но именно для того, чтобы эта цель автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать более конкретный смысл почти всем его положениям, необходимо свести его слишком общие указания на конкретные вопросы русской истории и действительности. По всем этим вопросам предстоит еще русским марксистам большая работа «пересмотра фактов» с материалистической точки зрения, — раскрытия классовых противоречий в деятельности «общества» и «государства», за теориями «интеллигенции», — наконец, работа по установлению связи между всеми отдельными, бесконечно разнообразными формами присвоения прибавочного продукта в российских «народных» производствах и той передовой, наиболее развитой капиталистической формой этого присвоения, которая содержит в себе «залог будущего» и выдвигает в настоящее время на первый план идею и историческую задачу «производителя». Поэтому, как бы ни казалась смелой попытка указать решение этих вопросов, сколько изменений, исправлений ни принесло бы дальнейшее детальное изучение, — все-таки стоит труда наметить конкретные вопросы, чтобы вызвать возможно более общее и широкое обсуждение их.

Кульминационной точкой того узкого объективизма г. Струве, который порождает у него неправильность постановки вопросов, является рассуждение его о Листе, о его «замечательном учении» насчет «конфедерации национальных производительных сил», о важности для сельского хозяйства развития фабричной промышленности, о превосходстве мануфактурно-земледельческого государства над земледельческим и т. п. Автор находит, что это «учение» чрезвычайно «убедительно говорит об исторической неизбежности и законности капитализма в широком смысле слова» (123), о «культурно-исторической мощи торжествующего товарного производства» (124).

Профессорский характер рассуждений автора, как бы поднимающегося выше всяких определенных стран, определенных исторических периодов, определенных классов, сказывается тут особенно наглядно. Как ни смотреть на это рассуждение, — с теоретической ли чисто или с практической стороны, — одинаково правильна будет такая оценка. Начнем с первой. Не странно ли думать, что можно «убедить» кого бы то ни было в «исторической неизбежности и законности капитализма» для известной страны абстрактными, догматичными положениями о значении фабричной промышленности? Не ошибка ли ставить вопрос на эту почву, столь любезную либеральным профессорам из «Русского Богатства»? Не обязательно ли для марксиста свести все дело к выяснению того что есть и почему есть именно так, а не иначе? (*Ленин, Экономическое содержание народничества (1894 г.), Соч., т. I, изд. 1929 г., стр. 303—305.*)

* * *

Указавши, что народническое учение об особом методе в социологии всего лучше изложено гг. Миртовым и Михайловским, г. Струве характеризует это учение как «субъективный идеализм» и в подтверждение этого приводит из сочинений названных лиц ряд мест, на которых стоит остановиться.

Оба автора ставят во главу угла положение, что историю делали «одиночке борющиеся личности». «Личности создают историю» (Миртов). Еще яснее у г. Михайловско-

го: «Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий» (8). Это положение — что историю делают личности — теоретически совершенно бессодержательно. История вся и состоит из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на «право вмешательства в ход событий» (слова г. Михайловского, цитированные у г. Струве, с. 8) — сводится к пустой тавтологии. Особенно ясно обнаруживается это на последней тираде у г. Михайловского. Живая личность, — рассуждает он, — движет события сквозь строй препятствий, поставляемых стихийными силами исторических условий. А в чем состоят эти «исторические условия»? По логике автора, опять-таки в действиях других «живых личностей». Не правда ли, какая глубокая философия истории: живая личность движет события сквозь строй препятствий, поставляемых другими живыми личностями! И почему это действия одних личностей именуется стихийными, а о других говорится, что они «двигают события» к поставленным заранее целям? Ясно, что искать тут хоть какого-нибудь теоретического содержания было бы предприятием едва ли не безнадежным. Дело все в том, что те исторические условия, которые давали для наших субъективистов материал для «теории», представляли из себя (как представляют и теперь) отношения антагонистические, порождали экспроприацию производителя. Не умея понять этих антагонистических отношений, не умея найти в *них же* такие общественные элементы, к которым бы могли примкнуть «одинокие личности», субъективисты ограничивались сочинением теорий, которые утешали «одиноких» личностей тем, что историю делали «живые личности». Решительно ничего кроме хорошего желания и плохого понимания знаменитый «субъективный метод в социологии» не выражает...

...теория, сводящая общественный процесс к действиям «живых личностей», которые «ставят себе цели» и «двигают события», — есть результат недоразумения. Никто, разумеется, и не думал некогда о том, чтобы приписывать «социальной группе самостоятельное, независимое от составляющих ее личностей, существование» (31), но дело в том, что «личность, как конкретная индивидуальность, есть производная всех раньше живших и современных ей личностей, т. е. социальной группы» (31). Поясним мысль автора. Историю делает — рассуждает г. Михайловский — «живая личность со всеми своими помыслами и чувствами». Совершенно верно. Но чем определяются эти «помыслы и чувства»? Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появляются случайно, а не вытекают necessarily из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее «помыслах и чувствах» с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса? И далее: по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*. «Обособляя социальную группу от личности, — говорит г. Струве, — мы подразумеваем под первой все те многообразные взаимодействия между личностями, которые возникают на почве социальной жизни и объективируются в обычаях и праве, в нравах и нравственности, в религиозных представлениях» (32). Другими словами: социолог-материалист, делаящий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает, и *реальных личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения. Социолог-субъективист, начиная свое рассуждение якобы с «живых личностей», на самом деле начинает с того, что выдвывает в эти личности также «помыслы и чувства», которые он считает рациональными (потому что, изолируя своих «личностей» от кон-

кретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить *действительные* их помыслы и чувства), т. е. «начинает с утопии», как это и пришлось признать г-ну Михайловскому. А так как, далее, собственные представления этого социолога о рациональном сами отражают (бессознательно для него самого) данную социальную среду, то окончательные выводы его из рассуждения, которые представляются ему «чистейшим» продуктом «современной науки и современных нравственных идей», на самом деле выражают только точку зрения и интересы... мещанства. (*Ленин, Экономическое содержание народничества (1894 г.), Соч., т. I, изд. 1929 г., стр. 273, 279—280.*)

Я уже указывал, что с точки зрения старых (не для России) экономистов и социологов понятие общественно-экономической формации совершенно лишнее: они толкуют об обществе вообще, спорят с Спенсерами о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т. п. В таких рассуждениях эти субъективные социологи опираются на аргументы вроде тех, что цель общества — выгоды всех его членов, что поэтому справедливость требует такой-то организации и что несоответствующие этой идеальной («Социология должна начать с некоторой утопии» — эти слова одного из авторов субъективного метода, г. Михайловского, прекрасно характеризуют сущность их приемов) организации порядки являются ненормальными и подлежащими устранению.

«Существенная задача социологии — рассуждает, например, г. Михайловский — состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение». Вы видите, этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем «человеческой природе» явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс. («Признав нечто желательным или не-желательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного» — «осуществления таких-то и таких-то идеалов», — рассуждает тот же г. Михайловский.) Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных отклонениях от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков. Ясное дело, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии. Каким же образом выработал Маркс эту основную идею? Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — «отношений производственных», как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения. (*Ленин, Что такое «буржуазная» и как они воюют против социал-демократов (1894 г.), Соч., т. I, стр. 58—59.*)

* * *

Другая «важная сторона» материализма — продолжает г. Струве — «заключается в том, что экономический материализм подчиняет идею факту, сознание и должествование — бытию» (40). «Подчиняет» — это значит, конечно, в данном случае: отводит подчиненное место в объяснении общественных явлений. Субъективисты-народники поступают как раз наоборот: они исходят в своих рассуждениях из «идеалов», несколько не задумываясь о том, что эти идеалы могли явиться только известным от-

ражением действительности, что их, следовательно, необходимо проверить фактами, свести к фактам. — Народнику, впрочем, без пояснений будет непонятно это последнее положение. Как это так? — думает он, — идеалы должны осуждать факты, указывать, как изменить их, проверять факты, а не проверяться фактами. Это последнее кажется народнику, привыкшему витать в заоблачных сферах, примирением с фактом. Объяснимся.

• Наличие «хозяйничанья за чужой счет», наличие эксплуатации всегда будет порождать как в самих эксплуатируемых, так и в отдельных представителях «интеллигенции» идеалы, противоположные этой системе.

Эти идеалы чрезвычайно ценны для марксиста; он только на их почве и полемизирует с народничеством, он полемизирует исключительно по вопросу о построении этих идеалов и осуществлении их.

Для народника достаточно констатировать факт, порождающий такие идеалы, затем привести указания на законность идеала с точки зрения «современной науки и современных нравственных идей» [причем он не понимает, что эти «современные идеи» означают только уступки западноевропейского «общественного мнения» новой нарождающейся силе] и призывать далее к «обществу» и «государству»: обеспечьте, оградите, организуйте!

Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с «современной наукой и современными нравственными идеями»¹, а с *существующими классовыми противоречиями* и формулирует его поэтому не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. Если не свести таким образом идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление. (Ленин, *Экономическое содержание народничества* (1894 г.), Соч., т. I, изд. 1929 г., стр. 288—289.)

Ленинская критика отступлений Плеханова от диалектического материализма

а) Формулировка теории иероглифов у Плеханова

Наши ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут совершенно верно передавать как самые события, так — и это главное — и те отношения, которые между ними существуют. (Плеханов, *Прим. к 1-му изд. «Л. Фейербах» в первоначальной редакции*, Соч., т. VIII, стр. 408.)

* * *

«Вот оно как! Плеханов блестяще опровергает Бельтова, т. е. самого себя. Это очень ехидно сказано. Но подождите, м. г. *rien à dire*, qui *rien à dire*. Вспомните, при каких обстоятельствах высказана была мною критикуемая вами мысль и каков был ее истинный «вид».

Она высказана была мною в споре с Конрадом Шмидтом, который приписывал материализму учение о *тождестве* бытия и мышления и говорил, обращаясь ко мне, что если я «всерьез» признаю действие на меня вещей в себе, то я должен также признать, что пространство и время существуют объективно, а не только как свойственные субъекту формы созерцания. На это я отвечал так: «Что пространство и время суть формы сознания и что поэтому первое отличительное свойство их есть *субъективность*,

¹ Энгельс в своей книге «Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft» превосходно заметил, что это — старый психологический метод: сличать свое понятие не с фактом, который он отражает, а с другим понятием, с слепком с другого факта.

это было известно еще Томасу Гоббсу и этого не станет отрицать теперь ни один материалист. Весь вопрос в том, не соответствуют ли этим формам сознания некоторые формы или отношения *вещей*. Материалисты, разумеется, не могут отвечать на этот вопрос иначе, как утвердительно. Это не значит конечно, что они признают ту плохую (вернее, нелепую) тождественность, которую им с услужливой наивностью напевают кантианцы, и в их числе господин Шмидт. Нет, формы и отношения вещей в себе не могут быть таковы, какими они нам *кажутся*, т. е. какими они являются нам, будучи «переведены» в нашей голове. Наши представления о формах и отношениях вещей не более, как *иероглифы*; но эти иероглифы точно обозначают эти формы и отношения, и этого достаточно, чтобы мы могли изучить действия на нас вещей в себе и в свою очередь воздействовать на них».

О чем идет речь в этих строках? О том же, о чем я беседовал с вами, г. Богданов, выше. О том, что иное дело — *объект в себе*, а иное дело — объект в представлении субъекта. Теперь спрашивается: имею ли я какое-нибудь логическое право заменить здесь слово «форма» словом «вид», служащим, по вашим словам, его синонимом? Попробуем, посмотрим, что у нас выйдет. «Что пространство и время суть виды сознания и что поэтому первое отличительное свойство их есть *субъективность*, это было известно еще Томасу Гоббсу и этого не станет отрицать ни один материалист»... Постойте, как же это так? Что же это за субъективные «виды» сознания? У меня слово «вид» употреблено в смысле того наглядного представления, которое существует об объекте в сознании субъекта. Речь идет о «чувственном созерцании» предмета, стало быть, и в разбираемых нами теперь строках выражение «виды сознания» должно означать, — если только слово «вид» есть в самом деле синоним слова «форма», не что иное, как наглядное представление сознания о сознании». (Плеханов, *Соч.*, т. XVII, изд. 1924 г., стр. 34—35.)

Агностицизм Гельмгольца тоже похож на «стыдливый материализм», с кантианскими выпадами в отличие от берклианских выпадов Гексли.

Последователь Фейербаха, Альбрехт Рау, решительно критикует поэтому теорию символов Гельмгольца, как непоследовательное отступление от «реализма». Основной взгляд Гельмгольца, — говорит Рау, — есть реалистическая посылка, по которой «мы познаем при помощи наших чувств объективные свойства вещей»¹. Теория символов не мирится с таким (всецело материалистическим, как мы видели) взглядом, ибо она вносит некое недоверие к чувственности, недоверие к показаниям наших органов чувств. Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма. И поэтому А. Рау совершенно прав, говоря, что теорией символов Гельмголец платит дань кантианству. «Если бы Гельмголец, — говорит Рау, — оставался верен своему реалистическому взгляду, если бы он последовательно держался того принципа, что свойства тел выражают и отношения тел между собою, и отношения их к нам, то ему, очевидно, не нужна бы была вся эта теория символов; он мог бы тогда, выражаясь кратко и ясно, сказать: «ощущения, которые вызываются в нас вещами, суть изображения существа этих вещей»». (Там же, стр. 320.)

Так критикует Гельмгольца материалист. Он отвергает иероглифический или символический материализм или полуматериализм Гельмгольца во имя последовательного материализма Фейербаха.

¹ *Albrecht Rau*, *Empfinden und Denken*, Giessen 1896, S. 304. (Рау А., Впечатления и мысли, Гиссен 1896, стр. 304. — *Ред.*)

Идеалист Леклер (представитель любезной уму и сердцу Маха «имманентной школы») тоже обвиняет Гельмгольца в непоследовательности, в колебании между материализмом и спиритуализмом («Der Realismus etc.», S. 154). Но теория символов для Леклера не достаточно материалистична, а слишком материалистична. «Гельмгольц полагает, — пишет Леклер, — что восприятия нашего сознания дают достаточные опорные пункты для познания последовательности во времени и одинаковости или неодинаковости трансцендентных причин. Этого достаточно, по Гельмгольцу, для предположения закономерного порядка в области трансцендентного (с. 33), т. е. в области объективно-реального. И Леклер гремит против этого «догматического» предрассудка Гельмгольца». «Берклеевский бог, — восклицает он, — в качестве гипотетической причины *закономерного* порядка идей в нашем сознании, по меньшей мере столь же способен удовлетворить нашу потребность в причинном объяснении, как и мир внешних вещей» (34). «Последовательное проведение теории символов... невозможно без щедрой примеси вульгарного реализма» (с. 35), т. е. материализма.

Так разнесил Гельмгольца за материализм «критический идеалист» в 1879 г. Двадцать лет спустя расхваленный Махом ученик его Клейнпетер следующим образом опровергал «устарелого» Гельмгольца, посредством «новейшей» философии Маха, в своей статье «О принципиальных взглядах на физику у Эрнста Маха и Генриха Гертца»¹. Оставим пока в стороне Гертца (который в сущности был так же непоследователен, как Гельмгольц) и посмотрим на сопоставление Клейнпетером Маха и Гельмгольца. Приведя ряд цитат из обоих писателей, подчеркнув с особым ударением известные заявления Маха, что тела суть мысленные символы для комплекса ощущений и т. д., Клейнпетер говорит:

«Если мы проследим ход мысли Гельмгольца, то мы встретим следующие основные посылки:

- 1) Существуют предметы внешнего мира.
- 2) Изменение этих предметов немисливо без воздействия какой-либо (принимаемой за реальную) причины.
- 3) «Причина, согласно первоначальному значению этого слова, есть то, что остается неизменным, как остающееся или существующее позади сменяющихся явлений, именно: вещество и закон его действия, сила» (цитата Клейнпетера из Гельмгольца).

- 4) Возможно вывести логически строго и однозначно все явления из их причин.

- 5) Достижение этой цели равнозначуще с обладанием объективной истиной, завоевание (Erkangung) которой признается таким образом мыслимым» (163).

Возмущаясь этими посылками, их противоречивостью, созданием неразрешимых проблем, Клейнпетер отмечает, что Гельмгольц не выдерживает строго таких взглядов, употребляя иногда «обороты речи, напоминающие несколько чисто логическое понимание Махом таких слов», как материя, сила, причина и т. д.

«Не трудно найти источник нашей неудовлетворенности Гельмгольцем, если мы вспомним столь прекрасные и ясные слова Маха. Ошибочное понимание слов: масса, сила и т. д. — вот чем грешат все рассуждения Гельмгольца. Ведь это же только понятия, продукты нашей фантазии, а вовсе не реальности, существующие вне мышления. Мы совершенно не в состоянии познавать какие-то реальности. Из наблюдений наших чувств мы вообще не в состоянии вследствие их несовершенства делать лишь один однозначный вывод. Никогда не можем мы утверждать, что на-пример при наблюдении известной скалы (durch Ablesen einer Scala) мы получаем одно определенное число, — всегда возможны, в известных границах, бесконечно

¹ «Archiv für Philosophie», II, Systematische Philosophie. Band V, 1899, S. 163—164 особ. («Архив философии», II, Систематическая философия, т. V, 1899, стр. 163—164. — *Ред.*)

многие числа, одинаково хорошо согласующиеся с фактами наблюдения. А познавать нечто реальное, лежащее вне нас, — это мы совсем уже не можем. Предположите даже, что это было бы возможно и что мы познали реальности; тогда мы оказались бы не вправе применять к ним законы логики, ибо они суть *наши* законы и применимы только к *нашим* понятиям, к *нашим* (курсив везде Клейнпетера) продуктам мысли. Между фактами нет логической связи, а лишь простая последовательность; аподиктические суждения тут нелепы. Неправильно следовательно говорить, что один факт есть причина другого, а вместе с этим утверждением падает вся дедукция Гельмгольца, построенная на этом понятии. Наконец невозможно достижение объективной, т. е. существующей независимо от всякого субъекта, истины, невозможно не только в силу свойств наших чувств, но и потому, что мы, будучи людьми (*wir als Menschen*), вообще не можем никогда составить никакого представления о том, что существует совершенно независимо от нас» (164).

Как видит читатель, наш ученик Маха, повторяя изблюбленные словечки своего учителя и не признающего себя махистом Богданова, отвергает всю философию Гельмгольца целиком, отвергает с идеалистической точки зрения. Теория символов особо даже не выделяется идеалистом, который считает ее неважным и может быть случайным уклоном от материализма. А Гельмгольца Клейнпетер берет как представителя «традиционных взглядов в физике», «за каковые взгляды и теперь держится большая часть физиков» (163).

В результате мы получаем, что Плеханов сделал явную ошибку при изложении материализма, Базаров же совсем запутал дело, свалив в кучу материализм и идеализм, противопоставив «теории символов» или «иероглифическому материализму» идеалистический вздор, будто «чувственное представление и есть вне нас существующая действительность». От кантианца Гельмгольца, как и от самого Канта, материалисты пошли влево, махисты вправо. (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 193—195.*)

Два афоризма:

1. Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, *поскольку* он лишь *a limine отвергает* их рассуждения, а не *исправляет* (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая *связь и переходы* всех и всяких понятий.

К вопросу о критике современного кантианства, махизма и т. п.:

2. *Марксисты* критиковали (в начале XX в.) кантианцев и юмистов более по-Фейербаховски (и по-Бюхнеровски), чем по-Гегелевски. (*«Ленинский сборник» IX, стр. 197—198.*)

Разработать:

Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + прогиз кантианцев + основные вопросы и т. д. и т. д.). Из них о большой логике, *по поводу* нее, ее мысли (т. е. *собственно* диалектика, как философская наука) ничего!!¹. (*«Ленинский сборник» XII, стр. 223—225.*)

NB

¹ Кстати, нельзя не пожелать, во-первых, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и пр. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма,

Ленин о заслугах и об ошибках Плеханова в философии

Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорил иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, *связь* его с окружающим миром. В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов. (В скобках уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма).

А, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого. (Ленин, т. XXVI, *Еще раз о профсоюзах* (1920), изд. 3-е, стр. 134—135.)

Ленинская критика тактического оппортунизма Плеханова

Таков наш взгляд на авторитетность мнений и Каутского и Плеханова. Теоретические работы последнего — главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик, Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна — немецким. И с этой кадетообразной политикой Плеханова, гернующегося в лоно изгнанных им в 1899—1900 гг. из с.-д. партии гг. Прокоповичей и К^о, мы должны вести самую беспощадную войну.

Что этот тактический оппортунизм Плеханова есть сплошное огрипание основ марксистского метода, — доказывает лучше всего знакомство с *ходом рассуждения* Каутского в предлагаемой читателю статье. (Ленин, *Предисловие к русскому переводу брошюры К. Каутского* (1906 г.), Соч., т. X, стр. 231.)

* * *

В чем состоит неправильность представления кадетов о полновластной Думе? Плеханов умалчивает об этом. Это умолчание, во-первых, доказывает, что Плеханов пользуется избирательной кампанией (выставление избирательной платформы есть уже шаг избирательной кампании) не для развития сознания народа, а для затемнения его. А, во-вторых, это умолчание подрывает всякий смысл у Плехановского вывода: «и к.-д. и с.-д. нужна полновластная Дума». Это просто прикрытая словесными изворотами бессмыслица: сказать, что двум разным партиям нужна одна и та же вещь, понимаемая ими различно! Значит, не одна и та же: первый встречный поймает Плеханова на логическом промахе. Можно, пожалуй, назвать и самодержавную монархию

Во-вторых, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это значение. Но это все уже есть отступление от пропаганды к «администрированию».

и демократическую республику буквой «а» и сказать, что разные партии должны представлять различные арифметические величины под эту общую алгебраическую формулу. Это будет чисто пехановской логикой, или, вернее, пехановской софистикой. (Ленин, *Новое сенатское разъяснение* (1906), Соч., т. X, стр. 174.)

* * *

Возьмем второй намеченный нами вопрос: борется ли действительно наша либеральная буржуазия, т. е. кадеты, против червоточной опасности и как борется? Плеханов не умеет ни поставить этого вопроса, ни разрешить его посредством внимательного разбора политики кадетов в революционной России. Из «общего понятия» о буржуазной революции Плеханов, нарушая азбучку марксизма, выводит конкретное отношение русских с.-д. к кадетам, вместо того, чтобы из изучения реальных особенностей русской буржуазной революции выводить общее понятие о взаимоотношении буржуазии, пролетариата и крестьянства в современной России. (Ленин, *Предисловие к русскому переводу брошюры В. Либкнехта* (1906 г.), Соч., т. X, стр. 217.)

Связь бойкота с особыми историческими условиями известного периода русской революции должна быть рассмотрена еще с одной стороны. Каково было политическое содержание бойкотистской с.-д.-ской кампании осенью 1905 и весной 1906 г.? Содержание этой кампании не состояло, конечно, в повторении слова бойкот или в призыве не участвовать в выборах. Это содержание не исчерпывалось и призывами к прямому напisku, игнорирующему предлагаемые самодержавием обходные и зигзагообразные пути. Кроме того, и даже не рядом с указанной темой, а скорее в центре всей бойкотистской агитации стояла борьба с конституционными иллюзиями. Эта борьба была, поистине, жемчужной душой бойкота. Припомните речи бойкотистов и всю их агитацию, взгляните на главнейшие резолюции бойкотистов, и вы убедитесь в правильности такого положения.

Меньшевикам никогда не дано было понять эту сторону бойкота. Им всегда казалось, что борьба с конституционными иллюзиями в эпоху зарождающегося конституционализма есть нелепость, бессмыслица, «анархизм». И в речах на Стокгольмском съезде, особенно — помнится — в речах Плеханова, эта точка зрения меньшевиков выражена ярко, не говоря уже о меньшевистской литературе.

На первый взгляд, позиция меньшевиков в этом вопросе действительно может показаться столь же непререкаемой, как позиция человека, самодовольно поучающего своих близких, что лошади кушают овес. В эпоху нарождающегося конституционализма провозглашать борьбу с конституционными иллюзиями! Разве это не анархизм? Разве это не сапоги всмятку?

Опошление вопроса, производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл в таких рассуждениях, основывается на том, что обходят молчанием особый период русской революции, забывают о бойкоте *Булыгинской Думы*, подменяют конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей, нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это — образчик нарушения метода диалектического материализма людьми, которые, подобно Плеханову, с наибольшим пафосом об этом методе говорили. (Ленин, *Против бойкота* (1907 г.), Соч., т. XII, стр. 25.)

Энгельс писал Марксу в 1870 г., что В. Либкнехт ошибочно делает себе *единственный* руководящий принцип из антибисмаркизма. Плеханов обрадовался, найдя эту цитату: у нас-де то же самое с антицаризмом! Но попробуйте заменить софистику (т. е.

выхватывание внешнего сходства случаев вне связи событий) диалектикой (т. е. изучением всей конкретной обстановки события и его развития). Объединение Германии было необходимо, и Маркс как перед 1848 г., так и после него всегда признавал это. Энгельс еще в 1859 г. прямо звал немецкий народ на войну ради объединения. Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контрреволюционно, по-юнкерски. Антибисмаркизм как *единственный* принцип стал нелепостью, ибо завершение необходимого объединения стало фактом. А в России? Имел ли наш храбрый Плеханов мужество провозглашать заранее, что для развития России необходимо завоевать Галицию, Царьград, Армению, Персию и т. п.? Имеет ли он мужество теперь сказать это? Подумал ли он о том, что Германии надо было перейти от раздробления немцев (угнетаемых и Францией и Россией две первые трети XIX в.) к объединению их, а в России великороссы не столько объединили, сколько придавили ряд других наций? Плеханов, не подумав об этом, просто прикрывает свой шовинизм, извращая смысл цитаты из Энгельса 1870 г., как Зюдекум извращает цитату из Энгельса 1891 г., когда Энгельс писал о необходимости для немцев бороться не на жизнь, а на смерть против союзных войск Франции и России. (Ленин, *Русские Зюдекумы* (1915 г.), Соч., т. XVIII, стр. 91—92.)

Философские произведения Ленина

I

В вышедшем в свет в январе 1929 г. IX «Ленинском сборнике», в котором были напечатаны три тетради Ленина, содержащие конспект «Науки логики» Гегеля, — была начата публикация так называемых «философских тетрадей» Ленина. Настоящий XII сборник содержит в себе все остальные материалы подобного рода, из числа тех, которые находятся в архиве Института Ленина. Таким образом этим сборником завершается публикация философских заметок Ленина. Все хранившиеся в Институте тетради с заметками, выписками, конспектами Ленина по вопросам философии становятся теперь доступны изучению каждого, кто интересуется вопросами теории марксизма.

Значение этих материалов в этом отношении громадно. По богатству содержания «философские тетради» стоят многих томов. В них даются извлечения из произведений таких представителей философии, как Гераклит, Аристотель, Лейбниц, Гегель, Фейербах, Маркс. В общей сложности прочитанные Лениным книги, по поводу которых написаны все эти заметки, обнимают не менее 8 тыс. страниц. Но особый интерес и ценность тетрадей в мыслях Ленина, которые он записывал при чтении всех этих книг. В отдельных заметках, иногда кратких, иногда более подробных, Ленин развивал свою точку зрения, ставил вопросы, намечал задачи дальнейшего исследования, указывал пути дальнейшего развития мысли, темы дальнейшей научной работы.

В состав настоящего сборника входят следующие рукописные конспекты Ленина.

Наиболее ранний конспект относится к 1895 г., конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство». Подробный, тщательно составленный конспект этой знаменитой книги 1846 г. — периода, когда Маркс становится уже на почву диалектического материализма, показывает образцы того, как внимательно изучал Ленин произведения Маркса и Энгельса. В статье — некрологе «Фридрих Энгельс» (осень 1896 г.) Ленин упоминает о «Святом семействе» и говорит, что там уже «заложены основы революционно-материалистического социализма» (Соч., т. I, стр. 437).

Затем, следуя хронологическому порядку, идут выписки из книги Паульсена «Введение в философию» и заметки по поводу нее, сделанные около 1904 г. Далее замечания на статью А. М. Деборина «Диалектический материализм», относящиеся к 1909 г.; возможно, что к тому времени относятся подробный конспект лекций Фейербаха «О сущности религии».

Остальные тетради — это результат работ по философии в годы войны — начиная с осени 1914 г. и до 1916 г. включительно. По богатству своего содержания, по гениальности мыслей, собранных в этих тетрадях, они представляют собой исключительную ценность для теории марксизма. В этих тетрадях разрабатывается особая, новая тема — именно вопрос о диалектике. Этой теме посвящены выписки и заметки на книгу Фейербаха о Лейбнице (стр. 127), конспект «Философии истории» Гегеля, в особенности же ценный обстоятельный конспект двух первых томов «Истории философии» Гегеля, являющийся, по словам Энгельса, одним из гениальнейших произведений и дающей массу материала к вопросу об истории диалектики (стр. 171). Важны точно так же заметки по поводу метафизики Аристо-

теля (стр. 329) и книги Лассалля о Гераклите (стр. 295). Сюда же относятся и ряд более мелких замечок, относящихся тоже к вопросу о диалектике, о Гегеле, как главном представителе диалектического мышления в немецкой классической философии.

Ленин заботливо собирал материал по интересовавшему его вопросу и всегда умело очищал мысли философов-идеалистов от идеалистической шелухи, гениально использовал их материалистически для выяснения и изучения отдельных сторон, особенностей, существа *материалистической диалектики*.

Было бы большой ошибкой думать, что Ленин стал особенно интересоваться вопросами философии только в это время или с 1908 г., а до того времени был якобы «равнодушен» к вопросам теории вообще, в частности философии. Это конечно совершенно неверно.

Правда, в письмах к Богданову 1906 г. Ленин назвал себя «рядовым марксистом» в вопросах философии. Эти письма, к сожалению до сих пор не найденные, в которых Ленин критиковал богдановскую философию, он собирался даже издать под заглавием «Заметки рядового марксиста о философии».

Но если бы кто-нибудь склонен был истолковать это название в том смысле, что у Ленина тогда было какое-то «рядовое», «среднее», «джинное» понимание вопросов философии, то это было бы грубейшей ошибкой. Дело в том, что Ленин, как известно, отличался исключительной научной добросовестностью. Став марксистом, он все внимание обратил на подробнейшее изучение экономического строя России, русского капитализма, на изучение классов русского общества, и рядом с этим на выработку программы, организации и политики революционной марксистской рабочей партии. В этих областях Ленин изучал с исчерпывающей полнотой все относящиеся сюда вопросы. Вся сколько-нибудь заслуживающая внимания литература в этих областях была Лениным изучена. С такой полнотой Ленин в 1906 г. специально философскую литературу не прорабатывал и потому счел необходимым назвать себя «рядовым» марксистом в этой области. Но та блестящая характеристика диалектического материализма, которая дана была Лениным уже в 1894 г. в его ранних работах, и то гениальное мастерство, с каким он владел методом марксизма, лучше всего свидетельствуют о том, что им уже в молодые годы были прочитаны, изучены и усвоены все основные произведения Маркса и Энгельса.

В наступившей буржуазной революции 1905 г. Ленин показал себя лучшим материалистом-диалектиком, чем другие марксисты, успевшие прочитать к тому времени большее количество специальной философской литературы, как например Плеханов.

Это конечно ни в коей мере не должно было означать, что Ленину ничего было дальше беспокоиться и утруждать себя дальнейшим изучением философской литературы. Как раз наоборот: то обстоятельство, что Ленин овладел существом материалистической диалектики как никто другой из марксистов, как раз это обстоятельство делало дальнейшее изучение Лениным вопросов философии особенно плодотворным. Два года спустя, в 1908 г., он написал философскую работу, которую и сам он не считал уже необходимым называть работой рядового марксиста и которая знаменовала значительный шаг вперед в деле разработки философии диалектического материализма.

Во всех областях марксистской теории Ленин умел двинуть далеко вперед теоретическую мысль. Он сумел это сделать и в области философии. Потому-то такую огромную ценность представляют заметки Ленина по философии.

К сожалению, в распоряжении Института Ленина имеется далеко не все, что вообще было написано Лениным по вопросам философии. Отсутствуют письма к Ленинику (1899 г.), посвященные критике кантианства. Отсутствуют три тетради «Заметок рядового марксиста о философии» (1906 г.) с критикой философии Богданова. Отсутствуют материалы, относящиеся к работе над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.). Наконец нет вовсе конспектов раннего времени, когда Ленин начал изучать основные произведения марксизма — «Капитал», «Анти-Дюринг» и другие произведения философского характера. Принимая во внимание, с одной стороны, трудность в те времена добыть такие книги (экземпляр «Анти-Дюринга» был например в конце 80-х — начале 90-х годов большой редкостью в России), с другой стороны, принимая в расчет обычный характер чтения Ленина, делавшего заметки и выписки из книг, которые он читал, можно с уверенностью предполагать, что подобные тетради и выписки существовали, но они утеряны безвозвратно. Единственным исключением является сохранившийся конспект «Святого семейства» («Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik gegen Bruno Bauer und Consorten von Friedrich Engels und Karl Marx», написанный, как уже сказано, по всем вероятностям, летом 1895 г., когда Ленин был за границей, где ему видимо удалось достать эту редкую книгу, тогда еще неперезданную. Ленин читал ее по изданию 1846 г.

По тем документальным данным, которые находятся в нашем распоряжении, занятия Ленина философией делятся между тремя периодами. Первый — период кануна буржуазной революции в России, сюда относится начало литературной деятельности Ленина, время ссылки и первой эмиграции.

Второй период — это период буржуазной революции и временной победы контрреволюции. К этому периоду относится большая философская работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Наконец третий период, охватывающий приблизительно около трех лет (1914—1916), охарактеризованный самим Лениным как период кануна социалистической революции, был последним периодом, в течение которого Ленину удалось много поработать над вопросами философии (особенно в начале империалистской войны).

Начиная с 1917 г., в особенности с конца этого года, наступило время, когда Ленин уделять много времени специально теоретической, научной работе почти совсем не мог. Последние записи философских тетрадей относятся к 1915—1916 гг. Но это ни в коем случае не означало, что Ленин не возвращался к вопросам философии и позднее, в советский период. Несмотря на крайнюю занятость, на необходимость все внимание и все силы отдавать практическим вопросам, Ленин продолжал интересоваться вопросами философии. Это видно и из его чтения. Например 30 ноября 1920 г. Ленин заказывал книги А. Лабриола «Исторический материализм» и «О философии». 24 июня 1921 г. просил достать ему русский перевод Гегеля «Логика» и «Феноменологии духа» (см. «Записки института Ленина», т. III, стр. 94—95). Приблизительно около того же времени Ленин интересовался книгой Ильина о Гегеле и т. д. Но Ленин не только читал, а и писал в то время по вопросам философии. ⁹/₁₀ заметок на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» относится к вопросу о методе. Несмотря на краткость этих замечаний, они дают бесконечно много, вскрывают слабости и недостатки богдановского эклектизма и идеализма и ошибки, совершаемые Бухариным от неумения овладеть материалистической диалектикой. Разбор и оценка полностью всех этих заметок и их теоретического значения требуют особой специальной работы.

Наконец здесь необходимо упомянуть о замечательном письме Ленина в журнал «Под знаменем марксизма», о котором мы скажем подробнее ниже. Все это показывает, что внимание Ленина к философии не ослабевало до конца его жизни. Начал же заниматься вопросами философии Ленин очень рано.

II

Документальным доказательством ранних занятий Ленина вопросами философии являются две большие работы, относящиеся к 1894 г.: «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Уже в этих ранних работах Ленин выступил уже зрелым материалистом-диалектиком.

Сущность метода Маркса Лениным была самостоятельно продумана, и он владел этим методом в совершенстве, самостоятельно применяя его к вопросам русской экономики, русской истории, к вопросам классовой борьбы и политики. Всякий, кто прочтет указанные работы, убедится, что в 1894 г. Ленин овладел диалектическим материализмом вполне. Ленин прекрасно отдавал себе отчет в том, какое значение для марксизма имеет *материализм*, и вполне ясно понимал уже тогда особенности *диалектического* метода Маркса. В «Что такое «друзья народа» он отмечает гениальность самой идеи материализма в общественной науке (Соч., изд. 3-е, т. I, стр. 60). Он подчеркивает, что материализм Маркса — диалектический (т. I, стр. 84, 100, 105, 121 и др.). Ранние работы Ленина проникнуты революционной диалектикой. Теория марксизма по характеристике Ленина соединяет «строгую и высшую научность» с революционностью — не случайно, а «внутренне и неразрывно» (т. I, стр. 225), не потому, что таковы были индивидуальные особенности Маркса, сочетавшего в себе качество ученого и революционера, а потому, что, как выразился Ленин позднее, в 1923 г., революционная диалектика — это «*решающее в марксизме*». Характеризуя диалектический материализм, Ленин отмечает, что в противоположность метафизическому методу, который смотрит на общественные отношения «как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений», диалектический материализм ставит своей задачей понять и изобразить общественный строй в его целом «*как живой организм в его функционировании и развитии*» (т. I, стр. 105). Основную мысль «Капитала» Маркса Ленин видел в том положении, которое Маркс выдвинул в своем предисловии к первому изданию первого тома: смотреть «на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс». В этой сжатой формулировке, чрезвычайно богатой мыслями, отмечается и объективная закономерность процесса, который не определяется сознанием людей, а, наоборот, — сам определяет это сознание, и понимая Марксом своеобразной закономерности каждой особой «экономической общественной формации», которую надо изучать в ее особенности и развитии. Тут же подчеркнута требование диалектического метода *выделить особо самое существенное* и на изучение его обратить особое внимание, не упуская из виду всей совокупности целого (т. I, стр. 124). Впоследствии Ленин, постоянно возвращаясь к этой мысли, говорит «об основном звене», ухватившись за которое можно овладеть всей цепью. Таким звеном, для того чтобы орда-

деть пониманием общественного процесса, является изучение строя экономических отношений. Особенным достоинством изложения Лениным исторической теории Маркса, которого необходимо отметить, является подчеркивание значения понятия «экономической общественной формации».

Ленин целиком принимает «теорию отражения», как она формулирована у Маркса: «идеальное есть только отражение материального».

И Ленин мастерски применяет ее. В соответствии с материалистическим характером теории Ленин указывает на ее задачу: «точно изобразить действительный исторический процесс» и ничего более. Критерием теории является «верность ее с действительностью» (т. I, стр. 110), а вовсе критерий этот не в абстрактных схемах. В ранних работах Ленина отмечается также важнейшее значение *противоречий*: наличие их свидетельствует об особой силе и жизненности явления (т. I, стр. 171), и Ленин, изучая русскую историю и действительность, всюду вскрывает имеющиеся налицо противоречия классов и классовую борьбу. Он дает гениальное материалистическое освещение экономической истории России (т. I, стр. 73—74 и др.), вскрывает особенности русского капитализма (например вся III часть «Друзей народа» и ряд других произведений, не говоря уже о «Развитии капитализма»), дает необычайно яркое и сильное изображение экономики русской деревни (т. I, стр. 142—144) и т. д., и все это изложение он неизменно ставит в связь с практическими задачами рабочего класса, последовательно и систематически изучает, вскрывает, объясняет объективную диалектику капиталистической общественной формации и все особенности ее конкретных проявлений в развитии *русского* капитализма и вырастающей на этой почве классовой борьбы и руководящей роли в этой борьбе российского пролетариата. И делается это для того, чтобы пролетариат «как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией» (т. I, стр. 225).

Неизменная верность этим основным принципам научной работы, последовательное проведение их является характерной особенностью метода Маркса, а также и Ленина, начиная с самых ранних его (известных нам) работ. Никто из других марксистов не был в этом так последователен и так верен марксистскому методу, как именно Ленин. И особенно характерно, как это отмечалось уже неоднократно в нашей литературе, умение Ленина учесть и *исучить конкретные особенности данного явления, не ограничиваясь рассуждениями вообще*. В разнообразных спорах, которые приходилось вести Ленину, нужно отметить (оставляя в стороне классовую основу существа разногласий, а рассматривая лишь разницу в методе), что противники Ленина не умели понять существо конкретных особенностей рассматриваемого предмета. Примеров этому можно было бы привести без конца. Укажем хотя бы на споры о программе в начале 900-х годов (Соч., т. V), споры с меньшевиками («Две тактики», т. VIII), споры по национальному вопросу в 1913—1916 гг. (т. XVII, XIX) и т. д.

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные исторические рамки*, а затем, если речь идет об одной стране (например о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» — так писал Ленин в 1914 г. в споре с Р. Люксембург по национальному вопросу (Соч., т. XVII, стр. 431—432).

Здесь нет места останавливаться во всех подробностях на всем богатстве теоретического содержания первых работ Ленина и совершенстве их метода. То немногое, что указано здесь нами, дает понятие о громадной их ценности. Было бы очень интересной задачей проследить, как целый ряд мыслей, имеющих в зародыше или в сжатой формулировке в этих ранних работах, нашли себе впоследствии дальнейшее развитие и широкое применение, были подтверждены в дальнейшем ходе борьбы рабочего класса и развития революции и в 1905 и в 1917 гг.

Таков был первый период занятий Ленина вопросами общей теории, философией марксизма. Вполне овладев основами диалектического материализма, изучив и продумав до конца, до полной ясности все выводы из основных работ Маркса и Энгельса, уясняя себе в общем все стороны марксизма, Ленин все свои силы стал посвящать теоретическому и практическому руководству борьбой рабочего класса. И тут не индивидуальные желания и вкусы, а объективные условия выдвигали вперед то одну, то другую сторону марксизма, заставляя его заниматься преимущественно. Как впоследствии Ленин отметил сам, в рассматриваемый нами период «выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности» («Наши упрямцы», Соч., т. XV, стр. 88). Но и в этот период Ленин известную часть своего времени уделял изучению вопросов философии. Он знал конечно хорошо все произведения Плеханова, читал Спинозу, отдельные произведения французских материалистов XVIII в., Юма и представителей немецкой классической философии — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха¹. Специальной философской работы Ленин в этот период не написал,

¹ Мы приводим здесь извлечение из описи, составленной московским охранником. Весной 1900 г. по окончании ссылки ящики с книгами, посланные Лениным из Сибири в адрес его матери М. А. Ульяновой, были задержаны на станции Москва, вскрыты, книги переписаны.

по в ряде своих произведений он отводил немало места вопросу о методе: в полемических работах против народничества, против ревизионизма «легальных марксистов» (работы 1894—1899), против экономистов («Что делать?», 1902), против меньшевиков («Шаг вперед, два шага назад», 1904).

III.

Период подъема революции 1905 г. был конечно временем мало подходящим для специально философских занятий. Но в это время теоретическая мысль Ленина непрерывно и напряженно работала. Время революции было временем обучения у жизни, обучения на практике, временем проверки теоретического оружия марксизма. Ленин в 1905 г. очень много раз возвращался к изучению ряда произведений Маркса.

Вслед за сходом революционной волны создалась такая обстановка, в которой для марксиста-теоретика, вождя революционной марксистской рабочей партии, необходимости борьбы на почве философии выступила на первый план. Увлечение идеализмом и религией, распространившееся среди буржуазии после революции 1905 г., было явлением далеко не случайным. Это увлечение захватило и некоторые неустойчивые элементы из среды марксистских литераторов, даже партийных. Религия сложилась давно, и ее старые формы, грубо наивные, перестали удовлетворять, отталкивали от религии. Религиозная идеология, приспособленная к феодально-крепостническим отношениям, все более и более переставала оказывать влияние. Для того чтобы после опыта пережитой революции держать массы в повиновении, недостаточно было одного физического принуждения. Потребовался «духовный», «моральный» кнут, каким является религия, и потребовалась выработка более утонченных ее форм, приспособленных к потребностям, созданным новыми отношениями. Борьба против религии и против идеализма, являвшегося утонченной защитой веры в бога, стала особенно необходимой, приобрела особое значение как борьба против буржуазных влияний на пролетариат и на массы трудящихся. Борьбу против махизма и против поповщины вел и Плеханов; но вел ее так, что это не удовлетворяло Ленина. Во-первых, Плеханов недостаточно разъяснял данные вопросы разногласий с махистами, вопросы теории познания. Ленин в письме к Горькому в марте 1908 г. говорит, что Плеханов по существу прав против Богданова и других махистов, «только не умеет или не хочет, или ленится сказать это *конкретно*, обстоятельно, просто без излишнего запугивания публики философскими тонкостями». Во-вторых, Плеханов использовал свою полемику с махистами во фракционных целях против большевизма, что по существу с философскими разногласиями нисколько не было связано и к делу не относилось.

В том же упомянутом выше письме к Горькому Ленин сообщал, что он непременно напишет критический разбор махистской философии «по-своему». Ленин это и сделал в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» и сделал это действительно по-марксистски. После «Анти-Дюринга» Энгельса эта книга является самым крупным философским произведением марксизма. Появление этого главного произведения второго периода было выдающимся событием в области теории марксизма. Помимо того, что книгой этой был нанесен махистам сокрушительный удар, она дала чрезвычайно много нового для теории марксизма.

В этой книге впервые в марксистской литературе с такой полнотой были разъяснены основы теории познания диалектического материализма. По каждому вопросу: о материи и опыте, об ощущении и познании, об объективности пространства и времени, о причинности, об абсолютной и относительной истине, с полнейшей ясностью были показаны две линии в философии.

Энгельс сделал это в полемике с Дюрингом в 70-х годах XIX в., Ленину же пришлось сделать это в новой обстановке, более 30 лет спустя, в полемике с другими противниками — махистами. За эти десятилетия в естествознании произошел целый переворот и надо было

саны, а затем опять запакованы и доставлены по адресу. Из общего количества книг (243 названия), почти исключительно по экономике, были следующие книги по философии: 1) *Spinoza, Die Ethik*, 1 т.; 2) *Spinoza, Der theologisch-politischer Traktat*; 3) *Spinoza, Vervollkomnung des Verstandes*, 1 т.; 4) *De l'esprit* (Гельвеция), 2 т.; 5) *De l'homme* (его же), 2 т.; 6) *Essais philosophiques, concernant l'entendement humain*, 3 т.; 7) *Kant, Kritik der reinen Vernunft*, 1 т.; 8) *Fichte, Die Tatsachen des Bewusstseins*, 2 т. 9) *Fichte, Grundzüge zu System der Philosophie* 2 т.; 10) *Fichte, Die Bestimmung des Menschen*; 11) *Schelling, Sämtliche Werke* один том (какой — неизвестно); 12) *Hegel, Werke*, 1 т. (без дальнейшего обозначения — вероятно всего, что это был тсм. содержащий так называемую «Малую логику»); 13) *Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts*, 1 т.; 14) *Feuerbach, Geschichte der neueren Philosophie* 1 т.; (от Бекона до Спинозы); 15) *Feuerbach, Philosophische Kritiken*; 16) *Plechanoff, Beiträge, zur Geschichte des Materialismus*; 17) *Lange, История материализма*. Кроме того были еще две книги Гумиловича: *Philosophisches Staatsrecht* и *Grundriss der Sociologie* (архив Института Ленина, арх. № 25977).

овладеть совершенно новым материалом. Ленину пришлось рассматривать, и разрешать ряд новых вопросов. Совершенно новой задачей в марксистской литературе был подробный разбор и разъяснение кризиса современного естествознания. Представители естествознания, как правило, не обладающие философской выучкой, не умели мыслить диалектически. Научное исследование стихийно влечет их к материализму, классовая же их позиция и их неумение владеть диалектическим методом ведут к путанице, заставляя их скатываться к релятивизму и идеализму. Вывод, к которому приходит Ленин в конце V главы о том, что «современная физика рождает диалектический материализм», сохраняет свое значение спустя более 20 лет после того, как он был высказан. Благодаря своему гениальному умению владеть материалистической диалектикой Ленин и в области методологии естествознания сумел сказать свое новое слово и сказать его не вообще, а давая точные указания, в чем состоят ошибки и отступления «стихийных материалистов естествознайчиков» от диалектического материализма. Ленин критиковал их теории диалектически, поправляя ошибки и выделяя правильное. Такая критика и должна быть признана образцовой.

Необходимо отметить, что, несмотря на строгую научность содержания книги, все изложение ее вполне понятно. Все вопросы несколько не упрощались. Ясность изложения объясняется ясностью мысли и определенностью того, что Ленин собирался сказать по вопросам философских споров. Когда он писал эту свою философскую книгу, он точно так же ни на минуту не забывал, что и эта работа пишется для того, чтобы помочь пролетариату как можно скорее покончить со всякой эксплуатацией.

В этот период Ленин далеко опередил всех марксистов, занимавшихся после Маркса и Энгельса разработкой вопросов философии. Первый из всех виднейших теоретиков марксизма (мы не говорим об Энгельсе) Ленин занялся вопросами теоретической физики; самостоятельно их разрешил и наметил пути, каким образом марксизм должен обеспечить себе влияние и в этой области. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что появление книги «Материализм и эмпириокритицизм» ознаменовало новый этап в развитии теории марксизма.

Основной темой в этот период была борьба за материализм. Но к сожалению от этого периода никаких неопубликованных материалов не сохранилось. Ни рукописи книги «Материализм и эмпириокритицизм», ни каких-либо заметок и материалов у нас не имеется. Ни на одной из сохранившихся тетрадей Ленина нет прямых указаний на то, что которая-нибудь из них относится к этому периоду. Ближе всего по содержанию может подходить конспект лекций Фейербаха «О сущности религии». Он может относиться к несколько более позднему периоду (к 1909 г.?). Все остальные записи кроме этих относятся к третьему периоду, где преобладающий интерес вызвала к себе тема о диалектике.

IV.

В третий из указанных нами периодов, несмотря на относительную краткость того времени, когда Ленин мог заняться целиком научной работой, он проделал громадную работу теоретического характера. Достаточно указать, что в течение 2—3 лет им были проработаны такие большие и сложные вопросы, как вопрос об империализме и о государстве. То, что нам сейчас кажется понятным само собой, после того, как мы все изучили книги Ленина «Империализм как новейший этап капитализма» и «Государство и революция», что теперь вошло уже в сознание широких кругов рабочего класса, изучающих идеи этих книг в марксистских кружках и в школах политграмоты, то тогда, в 1913—1916 гг., представляло собой целый лабиринт сложных и запутанных вопросов, и путаница эта была создана не только трудами буржуазных теоретиков, но она была в работах марксистов-теоретиков II Интернационала — Каутского, Гильфердинга, Плеханова и ряда других. Ленину удалось разрешить, распутать эти сложные вопросы благодаря тому, что он твердо стоял на почве диалектического материализма, гениально умел владеть диалектическим методом и неразрывно был связан с тем классом, интересами которого он жил, — с пролетариатом. Изучая капитализм мировой и борясь с буржуазными влияниями на пролетариат в лице новейших оппортунистов — социал-империалистов, каутскианцев и т. д., — Ленин подошел к вопросам точно так же, как он это делал в 90-х годах, когда изучал русский капитализм и боролся с буржуазным влиянием на пролетариат в лице русских народников и русских ревизионистов 90-х и начала 900-х годов. Было бы весьма поучительной задачей сравнить во всех подробностях метод ранних работ Ленина с методом его работ 1915—1916 гг. Если бы такая работа была проделана, ясно обнаружилось бы и высота теоретического уровня ранних работ Ленина и тот же неизменно революционный характер его метода 20 и более лет спустя. От революционного диалектики марксизма Ленин ни в чем не отступал. Не обнаружилось бы разницы в применении диалектики. Но нечто новое в отношении Ленина к вопросам диалектики в этот период появилось. Он занялся этим вопросом специально, собирав все данные, отне-

сящиеся к истории диалектического мышления, все характеристики, отмечающие различные моменты диалектики, и отличительные черты, различные оттенки, характеризующие самое существо диалектического мышления, существо материалистической диалектики. Этот теоретический интерес является в области философии преобладающим в этот период и не ослабевает и в дальнейшем.

Причина этого вполне понятна. Мы видели, что уже в ранних работах у Ленина отмечено решающее значение диалектики. В статье о переписке Маркса и Энгельса (в 1913 г.) Ленин говорит, что наиболее существенным, наиболее новым, «гениальным шагом вперед в истории революционной мысли» было то, что Маркс и Энгельс применили материалистическую диалектику ко всем областям знания — к переработке политической экономии, к философии, к естествознанию, к политике и тактике рабочего класса.

Материалистическая диалектика — решающее в марксизме, — «живая душа марксизма», его «коренное теоретическое основание». Естественно было заняться специально изучением этого, столь важного оружия, особенно в тот период, когда благодаря наступающей социалистической революции особенно важным сделалось практическое значение этого оружия. В теоретических битвах по вопросам текущей политики приходилось особенно часто иметь дело со стремлением противников *извратить* диалектику, *подменить ее софистикой*, и такими противниками все чаще начали становиться бывшие союзники, из сторонников пролетариата превращающиеся во врагов его движения, перешедшие на сторону буржуазии, как это сделал ряд выдающихся теоретиков II Интернационала, особенно с началом империалистской войны. В революционную эпоху диалектический характер движения, единство противоположностей, движение в противоречиях, особенно резко выступает наружу, становится особенно наглядным, как это отметил еще Энгельс. Ускоренный темп движения, разнообразие и, если так можно выразиться, сконцентрированность событий расширяют кругозор и дают богатейший материал для теоретической мысли. Пробуждение к сознательной жизни новых и новых масс неизбежно вносит небывалое оживление в развитие теоретической мысли и в частности философии.

В эпоху буржуазных революций в Европе Гегель, идеолог буржуазии (тогда еще в общем и целом революционной), явился крупнейшим представителем диалектики, «дал исчерпывающую и сознательную картину общих форм движения» (М а р к с). Первые вожди и теоретики нового революционного класса — пролетариата, Маркс и Энгельс восприняли это теоретическое завоевание, «спасли диалектику от разгрома идеализма» и, применяя ее материалистически, плодотворно использовали ее в научном исследовании. Гениальный вождь и теоретик пролетариата Ленин в эпоху кануна социалистической революции сделал дальнейшие шаги в этом направлении, углубил теоретическое изучение этого революционного метода, проверенного и испытанного в ряде революций и в последней, незадолго перед этим происшедшей, крупнейшей, русской революции 1905 г. И не случайно, что именно накануне первой социалистической революции впервые Лениным была поставлена задача специального изучения диалектики и приступлено к ее разрешению.

Из всех европейских стран именно в России в конце XIX — начала XX в. сложилась наиболее революционная обстановка. Революционная почва России явилась предпосылкой того, что теоретическое сознание русских революционеров-марксистов было *выше*, чем где бы то ни было в других капиталистических странах. Доказательство этого — борьба Плеханова против кантианства, пачиная с 90-х годов, борьба Ленина против махизма в 1903 г. а материализм и за революционную материалистическую диалектику и тогда и позднее, зрелище софистики и извращения этого важнейшего теоретического оружия пролетариата бывшими союзниками по борьбе за революционный марксизм — Берштейном, а потом и Плехановым, Каутским и другими.

Из тетрадей, относящихся к теме о диалектике, на первом плане надо конечно поставить три тетради с конспектом «Науки логики» Гегеля (IX «Ленинский сборник»). К этому непосредственно примыкают печатающиеся в настоящем сборнике конспекты гегелевской «Истории философии», в которых Ленин заботливо собрал все, что имеет отношение к диалектике. Замечания по поводу лассальского «Гераклита» и «Метафизики» Аристотеля содержат в этом отношении точно так же необычайно много ценного. После заметок о «Гераклите» Ленин в большом отрывке о диалектике дает, в противовес неправильному пониманию диалектики Гегеля Лассалем, свое понимание диалектики. В этом отрывке и в ряде других замечаний («элементы диалектики» в конце конспекта «Науки логики», заметки, помещенные в нашем сборнике на стр. 290—292) собраны и сведены воедино основные мысли Ленина о диалектике, вырисовываются общие контуры той теоретической работы о диалектике, как она намечалась Лениным.

К тому же циклу относится и конспект книги Фейербаха о Лейбнице. Если при чтении фейербаховских лекций «О сущности религии» Ленин обращает главным образом внимание на противопоставление материализма идеализму, то здесь, в конспекте книги о Лейбнице, уже виден преобладающий интерес к вопросу о диалектике. Преобладание того же интереса

бросается в глаза и в тетради с выписками из книги Клаузевица «О войне». Читая ее, Ленин интересовался двумя темами и собрал с исчерпывающей полнотой относящиеся сюда места. Одной из этих тем было: «о применении диалектики к вопросу о войне», другая же тема: «вопрос о связи между политикой и войной».

Остальные заметки меньшего объема примыкают к этим основным работам, содержащим главный материал. Сюда относятся некоторые материалы к вопросу истории науки и техники, тесно связанному с материалистическим изучением диалектики. Ленин приступил к собиранию такого материала, но успел сделать лишь немного, остановившись в самом начале работы. Сюда же относится собранная Лениным библиография работ о Гегеле.

Если Ленин собирался написать работу о диалектике, то материал для этой задачи был им собран богатейший, а в отдельных частях (специально по вопросу «Гегель о диалектике») — прямо-таки исчерпывающий. Чтобы написать о диалектике специальную работу, у Ленина, как и у Маркса, времени не нашлось. Но во всех статьях после 1914 г. Ленин начинает вводить место разъяснению сущности диалектики, замечаниям обобщающего характера. Ленин прямо занимается пропагандой диалектики. Например в статье «Крах II Интернационала» он показывает разницу между диалектикой и софистикой. В статьях «Итоги дискуссии о самоопределении», «О брошюре Юниуса», «Письма о тактике» отмечаются различные моменты, особенности диалектического мышления. Наконец в 1920—1921 гг. в статье «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» Ленин дает ставшее широко известным популярное разъяснение сущности диалектической логики в отличие ее от эклектизма. Все эти замечания опираются на ту работу по изучению диалектики, которую Ленин проделал в особенности в начале империалистской войны.

Бросается в глаза, что понимание диалектики у Ленина отличается особенной ясностью и глубиной. Выработывая это понимание совершенно самостоятельно, Ленин сходит с той характеристикой диалектики, какую дает Энгельс, который, как и Маркс, превосходно изучил Гегеля и проделал самостоятельную работу по превращению идеалистической диалектики Гегеля в материалистическую. Такую работу проделал и Ленин, и вслед за ним должен проделать всякий марксист-теоретик. По Ленину самое существо диалектики наиболее удачно выражает формула «единство противоположностей». Согласно выражению Ленина эта формула удачно схватывает «ядро диалектики». Раздвоение единого, противоречивость его частей является внутренним источником всякой деятельности, внутренним импульсом развития. Объективный мир, находящийся в непрерывном движении, являющийся бесконечно-сложным и разнообразным, в то же время является единым (это единство мира, как говорит Энгельс, состоит в его материальности). Все грани в этом объективном материальном мире противоположны и условны, все в нем изменяется и превращается в другое. И наше сознание, отражающее в общем правильно этот объективный мир, отражающее абсолютную истину его объективного существования, в то же время относительно. Оно приближается к точному отражению движения объективного мира, никогда его не исчерпывая полностью, потому что это движение, развитие, изменение никогда не останавливается, не прекращается.

Как на основной недостаток метафизического материализма Ленин указывает на его неумение применить диалектику к процессу развития познания. «Подход ума (человека), — пишет Ленин при чтении «Метафизики» Аристотеля, — к отдельной вещи, снятие слепка, или (что то же) понятия с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни, мало того, возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идея *в фантазию* (в последнем слове ч. бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стои» вообще) *есть* известный кусочек фантазии» (см. стр. 339 настоящего сборника). Материалистическая диалектика, применяемая к нашему познанию объективно, т. е. памятуя о том, что сознание наше определено независимо от него происходящим процессом, является лучшей гарантией против таких превращений, лучшим оружием против поповщины, окостенения мысли, против подмены живой работы ума мертвой абстракцией, ведущей к умственному застою.

Для ленинского понимания очень характерна его программа изучения и изложения диалектики. И в этом отношении громадная заслуга Ленина состоит в том, что он спасает диалектику от упрощения, от опощения, от превращения ее в софистику, как это происходит у ренегатов II Интернационала Каутского, Вандервельде, Отто Бауэра и др., и восстанавливает ее в том виде, как она имеется у Маркса.

Ленин указывает, что в самом простейшем явлении, в любом предложении необходимо вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики. В этом вскрывании особой диалектики каждой отдельной области, подлежащей исследованию, и состоит диалектический метод. Таким именно образом надо диалектику и излагать и изучать.

Ленин ставит знак равенства между диалектикой и теорией познания и указывает на то, что Плеханов не обратил на это должного внимания, а это *суть* дела.

В рассматриваемом нами третьем периоде Ленин систематически обращает внимание на недостатки плехановской диалектики и критикует их. Подмена Плехановым диалектики софистикой отмечена Лениным еще в 1904 г. В статьях периода войны это делается систематически. Рассматривая ошибки Плеханова, отделявшие его от диалектического материализма и приближавшие его к вульгарному материализму, Ленин отмечает, что плехановская критика кантианцев и юмистов была недостаточной потому, что Плеханов просто отвергал их рассуждения, а не исправлял, как это делал например Гегель, критикуя Канта.

Мы выше уже указывали, что критика Лениным махистов, данная в «Материализме и эмпириокритицизме», как раз свободна от этого недостатка. Такая критика, исправляющая, обобщающая, показывающая связь и переходы всех понятий, вообще была свойственна Ленину. Особенно же блестящие образцы такой критики находим мы в произведениях Ленина, начиная с рассматриваемого нами периода. Достаточно указать на такие произведения, как «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и др. Ленин, везде показывая материальные корни тех или иных явлений в области теории, неизменно вскрывает методологические ошибки противника и показывает, как надо их исправлять.

Придавая такое огромное значение изучению диалектики, Ленин, как уже сказано, намечил программу работ для того, чтобы поставить это изучение систематически. В концепте «Науки логики» Ленин неоднократно высказывает мысль, что продолжение дела Гегеля и Маркса состоит в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники» (IX «Ленинский сборник», стр. 138). Это, так сказать, общая установка, говорящая о том, что материалистическую историю философии, историю развития человеческой мысли нельзя отрывать от истории материального процесса производства. Но далее имеются более детальные указания, в которых дается целая программа изучения. Среди заметок при издании лассалевского «Гераклита» Ленин перечисляет: «история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка—психология—физиология органов чувств». Следовательно, короче, история познания вообще. Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (см. стр. 315 настоящего сборника). Вот целая программа работ по изучению диалектики.

В своем известном письме в журнал «Под знаменем марксизма» в 1922 г. Ленин оставил как бы завещание, как надо работать в дальнейшем в области изучения диалектики.

Ленин прежде всего указывает на необходимость борьбы за материализм против «философской реакции» и «философских предрассудков» так называемого «образованного общества», т. е. против идеализма, против поповщины. Ленин приплетает «неуклюдо разоблачать и презедовать всех современных «дипломированных лакеев поповщины», представителей реакционной буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, вести атеистическую пропаганду». Ленин указывает на необходимость союза со всеми последовательными материалистами и «с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шаталий в сторону идеализма и скептицизма».

Ленин напоминает, что из той крутой ломки, которую переживает современное естествознание, «сплошь да рядом рождаются реакционные философские школы и школки, направления и направленьца». И для того, чтобы справиться со всеми сложными и трудными вопросами, возникающими в связи с этим, не дать сбить себя с пути научного исследования, необходимо, как говорит Ленин, «быть сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. ... быть диалектическим материалистом». И Ленин, обращаясь к сотрудникам журнала «Под знаменем марксизма», говорит дальше, что надо делать, как работать, чтобы овладеть материалистической диалектикой.

«Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под знаменем марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляя большую часть населения земли и которые своей исторической бездельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятаю диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочи-

нений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистская война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под знаменем марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя шедрипское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как и до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае» (Соч., т. XX, ч. 2, стр. 497—498).

К тому, что говорит здесь Ленин о необходимости изучения образцов диалектики у Маркса, следует добавить, что столь же важно изучать материалистическую диалектику, которая имеется во всех произведениях Ленина. Это важно особенно потому, что в его работах, речах, выступлениях дается материалистическое освещение и объяснение явлений и событий новейшей истории: первой всемирной империалистской войны и пролетарской революции. В философских же тетрадях Ленина содержится без конца ценнейших указаний, как надо изучать материалистическую диалектику. (В. Адоратский, Предисловие к XII «Ленинскому сборнику».)

VI. Борьба на два фронта в философии

Борьба на два фронта — закон развития нашей партии

Но если мы стоим за лозунг борьбы на два фронта, не значит ли это, что мы тем самым провозглашаем необходимость *центризма* в нашей партии? Что значит борьба на два фронта? Не есть ли это центризм? Вы знаете, что троцкисты так именно и изображают дело: есть «левые», это, дескать, «мы» — троцкисты, «настоящие ленинцы»; есть «правые», это — все остальные; есть, наконец, «центристы», которые колеблются между «левыми» и правыми. Можно ли считать правильным такой взгляд на нашу партию? Ясно, что нельзя. Так могут говорить лишь люди, у которых смешались все понятия и которые давно уже порвали с марксизмом. Так могут говорить лишь люди, которые не видят и не понимают *принципиальной разницы* между партией социал-демократической довоенного периода, которая была партией *блока* пролетарских и мелкобуржуазных интересов, и между партией коммунистической, которая есть *монолитная* партия революционного пролетариата. Центризм не есть пространственное понятие: на одном месте сидят, скажем, правые, на другом — «левые», а посерединке — центристы. Центризм есть понятие политическое. Его идеология есть идеология приспособления, идеология подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии *в составе одной общей партии*. Эта идеология чужда и противна ленинизму. Центризм есть явление естественное для II Интернационала периода довоенного времени. Там были правые (большинство), были левые (без кавычек) и были центристы, вся политика которых состояла в том, чтобы подкрасить левыми фразами оппортунизм правых и подчинить левых правым. В чем состояла тогда политика левых, ядро которых составляли большевики? В решительной борьбе с центристами, в борьбе за раскол с правыми (особенно после начала империалистской войны) и в организации нового революционного Интернационала из действительно левых, действительно пролетарских элементов.

Почему могло тогда возникнуть такое расположение сил внутри II Интернационала и такая политика большевиков в нем? Потому, что II Интернационал был тогда

партий *блока* пролетарских и мелкобуржуазных интересов в угоду мелкобуржуазным социал-нацистам, социал-шовинистам. Потому, что большевики не могли тогда не сосредоточивать огня против центристов, пытавшихся подчинить пролетарские элементы интересам мелкой буржуазии. Потому, что большевики обязаны были тогда проповедывать идею раскола, ибо без этого пролетарии не могли бы организовать свою собственную революционно-марксистскую партию.

Можно ли утверждать, что в нашей партии имеется такое же расположение сил и что в ней должна практиковаться та же политика, которую практиковали большевики в партиях II Интернационала периода довоенного времени? Ясно, что нельзя. Нельзя, так как это значило бы не понимать *принципиальной* разницы между партией *блока* пролетарских и мелкобуржуазных элементов и между *монолитной* партией революционного пролетариата. Там (у социал-демократии) была одна классовая подоснова партии. Здесь (у коммунистов) совершенно другая подоснова партии. Там (у социал-демократии) центризм был естественным явлением, так как партия *блока* разнородных интересов не может обойтись без центристов, и большевики обязаны были вести линию раскола. Здесь (у коммунистов) центризм беспредметен и несовместим с ленинской партийностью, так как коммунистическая партия есть *монолитная* партия пролетариата, а не партия *блока* разнородных классовых элементов. И так как господствующей силой нашей партии является самое деовое течение мирового рабочего движения (ленинцы), то политика раскола в нашей партии не имеет и не может иметь никакого оправдания с точки зрения ленинизма. (*Голос*: «Раскол в партии возможен у нас или нет?») Дело идет не о возможности раскола, а о том, что политика раскола в нашей монолитной ленинской партии не может быть оправдана с точки зрения ленинизма. Кто не понимает этой принципиальной разницы, тот идет вразрез с ленинизмом, тот рвет с ленинизмом.

Вот почему я думаю, что только люди, сошедшие с ума и растерявшие последние остатки марксизма, могут серьезно утверждать, что политика нашей партии, политика борьбы на два фронта, есть политика центризма.

Ленин всегда вел борьбу на два фронта в нашей партии как против «левых», так и против явно меньшевистских уклонов. Просмотрите брошюру Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», просмотрите историю нашей партии, и вы поймете, что наша партия росла и крепла в борьбе с обоими уклонами — и с правым и с «левым». Борьба с отзовистами и с «левыми» коммунистами, с одной стороны, борьба с открыто оппортунистическим уклоном до Октябрьской революции, во время Октябрьской революции и после нее, с другой стороны, — вот какие фазы прошла наша партия в своем развитии. Всем известны слова Ленина о том, что нам надлежит вести борьбу как с оппортунизмом, так и с «левыми» доктринами.

Значит ли это, что Ленин был центристом, что он вел политику центризма? Ясно, что не значит.

Что же собою представляют в таком случае наши правые и «левые» уклонисты? Что касается правого уклона, то это, конечно, не то, что оппортунизм социал-демократов довоенного периода. Уклон к оппортунизму не есть еще оппортунизм. Мы знаем, как Ленин разъяснял в свое время понятие уклон. Уклон вправо — это нечто такое, что еще не вылилось в оппортунизм и что можно исправить. Поэтому нельзя отождествлять уклон вправо с законченным оппортунизмом. Что касается «левого» уклона, то он представляет нечто прямо противоположное тому, что представляли собою крайние левые во II Интернационале довоенного периода, т. е. большевики. Они не только не левые без кавычек, они по сути дела те же правые уклонисты, с той, однако, разницей, что бессознательно прикрывают свою действительную природу «левыми» фразами. Было бы преступлением против партии не видеть всей глубины разницы между «левыми» уклонистами и подлинными ленинцами, *единственными* левыми (без

кавычек) в нашей партии. (*Голос*: «А легализация уклонов?») Если открыта борьба с уклонами есть легализация, то надо признать, что Ленин давно их «легализовал».

Они, эти уклонисты, и правые и «левые», рекрутируются из самых разнообразных элементов непролетарских слоев, элементов, отражающих давление мелкобуржуазной стихии на партию и разложение отдельных звеньев партии. Часть выходцев из других партий; люди с троцкистскими тенденциями в партии; осколки бывших фракций в партии; бюрократизирующиеся (и обюрократившиеся) члены партии в государственном, хозяйственном, кооперативном, профсоюзном аппарате, смыкающиеся с явно буржуазными элементами этих аппаратов; «важничные» члены партии в наших деревенских организациях, срастающиеся с кулачеством, и т. д. и т. п., — такова питательная среда уклонов от ленинской линии. Ясно, что ничего подлинно левого и ленинского не могут воспринять эти элементы. Они могут вскормить лишь открыто оппортунистический уклон или так называемый «левый» уклон, маскирующий свой оппортунизм левыми фразами.

Вот почему борьба на два фронта является единственно правильной политикой партии. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 378—381, изд. 9-е.*)

«Первый вопрос, это — вопрос о борьбе внутри нашей партии, о борьбе, которая не вчера началась и которая не прекращается. Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения в виде группы большевиков в 1903 г. и проследить ее последующие этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри этой партии, история преодоления этих противоречий и постепенного укрепления нашей партии на основе преодоления этих противоречий. Можно подумать, что русские люди слишком драчливы, любят дискутировать, плодят разногласия, и поэтому развитие партии идет у них через преодоление внутрипартийных противоречий. Это неверно, товарищи. Дело тут не в драчливости. Дело тут в наличии принципиальных разногласий, возникающих в ходе развития партии, в ходе борьбы пролетариата. Дело тут в том, что противоречия можно преодолеть лишь путем борьбы за те или иные принципы, за те или иные цели борьбы, за те или иные методы борьбы, ведущей к цели. Можно и нужно идти на всякие соглашения с изнакомыслящими внутри партии по вопросам текущей политики, по вопросам чисто практического характера. Но если вопросы эти связаны с принципиальными разногласиями, то никакое соглашение, никакая «средняя» линия не может спасти дело. Нет и не может быть «средней» линии в вопросах принципиального характера. Либо одни, либо другие принципы должны быть положены в основу работы партии. «Средняя» линия по вопросам принципиальным есть «линия» засорения голов, «линия» затуманивания разногласий, «линия» идейного перерождения партии, «линия» идейной смерти партии.

Как живут и развиваются ныне социал-демократические партии на Западе? Есть ли у них противоречия внутри партий, принципиальные разногласия? Конечно есть. Вскрывают ли они эти противоречия и стараются ли их преодолеть честно и открыто на глазах у партийных масс? Нет. Конечно нет. Практика социал-демократии состоит в том, чтобы скрывать, прятать эти противоречия и разногласия. Практика социал-демократии состоит в том, чтобы превращать свои конференции и съезды в пустой маскарад парадного благополучия, старательно скрывая и замазывая внутренние разногласия. Но из этого ничего, кроме засорения голов и идейного обнищания партии, не может получиться. В этом одна из причин падения западноевропейской социал-демократии, когда-то революционной, а ныне реформистской.

Но мы так не можем жить и развиваться, товарищи. Политика «средней» принци-

пильной линии не есть наша политика. Политика «средней» принципиальной линии есть политика увядающих и перерождающихся партий. Такая политика не может не вести к превращению партии в пустой бюрократический аппарат, вращающийся на холостом ходу и оторванный от рабочих масс. Этот путь не есть наш путь.

Все прошлое нашей партии является подтверждением того положения, что история нашей партии есть история преодоления внутрипартийных противоречий и неуклонного укрепления рядов нашей партии на основе этого преодоления.

Возьмем первый период, период «Искры» или период II съезда нашей партии, когда впервые появились разногласия внутри нашей партии между большевиками и меньшевиками и когда верхушка нашей партии распалась в конце концов на две части: на часть большевистскую (Ленин) и часть меньшевистскую (Плеханов, Аксельрод, Мартов, Засулич, Потресов). Ленин был тогда в единственном числе. Если бы вы знали, сколько было тогда криков и воплей о «незаменимых», отошедших от Ленина. Однако практика борьбы и история партии показали, что это расхождение имело под собой принципиальную базу, что это расхождение являлось необходимым этапом для зарождения и развития действительно революционной и действительно большевистской партии. Практика борьбы показала тогда, что, во-первых, дело не в количестве, а в качестве, и, во-вторых, дело не в формальном единстве, а в том, чтобы единство имело принципиальную основу. История показала, что Ленин был прав, а «незаменимые» были неправы. История показала, что без преодоления этих противоречий между Лениным и «незаменимыми» мы не имели бы настоящей революционной партии.

Возьмем следующий период, период кануна революции 1905 г., когда большевики и меньшевики стояли друг против друга все еще внутри одной партии, как два лагеря с двумя совершенно различными платформами, когда большевики стояли на пороге формального раскола нашей партии и когда они для отстаивания линии нашей революции были вынуждены созвать свой особый съезд (III съезд). Чем взяла тогда верх большевистская часть партии, чем она завоевала симпатии большинства партии? Тем, что она не замазывала принципиальных разногласий и боролась за преодоление этих разногласий путем изоляции меньшевиков.

Я мог бы сослаться далее на третью стадию развития нашей партии, на период после поражения революции 1905 г., на период 1907 г., когда одна часть большевиков, так называемые «отзовисты» во главе с Богдановым, отошла от большевизма. Это был критический период в жизни нашей партии. Это был тот период, когда целый ряд большевиков из старой гвардии покинул Ленина и его партию. Меньшевики кричали тогда о гибели большевиков. Однако большевизм не погиб, и практика борьбы за какие-нибудь полтора года показала, что Ленин и его партия были правы, ведя борьбу за преодоление противоречий внутри рядов большевизма. Эти противоречия были преодолены не путем их замазывания, а путем их вскрытия и путем борьбы к благу и выгоде нашей партии.

Я мог бы сослаться дальше на четвертый период в истории нашей партии, на период 1911—1912 гг., когда большевики восстановили разбитую было царской реакцией партию и изгнали вон ликвидаторов. И тут, как и в предыдущие периоды, большевики шли к восстановлению и укреплению партии не через замазывание принципиальных разногласий с ликвидаторами, а через их вскрытие и преодоление.

Я мог бы указать затем на пятую стадию в развитии нашей партии, на период перед Октябрьской революцией 1917 г., когда одна часть большевизма во главе с известными лидерами большевистской партии колебнулась и не захотела идти на восстание, считая его авантюрой. Известно, что и это противоречие было преодолено большевиками не путем замазывания разногласий, а путем открытой борьбы за Октябрьскую революцию. Практика борьбы показала, что без преодоления этих

разногласий мы смогли бы поставить Октябрьскую революцию в критическое положение.

Я мог бы указать наконец на дальнейшие периоды развития нашей внутривнутрипартийной борьбы, на период Брестского мира, период 1921 г. (профсоюзная дискуссия) и остальные периоды, которые вам известны и о которых я не буду здесь распространяться. Известно, что во все эти периоды, как и в прошлом, наша партия росла и крепла через преодоление внутренних противоречий.

Что же из этого получается?

Выходит, что ВКП росла и крепла через преодоление внутривнутрипартийных противоречий.

Выходит, что преодоление внутривнутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии.

Могут сказать, что это — закон для ВКП, а не для других пролетарских партий. Это неверно. Этот закон является законом развития для всех сколько-нибудь больших партий, все равно, идет ли речь о пролетарской партии СССР или о партиях на Западе. Если можно в маленькой партии маленькой страны так или иначе замазать разногласия, покрыв их авторитетом одного или нескольких лиц, то в большой партии с ее разнообразными районами развитие через преодоление противоречий является неизбежным элементом роста и укрепления партии. Так шло дело в прошлом. Так идет дело в настоящем. Я хотел бы тут сослаться на авторитет Энгельса, который руководил вместе с Марксом пролетарскими партиями на Западе не один десяток лет. Дело идет о 80-х годах прошлого столетия, когда в Германии царил исключительный закон против социалистов. Маркс и Энгельс сидели в Лондоне в эмиграции, а заграничный нелегальный орган германской социал-демократии «Социал-демократ» направлял на деле работу германской социал-демократии. Бернштейн был тогда революционным марксистом (он не успел еще переключиться к реформистам), Энгельс находился с ним в оживленной переписке по самым злободневным вопросам политики германской социал-демократии. Вот что он писал тогда Бернштейну (1882 г.):

«Как видно, всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития. Германская партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, где самое трение играло главную роль. Единство стало возможным лишь тогда, когда намеренно восторженный Лассалем в качестве орудия сброд износился и здесь это произошло с нашей стороны со слишком большой поспешностью. Во Франции люди, которые хотя и пожертвовали бакунистскими теориями, но продолжают действовать бакунистскими методами борьбы и вместе с тем хотят принести в жертву своим социальным целям классовый характер движений, также должны сперва износиться, прежде чем опять станет возможно единство. Желать проповедывать единство при таких условиях было бы чистой глупостью. Моральными проповедями нельзя предупредить детских болезней, которыми при современных условиях надо переболеть» (см. «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1, стр. 324—325)¹.

Ибо, говорит Энгельс в другом месте (1885 г.): «Противоречия никогда не могут быть заглушены надолго, они решаются борьбой» (см. там же, стр. 371).

Вот чем прежде всего пужно объяснить наличие противоречий внутри нашей партии и развитие нашей партии через преодоление этих противоречий путем борьбы. (Сталин, *Еще раз о социал-демократическом уклоне, Сборник об оппозиции*, стр. 439—443, изд. 1928 г.)

¹ По оплошности в тексте, опубликованном в газетах, эта цитата была приведена не вся. — И. Ст.

Социальная база уклонов от генеральной линии партии. Правый уклон — главная опасность на данном этапе

Можно подумать, что работа по руководству социалистическим строительством, работа по проведению в жизнь генеральной линии партии проходила у нас в партии спокойно и плавно без борьбы и напряжения воли. Но это неверно, товарищи. На самом деле эта работа шла в борьбе с внутрипартийными трудностями, в борьбе со всякого рода уклонами от ленинизма как в области общей политики, так и в области национального вопроса. Наша партия живет и подвигается не в безвоздушном пространстве. Она живет и подвигается в самой гуще жизни, подвергаясь влиянию окружающей среды. А среда у нас состоит, как известно, из различных классов и социальных групп. Мы предприняли развернутое наступление на капиталистические элементы, мы продвинули далеко вперед нашу социалистическую промышленность, мы развернули строительство совхозов и колхозов. Но такие явления не могут пройти даром для эксплуататорских классов. Эти явления обычно сопровождаются разорением отживающих классов, разорением кулачества в деревне, сужением поля деятельности мелкобуржуазных слоев города. Понятно, что все это не может не обострить борьбу классов, сопротивление отживающих классов политике советской власти. Было бы смешно думать, что сопротивление этих классов не найдет того или иного отражения в рядах нашей партии. И оно, действительно, находит в партии свое отражение. Отражением сопротивления отживающих классов и являются все и всякие уклоны от ленинской линии, имеющиеся в рядах нашей партии.

Можно ли вести успешную борьбу с классовыми врагами, не борясь одновременно с уклонами в нашей партии, не преодолевая этих уклонов? Нет, нельзя. Нельзя, так как невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение в партии, оставляя в тылу людей, не верящих в наше дело и всячески старающихся затормозить наше движение вперед.

Отсюда непримиримая борьба с уклонами от ленинской линии как очередная задача партии.

Почему правый уклон является теперь главной опасностью в партии? Потому, что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране...

Капитулянство на деле, как *содержание*, «левые» фразы и «революционно»-авантюристские замашки, как *форма*, прикрывающая и рекламирующая капитулантское содержание, — таково существо троцкизма.

Эта двойственность троцкизма отражает двойственное положение разоряющихся городской мелкой буржуазии, нетерпящей «режима» диктатуры пролетариата и старающейся либо перескочить «сразу» в социализм, чтобы избавиться от разорения отсюда *авантюризм и истерика в политике*), либо, если это невозможно, пойти на любые уступки капитализму (отсюда *капитулянство в политике*).

Этой двойственностью троцкизма объясняется тот факт, что свои «бешеные» будто бы атаки против правых уклонистов троцкизм обычно увенчивает *блоком* с ними, как с капитулянтами без маски.

А что из себя представляют «левые» загибы, имевшие место в партии в области колхозного движения? Они представляют некоторую, правда бессодержательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству. Они являются результатом той ошибки в политике, которую Ленин называет «переадминистрированием». Это значит, что некоторые наши товарищи, увлеченные успехами колхозного движения, стали подходить к проблеме колхозного строительства не как строители, а как администраторы по преимуществу, допустив в виду этого ряд грубейших ошибок.

У нас существуют в партии люди, которые думают, что не надо было одергивать «левых» загибщиков. Они считают, что не надо было обижать и шить работников и противодействовать их увлечению, если это даже увлечение привело к ошибкам. Это чепуха, товарищи. Так могут говорить лишь такие люди, которые хотят обязательно плыть по течению. Это те самые люди, которые никогда не смогут усвоить ленинской линии — идти против течения, когда этого требует обстановка, когда этого требуют интересы партии. Это хвостисты, а не ленинцы. Партии помогу и удасть повернуть целые отряды наших товарищей на правильную дорогу, партии потому и удалось выправить ошибки и добиться успехов, что она решительно пошла против течения во имя проведения в жизнь генеральной линии. Это и есть ленинизм на практике, ленинизм в руководстве.

Вот почему я думаю, что, не преодолев «левых» загибов, мы не смогли бы добиться тех успехов в колхозном движении, которые имеем теперь.

Так обстоит дело с борьбой с остатками троцкизма и их отрывками на практике.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом о правом оппортунизме, во главе которого стояли или стоят гг. Бухарин, Рыков и Томский.

О правых уклонистах нельзя сказать, что они не признают возможности построения социализма в СССР. Нет, они ее признают, и в этом их отличие от троцкистов. Но беда правых уклонистов состоит в том, что, признавая формально возможность построения социализма в одной стране, они не хотят признавать тех путей и средств борьбы, без которых невозможно построить социализм. Они не хотят признавать, что всемерное развитие индустрии является ключом преобразования всего народного хозяйства на началах социализма. Они не хотят признавать непримиримой классовой борьбы с капиталистическими элементами и развернутого наступления социализма на капитализм. Они не понимают, что все эти пути и средства являются той системой мероприятий, без которых невозможно удержание диктатуры пролетариата и построение социализма в нашей стране. Они думают, что социализм можно построить втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, без наступления на капиталистические элементы. Они думают, что капиталистические элементы либо сами отомрут незаметно, либо будут вращаться в социализм. А так как таких чудес в истории не бывает, то выходит, что *правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране.*

О правых уклонистах нельзя также говорить, что они отрицают возможность вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма в деревне. Нет, они ее признают, и в этом их отличие от троцкистов. Но, признавая ее формально, они вместе с тем отрицают те пути и средства, без которых невозможно вовлечение крестьянства в дело построения социализма. Они не хотят признавать, что совхозы и колхозы являются основным средством и «столбовой дорогой» вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма. Они не хотят признавать, что без проведения в жизнь политики ликвидации кулачества как класса невозможно добиться преобразования деревни на началах социализма. Они думают, что деревню можно перевести на рельсы социализма втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, путем одной лишь снабженческо-сбытовой кооперации, ибо они уверены, что кулак сам вращается в социализм. Они думают, что главное теперь не в высоких темпах развития индустрии и не в колхозах и совхозах, а в том, чтобы «развязать» рыночную стихию, «раскрепостить» рынок и «снять путы» с индивидуальных хозяйств вплоть до капиталистических элементов деревни. Но так как кулак не может вращаться в социализм, а «раскрепощение» рынка означает вооруженке кулачества и разоружение рабочего класса, то выходит, что *правые уклонисты на деле скатываются на точку зрения отрицания возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма.*

Этим собственно и объясняется тот факт, что свои петушинные бои с троцкистами правые уклонисты обычно увенчивают закулисными переговорами с троцкистами насчет блока с ними.

Основное зло правого оппортунизма состоит в том, что он *разрывает* с ленинским пониманием классовой борьбы и скатывается на точку зрения *мелко-буржуазного либерализма*.

Не может быть сомнений, что победа правого уклона в нашей партии означала бы полное разоружение рабочего класса, вооружение капиталистических элементов в деревне и нарастание шансов на реставрацию капитализма в СССР.

Правые уклонисты не стоят на точке зрения образования другой партии, и в этом их еще одно отличие от троцкистов. Лидеры правых уклонистов открыто признали свои ошибки и капитулировали перед партией. Но было бы глупо думать на этом основании, что правый уклонизм уже похоронен. Сила правого оппортунизма измеряется не этим обстоятельством. Сила правого оппортунизма состоит в силе мелкобуржуазной стихии, в силе напора на партию со стороны капиталистических элементов вообще, со стороны кулачества в особенности. И именно потому, что правый уклон отражает сопротивление основных элементов отживающих классов, именно поэтому правый уклон есть основная опасность нашего времени в партии.

Вот почему партия сочла необходимым повести решительную и непримиримую борьбу с правым уклоном.

Не может быть сомнения, что без решительной борьбы с правым уклоном, без изоляции его руководящих элементов мы не могли бы добиться мобилизации сил партии и рабочего класса, мобилизации сил бедноты и середняцких масс крестьянства на дело развернутого наступления социализма, на дело организации совхозов и колхозов, на дело восстановления нашей тяжелой индустрии, на дело ликвидации кулачества как класса.

Так обстоит дело с «левым» и правым уклонами в партии.

Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь непримиримую борьбу *на два фронта* как с «левыми», представляющими *мелкобуржуазный радикализм*, так и с *правыми, представляющими мелкобуржуазный либерализм*.

Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь *непримиримую* борьбу с теми *примиренческими* элементами в партии, которые не понимают или делают вид, что не понимают необходимости решительной борьбы на два фронта. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 556—557, 559—562, изд. 9-е.*)

Механистическая ревизия диалектического материализма

Отрицание марксистской философии механистами

Отчасти по привычке к обывательскому языку, отчасти под воздействием наших классовых врагов мы обычно под философией разумеем не что иное, как самое общее, цельное и стройное воззрение на мир, как что-то весьма мудрое, высокое, прекрасное и т. д. При этом конечно мы констатируем, что есть и так называемая «буржуазная философия», но что эта философия ложная, фальшивая, «не научная», а самая-де настоящая, научная, доподлинная философия, это — марксизм, это — «философия пролетариата». И мы создаем «философские» кружки, «философские» журналы, кафедры философии и т. п.

На самом же деле *нельзя толковать о какой-то научной, революционной, коммунистической и т. д. философии, ибо такой философии нет и быть не может, как не может быть коммунистической, научной и т. д. религии*, ибо философия это не есть просто какое-то общее понятие для единого, цельного, стройного мировоззрения, а специфич-

ческое и очень определенное понятие буржуазного воззрения на мир, на человеческое общество и на познание. *Всякая философия, как и всякая религия, в той или иной степени враждебна пролетариату и коммунизму...*

Философия — это полубера в полуличного бога («абсолютная идея», «высший разум», «мировая воля» и т. п.) и это полунатура о полуматериальном мире (таковы основные типы новой философии, «метафизический материализм» XVIII века и «диалектический идеализм» XIX столетия).

Если выражение «религия социализма» нельзя иначе понять, как «деревянное железо», то смешивать науку и философию или называть марксизм философией это значит примерно то же, что не различать железа от железной руды или называть золото золотыми присками.

Марксизм — это наука. Вот и все. Неужели этого мало?

А философию необходимо побороть и ликвидировать так же, как поборол мы и ликвидируем религию.

К. Маркс в XI тезисе о Фейербахе написал:

«Философы лишь объясняли мир так или иначе, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

То есть: *Маркс и Энгельс — не философы.* Да они и быть таковыми не могли, как основатели науки в подлинном смысле этого слова...

В. И. Ленин, как и Плеханов, употребляет отжившую терминологию: «философия марксизма», «философские выводы естествознания» и т. д., однако такая терминология у Ленина, как и у Плеханова, является лишь рядом описок — не больше, так как все, что написал Ленин, есть не что иное, как, во-первых, беспощадная и сокрушительная борьба не только против религии, но и против философии во всех ее видах и формах, а, во-вторых, это плодотворнейшее развитие той самой науки, полный фундамент которой впервые в истории заложили Маркс и Энгельс...

И тем не менее, вопреки ясной сущности дела, вопреки ясным указаниям основателей марксизма, выходят коммунисты, которые во что бы то ни стало пытаются воскресить философию, дезинфицировать ее и подпереть ею марксизм. Но философия не только как система, но даже как термин, как «синоним» или «символ» опорожена и оскандалена нисколько не меньше, чем «социал-демократия», а потому вполне заслужила, чтобы и ее мы отбросили, как зараженное белье. (Минин, Журнал «Под знаменем марксизма» № 11—12 за 1922 г., стр. 185—187, 195. Курсив составителей.)

Исторический материализм *продолжает* то дело, которое в одной своей части выполнено философским материализмом, или, употребляя более ясное и прямое выражение, выполнено современным *естествознанием*; для марксистов не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для марксистов — последние и наиболее общие выводы современной науки. (Степанов, Исторический материализм и современное естествознание, стр. 56—57, Гиз, 1924 г.)

Отрицание философского понимания материи механистами

...Мы теперь не можем согласиться с Энгельсом, который писал, что «материя как таковая, это — чистое создание мысли и абстракции». Точно так же я прямо признаю, что мы уже не можем последовать за Энгельсом, который с большими сомнениями относится к стремлению естествознания отыскать единую

материю как таковую и свести качественные различия к только количественным различиям состава тождественных мельчайших частей».

В противоположность этому я писал, что в настоящее время «естествознание не стремится отыскать *единую материю* как таковую: оно уже *находит* ее... Материя как таковая *чувственно существует для нас как отрицательные электроны и положительные ядра*». (Степанов, *Диалектический материализм и деборинская школа*, стр. 39—40, Гиз, 1928 г. Курсив составителя.)

Энгельс и Ленин о философском понятии материи

Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об *источнике* нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к *физическому* миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого «физического мира». Когда физики говорят: «Материя исчезает», они хотя этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям — материя, электричество, эфир; теперь же остаются *только* два последние, ибо материю удается свести к электричеству, атом удается объяснить как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необъятно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удается, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют «две материи, существенно различные», как говорит физик Пеллэ, — Reu, I. c., p. 294—295). Естествознание ведет, следовательно, к «*единству материи*» (там же) — вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих. «Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм* (1908 г.), Соч., т. XIII, стр. 213, изд. 3-е.)

Все приведенные нами философы, кто прямо, кто с ужимкой, заменяют основную философскую линию материализма (от бытия к мышлению, от материи к ощущению) обратной линией идеализма. Отрицание материи ими есть давным-давно известное решение теоретико-познавательных вопросов в смысле отрицания внешнего, объективного источника наших ощущений, объективной реальности, соответствующей нашим ощущениям. И, наоборот, признание той философской линии, которую отрицают идеалисты и агностики, выражается определениями: материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении, и т. п. (Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., т. XIII, стр. 119.)

Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство! Точно время есть нечто иное, чем сумма часов, а пространство нечто иное, чем сумма кубических метров! Разумеется, обе формы существования материи без этой материи представляют ничто, только пустое представление, абстракцию, существующую

только в нашей голове. Но мы не способны познать, что такое материя и движение! Разумеется, не способны, ибо материю как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным образом: люди имеют дело только с различными реально существующими материями и формами движения. Вещество; материя — не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; слова, вроде «материя» и «движение», это — просто *сокращения*, в которых мы резюмируем, согласно их общим свойствам, различные чувственно воспринимаемые вещи. Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных форм вещества и движения; поскольку мы познаем последние, постольку мы познаем материю и движение *как таковые*. Поэтому, когда Гегели говорит, что мы не знаем, что такое время, пространство, движение, причина и следствие, то он этим лишь утверждает, что мы при помощи своей головы сочиняем себе сперва абстракции, отвлекая их из реального мира, а затем — не в состоянии познать этих сочиненных нами абстракций, ибо они умственные, а не чувственные вещи, между тем как всякое познание есть чувственное *измерение*. Это — точь-в-точь как встречающаяся у Гегеля трудность, что мы в состоянии есть вишни, сливы, но не в состоянии есть *плода*, потому что никто еще не ел плода как такового. (Энгельс, *Анти-Дюринг*, стр. 253.)

Механистическая трактовка движения

Маркс, как известно, освободил диалектику от мистической оболочки, выставил положение, что диалектика как мыслительная категория есть отражение диалектики в процессе реального, *материального* становления, ибо «идеальное» есть лишь переведенное в человеческом мозгу на специфический язык материальное. Однако до сих пор — и притом в возрастающей степени — делаются попытки *оторвать* мыслительный процесс от процесса материального, — попытки превратить диалектику в исключительно мыслительную конструкцию, в некоторый метод, которому не соответствует никакая бы то ни было реальность. Типичным является в этом отношении «австромарксизм» с Максом Адлером во главе. Как нужно бороться с этим извращением марксизма, — извращением явно *антиматериалистическим*. Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, т. е. *в формах движущейся материи находить то, чему соответствует диалектическая формула Гегеля*. Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение, — другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе; нового нарушения и т. д. — вот что *реально* соответствует гегелевской триединой формуле. Что «нового» вносит это толкование? По существу это то же самое. Но здесь указывается на *материальный* процесс и на движение *материальной* формы. Другими словами, здесь — диалектика *материального* становления, идеально выражаемая гегелевской триадой.

Совершенно неправильным является упрек в механичности такой формулировки. Неправильным он является потому, что *нельзя* современную механику *противопоставлять* диалектике. Если механика недиалектична, т. е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики? Наоборот. *Движение* составляет, если так можно выразиться, материальную душу диалектического метода и его объективную основу. (Бузарин, *Теория исторического материализма*, стр. 361—362, Гиз, 1929 г.)

...Дело идет не о том чтобы как-то «частично» принять физико-химические методы объяснения явлений жизни, а о том, чтобы эти методы, *уже давшие такие блестящие результаты*, признать «единственно научным» приемом объяснения жизни, о том, чтобы вообще поставить приемы объяснения жизни на научную высоту. Спор между нами давно решен *практикой, всей практикой научной биологии...*

...Мы имеем все основания признать последовательное применение физико-химических методов, употребляя выражение Маркса и Ленина, «единственно научным» приемом объяснения жизни. Всякая попытка их дополнения поведет к беспомощному эклектизму. Все предшествующее развитие научной биологии не дает никаких оснований для малодушной измены методам сведения жизни организма к физико-химическим процессам. (Степанов, *Диалектический материализм и деборинская школа*, стр. 14, 18, Гиз, 1928 г. — Подчеркнуто сост.)

В биологии до сих пор боролись и до сих пор борются только два основных течения: *идеалистическое*, называемое витализмом и отвергающее сводимость явлений жизни к физико-химическим процессам, и *материалистическое*, утверждающее эту сводимость и до сих пор блестяще демонстрировавшее эту сводимость практикой, экспериментом. Не мешает отметить, что это *единственно материалистическое* течение в биологии давным-давно называется *механистическим*. (Степанов, *Диалектический материализм и деборинская школа*, стр. 52, Гиз, 1928 г.)

Трактовка движения у Энгельса

Называя физику механикой молекул, химию — физикой атомов и далее биологию — химией белков... я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую и, значит, связь, непрерывность, а также различие, разрыв между обеими областями. Итти же дальше этого, называть химию своего рода механикой, по-моему, нерационально. Механика — в более широком или узком смысле слова — знает только количества, она оперирует скоростями и массами и, в лучшем случае, объемами. Там, где на пути у нее стоит качество, — как, например, в гидростатике и аэростатике, — она не может притти к удовлетворительным результатам, не вдаваясь в рассмотрение молекулярных состояний и молекулярного движения; она сама только простая вспомогательная наука, предпосылка физики. Но в физике, а еще более в химии, не только происходит постоянное качественное изменение в результате количественного изменения, не только наблюдается переход количества в качество, но приходится также рассматривать множество изменений качества, относительно которых совершенно не доказано, что они обусловлены <сведены> количественными изменениями. Можно охотно согласиться с тем, что современная наука движется в этом направлении, но это вовсе не доказывает, что это направление единственно правильное, что, идя этим путем, мы *исчерпаем* до конца физику и химию. Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи; познать эти механические движения является *первой* задачей науки, однако лишь первой. Само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества. <Мышление есть тоже движение>. Открытие, что теплота представляет собой молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но если я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собою известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать. Химия находится на пороге того, чтобы из отношения атомных объемов к атомным весам объяснить целый ряд химических и физических свойств элементов. Но ни один химик не решится утверждать, будто все свойства какого-нибудь элемента выражаются исчерпывающим образом его положением на кривой Лотара Мейера, что этим одним определяются, например, специфические свойства углерода, делающие его главным носителем органической жизни, или же необходимость фосфора в мозгу. Между тем механическая концепция сводится именно к этому; она объясняет

всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие. Если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и изменениям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому положению, что вся материя состоит из *тождественных* мельчайших частиц и что все качественные различия химических элементов материи вызываются количественными различиями в числе и пространственной группировке этих мельчайших частиц при их объединении в атомы. Но до этого нам еще далеко.

Только незнание современных естествоиспытателей с иной философией, кроме той ординарнейшей вульгарной философии, которая процветает ныне в немецких университетах, позволяет им оперировать таким образом выражениями вроде «механический», причем они не отдают себе отчета и даже не догадываются, какие из этого вытекают необходимые выводы. У теории абсолютной качественной тождественности материи имеются свои приверженцы; эмпирически ее так же нельзя опровергнуть, как и нельзя доказать. Но если спросить людей, желающих объяснить все «механическим образом», сознают ли они неизбежность этого вывода и признают ли тождественность материи, то какие при этом получаются различные ответы!

Самое комичное — это то, что приравнение «материалистического» и «механического» имеет своим родоначальником *Гегеля*, который хотел унижить материализм эпитетом «механический». Но дело в том, что критикуемый Гегелем материализм — французский материализм XVIII столетия — был действительно исключительно *механическим*, и по той простой причине, что физика, химия и биология были тогда еще в зачаточном состоянии, далеко не являясь основой общего мировоззрения. (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 80—81.*)

Механистическая теория сведения

Современная наука по своему общему характеру является *последовательной продолжательницей* научных воззрений XVIII века. Строго критическое наблюдение и опыт (эксперимент) являются в ее глазах единственными средствами познания мира. Понять какую-нибудь группу явлений означает для нее истолковать ее как непрерывно текущий процесс, в котором одна стадия или *ступень* (рассматриваемая как *причина*) неизбежно порождает другую (являющуюся *следствием*). Таким образом объяснить какую-нибудь группу явлений значит раскрыть *причинную связь* между ними. При этом мы должны *расчленять, разбивать сложные явления и спускаться от них к более простым, сводить их к этим более простым явлениям*. Так например наука останавливалась в полном недоумении перед процессом жизни, перед процессами, протекающими в живой материи, пока она не стала *сводить их к более простым явлениям, совершающимся в мертвом, минеральном веществе и составляющим предмет изучения физики и химии*. (*Степанов, Исторический материализм и современное естествознание, стр. 24—25, Гиз, 1924 г. — Подчеркнуто бригадой.*)

* * *

Наука уверенно идет в том направлении, чтобы и под психическими процессами вскрыть превращение одних форм энергии в другие и чтобы свести их к таким простейшим явлениям, как рефлекс, механизм и формы которых усложняются с развитием и усложнением нервно-мозговой системы. Несмотря на все свои осложнения, рефлекс так же и в таком же смысле остается основным элементом психической жизни, включительно до самых сложных ее проявлений, как клеточка — основной элемент всех тканей, составляющих человеческое тело.

Механистическое понимание природы, раскрывая, что и *область психической жизни не дает исключений из закона сохранения энергии*, идет к своему завершению и вместе с тем к величайшему торжеству...

Каждая ступень в развитии мира и его элементов, его мертвых и живых форм, является необходимым следствием предыдущей ступени и с строгой причинной необходимостью, не знающей исключений, изъятий и пробелов, обуславливает следующую ступень. Современная наука неуклонно идет в том направлении, чтобы истолковать все это развёртывание мира как *развитие относительно простых физических и химических процессов*. (Степанов, *Исторический материализм и современное естествознание*, стр. 67—68, Гиз, 1924 г. — *Подчеркнуто составителями.*)

* * *

Наша задача — превращать случайные явления посредством вскрытия их *причинностей в явления необходимые*. В естествознании наша задача — вскрывать физико-химичность всех процессов и тем самым срывать с них таинственность.

Почему же мы как бы останавливаемся на полпути, не доходя последовательно до механичности всех процессов?

Только потому, что механика старого времени, объяснявшая все ударом, нажимом, трением, сцеплением неизменных тел, не изменяющихся в порядке «самодвижения», потерпела фиаско и вынуждена была констатировать наличие механики также и внутренней системы.

Механика встала на правильный путь, говоря не только о взаимных столкновениях, нажима и т. п. частиц, но также и о процессах трения, притяжения, отталкивания в каждой из последних, но эта область разработана химией. Науки все время превращаются одна в другую, сливаются, дифференцируются.

Химия уже поглощена физикой, в чем мы лично видим торжество механики, подпавшей до физики. Объяснять мир физически — это значит объяснять его с точки зрения механики, переросшей себя и вынужденной стать физикой.

Могут конечно сказать, что мы тем самым отвергаем механику, существующую в виде самостоятельной науки.

Нет, ее мы не отвергаем, но считаем то, что ныне носит название механики, механикой в узком смысле слова, механикой тяжести, трения, сцепления и т. п. тел, от самодвижения которых она отвлекается, считая его однако существующим.

Свести вещь или процесс к физическим процессам означает объяснить эту вещь во всех ее проявлениях *движением последних известных нам самодвижущихся частиц*, из которых она состоит. (Сарабьянов, *В защиту философии марксизма*, стр. 153—154, Гиз, 1929 г. — *Подчеркнуто составителями, кроме последней фразы.*)

Критика теории «сведения Энгельсом»

Простое и составное. Категории, которые тоже теряют свой смысл уже в органической природе, и неприменимы здесь. Ни механическое сложение костей, крови, хрящей, мускулов, тканей и т. д., ни химическое — элементов не составляет еще животного (Hegel. *Enz.*, I, стр. 256). Организм не является ни простым, ни составным, как бы он ни был сложен. (Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 10, изд. 3-е, 1930 г.)

* * *

Механическое движение. У естествоиспытателей движение всегда понимается, как = механическому движению, перемещению. Это перешло по наследству из дохимического XVIII столетия и сильно затрудняет ясное понимание вещей. Движение, в применении к материи, — это *изменение вообще*. Из этого же недоразумения вытекает яростное стремление свести все к механическому движению, — уже Грове «силь-

но склонен думать, что прочие свойства материи являются видами движения и в конце концов будут сведены к ним» (стр. 16), чем смазывается специфический характер прочих форм движения. Этим не отрицается вовсе, что каждая из вышних форм движения связана всегда необходимым образом с реальным механическим (внешним или молекулярным) движением, подобно тому, как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения, химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом случае. Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления? (*Энгельс, Диалектика природы, стр. 18, изд. 3-е, 1930 г.*)

Механисты подменяют материалистическую диалектику теорией равновесия

Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в *действии*, т. е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его такого же теоретическо-систематического обоснования. Это и дается *теорией равновесия*.

Теория равновесия имеет кроме того еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от *телеологического* привкуса, неизбежно связанного с тегелевской формулировкой, которая покоится на *саморазвитии* «духа». Вместо эволюции (развития), и *только* эволюции, она позволяет видеть также *случаи разрушения* материальных форм. Тем самым она является и *более общей и очищенной от идеалистических элементов* формулировкой законов движущихся материальных систем. (*Бухарин, ТИМ, стр. 362, Гиз, 1929. Подробнее о «теории равновесия» см. «Тема третья». — Составители.*)

Ленин и Сталин об извращениях Бухарина в вопросах философии

Говорят, что т. Бухарин теоретик нашей партии. Он, конечно, теоретик, и теоретик немалый. Но дело в том, что с теорией у него не все обстоит благополучно. Это видно хотя бы из того, что он нагромоздил целую кучу ошибок по вопросам партийной политики, только что охарактеризованных мною. Не может быть, чтобы эти ошибки, ошибки по линии Коминтерна, ошибки по вопросам о классовой борьбе, об обострении классовой борьбы, о крестьянстве, о напе, о новых формах смычки, — не может быть, чтобы все эти ошибки появились у него случайно. Нет, эти ошибки не случайны. Они, эти ошибки т. Бухарина, вышли из неправильной его установки, из его теоретических изысков. Да, т. Бухарин теоретик, но теоретик он не вполне марксистский, теоретик, которому надо еще доучиваться для того, чтобы стать вполне марксистским теоретиком.

Ссылаются на известное письмо т. Ленина о Бухарине как о теоретике. Давайте прочитаем это письмо.

«Из молодых членов ЦК, — говорит Ленин, — хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к *вполне марксистским*, ибо в нем есть нечто *схоластическое* (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал *вполне диалектики*).» (*Стенограмма шольского пленума 1926 г., вып. IV, стр. 66. Курсив мой. — И. Сталин.*)

Итак, теоретик без диалектики. Теоретик-схоластик. Теоретик, чьи «теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским». Такова характеристика теоретической физиономии т. Бухарина, данная Лениным.

Вы сами понимаете, товарищи, что такому теоретику надо еще доучиваться. И если бы т. Бухарин понимал, что он теоретик не вполне еще законченный, что он нуждается в том, чтобы доучиться, что он теоретик, который не вполне еще усвоил диалектику, а диалектика есть душа марксизма, — если бы это он понимал, то он был бы скромнее, и от этого партия лишь выиграла бы. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 415—416, изд. 9-е.)

Замечания Ленина на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода»

Излишне распространяться о том, что путеводной нитью для автора был метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь стала во весь свой гигантский рост.

[7] *Теоретическая* политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве *товаров*, т. е. наука о *неорганизованном* социальном хозяйстве... Маркс... в своем учении о товарном фетишизме дал блестящее социологическое введение в теоретическую экономику... В самом деле, лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные «проблемы» политической экономии...

[33—34] ... Проникновение банкового капитала в промышленность вело к консолидации предприятий (создание «фюзий», комбинированных трестов и т. д.). Следовательно в этих случаях организующие процессы идут из сферы обращения в сферу производства: это происходит потому, что процесс обращения есть составная часть общего «процесса в целом», процесса воспроизводства, который имеет «принудительную закономерность» для всех своих частей и фаз»¹.

¹ Т. А. Богданов предпочитает видеть во всем организационном процессе во время войны одни лишь «карточки», т. е. один лишь процесс нормировки, возникший на почве регресса производительных сил. На самом же деле процесс нормировки неизмеримо глубже по своему значению. Регресс производительных сил вовсе не исключает здесь прогресса организованных форм капитализма. Так бывало и в «нормальное время», а именно во время кризисов, когда временный регресс производительных сил сопровождался ускоренной централизацией производства и возникновением капиталистических организаций. Такую — *mutatis*

только «познавательная ценность»? а не объективный мир отражающая? «стыдливый»... агностицизм!

Две неверности:

1) определение шаг назад против Энгельса; 2) товарное производство есть *тоже* «организованное» хозяйство!

уф!

((NB

× Маркс говорил *проще* (без выкрутас с «терминами» и «системами» и социологиями) и говорил *вернее* об *обществе* в *целом*. Автор дает *н о в ы е ф а к т ы*, но ухудшает, *verballhornt*

mutandis — ошибку делал и *Энгельс*, когда говорил о синдикатах и трестах. Этой ошибки не нужно повторять! теперь.

[43—44] Капитализм есть антагонистическая, противоречивая $\neq$ система. Но классовый антагонизм, расщепляющий общество на два основных класса, последовательно проведен повсюду. Следовательно структура капитализма есть монистический антагонизм или антагонистический монизм.

Мы брали общество как систему элементов in natura...

[56—57] Гигантское потрясение всей капиталистической системы, которую мы оцениваем как ее крах, ряд ученых и неученых сикофантов квази-марксистского толка считают за аргумент против социализма. Этот взгляд логически основан на полнейшем непонимании диалектического X, в противоречиях развивающегося процесса.

[58] Раз реально дан распад капиталистических производственных отношений, и раз доказана теоретически невозможность их восстановления, то возникает вопрос о решении дилеммы: «гибель культуры» или социализм... эпоха разрыва производственно-технически-социальных пластов сохраняет в общем единство пролетариата, который воплощает прежде и раньше всего материальную основу будущего общества. Этот решающий и основной элемент в ходе революции лишь отчасти распадается. С другой стороны, он необычайно сплачивается, перевоспитывается, организуется. Эмпирическое доказательство этого дает русская революция с ее относительно слабым пролетариатом, который тем не менее оказался поистине неисчислимым резервуаром организационной энергии.

«Математическая вероятность» социализма при таких условиях превращается в «практическую достоверность».

[59] ...Только при превращении пролетариата из класса эксплуатируемого в класс господствующий возможно восстановление трудового процесса, т. е. общественное воспроизводство.

В этих рамках и на этой основе задачи, стоящие перед пролетариатом, в общем и целом, формально, т. е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии при расширенном отрицательном воспроизводстве: экономизация всех ресурсов, планомерное их исполь-

теорию Маркса «социологической» схоластикой.

архинеточно. Антагонизм и противоречия совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме.

уф!

караул!

X Диалектический процесс. Именно! А не схоластика à la Богданов*. Автор ставит его рядом (и на 2 месте) с Begriffsscholastik** Богданова. Но рядом поставить нельзя: или — или. «невозможность» доказуема лишь практически. Автор не ставит диалектически отношения теории к практике.

||| NB верно!
вот это приращение к диалектике.

) «моя» богдановская Begriffsscholastik
) есть главный враг «мой»

* Данная заметка сделана Лениным в конце книги тем же простым карандашом, что и предыдущая надпись, с указанием отнести ее сюда к стр. 57 книги Бухарина. — *Ред.*

** — схоластика понятий (когда исследователь толкует понятия формально, не вникая в суть дела). — *Ред.*

зование, максимум возможной централизации. Истощение, явившееся результатом войны и нарушения непрерывности производственного процесса в период распада, *требует* с точки зрения общественно-организационной техники как раз перехода к социалистическим производственным отношениям. Стоит только поставить общий вопрос, как возможна система хотя бы относительного равновесия, или, вернее, как возможно создание *условий движения к такому равновесию*, чтобы понять категорическую обязательность централизованного и формально обобщественного хозяйства.

[83] ...диктатура пролетариата неизбежно сопровождается *скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства.*

[130] Рассматривание общественной, и притом иррациональной, слепой, системы с точки зрения равновесия ничего общего конечно не имеет с *harmonia praestabilita*¹, ибо оно исходит из *факта* существования этой системы и из такого же *факта* ее развития...

[130—131] ... Задача состоит в том, чтобы анализировать перестройку общественной системы. Здесь: а) растет коллективный, собирательный, *сознательный* хозяйствующий субъект — пролетарское государство со всеми его соподчиненными органами; б) поскольку сохраняется анархическо-товарная система, постольку сохраняется иррациональный, слепой «рок» рынка, т. е. опять-таки общественная стихия, все больше подпадающая под регулирующее воздействие окристаллизовавшегося общественно-сознательного центра; в) наконец, поскольку налицо элементы распада социальных связей (напр. образование замкнутых натурально-хозяйственных ячеек), то они,

не то слово.

|| ??

надо было сказать: между *социалистической* тенденцией пролетариата и *товарно-капиталистической* тенденцией крестьянства. Подставлять здесь слово организующей есть теоретическая неверность, шаг назад от Карла Маркса к Луи Влану.

Это очень хорошо. Но не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о *точке зрения равновесия*? Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону *от* материализма к идеализму.

(вот именно!

элементы распада лимитируются...

Уф!

¹ — предустановленной гармонией. — Ред.

с одной стороны, × «лимитируются» в своих действиях хозяйственной средой (самая их внутренняя реорганизация есть функция общественных сдвигов); с другой, они во все возрастающей степени вовлекаются в строительный процесс, постоянно подвергаясь планомерному воздействию со стороны государственно-хозяйственной организации пролетариата (трудовая повинность, всевозможные виды натуральной повинности и т. д.). Таким образом, даже когда отдельные элементы выпадают из общественно-производственного процесса, они находятся в постоянной сфере воздействия и сами рассматриваются # с точки зрения общественной системы производства, в моменты своей максимальной обособленности они теоретически интересны # как объект общественного притяжения, как потенциальная составная часть новой общественной системы.

Однако, несмотря на то, что сохраняется значимость объективно общественного метода, этот последний приобретает иной логический тон. При анализе общественной структуры товарно-капиталистического типа все закономерности носят характер стихийных закономерностей, «слепой» силы, ибо весь общественно-производственный процесс иррационален. При анализе структуры переходного периода дело обстоит иначе, потому что здесь происходит в возрастающей пропорции рационализация общественно-хозяйственного процесса.

Материально-производственная точка зрения || в общем ||

тоже остается обязательной. Однако (2 | она | претерпевает существенные изменения и ограничения. Во-первых, самый процесс производства не является а priori данной величиной...

[132—133] Во-вторых, может наступить чрезвычайно значительное сокращение, а местами прекращение производственного процесса. Поскольку общество не вымирает, это компенсируется другими путями: а) более экономным распределением остатков прежних производственных (чисто капиталистических) циклов, — здесь процесс потребления отрывается от процесса производства и становится несоизмеримым с последним; б) принудительным извлечением из деревни продуктов сельскохозяйственного производства (здесь отличие от «нормального» положения состоит в том, что это извлечение лишь отчасти фундировано непосредственно экономическими методами; следовательно в цикл воспроизводства входит лишь одна половина «народного хозяйства»); с) непроизводительными методами получения продуктов (военная добыча, переход из рук в руки базисных складов и т. д.).

В-третьих, поскольку процесс производства отрывается

× почему не попроще: «их ограничивает»? О, академизм! О, ложноклассицизм! О, Третьяковский.

Не те слова. Ошибка «богдановской» терминологии выступает наружу: субъективизм, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания. «Метод приобретает иной тон». Бухарин усвоил дурной тон. Тут не «тон» и не «логика», а материальное.

[?]

(2 не «она», не «точка зрения» |

|| неверно. Прежде буржуазия «принуждала» через суды, сборщиков податей и т. п. (ср. Marx о Франции, не только о России). Теперь пролетариат принуждает прямее. Автор забыл «социально-классовые» отношения.

ется от процесса потребления, постольку — даже там, где сохраняется вольный рынок — на поверхности явлений выступают потребительные мотивы.

Диалектико-исторический подход не только не подлежит ограничению, а наоборот, выпячивается на первый план. Слагающиеся формы новых отношений, их переплетение со старыми, иногда в необычайно причудливых сочетаниях — все это делает из производственных отношений переходного периода комплекс *suū genēis**. Далее совершенно понятно, что диалектико-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постранной изменчивости форм, принцип познания процесса, неизбежно должна быть подчеркнута при анализе эпохи, где происходят с небывалой быстротой прямо геологического типа сдвиги социальных пластов. Относительность «категорий» политической экономики становится ясной до полной очевидности.

[139—140] В эпоху перехода от капитализма к коммунизму революционным классом, творцом нового общества является пролетариат. Его государственная власть, его диктатура, советское государство, служит фактором разрушения старых экономических связей и создания новых. «Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса»¹. Поскольку эта политическая власть, как «концентрированное насилие» над буржуазией, сама является экономической силой, это есть сила, разрывающая капиталистические производственные отношения, переводящая в распоряжение пролетариата материально-вещественный остов производства и постепенно вставляя.

щая непролетарские людские элементы производства в систему новой общественно-производственной связи. С другой стороны, это же «концентрированное насилие» отчасти обращается и во-внутрь, являясь фактором самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся...

[154—155] Крупнейшим фактором разложения капиталистической системы является распад связи между империалистскими государствами и их многочисленными колониями. Так называемое «национальное государство» уже в довоенный период было «чистойшей» фикцией. На самом деле, реально существовали субъекты колониальной политики, империалистские государства, представляющие из себя сложные системы, с крепким ядром и подчиненной периферией, и объекты этой колониальной политики с различ-

не только «на поверхности» и не только «явлений».

Из этой фразы замечательно рельефно видно, что для автора, испорченного эклектицизмом Богданова, диалектическая «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных «точек зрения». Неверно!

очень хорошо!

верно!

не чистойшей фикцией, а нечистой формой. Нарушение «диалектического материализма» состоит в логическом (не материальном) скачке через не-

* — своего рода. — Ред.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест.

ными оттенками и степенями подчинения... Государственная спайка, в конечном счете опиравшаяся на вооруженную силу, имела решающее значение. Следовательно по мере разложения государственной власти капитала, неизбежно должно начаться и разложение империалистских систем, отпадение колоний, дробление «великих держав», выделение самостоятельных «национальных государств»...

сколько конкретных стадий.

Автор забыл, что (1) **наи** > империалистические государства выросли из национальных; (2), что «национальные» государства и в колониях формируются.

...колонияльные восстания и национальные революции входят как составная часть в великий мировой революцион-

ный процесс, который перемещает всю ось мирового хозяйства. Ибо объективно здесь налицо факторы общего распада капиталистических производственных отношений, распада, который облегчает победу пролетарской революции и диктатуры рабочего класса.

ΣΣ* = ложка дегтя в бочке меда.

Примечание 2 на странице 33** — наивно, почти по-детски наивно, Бухарин «взял «термины» «в том значении», в котором они употребляются тов. А. Богдановым» — — — — и не подумал, что и термины и значение их у Богданова «фундированы» (да простит мне академик-автор это смешное, геллертерское слово) его *ф и л о с о ф и е й*, философией идеализма и эклектицизма. Поэтому очень часто, слишком часто автор впадает в противоречащий диалектическому материализму (т. е. марксизму) схоластицизм терминов (агностический, юмовско-кантовский по философским основам), в идеализм («логика», «точка зрения» и т. п. *вне* сознания их производности от *материи*, от объективной действительности) и т. п. Отсюда ряд как раз *теоретических* (к чему было претендовать на «общую теорию»?) неверностей, учебного сора, академических благоглупостей. Книга была бы совсем превосходной, если бы автор для второго издания выкинул подзаголовков, выкинул страниц 20—30 схоластики и бессознательно-идеалистических (в философском смысле) и эклектических упражнений в терминологии, заменил их 20—30 страницами *фактов* (из цитированной им же богатой экономической литературы). Тогда бы распухшее, нездоровое начало книги *выздоровело*, похудело, окрепло костями, убавило антимарксистского жира и таким образом крепче бы «фундировало» (ха-ха)! превосходный конец книги.

Когда автор лично встает на голову — выходит очень мило и весело и непедантски. А когда он, слепо подражая богдановским «терминам» (на деле-то *вовсе* не «терминам», а философским ошибкам) *сначала* в своей книге, для ради важности, для ради академизма, частенько встает на голову, чтобы *потом* перевернуться и встать на ноги — вышло как раз по-педантски, некстати.

По-зво-ли-тель-но на-де-ять-ся, что во вто-ром из-да-ни-и и т. д. и т. д.

На страницах 131 и 132 ясно «выпячивается» марксизм в отличие от «богдановизма». Ленин, *Замечания на кн. Н. Бухарина, Экономика переходного периода*, стр. 5—6, 13—14, 18—19, 20, 25, 42—45, 49—50, 58, 60 и т. д.

* ΣΣ = summa summarum, общий итог. — Ред.

** См. выше, стр. 13. — Ред.

Отрицание механистами ленинского этапа в развитии марксистской философии

Здесь я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения. Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология — система методов исследования общественных явлений, или это определенная сумма идей; — скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и пр. и *кроме того* включаем целый ряд *конкретных* положений, т. е. берем марксизм не только как метод или теоретически-сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных *приложений* этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С последней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно, почему. Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилась как результат анализа совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы новая сумма конкретных положений. В этом *условном* смысле ленинизм есть вывод за грань марксизма. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собой разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизирующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом. (Бухарин, Сб. «Атака», стр. 255, Гиз, изд. 2-е.)

...Самое большое и самое великое, что внес в теоретическую и практическую сокровищницу марксизма т. Ленин, можно формулировать таким образом: у Маркса была главным образом *алгебра* капиталистического развития и революционной практики, а у Ленина есть и эта алгебра, и алгебра *новых* явлений (разрушительного и положительного порядка), и их арифметика, т. е. расшифровка алгебраической формулы под более конкретным и под еще более практическим углом зрения. (Бухарин, Сб. «Атака», стр. 258, Гиз, изд. 2-е.)

* * *

В течение нескольких последних лет т. Деборин и его школа ведут наступление против ортодоксального марксизма.

Как и полагается ревизионизму, это наступление ведется именем классиков марксизма. Но история повторяется не только в этом, а также и в следующем чрезвычайно показательном факте: деборинцы вынуждены противопоставлять одних классиков диалектического материализма другим.

Как в свое время ревизионисты II Интернационала противопоставили Энгельса Марксу, как Богданов и прочие эмпириокритики противопоставили Энгельса Плеханову, так ныне деборинцы проделывают ту же процедуру с Плехановым и Лениным. Нечего и говорить, что по существу вопроса, по всем основным проблемам марксистской философии между Лениным и Плехановым, как и их учителями, нет ровно никаких разногласий.

Нечего и говорить, что теория познания всеми ими разрешается одинаково, как одинаково разрешаются и все центральные проблемы материалистической диалектики.

Если бы Ленин расходился с Плехановым по существу, он не стал бы рекомендовать философские работы последнего как лучшие в марксистской литературе. (Сарабьянов, В защиту философии марксизма, Предисловие, стр. V, Гиз, 1929 г.)

Механицизм — философская основа правого уклона

Четвертая ошибка т. Бухарина касается вопроса о нэпе. Ошибка т. Бухарина состоит здесь в том, что он не видит двусторонности нэпа, он видит только одну сторону нэпа. Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острее против

военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают *какую бы то ни было* свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает *известную* свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает *полной* свободы торговли, *свободной* игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в *известных* пределах, в *известных* рамках, при *обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке*. В этом именно и состоит вторая сторона нэпа. Причем эта сторона нэпа не менее, если не более, важна, чем первая его сторона. У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах.

Из этого следует, что, пока есть нэп, должны быть сохранены обе его стороны: и первая сторона, направленная против режима военного коммунизма и имеющая своей целью обеспечение *известной* свободы торговли, и вторая сторона, направленная против *полной* свободы торговли и имеющая своей целью обеспечение регулирующей роли государства на рынке. Уничтожьте одну из этих сторон, — и у вас не будет нэпа. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 404—405, изд. 9-е.)

Перейдем ко второму предрассудку в политической экономии, ко второй теории буржуазного типа. Я имею в виду теорию «самотека» в деле социалистического строительства, теорию, не имеющую ничего общего с марксизмом, но усердно проповедуемую нашими товарищами из правого лагеря. Авторы этой теории утверждают приблизительно следующее. Был у нас капитализм, развивалась индустрия на капиталистической базе, а деревня шла за капиталистическим городом стихийно, самотеклом, преобразуясь по образу и подобию капиталистического города. Если *так* происходило дело при капитализме, почему не может произойти то же самое и при советском хозяйстве, почему не может деревня, мелкокрестьянское хозяйство, пойти путем самотека за социалистическим городом, стихийно преобразуясь по образу и подобию социалистического города? Авторы этой теории утверждают на этом основании, что деревня может пойти за социалистическим городом в порядке самотека. Отсюда вопрос: стоит ли нам горячиться насчет образования совхозов и колхозов, стоит ли нам ломать копыта, если деревня и так может пойти за социалистическим городом?

Вот вам еще одна теория, имеющая объективно своей целью дать новое оружие в руки капиталистических элементов деревни в их борьбе против колхозов. Антимарксистская сущность этой теории не подлежит никакому сомнению.

Не странно ли, что наши теоретики все еще не удосужились расчехлить эту странную теорию, засоряющую головы наших практиков-колхозников?

Нет сомнения, что ведущая роль социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни велика и неопределима. На этом именно и строится преобразующая роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Но достаточно ли этого фактора для того, чтобы мелкокрестьянская деревня сама пошла за городом в деле социалистического строительства? Нет, недостаточно. При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе *единотипным* хозяйством. Конечно, мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство.

Но оно в своей основе *однотипно* с капиталистическим хозяйством, так как опирается

на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки т. Бухарина об «Экономике переходного периода» о «товарно-капиталистической тенденции крестьянства» в противоположность *социалистической* тенденции пролетариата¹. Этим именно и объясняется, что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежегодно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин). Можно ли, следовательно, сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство в своей основе однотипно с социалистическим производством в городе? Очевидно, что нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом. Иначе Ленин не говорил бы, что, «пока мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма». Стало быть, теория самотека в деле социалистического строительства есть теория гнилая, антиленинская. Стало быть, чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, необходимо еще кроме всего прочего *насаждать* в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов, как базы социализма, могущие *повести за собой* во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства.

Дело ясное. Теория «самотека» в социалистическом строительстве есть теория антимарксистская. Социалистический город должен *вести* за собой мелкокрестьянскую деревню, *насаждая* в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад. (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 445—447, изд. 9-е.)

...«Теория» стихийности есть теория оппортунизма, теория преклонения перед стихийностью рабочего движения, теория фактического отрицания руководящей роли авангарда рабочего класса, партии рабочего класса.

Теория преклонения перед стихийностью решительно против революционного характера рабочего движения, она против того, чтобы движение направлялось по линии борьбы против основ капитализма — она за то, чтобы движение шло исключительно по линии «выполнимых», «приемлемых» для капитализма требований, она всецело за «линию наименьшего сопротивления». Теория стихийности есть идеология тред-юнионизма.

Теория преклонения перед стихийностью решительно против того, чтобы придать стихийному движению сознательный, планомерный характер, она против того, чтобы партия шла впереди рабочего класса, чтобы партия подымала массы до уровня сознательности, чтобы партия вела за собой движение, — она за то, чтобы сознательные элементы движения не мешали движению идти своим путем, она за то, чтобы партия лишь прислушивалась к стихийному движению и тащилась в хвосте за ним. Теория стихийности есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология «хвостизма», логическая основа *всякого* оппортунизма.

Практически эта теория, выступившая на сцену еще до первой революции в России, вела к тому, что ее последователи, так называемые «экономисты», отрицали необходимость самостоятельной рабочей партии в России, выступали против революционной борьбы рабочего класса за свержение царизма, проповедывали тред-юнионистскую политику в движении и вообще отдавали рабочее движение под гегемонию либеральной буржуазии.

Борьба старой «Искры» и блестящая критика теории «хвостизма», данная в брошюре Ленина «Что делать?», не только разбили так называемый «экономизм», но соз-

¹ Курсив Ленина. — И. Ст.

дали еще теоретические основы действительно революционного движения русского рабочего класса.

Без этой борьбы нечего было и думать о создании самостоятельной рабочей партии в России и об ее руководящей роли в революции.

Но теория преклонения перед стихийностью не есть только русское явление. Она имеет самое широкое распространение, правда, в несколько другой форме, во всех без исключения партиях II Интернационала. Я имею в виду ополченную лидерами II Интернационала так называемую теорию «производительных сил», которая все оправдывает и всех примиряет, которая констатирует факты и объясняет их после того, как они уже надоели всем, и, констатируя, успокаивается на этом. Маркс говорил, что материалистическая теория не может ограничиваться объяснением мира, что она должна еще изменить его. Но Каутскому и К^о нет дела до этого, они предпочитают остаться при первой части формулы Маркса. Вот один из многих примеров применения этой «теории». Говорят, что перед империалистической войной партии II Интернационала грозились объявить «войну войне», если империалисты начнут войну. Говорят, что перед самым началом войны эти партии положили под сукно лозунг «война войне» и провели в жизнь противоположный лозунг о «войне за империалистическое отечество». Говорят, что результатом этой смены лозунгов были миллионы жертв из рабочих. Но было бы ошибочно думать, что тут есть виновные, что кто-то изменил рабочему классу или предал его. Ничуть не бывало! Все произошло так, как оно должно было произойти. Во-первых, потому, что Интернационал есть «инструмент мира», а не войны. Во-вторых, потому, что при том «уровне производительных сил», который имелся в то время, ничего другого нельзя было предпринять. «Виноваты» «производительные силы». Это «нам» в точности объясняет «теория производительных сил» господина Каутского. А кто не верит в эту «теорию», тот не марксист. Роль партий? Их значение в движении? Но что может поделать партия с таким решающим фактором, как «уровень производительных сил»?..

Таких примеров фальсификации марксизма можно было бы привести целую кучу.

Едва ли нужно доказывать, что этот фальсифицированный «марксизм», призванный прикрыть наготу оппортунизма, является лишь видоизменением на европейск й лад той самой теории «хвостизма», с которой воевал Ленин еще до первой русской революции. (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 17—19, изд. 9-е.*)

Противоположность методологических основ большевизма и меньшевизма

Существуют две группы марксистов. Обе они работают под флагом марксизма, считают себя «подлинно» марксистскими. И все-таки они далеко не тождественны. Более того: между ними целая пропасть, ибо методы их работы диаметрально противоположны.

Первая группа обычно ограничивается внешним признанием марксизма, его торжественным провозглашением. Не умея или не желая выикнуть в существо марксизма, не умея или не желая претворить его в жизнь, она живые и революционные положения марксизма превращает в мертвые, ничего не говорящие формулы. Свою деятельность она основывает не на опыте, не на учете практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий исторических параллелей. Расхождение слова с делом — такова основная болезнь этой группы. Отсюда разочарования и вечное недовольство судьбой, которая сплошь и рядом подводит ее, оставляет «с носом». Имя этой группы — меньшевизм (в России), оппортунизм (в Европе). Тов. Тышко (Иогихес) на Лондонском

съезде довольно метко охарактеризовал эту группу, сказав, что она не стоит, а *лежит* на точке зрения марксизма.

Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, из его претворение в жизнь. Намечение путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется, — вот на что, главным образом, обращает свое внимание эта группа. Директивы и указания черпает эта группа не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий. В своей деятельности опирается она не на цитаты и изречения, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, учась на своих ошибках и уча других строительству новой жизни. Этим собственно и объясняется, что в деятельности этой группы слово не расходится с делом, и учение Маркса сохраняет полностью свою живую революционную силу. К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу которых марксисты не могут останавливаться на том, чтобы объяснить мир, а должны идти дальше, с тем чтобы изменить его. Имя этой группы — большевизм, коммунизм.

Организатором и вождем этой группы является В. И. Ленин. (*Сталин, О Ленине, стр. 3—4.*)

Идеалистическое понимание философии меньшевистствующими идеалистами

Освобождение или отделение логических категорий от конкретного предметного содержания делает возможным превращение логики в самостоятельную науку. Логика есть наука о мышлении.

...Логика лежит в основании всех наук, составляя их фундамент и основу. Она имеет своим объектом не какие-либо определенные чувственные и эмпирические предметы, а те общие логические категории, которые лежат в основе всех наук. (*Деборин, Сб. «Философия и марксизм», стр. 270 и 272, Гиз, 1930 г.*)

Реставрирование и канонизирование Гегеля у меньшевистствующих идеалистов

Система диалектики нашего времени может возникнуть лишь как *скрытая сущность всего нашего знания*, т. е. энциклопедическое знание является предпосылкой ее создания...

Что же мы, по чести говоря, должны сказать о своих силах?

Правда, мы начинаем далеко не с пустого места. Мы имеем гениальную систему гегелевской диалектики и разбросанные «намеки» на теорию материалистической диалектики у наших классиков. Гегелевская система диалектики идеалистична — она должна быть переведена на материалистический язык. Но подобный перевод может быть в лучшем случае материалистическим комментарием или изложением диалектики гегелевских времен. С этого надо начать — это есть начало только. Гегелевская система диалектики является системой своего времени. Она должна быть переведена на язык *современного материализма*. (*Гониман, Журнал «Проблемы марксизма» № 2 за 1932 г., стр. 22—23.*)

* * *

Гегель в *диалектике понятий* угадал *диалектику вещей*. Вопреки своему идеализму Гегель уже сам нащупывал материалистические корни диалектики, ибо он искал ее не в рассудке, а в *идее*, т. е. в объективной действительности.

Гегель синтезировал в одно целое теорию познания, диалектику и логику

Гегель правильно разрешил, по крайней мере теоретически, вопрос о взаимоотношении теории и практики, что дало возможность Марксу ввести критерий практики в теорию познания.

У Гегеля мы находим зачатки исторического материализма, поскольку он нацупывает роль орудий труда (и техники вообще) в процессе производства.

Гегель открыл в «Логике» основные законы диалектики и изложил их хотя и на идеалистический лад, но в систематической форме. Порядок расположения категорий в основном надо признать правильным и соответствующим действительному ходу развития человеческого познания. (Деборин, Предисловие к «Ленинскому сборнику» IX, стр. 19.)

* * *

Так как идеи составляют лишь «отблеск» реального мира в наших головах, так как, стало быть, идея объективное существование не присуще, то все учение Гегеля о понятии и идее, как оно развито особенно в последней части «Логики», подлежит радикальной переработке в соответствии с *материалистическим* пониманием мира. Из этого не следует однако, что высказываемые Гегелем в этой части «Логики» взгляды сами по себе не заслуживают самого серьезного внимания...

Что касается учения о *бытии* и *сущности*, то нам представляется, что эти два отдела не нуждаются в радикальной переработке в смысле устранения тех или иных отдельных частей.

Речь может идти только о материалистической их трактовке и о тех или иных дополнениях (необходимо включить время и пространство в учение о бытии), о некоторой перегруппировке категорий и об их большей конкретизации...

Мы вместе с Гегелем должны начинать логику с категорий *бытия* как с *непосредственно* существующих определений реального принципа, т. е. с материальной субстанции. На этой первой ступени материя, разумеется, фигурирует только в качестве неопределенного субстрата, который по мере движения вперед обогащается все более и более конкретными определениями.

Часто приходится встречаться с мнением, что Гегель поступил-де неправильно, взяв *качество* как первую ступень бытия. Он должен был бы начать с количества или даже с меры. Нам представляются эти рассуждения ошибочными. Прежде всего не подлежит сомнению, что структура гегелевской логики, поскольку она касается взаимного отношения бытия и сущности, в общем должна быть признана вполне соответствующей действительному ходу процесса познания. (Деборин, Вступительная статья к I тому соч. Гегеля, стр. LXVIII—LXIX.)

* * *

Основная мысль Гегеля в критике им критицизма и всякой теории познания сводится к тому, что *критика* мысли, т. е. исследование ее способностей, должна идти рука об руку с *деятельностью* мысли. Гегель разрешает проблему познания в свете всемирно-исторической практики человечества. Дуализм субъекта и объекта, познания и предмета преодолевается не посредством *созерцания*, так сказать, этих противоположностей, а в результате *борьбы* субъекта с объектом, взаимного их сопоставления и сравнения в процессе исторической жизни человечества. «Нельзя выучиться плавать, не входя в воду». *История* человеческого познания дает нам ключ к уразумению и правильному разрешению самой *проблемы знания*. Разнообразные формы мысли и познания соответствуют различным историческим ступеням в ходе развития жизни во всех ее проявлениях, — в процессе исторического становления человечества. Гегель впервые понял необходимость применения *исторического* метода к самому процессу знания. Та и другая форма знания является продуктом *исторического развития*, и сама покоится на тех низших формах, из которых она произошла путем их преодо-

ления. Гегель показал, что сознание человечества имеет свою историю и что история этого сознания человечества совпадает с историей всех других форм жизни, с которыми она составляет одну целостную истину. (Деборин, *Философия и марксизм*, стр. 238, Гиз, 1930 г.)

* * *

Для Гегеля в самом деле в высшей степени характерно то, что он отводит такое почетное место *практике*, видя в ней необходимое звено в процессе *познания*. Мало того, в системе категорий практика стоит непосредственно *после* теоретической идеи и *перед* объективной истиной, что должно означать, что практика является *критерием* познания и *переходом* к объективной истине. «Примирение между субъектом и объектом, — говорит Гегель, — состоит в том, что воля возвращается к предположению знания, т. е. она признает единство теоретической идеи с практической». Таким образом, и проблема единства *субъекта и объекта* также получает правильное разрешение на почве *единства теории и практики*. (Деборин, *Предисловие к «Ленинскому сборнику» IX*, стр. 16—17.)

* * *

Ленин считал в основном правильным гегелевское построение, выражающееся в движении нашего познания (равно как и исторического процесса развития человеческого познания и вместе с ним и всей науки вообще) от непосредственного бытия (качество, количество, мера) к сущности, понятию и абсолютной идее, которую Ленин понимает как полную *истину*.

Развивая дальше свои мысли по вопросу о гегелевской структуре «Логики», т. е. диалектики научного познания, Ленин пишет следующее: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто*, потом развиваются понятия *качества* (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности *versus* явления, причинности *etc.* Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (=абсолютной идее)». Стало быть, и из этого рассуждения Ленина вытекает согласие его с Гегелем в вопросе об общем ходе развития человеческого познания и следовательно также в вопросе о структуре логики. (Деборин, *Предисловие к «Ленинскому сборнику» IX*, стр. 6—7.)

* * *

Если Маркс и Энгельс, заимствуя у Гегеля основы его метода, отбросили его систему, то можно сказать, что они оказались лучшими и более последовательными гегельянами, чем сам Гегель. Теория познания, как это еще будет выяснено в другой связи, поглощается *методологией*. Критика способностей разума растворяется в *историю* их, ибо истинное их значение содержится в их *развитии* и в том, что они составляют *результат этого развития*. *Субъект и объект являются историческими категориями, а не метафизическими сущностями*, — вот исходная точка Маркса, примыкающего непосредственно в этом отношении к Гегелю-диалектику. Для правильного понимания марксизма это положение имеет фундаментальное значение. (Деборин, сб. «*Философия и марксизм*», стр. 245—246, Гиз, 1930 г.)

Ленин об отношении марксизма к идеалистической диалектике Гегеля

...Рассуждения на тему, что марксизм связывается с гегельянством¹, с верой в триады, в абстрактные, не требующие проверки фактами догмы и схемы, в обязатель-

¹ Я говорю, разумеется, не об историческом происхождении марксизма, а о его современном содержании.

ность для каждой страны пройти через фазу капитализма и т. п., оказываются пустой болтовней.

Марксизм видит свой критерий в *формулировке* и в теоретическом объяснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов. (Ленин, *Экономическое содержание народничества* (1894 г.), Соч., т. I, стр. 282.)

* * *

Логичу Гегеля нельзя *применять* в данном ее виде: нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *мистики идей*; это еще большая работа. («Ленинский сборник» XII, стр. 205.)

* * *

Маркс говорит, что его метод — «прямо противоположен» методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности. Только в этом случае, разумеется, и можно толковать о значении триад, о непрерывности диалектического процесса. По-моему — наоборот, — говорит Маркс: «Идеальное есть только отражение материального». И все дело сводится таким образом к «позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития»: для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи («я кокетничал гегелевским языком» — говорит Маркс в этом же Послесловии), которой способны интересоваться одни филистеры. (Ленин, *Что такое «друзья народа»* (1894 г.), Соч., т. I, стр. 86.)

Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу) — т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею etc. («Ленинский сборник» IX, стр. 59.)

Острицание меньшевистствующими идеалистами ленинского этапа в развитии философии

Ленин в философии конечно является «учеником» Плеханова, о чем он сам неоднократно заявлял. Но то обстоятельство, что он учился у Плеханова, не мешало Ленину самостоятельно подходить к целому ряду вопросов и в некоторых существенных пунктах исправить Плеханова. Оба эти мыслителя в известном смысле дополняют друг друга. Плеханов прежде всего — теоретик, Ленин же прежде всего — практик, политик, вождь. (Деборин, *Ленин как мыслитель*, стр. 26, Гиз, 1929 г., изд. 3-е.)

* * *

Ленин был величайшим *практическим материалистом*, т. е. философом практической борьбы за изменение действительности, опираясь при этом на *теорию материализма*, на ту философию, которая исходит из материалистического понимания природы человека и истории...

Ленин лучше других *предвидел* будущее. Для того чтобы предвидения *осуществились*, надо было *действовать* в том направлении, в каком развивалась жизнь, в каком шел процесс жизни. Это и делал Ленин. Он был *гласным образом философом-практиком*¹. (Деборин, *Ленин как мыслитель*, стр. 7, Гиз, 1929 г., изд. 3-е.)

* * *

Ленин является гениальным учеником и последователем Маркса. Несомненно, что *вся сила Ленина заключалась*, помимо его личной гениальности, в *правильном применении марксизма на практике, в проведении его в жизнь*¹...

¹ Подчеркнуто составителями.

Маркс великий, гениальный теоретик, колоссальный ум, который видит на сотни лет вперед. Буржуазия *таких* мыслителей не выдвигала и никогда не имела. Она имела, разумеется, много крупных, гениальных умов; они строили всеобъемлющие философские системы; они сделали очень много вообще для науки. Но на их системах лежала печать «академизма». Эти мыслители и ученые добивались до отдаленнейших небесных тел, до глубин атома. Но для общественно-исторической науки они сделали сравнительно очень мало. Здесь они были грубыми эмпириками, ибо история против них. Они должны были остановить и ограничить ход исторического развития. Вся духовная мощь пролетарских революционных мыслителей сосредоточилась на овладении человеческим обществом, на перестройке его, на познаний движущих его сил. Маркс и поднял общественные науки на недостижимую высоту, на высоту точной науки. *Марксизм превратил политику в науку. Ленин был гениальным политиком этой школы*¹. Теоретическую базу научной политики составлял для него марксизм. Поэтому надлежит не противопоставлять ленинизм — марксистскую политику и тактику — марксизму как философской, исторической и экономической теории, на которой политика и тактика Ленина строились, а видеть в нем применение и дальнейшее развитие марксизма. (Деборин, *Ленин как мыслитель*, стр. 12, 1929 г., изд. 3-е.)

Владимир Ильич приступил вплотную к изучению Гегеля в 1914 г., намереваясь, повидимому, написать специальную работу о материалистической диалектике. Ему удалось проработать основные сочинения Гегеля, «Метафизику» Аристотеля, двухтомный труд Лассалю о Гераклите Темном, ряд сочинений старых и новейших авторов о философии Гегеля и в связи с этим различные труды по вопросам теории и истории *естествознания*. В его философских тетрадях мы находим список книг, намеченных к дальнейшей проработке в связи с изучением Гегеля. Но обработать весь этот материал и изложить в систематической форме результаты своих исследований Ленину, к сожалению, не удалось, так как относительное политическое «затишье», давшее Ленину возможность в этот период «передышки» заняться серьезной научной работой, скоро прекратилось, и он вынужден был забросить свои ученые занятия.

*Нет никакого сомнения в том, что, если бы ему удалось довести начатое дело до конца, он дал бы серьезный толчок дальнейшему развитию диалектического материализма, подняв его на более высокую ступень*¹. (Деборин, *Предисловие к IX «Ленинскому сборнику»*, стр. 3.)

Совпадение оценок Ленина как теоретика у меньшевистствующих идеалистов и троцкистов

Ленин отражает собой рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека. Перед Смольным стоит памятник другому большому человеку мирового пролетариата: Маркс на камне, в черном сюртуке. Конечно это мелочь, но Ленина, даже мысленно, никак не одеть в черный сюртук. На некоторых портретах Маркс изображен с широко открытой крахмальной манишкой, на которой болтается что-то вроде монокля. Что Маркс не был склонен к кокетливости, — это слишком ясно для тех, кто имеет понятие о духе Маркса. Но Маркс родился и вырос на иной национально-культурной почве, дышал иной атмосферой, как и верхи немецкого рабочего класса

¹ Курсив составителей.

своими корнями уходят не в мужицкую деревню, а в цеховое ремесло и в сложную городскую культуру средних веков.

Самый стиль Маркса богатый и прекрасный, сочетание силы и гибкости, гнева и иронии, суровости и изысканности несет в себе литературные и эстетические наклонения всей предшествующей социально-политической немецкой литературы, начиная с реформации и ранее. Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уж конечно не рисовка, — это просто внешнее выражение внутреннего сосредоточения сил для действия. Это хозяйская мужицкая деловитость — только в грандиозном масштабе.

Маркс — весь в «Коммунистическом манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале». Если б он даже не был основателем Первого Интернационала, он навсегда остался бы тем, чем является сейчас. Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Его научные работы — только подготовка к действию. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: вождем пролетарской революции, основателем Третьего Интернационала. (*Троцкий, О Ленине, стр. 147—148, Гиз, изд. 2-е.*)

То обстоятельство, что рабочий класс на двух хребтах своего потока поднял такие две фигуры, как Маркс и Ленин, является колоссальным плюсом революции. Маркс — пророк со скрижалями, а Ленин — величайший исполнитель заветов, научающий не пролетарскую аристократию, как Маркс, а классы, народы на опыте, в тягчайшей обстановке действуя, маневрируя и побеждая. (*Троцкий, О Ленине, стр. 160, Гиз, изд. 2-е.*)

...После Маркса марксистская мысль развивалась преимущественно в сфере экономики, в историко-социологической области, а не в области применения диалектического материализма к естествознанию. На это были, разумеется, свои причины. Но здесь мне важно заметить, что Маркс совершенно неповиновен в таком итоге, — наоборот, в марксизме, в методе диалектического материализма уже заложены все возможности необходимых теоретических обобщений на базе естествознания. Нужна ли нам система законченного диалектико-материалистического воззрения на природу, будет ли это прочное здание, или только построечные леса? Это вопрос другой. Важно лишь отметить, что для построения такой системы взглядов (при условии разработки конкретных данных точных наук) все необходимые элементы в марксизме есть.

На основе и экономического и социологического анализа сущего построена марксова теория капиталистического общества, в том числе теория капиталистического государства, теории гибели буржуазного общества и теория пролетарской диктатуры. Наконец, приложение марксова метода к непосредственной практике рабочего движения даст то, что можно назвать теоретическими предпосылками марксистской тактики. Этот элемент ни в коем случае не должен быть исключен из сферы теории марксизма и ленинизма, потому что именно здесь мы подходим к последнему звену всей теоретической системы, к звену, где теория непосредственно смыкается с практикой...

Пробежим снова по вышеизложенному перечню основных элементов марксизма и посмотрим, что мог дать и дал нового Ленин в области теории после Маркса...

1. Что касается общеполитического метода, то Ленин взял его целиком у Маркса, защищал от нападенний противников и блестяще применил (вместе с методом исторического материализма) на конкретной философской работе «Материализм и эмпириокритицизм» и т. д. Поскольку Ленин писал о методе диалектического материализма, он писал как сторонник этого метода, писал в защиту того понимания метода Маркса и Энгельса, какое он считал правильным и «с подлинным верным».

II. Что касается исторического материализма, то и здесь Ленин целиком усвоил метод Маркса, блестяще применял его во всех теоретических и конкретно-исследовательских работах без исключения, гениально применял также при анализе общественной ситуации для тактических целей. Но сам он очень немногословно по методологии исторического материализма, и вряд ли это было случайностью. Он считал, что метода исторического материализма — так, как его изложил Маркс и как он, Ленин, его понял, вполне достаточно и для конкретных исследований и для руководства конкретной борьбой пролетариата.

III. Что касается теории классовой борьбы, то здесь уже дело обстоит несколько иначе. У него нет ни одной специальной работы, которая представляла бы собой систематизированное дополнение и развитие теории классовой борьбы Маркса, дополнение уже на основе опыта новой эпохи. Но отсутствие специальной работы на эту тему, не совсем понятное с приват-доцентской точки зрения, не мешало Ленину на протяжении своей 30-летней политической и литературной деятельности разбросать в своих многочисленных работах много таких обобщений и теоретических замечаний, которые еще ждут своих кодификаторов. (Я имею в виду конечно кодификаторов, понимающих суть дела и соединяющих отдельные мысли в систему своим умом, а не гуммиарабиком. К сожалению, именно последнее «творчество» у нас пока преобладает.) Кто-то, кажется т. Бухарин, правильно заметил, что Ленина надо уметь читать, что у него глубина мысли с первого взгляда незаметна вследствие необычайной простоты изложения. Это абсолютно верно. За этой простотой скрывается крайне разветвленная, сложная, диалектически подвижная система мыслей, выдвигающаяся на бумагу лишь концом своих выводов. Я еще вернусь ниже к методу изложения Ленина, совершенно отличному от марковского метода. Здесь же я остановился на этом вот почему. То новое, что внес Ленин в теорию классовой борьбы, представляет из себя сгущение теории над практикой классовой борьбы пролетариата, которой Ленин руководил. Эти сгустки теории надо не только соединить в систему на основе записанных обобщений, но их надо пополнить изучением теоретических предпосылок ленинской тактики, предпосылок, которые непосредственно самим Лениным не излагались обыкновенно. А это не менее половины всей работы. Только после осуществления этой работы можно будет сказать, в какую сторону развил и дополнил Ленин теорию классовой борьбы Маркса и в частности чемполнил типовое описание важнейших классов капиталистического общества.

IV. Что касается теории капиталистического общества и капиталистического хозяйства, т. е. основного в марксовой экономике и в конкретном социологическом анализе сущего, то здесь теоретические работы Ленина резко делятся на две части: на работы, которые относятся к анализу капиталистических отношений, и на работы, которые закладывают фундамент теоретического анализа новой послекапиталистической экономики. Это целиком относится также и к социологическим вопросам, к теории нового пролетарского государства, к социологическому анализу советского общества, т. е. общества без класса крупных землевладельцев и с прослойкой новой буржуазии при диктатуре пролетариата.

В самом деле. Если мы рассмотрим все основные работы Ленина первого периода, то они представляют из себя изложение, развитие и защиту основных конструктивных идей марксовой теории капиталистического хозяйства, во-первых, и приложение их к исследованию капиталистических отношений России, во-вторых. Ленин здесь не дублировал марксовых исследований, он целиком опирался на эти исследования, считая их в основном законченными. Таковы все его экономические работы, связанные с критикой критиков Маркса, работы, посвященные анализу аграрных отношений России, и т. д.

Наоборот, начиная приблизительно с 1913—1914 гг., Ленин переходит к работе;

которую кратко можно назвать подготовкой теоретической базы переходной эпохи и нового общества. Таковы его работы по национальному вопросу. Такова далее его замечательнейшая работа об империализме, такова работа о государстве, таковы, наконец, все его статьи и речи, относящиеся к проблемам советского хозяйства и советского государства. Если между Марксом и Лениным как теоретиками лежит где-либо разграничительная линия, то она проходит приблизительно именно здесь. (*Преображенский, Журнал «Воинствующий материализм», кн. 2, стр. 38—39, 40, 43, 44 — 46.*)

Меньшевистствующий идеализм и троцкизм

...Почему Ленин воевал, в таком случае, с идеей «перманентной (непрерывной) революции»?

Потому, что Ленин предлагал «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции, между тем как сторонники «перманентной революции» не понимали серьезной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу революционной энергии крестьянства, недооценивали силу и способность русского пролетариата повести за собою крестьянство и затрудняли таким образом дело высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии, дело сплочения крестьянства вокруг пролетариата.

Потому, что Ленин предлагал *ускорить* дело революции переходом власти к пролетариату, между тем как сторонники «перманентной революции» думали *начать* дело прямо с власти пролетариата, не понимая, что тем самым они закрывают глаза на такую «мелочь», как пережитки крепостничества, и не принимают в расчет такую серьезную силу, как русское крестьянство, не понимая, что такая политика может лишь затормозить дело завоевания крестьянства на сторону пролетариата.

Ленин воевал, стало быть, со сторонниками «перманентной революции» не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата, из-за непонимания идеи гегемонии пролетариата.

Идея «перманентной революции» не есть новая идея. Ее выдвинул впервые Маркс в конце 40-х годов в известном своем «Обращении» к «Союзу коммунистов» (1850 г.). Из этого документа и взята нашими «перманентниками» идея непрерывной революции. Следует заметить, что наши «перманентники», взяв ее у Маркса, несколько видоизменили ее и, видоизменив, «испортили» ее, сделав непригодной для практического употребления. Понадобилась опытная рука Ленина для того, чтобы выправить эту ошибку, взять идею непрерывной революции Маркса в ее чистом виде и сделать ее одним из краеугольных камней своей теории революции.

Вот что говорит Маркс в своем «Обращении» о непрерывной революции, после того как он перечисляет ряд революционно-демократических требований, к завоеванию которых призывает он коммунистов:

«В то время, как демократические медкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока по крайней мере решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев».

Иначе говоря:

а) Маркс вовсе не предлагал *начать* дело революции в Германии 50-х годов прямо с пролетарской власти *вопреки* планам наших русских «перманентников»;

б) Маркс предлагал лишь *увенчать* дело революции пролетарской государственной властью, сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой, с тем чтобы, добившись власти пролетариата, разжечь потом революцию во всех странах, — *в полном соответствии* со всем тем, чему учил Ленин и что он проводил в жизнь в ходе нашей революции, следуя своей теории пролетарской революции в обстановке империализма.

Выходит, что наши русские «перманентники» не только недооценили роли крестьянства в русской революции и значения идеи гегемонии пролетариата, но и видоизменили еще (к худшему) марксову идею «перманентной» революции, сделав ее непригодной для практики.

Вот почему Ленин высмеивал теорию наших «перманентников», называя ее «оригинальной» и «прекрасной» и обвиняя их в нежелании «подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории» (статья Ленина писана в 1915 г., спустя 10 лет по появлении в России теории «перманентников», — см. т. XVIII, стр. 317).

Вот почему Ленин считал эту теорию полуменьшевистской, говоря, что она «берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства» (см. статью Ленина «О двух линиях революции», *там же*). (Сталин, *Вопросы ленинизма*, стр. 25—26, изд. 9-е.)

* * *

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться — если вообще она должна где-либо начаться по их теории — лишь в промышленно-развитых странах, что чем развитее в промышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, причем возможность победы социализма в одной стране, да еще капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой.

Известно, что Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции.

Как обстоит дело с «перманентной революцией» т. Троцкого с точки зрения ленинской теории пролетарской революции?

Возьмем брошюру т. Троцкого «Наша революция» (1906 г.). Тов. Троцкий пишет: «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» (см. «Наша революция», стр. 278).

О чем говорит эта цитата? Да о том, что победа социализма в одной стране, в данном случае в России, невозможна «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата», т. е. до завоевания власти европейским пролетариатом.

Что общего между этой «теорией» и положением Ленина о возможности победы социализма «в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»?

Ясно, что тут нет ничего общего.

Но допустим, что эта брошюра т. Троцкого, изданная в 1906 г., когда трудно было определить характер нашей революции, содержит невольные ошибки и не вполне соответствует взглядам т. Троцкого в более поздний период. Рассмотрим другую брошюру т. Троцкого, его «Программу мира», появившуюся в свет перед Октябрь-

ской революцией 1917 г. и переизданную теперь (в 1924 г.) в книге «1917». В этой брошюре т. Троцкий критикует ленинскую теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране и противопоставляет ей лозунг Соединенных штатов Европы. Он утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, что победа социализма возможна лишь как победа нескольких основных стран Европы (Англии, России, Германии), объединяющихся в Соединенные штаты Европы, либо она вовсе невозможна. Он прямо говорит, что «победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии, и наоборот». (См. «1917», т. III сочинений Троцкого, ч. 1, стр. 89.)

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение, — говорит т. Троцкий, — против лозунга Соединенных штатов было сформулировано в швейцарском «Социал-демократе» (тогдашний центральный орган большевиков. — *И. Ст.*) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции не одинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать, — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения, — что например революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире». (См. т. III сочинений Троцкого, ч. 1, стр. 89—90.)

Как видите, перед нами та же теория одновременной победы социализма в основных странах Европы, как правило, исключающая ленинскую теорию революции о победе социализма в одной стране.

Слов нет, что для *полной* победы социализма, для *полной* гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран. Слов нет, что без поддержки нашей революции со стороны пролетариата Европы пролетариат России не мог бы устоять против общего напора, точно так же как без поддержки революционного движения на Западе со стороны революции в России не могло бы это движение развиваться тем темпом, каким оно стало развиваться после пролетарской диктатуры в России. Слов нет, что нам нужна поддержка. Но что такое поддержка нашей революции со стороны западноевропейского пролетариата? Сочувствие европейских рабочих к нашей революции, их готовность расстроить план империалистов насчет интервенции — есть ли все это поддержка, серьезная помощь? Безусловно, да. Без такой поддержки, без такой помощи не только со стороны европейских рабочих, но и со стороны колониальных и зависимых стран пролетарской диктатуре в России пришлось бы туго. Хватало ли до сих пор этого сочувствия и этой помощи, соединенной с мощью нашей Красной армии и с готовностью рабочих и крестьян России грудью отстоять социалистическое отечество, — хватало ли всего этого для того, чтобы отбить атаки империалистов и завоевать себе необходимую обстановку для серьезной строительной работы? Да, хватало. Растет ли это сочувствие

или убывает? Безусловно растет. Есть ли у нас таким образом благоприятные условия не только для того, чтобы двинуть вперед дело организации социалистического хозяйства, но и для того, чтобы, в свою очередь, оказать поддержку как западноевропейским рабочим, так и угнетенным народам Востока? Да, есть. Об этом красноречиво говорит семилетняя история пролетарской диктатуры в России. Можно ли отрицать, что могучий трудовой подъем уже начался у нас? Нет, нельзя отрицать.

Какое значение может иметь после всего этого заявление т. Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы?

Оно может иметь лишь одно значение: во-первых, т. Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции; во-вторых, т. Троцкий не понимает неопределенного значения той моральной поддержки, которую оказывают нашей революции рабочие Запада и крестьяне Востока; в-третьих, т. Троцкий не улавливает той внутренней немощи, которая разъедает ныне империализм.

Увлечшись критикой ленинской теории пролетарской революции, т. Троцкий печально разбил себя наголову в своей брошюре «Программа мира», вышедшей в 1917 г. и переизданной в 1924 г.

Но, может быть, устарела и эта брошюра т. Троцкого, перестав почему-либо соответствовать нынешним его взглядам? Возьмем позднейшие труды т. Троцкого, написанные после победы пролетарской революции *в одной стране*, в России. Возьмем, например, «Послесловие» т. Троцкого к новому изданию брошюры «Программа мира», написанное в 1922 г. Вот что он пишет в этом «Послесловии»:

«Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным *только после победы*¹ пролетариата в важнейших странах Европы». (См. т. III сочинений Троцкого, ч. 1, стр. 92—93.)

Так говорит т. Троцкий, явно греша против действительности и упорно стараясь спасти «перманентную революцию» от окончательного крушения.

Выходит, что, как ни вертись, а к созданию социалистического общества не только «не пришли», но даже «не подошли». Была, оказывается, кое у кого надежда на «соглашения с капиталистическим миром», но из этих соглашений тоже, оказывается, ничего не выходит, ибо, как ни вертись, а «подлинного подъема социалистического хозяйства» не получишь, пока не победит пролетариат «в важнейших странах Европы».

Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России «выбор»: либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство.

Недаром т. Троцкий говорит вот уже два года о «перерождении» нашей партии. Недаром т. Троцкий пророчил в прошлом году «гибель» нашей страны.

¹ Курсив мой. — И. См.

Как согласовать эту странную «теорию» с теорией Ленина о «победе социализма в одной стране»?

Как согласовать эту странную «перспективу» с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность «построить фундамент социалистической экономики»? (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 84—87, изд. 9-е.*)

Итоги дискуссии на философском участке теоретического фронта

(Из резолюции общего собрания ячейки ИКП философии и естествознания)

1. Современный период социалистического строительства представляет собой лучшую проверку боеспособности всех участков нашего теоретического фронта. В период обостренной классовой борьбы, напряженной работы по социалистическому переустройству страны, все коренные политические и теоретические вопросы ставятся ребром: в процессе борьбы партия вскрывает все то, что не только в экономике и политике, но также и на всех теоретических участках является выражением сопротивления развернутому и победоносному наступлению социализма. Он беспощадно разоблачает все гнилое, оппортунистическое, все меньшевистское, антиленинское в теории, все, что является в той или иной форме выражением буржуазного или мелкобуржуазного влияния на идеологию пролетариата, как бы тщательно оно ни было замаскировано и скрыто.

2. Восстановительный период развития нашей страны сопровождался некоторым ростом капиталистических элементов, неизбежно порождавшим и воскрешавшим в ряде теоретических областей различные формы проявления меньшевистских теорий II Интернационала, под всевозможной маскировкой ревизирующих теорию марксизма-ленинизма.

Эти по своему существу меньшевистские, ревизионистские теории и «теорейки» в силу ряда причин и обстоятельств прочно угнездились в отдельных теоретических областях. Контрреволюционная идеология троцкизма, меньшевистская идеология рублинщины, являющаяся по своему существу экономической теорией II Интернационала, которая, несмотря на прямые указания ЦК партии, до сих пор совершенно недостаточно критикуется и разоблачается, богдановско-механистические теории Бухарина и других в политической экономике, меньшевистско-струвистская концепция переверзевицы, воронщины и т. д. в литературоведении, критика которых до сих пор не поднята на соответствующую теоретическую высоту, блок механистической ревизии материалистической диалектики с открыто меньшевистствующей, позитивистско-кантианской ревизией марксизма (Сарабьянов, Варьяш, Тимирязев, Аксельрод) и идеалистическая ревизия марксизма-ленинизма со стороны деборинской группы (Деборин, Карев, Стэн, Луппол, Франкфурт и т. д.) в области философии и естествознания и т. д. и т. п. — все это звенья одной исторической цепи.

3. Успешная борьба за генеральную линию партии, со всякими антибольшевистскими уклонами и течениями, разоблачение антимарксистской, антиленинской сущности троцкизма и правого оппортунизма происходили на основе разработки непосредственного претворения в жизнь ленинского учения. Ленинизм как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций представляет собой новую ступень развития решительно во всех областях марксистской теории. За истекший период мы имели проникновение марксистско-ленинской теории в миллионные массы пролетариата и трудящихся, а также значительный рост и подготовку подлинно большевистских теоретических кадров.

Все эти обстоятельства приводят к обостренной борьбе на важнейших участках идеологического фронта. Основной смысл и значение этой борьбы заключается в раз-

вернутом наступлении марксистско-ленинской теории на всех участках идеологии и окончательном преодолении всяких антимарксистских, антиленинских теорий, всяких проявлений квази-марксизма эпохи II Интернационала в теории.

4. Партийная организация ИКП философии и естествознания правильно поняла указания т. Сталина на конференции аграрников-марксистов о необходимости быстрой ликвидации недопустимого отставания теории от практических успехов социалистического строительства и вытекавшую из этих указаний крайнюю необходимость во всю ширь и глубину поставить эти вопросы в применении к положению на философском фронте. В процессе философской дискуссии совершенно правильно были определены основные линии разногласий: о необходимости и характере поворота на философском фронте, о партийности философии, естествознания и всей теории вообще, о ленинизме в философии как новой ступени в развитии диалектического материализма, о необходимости развернутой борьбы на два фронта в философии и естествознании, о новых задачах марксистско-ленинской философии в связи с практикой социалистического строительства и т. д.

5. Дискуссия показала правильность основных принципиальных установок бюро в критике позиций так называемого философского руководства.

6. Учитывая опыт и уроки дискуссии, всю глубину политических и философских разногласий с деборинской группой, смысл и значение которых особенно ярко были определены в указаниях т. Сталина, данных им в беседе с бюро партийной ИКП философии и естествознания, собрание считает, что квалификация взглядов так называемого философского руководства, данная в резолюции бюро от 14 октября с. г. («Большевик» № 19—20) как формалистического уклона, является академической, недостаточно четкой и должна быть уточнена и усилена, ибо формалистическое извращение материалистической диалектики является по своему существу идеалистической ревизией марксизма.

Вся совокупность теоретических и политических взглядов деборинской группы представляет собой на деле, по существу *меньшевиствующий идеализм*, имеющий в своей основе немарксистскую, неленинскую методологию, выражающий собой форму проявления мелкобуржуазной идеологии и давления на пролетариат окружающих его враждебных классовых сил. Это — чрезвычайно тонкая форма идеалистической ревизии марксизма, крайне тщательно замаскированная, прикрытая материалистической марксистской фразеологией, наряженная часто в марксистско-ленинские одежды, выступающая сама часто в очень резкой форме не только против откровенного, поповского контрреволюционного идеализма типа Лосева, но и даже против идеалистов-тегельянцев типа Лукача.

Борясь против ленинизма в философии и против поворота на философском фронте, группа Деборина, Карева, Стана и др. стала на путь прямой и открытой борьбы с диалектическим материализмом, *на путь антимарксизма*.

7. Собрание ИКП философии и естествознания считает также необходимым изменить следующие формулировки, дающие оценку линии работы на прошлом этапе так называемого философского руководства, в резолюции бюро ячейки 14 октября:

1) «что работа за прошлый период в ряде областей велась в общем в направлении, указанном Лениным», и 2) «на прошлом этапе развития линия философского руководства в основном была правильной», — как не соответствующие действительности, а также данной выше характеристике сущности взглядов деборинской группы...

Меньшевистские традиции т. Деборина, сильное влияние целого ряда ошибочных моментов политических и философских взглядов Плеханова, критиковавшихся Лениным, от которых т. Деборин полностью не освободился до сих пор, а также партийная неустойчивость кадров, окружавших его (Карев, Стан и др.), — все это соз-

давало из деборинской группы материал, легко подвергавшийся воздействию влияния мелкобуржуазной среды, и не могло не отразиться самым резким образом на ее теоретической работе.

Деборинская группа не только не подошла к осуществлению основных указаний Ленина в его статье «О значении воинствующего материализма», но, наоборот, в значительной степени их извратила, ведя свою теоретическую работу не в духе последовательного диалектического материализма, а в духе по существу идеалистической ревизии его.

В борьбе с механистами деборинская группа сыграла известную положительную роль. Необходимо однако иметь в виду, что эта группа критиковала механистов не с ортодоксальных марксистских позиций. В основном и по существу гегельянские, идеалистическо-диалектические установки деборинской группы в важнейших вопросах методологии позволяли до известной степени критиковать и разоблачать полное непонимание механистами существа философии вообще и диалектики в особенности, их насквозь метафизическую методологию, их грубый, вульгарный материализм и позитивизм и этим выполнять известную положительную роль. В свое время Ленин крайне метко отмечал: «Гегель бьет всякий материализм, *кроме* диалектического»¹.

Однако критика деборинской группы не обеспечивала последовательного, до конца проведенного разоблачения механистической методологии. Наоборот, идеалистическая сущность и эклектизм писаний этой группы на деле приводили ее представителей к фактическому согласию в целом ряде вопросов с механистами (например согласие тт. Деборина и Луппола с Сарабьяновым по вопросу о якобы терминологическом характере ошибок Плеханова, о иероглифах, о соотношении Ленина и Плеханова как философов-марксистов, согласие Луппола с Сарабьяновым по вопросу о локковской теории первичных и вторичных качеств и т. д.).

8. Антимарксистская сущность взглядов деборинской группы нашла свое выражение:

а) в отрыве теории от практики, философии от политики и т. д., чем фактически воскрешалась «одна из вредных черт и догм II Интернационала» (Сталин);

б) в полном отказе от применения, а также в извращении ленинского принципа партийности философии, который в наиболее четкой форме выражает классовый характер нашей философии, ибо лучшее в рабочем классе — это его авангард — коммунистическая партия. Группа Деборина, Карева, Стэна игнорировала этот ленинский принцип, ибо он необходимо включает в себя требование защиты генеральной линии партии и борьбы со всякими уклонами от нее;

в) в недооценке, наконец, Ленина как теоретика вообще, а особенно как философа-марксиста, в игнорировании, непризнании ленинизма в философии как новой ступени в развитии диалектического материализма, в повторении и углублении ряда плехановских ошибок в области философии и исторического материализма. Недооценка философского и вообще теоретического значения работ Ленина несомненно стоит в связи с установками в научно-исследовательской работе, проводимой Институтом Маркса и Энгельса.

9. Эта же сущность нашла также выражение не только в непонимании со стороны деборинской группы ленинизма в философии, но и в органически связанном с этим непонимании важнейших проблем ленинизма вообще, в крупнейших ошибках, допущенных по этим вопросам. Сюда относятся: каутскианского типа ошибки в трактовке империализма, совершенно абстрактная постановка проблем диктатуры пролетариата, демократии и диктатуры (Деборин, Ленин как мыслитель), правооппортунистические взгляды в вопросах культуры и культурной революции (Луппол, Карев,

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 235.

Бобровников), абстрактное, богдановское противопоставление индивидуализма и коллективизма, постановка ряда проблем коммунистического общества в духе старой, богдановско-базаровской «философии коллективизма», с большой примесью фейербахианства, «коллективизация чувств» и т. д. (*Деборин*, *Строительство социализма* и наши задачи на теоретическом фронте, «Под знаменем марксизма» № 5 за 1930 г.), меньшевистско-сухановская трактовка проблемы производительных сил и производственных отношений («производительные силы — активное начало, производственные отношения — пассивное следствие». — *Готтман*, «Под знаменем марксизма» № 2—3 за 1930 г.), kautскианские ошибки в вопросах нравственности (*Деборин*), — наконец, троцкистские, а по существу меньшевистские, социал-демократические позиции Карева по вопросу о классах переходного периода, о невозможности построения социализма в нашей стране, полутроцкистские ошибки т. Стэна, одного из «идейных» вдохновителей право-«левацкого» блока; и общая крайняя абстрактность вопросов классов и классовой борьбы в тех случаях, когда представители деборинской группы в той или иной мере касались их.

10. Неспособность к действительному преодолению идеализма Гегеля, восприятие без материалистической перестройки важнейших моментов его философии получили свое выражение в виде целой системы идеалистических взглядов в собственно философских вопросах, начиная с общей трактовки и определения материи и кончая вопросом о структуре логики. Изучение гегелевской диалектики, необходимость которого в очень резкой форме подчеркивает Ленин, поскольку оно в работах группы Деборина не опиралось на материалистическую диалектику Маркса, Энгельса, Ленина, на практику социалистического строительства и т. д., превращалось в свою противоположность. Вместо того чтобы разрабатывать диалектический материализм и его развивать, такое «изучение» Гегеля приводило к идеалистическому извращению материалистической диалектики. В работах так называемого «философского руководства», вопреки совершенно определенным и ясным положениям Маркса, Энгельса, Ленина об отношении марксизма к идеалистической диалектике Гегеля, мы имеем по существу реставрирование Гегеля, канонизирование его, превращение его в икону, забвение того обстоятельства, что марксизм материалистически переработал гегелевскую диалектику и тем самым поднялся на высшую ступень.

11. Это извращение нашло свое выражение в ошибках, связанных с неправильными, впадающими в идеализм определениями материи. Например: определение материи как бесконечной совокупности опосредствований, отношений, связей (*Деборин*), из которого выпал реальный носитель этих отношений; совершенно идеалистическое понимание материи как синтеза пространства и времени (*Гессен*); махистское положение о том, что «живую реальность, действительность объект получает только в процессе взаимодействия с субъектом» (*Гессен*); идеалистический рационализм во всех важнейших вопросах философии (*Тымынский*, *Введение в диалектический материализм*) и т. п.

С неправильными определениями материи органически связаны: совершенно неправильное понимание самой материалистической диалектики, представляющей собой якобы «всеобщую методологию, вносящую внутреннюю связь в конкретное содержание» (*Деборин*); ошибки в понимании теории диалектики как якобы только «общей теории, трактующей категории «абстрактно», отвлекаясь от того, как они применяются в определенных частных случаях, давая общий логический их анализ» (*Деборин*); выдержанное в духе гегелевского идеализма требование необходимости «замкнутой системы категорий диалектики» (*Готтман*, «Мысль Ленина имеет и другое еще содержание: она говорит о замкнутой системе диалектики. Диалектика должна начаться с бытия, но бытием же она должна закончиться») и т. д. и т. п.

12. «Методологизирование» в работах группы Деборина выразилось по существу

в идеалистическом разрыве метода и мировоззрения, диалектики и материализма, диалектики и теории познания, диалектики и исторического материализма.

В своей статье «К вопросу о диалектике» Ленин писал: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обрати внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах». Между тем у Деборина причудливо сочетаются, с одной стороны, противопоставление теории познания диалектике (Деборин, Маркс и Гегель), с другой стороны, взгляд, что «теория познания поглощается методологией (*там же*). Постановка вопроса о поглощении теории познания методологией имеет только один смысл — схоластическо-идеалистическое теоретизирование над «чистой» методологией, над «диалектикой», оторванной от материализма.

Основной особенностью всех этих ошибок является то, что указанная группа в своих теоретических работах не сумела правильно разрешить вопрос о соотношении теории и практики, извращала марксистско-ленинское учение о законе единства противоположностей, не смогла материалистически переработать гегелевское учение об единстве общего, особенного и единичного, не справилась с этими важнейшими проблемами материалистической диалектики. Вследствие этого у ее представителей получался разрыв между эмпирическим и рациональным моментами в познании, между ощущением и мышлением, между историческим и логическим, между формой и содержанием. Категории диалектики оказывались только абстрактными, «общими», оторванными от конкретного, особенного и единичного, категориями мышления, в которых якобы нет ни атома эмпирии, чисто логическими категориями, абстрагированными от истории бытия, от истории человеческого познания, что фактически и приводило к гегелевской точке зрения.

13. В теснейшей связи с положением на философском фронте находится и положение на естественно-научном фронте. Ряд руководящих товарищей в области естествознания полностью поддерживал позиции группы Деборина (Агол, Левин, Левит, Гессен), либо примиренчески к ней относился, по существу защищая ее (О. Ю. Шмидт). Указанная группа естествовников кроме того в специальных вопросах естествознания заняла неправильную — по существу антимарксистскую — позицию (аполитичность, извращение указания т. Сталина о соотношении теории и практики, отрыв теории от практики, противодействие проведению самокритики, игнорирование роли Ленина в естествознании, ревизия методологических установок Энгельса в естествознании, в частности в биологии, непонимание смысла и значения работ Энгельса для современного естествознания, отождествление достижений теоретической биологии с марксизмом, подмен материалистической диалектики как методологии естествознания генетикой, переход на позиции автогенеза, махистские высказывания в области физики и математики, антимарксистское по существу содержание руководимого представителями деборинской группы естественно-научного отдела «ВСЭ»). Борьба с механистами носила совершенно недостаточный, чисто формальный характер, по существу имеется срыв с механистами в отдельных установках (соотношение марксизма и естествознания, проблема внутреннего и внешнего и др.). Совершенно оставались вне поля зрения механистические концепции в области медицины (группа Обуха).

14. В связи со всем вышеизложенным встает задача пересмотреть, перевернуть все написанное по философии представителями группы т. Деборина и подвергнуть жесточайшей критике все антимарксистское, антиленинское в их писаниях. Этот пересмотр должен иметь целью вместе с тем не только не ослабление борьбы с механистической ревизией диалектического материализма, а, наоборот, должен вести к усилению борьбы с ней, к окончательному разоблачению механистов.

Отрицание механистами марксистско-ленинской философии, борьба против материалистической диалектики под флагом борьбы против гегельянства группы Деборина,

хвостистское отношение к «последним выводам современного естествознания», якобы заменяющим собою философию марксизма-ленинизма, теория «сведения», ведущая к дискредитации общественных наук, меньшевистская ревизия теории скачков, защита «иероглифической» теории познания и локковской теории первичных и вторичных качеств, кантианско-агностическое искажение ленинского учения об объективной, относительной и абсолютной истине, защита меньшевистско-кантианской внеклассовой теории нравственности и т. д. и т. п., — все это свидетельствует о том, что в лице беспринципного блока механистов мы имеем откровенно ревизионистское, антимарксистское, антиленинское философское течение.

15. Особо важное значение приобретает ныне решительная и последовательная борьба на два фронта в области философии. *Главной опасностью в современных условиях остается механистическая ревизия диалектического материализма* (т.т. Бухарин, Перов, Варьяш, Сарабянов, Тимирязев, Аксельрод и др.), богдановско-механистическая ревизия исторического материализма (Бухарин и др.), ибо она является в основном теоретической базой откровенно оппортунистического правого уклона, агенты кулачества в партии, ибо она имеет глубокие социальные корни в стране в условиях реконструктивного периода и развернутого наступления социализма по всему фронту.

Вместе с тем необходимы величайшая бдительность, особое внимание к ставшим на путь антимарксизма — *идеалистической ревизии материалистической диалектики, к меньшевистствующему идеализму деборинской группы* (Деборин, Карев, Стэн, Подволоцкий, Левит, Агол и др.), ибо эта опасность в очень малой степени разоблачена, еще совершенно недостаточно подвергнута теоретической и политической критике, ибо она в свою очередь питает главную опасность.

Необходимо повести решительную борьбу со всякого рода *примиренчеством* как к механистам (например Васильев и др.), так и к идеалистической ревизии марксизма деборинской группой (например Столяров и др.).

После разоблачения существа взглядов деборинской группы как меньшевистствующего идеализма открывая защита их взглядов или же открыто примиренческое отношение к ним чрезвычайно затруднены. Поэтому требуется особое внимание по отношению к формальному признанию данных основных установок и решительная борьба с нежеланием проводить их во всей как теоретической, так и практической работе, ибо такое формальное признание явится одним из худших видов примиренчества.

Наряду с этим собрание ячейки ИКП философии и естествознания считает необходимым указать на опасность упрощенческого понимания меньшевистствующего идеализма. Такие представления пытаются свести всю суть меньшевистствующего идеализма только и исключительно к меньшевистскому прошлому Деборина и этим по существу ограничиться в своей критической работе, не понимают социальных корней, которые имеет идеалистическая ревизия марксизма-ленинизма в условиях диктатуры пролетариата. Объективно такие представления направлены против поставленной выше задачи переворочить все написанное Дебориным и его соратниками по философии.

16. Партийное собрание ИКП философии и естествознания считает необходимым отметить попытку сколачивания блока между механистами и представителями идеалистической ревизии марксизма, которая имела место, например, во время дискуссий по философским вопросам в Баку между полумеханистом т. Васильевым и активным деборинцем, соучастником «левацких» дел Стэна и Карева по ИКП — т. Гарбером.

17. Перед работниками теоретического фронта стоят исключительной важности и сложности задачи подъема на новую высоту всей теоретической работы в философии на основе действительного изучения и разработки богатейшего наследства Ленина в области материалистической диалектики, на основе критического преодоления,

с одной стороны, грубого, вульгарного, механистического материализма с его ползучим эмпиризмом, непониманием и вульгаризацией основных законов диалектики, с его позитивизмом, с его теорией «сведений», теорией равновесия и т. д., а с другой стороны, абстрактно-схоластического теоретизирования, отрыва теории от практики, превращения философии в самоцель, схоластического оперирования «мыслительными сущностями», исключительно и чисто логического анализа категорий диалектики и т. п.

Мы стоим перед задачей действительной разработки теории материалистической диалектики, особая актуальность которой выдвигается всем ходом и успехами социалистического строительства.

В связи с крупными требованиями, которые предъявляют практика социалистического строительства, упорная борьба партии за завершение построения фундамента социалистической экономики перед всеми участками теоретического фронта, необходимо быстрейшим образом ликвидировать разрыв, который существует между этими задачами и работой Коммунистической академии.

Собрание ставит перед Коммунистической академией, Институтом философии, а также перед правлением ОВМД вопрос о необходимости полного пересмотра повестки дня философской конференции и обеспечения созыва ее во второй половине 1931 г., а также необходимости полного пересмотра подготовляемого материала «Философской энциклопедии» с целью обеспечения выхода в свет подлинно марксистско-ленинской философской энциклопедии, а также философского отдела ВСЭ. (*«Правда» от 26 января 1931 г.*)

VII. Задачи теоретической работы в области философии

О значении воинствующего материализма

Об общих задачах журнала «Под знаменем марксизма» тов. Троцкий в № 1—2 сказал уже все существенное и сказал прекрасно. Мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, ближе определяющих содержание и программу той работы, которая провозглашена редакцией журнала во вступительном заявлении к № 1—2.

В этом заявлении говорится, что не все объединившиеся вокруг журнала «Под знаменем марксизма» — коммунисты, но все последовательные материалисты. Я думаю, что этот союз коммунистов с некоммунистами является безусловно необходимым и правильно определяет задачи журнала. Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи.

Это относится и к той работе защиты материализма и марксизма, за которую взялся журнал «Под знаменем марксизма». У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского, от которого современные народники (народные социалисты, с.-р. и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре

якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности.

Во всяком случае, у нас в России есть еще — и довольно долго, несомненно, будут — материалисты из лагеря не-коммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества». Дицген-отец, которого не надо смешивать с его, столь же претенциозным, сколь неудачным литератором-сыном, выразил правильно, метко и ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и пользующиеся среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как «дипломированные лакеи поповщины».

Наши российские интеллигенты, любящие считать себя передовыми, как, впрочем, и их собратия во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дицгена. Но не любят они этого потому, что правда колет им глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем обще-экономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правильность резкой характеристики Дицгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная хотя бы с тех, которые были связаны с открытием радиа, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна, — чтобы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений.

Из указанного видно, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими» публицистами.

Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма. У нас есть ведомства или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло, крайне неудовлетворительно, испытывая, видимо, на себе гнет общих условий нашего истинно русского (хотя и советского) бюрократизма. Чрезвычайно существенно поэтому, чтобы в дополнение к работе соответствующих государственных учреждений, в исправление ее и в оживление ее, журнал, посвящающий себя задаче — стать органом воинствующего материализма, вел неутомимую атеистическую пропаганду и борьбу. Надо внимательно следить за всей соответствующей литературой на всех языках, перевода или, по крайней мере, реферировать все сколько-нибудь ценное в этой области.

Энгельс давно советовал руководителям современного пролетариата переводить для массового распространения в народе боевую атеистическую литературу конца XVIII в. К стыду нашему, мы до сих пор этого не сделали (одно из многочисленных доказательств того, что завоевать власть в революционную эпоху гораздо легче, чем суметь правильно этою властью пользоваться). Иногда оправдывают эту нашу вялость, бездеятельность и неумелость всяческими «высprenнями» соображениями: например, дескать, старая атеистическая литература XVIII в. устарела, ненаучна, наивна и т. д. Нет ничего хуже подобных, якобы ученых, софизмов, прикрывающих либо

педантизм, либо полное непонимание марксизма. Конечно, и ненаучного и наивного найдется не мало в атеистических произведениях революционеров XVIII в. Но никто не мешает издателям этих сочинений сократить их и снабдить короткими послесловиями с указанием на прогресс научной критики религий, проделанный человечеством с конца XVIII в., с указанием на соответствующие новейшие сочинения и т. д. Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут вырваться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и этак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.

Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII в. сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают. Все сколько-нибудь крупные произведения Маркса и Энгельса у нас переведены. Опасаться, что старый атеизм и старый материализм останутся у нас недополненными теми исправлениями, которые внесли Маркс и Энгельс, нет решительно никаких оснований. Самое важное — чаще всего именно это забывают наши якобы марксистские, а на самом деле уродующие марксизм коммунисты — это сумеют заинтересовать совсем еще неразвитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий.

С другой стороны, взгляните на представителей современной научной критики религий. Почти всегда эти представители образованной буржуазии «дополняют» свое же собственное опровержение религиозных предрассудков такими рассуждениями, которые сразу разоблачают их как идейных рабов буржуазии, как «дипломированных лакеев поповщины».

Два примера. Проф. Р. Ю. Виппер издал в 1918 г. книжечку: «Возникновение христианства» (изд. «Фарос», Москва). Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви, как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической и материалистической. Это — прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии.

Известный немецкий ученый, Артур Древе, опровергая в своей книге «Миф о Христе» религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было, в конце книги высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищенную, способную противостоять «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому потоку» (стр. 238 4-го немецкого издания 1910 г.). Это — реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками.

Это не значит, чтобы не надо было переводить Древе. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность. Это значит, что чураться союза с представителями буржуазии XVIII в., т. е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марк-

сизму и материализму, ибо «союз» с Древесами в той или иной форме, в той или иной степени, для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами.

Журнал «Под знаменем марксизма», который хочет быть органом воинствующего материализма, должен уделять много места атеистической пропаганде, обзору соответствующей литературы и исправлению громадных недочетов нашей государственной работы в этой области. Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды.

Чрезвычайно важны все материалы, относящиеся к Соединенным штатам Северной Америки, в которых меньше проявляется официальная, казенная, государственная связь религии и капитала. Но зато нам яснее становится, что так называемая «современная демократия» (перед которой так неразумно разбивают свой лоб меньшевики, с.-р. и отчасти анархисты и т. п.) представляет из себя не что иное, как свободу проповедывать то, что буржуазии выгодно проповедывать, а выгодно ей проповедывать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.

Хотелось бы надеяться, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, даст нашей читающей публике обзоры атеистической литературы с характеристикой, для какого круга читателей и в каком отношении могли бы быть подходящими те или иные произведения, и с указанием того, что появилось у нас (появившимся надо считать только сносные переводы, а их не так много) и что должно быть еще издано.

Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма.

Помещенная в 1—2 номере журнала «Под знаменем марксизма» статья А. Тимирязева о теории относительности Эйнштейна позволяет надеяться, что журналу удастся осуществить и этот второй союз. Надо обратить на него побольше внимания. Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, рождаются сплошь да рядом реакционные философские школы и школы, направления и направления. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей, — это задача, без разрешения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом. Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить, что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству, великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX века.

И для того, чтобы не огнестись к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой

цели, сотрудники журнала «Под знаменем марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политическx работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, казовых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под знаменем марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае.

В заключение приведу пример, не относящийся к области философии, но во всяком случае относящийся к области общественных вопросов, которым также хочет уделить внимание журнал «Под знаменем марксизма».

Это один из примеров того, как современная якобы наука на самом деле служит проводником грубейших и гнуснейших реакционных взглядов.

Недавно мне прислали журнал «Экономист» № 1 (1922 г.), издаваемый XI отделом «Русского технического общества». Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.

Некий г. П. А. Сорокин помещает в этом журнале обширные якобы «социологические» исследования «О влияния войны». Ученая статья пестрит учеными ссылками на «социологические» труды автора и его многочисленных зарубежных учителей и сотоварищей. Вот какова его ученость:

На странице 83-й читаю:

«На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 разводов — цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года,

11% — менее одного месяца, 22% — менее двух месяцев, 41% — менее 3—6 месяцев и лишь 26% — свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак — форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои аппетиты» («Экономист» № 1, стр. 83).

Нет сомнения, что и этот господин и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины».

Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении, покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия, даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках, проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине и по отношению к внебрачным детям.

Это не мешает, конечно, меньшевикам, с.-р. и части анархистов и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно-демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число прешествовавших ей и называющих себя демократическими буржуазных революций, — провела решительную борьбу в указанном отношении как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов.

Если г. Сорокину 92 развода на 10 000 браков кажутся цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо, что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии. Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше. Россия в этом отношении отличается от других стран только тем, что ее законы не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия.

Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных «образованных» крепостников. Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливоенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место.

Научится, была бы охота учиться. (Ленин, *О значении воинствующего материализма* (1922 г.), Соч., т. XXVII, стр. 180—190, изд. 3-е.)

Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г.

1. Несмотря на известные достижения, которые были в работе «Под знаменем марксизма», в особенности по борьбе с механизмом, представляющим попытку свое-

образной ревизии марксизма, журнал не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье «О значении воинствующего материализма», не стал боевым органом марксизма-ленинизма. Работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и от задач международного революционного движения. Ни одна из проблем переходного периода, теоретически разрабатываемых и практически разрешаемых партий, журналом не была поставлена.

2. Журнал «Под знаменем марксизма» исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма, что было обусловлено позицией группы тт. Деборина, Карева, Стена и др., фактически превратившей журнал, особенно за последнее время, в свой групповой орган.

3. Отрывая философию от политики, не проводя во всей своей работе партийности философии и естествознания, возглавлявшая журнал «Под знаменем марксизма» группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала — разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма.

4. ЦК ВКП(б) постановляет:

а) Журнал «Под знаменем марксизма» должен быть боевым органом марксизма-ленинизма, вести решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии. В области философии журнал должен вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стена и др. Важнейшей задачей «Под знаменем марксизма» должно быть действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и следовательно антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались. Журнал должен разрабатывать теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства в мировой революции. Журнал «Под знаменем марксизма» должен объединять для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращая большевистски выдержанные философские кадры... (*«Правда», 26 января 1931 г.*)

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АБСОЛЮТНАЯ ИДЕЯ — 127.

АБСОЛЮТНАЯ ИСТИНА — 9, 123, 125, 330.

АБСТРАКТНОЕ ТОЖДЕСТВО — 250—253, 364.

АБСТРАКЦИЯ — 347, 348; *А.* труд — 251, 349.

АГНОСТИЦИЗМ — 25, 116, 118, 127—129, 130, 131—133, 323, 401, 488.

АНАРХИЗМ — 59—61; *А.* и оппортунизм — 57; классовые корни *А.* — 58, 60; сущность *А.* — 91—92.

АНИМИЗМ — 97.

АСИМПТОТЫ — 421.

АТЕИЗМ — 102.

БАЗИС и НАДСТРОЙКА — 267.

БАКУНИЗМ — 62.

БЕЛОК — 193, 385.

БЕРКЛЕАНСТВО — 100—107, 110, 115—116, 322.

БЕСПАРТИЙНОСТЬ — 43—44.

БОГОИСКАТЕЛЬСТВО И БОГОСТРОИТЕЛЬСТВО — 136, 137, 138, 139.

БОЛЬШЕВИЗМ — 80; из истории *Б.* — 452—455; условия победы *Б.* — 454—455; *Б.* — восприимчив марксизма — 526; *Б.* и оппортунизм — 76; *Б.* и германская социал-демократия — 77—78; *Б.* и разногласия с меньшевизмом — 77; *Б.* и централизм — 76—79.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ — 387.

БОРЬБА классов — 16; политическая *Б.* — 44; *Б.* на два фронта — единственно правильная политика партии — 504, 543. *Б.* с враждебной идеологией — 438, 439, 538—540.

БЫТИЕ — 24, 26; общественное *Б.* определяет сознание — 267—328; *Б.* и мышление — 97, 118, 127, 296.

ВИТАЛИЗМ — 513.

ВОИНСТВУЮЩИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — 545.

ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — 288, 291, 292.

ВРЕДИТЕЛЬНОСТЬ и техническая интеллигенция — 428, 429; *В.* и классовая борьба — 432.

ВРЕМЯ в определении материалистов и идеалистов — 172, 173; *В.* и пространство — 117, 174; Бесконечность *В.* — 169—170; *В.* по Дюрингу — 167—168, 171; *В.* по Канту — 169, 170, 171.

ВЕЩЬ В СЕБЕ — 119—121, 129—130.

ГНОСЕОЛОГИЯ — 26, 98, 111, 134, 180.

ГОРОД, противоположность между *Г.* и деревней — 346, 524.

ГОСУДАРСТВО, его возникновение — 36, 195, *Г.* — машина угнетения — 265; *Г.* «этомрет» — 37; форма и содержание *Г.* — 265.

ДВИЖЕНИЕ материи — 24, 143, 165, 166, 257, 471, 513; 514; *Д.* без материи — философский идеализм — 166, 167; *Д.* — форма существования материи — 165, 187; *Д.* и самодвижение — 199; *Д.* и мышление — 361, 362; *Д.* в природе — 192, 195, 371, 397; *Д.* и эволюция человека — 193; *Д.* связано с перемещением — 187; механическое *Д.* — 187, 515; противоречивость *Д.* — 198, 220; *Д.* обуславливается борьбой противоположностей — 218; *Д.* — сущность времени и пространства — 174; *Д.* — притяжение и отталкивание — 425; трактовка *Д.* механистами — 512.

ДИАЛЕКТИКА — 25, 180, 183, 184, 244, 357, 529, 530; суть *Д.* — 306, 471; *Д.* — высшая форма мышления — 125, 178, 179, 361; понимание *Д.* в древнегреческой философии — 177; законы *Д.* — 181; *Д.* по Гегелю — 25, 99, 122, 157, 158, 160, 180, 181—182, 199, 351, 354, 413, 414, 475—477; *Д.* — учение о единстве противоположностей — 473; *Д.* — тождество противоположностей — 201; *Д.*

- Аристотеля — 355; *Д.* и марксизм — 246—248; *Д.* и взаимодействие — 276—277; *Д.* количества — 420; *Д.* капиталистической системы — 518; *Д.* и естествознание — 372, 415, 417—419, 426. *Д.* товара — 209; *Д.* и формальная логика — 416; *Д.* и эклектицизм — 367.
- ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ** — 20, 26, 158; элементы *Д. М.* — 473—475; создание *Д. М.* — 157—158; *Д. М.* и философский идеализм — 139; *Д. М.* и махизм — 152; *Д. М.* и релятивизм — 332; механистическая ревизия *Д.* — 509, 510; *Д. М.* и Коминтерн — 20.
- ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА** — 20; своеобразие *Д. П.* в России — 452; Ленин о *Д. П.* — 462; *Д. П.* и классовая борьба — 401.
- ДЕТЕРМИНИЗМ** по Маху — 283; *Д.* и необходимость — 284.
- ДОГМАТИЗМ** — 224.
- ДУАЛИЗМ** Канта — 116—119.
- ЕДИНСТВО** противоположностей — 200, 201, 471; *Е.* мышления и бытия — 295.
- ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ** — 21, 24, 25, 102, 109, 111; из истории *Е.* — 161—162, 373 и сл.; задачи *Е.* — 440; *Е.* и идеализм — 116—186, 190, 394—400; *Е.* и махизм — 115; *Е.* в свете учения Фейербаха — 149; *Е.* в развитии материализма — 146, 152, 158, 177; *Е.* и метафизика — 177, 179, 373; механическое *Е.* — 188—190; *Е.* и ленинизм — 441; *Е.* и философия — 415; *Е.* и диалектический материализм — 357, 371, 384, 393, 426, 428, 472; *Е.* и мышление — 295, 415; *Е.* и религия — 388; борьба с уклонами в *Е.* — 442.
- ЖИЗНЬ** — 341; диалектическое понимание *Ж.* — 201; *Ж.* и сознание — 297; общественная *Ж.* — 340.
- ЗАКОН** (понятие) — 254; *З.* превращения энергии — 161; *З.* перехода количеств в качество — 227; вечные законы природы — 356; *З.* падения — 424; *З.* капитализма — 257.
- ИДЕАЛИЗМ** — 98, 99, 101, 104, 109, 114, 115, 117, 118, 131, 163, 344, 397, 399, 418, 511; корни *И.* — 139, 140; субъективный *И.* — 100, 103, 110, 111, 113, 114; объективный *И.* — 121, 125; меньшевистствующий *И.* — 310; «физический» *И.* — 394; *И.*, материализм и кантианство — 116, 117; *И.* и ленинизм — 98—100; *И.* и махизм — 110—115, 117; *И.* и агностицизм — 133, 135, 136; *И.* и религия — 138, 139.
- ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ** теория — 307 и сл.
- ИМПЕРИАЛИЗМ** и его противоречия — 448—449; *И.* — высшая стадия капитализма — 461.
- ИНДУКЦИЯ** и **ДЕДУКЦИЯ** — 359—361.
- ИНДУСТРИЯ** и сельское хозяйство — 215—216.
- ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ** техническая — 428 — 432, 435—436; *И.* и соцстроительство — 438; *И.* и теоретическая и практическая работа — 45—46.
- ИНТЕРНАЦИОНАЛ** первый — 56; *И.* второй — 65, 70, 75; второй *И.* — отряд империализма — 71, 72; второй *И.* и большевизм — 76, 78.
- ИСТИНА** в определении Гегеля — 123; *И.* есть процесс — 339; *И.* абсолютная — 9, 123, 125, 330; *И.* объективная — 320—323, 324, 417; вечная *И.* — 324; *И.* и действительность — 118; объективная *И.* в понимании меньшевистствующих идеалистов — 333, 334; *И.* всегда конкретна — 334; *И.* и наука — 325, 327; *И.* по Богданову — 329; истинное познание природы — 329.
- ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ** — 21, 27, 299.
- КАДРЫ** технические и их подготовка — 435.
- КАНТИАНСТВО** — 116, 117, 169, 258, 273, 304, 347.
- КАПИТАЛ** — 22, 31—32; формы *К.* — 30 — 32; накопление *К.* — 31; движение *К.* — 196; *К.* и рабочий класс — 69—70.
- КАПИТАЛИЗМ** — 20—23, 32—35, 42, 518; эволюция *К.* в земледелии — 34; *К.* рождается из мелкого производства — 64; *К.* создает себе могильщика — 58; противоречия *К.* — 209; кризис *К.* — 67—68.
- КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО** — 22, 29, 34.
- КАУТСКИАНСТВО** — 65; *К.* и марксизм — 6.
- КАЧЕСТВО** и **КОЛИЧЕСТВО** — 189, 226, 238, 328; примеры перехода количества в качество — 228—231.
- КЛАССЫ**, противоречия между ними — 214; *К.* и индустриализация — 217.
- КЛАССОВАЯ БОРЬБА** — 15, 17—20, 23, 28, 217; *К. Б.* и марксизм — 40; вращание кулака в социализм по Бухарину — 223, 224, 288; ликвидация кулачества как класса — 289; *К. Б.* и политэкономия — 318, 319.
- КОЛХОЗЫ** — 84—87, 235, 524; *К.* и шесть условий — 86.
- КОММУНИЗМ** — 19, 20, 92, 93, 527; как изучать *К.* — 347; *К.* и враждебные течения в рабочем движении — 88, 93;

- К.* и электрификация — 432; *К.* и техника — 424.
- КРЕСТЬЯНСТВО.** Разложение *К.* при капитализме — 287; *К.* и социалистический путь развития земледелия — 214; противоречия в положении *К.* при капитализме — 212, 213; *К.* и революция — 43, 56; *К.* и ленинизм — 41, 42.
- КРИЗИС** — 22, 62, 63; *К.* перепроизводства — 31; *К.* капитализма — 67, 68, 213.
- КУЛЬТУРА** национальная — 264; пролетарская *К.* социалистична по содержанию — 264.
- ЛЕНИНИЗМ** — 20, 50, 54, 55, 71—75, 447, 461; *Л.* и крестьянство — 41, 42, 452; *Л.* и диктатура пролетариата — 41, 42, 462; *Л.* выковался в борьбе со вторым Интернационалом — 72, 448; *Л.* и централизм — 81; *Л.* о построении социализма в одной стране — 214; исторические корни *Л.* — 447, 448, 451; *Л.* и марксизм — 451, 464, 470, 523, 532, 533; *Л.* в определении Зиновьева — 451—452; интернациональное значение *Л.* — 454; *Л.* и социальность — 462; *Л.* и национально-колониальный вопрос — 463; *Л.* и махизм — 103—107.
- ЛИБЕРАЛИЗМ** — 75, 80.
- ЛОГИКА** — 340; *Л.* и истина — 326; *Л.* совпадает с теорией познания — 354; учение о *Л.* — 354; *Л.* у меньшевистствующих идеалистов — 356; *Л.* Гегеля — 357.
- МАРКСИЗМ** — 19—24, 27, 28, 55, 56, 60, 460, 461; условия возникновения *М.* — 7—15; история *М.* — 56, 57, 60—61; источники *М.* — 21; философские основы извращения *М.* каутскианством — 65—66; *М.* по Зиновьеву — 400; *М.* и ревизионизм — 60—61; *М.* и социология — 483—487; *М.* и мелкобуржуазная демократия — 481; фальсификация *М.* — 526; *М.* объявил войну рабству — 316; *М.* и истина — 332; *М.* как теория — 460; *М.* и борьба с религией — 140; *М.* и эмпириокритицизм — 116; *М.* — не догма — 50; *М.* и эклектицизм — 51.
- МАТЕМАТИКА** возникла из потребностей человека — 338; *М.* и диалектика — 418, 423; *М.* и формальная логика — 363; *М.* и истина — 325.
- МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ** понимание истории — 16, 24, 27, 163, 276; *М.* мировоззрение — 351.
- МАТЕРИАЛИЗМ** — 21, 25, 26, 45, 98, 99, 101—104, 109, 111, 113, 114, 118, 131, 163, 299, 393, 397, 418, 501; исторические сведения о *М.* — 141—145, 157; *М.* до Фейербаха — 155; главный недо-
- статок *М.* Фейербаха — 301, 302, 337; *М.* и метафизика — 141, 142; французский и английский *М.* — 142, 144; вульгарный *М.* — 152; механический *М.* — 25, 189, 190; *М.* и объективная истина — 322; *М.* и естествознание — 146, 150, 158, 159; *М.* и религия — 147; естественно-научный *М.* — 159; *М.* и махизм — 107, 323; *М.* и агностицизм — 133, 323; *М.* и номинализм — 143; картезианский *М.* — 141, 144, 145; *М.* философский — 104, 482; социалистические тенденции французского *М.* — 145; *М.* и ленинизм — 98, 100.
- МАТЕРИЯ** — 164; *М.* и движение — 165, 166, 388, 398, 512; *М.* не абстракция — 190; *М.* вечна — 191; *М.* в понимании механистов — 510, 511; философское понятие *М.* — 511.
- МАХИЗМ** — 102, 107, 108, 114, 115, 322, 343, 393, 402, 405—406, *М.* и марксизм — 469, 489, 490; *М.* и ленинизм — 103, 107; *М.* о причинности — 271.
- МЕНЬШЕВИЗМ** — 455, 491—493; *М.* и эсеры — 459; *М.* и большевизм — 526, 527.
- МЕНЬШЕВИСТВУЮЩИЙ ИДЕАЛИЗМ** — 334; *М. И.* и троцкизм — 534, 539, 543; *М. И.* и философия Гегеля — 527—529; *М. И.* о законе единства противоположностей — 224—225.
- МЕРА** — 226, 236.
- МЕТАФИЗИКА** — 16, 24, 141, 328; *М.* и материализм — 141, 144; *М.* и естествознание — 142, 419; *М.* и мышление — 177—179.
- МЕТОД** и система познания — 125, 126, 147.
- МЕХАНИСТИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ** в биологии — 513; *М.* понимание природы — 515.
- МЕХАНИЦИЗМ** — 310, 439, 509—511.
- МЫШЛЕНИЕ** — 24, 323; отношение *М.* к бытию — 97, 118, 127, 295; метафизический способ *М.* — 125, 177—179; диалектический способ *М.* — 125, 160, 178, 224, 356; *М.* и истина — 155, 330, 331, 340; *М.* и агностицизм — 130; законы *М.* и природа — 362—363.
- НАДСТРОЙКА** — 16, 267.
- НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА** — 31—32.
- НАРОДНИЧЕСТВО**, его субъективизм — 483, 484, 488; социология *Н.* — 485—487.
- НАТУРФИЛОСОФИЯ** — 167.
- НАЦИЯ** — продукт и форма буржуазной эпохи — 36.
- НЕОКАНТИАНСТВО** — 99.
- НЭП** — 214; правые оппортунисты о *Н.* — 288,

- 523, 524; *Н.* и построение социализма — 290.
- ОБЪЕКТИВИЗМ** — 45; *О.* Струве — 483—485.
- ОБЩЕСТВО** — 303, 311; развитие *О.* — 195—196; *О.* социалистическое и капиталистическое — 35, 36; учение Фейербаха и *О.* — 150, 151; общественно-экономическая формация — 27; буржуазное *О.* — 252.
- ОПОРТУНИЗМ** — 58—60, 64—65; *О.* и ленинизм — 74—76, 87, 76—77; *О.* Второго интернационала — 71, 72, 74; *О.* и борьба с ним — 334; *О.* Плеханова — 491—493; *О.* и теория стихийности — 525.
- ОПЫТ** — 110, 111, 116, 402; *О.* в понимании махистов — 312 и сл.; *О.* в понимании Плеханова — 313.
- ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ** — 236; примеры *О. О.* — 238—242.
- ОТТАЛКИВАНИЕ и ПРИТЯЖЕНИЕ** — 421; их неотделимость друг от друга — 424, 426.
- ОЩУЩЕНИЕ** — 104, 106, 108, 109, 110, 113, 115, 116, 119, 135, 136, 322, 323; *О.* и агностицизм — 132, 133; *О.* и философские направления — 166, 322.
- ПАРТИЙНОСТЬ** науки — 401; *П.* философии — 317, 468, 470; *П.* теории — 45, 316.
- ПАРТИЯ** и классовая борьба — 42—43, 288 и сл., 465; из истории *П.* — 504, 505; *П.* и борьба на два фронта — 504; *П.* и ее роль в системе диктатуры пролетариата — 467; *П.* — передовой отряд рабочего класса — 464; *П.* и ленинизм — 463; изживание фракционности в *П.* — 93, 94; *П.* и оппортунизм — 93, 94.
- ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ** — 534—536.
- ПОЗИТИВИЗМ** — 25, 100, 102, 344.
- ПОЗНАНИЕ** — 21, 24, 26, 124, 305, 347, 356, 471, 472; *П.* общественное — 21; *П.* не есть прямая линия — 140, 472; движение *П.* — 187, 305, 306, 471; Марксова теория *П.* — 307; *П.* и качество — 328; *П.* и истина — 330; *П.* и практика — 347.
- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ** — 21—23, 31, 134, 259, 260, 352, 517; вульгарная *П. Э.* — 33; *П. Э.* и материалистическая диалектика — 159, 183; *П. Э.* и классовая борьба — 318.
- ПОЛЯРНОСТЬ** — 425.
- ПРАВЫЙ УКЛОН** — 84, 440, 507—509, 514, 515.
- ПРАКТИКА** революционная — 155, 340; *П.* и познание — 340, 341, 347; *П.* критерий объективности — 343 и сл.; *П.* и необходимость — 316; *П.* и теория — 45, 46, 47, 48.
- ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ** — 16, 22, 23.
- ПРИТЯЖЕНИЕ и ОТТАЛКИВАНИЕ** — 420, 424—425.
- ПРИЧИННОСТЬ** — 268; *П.* и следствие — 268; *П.* и необходимость — 269.
- ПРОИЗВОДСТВО** капитала — 16, 31, 32; *П.* средств производства — 31; *П.* предметов потребления — 31.
- ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ** отношения — 26—29.
- ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ** — 27; развитие *П. С.* и собственность — 41; взаимодействие *П. С.* и производственных отношений — 163.
- ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА** — 33.
- ПРОЛЕТАРИАТ** — 17, 19, 20, 23, 28, 37, 38, 94; *П.* и буржуазия — 225; *П.* и крестьянство — 213, 214; *П.* и богатство — 201; *П.* и империализм — 213; Ленин о гегемонии *П.* — 462—463; *П.* и социалистический путь развития земледелия — 214; тактика *П.* — 37—38; *П.* и религия — 88—89.
- ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ** — 167—174; *П.* и *В.* по Дюрингу — 167—168.
- ПРОТИВОРЕЧИЯ** **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.** *П.* разрешаются борьбой — 225; *П.* между классами — 214, 215; *П.* и движение — 198, 220; *П.* по Дюрингу — 197; *П.* и капиталистический способ производства — 205—208; *П.* товара — 209; *П.* империализма — 213; *П.* крестьянства при капитализме — 212, 213.
- РАБОЧИЙ КЛАСС** — порождение современного экономического порядка — 17; *Р. К.* и конфессиональные течения — 90; *Р. К.* и крестьянство — 288, 289.
- РАВНОВЕСИЕ** — 218, 219, 220; *Р.* неотделимо от движения — 191; *Р.* в политэкономии — 221; *Р.* в понимании механистов — 516.
- РАЗВИТИЕ** — борьба противоположностей — 200, 471; *Р.* идет диалектическим путем — 249; *Р.* общественно-экономических формаций — 336.
- РАЗЛИЧИЕ** — 179, 182, 224—226, 231, 264, 277.
- РЕВИЗИОНИЗМ** — 58—63, 479, 480; классовые корни *Р.* — 58, 60, 64; *Р.* и марксизм — 60—64, 488; *Р.* и его неизбежность в капиталистическом обществе — 64; влияние *Р.* на пролетариат — 94; *Р.* и классовая борьба — 63; *Р.* в экономике — 62—63; *Р.* в тактике — 62; *Р.* в философии — 61.

РЕВОЛЮЦИЯ — 42—43, 103, 335; *Р.* и ленинизм — 56, 451; *Р.* 1905 года — 265; две линии развития *Р.* — 287.

РЕЛИГИЯ — 24, 97, 112, 136—138, 546; классовые корни *Р.* — 139—140; идеалистическое и материалистическое объяснение корней *Р.* — 140; *Р.* и агностицизм — 133; *Р.* и система Гегеля — 125; объективизм по Богданову — 321; *Р.* в учении Фейербаха — 148, 151, 156; *Р.* и естествознание — 388.

РЕЛЯТИВИЗМ и диалектический материализм — 332, 396.

РЕФОРМИЗМ — 88—89; *Р.* «социалистический» — главный враг коммунизма — 89; австро-марксизм — особая форма «социалистического» *Р.* — 91.

САМОДВИЖЕНИЕ — 197—199.

СВОБОДА и необходимость — 25, 129, 280, 285, 286; *С.* — понимание необходимости — 25, 280, 282; *С.* воли — 281, 282.

СЕНСУАЛИЗМ — 322, 323.

СЛУЧАЙНОСТЬ — 273; *С.* в области исторической — 278; детерминизм о *С.* — 274; Дарвин о *С.* — 275; Гегель о *С.* — 275; механистическая точка зрения о *С.* — 278—280, 441.

СОБСТВЕННОСТЬ частная — 17, 33—34, *С.* на землю — 34—35; *С.* индивидуальная и общественная — 237.

СОДЕРЖАНИЕ — 262—265.

СОЗНАНИЕ общественное — 26, 328; развитие *С.* — 282; *С.* и отношение к природе — 296; *С.* отражает бытие — 297, 303, 304.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, ее сущность — 266; *С. В.* как государственная форма *Д. П.* — 266.

СОВХОЗ — 235, 524.

СОЛИПСИЗМ — 103, 104, 109, 110, 322, 323.

СОЦИАЛИЗМ французский — 15, 21, 24; *С.* английский — 15; *С.* утопический — 15, 23; *С.* конструктивный — 90; *С.* кооперативный — 90; *С.* гильдейский — 90; *С.* — следствие и борьба классов — 16; *С.* стал наукой — 16—18, 54; *С.* научный — 52; *С.* и мелкое крестьянство — 37; *С.* и ликвидация противоположности между городом и деревней — 84; возможность построения *С.* в одной стране — 85, 214, 289—291, 535—537.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ, ее контрреволюционная роль — 66—67, 71, 80; *С.-Д.* — главная опора буржуазии — 69, 70; коалиция *С.-Д.* с фашизмом — 68, 70; *С.-Д.* и диктатура пролетариата — 92; *С.-Д.* и теория — 51—52.

СОЦИОЛОГИЯ — 484—486.

СОФИСТИКА — 337, 357.

СПЕКУЛЯЦИЯ — 297.

СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА — 16, 27, 60, 208.

СПИРИТУАЛИЗМ — 315, 427.

СРЕДА — 218; *С.* и система — 220.

СТИХИЙНОСТЬ и сознательность — 17.

СТРУВИЗМ — 66.

СУЩНОСТЬ и видимость — 258; *С.* вещей — 117 — 119; *С.* по определению Гегеля — 257; *С.* и естествознание — 121.

ТЕОРИЯ и ПРАКТИКА и ленинизм — 54; разрыв *Т.* и *П.* — 48—49; связь *Т.* и *П.* — 48—54; *Т.* и *П.* в воспитании комсомола — 48; единство *Т.* и *П.* — 339; *Т.* и *П.* и соцстроительство — 40; *Т.* и *П.* и партия — 51—54; *Т.* и *П.* и социал-демократия — 51—52; отставание *Т.* от *П.* — 438.

ТЕХНИКА капиталистическая и у нас — 216; внедрение *Т.* и развитие промышленности — 434, 435; *Т.* в период реконструкции — 437; *Т.* и вредительство — 428—432.

ТРЕД-ЮНИОНИЗМ — 54; *Т.* и теория стихийности — 525.

ТРОЦКИЗМ — 83, 85, 87, 88, 368, 507, 534—538; *Т.* — передовой отряд контрреволюционной буржуазии — 81; *Т.* — основная группа, насаждавшая цехизм — 81; *Т.* и меньшевистствующий идеализм — 507, 534—535; *Т.* и перманентная революция — 77; учение *Т.* о невозможности построения социализма в одной стране — 80.

ТРУД — 250, 251, 260, *Т. жепский* — 36; *Т. детский* — 36; *Т. наемный* — 207; *Т. общественный* — 31, 34; *Т. простой* и сложный — 349; цена *Т.* и стоимость — 261; абстракция человеческого *Т.* — 349; *Т.* и природа — 299.

УТОПИСТЫ — 8, 9, 15.

УЧЕНИЕ МАРКСА — 18, 29, 61, 316; главное в учении *М.* — 41, 57; судьбы *У. М.* — 57—58.

ФАТАЛИЗМ — 102.

ФАШИЗМ — 67, 68; образование *Ф.* — 68; *Ф.* и социал-демократия — 68—70; *Ф.* и диктатура пролетариата — 69.

ФИДЕИЗМ — 321, 402, 404.

ФИЗИКА и движение — 187, 513; *Ф.* и мышление — 414; *Ф.* и идеализм — 396—402, 410, 411, 414, 426; *Ф.* и махизм — 402, 405, 406; *Ф.* Декарта — 141; *Ф.* и диалектический материализм — 371, 372, 411 426.

ФЕОДАЛИЗМ — 204.

ФИЛОСОФИЯ Гегеля — 26, 52, 124, 125, 163; Ф. марксизма — 21, 22, 104; диалектическая Ф. — 26, 123; Ф. и политика — 47; Ф. и партийность — 116.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЕНИНА — 493—502.

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА — учение о мышлении и его законах — 26, 159; Ф. Л. и диалектика — 363, 365, 366, 415, 416; Ф. Л. в понимании Плеханова — 366; Ф. Л. — метод для перехода от неизвестного к известному — 239.

ФОРМА и СОДЕРЖАНИЕ — 262, 267; их неразрывность — 262; Ф. и С. методы партработы — 262—263.

ХИМИЯ и движение — 187, 372; Х. мышление — 414; Х. и диалектика — 372.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ средств производства — 32.

ЦЕНТРИЗМ и ленинизм — 75, 79—81, 502, 503; Ц. и борьба на два фронта — 502.

ЭКЛЕКТИЦИЗМ — 9, 143—144, 307, 337, 357, 367, 368.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ — 16, 31.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ — 31, 33.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ и крестьянство — 433.

ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ — 107, 115, 116; Э. и субъективный идеализм — 110; Э. в марксистской оценке — 116, 117.

ЭМПИРИОМОНИЗМ — 111—113, 166—267.

ЮМИЗМ — 99, 258, 273, 304.

ЯЗЫК и сознание — 296.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАРКСИЗМ — ЛЕНИНИЗМ — МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОЛЕТА- РИАТА _____ 5—94

I. Исторические условия возникновения марксизма

Утопический социализм (*Энгельс*) — 7. Благодаря чему социализм стал наукой (*Энгельс*) — 15.

II. Марксизм как обобщение опыта классовой борьбы пролетариата

Маркс и Энгельс на место мечтаний поставили науку (*Ленин*) — 17. Стихийность и сознательность (*Ленин*) — 17. Всемирно-историческая роль пролетариата (*Ленин*) — 18. Необходимо овладеть знанием мировой науки (*Ленин*) — 19. Коммунистический интернационал стоит на точке зрения диалектического материализма (*Программа Коминтерна*) — 20.

III. Источники и составные части марксизма

Три источника и три составных части марксизма (*Ленин*) — 20. Место и значение различных составных частей марксизма. Учение Маркса. Философский материализм. Диалектика. Материалистическое понимание истории. Классовая борьба. Экономическое учение Маркса. Стоимость. Прибавочная стоимость. Социализм. Тактика классовой борьбы пролетариата (*Ленин*) — 23—41. Главное в марксизме-ленинизме (*Ленин*) — 40.

IV. Марксизм не догма, а руководство к действию

Партийность теории (*Ленин*) — 42. Отличие материализма от объективизма (*Ленин*) — 45. Теория и практика в марксизме (*Ленин*) — 45. Философия связана с политикой (*Ленин*) — 47. Сочетать практику с теорией (*Сталин*) — 47. Ликвидировать отставание теории от практики (*Сталин*) — 48. Теория дает ясность перспективы (*Сталин*) — 48. Творческий характер марксизма-ленинизма (*Сталин*) — 49. Наша теория — руководство к действию (*Сталин*) — 50. Без революционной теории не может быть и революционного движения (*Ленин*) — 50. Наша партия руководится передовой теорией (*Сталин*) — 53.

V. Ленинизм-марксизм эпохи империализма и пролетарских революций

VI. Ревизионизм и его классовые корни

Исторические судьбы учения К. Маркса (*Ленин*) — 55. Разногласия в европейском рабочем движении (*Ленин*) — 57. Марксизм и ревизионизм (*Ленин*) — 60. Ленин о Каутском и каутскианстве (*Ленин*) — 65. К. Маркс о Каутском (*Маркс*) — 66.

VII. Всеобщий кризис капитализма и превращение социал-демократии в социал-фашизм

Революционный кризис и контрреволюционная социал-демократия (*Программа Коминтерна*) — 66. Кризис капитализма и фашизм (*Программа Коминтерна*) — 67. Фашизм опирается на социал-демократию (*тезисы XI пленума ИККИ*) — 68. Социал-демократия как главная социальная опора буржуазии (*тезисы XI пленума ИККИ*) — 69.

VIII. Борьба Ленина за чистоту марксистской теории

Ленинизм как непосредственное продолжение и развитие марксизма (*Сталин*) — 71. Против троцкистской контрабанды в вопросах истории и теории большевизма — 74. О некоторых вопросах истории большевизма (*Сталин*) — 74.

IX. Значение т. Сталина в дальнейшем развитии марксистско-ленинской теории

Тов. Сталин — вожьд Коммунистического Интернационала (*Приветствие президиума ИККИ*) — 82. Роль т. Сталина в борьбе за осуществление генеральной линии партии (*Приветствие ЦК и ЦКК ВКП (б)*) — 82. Конкретизация и развитие марксистско-ленинской теории в работах т. Сталина (*«Правда»*) — 84. Тов. Сталин — теоретик большевизма, организатор, руководитель победоносного наступления социализма по всему фронту. (*Приветствие III Московской областной и II городской конференций*) — 87.

X. Необходимость непримиримой борьбы с антимарксистскими течениями Идеологии, враждебные коммунизму, в рабочем классе (*Программа Коминтерна*) — 88. Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов (*Сталин*) — 93. Уничтожить влияние ревизионизма на социалистический пролетариат (*Ленин*) — 94.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАТЕРИАЛИЗМ И ИДЕАЛИЗМ — 95—174

I. Материализм и идеализм

Ленин о двух основных направлениях в философии (*Ленин*) — 98.

II. Формы идеализма

Субъективный идеализм (*Ленин*) — 100. Махизм и критика его Лениным (*Ленин*) — 103. Ощущение есть непосредственная связь сознания с внешним миром (*Ленин*) — 107. Ощущение — субъективный образ объективного мира (*Ленин*) — 110. Субъективный идеализм ведет к солипсизму (*Ленин*) — 110. Философия Богданова — субъективный идеализм (*Ленин*) — 111. Эмпирионизм признает тождество мышления и бытия (*Ленин*) — 114. Марксистский подход к оценке эмпириокритицизма (*Ленин*) — 115. Дуалистическая философия Канта (*Ленин*) — 116. Превращение «вещи в себе» в «вещь для нас» (*Ленин*) — 119. Естествознание отвергает кантовскую «вещь в себе» (*Энгельс*) — 120. Объективный идеализм Гегеля (*Энгельс*) — 121. Противоречие между методом и системой в философии Гегеля (*Энгельс*) — 125. Маркс о гегелевской феноменологии (*Маркс*) — 126. Агностицизм (*Энгельс*) — 127. Возможность познания доказывается практически (*Энгельс*) — 129. Агностицизм Юма (*Ленин*) — 130. Агностик отрицает возможность познания материи (*Ленин*) — 132.

III. Реакционный характер идеализма и необходимость борьбы с ним

Идеализм — защита и оправдание религии (*Ленин*) — 133. Против богоискательства и богостроительства (*Ленин*) — 136. Идея бога — идея рабства (*Ленин*) — 137. Классовые и гносеологические корни идеализма (*Ленин*) — 139. Классовые корни религии (*Ленин*) — 139.

IV. Материализм до Маркса

Французский материализм XVIII в. и его историческое значение (*Энгельс*) — 140. Ограниченность материализма XVIII в. (*Энгельс*) — 145. Материализм Фейербаха (*Энгельс*) — 147. Идеализм во взглядах Фейербаха на общественную жизнь (*Энгельс*) — 149. Место Фейербаха в истории философии. (*Маркс*) — 151.

Вульгарный материализм (*Энгельс*) — 152. Критика механического и вульгарного материализма Марксом и Энгельсом (*Ленин*) — 152. Абстрактно-созерцательный характер домарковского материализма. Тезисы о Фейербахе (*Энгельс*) — 155.

V. Диалектический материализм Маркса, Энгельса, Ленина

Преодоление Марксом и Энгельсом старых философских учений и создание диалектического материализма (*Энгельс*) — 157. Упразднение философии в старом смысле слова (*Энгельс*) — 158. Создание Марксом и Энгельсом материалистической диалектики (*Энгельс*) — 159. Три великих открытия в области естествознания и материалистическая диалектика (*Энгельс*) — 161. Материалистическое понимание истории (*Ленин*) — 163. Основные положения диалектического материализма. Материя — объективная реальность (*Ленин*) — 163. Материя познается изучением ее отдельных форм (*Энгельс*) — 164. Материя и движение (*Энгельс*) — 165. Движение — способ существования материи (*Ленин*) — 166. Время и пространство (*Энгельс*) — 167. Материя движется в пространстве и во времени (*Ленин*) — 171. Движение есть сущность времени и пространства (*Ленин*) — 174.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗАКОНЫ И КАТЕГОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ДИАЛЕКТИКИ 175—292

I. Диалектика и метафизика

Исторические условия господства метафизики (Энгельс) — 179.

II. Идеалистическая диалектика Гегеля и преодоление ее Марксом и Энгельсом

Отношение Маркса и Энгельса к идеалистической диалектике Гегеля (Ленин) — 180. Законы диалектики извлечены из истории природы и человеческого общества (Энгельс) — 181. Как изучать Гегеля (Энгельс) — 181. Метод Маркса противоположен методу Гегеля (Маркс) — 183. Ленин об отношении к идеалистической диалектике Гегеля (Ленин) — 186.

III. Формы движения материи, их взаимодействие и переходы одной в другую

О механическом естествознании. Различные формы движения и рассматривающие их науки (Энгельс) — 188. Непоследовательность механического материализма ведет к идеализму (Энгельс) — 190. Атрибуты материи не уничтожимы (Энгельс) — 190. Равновесие относительно (Энгельс) — 191. Движение и развитие в природе и обществе (Энгельс) — 191. Исторический взгляд на общество (Ленин) — 195. Движение капитала (Маркс) — 196.

IV. Закон единства противоположностей

Противоречие — источник самодвижения (Энгельс, Ленин) — 197. Закон единства противоположностей — суть диалектики (Ленин) — 199. Две концепции развития (Ленин) — 200. Единство противоположностей (Энгельс) — 200. Положительная и отрицательная стороны противоречия (Маркс и Энгельс) — 201. Гегельянина Прудона (Маркс) — 202. Противоречия капиталистического способа производства (Энгельс) — 205. Противоречие товара (Маркс) — 209. Двойственное положение крестьянства в условиях капитализма (Ленин) — 212. Противоречия империализма (Программа Коминтерна) — 213. Разрешение внутренних противоречий в переходный период (Сталин) — 213. Двойственная природа нации (Сталин) — 214. Условия разрешения противоречий в переходный период (Сталин) — 215. Диалектика перехода (Из резолюции XVI съезда ВКП(б)) — 216. Подмена механистами материалистической диалектики теорией равновесия (Бухарин) — 217. Марксова критика механистической теории равновесия (Маркс) — 221. Критика т. Сталиным теории равновесия (Сталин) — 222. Ревизия меньшевистствующим идеализмом марксистско-ленинского понимания закона единства противоположностей (Деборин) — 224.

V. Закон перехода количества в качество и обратно

Количество и качество (Энгельс) — 226. Примеры из области физики и химии (Энгельс) — 227. Всеобщность закона перехода количества в качество (Энгельс) — 230. Примеры из области общественного производства (Маркс) — 233. Простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дает резкое повышение производительности труда (Сталин) — 235. Скачок (Энгельс) — 235.

VI. Закон отрицания отрицания

Как Михайловский искажает отношение марксистов к диалектике (Ленин) — 245. Русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю (Ленин) — 248. Отрицание как момент развития (Ленин) — 249.

VII. Категории материалистической диалектики

Общая характеристика категорий материалистической диалектики (Ленин) — 249. Историческое и логическое (Маркс) — 249. Закон, сущность и явление (Ленин) — 254. Изгнание законов из науки и протаскивание законов религии (Ленин) — 254. Историчность законов (Энгельс) — 256. Буржуазные теории увековечивают законы капитализма (Энгельс) — 257. Сущность и видимость (Ленин) — 258. Война есть продолжение политики иными средствами (Ленин) — 258. Научное исследование вскрывает сущностное отношение (Маркс) — 259. Форма и содержание (Энгельс) — 262. Формы партийной работы органически связаны с историческими условиями (Стенограмма X съезда РКП(б)) — 262. Только владея всеми средствами борьбы, можно наверняка победить (Ленин) — 263. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание (Сталин) — 264. Форма и содержание государства (Ленин) — 265. Свообразие революции 1905 г. (Ленин) — 265. Советская власть — новый тип государства (Сталин) — 266. Взаимодействие формы и содержания (Маркс) — 267. Причинность (Ле-

ний) — 268. Деятельность человека и закон причинности (Энгельс) — 268. О причинности и необходимости в природе (Ленин) — 269. Случайность и необходимость (Энгельс) — 273. Случайность есть дополнение и форма проявления необходимости (Энгельс) — 275. Диалектическое понимание взаимодействия (Энгельс) — 276. Случайность в общественной жизни (Энгельс) — 278. Общий ход развития и случайности (Маркс, Энгельс) — 278. Огрицание механистами объективного характера случайности (Бухарин) — 278. Свобода и необходимость (Энгельс) — 280. Свобода есть познанная необходимость (Ленин) — 281. Роль личности в истории (Ленин) — 284. Из царства необходимости в царство свободы (Энгельс, Маркс) — 285. Фаталистическое понимание механистами необходимости (Бухарин) — 286. Возможность двух линий развития революции (Ленин) — 287. Превращение возможности в действительность (Сталин) — 288. Ликвидация возможности реставрации капитализма (Сталин) — 289. Что такое возможность победы социализма в одной стране (Сталин) — 291. Особый характер наших трудностей содержит в себе возможность их преодоления (Сталин) — 291.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТОЖДЕСТВО ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ В МАРКИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ — 293—308

I. Маркистско-ленинская теория отражения

Единство мышления и бытия (Энгельс) — 295. Бытие определяет сознание (Энгельс) — 295. Содержание человеческого познания (Энгельс) — 296. Общественное сознание отражает общественное бытие (Ленин) — 298. Человек, воздействуя на природу, изменяет и свою собственную природу (Маркс) — 299. Созерцательный характер феербаховского материализма (Энгельс и Маркс) — 301. Конкретно-историческое единство субъекта и объекта в общественной практике (Маркс и Энгельс) — 302. Познание — процесс отражения объективного мира в сознании человека (Энгельс, Ленин) — 303. Наши ощущения суть образы внешнего мира (Ленин) — 304. Путь познания (Ленин) — 305. Познание есть движение (Энгельс) — 305. Противоречивость процесса познания (Ленин) — 306. Отождествление Плехановым теории познания марксизма с гносиологией Фейербаха (Плеханов) — 307. Ленинская критика теории, иероглифов Плеханова (Ленин) — 307. Защита ошибок Плеханова представителями механицизма и меньшевистствующего идеализма (Деборин, Сарабьянов) — 310. Понятие «опыт» (Энгельс, Ленин) — 311. Ошибка Плеханова относительно понятия «опыт» (Ленин) — 313. Значение чувственного и умственного моментов в познании (Ленин) — 315. Представление и мышление (Ленин) — 315. Пренебрежение теорией приводит к спиритуизму (Энгельс) — 315. Практика служит доказательством необходимости (Ленин) — 316. Партийность теории (Энгельс) — 316. Буржуазная философия выражает классовые интересы капиталистов (Ленин) — 316. Ограниченность классической политической экономии (Ленин) — 317. Банкротство буржуазной политической экономии (Маркс) — 318.

II. Маркистско-ленинское учение об объективной истине

Объективная истина (Ленин) — 319. Абсолютная и относительная истина (Энгельс) — 323. Что такое истинное познание (Энгельс) — 327. Марксизм признает относительность знаний в смысле исторической условности пределов приближения их к абсолютной истине (Ленин) — 329. Ревизия маркистско-ленинского учения об объективной истине механистами и меньшевистствующими идеалистами (Сарабьянов) — 333. Меншевистствующий идеализм отрывает путь познания от его содержания (Деборин) — 334. Истина конкретна, абстрактной истины нет (Ленин) — 334. Как оппортунисты извращают истину (Ленин) — 335. Стремление искать ответов в простом логическом развитии общей истины есть опощение марксизма (Ленин) — 335. Особенность маркистского метода изучения общественного развития (Ленин) — 336. Отличие диалектики от софистики (Ленин) — 337. Практика есть основа и критерий истинности познания (Маркс, Энгельс) — 337. Возникновение и развитие чистой математики связано с развитием общественного производства и наук (Энгельс) — 338. Единство теории и практики (Ленин) — 339. К. Маркс о значении революционной практической критической деятельности (Маркс) — 340. Практика — единство противоречий (Ленин) — 341. Критика Лениным механистского отрыва

теории познания от практики (*Ленин*) — 342. Классовые корни отрыва теории от практики (*Маркс*) — 345. Разделение материального и духовного труда (*Маркс*) — 346. Как учиться коммунизму — 346. Необходимо соединение познания и практики (*Ленин*) — 347. Значение научных абстракций в познании (*Ленин*) — 347. Сила научной абстракции (*Маркс*) — 347. Применение научных абстракций (*Маркс*) — 348. Абстракция всеобщего человеческого труда (*Маркс*) — 349. Метод исследования и метод изложения (*Маркс*) — 349.

III. Историческое и логическое

Материалистическая логика совпадает с теорией познания (*Ленин*) — 354. Как изучать диалектику (*Ленин*) — 354. Исторический характер диалектической логики (*Энгельс*) — 355. Противопоставление диалектики и теории познания у меньшевистствующих идеалистов (*Деборин*) — 356. Диалектика, логика и теория познания у меньшевистствующих идеалистов (*Карев*) — 356. Учение о понятии (*Ленин, Энгельс*) — 356. Марксизм требует объективного применения диалектики (*Ленин*) — 357. Понятия должны быть гибки (*Ленин*) — 358. Необходимо изучить историю мышления (*Ленин*) — 358. Гегель только угадал диалектику материального мира в диалектике понятий (*Ленин*) — 358. Индукция и дедукция (*Энгельс*) — 359. Анализ истории мысли и истории организма (*Энгельс*) — 359. Индукция должна совпадать с дедукцией (*Энгельс*) — 359. Теория развития доказывает непригодность индукции, оторванной от дедукции (*Энгельс*) — 360. Диалектическая мысль свойственна только человеку (*Энгельс*) — 361. Субординация форм движения мышления (*Энгельс*) — 361. Согласие законов мышления и законов природы (*Энгельс*) — 362.

IV. Формальная логика и диалектика

Закон абстрактного тождества (*Энгельс*) — 364. Неприменимость абстрактного тождества (*Энгельс*) — 364. Противоположность формальной логики и логики диалектической (*Ленин*) — 365. Плеханов придает формальной логике самостоятельное значение (*Плеханов*) — 366. Диалектика и эклектицизм (*Ленин*) — 367.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — 369—444

I. Возникновение и развитие современного естествознания

Предмет естествознания и основы классификации естественных наук (*Энгельс*) — 371. Диалектика естествознания (*Энгельс*) — 372. Классификация наук (*Энгельс*) — 373. Метафизический период и успехи развития естествознания конца XVIII и начала XIX в. (*Энгельс*) — 373. Проникновение идеи развития в естествознание (*Энгельс*) — 379. Отношение механического движения и теплоты (*Энгельс*) — 381. Возникновение и развитие наук обусловлено производством (*Энгельс*) — 383. Развитие теоретического естествознания и материалистическая диалектика (*Энгельс*) — 384. Значение трех великих открытий для проникновения диалектики в естествознание (*Энгельс*) — 385. Критика Энгельсом Дарвина (*Энгельс*) — 387. Значение работ Дарвина для марксизма (*Маркс*) — 388. Философия и естествознание (*Энгельс*) — 388.

II. Развитие и кризис естествознания в эпоху империализма

Ленин о причинах кризиса в естествознании и путях его преодоления (*Ленин*) — 389. Факты естествознания подтверждают диалектический материализм (*Ленин*) — 393. Причины, порождающие «физический» идеализм (*Ленин*) — 394. Ленинская критика идеализма и реакционности буржуазных естествоиспытателей (*Ленин*) — 396. Партийность науки (*Ленин*) — 401. Развитие физики подтверждает правильность разделения двух направлений в философии (*Ленин*) — 402. Махизм является разновидностью идеализма (*Ленин*) — 405. Характеристика философской борьбы по поводу выводов из новой физики (*Ленин*) — 407. Махизм связан с реакционным меньшинством физиков (*Ленин*) — 410. Современная физика стихийно идет к диалектическому материализму (*Ленин*) — 411.

III. Значение диалектического материализма для естествознания

Необходимость материалистической диалектики для естествознания (*Энгельс*) — 411. Факты естествознания вытесняют формальную логику (*Энгельс*) — 415. Изучение истории мышления необходимо для естествоиспытателя.

телей (*Энгельс*) — 415. Без философского обоснования естествознание не может выдержать борьбу с буржуазной идеологией (*Ленин*) — 416. Непонимание материалистической диалектики приводит естествоиспытателей к идеализму (*Ленин*) — 417. Диалектика в математике (*Энгельс*) — 418. Противоречие в математике (*Энгельс*) — 419. Диалектика количества (*Энгельс*) — 419. Асимптоты (*Энгельс*) — 421. Притяжение и отталкивание (*Энгельс*) — 421. Единство и многообразие (*Энгельс*) — 421. Прямое и кривое (*Энгельс*) — 421. Взаимопроникновение арифметических действий (*Энгельс*) — 422. Отрицательные и положительные величины (*Энгельс*) — 423. Математическое изображение процессов (*Энгельс*) — 423. Разложение бинома на бесконечный ряд (*Энгельс*) — 423. Развитие тригонометрии (*Энгельс*) — 423. Пример закона падения подтверждает изменчивость отношений в природе (*Энгельс*) — 424. Связь категорий обосновывается переменной форм материи (*Энгельс*) — 424. Неразрывность притяжения и отталкивания (*Энгельс*) — 424. Взаимопроникновение притяжения и отталкивания (*Энгельс*) — 426. Достижения естествознания подтверждают диалектический материализм (*Энгельс*) — 426. Ограничение законов классической механики (*Ленин*) — 426. Отрыв движения от материи приводит к спиритуализму (*Ленин*) — 427. Современное естествознание и «Анти-Дюринг» Энгельса (*Ленин*) — 427.

IV. Развитие естествознания и техники в СССР

Классовая борьба в области естествознания и техники (*Сталин*) — 428. Значение естествознания и техники для социалистического строительства (*Ленин*) — 432. Для построения коммунизма необходимо подвести базу современной техники в промышленности и земледелии (*Ленин*) — 434. Задачи внедрения механизации (*Из резолюции XVII партконференции*) — 434. О подготовке технических кадров (*Из резолюции XVII партконференции*) — 435. Основная хозяйственная задача второй пятилетки (*Из резолюции XVII партконференции*) — 436. Необходимо овладеть техникой (*Сталин*) — 437. Необходимость борьбы на два фронта в естествознании и технике (*Из резолюции президиума Комкадемпи*) — 438. Об упрощенчестве и упрощенцах (*Стецкий*) — 444.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ И БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ 445—550

I. Ленинизм и его исторические корни

Исторические корни ленинизма (*Сталин*) — 447. Ленинизм — марксизм эпохи империализма и пролетарских революций (*Сталин*) — 448. Международное значение ленинизма (*Сталин*) — 451. Ленинизм — восприимчивый марксизм (*Ленин*) — 452. В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалялся большевизм (*Ленин*) — 455.

II. Роль Ленина в разработке теории общественного развития

Марксизм вырос из революционного опыта и революционной мысли всех стран (*Ленин*) — 460. Марксизм обогащается новым опытом классовой борьбы пролетариата (*Сталин*) — 460. Задача науки дать истинный толчок борьбе (*Ленин*) — 460. Конкретизация и развитие Лениным учения Маркса (*Сталин*) — 461.

III. Учение Ленина о партии и партийности философии

Партия есть передовой отряд и политический вожь рабочего класса (*Сталин*) — 464. Партия — организованный отряд рабочего класса (*Сталин*) — 465. Партия как высшая форма классовой организации пролетариата (*Сталин*) — 466. Роль партии в системе диктатуры пролетариата (*Из решений X съезда РКП(б)*) — 467. Центральный комитет ВКП(б) — политический и теоретический штаб партии (*Сталин*) — 467. Партийность философии (*Ленин*) — 468.

IV. Развитие и конкретизация материалистической диалектики Лениным

Метод Ленина является дальнейшим развитием метода Маркса (*Сталин*) — 470. Ленин о сути диалектики (*Ленин*) — 471. Элементы материалистической диалектики (*Ленин*) — 473. План диалектики (логики) Гегеля (*Ленин*) — 475. Учение ленинизма об основном звене (*Сталин*) — 477.

V. Борьба Ленина за чистоту марксистской философии

Борьба Ленина с философским ревизионизмом (*Ленин*) — 479. Борьба Ленина с субъективизмом народников и объективизмом Струве (*Ленин*) — 483. Ленинская критика отступлений Плеханова от диалектического материализма (*Плеханов, Ленин*) — 487. Ленин о заслугах и об ошибках Плеханова в философии (*Ленин*) — 491. Ленинская критика тактического оппортунизма Плеханова (*Ленин*) — 491. Философские произведения Ленина (*Адоратский*) — 493.

VI. Борьба на два фронта в философии

Борьба на два фронта — закон развития нашей партии (*Сталин*) — 502. Социальная база уклонов от генеральной линии партии. Правый уклон — главная опасность на данном этапе (*Сталин*) — 507. Механистическая ревизия диалектического материализма (*Степанов*) — 509. Отрицание философского понимания материи механистами (*Степанов*) — 510. Энгельс и Ленин о философском понятии материи (*Ленин, Энгельс*) — 511. Механистическая трактовка движения (*Степанов*) — 512. Трактовка движения у Энгельса (*Энгельс*) — 513. Механистическая теория «сведения» (*Степанов, Сарабьянов*) — 514. Критика теории «сведения» Энгельсом (*Энгельс*) — 515. Механисты подменяют материалистическую диалектику теорией равновесия (*Бухарин*) — 516. Ленин и Сталин об извращении Бухарина в вопросах философии (*Сталин*) — 516. Замечания Ленина на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» (*Ленин*) — 517. Отрицание механистами ленинского этапа в развитии марксистской философии (*Бухарин, Сарабьянов*) — 523. Механизм — философская основа правого уклона (*Сталин*) — 523. Противоположность методологических основ большевизма и меньшевизма (*Сталин*) — 526. Абстрактно-идеалистическое понимание философии меньшевистствующими идеалистами (*Деборин*) — 527. Реставрирование и канонизирование Гегеля у меньшевистствующих идеалистов (*Гонимман, Деборин*) — 527. Ленин об отношении марксизма к идеалистической диалектике Гегеля (*Ленин*) — 529. Отрицание меньшевистствующими идеалистами ленинского этапа в развитии философии (*Деборин*) — 530. Совпадение оценок Ленина у меньшевистствующих идеалистов и троцкистов (*Троцкий, Преображенский*) — 531. Меньшевистствующий идеализм и троцкизм (*Сталин*) — 534. Итоги дискуссии на философском участке теоретического фронта (*Из резолюции собрания ячейки ИКП философии и естествознания*) — 538.

VII. Задачи теоретической работы в области философии

О значении воинствующего материализма (*Ленин*) — 544. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года — 554.

Предметный указатель

551

Редактор *О. Пичугин*Техн. редактор *Н. Фомина*.

Сдано в производство 28/IX—32. Подписано к печати 26/VI—33 г.

Уполн. Главлита В—43136. Тираж 50 000 экз.

Партиздат № 2079. Индекс П-20/П.

Формат 62×94/16, 35 1/4 п. л. (128 928 печ. зн. в 1 б. листе).

175/16 б. листов. Заказ № 3436

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б)
 Партиздата, Москва, Краснопролетарская, 16.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) ПАРТИЗДАТ

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. — Немецкая идеология. С приложением статьи Ф. Энгельса — „Истинные социалисты“. ИМЭЛ. 619 стр., ц. 4 р. 50 к., пер. 1 руб.

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. — Манифест коммунистической партии. ИМЭЛ. 52 стр., ц. 40 коп.

АРХИВ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА. Под ред. В. Адоратского, т. I (VI). ИМЭЛ. 453 стр., ц. 5 р. 25 к., пер. 2 руб.

АРХИВ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА. Т. II (VII). Под ред. В. Адоратского. ИМЭЛ. 368 стр., ц. 4 р. 50 к., пер. 1 руб.

КАРЛ МАРКС — Избранные произведения в 2 томах. Т. I. К 50-летию смерти К. Маркса. ИМЭЛ. 380 стр., ц. 3 р. 50 к., пер. 1 руб.

КАРЛ МАРКС — Избранные произведения в 2 томах. Т. II. К 50-летию смерти К. Маркса. ИМЭЛ. 556 стр., ц. 4 р. 50 к., пер. 1 руб.

МАРКС К. — К критике политической экономии. ИМЭЛ. 256 стр., ц. 1 р. 50 к., пер. 75 коп.

МАРКС К. — Гражданская война во Франции. (1871 г.) С введением Ф. Энгельса. ИМЭЛ. 94 стр., ц. 75 коп., пер. 50 коп.

ЭНГЕЛЬС Ф. — Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. ИМЭЛ. 62 стр., ц. 50 коп.

ЭНГЕЛЬС О МАРКСЕ и МАРКСИЗМЕ. ИМЭЛ. 96 стр., ц. 75 коп.
Жизнь и деятельность Маркса. Диалектический материализм — философия марксизма. Об экономическом учении Маркса. Учение Маркса о пролетарской революции и о коммунизме.

ЛЕНИН В. — Марксизм о государстве. Материалы по подготовке брошюры „Государство и революция“. Январь — февраль 1917 г. Изд. 3-е, исправл. ИМЭЛ. 104 стр., ц. 60 коп., пер. 35 коп.

СТАЛИН И. — Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, дополн. 618 стр., ц. 4 руб., пер. 1 руб. (допечатка).

Заказы направлять в магазины и отделения Партиздата и Книготоргового объединения Огиза.

